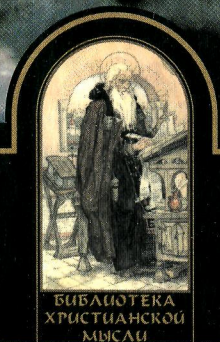

ЛАКТАНЦИИ

БОЖЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

КНИГИ I-VII

БИБЛИОТЕКА
ХРИСТИАНСКОЙ
МЫСЛИ

Целий Луций Фирмиан Лактанций (ок. 250 — ок. 325 гг.) — один из самых значимых писателей раннего христианства, чье творчество оказало заметное влияние на всю последующую святоотеческую мысль и интеллектуальную атмосферу раннего Средневековья, а в дальнейшем нашло отклик даже в творчестве средневековых богословов, почитавших Лактанция как «христианского Цицерона». В настоящем издании вниманию читателей предлагается перевод на русский язык «Божественных установлений», главного сочинения Лактанция, в котором автор, с одной стороны, полемизирует с приверженцами язычества и дает систематическую критику различных школ античной философии, а с другой — утверждает незыблемые основы христианского вероучения, основанные не на шатком человеческом разуме, а на божественном Откровении. Этот труд Лактанция, современника Константина Великого, стал первой попыткой изложить на латинском языке основные положения христианского вероучения. Для всех интересующихся историей древней Церкви и становлением христианской догматики.

LACTANTIUS

DIVINAE INSTITUTIONES

Libri septem

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ОЛЕГА АБЫШКО

ИСТОЧНИКИ

*Пісцей воодьмен...
Верою разумеваем...*

Евр. 11, 3

Серия основана в 2002 г.

ЛАКТАНЦИЙ

БОЖЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

Книги I–VII

Перевод с латинского, вступительная статья,
комментарии и указатель *В. М. Тюленева*

Научное издание

издательство
олега бышко

Санкт-Петербург
2007

УДК 27-22
ББК 86.37
Л19

Лактанций

Л19 Божественные установления. Книги I–VII / Пер. с лат., вступ. ст., коммент. и указатель В. М. Тюленева. — СПб.: «Издательство Олега Абышко», 2007. — 512 с. — (Серия «Библиотека христианской мысли. Источники»).

ISBN 5-89740-155-1

Целий Луций Фирмиан Лактанций (ок. 250 — ок. 325 гг.) — один из самых значимых писателей раннего христианства, чье творчество оказало заметное влияние на всю последующую святоотеческую мысль и интеллектуальную атмосферу раннего Средневековья, а в дальнейшем нашло отклик даже в творчестве средневековых богословов, почитавших Лактанция как «христианского Цицерона». В настоящем издании вниманию читателей предлагается перевод на русский язык «Божественных установлений», главного сочинения Лактанция, в котором автор, с одной стороны, полемизирует с приверженцами язычества и дает систематическую критику различных школ античной философии, а с другой — утверждает незыблемые основы христианского вероучения, основанные не на шатком человеческом разуме, а на божественном Откровении. Этот труд Лактанция, современника Константина Великого, стал первой попыткой изложить на латинском языке основные положения христианского вероучения.

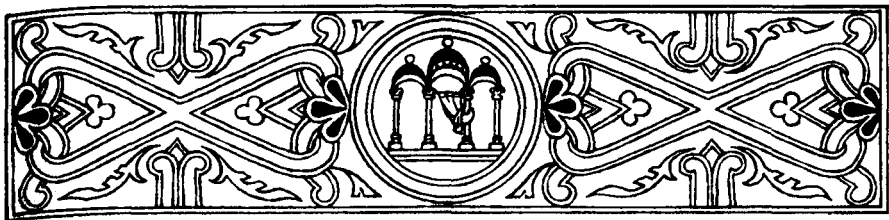
Предлагаемый перевод сочинения Лактанция сопровождается вступительной статьей, а также снабжен необходимыми комментариями и указателем.

Для всех интересующихся историей древней Церкви и становлением христианской догматики.

ISBN 5-89740-155-1

© «Издательство Олега Абышко» (СПб.),
подготовка текста к изданию,
художественное оформление, 2007
© В. М. Тюленев, перевод на русский язык,
вступительная статья, комментарии, указатель, 2007

ЛАКТАНЦИЙ И ЕГО «БОЖЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ»*

Луций Целий Фирмиан Лактанций¹ (ок. 250 — ок. 325 гг.) — один из самых интересных и «светлых» авторов раннего христианства. Его творчество, пришедшееся на сложный период истории христианства, связанный с Великим гонением и «торжеством Константина», подводит определенный итог христианской латинской апологетике и готовит новый этап развития западной христианской мысли, связанный с именем блаж. Августина. Несмотря на явное снижение остроты полемики с противниками христианской религии после прихода к власти Константина Великого, апологетические труды Лактанция не переставали читать не только его современники, но и потомки, находя в них ответы на злободневные вопросы. Идеи, высказанные им в полемических сочинениях, неоднократно воспроизводились авторами раннего Средневековья, особенно Сальвианом Массилийским и Исидором Севильским. Творчество Лактанция стало достоянием не только христианской культуры IV–VII вв., но и, пережив Средне-

* Перевод «Божественных установлений» сочинений Лактанция, написание статьи и комментарии осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям и Совета по грантам Президента Российской Федерации, грант № МД-5903.2006.6, а также при финансовой поддержке РГНФ в рамках исследовательского проекта РГНФ («Христианский латинский апологет IV века Лактанций»), проект № 06-03-00027а.

¹ В некоторых рукописях встречается написание второй части имени Лактанция (собственно попен) как *Saecilius* (Цецилий). Однако ныне такое написание признается ошибочным. Третья и четвертая части имени (*cognomen*) — Фирмиан и/или Лактанций — являются равнозначными прозвищами, которые далеко не всегда употреблялись в рукописях одновременно. См.: *Albrecht M., von. A History of Roman Literature from Livius Andronicus to Boetius. Leiden; NY; Köln, 1997. P. 1594.*

вековье, оказалось подлинной находкой и важным открытием для гуманистов итальянского Ренессанса. Прекрасный латинский язык и изысканный стиль Лактанция превратили его в глазах итальянских гуманистов в «христианского Цицерона». ¹ В 1416 г. Поджо Браччолини и Франческо Барбаро, независимо друг от друга, обнаружили трактат Лактанция «О творении Божиим», своим содержанием более чем отвечавший задачам апологии человека в XV в., а также сочинение «О гневе Божиим». ² В 1425/1426 гг. гуманистами был открыт наиболее полный и древний кодекс сочинений Лактанция VI–VII вв., включавший четыре произведения — «О творении Божиим», «О гневе Божиим», «Божественные установления» и «Извлечения из Божественных установлений». Благодаря находкам гуманистов и антикваров, в Италии, а затем и в заальпийской Европе появились первые печатные издания трудов Лактанция. Так, в XV в. сочинения этого раннехристианского автора вышли в 13 изданиях, в XVI в. — не менее чем в 36. ³ В том же XVI столетии сочинения Лактанция стали переводиться на национальные языки, в том числе и на русский, ⁴ став достоянием не только католической, но и православной культуры.

Как и о большинстве писателей раннего христианства, о Лактанции и его жизни известно немного. Он родился в языческой семье в сер. III в. (предположительно ок. 250 г.), вероятнее всего — в Северной Африке, ⁵

¹ Это прозвище Лактанцию дал Франческо Петрарка, см.: *Pichon R. Lactance. Étude sur le mouvement philosophique et religieux sous le règne de Constantin*. Paris, 1901. P. 451–452.

² О месте христианской апологетики в гуманистическом движении, в частности, см.: *Черняк И. Х. Ранняя христианская апологетика и трактат Фичино «О христианской религии» // Личность — идея — текст в культуре Средневековья и Возрождения*. Иваново, 2001. С. 147–155.

³ *Pichon R. Op. cit.* P. 16–18.

⁴ Об этом особо см.: *Ромодановская В. А. Сочинения Лактанция в переводе русских книжников рубежа XV–XVI вв. // Труды Отдела древнерусской литературы*. Вып. LIV. СПб., 2003. С. 407–434.

⁵ О жизни Лактанция см.: *Campehausen H., von. Lateinische Kirchenväter*. Stuttgart, 1973. S. 57–76; *Lactance et son temps* / Eds. J. Fontaine, M. Perin. Paris, 1978; *Pichon R. Op. cit.*; *Brandt S. Über das Leben des Lactantius*. Wien, 1887; *Wlosok A. Laktanz // Gestalten der Kirchengeschichte*. Stuttgart,

где он получил риторическое образование, обучаясь в Сикке у Арнобия, когда будущий автор «Семи книг против язычников» еще не исповедовал христианство. Судя по всему, жизненные пути Лактанция и Арнобия после этого более не пересекались.

Приблизительно в 290 г., возможно даже по рекомендации своего учителя Арнобия, Лактанций был приглашен в Никомидию. В этой малоазийской резиденции Диоклетиана, в городе, где преобладало грекоязычное население, при дворе необходим был преподаватель латинской риторики. Выбор пал на Лактанция. Считается, что здесь он и стал ревнителем христианской религии.¹ Существуют различные точки зрения относительно причин, побудивших Лактанция принять христианство: противоречия в самой языческой философии,² высоконравственность учения христиан и стойкость мучеников,³ так или иначе, но придворный ритор обратился в новую веру, и это произошло еще до начала гонений Диоклетиана на христиан.⁴

В феврале 303 г. в Никомидии был обнародован императорский указ, направленный на ограничение прав христиан при дворе и в армии, положивший начало Великому, как назовут его впоследствии, гонению. Лактанций оказался свидетелем разрушения Никомидийского храма (*Lact. Div. inst. V.2.2*) и мученичеств христиан в Вифинии (*Ibid. V.11.15*). Ряд исследователей предполагает, что как минимум еще два года после начала гонений апологет оставался в Никомидии, после чего

1984. S. 176–188; Садов А. И. Древнехристианский церковный писатель Лактанций. СПб., 1895.

¹ Ebert A. Über den Verfasser des Buch «De mortibus persecutorum». Leipzig, 1870. S. 73.

² Садов А. И. Указ. соч. С. 20.

³ Brandt S. Op. cit. S. 26.

⁴ О принятии Лактанцием христианства после его приезда в Никомидию см. вступительную статью М. Пиррена к: *Lactance. L'ouvrage du Dieu créateur*/Ed. M. Perrin. Paris, 1974. P. 13–14; Wlosok A. Lactanz und die philosophische Gnosis. Heidelberg, 1960. S. 191, n. 28. Точки зрения о крещении Лактанция еще в Африке придерживаются: Monceaux P. Histoire littéraire de l'Afrique chrétienne. Vol. 3. Paris, 1920. P. 292; Stevenson J. The Life and Literary Activity of Lactantius // *Studia Patristica I. Texte und Untersuchungen*. Bd. 63. Berlin, 1957. S. 666.

удалился в Галлию.¹ В Трире, служившем в то время резиденцией Констанция Хлора, а затем, с 306 г., резиденцией его сына Константина, Лактанций продолжил свою преподавательскую деятельность, он вновь при дворе в должности ритора. На этот раз его ученик — старший сын Константина Крисп, рожденный Минервиной.

В последние годы предпринимались активные попытки реконструировать дальнейший жизненный путь Лактанция, основываясь на содержании его сочинения «О смерти гонителей». На основе особой осведомленности Лактанция о событиях 311–313 гг. в Малой Азии в науке возникло предположение, что этот христианский автор был очевидцем описываемых им событий и пребывал, следовательно, в это время в Вифинии.²

Также неизвестно точно, стал ли Лактанций свидетелем несчастной участи своего воспитанника Криспа в 326 г.³ Будучи скромным преподавателем латинской риторики, Лактанций умер как простой человек, и история не сохранила точной даты его кончины. Традиционно считается, что он скончался ок. 325 г.

¹ По мнению Р. Пишона, трудно судить о событиях личной жизни Лактанция после 305 г. и до окончания гонений, но, вероятнее всего, уже в 310 г. он был в Галлии. См.: *Pichon R.* Op. cit. P. 359. Кроме мнения о том, что Лактанций в разгар гонений уехал в Галлию, существует гипотеза о пребывании его некоторое время в Африке: *Barnes T. D.* Constantine and Eusebius. Harvard, 1981. P. 291, n. 96; *Decker D., de.* La politique religieuse de Maxence // *Byzantion*. Т. 38. 1968. P. 500–501.

² *Harnack A.* Geschichte der altchristlichen Literatur bis Eusebius. Leipzig, 1958. S. 423. Было замечено, в частности, что описание военных кампаний, с одной стороны, Максенция и Константина (*Lact. De mort.* 44) и, с другой стороны, Максимиана и Лициния (*Ibid.* 45–47) очень отличаются друг от друга по объему приводимой в них информации, из чего был сделан вывод о большей осведомленности Лактанция о второй войне, по причине его пребывания вблизи от места происходивших событий, см.: *Creed J. L.* Introduction // *Lactantius. De mortibus persecutorum* / Ed. J. L. Creed. Oxford, 1984. P. XXVII.

³ А. И. Садов склонен считать, что Лактанций пережил гибель своего ученика и что именно его участь заставила апологета удалиться от дел: *Садов А. И.* Указ. соч. С. 64.

Из-под пера Лактанция вышли сочинения самого разного толка. К сожалению, приходится констатировать, что большинство написанных им произведений до нас не дошли, и мы вынуждены судить об этом авторе лишь по осколкам его литературной деятельности, что, безусловно, искажает его интеллектуальный портрет. О том, насколько плодovit был Лактанций как писатель, нам сообщает блаж. Иероним в сочинении «О знаменитых людях». По его словам, творческое наследие Лактанция составили такие произведения, как *De Medicinalibus*, написанное в стихах; *Symposium*; *Hodoeporicum Africa usque Nicomediam*; *Grammaticus*; *De ira Dei*;¹ *Divinae institutiones* в семи книгах; *Epitome Divinarum institutionum*; сочинение в одной книге *Akejalon*; *Ad Asclepiadem*, сочинение в двух книгах; *De persecutione*; *Ad Probum epistularum*, собранные в четырех книгах; *Ad Severum epistularum*; *Ad Demetrianum* — тоже письма, как и предыдущее собрание, представленное двумя книгами; наконец, обращенное к тому же Деметриану сочинение в одной книге *De opificio Dei*² (*Hieron. De vir. ill. 80*). Современная наука располагает лишь пятью сочинениями Лактанция из названных Иеронимом — это «О творении Божиим», «О гневе Божиим», «Божественные установления», «О смерти гонителей» и «Извлечение из Божественных установлений». Также Лактанцию приписывается ряд произведений, не названных блаж. Иеронимом. Одним из самых известных является стихотворная поэма «Феникс», или «О птице Фениксе» (*De ave Phoenix*).³

¹ Вопрос о времени появления этого сочинения вызывает много споров, исследователи сходятся лишь в том, что «О гневе Божиим» появился до 313 г.: *Altaner B. Patrologie. Leben, Schriften und Lehre der Kirchenväter. Freiburg, 1938. S. 111*. А. Гарнак же считает, что трактат появился к концу 305 г.: *Harnack A. Op. cit. S. 424*.

² Написание трактата относят к 303/304 г., это наиболее раннее из сохранившихся сочинений Лактанция: *Altaner B. Op. cit. S. 111*; *Harnack A. Op. cit. S. 424*.

³ О поэме Лактанция см.: *Walla M. Der Vogel Phoenix in der antiken Literatur und der Dichtung des Laktanz. Wien, 1965*; *Wlosok A. Wie der Phoenix singt // Musik und Dichtung. Frankfurt, 1990. S. 209–222*. Поэма «Феникс» оказалась достаточно популярной в раннесредневековой Европе. Даже появи-

Главный литературный труд Лактанция — «Божественные установления» (*Divinae institutiones*), апологетическое сочинение в семи книгах. Работа над этим произведением заняла без малого десять лет.¹ Означимости данного трактата для самого автора говорит уже тот факт, что несколько лет спустя Лактанций сам написал «Извлечение» (*Eritome*) из «Божественных установлений».

В «Божественных установлениях» Лактанций ставил перед собой самые широкие задачи. Как апологет, он стремился не только низвергнуть основы языческой религии, но и объяснить смысл и доказать истинность христианской религии. Он старался не просто вскрыть заблуждения греческих и римских философов, но и объяснить причину этих заблуждений. Доказывая несостоятельность язычества как религиозной системы и языческой философии как системы мировоззрения и этики, он хотел утвердить в сознании образованных язычников христианский взгляд на мир и человека, а также предложить им систему нравственных принципов своей религии.

Полемика с языческой религией. Свою апологию христианства Лактанций начинает с опровержения языческой религии. В этом направлении как греческими, так и латинскими христианскими апологетами уже был накоплен значительный опыт; к тому же защитникам христианства можно было обратиться и к критике образованными язычниками официальных религий. Сочинение Цицерона «О природе богов», сатиры Лукиана давали богатую пищу апологетам. Однако в своей критике язычества предшественники Лактанция не ограничивались аргументами, рожденными в среде образованных греков и римлян. Уже Иустин Философ (Мученик) ставит вопрос об исторических корнях язычества, но решает его не в духе известного его оппонентам евгемеризма. Для Иустина языческие заблуждения являются результатом происков демонов, которые, зная пророчества о Христе, создали ее переводы на национальные (в частности, на древнеанглийский) языки. См., напр.: *Иванова Е. В.* Нарратологические особенности переложения поэмы Лактанция «Феникс» на древнеанглийском языке // Раннесредневековый текст: проблемы интерпретации. Иваново, 2002. С. 203–218.

¹ Трактат написан в период с 304 по 313 г.: *Teuffel W. S.* Geschichte der römischen Literatur. Leipzig, 1913. Bd. III. S. 200.

пародию на христианство. Так, зная, что Христос — Сын Божий, что Он привяжет к виноградной лозе осленка, они внушили людям, что речь идет о Дионисе, который рожден богом Зевсом, к тому же Дионис изобрел виноград, а осла приносят ему в жертву (*Jus.* 1Ap. 54). Узнав о том, что Христос будет исцелять больных и воскрешать мертвых, демоны стали говорить об Эскулапе (*Ibid.*).¹ Греческий апологет конца II в. Феофил Антиохийский, проанализировав сочинения Гесиода и Гомера, также говорит, что сказания о богах сочинили поэты и философы под влиянием демонов (*Theoph. Ad Aut.* II.5–8).

Латинская апологетика, столь же усердно искавшая ответ о природе язычества, не отказываясь, в сущности, от демонологии, ориентировалась главным образом на традицию, идущую от Евгемера. Так, Тертуллиан, внимательно изучив Варрона и римскую историю, пишет: «Что касается ваших богов, то я вижу лишь имена неких древних мертвецов, слышу сказки и узнаю из них о священнодействиях» (*Tertull. Apol.* 12.1).² Минуций Феликс, также основываясь на данных античных историков, пишет, что древние люди стремились сохранить память о своих умерших предках в статуях, которые впоследствии стали считаться священными (*Minut. Octav.* 20–21). При этом Минуций прямо ссылается на Евгемера.³ Эти же и новые идеи относительно природы язычества мы находим и у Лактанция.

Уже в первой книге «Божественных установлений» Лактанций стремится доказать своему читателю несостоятельность язычества как религиозной системы. Он пытается объяснить читателю, что, во-первых, боги, в которых верят язычники, не являются богами, а вера в них по-

¹ См. об этом: *Drouge A. J. Homer or Moses? Early Christian Interpretation of the History of Culture.* Tübingen, 1989. P. 54–59.

² Об отношении Тертуллиана к античной языческой культуре вообще и мифологии в частности см.: *Братухин А. Ю. Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан — христианин в мире язычников // Тертуллиан. Апологетик.* К Скапуле. СПб., 2005. С. 5–110.

³ Отношение христианских апологетов к языческой религии подробно рассмотрено у В. В. Бычкова. См.: *Бычков В. В. Эстетика поздней Античности (II–III века).* М., 1981. Эта книга вошла в более позднее издание: *Бычков В. В. Эстетика Отцов Церкви.* М., 1995.

явилась сравнительно поздно; во-вторых, эти боги недостойны религиозного почитания, а вера в них, противоречащая природе человека, не способна сделать людей лучше (в отличие от христианской). Для опровержения языческой религии и доказательства своей позиции Лактанций использует самые разные подходы — от апелляции к здравому смыслу и логики до обращения к античным «атеистическим» концепциям и христианской демонологии.

Свои рассуждения относительно природы языческих богов Лактанций, в традиции латинской апологетики, строит во многом на положениях Евгемера, прочитывая мифы как историю древних людей. Со ссылкой на латинский перевод «Священной истории» Евгемера, выполненный Эннием, он называет Сатурна италийским правителем и в духе римских поэтов и писателей связывает со временем его царствования «золотой век». Демифологизируя языческих богов, причисляя их к человеческому роду, Лактанций показывает, что люди еще в древности обоготворили своих царей и героев за их благодеяния и улучшение жизни: «...они были великими и могущественнейшими царями; в благодарность за их добродетели или благодеяния, или за изобретения ими искусств, и поскольку они были дороги тем, над кем они правили, в память [об этом] они были причислены к богам» (I.8.8).¹ Также в духе Евгемера Лактанций признает изобретение медицины за Эскулапом, кузнечного ремесла — за Вулканом, всех прочих ремесел — за Минервой: «...безусловно, есть Минерва, которая изобрела все, потому-то мастера ей и поклоняются. И вот благодаря тем низким людям Минерва и поднялась на небо» (I.18.23).

Этому обожествлению царей и героев способствовали и поэты. Многие мифы являются плодом поэтического вымысла. Прометей вовсе не создавал людей, но он первым начал лепить из глины статуи, изображавшие людей (II.10.12). Юпитер не превращался в золотой дождь, а просто обесчестил Даная, расплатившись золотыми монетами, поэты же придали этой грязной истории красоту. При этом «золотой дождь» такая же метафора, как и «железный дождь», который изображают

¹ Здесь и далее в скобках сноски даются на книгу, главу и отрывок «Божественных установлений».

летающими дротиками и стрелами (I.11.18). Также и при похищении Ганимеда Юпитер не превращался в орла, это такой же поэтический вымысел: «Он либо захватил его с помощью легиона, чьим символом является орел, либо имел выполненный в виде орла оплот корабля, на который он посадил того Ганимеда, подобно тому как [имел оплот в виде] быка, когда он захватил и переправил [через море] Европу» (I.11.19).

Подобное реально-историческое истолкование мифов, принижение богов до людей помогало решить одну из важнейших полемических задач, традиционную для христианской апологетики, а именно доказать историческое превосходство монотеизма (равно христианства) над политеизмом. Вопрос о том, является ли христианство новой религией или оно освящено древностью еще большей, чем государственные религии, был одним из главных вопросов, поднимаемых христианской апологетикой. Обращение к этой проблеме было, с одной стороны, ответом на обвинения христиан такими языческими писателями, как Цельс и Порфирий, и, с другой, апелляцией к греко-римской системе ценностей, для которой прошлое было лучшим временем, в то время как настоящее — временем упадка.

Рассуждая далее о Сатурне и его судьбе, Лактанций показывает, что вера в богов появилась относительно поздно. Сам век Сатурна для него — время всеобщего, абсолютного единобожия: «В самом деле, когда царствовал Сатурн, когда еще не были установлены культы богов, когда еще ни один народ не обращался к фантазиям о богах, Бог, как бы то ни было, почитался» (V.5.3). Многобожие появилось во времена Юпитера, который, свергнув своего отца, установил собственный культ и культ богов (V.5.9), а также заставил других царей воздвигать в его честь храмы (I.22.21–22).

В другом месте «Божественных установлений» Лактанций, обращаясь к ближневосточной интеллектуальной традиции, несколько иначе объясняет обстоятельства возникновения веры во множество богов. Он говорит о появлении политеизма во времена после Великого потопа и называет потомков Хама первыми, кто принял многобожие (II.13.7). Первый шаг к многобожию был сделан, когда род человеческий оказался настолько велик, что не смог прокормиться на прежде обитаемой земле и начал свое расселение, теряя связь с корнями «ис-

тинного благочестия» (II.13.8–10). Отход от истинной религии знаменовался возникновением почитания природных стихий. Люди, не имея крыши над головой, всматривались в небо, которое вызывало у них удивление. Поэтому-то они стали почитать звезды, светила и стихии. Первыми отошли от истинного благочестия египтяне. Они же вскоре начали обожествлять животных (II.13.11). Обе версии появления языческих верований, сколь бы отличны друг от друга они не были, доказывают тем не менее одно — временной приоритет единобожия.

Однако доказательством древности монотеизма полемика с язычниками у Лактанция не заканчивается. Латинский апологет старается показать, что люди, считающиеся у язычников богами, принесли немало бед, а потому недостойны почитания. Лактанций анализирует историю языческих богов, не только показывая, что Геркулес, Эскулап, Аполлон, Марс и другие были людьми и рождены от людей, но и убеждая читателя в их скверных нравах. Марс — человекоубийца, Меркурий — вор и мошенник, Кастор и Поллукс — похитители чужих невест, Аполлон — совратитель (I.9.1–10.14).

Лактанций не ограничивается уничижающими характеристиками нравственного облика богов. Совершенно в духе стоической философии Лактанций рассуждает о нравственной стороне гибели «золотого века», показывая, что языческая эпоха связана с упадком нравственности, утратой справедливости, войнами и конфликтами. В результате переворота Юпитера не только исчезла истинная вера, но и место справедливости заняли войны, насилие и грабежи. Люди, забыв, что они являются детьми единого Бога, перестали ценить друг друга, начали ограждать от ближнего свою собственность и защищать ее, появились алчность, жадность, корыстолюбие (V.5–6). История римской государственности превращается в результат и неизбежное следствие религиозного отступления и нравственного падения. Консулат был введен для поддержания несправедливости: «...с тех пор, как они [богатые] поработили остальных, они стали отнимать и собирать самое необходимое для жизни и создали консулов зорко следить [за всем]» (V.6.2). Законы, выдуманные Юпитером, были «несносны и несправедливы»; высокомерие заставило сильных окружить себя «свитой телохранителей, украсить себя оружием и особым одеянием» (V.6.3).

Искусства, подаренные людям богами, лишь способствовали упрочению многобожия. Вместе с искусством ваяния появляются идолы, которым люди начинают поклоняться, забывая о Боге (I.15.4). После же скульпторов «появились также поэты и, слагая для наслаждения поэмы, подняли тех [людей] на небо» (I.15.13). Ораторское искусство также не дало ничего положительного, а лишь покрыло истину «пеленой лжи».

В уничтожении язычества и связанных с ним успехов цивилизации Лактанций не ограничивается использованием античных «атеистических» концепций и достижений стоической философии. Обращаясь к христианским концепциям, он утверждает, что верой людей в своих царей и героев как в богов воспользовались демоны. Они присвоили себе имена тех самых царей и великих людей древности и стали требовать в отношении себя исполнения религиозных обрядов (II.16.3). Все языческое богопочитание является изобретением демонов, они придумали астрологию, магию, некромантию, а также искусство ваяния, это они заставили людей воздвигать умершим царям храмы и сохранять их портреты (II.16.1–3). Демоны до известной степени посвящены в замыслы Бога, поэтому отчасти знают будущее и используют это знание для своей выгоды (II.14.6). Используя это знание, демоны под личиной богов делают предзнаменования грядущих успехов или предостерегают от неудач, тем самым завоевывая уважение со стороны своих почитателей (II.16.19). Таким образом, всякий, кто отворачивается от Бога, неизбежно поклоняется силам зла, над которыми стоит сам враг человечества — диавол, стремящийся отвести людей от спасения и вечной жизни.

Диавол намеренно вводит людей в заблуждение, чтобы лишить всякого человека спасения. Языческая религия, строящаяся на почитании безжизненных статуй, выполненных из земных материалов, отвращает человека от небес, обращая его к земле и почитанию земного (II.1.14). А потому языческие верования, с точки зрения Лактанция, противоречат самой сущности человека. Бог изначально задумал человека для того, чтобы тот поклонялся Ему. Он дал человеку, единственному из всех тварей, прямую фигуру, обращенное к небу лицо, а также разум для того, чтобы человек был в состоянии познать своего истинного Отца и Господа (II.1.15).

Язычество, извращающее природу «божественного животного», как Лактанций именует человека, не только является ложью, но и тщетно и бессмысленно. В то время как религия должна давать человеку путь к лучшему состоянию, в язычестве, как указывает автор «Божественных установлений», нет ничего, что «помогло бы улучшить нравы и устроить жизнь; и нет там стремления к какой-либо истине, но только — исполнение ритуалов, которое основывается на служении не сердца, а тела» (IV.3.1). Стремление к истине необходимо человеку, чтобы открыть ему высшие истины: что есть Бог, для чего Он сотворил мир, поселив в него человека, и каков смысл человеческого бытия. Причина пороков, подчеркивает Лактанций, кроется в незнании самих себя, ибо «если кто познает истину, тот разрушит эту причину, узнав, куда следует направляться и каким образом следует проводить свою жизнь» (I.1.25). А потому одним из важнейших постулатов для Лактанция становится мысль о значении философии. Никакую религию, пишет он, нельзя принять без философии (I.1.25).

Отношение к греко-римской философии. Так же как и в полемике с языческой религией, в вопросе о достоинствах и недостатках языческой философии у Лактанция были предшественники. Отношение греческих апологетов к языческой мудрости, как правило, строилось на так называемой восточной теории происхождения культуры. Христианские апологеты, продолжая идеи иудейских писателей, утверждали, что все науки греки, а через них и римляне, заимствовали с Востока. Особенно настойчив в проведении этой точки зрения был Татиан, который свою «Речь к эллинам» открывает каталогом изобретений и изобретателей, с помощью которого доказывалось, что все культурные достижения греков — не что иное, как изобретения вавилонян, персов, египтян и других «варваров» (*Tat. Or. 1*). Подобное понимание истории культуры превращало греко-римскую философию в нечто вторичное и потому несовершенное относительно восточной мудрости.

Несмотря на страстное желание доказать приоритеты ближневосточной культуры, апологеты довольно высоко ценили достижения эллинской философии, во многом ценя именно заимствованные ими идеи. Начиная с Иустина Философа, греческие апологеты стремились дока-

зять, что греческие языческие мудрецы причастны истине, именно потому что многое заимствовали с Востока. Иустин в «Первой апологии», проведя литературное сопоставление платоновского «Тимея» с Пятикнижием, утверждает, что учение Платона о судьбе, о свободе воли, о добре и зле прямо заимствовано у Моисея:¹ «Все, что философы и поэты говорили о бессмертии души, о наказаниях по смерти, о созерцании небесного и о подобных предметах, узнали они от пророков» (*Ius.* I Ар. 44). Поэтому, заключает Иустин, у всех у них есть «семена истины». Так же, как и Иустин Философ, некоторую долю истины в каждой философской школе видел и Климент Александрийский, писавший, что эллинам «не чужд был некий дух премудрости» (*Clem. Strom.* I.87.1–2).

В то же время апологеты не могли оставить без внимания факт расхождения античной философии с идеями христианства, а потому вполне естественным выглядит вердикт, вынесенный Феофилом Антиохийским всем языческим мудрецам: «То, что по-видимости сказано ими справедливо, смешано с заблуждениями. Как смертоносный яд, смешанный с медом или вином, делает всю смесь вредной и негодной, так и красноречие их оказывается напрасным трудом» (*Theoph. Ad Aut.* II.12). Ему вторит Климент Александрийский: «И все-таки эллинские философы были ворами и разбойниками, потому что, позаимствовав до пришествия Спасителя у еврейских пророков некоторые части истины, они не только не вполне поняли ее, но и преподнесли ее как свое изобретение, местами извратив, местами в неумеренном энтузиазме перепутав вещи местами» (*Clem. Strom.* I.87.2; пер. Е. В. Афонасина).

Главные обвинения, которые высказывали христианские апологеты в адрес греческих и римских философов, сводились к тому, что философия так и не нашла истины; появление множества школ свидетельствует о том, что истина так и осталась для философов тайной, а философия окончательно погрязла в противоречиях. Не удивительно, что безрезультатный поиск истины привел к появлению скептицизма и школы академиков. Именно подход академиков стал для апологетов настоящей находкой, — они, так же как и их языческие предшествен-

¹ Drouge A. J. Op. cit. P. 60.

ники-скептики, сравнивали и сталкивали между собой учения различных философских школ, позиции которых, как правило, не совпадали друг с другом.

Не только греческие апологеты, но и их латинские коллеги выразили свое отношение к языческой философии. Так же как и для греческих апологетов, для латиноязычных защитников христианства в античной философии были свои авторитеты, к чьим взглядам следует иногда прислушиваться и чьи подходы гораздо предпочтительнее идей, рожденных в других философских школах. Этим авторитетом, как и для греческих апологетов, являлся, конечно же, Платон. Тертуллиан, выделяя в языческой философии два противоположных направления, первое, утверждавшее, что есть Создатель и Устроитель мира, связывал как раз с именем Платона. Это направление, которое Тертуллиан называет *humanitas*, он противопоставляет второму — *duritia* (грубость, бездушие), которое связывает с именем Эпикура, утверждавшего, что мир никем не создан, а состоит из особых элементов, соединенных законом природы (*Tertull. Ad nat. II.3*).¹ Платон и его последователи, в отличие от Эпикура и приверженцев его идей, изучали не мир вещей, а искали главное — первопричину. Однако даже «божественный Платон», по мнению апологетов, не нашел истины. Сложность вопросов, стоявших перед античными философами, в том числе и перед Платоном, толкала не только античных мыслителей, но и многих теоретиков христианства к агностицизму, который теперь основывался на признании непостижимости Божиего замысла. Учитель Лактанция Арнобий прямо признавал, что мы «не знаем того, чего нельзя знать, и не стараемся исследовать и искать то, что не может быть постигнуто» (*Arn. Adv. nat. II.56–60*).²

Так же как и в случае с критикой язычества, Лактанций лишь отчасти повторяет идеи своих предшественников. Он далек от подходов греческих апологетов, с одной стороны, обвинявших языческих философов «в воровстве идей», а с другой — одновременно радовавшихся этому интеллектуальному заимствованию с Востока. Никакой идеи интел-

¹ Бычков В. В. Эстетика поздней Античности. С. 86.

² Там же. С. 87.

лектуального заимствования у Востока у Лактанция мы не найдем. Напротив, он удивляется, «как Пифагор, а позже Платон, воспламененные стремлением обнаружить истину, достигли египтян, магов, персов <...> и лишь до иудеев не дошли, в земле которых в то время находилась мудрость и куда они могли без труда дойти» (IV.2.4).

Если «крупницы истины» не заимствованы греческими и римскими философами напрямую у иудеев, то откуда эти философы узнали многое из того, что близко христианскому взгляду? В самом деле, Лактанций высоко ценит вклад в постижение истины и в наставление человека в добродетелях, сделанный античными философами. Он не только называет Цицерона «великим мастером римского слога» (III.13.10), но и указывает, что вслед за Платоном он признавал единого Бога, которого называл Всевышним (I.5.24). В другом месте христианский апологет пишет, что Цицерон, хотя он и не причастен небесных писаний, все же видит божественное происхождение человека, ибо в первой книге «О законах» передает то же, что и пророки: «Цицерон, хотя далек от знания истины, все же, поскольку обладал признаком мудрости, знал, что человек мог быть рожден только Богом» (II.11.15–17). В трактате «О государстве» Цицерон воспел божественный закон «чуть ли не божественным голосом» (VI.8.6). «Кто, знающий таинство Божие, — восклицает Лактанций, — мог бы столь ясно объяснить закон Божий, как выразил его этот человек, весьма далекий от представления об истине?!» (VI.8.10). Это позволяет христианскому писателю еще раз сопоставить Цицерона с пророками (VI.8.11). Похвалы адресуются не единственно Цицерону, наиболее уважаемому Лактанцием римскому мыслителю и оратору. Поскольку христианские представления тесно связаны с рядом положений стоической философии, одним из авторитетов в эллинской мудрости становится для Лактанция Луций Анней Сенека. Лактанций не только приводит в подтверждение христианской позиции слова Сенеки, но и с восторгом говорит в его адрес: «Что вернее может сказать человек, ведающий Бога, чем было сказано тем, кто не знал истинной религии?» (VI.24.13).

Отвечая на вопрос о том, каким образом языческие мыслители оказались причастны истине, Лактанций обращается к проблеме человеческого разума, возможности которого он оценивает гораздо выше, чем,

к примеру, Тертуллиан.¹ Лактанций считает разум исключительным Божиим даром человеку, даром, который выделяет человека из всех прочих творений Божиих. «Знание в нас, — пишет апологет IV в., — от души, которая рождена на небесах, незнание — от тела, которое рождено из земли. Поэтому у нас есть некоторая общность и с Богом, и с животными. Итак, поскольку мы состоим из этих двух элементов, один из которых проникнут светом, а другой мраком, нам дана часть знания и часть незнания» (III.6.3–4). Именно благодаря разуму, размышлению античные мыслители и смогли отчасти приподнять завесу истины.

Тем не менее, как и апологеты II–III вв., Лактанций считает, что языческие мудрецы истины не обнаружили.² И тут же объясняет причину этих неудач: «Философия, по-видимому, основывается на двух предметах: на знании и предположении, и ни на каких более. Знание не в состоянии ни прийти от ума, ни открыться размышлением, поскольку заключать знание в себе самом способен не человек, но Бог. Смертная же природа обретает знание не иначе как только извне» (III.3.1–3). Поэтому философы, будучи далеки от источника истины, т. е. от Бога, могли на основе размышлений только догадываться и предполагать. Поэтому прав Пифагор, когда-то назвавший себя не мудрецом, а лишь ревнителем мудрости (III.2.6).

Рассуждая о философских школах (сектах), Лактанций ставит вопрос о возможности познания вообще и решает его положительно. Он считает, что академики, отрицавшие возможность познания, не правы, «ибо невозможно, чтобы ничего нельзя было познать» (III.4.14). Ведь даже «чтобы утверждать, что ничего нельзя познать, надо кое-что знать» (III.6.11). И действительно, пишет Лактанций, есть много того, что постигается опытом. Так, было обнаружено движение Солнца

¹ Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. Латинская патристика. М., 1979. С. 135.

² О сложном отношении Лактанция к античным авторам см.: *Buchheit V. Cicero inspiratus — Vergilius propheta? Zur Wertung paganer Autoren bei Lactanz // Hermes. 1990. Bd. 118. S. 357–372; Gigon O. Lactantius und die Philisophie // Kerygma und Logos. Beiträge zu den geistesgeschichtlichen Beziehungen zwischen Antike und Christentum. Göttingen, 1979. S. 196–213.*

и Луны, перемещение звезд, счет времен, врачами были открыты природа тел и свойства растений, земледельцами обнаружены свойства земли, а также признаки приближающегося дождя и непогоды (III.5.2). Абсолютное знание принадлежит только Богу, в то время как полное отсутствие знания — это удел животного (III.6.2). Следовательно, заключает Лактанций, существует некоторая середина, которая принадлежит человеку, т. е. знание, соединенное с незнанием и умеренное им (Ibid.). Это свойство помещает человека между Богом и животными. Философы-физики, утверждавшие, что можно познать все, как и философы-скептики, отрицавшие саму возможность познания, не заметив этого срединного пути, оказались далеки от истины (III.6.6).

Античные философы, по мнению Лактанция, не достигли истины не только в вопросах о сущности мира и о возможности его постижения, но и в вопросах этики. Моральную философию Лактанций, вслед за христианскими писателями II—III вв., ценит наиболее высоко, поскольку этика непосредственно связана с жизнью. Это дает апологету право обойти молчанием третью часть философии — логику: «Божественное учение не нуждается в ней, поскольку мудрость — не в языке, а в сердце. Не имеет значения, какую речь использовать. Ибо речь идет о сути, а не о словах. И мы рассуждаем не о грамматике и не об ораторе, знание которых сводится к тому, как следует говорить, а о философе, учение которого о том, как нужно жить» (III.13.5).

Обращаясь к этической проблеме высшего блага, Лактанций вновь подчеркивает то обстоятельство, что мнения античных философов на этот счет весьма противоречивы. Вслед за Цицероном он приводит определения высшего блага, которые были предложены в разные годы философами: «Эпикур полагает, что высшее благо — в наслаждении души, Аристипп — в наслаждении тела. Каллифонт и Диномах соединили с наслаждением добродетель. Диодор увидел высшее благо в избавлении от страданий, Иероним — в отсутствии страдания, перипатетики же — в благе души, тела и фортуны. Высшее благо у Герилла — знание, у Зенона — жить в согласии с природой, у некоторых стоиков — следовать добродетели. Аристотель видел высшее благо в достоинстве и добродетели» (III.7.7–8). Но все предложенные определения, по мнению Лактанция, либо недостаточны, либо могут быть отнесены

к жизни скота, а не человека. Аристипп своим пониманием высшего блага низводил человека до уровня бессловесного животного; в то же заблуждение впал и Зенон, призывавший человека жить в согласии с природой. Чуть ближе к истине подошел Герилл, полагавший высшим благом знание. Но знание без действия, по мнению Лактанция, лишено смысла. Знания, пишет христианский апологет, недостаточно, чтобы совершать добро и избегать зла, к знанию необходимо присоединять добродетель: «В самом деле, многие философы, хотя рассуждали о добре и зле, жили, следуя природе, т. е. иначе, нежели говорили, ибо лишены были добродетели. Добродетель же, соединенная со знанием, является мудростью» (III.8.31). В результате Лактанций сформулировал один из важнейших принципов христианской философии: мудрость заключена в единстве теоретической и деятельно-практической сторон; она не только правильное знание, но и правильная жизнь.¹

Но и добродетель сама по себе не является высшим благом человека. В данном случае Лактанций вступает в спор с самим Цицероном и доказывает, что добродетель является «виновницей и матерью высшего блага, ибо нельзя достичь его без добродетели» (III.8.32). Само же высшее благо заключено в религии, через которую человек способен достичь бессмертия. Из всех тварей земных только человеку дана религия, благодаря которой он познает, что душа его бессмертна, «что она ищет и познает Бога» (III.12.27). Знание же служит тому, чтобы человек узнал, «каким образом и куда мы должны идти», а добродетель служит тому, чтобы идти «тернистым, но правильным путем» (III.12.29).

Таким образом, для Лактанция несомненной является связь философии (знания) и религии, откуда проистекает вывод, превращенный апологетом в исходный тезис своих рассуждений: «никакую религию нельзя принять без философии, и никакая философия не может быть понята без религии» (I.1.25). Все философы, пишет он, всю свою жизнь искали ответы на важнейшие вопросы бытия и все же не могли их найти, «так как либо держались ложной религии, либо совершенно отвергали всякую» (III.30.4).

¹ Бычков В. В. Эстетика поздней Античности. С. 90–91.

Лактанций не только стремится подчеркнуть силу человеческого разума, а, стало быть, оправдать знание как таковое, но также хочет защитить античное красноречие, ставшее в ранней христианской апологетике одним из объектов беспощадной критики. Для ранней апологетики, особенно латинской, предпочтение простой речи перед изысками риторики было почти аксиомой.¹ Атакуя риторику, апологеты, по сути, защищали пророческие книги, написанные, по мнению языческих критиков христианства, грубым и примитивным языком. В отличие от своих предшественников, Лактанций, также признававший, что «чистая и неприкрытая истина более ясна, так как сама по себе она достаточно прекрасна, и потому от внешних прикрас она только искажалась» (III.1.3), считает не только допустимым, но и необходимым поставить красноречие на службу христианской мудрости. Он критикует Тертуллиана именно за то, что африканский защитник христианства, в отличие от Минуция Феликса, не обладал красноречием (V.1.13). Считая философию более ценной для защиты веры, чем ораторское искусство, Лактанций тем не менее прямо говорит в начале «Божественных установлений» о пользе красивого слога. «Нам весьма полезен, — пишет он, — и тот опыт выдуманных споров, чтобы теперь, используя ораторское богатство и умение, мы раскрыли основание истины. И пусть истина могла быть утверждена без помощи красноречия, поскольку защищена она многими средствами, однако ее следует дополнительно осветить блеском и изяществом слога, и, в известной мере, нужно говорить велеречиво, чтобы она увереннее проникала в души как собственной силой вооруженная, так и в изящные фразы облаченная» (I.1.10). Отсюда особое уважение Лактанция к Цицерону, отсюда и закрепленное за Лактанцием прозвище «христианского Цицерона».

Исходя из идеи просвещенной религии, Лактанций в качестве образца единства теоретической и практической сторон мудрости выдвигает образ Иисуса Христа. Христос единственный за всю историю человечества «в слове передавал мудрость и учение Свое подтверждал добродетельным поведением» (IV.23.10). Только Христос был со-

¹ Там же. С. 180–183.

вершенным Учителем, которым не мог стать ни один человек, поскольку ум человека отягчен плотью. Из-за этого человек не может самостоятельно открыть истину, а способен лишь принять ее извне (IV. 24.3). Но в то же время для наставления людей в добродетели Сын Божий должен был принять человеческую плоть, чтобы примером Своим засвидетельствовать, как следует переносить страдания ради справедливости (IV.24.7).

Учение о человеке. Учение о добродетели, которая проявляется в религиозном поведении, теснейшим образом смыкается у Лактанция с его антропологией. Один из важнейших вопросов для всей раннехристианской мысли, вопрос о природе и назначении человека,¹ Лактанций затрагивает в ходе своей полемики с эпикурейцами. Подлинный гимн человеку Лактанций пропел в своем более раннем сочинении «О творении Божиим», но и в «Божественных установлениях» он еще раз обращается к апологии высшего творения Господа.

Христианство сформировало новое отношение к человеку, отношение, которое, в действительности, уже долгое время вызревало в культуре эллинизма и в этике стоиков. Христианские предшественники Лактанция в подавляющем большинстве своем утверждали мысль о высоком назначении человека, видели в нем наиболее совершенное из божественных творений. Чуть ли не единственным исключением в данном случае оказался учитель Лактанция Арнобий, обрушившийся с критикой не только на человеческое тело, но и, что совершенно неожиданно для христианской мысли, на душу человека. По мнению Арнобия, человек не имеет ничего общего с небесными существами и мало отличается от других животных (*Arn. Adv. nat. II.16–17, 25; VII.34*). Человек является существом незначительным, бесполезным для мира, смертным, по характеру изменчивым, обманчивым, слабым, склонным к порокам. Поэтому к спасению человека может привести только познание Бога. Не только тела, но и все души от природы несовершенны и порочны (*Ibid. II.50*). Арнобий

¹ Об антропологических взглядах Лактанция особо см.: *Perrin M. Homo christianus. Christianisme et tradition antique dans l'anthropologie de Lactance. Lille, 1979.*

дает неприглядный анатомический образ человека, подчеркивая в нем все неприятное и некрасивое (Ibid. III.13).¹

Тем более разительны на фоне его идей взгляды Лактанция на человека. Автор «Божественных установлений» апологию человека ведет сразу в двух направлениях. Он защищает не только человеческую душу, но и тело. В данном случае Лактанций мог бы опереться на авторитет Тертуллиана, который в трактате «О воскресении плоти» дает необычайно высокую оценку человеческого тела: Бог из праха извлек «золото плоти (*aurum carnis*)» (*Tertull. De carn. resur.* 6), создавая человеческую плоть, Господь думал о Христе, Который однажды должен будет принять плоть (Ibid.). Именно плоть, соединенная с душой, является для Тертуллиана «якорем спасения (*cardo salutis*)» человека: «плоть омывается, чтобы душа очистилась, плоть помазывается, чтобы душа освятилась, плоть принимает Тело и Кровь Христову, чтобы и душа вскармливалась Богом» (Ibid. 8).

Лактанций говорит уже о самом вертикальном положении человеческого тела с лицом, обращенным к небу, как об отличительной особенности человека, которая выделяет его из всех живых тварей. Прямохождение человека — это знак его высокого назначения. Человек должен смотреть вверх, на небо, где обитель Господа. Бог «для того сотворил человека прямоходящим, чтобы мы знали, что предназначены стремиться к высокому и небесному» (II.17.9); «нам специально было дано взирать на небеса, стоя прямо, чтобы мы искали там религию и созерцали душой» (II.1.17). По словам Лактанция, Бог как бы протянул руку человеку, заставив его «подняться от земли для того, чтобы тот созерцал Его» (VII.5.6). Таким образом, уже рассмотрение внешней особенности человека, его прямого тела способно привести к выводу о главном назначении человека, которое заключено в познании Бога.

Однако Бог выделил человека из всех Своих творений не только вертикальным положением тела. Полемизируя с эпикурейцами, Лактанций пытается доказать, что, несмотря на то, что человек получил слабое тело, несмотря на то, что человек подвержен болезням, он отли-

¹ Бычков В. В. Эстетика поздней Античности. С. 150.

чается от других животных еще одним особым даром. Бог дал человеку гораздо большее, чем крепость тела животных, чем острые зубы или легкие крылья, — Бог дал ему разум. С помощью разума человек компенсирует все свои физические недостатки, он способен себя согреть, уберечь от диких зверей: «Бог сотворил человека голым и беззащитным, чтобы его и укрывала, и защищала разумность. Оплот и облачение Бог поместил у него не снаружи, но внутри, не на теле, но в сердце» (VII.4.14).

Однако разум дан человеку не только для того, чтобы он улучшал и защищал собственную жизнь. Главное назначение разума состоит в познании человеком добра и зла. Для того, пишет Лактанций, человек был наделен разумностью, «чтобы, познав природу добра и зла, он использовал силу своего разума в стяжании добра и в уклонении от зла» (VII.4.13). Итак, знание добра и зла само по себе ничего не дает, и человек способен обрести вечность, лишь выбирая с помощью разума добродетель. «Стало быть, — пишет Лактанций, — добродетель является совершением добра и не совершением зла. И все же знание так связано с добродетелью, что знание идет впереди добродетели, добродетель же следует за знанием, так как нет никакой пользы от знания, если за ним не будет действия» (VI.5.11).

Свою добродетель человек должен проявлять в общении с другими людьми, она заключена в недопущении вреда и оказании необходимой и бескорыстной помощи. Человек, повторяет Лактанций положение Аристотеля, является социальным животным (VI.10.10). Но самое главное, люди имеют общего предка, того самого первого человека, созданного Богом, а потому являются братьями в буквальном, а не в переносном смысле: «...если мы все происходим от одного человека, которого сотворил Бог, то, конечно, мы все — единокровны» (VI.10.4). А потому высшей ценностью оказывается человечность, а высшим злодеянием — ненависть к человеку, даже если он преступник (VI.10.4). Исходя из этого, Лактанций вслед за ранними апологетами обрушивается с беспощадной критикой на нравы римлян, на их кровавые зрелища.¹ Нельзя не только убивать человека, но и лице-

¹ Ср.: *Tertull. Apol. 9; Minut. Oct. 37.*

зреть убийство, получая от этого наслаждение (VI.20.10). А потому гладиаторские бои противоречат самой природе человека и добродетели. Нельзя убивать детей и даже выбрасывать их на улицу в надежде на то, что они попадут в добрые руки. Даже бедность родителей не оправдывает отказа от ребенка (VI.20.19–25). Напротив, каждый человек должен помогать другому человеку, проявлять милосердие. Подавая милостыню голодному, нищему, человек совершает такой же благовидный поступок, как и спасение другого из огня или из лап зверя (VI.11.5–6). Бескорыстное милосердие, осуждаемое многими философами, в том числе Цицероном, вызывает острую неприязнь у христианского писателя. Помогать нужно не только достойным людям, отвечает Лактанций римскому ритору, но и недостойным, поскольку, как Цицерон признает и сам, «купленная добродетель не является добродетелью» (VI.11.14). «Окажи помощь слепым, — призывает Лактанций, — слабым, увечным и брошенным, тем, кто умрет, если им не помочь. Они бесполезны людям, но полезны Богу, Который сохраняет их живыми, дарует им дыхание, одаривает их светом» (VI.11.18).

Проявление добродетели связано с трудностями, которые каждому следует преодолевать, поэтому дорога добродетели с первого шага кажется крутой и тернистой, в то время как дорога пороков выглядит «прекрасной и достаточно торной» (VI.3.2–3). Препятствиями на пути добродетели оказываются человеческие страсти. Человек, отмечает Лактанций, наделен не только разумом, с помощью которого он оказался способен выбирать между добром и злом, между смертью и бессмертием, но и страстями, которые влекут человека ко греху. При этом Лактанций, в отличие от стоиков, которые призывали искоренять страсти, говорит о полезности страстей для человека, в том числе для достижения высшего блага. Страсти естественным образом сопровождают человеческую жизнь. Важно, как человек сможет распорядиться той или иной страстью. Не следует сдерживать радость по поводу успехов государства и избавления от тирании, но грешно радоваться чужому горю (VI.16.3–5); влечение в отношении к законному супругу вполне допустимо, в отношении другого человека — прегрешение (VI.16.9). Мудрость, подводит итог своему рассуждению Лактанций,

заключается в обуздании не самих страстей, а их причин. Страсти же «должны проявляться в соответствующее время, ситуации и месте, чтобы страсти, которыми можно пользоваться правильно, не стали пороками» (VI.16.7). Силу страстей невозможно сдерживать и не нужно сдерживать, ибо они от рождения даны для исполнения жизненных функций, поэтому «нужно стремиться на правильную дорогу, чей путь лишен ошибок и рисков» (VI.16.11).

Бог намеренно наделил каждого человека страстями, чтобы он сопротивлялся им: «Бог, когда сотворил первого человека, с удивительной прозорливостью наделил его прежде этими порывами души, чтобы тот мог использовать добродетель... и поселил материю пороков в страстях, а материю добродетели — в пороках» (VI.15.9). «В самом деле, — подчеркивает апологет, — никакой добродетели не было бы или она была бы бесполезна, если бы не было того, через что проявлялась бы и явствовала ее сила» (VI.15.9).

Весь мир создан Богом из противоположностей. Небу, обители Бога, источнику света и жизни, противопоставлена земля, являющаяся местом тьмы, смерти и всего низменного. Сама земля разделена Богом на две противоположные части — запад и восток. Восток связан с Богом, с источником света; запад, напротив, отдан во власть «мятежного и превратного духа» (II.9.5). Две другие части — север и юг — примыкают, соответственно, к западу и востоку. Согласно сторонам света, Бог создал и времена года: весна отдана востоку, лето — югу, осень — западу, а зима — северу. Столь же противоположны друг другу день, близкий Богу, и ночь, время власти тьмы: «День, рождение которому дает восток, принадлежит Богу, как и все лучшее. Ночь же, которую напускает запад, принадлежит, разумеется, тому, кого мы называем завистником Бога» (II.9.11). Обращаясь к традиционному для христианской мысли поиску прообразов, Лактанций трактует противоположность дня и ночи как прообразы будущего противоборства истинной религии и ложных заблуждений (Ibid.). Из таких же противоположностей создан и сам человек, как некий микрокосм, в котором объединились небесное начало (душа) и земное (плоть). Такие же противоположности (добро и зло, жизнь и смерть) поставлены перед человеком с тем, чтобы тот совершал выбор.

Итак, весь мир сотворен ради человека (VII.3.15) и определен ему в качестве обиталища. Смысл же человеческой жизни состоит в обретении бессмертия, которое достигается через познание добра и зла, через предпочтение доброго злему и через исполнение добра с помощью добродетели и справедливости. Познать добро и зло можно, лишь познав Бога. Совершение же добра является служением Богу. Таким образом, именно религия становится у Лактанция важнейшей составляющей человеческой жизни и выделяет человека из всех прочих тварей: «...единственная и подлинно великая разница между людьми и безмолвными тварями состоит в религии» (II.3.14). Поэтому для Лактанция язычники, искренне верящие в богов, несмотря на всю их вздорность, предпочтительнее безбожников-эпикурейцев, отвергавших религию; язычники даже «несут в себе что-то от истины и могут быть прощены, ибо исполняют высший долг человека, хотя и не на деле, а в замысле» (Ibid.). Религия в итоге призвана сохранять общественное устройство, сдерживая насилие, жестокость и человеческое безрассудство.

С утверждением истинной религии Христа, защищенной от тиранов богоизбранным Константином, по убеждению Лактанция, в мир пришла истина и возвращается справедливость. Используя идею возвращения «золотого века», ставшую популярной в римской литературе со времен Октавиана Августа, Лактанций связывает с земным служением Христа возвращение образа (species) «золотых времен» (V.7.2).¹ Если Христос принес с Собой истину, то в период правления Константина Великого, по словам Лактанция, возвращается вторая важная составляющая «золотого века» — справедливость (I.1.13). В отличие от предшественников, Лактанцию удалось почувствовать и выразить в своем произведении те позитивные изменения в истории христианства, которые впоследствии стали связывать с правлением Константина Великого.

¹ Об идеях Лактанция по поводу «золотого века» см.: Тюленев В. М. Место «золотого века» в исторической концепции Лактанция // Проблемы древней и средневековой истории. Иваново, 1999. С. 37–46; Swift L. J. Lactantius and the Golden Age // American Journal of Philology. Vol. 89. 1968. P. 144–156.

События второго десятилетия IV в. — прекращение Галерием гонений, установление Константином и Лицинием веротерпимости и уравнение христианства с другими разрешенными государством культами — принесли новое содержание и в христианскую литературу. В активной защите от сторонников языческой традиции христианство перестало нуждаться, а мысль христианских теоретиков постепенно обращалась к выработке и уточнению догматики. Лактанций оказался последним ярким защитником христианской веры, но это не значит, что его идеи не оказали влияния на развитие патристики. В начале V в., когда вдруг из-за событий 410 г. в Риме обострилась полемика христиан с язычниками, блаж. Августин станет активно развивать мысли апологетов вообще и Лактанция в частности. Он продолжит критический анализ языческой философии, заложит, во многом продолжая идеи Лактанция, основы христианской средневековой гносеологии и разовьет его учение о человеке.

* * *

В «Божественных установлениях» Лактанций активно цитирует античных классиков и книги Священного Писания, что заставляет нас сделать несколько оговорок. Несмотря на то, что способы работы Лактанция с текстом Священного Писания пока остаются предметом научного анализа, мы предлагаем читателю прочтение основных цитат из книг Ветхого Завета по Синодальному переводу. В тех же случаях, где Лактанций вольно или невольно искажает смысл текста Библии, мы предлагаем свой перевод с необходимыми пояснениями в примечаниях.

Стихотворные цитаты из классических сочинений греческой и римской античности, а также из «Книг Сивилл», кроме особых случаев, оговоренных в примечаниях, даются в существующих авторитетных переводах по следующим изданиям:

Вергилий. Буколики / Пер. С. В. Шервинского // *Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида*. М., 1971

Вергилий. Георгики / Пер. С. В. Шервинского // *Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида*. М., 1971.

- Вергилий. Энеида* / Пер. С. А. Ошерова // *Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида.* М., 1971.
- Гомер. Илиада* / Пер. Н. И. Гнедича. М., 1985.
- Гораций. Оды* / Пер. Н. С. Гинцбурга, З. Н. Морозкиной // *Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания.* М., 1970.
- Гораций. Послания* / Пер. Н. С. Гинцбурга // *Гораций. Оды. Эподы. Сатиры. Послания.* М., 1970.
- Гораций. Сатиры* / Пер. М. Дмитриева // *Римская сатира.* М., 1989.
- Книги Сивилл* / Пер. М. Г. и В. Е. Витковских. М., 1996.
- Луцилий. Сатиры* / Пер. Е. Г. Рабинович, Ф. А. Петровского, М. Е. Грабарь-Пассек // *Римская сатира.* М., 1989.
- Овидий. Метаморфозы* / Пер. С. В. Шервинского. М., 1977.
- Овидий. Фасты* / Пер. Ф. А. Петровского // *Овидий. Сочинения.* М., 1992.
- Персий. Сатиры* / Пер. Ф. А. Петровского // *Римская сатира.* М., 1989.
- Проперций. Элегии* / Пер. Л. Е. Остроумова // *Катулл. Тибулл. Проперций.* М., 1963.
- Теренций. Комедии* / Пер. А. В. Артюшкова. М., 1988.
- Тит Лукреций Кар. О природе вещей* / Пер. Ф. А. Петровского. М., 1983.
- Ювенал. Сатиры* / Пер. Д. С. Недовича и Ф. А. Петровского // *Римская сатира.* М., 1989.

Прозаические цитаты из сочинений античных писателей даются в нашем переводе и сверены с существующими изданиями этих произведений в русских переводах по изданиям:

- Диоген Лаэртский. Жизнеописания и изречения знаменитых философов* / Пер. М. Л. Гаспарова. М., 1986.
- Платон. Государство* / Пер. А. Н. Егунова // *Платон. Собрание сочинений.* В 4 т. М., 1994. Т. 3.
- Платон. Федон* / Пер. С. П. Маркиша // *Платон. Собрание сочинений.* В 4 т. М., 1993. Т. 2.
- Саллюстий. О заговоре Катилины* / Пер. В. О. Горенштейна // *Гай Саллюстий Крисп. Сочинения.* М., 1981.

Цицерон. Катон Старший, или О старости / Пер. В. О. Горенштейна // *Цицерон. Избранные сочинения. М., 2000.*

Цицерон. Об обязанностях / Пер. В. О. Горенштейна // *Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М., 1974.*

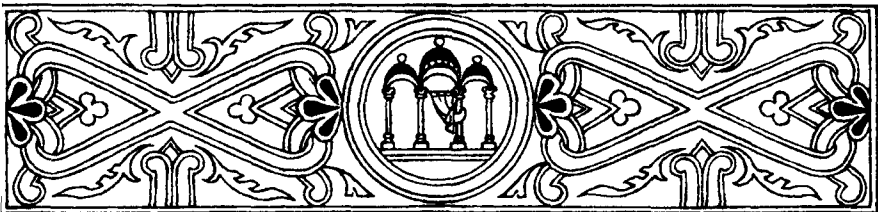
Цицерон. О природе богов / Пер. М. И. Рижского // *Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.*

Цицерон. О дивинации / Пер. М. И. Рижского // *Цицерон. Философские трактаты. М., 1985.*

Цицерон. О государстве / Пер. В. О. Горенштейна // *Цицерон. Диалоги. О государстве. О законах. М., 1972.*

Цицерон. Тускуланские беседы / Пер. М. Л. Гаспарова // *Цицерон. Избранные сочинения. М., 2000.*

Книга I

О ЛОЖНОЙ РЕЛИГИИ

1. Во все времена великие и выдающиеся умом мужи, отличающиеся усердием и всецело предающие себя познанию, отстраняя от себя всякую частную и общественную деятельность, обращались к обнаружению истины, полагая, что лучше исследовать славные человеческие и божественные деяния, нежели заниматься накоплением богатств или приумножением славы. 2. От занятий этих, поскольку они тленные и земные и служат только попечению о теле, никто не может стать ни лучше, ни справедливее. 3. Были же те мужи достойны познания истины, которую настолько стремились открыть, что отдавали этому предпочтение среди всех прочих занятий. 4. И ведь известно, что некоторые из них оставляли свои семейные дела и отрекались от всех удовольствий, чтобы открыто и свободно следовать одной лишь чистой истине, и настолько среди них почитались славное имя и авторитет добродетели, что в ней видели они высшую из величайших наград. 5. Но не достигли они того, чего желали, и старание и усердие их были тщетны, поскольку истину, то есть тайну Всевышнего Бога, сотворившего все, они не могли открыть пронизательностью и собственным умом. К тому же между Богом и человеком не виделось бы никакой разницы, когда бы замыслы и установления Его незыблемой святости постигались человеческим разумением. 6. Поскольку не могло случиться так, чтобы божественный порядок был открыт человеку через размышление его о самом себе, Бог не допустил, чтобы человек, нуждающийся в свете божественной премудрости, постоянно скитался и безрезультатно блуждал среди непроглядного мрака. Открыл, наконец,

Он глаза его, и оказал милость Свою, представив истину, показав, что знание человеческое ничтожно, и открыв блуждающим и скитающимся путь к обретению бессмертия. 7. Однако немногие воспользовались этой милостью и [этим] даром небес, и оттого истина, сокрытая во мраке, оставалась неизвестной; она либо небрежно передавалась, оттого что была лишена верных ревнителей, либо не воспринималась [людьми] из-за присущей ей строгости, каковую природа человеческая, склонная к пороку, не в состоянии переносить. В самом деле, у добродетели горький вкус, в то время как пороки таят в себе сладость наслаждений; отвергая первое, увлекаясь вторым, люди ведены были к пропасти, и в благостном образе лжи лелеяли они зло вместо добра. Я решил, что следует проникнуть внутрь этих заблуждений, чтобы люди образованные обратились к истинному разумению, а необразованные — к истинной религии. 8. Это занятие следует считать во много раз лучше, полезнее и более славным, нежели ту риторику, которой я долгое время занимался и которая направляла нас, молодых, не к добродетели, но напрямиком к сладкозвучному пороку. Теперь же мы совершенно искренне рассуждаем о небесных предписаниях, благодаря чему мы можем обратить умы человеческие к почитанию истинной святости. 9. Ведь больше пользы для дел человеческих содержится не в том искусстве, которое развивает способности речи, сколько в том, что учит жить благочестиво и честно. Поэтому-то у греков в большом почете всегда были философы, а не ораторы. Ведь они справедливо считались учителями жизни, и их занятие гораздо полезнее, ибо [искусство] хорошо говорить касается немногих, а [умение] хорошо жить нужно всем. 10. Однако нам весьма полезен и тот опыт выдуманных споров, чтобы теперь, используя ораторское богатство и умение, мы раскрыли основание истины. И пусть истина могла быть утверждена без помощи красноречия, поскольку защищена она многими средствами, однако ее следует дополнительно осветить блеском и изяществом слога, и, в известной мере, нужно говорить велеречиво, чтобы она увереннее проникала в души как собственной силой вооруженная, так и в изящные фразы облаченная. Итак, мы приступаем к рассуждению о религии и делах божественных. 11. Однако если некоторые из великих ораторов, преуспевших, так сказать, в своем ремесле, оставляли когда-то

занятия свои, обращаясь в конце концов к философии, надеясь найти в ней совершеннейший покой от трудов, если обращали они души свои к исследованию тех вопросов, ответить на которые были не в состоянии, находили при этом для себя не столько успокоение, сколько беспокойство и оказывались обремененными гораздо больше, нежели прежде, то насколько я верно обратил себя к этому благочестивому, истинному и божественному знанию, словно к спасительной гавани, в которую влечет всякое слово, приятное на слух, легкое для понимания и поразительной красоты? 12. И если образованные люди и ревнители справедливости создали установления гражданского права, с помощью которых устраняются разногласия и тяжбы спорящих между собой граждан, то не будет ли лучше и правильнее, если мы изложим в сочинении своем божественные установления, в которых мы будем говорить не об охране кровельного желоба или воды, или о повреждении, нанесенном рукой, но об уповании, о жизни, о спасении, о бессмертии, о Боге, чтобы устранить тлетворные суеверия и постыднейшие заблуждения?

13. Приступаем мы ныне к труду этому по власти имени твоего, император великий Константин,¹ ты первый из римских императоров, кто, отвергнув заблуждения, узнал и восславил величие единственного и истинного Бога. Ибо когда тот день счастливейший озарил круг земной, когда Бог Всевышний поднял тебя, спаситель мира, на вершину блаженной власти, ты освятил желанное правление славным начинанием, когда, вернув изгнанную и поруганную справедливость, ты очистил землю от злодеяний других. 14. За это деяние Бог даровал тебе счастье, добродетель, долголетие, чтобы ты, опираясь на ту самую справедливость, с которой ты начал править будучи молодым, удерживал кормило государства в старости и чтобы передал заботу об имени римском детям своим, как сам получил власть от отца. 15. На тех же нечестивцев, которые и поныне свирепствуют вопреки закону в разных частях

¹ *Константин Великий* — римский император (306–337 г.), с именем которого связывается прекращение Великого гонения на христиан (Медио-ланский эдикт 313 г.). Это обращение Лактанция к императору является позднейшей авторской вставкой, сделанной Лактанцием по завершении работы над сочинением.

земли, Всемогущий ниспошлет возмездие тем большее, чем позднее оно произойдет, поскольку Он в той же степени является милостивейшим Отцом в отношении людей добродетельных, в какой оказывается справедливейшим судьей для злодеев. 16. Я, пожелавший опровергнуть верования их и культ богов, могу ли найти кого лучше для адресата, чем того, благодаря которому делам человеческим были возвращены справедливость и мудрость?

17. Итак, отбросив авторитеты той земной философии, ничего правдивого не сообщившие, мы вступаем на прямую дорогу, несмотря на то, что считали тех философов достойными проводниками к лучшей жизни, когда и сам я держался того пути, и других напутствовал в том, чтоб они ему следовали. 18. Однако легко заметить, что поскольку философы между собой много спорят и сами с собой постоянно не соглашаются, то путь их далеко не верен: каждый из них, прокладывая для себя по своему усмотрению собственную дорогу, создавал великую путаницу, отчего истина оставалась в стороне. 19. Мы же, открыв для себя таинство истинной религии — ведь истина сокрыта в Боге — и идя вслед Учителю мудрости и Проводнику истины, призываем всех, без всякого различия пола и возраста, обратиться к пище небесной. 20. Ведь ни одна пища не приятна так, как познание истины, для изложения и защиты которой мы решили написать сочинение в семи книгах. Столь бесконечен и огромен ее предмет, что если бы кто захотел более обстоятельно и полно изложить его, он переполнил бы труд таким множеством фактов, что не было бы предела ни книге, ни разговору. 21. Поэтому-то мы все изложим кратко, ибо та истина, о которой мы намереваемся рассуждать, настолько понятна и очевидна, что кажется удивительным, как она, столь ясная, не была видна людям, особенно тем из них, которые повсюду считались мудрецами. И пусть наставлением нашим люди будут выведены из заблуждения, в котором они оказались, на верную дорогу. 22. Если мы, как я надеюсь, достигнем этого, то обратим людей к самой сердцевине учения, к богатейшему источнику, черпая и насыщаясь из которого, они утолят жажду и погасят огонь внутри себя. Все они уже готовы, расположены и склонны к этому постижению, только бы не боялись проявлять терпение в открытии для себя мудрого учения, внимательно читая или слушая. 23. Мно-

гие же люди, особенно преданные пустым суевериям, настойчиво противящиеся очевидной истине, не столько блага несли своим верованиям, которых держались, сколько себе делали дурного. Они, считая, что держатся верного пути, следовали проискам богов: сворачивали с равнины, чтобы сгнуть в пропасти, оставляли свет, чтобы слепыми и слабыми скитаться в потемках. 24. О них следует заботиться, чтобы не боролись они против самих себя и освободились, наконец, от прежних заблуждений: по крайней мере, они достигли бы этого, если бы когда-нибудь поняли, каким образом сами были созданы. 25. Ведь причина пороков кроется в незнании самих себя: если кто познает истину, тот разрушит эту причину, узнав, куда следует направляться и каким образом следует проводить свою жизнь. Я кратко изложу суть этих знаний, ибо никакую религию нельзя принять без философии и никакая философия не может быть понята без религии.

2. 1. Итак, взяв на себя обязанность пролить свет на истину, я полагал необходимым начать с исследования того, что кажется первостепенным: есть ли Провидение, управляющее всем, или все происходит и совершается случайно? 2. Автор подобного суждения Демокрит,¹ упрочитель же — Эпикур.² Но и прежде них к чему иному могли прийти Протагор,³ который подвергал сомнению [само существование] богов, а затем Диагор,⁴ который их [просто] отрицал, и некоторые другие [мыслители], которые полагали, что богов нет, как не к заключению, что нет и никакого Провидения? Однако другие философы, а в особенности

¹ *Демокрит* — греческий философ (460–371 гг. до н. э.), главный представитель античной атомистики.

² *Эпикур* — греческий философ (342/341–271/270 гг. до н. э.), последователь Демокрита, продолжатель демокритовской атомистики. Идеи Эпикура были известны прежде всего по труду Тита Лукреция Кара *О природе вещей*.

³ *Протагор* — греческий философ (ок. 480–410 гг. до н. э.), знаменитый софист, современник Сократа. За атеистические взгляды был осужден, а книги его сожжены.

⁴ *Диагор* — греческий поэт и философ второй половины V в. до н. э., известный под прозвищем Безбожник, ученик Демокрита. Осужденный афинским судом, вынужден был бежать, а книги его были сожжены.

стойки, решительно отвергали это, утверждая, что мир не мог ни родиться без божественного плана, ни существовать, если бы не управлялся высшим смыслом. 3. В то же время и Марк Туллий,¹ хотя он и был сторонником учения академиков, много и часто рассуждал о Провидении, руководителе мира. Подтверждая положения стойков, он добавил много новых аргументов, что делал во всех книгах своей философии, но особенно в тех, что были *О природе богов*. 4. И конечно, не составляло труда изобличить неверность взглядов немногих людей с помощью свидетельств племен и народов, единых в решении этого вопроса. 5. Ибо никто столь же не невежествен, столь же не груб нравами, как тот, кто, глаза свои воздев к небесам, пусть и не знает, Провидение какого Бога правит всем этим [космосом], не увидит этого [управления]; кто не обнаружит некое Провидение в самом многообразии вещей, движении, расположении, постоянстве, пользе, красоте, соразмерности; [кто не поймет], что ничего не могло родиться из того, что существует столь удивительным образом, если бы не было создано по великому замыслу. 6. Во всяком случае, нам не составит труда с помощью красноречия следовать той части [мыслителей, которые признают Провидение]. Но так как среди философов уже многократно обсуждался этот вопрос, и поскольку, как кажется, философам, отрицающим Провидение, словоохотливыми и красноречивыми людьми дан исчерпывающий ответ, и также поскольку нам предстоит на протяжении всего труда, который мы начинаем, постоянно говорить о великом искусстве божественного Провидения, мы оставим сейчас этот вопрос, который настолько связан с другими, что, кажется, мы ничего не можем обсуждать, не говоря при этом о Провидении.

3. 1. Так пусть началом нашего труда послужит вопрос, который должен бы стать вторым: могуществом одного Бога управляется мир или нескольких? Никто из тех, кто в состоянии понимать и кто считает себя разумным, не может не увидеть, что только один Бог и сотворил все и управляет всем с помощью той самой добродетели, которая твори-

¹ *Марк Туллий Цицерон* — римский оратор, политический деятель и философ (106—43 гг. до н. э.). Один из самых почитаемых Лактанцием римских мыслителей, чьи труды он активно использовал в своем сочинении, заимствуя порой именно из них идеи представителей других философских школ.

ла. 2. Ведь зачем нужно множество [богов] для управления миром? Разве только мы будем считать, что, если бы их было множество, каждый из них слаб и немощен; так, по крайней мере, оказывается у тех, кто хотел бы, чтобы богов было много: тогда необходимо, чтобы они были слабыми. 3. Ведь ни один из них без помощи остальных не мог бы управлять такой громадой. А вот Бог, Который есть вечный Ум, безусловно обладает совершенной и достаточной добродетелью. 4. Если это так, необходимо, чтобы Бог был один. Ибо абсолютное могущество и абсолютная добродетель обеспечивают свою собственную незыблемость. А ведь то, надо думать, является цельным, от чего нечего убавить, и то является совершенным, к чему нечего прибавить. 5. Кто усомнится, что могущественнейшим государем является тот, кто имеет власть над всей землей? И это справедливо, так как ему принадлежит все, и он один сосредоточил у себя все силы. 6. Если же многие бы государи делили землю, то каждый, конечно, имел бы и меньше войск, и меньше средств, так как пребывал бы только внутри одной определенной части мира. 7. Так же и боги, если бы их было много, они были бы менее сильными, ибо каждый бы из них имел у себя свое. Совершенная же природа добродетели только у того может быть, кому принадлежит все, а не у того, кто обладает лишь малой частью от целого. Бог же, если Он совершенен, как должно быть, не может существовать иначе, как только один, чтобы в Нем пребывало все. 8. Следовательно, у богов должна быть менее совершенная добродетель и более слабое могущество, ибо каждый в отдельности лишен того, что пребывает в других. Итак, чем больше бы их было, тем более слабыми они были бы. 9. Почему же это высшее могущество и божественная сила не могут сами себя поделить? Потому что, что бы ни претерпевало разделения, с необходимостью претерпевает гибель. Если же гибель чужда Богу, так как Он нетленен и вечен, надлежит, чтобы и божественное могущество не могло быть разделено. 10. Следовательно, Бог один, если не может быть никого другого, кто имел бы столько же мощи. Но те, кто считают, что богов много, говорят, что они поделили между собой функции. Обо всем этом мы поговорим в своем месте.¹ 11. Между

¹ См.: I.8 и сл.

тем я продолжу рассуждать о том, что подходит для настоящего места. Если бы они поделили между собой функции, то вопрос возвращается к тому же: каждому из них недоставало бы остального. Следовательно, не может быть совершенен тот, кто, будучи лишен других функций, не может управлять всем. Так получается, что мир управляем совершенной добродетелью одного, а не немощью многих. 12. Кто же считает, что эта громада мира не может управляться одним, тот заблуждается и не понимает, какова может быть сила и каково могущество божественного величия, если будет полагать, что единственный Бог, Который смог сотворить мир, не в состоянии управлять тем, что Он сотворил. 13. Но если бы он представил себе, какова неизмеримость этого божественного творения, когда прежде ничего не было, но добродетелью и замыслом Бога все было создано из ничего, каковой труд не мог быть начат и завершен иначе, как только одним Богом, тогда бы он понял, что гораздо легче управлять одному тем, что и создано одним.

14. Возможно, кто-нибудь скажет, что столь необыкновенное сотворение мира не могло быть произведено иначе, как только многими богами. Пусть он выдумает сколь угодно много и сколь угодно великих богов, сколько бы ни придавал он им величия, могущества, добродетели, все это я объединяю в одно и говорю, что все это — в одном Боге. Ибо столько в Нем свойств, сколько нельзя ни вообразить, ни высказать. 15. Ведь не хватит нам для этого ни разума, ни слов, ибо и разум человеческий слаб для такого постижения, и язык смертный бессилен истолковать такие вещи: уже это самое нам нужно постичь и выразить. 16. Я опять вижу то, чем можно мне возразить: мол, те многие боги таковы, каким мы хотим видеть одного. Но этого никоим образом не может быть, потому что могущество каждого из них не могло бы быть совершенным, когда бы мощь остальных противодействовала ему. Ибо неизбежно случилось бы так, что либо никто не был бы в состоянии выйти за пределы свои, либо, если бы вышел, пограл бы тем самым другого. 17. Не видят те, кто верят, будто богов много, что могло бы случиться, если бы те боги захотели чего-то противоположного, из чего между ними возникли бы спор и ссора: подобно тому как Гомер изобразил сражающихся между собой богов, когда одни хотели захватить Троию, а другие противились этому.

18. Итак, необходимо, чтобы мир подчинялся воле одного Бога. Ведь если возможности отдельных частей не опираются на единую заботу, не может быть общего успеха, когда каждый в отдельности ни о чем больше не заботится, как только о своем личном. Так же и в военном деле, если нет одного вождя или руководителя. 19. Ведь если в одной армии было бы столько же полководцев, сколько легионов, когорт, клиншев, фланговых отрядов, прежде всего не могла бы построиться боевая линия, когда бы каждый действовал на свое усмотрение. И нелегко было бы [таким войском] править или руководить, ибо все следовало бы своим решениям, чья несогласованность вредила бы больше, чем это возможно. Так и в управлении вселенной, если бы Бог был не один, Которому принадлежит забота обо всем сущем, все бы рухнуло и погибло. 20. Говорить же, что мир управляется волей многих богов, все равно что утверждать, будто в одном теле множество душ. Поскольку существуют многие и различные функции членов, то считалось бы, что отдельными чувствами управляют отдельные души. Равно считалось бы, что многими порывами, которые обычно приводят нас в гнев или в страсть, или в веселье, или в переживание, — всеми ими управляют столько же душ. Если кто-то и в самом деле скажет подобное, то получится, что нет даже той души, которая у человека одна. 21. Но уж если в одном теле одна душа управляет столькими функциями и организует все, то почему кто-то полагает, что мир не может управляться одним Богом, а многими может? Поскольку защитники богов понимают это, то говорят, что боги руководят отдельными вопросами и частями, но при этом есть один исключительный руководитель. 22. Стало быть, остальные уже не боги, а прислуга и члены свиты, которых Тот один великий и могущественный Бог поставил во главе тех сфер, и сами они повинуются Его власти и повелениям. Если они не все равны, то не все они, стало быть, являются богами. Ибо не могут быть равными и тот, кто служит, и тот, кто властвует. 23. Ведь если Бог есть имя высшего могущества, Он должен быть непреходящим, совершенным, бесстрастным, ничему неподвластным. Следовательно, не являются богами те, кого необходимость заставляет повиноваться одному великому Богу. 24. Но так как те, кто верят в существование многих богов, заблуждаются не без причин, несколько позже мы откроем причину этого

заблуждения.¹ Теперь же с помощью свидетельств мы докажем единство божественного могущества.

4. 1. Пророки, которых было весьма много, предвещали одного Бога и одного Бога славили: конечно, исполненные духом одного Бога, они предвещали грядущее одинаково и единогласно. 2. Однако люди, не знающие истины, считают, что им не следует верить. Ибо говорят, что слова их были не божественными, но человеческими. Поэтому, предвещающая об одном Боге, они считались либо безумцами, либо лжецами. 3. Но мы видим, как изо дня в день исполнялись и исполняются их пророчества, и единогласное пророчество их приводит к одному выводу — что они не были безумны. Ведь какой безумец может не только возвещать будущее, но и говорить сообразно с другими? 4. Неужели же лживы те, кто говорил такое? Неужели они могли говорить что-то превратное, когда удерживали других от общего обмана? Ведь затем они и были посланы Богом, чтобы, с одной стороны, выступали провозвестниками Его величия, а с другой — исправителями человеческой порочности. 5. Кроме того, желание выдумывать и лгать есть у тех, кто ищет власти, кто жаждет выгоды, что далеко от тех святых мужей. 6. Ведь они таким образом выполняли возложенные на них обязанности, что, отринув все необходимое для поддержания жизни, не только не трудились для своего будущего, но и не думали о дне сегодняшнем, довольствуясь случайной пищей, которую давал Бог. И они не только не обрели никакой выгоды, но и терпели муки и смерть. 7. Ибо испорченные и дурно живущие люди сурово наказывают справедливость. И вот те, чьи грехи они обличали и предупреждали, жестоко лишали истерзанных муками пророков [и самой] жизни. Стало быть, у кого было стремление к выгоде, у того возникали желание и причина обманывать. 8. Что же еще? Ведь некоторые из пророков были людьми высокопоставленными и даже царями, на которых не может пасть подозрение в жадности и коварстве, и все же они прославляли единственного Бога с тем же вдохновением, что и другие пророки.

5. 1. Но мы оставим, конечно, в стороне свидетельства пророков, чтобы не показалось, будто подходящие доказательства только у тех, к

¹ См.: I.8.8.

кому нет особого доверия. 2. Обратимся к тем авторам и призовем в свидетели для доказательства истины тех, кого обычно используют против нас. Я говорю о поэтах и философах. У них мы обнаружим, что Бог только один. В самом деле, не то чтобы им была известна истина, но такова сила самой истины, что никто не может быть настолько слепым, чтобы не увидеть бросающуюся ему в глаза Божию славу. 3. И вот поэты, сколько бы они не прославляли в песнях богов и сколько бы не возвеличивали высшими похвалами их подвиги, все же весьма часто признавали, что все пронизано и управляется одним духом или одной душой. 4. Орфей,¹ который является старейшим из поэтов и [считается] равным самим богам (ибо передается, что он плывал среди аргонавтов вместе с Тиндаридами² и Геркулесом), называет истинного и великого Бога *первородным*, ибо прежде Него ничего не было рождено, но все было создано Им самим. Также он называет Его *явленным первым*, ибо до тех пор ничего не существовало, и Тот первым появился и возник из бесконечности. 5. Поскольку поэт не представлял себе Его происхождение и природу, то говорил, что Он рожден из воздуха и бесконечности: «Сын первородный, явленный первым, всевышний, эфирный». Ибо чего-то другого больше он не мог сказать. 6. Орфей утверждал, что тот Бог является родителем всех богов, ради которых Он сотворил небо, и Который позаботился, чтобы дети Его имели местопребывания и совместное жилище: «Создал он нетленную ради бессмертных обитель». Итак, следуя природе и разуму, Орфей понял, что основателем неба и земли является выдающееся могущество. 7. Ведь не мог он сказать, что творцом вещей был Юпитер, который был рожден Сатурном, или Сатурн, который, как сообщается, был рожден Небом. И Небо он не решается определить в качестве некоего первого бога, ибо видел, что оно является элементом мира, который сам нуждается в Творце. Это размышление привело его к признанию того первородного Бога, Которому он вручил и Которому приписал первенство.

¹ Орфею приписывали довольно большое количество произведений, в том числе теогоническую поэму в двадцати четырех песнях, дошедшую до нас во фрагментах, а также сборник *Орфических гимнов*.

² *Тиндариды* — братья Кастор и Полидевк, сыновья Тиндарея и Леды.

8. Гомер ничего не мог нам дать из того, что имело бы отношение к истине, ибо он скорее писал о вещах человеческих, нежели о божественных. Мог дать Гесиод,¹ который изложил происхождение богов в сочинении из одной книги. Но все же и он ничего не дал, утверждая, что все началось не от Бога-Творца, а из хаоса, который является беспорядочной массой бесформенной и грубой материи, хотя должен был прежде растолковать, откуда, когда и каким образом появился и стал существовать хаос. 9. Разумеется, если неким мастером все было устроено, организовано и исполнено, необходимо также, чтобы и сама материя была кем-то сотворена. Кто же это сделал, если не Бог, могуществу Которого все подчинено? 10. Но поэт уклонился от этого вопроса, страшась неизвестной истины. Ведь он не по внушению Муз, как бы ему хотелось, чтобы выглядело, произнес ту песнь на Геликоне,² но поднялся туда [мысленно], размышляя об этом и раздумывая. 11. Первый из наших поэтов, Марон,³ был недалек от истины, чьи слова о высшем Боге, Которого он называет душой и духом, таковы:

*Землю, небесную твердь и просторы водной равнины,
Лунный блистающий шар, и Титана светоч, и звезды, —
Все питает душа, и дух, по членам разлитый,
Движет весь мир, пронизав его необъятное тело.⁴*

12. Но чтобы кто-нибудь случайно не остался в неведении по поводу того, что есть тот дух, который имеет такое могущество, он произнес в другом месте:

*...потому что бог наполняет
Земли все, и моря, и эфирную высь, — от него-то
И табуны, и стада, и люди, и всякие звери,
Все, что рождается, берет тончайшие жизни частицы.⁵*

¹ Гесиод — греческий поэт, автор *Теогонии* и сочинения *Труды и дни*.

² Геликон — гора в Беотии, место пребывания Муз.

³ Публий Вергилий Марон — римский поэт (70–19 гг. до н. э.), автор *Энеиды*, *Георгик*, *Буколик* и др. Лактанций активно цитирует Вергилия на протяжении всего сочинения.

⁴ Вергилий. Энеида. VI.724–727.

⁵ Вергилий. Георгики. IV.221–224.

13. Овидий¹ также в начале [своего] знаменитого труда без всякого сокрытия имени признает, что мир создан Богом, Которого он называет творцом вещей. 14. Если и Орфей, и эти наши поэты, которые размышляли, следуя природе, навсегда закрепили это, то они, постигнув истину, приняли то же самое учение, которому следуем мы.

15. Но достаточно о поэтах. Перейдем к философам, мнение которых имеет больший вес и суждение которых более точное, так как они занимались не вымыслами, а поиском истины.² 16. Фалес Милетский,³ который был одним из числа «семи мудрецов» и который первым, как сообщается, стремился открыть природные начала, говорил, что все было рождено из воды. Бог же есть душа, которая все сформировала из воды. Итак, он обнаружил первоматерию всех вещей в жидкости, а начало и причину их рождения увидел в Боге. 17. Пифагор⁴ определил так, что Бог есть душа, проникающая во все части мира и во всю природу и разлитая по ним, и от нее берет жизнь все живое, что рождается. 18. Анаксагор⁵ говорил, что Бог есть бесконечный ум, который [всё] организует через самого себя. Антисфен⁶ говорил, что хотя народных богов много, все же подлинный только один, а именно — Творец всего. 19. Клеанф⁷ и Анаксимен⁸ говорили,

¹ Овидий Назон Публий — римский поэт (43 г. до н. э. — ок. 18 г. н. э.). Лактанций активно использует *Метаморфозы* и *Фасты* Овидия.

² Далее Лактанций в сжатом виде излагает данные из Цицерона. См.: Цицерон. О природе богов. I.10.25–15.39.

³ Фалес Милетский — греческий философ (624–546 гг. до н. э.), один из «семи мудрецов», представитель ионийской натурфилософии.

⁴ Пифагор — греческий философ (ок. 540–500 гг. до н. э.), основатель пифагорейской школы в Кротоне.

⁵ Анаксагор — греческий философ (ок. 500–428 гг. до н. э.), автор сочинения *О природе*, последний представитель ионийской натурфилософской школы, фактический основатель афинской философской школы.

⁶ Антисфен — греческий философ (ок. 444–366 гг. до н. э.), основатель кинической школы философии.

⁷ Клеанф — греческий философ-стоик (ок. 330 — ок. 230 гг. до н. э.), ученик Зенона.

⁸ Анаксимен — греческий философ (ок. 585–525 гг. до н. э.), представитель ионийской натурфилософии, последователь Фалеса.

что высшим Богом является эфир. С этим мнением согласен и наш поэт:

*Тут всемогущий Отец Эфир, изобильный дождями,
Недро супруги своей осчастливив любовью, великий,
С телом великим ее сопряжен, все живое питает.¹*

20. Хрисипп² Бога именует природной силой, наделенной божественным разумом, а порой и божественной необходимостью. Также и Зенон³ называет Бога природным и божественным законом. 21. Мысль всех этих философов, хотя и высказана туманно, все же клонится к тому, чтобы согласиться, что существует единое Провидение. Ведь природа ли, эфир ли, разум ли, ум, фатальная ли необходимость, или как-то по-другому ты назовешь, — это все то же самое, что у нас зовется Богом. И разница наименований не мешает, когда по самому смыслу все сходится к одному.

22. Аристотель,⁴ хотя [зачастую] и не соглашался сам с собой и говорил и думал противоположное себе, в целом все же утверждал, что миром руководит единый разум. 23. Платон, который считается мудрейшим из всех, прямо и открыто защищал монархию и называл Бога не эфиром, не разумом, не природой, а, как есть, Богом, Которым был сотворен и чудесным образом устроен мир. 24. Цицерон, во многом следуя и подражая ему, неоднократно признавал Бога, и называл Его Всевышним в тех книгах, которые он написал о законах. Он доказывал, что мир управляется Им, когда спорил о природе богов, говоря следующее: «Ничего нет превосходнее Бога, следовательно, необходимо, чтобы Он правил миром. Итак, Бог не подчиняется и не подвластен никакой природе, Он сам правит всей природой».⁵ 25. Что же представляет собой Бог, он уточняет в *Увещавании*: «Ибо сам Бог, который

¹ Вергилий. Георгики. II.325–327.

² Хрисипп — греческий философ-стоик (ок. 280 — ок. 204 гг. до н. э.), глава стоической школы после смерти Клеанфа.

³ Зенон Китийский — греческий философ (ок. 335 — ок. 262 гг. до н. э.), основатель стоической школы.

⁴ Суждения Аристотеля, как и Платона, Лактанций также дает по работе Цицерона *О природе богов* (I.13.32–33).

⁵ Цицерон. *О природе богов*. II.30.77.

сознается нами, не может быть понят иначе, как некий неограниченный и свободный дух, отделенный от всякой смертной материи, все чувствующий и все приводящий в движение».¹ 26. А сколь часто Анней Сенека,² который был самым последовательным стойком среди римлян, удостоивал Всевышнего Бога заслуженной похвалы! Ведь когда он рассуждал о преждевременной смерти, то говорил: «Ты не понимаешь власти и величия судьбы твоего, правителя и круга земного, и неба, и всех богов — Бога, от которого зависят те божества, которых единственно мы почитаем и молим». 27. То же и в *Увещеваниях*: «Когда он решил заложить первые основания прекраснейшего сооружения, он начал с того, сильнее чего и лучше не знала природа: чтобы все происходило под руководством вождей его; хотя он сам лично правил вселенной, все же породил помощников царствования своего». 28. И очень много другого, согласного с нами, он говорил о Боге, что теперь я оставляю в стороне, ибо это подходит больше для другого места. Теперь достаточно было показать, что [ученые] мужи благодаря своему выдающемуся уму приблизились к истине и постигли бы ее, если бы извращенная привычка не повернула их вспять. Из-за этого они полагали, что существуют и другие боги, и в те силы, которые Бог сотворил на благо людей, будто бы те [силы] обладали способностью чувствовать, верили в них как в богов, храня их и почитая.

6. 1. Теперь перейдем к божественным доказательствам, но прежде я упомяну одно [свидетельство], которое подобно божественному и из-за своей глубокой древности, и потому, что тот, о ком я скажу, из людей был причислен к богам. 2. У Цицерона жрец Гай Котта,³ споря со

¹ Сочинение *Увещевание к философии*, первое из цикла философских трудов Цицерона, до нас не дошло, но на него ссылается сам Цицерон. См.: *Цицерон. Тускуланские беседы*. I.27.66.

² *Сенека Анней Младший* — римский философ-стойк (ок. 4–65 гг.). Лактанций особенно часто будет обращаться к его произведениям в связи с рассмотрением этических проблем. К сожалению, большинство цитируемых Лактанцием произведений Сенеки до нас не дошло и известно лишь в отрывках.

³ *Гай Котта* — консул 75 г. до н. э., участник диалога Цицерона *О природе богов*, выразитель взглядов академиков.

стойками о религии и о многообразии представлений, которые существуют о богах, чтобы, как это и свойственно академикам, все сделать понятным, говорил, что было пять Меркуриев, и, перечислив по порядку четырех, сказал, что пятый был тот, который убил Аргуса, и по той причине он бежал в Египет и сообщил египтянам законы и письменность.¹ 3. Египтяне называют его Тотом, в честь которого получил имя первый месяц их года, т. е. сентябрь. Он же воздвиг город, который по-гречески называется теперь Гермополис; и фенеты² благоговейно почитают этого [Меркурия].³ Хотя он был человеком, он все-таки жил очень давно и был настолько сведущ в учениях всякого рода, что знание многих вещей и искусств дало ему эпитет Трисмегиста.⁴ 4. Он написал книги, к тому же много, относящиеся к истолкованию божественных вопросов, в которых признавал величие высшего и единственного Бога, называя Его теми же именами, что и мы, Богом и Отцом. Но чтобы никто не нашел Его подлинного имени, он сказал, что Бог *безымянен*; а поэтому нет нужды в обладании конкретным именем, конечно, из-за самой его всеобщности. Слова его таковы: «Бог же один, а поскольку то, что одно, не нуждается в имени, Бог безымянен». 5. Следовательно, у Бога нет имени, так как Он один: ибо не нужно собственное имя, кроме тех случаев, когда множество требует различения, чтобы каждую личность ты мог определить своим знаком и наименованием. У Бога же, так как Он всегда один, собственное имя есть Бог.⁵

6. Остается упомянуть свидетельства из священных изречений и песен, которые более достоверны. Ведь действительно, те, против кого

¹ Согласно мифу, *Аргус*, многоглазый великан, был приставлен Герой сторожить Ио, превращенную в корову. Гермес по приказу Зевса убил Аргуса (*Аполлодор*. II.1.2–3).

² *Фенеты* — жители города Фенея в Аркадии, город был культовым центром Гермеса.

³ Ср.: *Цицерон*. О природе богов. III.22.56.

⁴ *Трисмегист* — «трижды великий», эпитет Гермеса. Лактанций активно использует сочинение Гермеса Трисмегиста *Совершенный Логос*, представляющее собой сборник теософско-окультурных произведений II–III вв., которые почитались за откровения Гермеса Трисмегиста.

⁵ Ср.: *Минуций Феликс*. Октавий. 18.9.

мы выступаем, считают, что не следует верить ни поэтам, как измышляющим пустое, ни философам, ибо они могут заблуждаться, так как сами являются людьми. 7. Марк Варрон,¹ образованнее которого не жило никого и никогда, даже среди греков, в книгах о божественных делах, которые он написал для великого понтифика Гая Цезаря,² когда он говорил о коллегии пятнадцати,³ сказал, что *Сивилловы книги* не принадлежат одной Сивилле. Однако Сивилл называют одним именем, поскольку все женщины-прорицательницы издавна назывались Сивиллами или по имени одной, Дельфийской, или потому, что они сообщали волю богов. Ведь на эолийском наречии богами называли *σίους*, а не *θεούς*, а воля звучит не *βουλήν*, а *βυλήν*. Итак, Сивилла обозначает *Божья воля*. 8. Впрочем, Сивилл было десять, и всех он перечислил, полагаясь на писателей, которые обычно писали о какой-либо одной из них. Первая была из Персии, о ней упоминает Никанор,⁴ который записал деяния Александра Македонского. Вторая была Ливийская, которую упоминает Еврипид⁵ в прологе к *Ламии*. 9. Третья Дельфийская, о которой говорит Хрисипп в той книге, которую он написал о дивинациях. Четвертая Киммерийская в Италии, которую упоминает Невий в книгах о Пунической войне,⁶ а Пизон⁷ — в *Анналах*. Пятая

¹ *Варрон Марк Теренций* — римский ученый-энциклопедист (116–27 гг. до н. э.). Лактанций имеет в виду утраченное ныне сочинение Варрона *Человеческие и божественные древности*.

² *Цезарь Гай Юлий* (100–44 гг. до н. э.) стал великим понтификом в 63 г. до н. э.

³ *Коллегия пятнадцати* — особая жреческая коллегия в Риме, которая ведала Сивиллиными книгами.

⁴ Сочинение *Никанора*, на которое вслед за Варроном ссылается Лактанций, до нас не дошло.

⁵ *Еврипид* — греческий поэт-трагик (ок. 480–405 гг. до н. э.). Трагедия, которую вслед за Варроном упоминает Лактанций, до нас не дошла.

⁶ *Гней Невий* — римский драматический и эпический писатель второй половины III в. до н. э., автор эпической поэмы о Первой Пунической войне.

⁷ *Луций Кальпурний Пизон Фруги* — римский историк II в. до н. э., автор *Анналов* в семи книгах.

Эритрейская, которую Аполлодор Эритрейский¹ называет своей согражданкой и которая, как он утверждал, пророчествовала грекам, направившимся к Илиону, о том, что погибнет Троя и что Гомер напишет поэму, полную вымыслов. Шестая Самосская, о которой писал Эратосфен,² почерпнув сведения в древних анналах самосцев. 10. Седьмая Куманская по имени Амалфея, которая другими именуется Герофилой или Демофилой. Она доставила девять книг [пророчеств] царю Тарквинию Приску³ и потребовала за них триста [золотых] филиппов,⁴ царь же, отказавшись выплачивать столь высокую цену, посмеялся над безумием женщины. Тогда та на глазах у царя сожгла три книги, а за остальные попросила ту же цену. Тарквиний посчитал, что она еще более безумна. 11. Когда она снова сожгла три книги и упорствовала на той же плате, царь был ошеломлен и выплатил за остальные триста золотых [монет]. Число их потом увеличилось, когда был восстановлен Капитолий, ибо из всех городов, как италийских, так и греческих, особенно из Эритреи были собраны и доставлены в Рим книги, носившие имя какой-либо из Сивилл. 12. Восьмая Геллеспонтская, рожденная на Троянском поле в деревушке Мармесс близ города Гергиций. Гераклид Понтийский⁵ писал, что она жила во времена Солона⁶ и Кира.⁷ Девятая из Фригии, которая пророчествовала в Анкире. Десятая Тибурская по имени Альбуня, которая почитается как богиня в Тибуре близ берегов реки Аниен, в водах которой, как рассказывают, была обнаружена ее статуя, держащая в руке книгу. Сенат перенес ее в Капитолий для почитания.

¹ *Аполлодор Эритрейский* — скорее всего, имеется в виду Аполлодор Афинский, известный греческий ученый и мифограф II в. до н. э.

² *Эратосфен* — греческий ученый (ок. 282–202 гг. до н. э.), прославившийся прежде всего как географ.

³ *Тарквиний Приск (Древний)* — пятый царь Рима, правивший в 616–578 гг. до н. э.

⁴ *Филиппы* — золотая монета с изображением Филиппа II Македонского, которая чеканилась, конечно, позже правления Тарквиния.

⁵ *Гераклид Понтийский* — греческий ученый IV в. до н. э., ученик Платона.

⁶ *Солон* — афинский политический деятель, законодатель (ок. 640–560 гг. до н. э.), был причислен к числу «семи мудрецов».

⁷ *Кир Великий* — царь персов, правил с 558 по 529 г. до н. э.

13. Песни всех этих Сивилл передаются и сохраняются, кроме Куманской, чьи книги сокрыты римлянами: в них никто не имеет права заглядывать, кроме членов коллегии пятнадцати. Существуют отдельные книги отдельных Сивилл, которые, так как они подписаны именем Сивиллы, считаются принадлежащими одной; они объединены и не разделяются, и нельзя отнести конкретную книгу к конкретной Сивилле, кроме Эритрейской. Она помещала в книги свое подлинное имя и называла себя Эритрейской [по городу], в котором пророчествовала, хотя рождена была в Вавилоне. 14. Однако мы также будем называть нераздельно «Сивилла», если где-то будем пользоваться их свидетельствами.

Итак, Сивиллы пророчествовали об одном Боге, особенно Эритрейская, которая является среди других более известной и более прославленной. В самом деле, Фенестелла,¹ писатель усерднейший, рассказывая о коллегии пятнадцати, сообщил, что во времена отстройки Капитолия к сенату обратился консул Г. Курион, чтобы в Эритрею были отправлены послы, которые бы, собрав песни Сивиллы, доставили их в Рим. И вот были посланы П. Габиний, М. Октаций и Л. Валерий, которые привезли в Рим около тысячи переписанных частными лицами стихов Сивиллы.² Об этом рассказал тот самый Варрон, о котором мы упоминали выше. 15. В этих стихах, которые послы привезли в Рим, есть такие свидетельства о едином Боге:

*Бог единый владыка, безмерный и нерожденный.*³

Он — единый высший Бог, Который сотворил небо и отделил свет.

Только один есть Бог, Высочайший и все сотворивший:

Небо, яркое Солнце, Луну и горящие звезды,

*И плодородную землю, и воды глубокого моря.*⁴

¹ Фенестелла — римский историк-антиквар времен Августа и Тиберия († 19 г.), автор *Анналов*, которые до нас не дошли. Светоний написал биографию Фенестеллы, которая также утрачена.

² Гай Скрибоний Курион был консулом в 76 г. до н. э., посольство было организовано в связи с тем, что книги Сивилл, купленные Тарквинием, погибли в пожаре 83 г. до н. э.

³ Книги Сивилл. Фрагм. I.7.

⁴ Фрагм. III.3—5.

16. Так как Он единый Зодчий мира и Творец вещей, через которые Он существует и которые пребывают в Нем, следовательно, Он должен был сотворить и землю.

*Чтите только Его, единого мира Владыку,
Он лишь Суций от века и впрямь и вовеки пребудет.¹*

То же засвидетельствовала и другая Сивилла, не известно какая, когда говорила, что она передавала людям слово Божие:

Я — единственный Бог, много не узрите Бога.²

17. Мы передали бы теперь свидетельства остальных Сивилл, если не достаточно этой, но оставим их для более подходящих мест. Поскольку же мы защищаем истину от тех, кто, отклонившись от истины, поработены ложными верованиями, какой род доказательств мы в большей степени должны применять против них, если не свидетельства, оставленные их же богами?

7. 1. Ведь Аполлон, которого среди прочего считают прорицателем и предсказателем, отвечая в Колофоне, куда он, как я полагаю, переселился из Дельф, привлеченный красотой Азии, некоему вопрошающему о том, что есть Бог или что вообще является Богом, ответил двадцать одним словом, из которых главные следующие:

*Бог самородный, взращенный без материнской опеки и рода,
Словом никоим не может Он названным быть, обитает в огне.
Это Бог, а малая часть сего Бога — ангелы наши.*

2. Неужели ты можешь предположить, что это сказано о Юпитере, который имел и мать, и имя? Ведь Меркурий, тот Трижды Великий, которого я упоминал выше,³ не только называет Бога *не имеющим матери*, как и Аполлон говорит, но и *не имеющим отца*, ибо он не рожден ни от кого. Ведь нельзя, чтобы был кем-то рожден тот, кто сам все породил. 3. Достаточно, полагаю, я показал с помощью доводов и подтвердил свидетельствами, что и само по себе достаточно ясно, что есть один правитель мира, один отец, один Бог. 4. Но, возможно, кто-то спросит у нас то же

¹ Книги Сивилл. Фрагм. I.15–16.

² Там же. Фрагм. VIII.377.

³ См.: I.6.3.

самое, что спросил у Цицерона Гортензий: «Если Бог один, то какое может быть блаженство в одиночестве?»¹ Будто бы мы, утверждая, что Он один, сказали, что Он одинок и не имеет никого. В действительности у Него есть помощники, которых мы называем вестниками [nuntii]. 5. И это, истинно, то же самое, что, как я говорил выше,² сказал Сенека в *Увещеваниях*: «Родил Бог помощников царствования своего». Истинно, что они не были богами и не хотели, чтобы их звали богами или чтили как богов, ибо они ничего не исполняли, кроме приказов и пожеланий Бога. Но они не являются теми, которые повсюду почитаются, число которых и невелико, и известно. 6. Ибо если почитатели богов считают, что они почитают тех, кого мы называем помощниками Высшего Бога, в этом нет ничего, что соответствовало бы нам, ибо мы утверждаем, что есть один Бог, и отрицаем многих. 7. Если их радует множество, мы скажем, что помощников Бога не двенадцать или триста шестьдесят пять, как говорил Орфей, а бесчисленное множество. Мы, напротив, показали заблуждения тех, кто считает богов столь немногими. Пусть же знают, каким именем должны называться те боги, чтобы не осквернять истинного Бога, имя Которого они используют, наделяя им многих богов. 8. Пусть поверят своему Аполлону, который в том же ответе, с одной стороны, лишил первенства Юпитера, а с другой — отказал богам в имени [богов]. Ведь третья строчка показывает, что помощников Бога следует называть не богами, а ангелами. 9. О себе же Аполлон лгал, ибо в то время как принадлежал к числу демонов, присоединил себя к ангелам Бога. Но в других ответах он признавал себя демоном. Ведь когда его спросили, как хотел бы он, чтобы ему молились, он ответил следующим образом:

О премудрый, проникающий в тайное демон, услышь нас.

И вновь когда вопрошающий обратился с просьбой к Аполлону Сминтею, то начал такими словами:

О демон премудрый, гармония космоса, о светоносный!

¹ *Квинт Гортензий Гортал* — римский оратор и юрист (114–50 гг. до н. э.), консул 69 г. до н. э. Сочинение Цицерона *Гортензий*, написанное в виде диалога с Квинтом Гортензием, отдававшим предпочтение ораторскому искусству перед философией, до нас не дошло.

² См.: I.5.27.

10. Стало быть, выходит, что он тот, кто, по его собственному признанию, испытал на себе плети истинного Бога и претерпел вечное наказание. Ведь в другом ответе он так сказал:

*Демоны, что по земле и по небу блуждают, скитаясь,
Бичом укрощаются неумолимого Бога.*

О том и другом роде духов мы будем подробно говорить во второй книге.¹ 11. Между тем нам достаточно того, что Аполлон, пока хотел, чтобы его почитали и помещали на небо, указал на то, что имеет отношение к делу: каким образом следует называть тех, кто вечно находится при Боге. 12. Пусть же выйдут люди из заблуждений и, оставив ложные верования, познают родителя и Господа своего, чью добродетель нельзя оценить, могущество нельзя постичь, власть нельзя выразить. Когда рвение человеческого ума, его тонкость и память попытаются достичь этого, они будут остановлены, оцепенеют и лишатся сил, словно бы перед ними закроются все пути. И ничего другого не может случиться.

13. Но поскольку не может быть так, чтобы то, что существует, не получило когда-то начала, то необходимо, чтобы, когда до Него не существовало ничего, Он родился из Самого Себя. И потому Аполлон называет его *самородным*, Сивилла — *произошедшим из самого себя, не имеющим начала и не сотворенным*. Что в *Увещеваниях* видит Сенека, человек проницательный. «Мы, — говорит он, — находимся в нерешительности, к кому же нам обращаться, кому мы обязаны хорошим в нас, один нас произвел, другой — укрепил, Бог же сам себя родил».

8. 1. Итак, этими столь многочисленными и столь превосходными свидетельствами было доказано, что мир управляется могуществом и Провидением одного Бога, чья сила и величие таково, что, как говорит Платон в *Тимее*, их никто не может ни постичь разумом, ни выразить словами из-за чрезмерно большого и чрезвычайного могущества.² 2. Усомнится ли кто-нибудь в том, что нет ничего трудного или невозможного для Бога, Который с помощью Провидения придумал столь много весьма чудесных творений, создал их с помощью добродетели,

¹ См.: II.14–16.

² См.: Платон. Тимей. 28с. Ср. также: *Минуций Феликс*. Октавий. 19.14.

довел с помощью разума до совершенства, а теперь поддерживает их с помощью Духа, управляет с помощью могущества, для Бога, Который невыразим, непостижим и никому другому, кроме Себя Самого, до конца не известен?

3. Мне, постоянно размышляющему о таком величии [Бога], удивительно, насколько слепы, насколько безрассудны, насколько неразумны, насколько уподоблены безмолвным животным те, кто почитают богов, те, кто верят, что рожденные от соития мужа и жены могут иметь нечто от божественного величия и добродетели, как говорит Эритрейская Сивилла:

...разве

*Могут богов создавать мужские и женские чресла?*¹

4. Если же это действительно так, то ясно, что Геркулес, Аполлон, Либер, Меркурий и сам Юпитер и прочие являются людьми, поскольку они рождены от [соития] двух полов. 5. Что же столь чуждо Богу, как не потребность, которую Он сам даровал смертным для создания потомства и которая не может существовать без телесной субстанции? Если же боги бессмертны и вечны, то зачем им нужен противоположный пол, если тот, кто будет существовать вечно, не нуждается в потомстве? 6. А ведь действительно, различие полов, соитие и способность к деторождению для людей и других живых существ не имеют никакой иной цели, как только возможность через потомство сохранить весь род живущих, поскольку он подвержен смерти. Богу же, Который вечен, не нужны ни противоположный пол, ни потомство. 7. Кто-нибудь скажет, что [Богу это необходимо], чтобы Он имел либо слуг, либо тех, в отношении кого мог бы повелевать. Зачем же Ему необходим женский пол, когда Бог, Который всемогущ, может производить на свет детей без близости и участия женщины? 8. Ведь если Он даровал каким-то ничтожнейшим животным то, чтобы они принимали себе детенышей *со сладких злаков и листьев*,² отчего же кто-то считает, что сам Бог не может рождать иначе, как не из смешения полов? Так вот, никто столь не безрассуден, как тот, кто не понимает, что те, кого

¹ Книги Сивилл. Фрагм. III.1–2.

² Вергилий. Георгики. IV.200.

несведущие и неразумные люди именуют богами и кого почитают словом богов, смертны. Отчего же, скажет кто-нибудь, они считаются богами? Без сомнения, потому что они были великими и могущественнейшими царями, и в благодарность за их добродетели или благодеяния, или за изобретения ими искусств, и поскольку они были дороги тем, над кем они правили, в память [об этом] они были причислены к богам. Если же кто-то сомневается, пусть рассмотрит их подвиги и деяния, о которых сообщали не только все поэты, но и древние историки.

9. 1. Геркулес, считающийся за доблесть свою самым славным среди богов и подобным Африкану,¹ разве землю всю, которую, как рассказывают, он обошел кругом и очистил [от чудовищ], не осквернил бесчестьями, сладострастием и прелюбодеянием? И это неудивительно, поскольку сам он был рожден от прелюбодеяния Алкмены.² Что же могло быть божественного в нем, который, охваченный своими пороками, и мужчин, и женщин покрыл, вопреки всем законам, позором, срамом и бесчестьем? 2. Но то, что совершил он великого и удивительного, не следует считать тем, что обычно приписывается божественным добродетелям. Что же славного в том, что он одолел льва и вепря, что поразил стрелами птиц, что вычистил царский хлев, что победил женщину-воительницу и отнял у нее пояс, что убил необузданных коней вместе с хозяином? То были деяния могучего мужа, т. е. человека. 3. Те, над кем он одержал победу, были слабыми, смертными существами. Нет же, как говорит оратор, такой силы, которую нельзя сокрушить и одолеть железом или большей силой.³ 4. Самое же славное — укротить душу, сдержать ярость, чего тот [герой] никогда не делал и не мог [сделать]. Того, кто совершает такое, я не ставлю в один ряд с выдающимися мужами, но считаю уподобившимся Богу. Я предпочел бы, чтобы Геркулес обратился от сладострастия, разнузданности, алчности и высокомерия, достиг той доблести, которая уподобляет Богу. 5. Ведь

¹ Имеется в виду Публий Корнелий Сципион (235—183 гг. до н. э.), римский полководец, герой Второй Пунической войны.

² Алкмена, жена тиринфского царя Амфитриона, была обманута Зевсом, который вступил с ней в связь, приняв облик Амфитриона. От этой связи и родился Геракл (Геркулес).

³ Цицерон. В защиту Марцелла. 3.8.

более славным следует считать того, кто одолел необузданную, заключенную в самом себе дикую ярость, нежели того, кто победил льва; того, кто сдержал алчущие страсти, нежели того, кто убил кровожаднейших птиц; того, кто победил сладострастие — победителя стыда и совести, нежели того, кто взял верх над воительницей-амазонкой; не того, кто выгреб нечистоты из хлева, а того, кто избавился от пороков своей души, которые для многих губительны, поскольку являются собственным и личным злом, а не тем, от чего можно убежать или спрятаться. 6. Поэтому получается, что славным должен считаться лишь тот муж, кто сдержан, благоразумен и справедлив. Если бы кто-либо понимал, каковы деяния Бога, тот все бы, чем восхищаются наиглупейшие люди, посчитал бы смехотворным. Ибо те [глупцы] измеряют все не божественными добродетелями, о которых ничего не ведают, но слабостью своих сил.

7. Ведь никто не станет отрицать того, что Гераклес не только был рабом Эврисфея, что может хоть как-то показаться пристойным, но и [рабом] развратной женщины Омфалы, которая приказала, чтобы тот, облаченный в ее одежды, сидел у ее ног и прял пряжу.¹ Позор ужасный! 8. Но таково было сладострастие. «Ты полагаешь, — скажет кто-нибудь, — что здесь можно доверять поэтам?» Почему же мне так не полагать? Ведь об этом рассказывает не Луцилий² или Лукиан,³ который не щадит ни богов, ни людей, но рассказывают, главным образом, те, кто поет богам гимны. 9. Кому же еще верить, если не [писателям], прославляющим богов? Кто считает, что те [писатели] лгут, пусть найдет других авторов, которым бы мы верили, которые бы научили нас, кто такие боги, каким образом и откуда они возникли, какова их сила, сколько их, какова их власть, что в них удивительного, за что удостоены

¹ По приказу царя Тиринфа и Микен Эврисфея Геракл совершил свои двенадцать подвигов, часть из которых в данном случае перечислил Лактанций. В наказание за убийство Ифита Геракл был отдан в рабство царице Лидии Омфале (Аполлодор. II.6.2–3).

² Луцилий — римский поэт (ок. 180 — ок. 102 г. до н. э.), автор тридцати книг сатир. В дальнейшем Лактанций будет довольно часто обращаться к произведениям Луцилия.

³ Лукиан — греческий писатель-сатирик (ок. 120 — ок. 190 г.).

поклонения, наконец, какие ритуалы для исполнения их культа более верные и более истинные. Ни одного не найдет. 10. Итак, мы верим тем авторам, которые рассказывали [о богах] не для того, чтобы опровергнуть [их существование], а для того, чтобы прославить их.

Итак, Геркулес плавал с аргонавтами и завоевал Трою, разгневавшись на Лаомедонта из-за отказа того платить за спасение своей дочери.¹ Отсюда становится ясным, в какое время он жил. Он же, охваченный бешенством и безумием, убил жену свою вместе с детьми. 11. И этого [человека] люди считают богом? Но Филоктет, наследник его, так не считал, ибо он подложил факел в погребальный костер [Геркулеса] и видел, что члены того и жилы сгорели и разрушились; он похоронил кости того и пепел на горе Эте, за что получил его стрелы.²

10. 1. А Эскулап, сам рожденный не без позора, что еще совершил достойного божественных почестей, кроме того, что исцелил Ипполита?³ Понятно, он имел славную смерть, когда удостоился быть пораженным богом. 2. Поясняя о нем, Тарквиций говорит в сочинении *О знаменитых мужах*, что он был рожден неизвестными родителями, выброшен и найден охотниками, что он был вскормлен молоком собаки, отдан Хирону и научился медицине.⁴ Он был послан в Мессению, но задержался в Эпидавре. Туллий же говорит, что он похоронен в Киносурах.⁵

3. Что же Аполлон, отец его? Не из-за любви ли, которой был охвачен, он позорнейшим образом пас чужое стадо и воздвиг стены Лаомедонту, нанятый вместе с Нептуном за вознаграждение, от которого тот [Лаоме-

¹ Геракл отправился воевать с царем Трои *Лаомедонтом*, не отдавшим награды за спасение дочери Гесионы от морского чудовища (*Аполлодор*. II.5–6).

² *Филоктет* (у *Аполлодора* — Пеант, II.7.7) разжег погребальный костер Геракла, отравленного ядом гидры через хитон.

³ По одному из мифов, *Ипполит*, сын Тесея и амазонки Антиопы, был воскрешен после гибели Асклепием (*Аполлодор*. III.10.3).

⁴ О воспитании Асклепия кентавром *Хироном* сообщает *Аполлодор*, который рассказывает, что Хирон обучил Асклепия искусству врачевания и охоты (III.10.3).

⁵ *Цицерон*. О природе богов. III.22.57.

донт] посмел отказаться:¹ и не у него ли царь вероломный научился отказываться от всего, о чем бы ни договаривался с богами? Он же, полюбив прекрасного мальчика, обесчестил его, а во время игры с ним — убил.²

4. Человекоубийца Марс, освобожденный от вины за убийство афинянами,³ чтобы не казаться слишком суровым и жестоким, совершил прелюбодеяние с Венерой.

5. Кастор и Поллукс, в то время как украли чужих невест, оказались разлучены. Ибо воспламененный несправедливостью Идас одного из них пронзил мечом. Поэты же рассказывают, что они то живы, то мертвы,⁴ отчего стали они несчастнее не только богов, но и всех смертных, ибо не дано им умереть единожды. 6. Гомер же прямо свидетельствует не так, как обычно сообщают поэты, а что оба брата умерли. Ведь когда он писал, что сидящая на стенах Елена описывала Приаму всех вождей греков и искала своих братьев, речь ее передал следующим стихом:

...их уже мать-земля сокрыла.⁵

7. Вор и мошенник Меркурий какую по себе молву оставил, если не память о своем обмане? Несомненно, он достоин неба, поскольку научил [людей] искусству гимнастики и первым изготовил лиру.⁶

¹ Наказанный Зевсом за убийство киклопов, Аполлон был послан пасты стадо царя Адмета (*Аполлодор*. III.10.4); о строительстве стен Трои Посейдоном и Аполлоном см.: *Аполлодор*. II.5.9. Слова Лактанция также ср.: *Тертуллиан*. Апологетик. 14.4.

² Аполлон случайно убил юного Гиацинта во время метания диска (*Аполлодор*. I.3.3; III.10.3).

³ Марс (Арес) был предан суду на Ареопаге за убийство Галиррофия, сына Посейдона (Галиррофий изнасиловал дочь Ареса Алкиппу). Судьями выступали двенадцать олимпийских богов, которые оправдали Ареса (*Аполлодор*. III.14.2).

⁴ Братья-близнецы *Кастор* и *Полидевк* (*Поллукс*) похитили *Фебу* и *Гилайеру*, дочерей *Левкиппа*. В ходе спора из-за дележа стада быков *Кастор* был убит *Идасом*. Поскольку *Полидевк* отказался от бессмертия, если брат его останется мертвым, *Зевс* сделал так, что они один день проводили среди богов, другой — среди смертных (*Аполлодор*. III.11.2).

⁵ *Гомер*. Илиада. III.243.

⁶ *Гермес* (*Меркурий*), случайно найдя черепаху, изготовил из ее панциря лиру, которую отдал *Аполлону* (*Аполлодор*. III.10.2).

8. Необходимо, чтобы в сенате богов высший авторитет и значение первого [лица] имел Отец Либер, поскольку он единственный из всех, за исключением Юпитера, был удостоен триумфа, [когда] он руководил войском и покорил Индию.¹ Однако и этот непобедимый великий индийский завоеватель был побежден любовью и позорнейшим сладострастием. 9. В самом деле, достигнув в сопровождении кастратов Крита, он встретил на морском берегу развратную женщину и, желая быть мужем, достойным победы над Индией, и не казаться слишком слабым, эту предательницу отца, убийцу брата, эту презренную, оставленную другим [мужем женщину] потребовал себе в жены, назвал Либерой² и вместе с ней поднялся на небо.

10. Что же отец всех их Юпитер, который в торжественной молитве именуется Славным и Великим? Разве не прослыл он с раннего своего детства нечестивым и чуть ли не отцеубийцей, когда он изгнал отца из царства и обратил его в бегство и когда он честолюбиво, не дожидаясь смерти дряхлого старика, начал царствовать? И когда он захватил с помощью силы и войска отцовский престол, против него титаны начали войну, которая была для рода человеческого первейшим из зол; одержав над ними победу и навеки установив мир,³ он провел остаток своей жизни в бесчестии и разврате. 11. Я не упоминаю дев, которых он унизил. Ибо это обычно считается терпимым. Но я не могу пройти мимо Амфитриона и Тиндарея,⁴ жилища которых он наполнил срамом и позором. 12. То же было верхом нечестивости и преступления, что он увлек к бесчестью царского ребенка.⁵ Мало ведь, казалось, что он

¹ См.: *Аполлодор*. III.5.2.

² Имеется в виду Ариадна, предавшая ради Тесея своего отца Миноса и сводного брата Минотавра, но оставленная Тесеем.

³ Имеется в виду изгнание Сатурна (Крона) и война Юпитера (Зевса) и его братьев Нептуна (Посейдона) и Аида с титанами. См.: *Аполлодор*. I.2.1.

⁴ *Амфитрион* — муж Алкмены, которая родила от Зевса Геракла (*Аполлодор*. II.4.8); *Тиндарей* — супруг Леды, которая родила от Зевса Елену и Полидевка, одного из Диоскуров (III.10.7).

⁵ Лактанций, скорее всего, имеет в виду историю с Ганимедом, сыном троянского царя Троса. Зевс, восхитившийся красотой юноши, похитил его и сделал на Олимпе виночерпием (*Аполлодор*. III.12.2).

был опорочен нарушением женской целомудренности, но совершил также насилие и в отношении своего пола: истинно то является непристойностью, что совершил он против природы. 13. Тот, кто совершил то, что мы видели, едва ли является великим или, по крайней мере, славным; такие имена чужды совратителям, преступникам, кровосмесителям, если, конечно, мы, люди, не заблуждаемся, когда подобные деяния называем преступлениями и считаем, что распутства достойны всякого наказания. 14. Глупец же — М. Туллий, что укорял Г. Верреса в прелюбодеяниях (их совершал даже Юпитер, которого он почитал),¹ что обвинял П. Клодия в кровосмешении с сестрой (тому же Славному и Великому сестра приходилась женой).²

11. 1. Сколь же глуп тот, кто считает, что на небе царствует тот, кто не должен был бы этого делать и на земле? Не без изыска некий поэт описал триумф Купидона, сделав Купидона в той книге не только могущественнейшим из богов, но и их победителем. 2. Ибо, перечислив любовное увлечение каждого в отдельности, благодаря которым они оказались под властью и господством Купидона, он описал торжественную процессию, в которой скованный вместе с другими богами Юпитер оказался впереди колесницы триумфатора. Остроумно кто-то из поэтов это придумал, однако это недалеко и от истины. 3. Ибо кто лишен добродетели, кто побежден страстями и похотью, тот подчинен, но не Купидону, как сказал тот поэт, а вечной смерти. 4. Однако мы не станем говорить о нравах, рассмотрим саму суть, чтобы люди узнали, в каких они, несчастные, пребывают заблуждениях.

5. Народ полагает, что Юпитер царствует на небе. Это внушается и ученым людям, и несведущим, это доказывает и сама религия, и молитвы, и гимны, и святилища, и статуи. 6. И все же признают его рожден-

¹ Цицерон написал семь речей против злоупотреблений Гая Верреса в Сицилии. В результате Веррес был приговорен к ссылке и возмещению ущерба.

² Публий Клодий Пульхр в 62 г. до н. э. был обвинен в оскорблении празднеств в честь Блаженной Богини. Вина его была доказана Цицероном. Позднее Клодий добьется изгнания Цицерона. Лактанций намекает на тот факт, что Гера (Юнона) являлась не только супругой, но и родной сестрой Зевса (Юпитера) как дочь Крона и Реи.

ным Сатурном и Реей. Каким образом можно считать, что он бог или, как говорит поэт, *людей и мира создатель*,¹ если до его появления на свет уже существовали многие тысячи людей? Я имею в виду тех, кто жил в царствование Сатурна и увидел свет прежде, чем Юпитер. 7. Получается, один был царем в первые времена, другой же в последующие. Стало быть, может случиться так, что еще кто-то один будет царем. Ведь если прежде сменилась власть, отчего мы не можем ожидать, что она может еще смениться? Если Сатурн смог родить [сына] сильнее себя, то почему Юпитер не может? 8. Однако же божественная власть или вечно неизменна, или если она переходила из рук в руки, чего не может быть, то она должна переходить постоянно. Следовательно, Юпитер может лишиться царской власти точно так же, как лишился ее его отец. Именно так. 9. Ведь хотя он не удерживал себя ни от девственниц, ни от замужних женщин, все же не касался Фетиды, ибо был ответ [оракула], что величественнее отца своего станет тот, кто будет рожден ею. 10. Во-первых, это говорит о незнании, не свойственном Богу; если бы Фемида не открыла ему будущее, сам бы он его не узнал.² Если же он [Юпитер] не является провидцем [divinus], то он не является и Богом, от которого сама божественность [divinitas] берет название, как от человека [homo] — человечность [humanitas]. 11. Кроме того, [это говорит] о понимании им своей слабости; как бы то ни было, он боялся более великого. Кто так поступает, тот знает, что сам он в действительности не великий и что когда-нибудь может появиться более могущественный. 12. Тот же Юпитер свято клянется Стиксом, *ибо пред ним лишь полны небожители страхом священным*.³ Что значит *страх священный*, или от кого они им исполнены? Значит, есть какая-то высшая сила, которая карает богов, нарушающих клятву? Что за страх перед адской рекой, если боги бессмертны? Зачем они боятся ту [реку], которую не увидят, если им не дано умереть? 13. Так зачем люди глаза свои возводят к небу, зачем они клянутся небожителями, когда сами небожители нисходят до преисподней и

¹ Вергилий. Энеида. XII.829.

² См.: Аполлодор. III.13.5.

³ Вергилий. Энеида. XII.817.

там обитают? Кого люди почитают, кому молятся? Это что, то же самое, что и судьба, которой подчинены все боги и сам Юпитер? 14. Если у Парок такая сила, что они могущественнее, чем все небожители и чем сам правитель и господин, то почему не говорят, что это они царствуют [на небе], они, законам и предписаниям которых необходимость заставляет повиноваться всех богов? Кто еще сомневается, что тот, кто подчиняется чьей-то власти, не является великим? Ибо если бы он был таковым, то не испытывал бы судьбу, а устраивал бы ее.

15. Теперь я возвращаюсь к тому, что обошел молчанием. Итак, Юпитер лишь в отношении одной женщины был воздержан, хотя страстно любил ее, однако [сдерживался] он не добродетелью, но страхом перед наследником. 16. Этот страх известен только тому, кто смертен, слаб и ничтожен. И в самом деле, Юпитер мог принять смерть еще тогда, когда родился, так же, как погиб рожденный до него брат, который, если бы остался жив, ни за что не уступил бы младшему брату власть. Юпитер же, втайне спасенный и выращенный, был назван Зевсом; но [назван он был так] не в знак жара небесного огня, как полагают те поэты, или что он даритель жизни и вдыхает живущим души, что является добродетелью единственного Бога (ибо какую может вдохнуть душу тот, кто сам получил ее из другого [источника]?), а [назван был так оттого], что был первым из сыновей Сатурна, кто остался жив. 17. Так вот, люди могли иметь правителем другого бога, если бы Сатурн не был обманут женой. «Но это выдумали поэты». Заблуждается всякий, кто так считает. Ведь те поэты рассказывали о людях, но чтобы прославить тех, чью память они славили, говорили о них, что те являются богами. Итак, те поэты измышляли, когда подобное рассказывали о богах, но не о людях. Это станет ясно из примера, который мы приведем. 18. Юпитер, обесчестивший Данаю, щедро одарил ее золотыми монетами. Это была плата за бесчестье. Но поэты, которые рассказывали о Юпитере как о боге, чтобы не умалить мнение о его величии, выдумали, что он излился золотым дождем, [сказали об этом] таким же образом, как говорят о железном дожде,¹ изображая множество дротиков и стрел. 19. Говорят, что он похитил, обратившись в орла, Гани-

¹ Там же. XII.284.

меда: и это поэтический вымысел. Он либо захватил его с помощью легиона, чьим символом является орел, либо имел выполненный в виде орла оплот корабля, на который он посадил того Ганимеда, подобно тому как [имел оплот в виде] быка, когда он захватил и переправил [через море] Европу. 20. Таким же образом он, как передается, обратился в телку Ио, дочь Инаха, которая, чтобы избежать гнева Юноны, шерстью покрыта уже, уже превращенная в телку,¹ переплыла море и прибыла в Египет, и там, обращенная в прежний вид, стала богиней, которая зовется теперь Исидой. 21. Каким же доводом можно доказать, что ни Европа не сидела на быке, ни Ио не превращалась в телку? В фастах есть определенный день, в который празднуется плавание [navigium] Исиды: это доказывает, что она не пересекала моря вплавь, но переплыла [на корабле]. 22. Те, кто считают себя рассудительными людьми, понимая, что живого и земного тела не может быть на небе, отвергают всю басню про Ганимеда из-за ее лживости и понимают, что все это произошло на земле, поскольку и деяние, и сама страсть земные. 23. Стало быть, поэты не сами деяния выдумали, ибо если бы они это сделали, то были бы самыми большими лжецами, а придали деяниям некоторую изящность. Рассказывали же они о том не клеветая, но желая приукрасить [события]. 24. Оттого же люди обманываются, что, во-первых, между тем как все эти события вымышлены поэтами, они считают их достойными восхищения, и, во-вторых, находятся в неведении. Они ведь не знают, какова граница поэтической вольности, до каких пор можно пойти, измышляя. Ведь сущность поэзии состоит в том, чтобы те события, которые действительно произошли, через иносказание передавать с некоторым изяществом в других образах. 25. Все то, что ты повторяешь, выдуманно, то есть вздор, и ты больший лжец, чем поэт. 26. Но они измышляли то, что считается небывальщиной. Неужели к этому относится то, что рассказывают о богинях и о любовных связях? Почему же так рассказывают и так почитают? Разумеется, лгут не только поэты, но и живописцы, и ваятели статуй. 27. Ведь если Юпитер — это тот, кто у вас называется богом, и не тот, кто рожден Сатурном и

¹ Вергилий. Энеида. VII. 790.

Опой,¹ то не следует во всех храмах почитать другие изображения, кроме [статуй] его одного. 28. Зачем ему нужны скульптуры женщин? Зачем слабый пол? Если Юпитер нуждается в этом, то сами камни свидетельствуют, что он человек. 29. Говорят, что поэты лгут, и все же верят им. Более того, на деле показывают, что те не являются лжецами. Ведь так ваяют статуи богов, что из самого различия полов становится очевидным, что истинно то, о чем им говорят поэты. Ведь для чего другого служат статуя Ганимеда и изваяние орла, когда их ставят в храмах у ног Юпитера и славят наравне с ним, если не для того, чтобы навсегда сохранилась память о нечестивом преступлении и позорном деянии?

30. Стало быть, ничего поэтами в целом не выдуманно, а только кое-что перемещено и изложено в иносказательной форме, в которой скрывается окутанная тьмой истина, подобно тому как рассказывается о разделении властей. Ведь утверждают, что Юпитеру досталось небо, Нептуну — море, Плутону — подземное царство. Отчего же не земля оказалась третьей долей? Только потому, что произошло это на земле. 31. В действительности же власть над миром была разделена и распределена по жребию так, что Юпитеру досталась власть над востоком, Плутону, прозвище которого было Агесилай, выпала по жребию западная часть: оттого, что восточный край, откуда людям приходит свет, кажется более высоким, западный же — более низким. [Поэты] таким образом покрыли истину вымыслом, что истина сама ничуть не противоречила народному представлению. 32. О жребии Нептуна все ясно; мы говорим, что власть его была такой же, каким было беспредельное владычество М. Антония, которому сенат определил власть над всем морским побережьем, чтобы он преследовал пиратов и поддерживал на всем море мир. Таким образом, Нептуну досталось все приморье с островами. 33. Каким образом это можно доказать? Разумеется, об этом сообщают древние истории. Древний автор Евгемер,² что был из города

¹ *Опа* — римская богиня плодородия и урожая, впоследствии отождествлялась с Кибелой и считалась женой Сатурна.

² *Евгемер* — греческий философ IV в. до н. э., за рационалистическое толкование мифов прозванный Безбожником. Идеи Евгемера о том, что

Мессена, собрал воедино деяния Юпитера и остальных, кого считают богами, и составил *Историю* из священных надписей, которые сохранились в древнейших храмах и в особенности в святилище Юпитера Трифилийского, где, как свидетельствует надпись, золотая колонна воздвигнута самим Юпитером. На той колонне Юпитер записал свои подвиги, чтобы потомкам остался памятник о его деяниях.

34. Эту *Историю* нашел и перевел Энний,¹ чьи слова таковы: «Тогда Юпитер дал Нептуну власть над морем, чтобы тот правил над всеми островами и всеми территориями, которые расположены вдоль моря». Стало быть, верно говорили поэты, но затуманили [правду] некоторым покровом вымысла и красоты. 35. Также гора Олимп могла дать поэтам тот образ, когда они говорили, что Юпитер, по жребию, стал царем неба, ибо Олимп — одновременно имя и горы, и неба. В той же *Истории* утверждается, что Юпитер жил на Олимпе, о чем написано так: «В те времена Юпитер большую часть жизни проводил на Олимпе, и туда приходили к нему на суд, если кто-то имел тяжбу». И там же: «Если кто-то открывал нечто новое, полезное для человеческой жизни, то он прибывал туда и показывал [изобретение] Юпитеру». 36. Таким образом, поэты многое переиначили, но сделали это не ради того, чтобы лгать против богов, которых почитают, а чтобы разными способами придать песням своим изящество и прелесть. Те же, кто не понимают, что является символом того или иного, бранят поэтов, словно лжецов и святотатцев.

37. В заблуждение это впали также философы, ибо, считая то, что передают о Юпитере, мало соответствующим Богу, они создали двух Юпитеров: одного — настоящего, другого же баснословного. 38. Отчасти они видели то, что было истинным, а именно то, что тот Юпитер, о котором говорят поэты, был человеком. В отношении же того действительного Юпитера, следуя простонародному пониманию религии,

боги были выдающимися людьми древности, будут активно использоваться Лактанцием в полемике с язычниками.

¹ *Энний* — римский писатель (239–169 гг. до н. э.), автор эпической истории римлян, сатир и драм. Цицерон называет его первым переводчиком и последователем Евгемера (*Цицерон. О природе богов. 1.42.119*).

они заблуждались, ибо имя человека давали Богу, Который, как мы говорили выше,¹ так как Он один, имени не имеет. 39. С другой стороны, нельзя отрицать, что Юпитер — это тот, кто был рожден Опой и Сатурном. Стало быть, лживо мнение тех, кто дает имя Юпитера Высшему Богу. Ведь некоторые, кто признают одного Бога, поскольку не могут этого отрицать, обычно защищают свои заблуждения тем, что уверяют, будто они почитают [единственного] Бога, но им хочется именовать его Юпитером. Что может быть абсурднее этого? Ведь Юпитер обычно не почитается вне связи с супругой и дочерью. Из чего ясно, что это не тот [единственный Бог]: ведь нельзя это имя применять и к Минерве, и к Юноне. 40. Мало того, обладание этим именем имеет не божественное, а человеческое значение. Ведь Цицерон поясняет, что Юпитер и Юнона имеют имена, происходящие от слова «помогая» [iuvando].² И Юпитер именуется как отец помогающий [iuvans pater]. Это имя весьма мало подходит к Богу, так как помогать может и человек, когда нужно дополнительными силами оказать небольшие услуги другому. 41. Никто не молит Бога, чтобы Он помог, но молят, чтобы Он спас, чтобы даровал жизнь и здоровье. Это гораздо больше и важнее, чем помощь. И поскольку мы говорим об отце, то никто не говорит, что отец помогает сыновьям, когда рождает их или растит. Этим словом правильнее было бы выражать величину отцовской милости. 42. Зато как оно не подходит к Богу, Который есть истинный Отец, благодаря Которому мы все существуем и детьми Которого являемся, Которым мы сотворены, Который дал нам душу, Который одарил зрением, Который вручил нам жизнь, дает здоровье, предлагает разнообразную пищу! 43. Не замечает божественных благодеяний тот, кто полагает, что он получает только помощь от Бога. Следовательно, не только несведущ, но и нечестив тот, кто именем Юпитера унижает добродетель высшего могущества.

44. Если Юпитер, как мы обнаружили на основе его деяний и нравов, был человеком и правил на земле, то нам остается исследовать также и его смерть. 45. Энний в *Священной истории*, написав обо

¹ См.: I.6.5.

² См.: Цицерон. О природе богов. II.25.64; 26.66.

всем, что тот Юпитер совершил за свою жизнь, в заключении так говорит: «Затем Юпитер, после того как он пятикратно обошел земли и всем друзьям и своим близким раздал власть, когда оставил людям законы, нравы, заготовил хлеб и совершил многие другие благие деяния, наделенный бессмертной славой и [оставивший по себе непреходящую] память, 46. когда подошел к концу его век, на Крите он расстался с жизнью и удалился к богам. Куреты, обитатели острова,¹ его похоронили и восславили; на Крите же, в городе Кносе, находится его гробница. Говорят, что тот город основала Веста, а на той гробнице есть древняя греческая надпись: ZANKRONOY,² что по-латыни значит: “Юпитер, сын Сатурна”». 47. Это, естественно, передают не поэты, а писатели древних деяний, которые были настолько правдивы, что слова их подтверждаются следующими словами Сивилл:

*То божества без души, подобия трупов бессильных,
Скроет которых земля несчастного Крита...³*

48. Цицерон в книге *О природе богов*, когда он сообщает, что теологами насчитывается три Юпитера, говорит, что третий был критянином, сыном Сатурна, чью гробницу показывают на том же острове.⁴ 49. Каким же образом Бог может быть живым здесь, а там мертвым; здесь иметь храм, а там гробницу? Пусть же знают римляне, что их Капитолий, главный центр народной религии, не что иное, как пустой памятник.

50. Теперь мы подходим к [рассмотрению] его отца, который правил прежде него и который, пожалуй, заключал в себе больше из того, что, как говорят, рождается из различных стихий. Посмотрим, что при нем было достойного [для присвоения ему имени] Бога. 51. Прежде всего то, что при нем, как рассказывают, был «золотой век», что при нем справедливость пребывала на земле. При нем, по-моему, было то, чего не было при его сыне. Ведь что столь соответствует Богу,

¹ *Куреты* — демонические существа, составлявшие окружение Матери богов — Реи (Кибелы), прятали младенца-Зевса, укрытого от Сатурна на Крите.

² Буквально: «Сын Кроноса».

³ Книги Сивилл. VIII. 47–48.

⁴ Цицерон. *О природе богов*. III.21.53.

как не справедливое управление и благочестивый век? 52. Но когда я думаю об этом, я не могу считать его Высшим Богом, ведь я вижу, что было что-то древнее его: разумеется, это небо и земля. Я же ищу того Бога, до Которого вообще ничего не существовало. Им должен быть Тот, Кто само небо воздвиг и создал землю. 53. Сатурн же, если был рожден, как считается, от неба и земли, как он может быть первым Богом, если он обязан своим появлением другим? Или кто управлял миром, прежде чем появился Сатурн? 54. Но это, как я сказал чуть раньше, поэтический вымысел. Ведь не может случиться так, чтобы бесчувственные стихии, столь отдаленные друг от друга, слились воедино и породили сына; или чтобы тот, кто был рожден, оказался совершенно непохож на родителей, и имел бы ту наружность, которой не обладали его родители.

55. Отыщем же то истинное, что скрывается под этим образом. Минуций Феликс в той книге, которую он озаглавил *Октавий*, рассуждал так: Сатурн, когда был изгнан сыном и прибыл в Италию, был назван сыном неба, поскольку мы обычно говорим о тех, чьей доблестью восхищаемся, а также о тех, кто появляется внезапно, что они «упали с неба». Сыном же земли — потому что те, кто рожден от неизвестных родителей, мы обычно называем сыновьями земли. 56. Сказанное, таким образом, хотя и близко к истине, но все же не истинно: ведь известно, что Сатурн считался таковым [сыном неба и земли] еще тогда, когда царствовал. 57. Можно было рассуждать и так: Сатурн, когда был могущественнейшим царем, для сохранения памяти о своих родителях дал их имена небу и земле, в то время как до этого они именовались по-другому. Таким образом, как мы знаем, были даны имена рекам и горам. 58. Ведь когда поэты говорят о потомках Атланта или о потомках реки Инах, то не говорят же они, что люди могли быть рождены от вещей, не имеющих чувственности, но обозначают так тех, кто были рождены от этих людей, которые или при жизни, или умерев дали имена свои горам и реке. 59. Ведь это было обычным делом у предков особенно у греков. Так, мы узнали, что моря получили имена тех, кто в них утонул, как, например, Эгейское, Икарийское, Геллеспонт. И в Лации Авентин дал имя холму, на котором был погребен, Тиберин или Тибр — реке, в которой утонул. 60. Стало быть, не удивительно,

если бы небу и земле были даны имена тех, кто родил могущественнейших царей.¹

61. Итак, ясно, что он не был рожден небом, чего не может быть, но был рожден тем человеком, имя которому было Уран. То, что это так, подтверждает Трисмегист, который, когда говорил, что было очень мало сопричастных совершенному учению людей, называл в их числе Урана, Сатурна, Меркурия и своих родственников. 62. Поскольку он не знал истину, то увел историю в другую сторону. Я показывал, каким образом он мог бы рассуждать. Теперь я скажу, как, где и кем небо было названо Небом. В действительности это сделал не Сатурн, а Юпитер. 63. В *Священной истории* Энний сообщает следующее: «Затем Пан привел его [Юпитера] на гору, которая называется Стела [т. е. плита, надгробье] Неба. После того как поднялся туда, он обозрел кругом земли и там на горе установил алтарь Небу, и первым на этом алтаре принес жертву. Там он поднял глаза к небу, как мы теперь его зовем, и тому, что было выше земли, что называлось эфиром, дал имя по имени своего деда Неба. И Юпитер первым то, что называется эфиром, молясь, назвал небом и принес ту жертву, которую там освятил». Известно, что Юпитер не только там совершал жертвоприношения. 64. Цезарь также в *Арате* передает,² что Аглаосфен рассказывал, что когда Юпитер отправлялся с острова Наксоса против Титанов и совершал на берегу жертвоприношения, во время ауспиций к нему прилетел орел, которого победитель, приняв за добрый знак, стал почитать. 65. *Священная история* также передает, что на голову Юпитеру опустился орел и возвестил ему грядущее владычество. Кому же Юпитер мог приносить жертву, если не деду Небу, который, как говорит Евгемер, погиб в океане и погребен в крепости Авлации?

¹ *Минуций Феликс*. Октавий. 21.5–7.

² *Арат* — греческий поэт (ок. 315–240 г. до н. э.) из Солы (Малая Азия), автор научной поэмы *Явления и приметы*, в которой описывается звездное небо и звездные явления. Произведение Арата неоднократно переводилось на латинский язык, в том числе Цицероном. Лактанций цитирует Арата в переводе *Германика Цезаря*, известного прежде всего в качестве римского полководца (15 г. до н. э. — 19 г. н. э.), воевавшего с германцами.

12. 1. Поскольку мы разоблачили тайны [mysteria] поэтов и обнаружили родителей Сатурна, возвратимся к его добродетелям и деяниям. [Говорят], он был справедлив в правлении. 2. Во-первых, он не является богом уже от того, что *был*; во-вторых, от того, что *был* он все-таки несправедлив, и не только в отношении своих сыновей, которых умерщвлял, но и в отношении своего отца, генеталии которого он отсек, что, вероятно, случилось на самом деле. 3. Однако люди, считающие его первоначалом неба, весь этот рассказ отвергают как вымышленный самым нелепым образом, хотя стойки, как обычно, пытаются найти в нем естественный смысл; мысли их высказал Цицерон, рассуждая о природе богов. 4. Он говорит, что небесная высочайшая и вечная природа, т. е. огненная, которая из себя все родила, не могла обладать той частью тела, которая служит для произведения на свет.¹ Это суждение могло бы подойти к Весте, если бы речь не шла о мужчине. 5. Ведь потому Весту считают девственницей, что неприкосновенный огонь есть стихия, из которой ничего не может родиться, ибо все, чем бы он ни овладел, огонь уничтожает. 6. Овидий говорит в *Фастах*:

*Помни, что Веста — не что иное, как пламя живое,
А из огня никогда не возникают тела.*

*Стало быть, дева она, и семян не дает она вовсе
И не берет, а сама девственных любит подруг.²*

7. Это я также мог приписать и Вулкану, который хотя тоже считается огнем, все же поэты его не оскопили. Мог приписать и Солнцу, в котором природа и причина живых существ. Ведь без огненного жара Солнца ничего не может ни родиться, ни приумножиться. Так что никакой другой стихии не нужны детородные органы настолько, как жару, благодаря теплу которого все появляется, рождается и лелеется. 8. Наконец, даже если это все так, как они хотят, почему мы считаем, что Небо было скорее оскоплено, нежели вообще не имело детородных органов? Ведь если оно рождает само по себе, оно не нуждалось ни в каких детородных органах, когда производило на свет самого Сатурна. Если же имело бы, и они были отсечены сыном, погибло бы начало

¹ Цицерон. О природе богов. II.24.64.

² Овидий. Фасты. VI.291–294.

вещей и всякая природа. 9. Мало того, у самого Сатурна отнимают не только божественное начало, но и человеческое, когда видят в Сатурне того кто заключает в себе движение и смену одним другого отрезков времени, и кто у греков носит соответствующее имя. Ведь зовут его Кронос [Κρόνος], что то же самое, что «хронос» [χρόνος], т. е. «отрезок времени». Сатурном же он был назван, потому что насыщается [saturetur] годами. 10. Это слова Цицерона,¹ излагавшего взгляд стоиков, который весьма пуст, что очевидно всякому понимающему человеку. Ведь если Сатурн — сын Неба, каким образом время могло родиться от Неба, и как Небо могло быть оскоплено временем, и как затем время могло быть лишено власти сыном Юпитером? Или какими годами могла насыщаться вечность, у которой нет никаких пределов?

13. 1. Итак, если тщетны те рассуждения философов, то что остается, если только не поверить, что это произошло на самом деле, т. е. что человек оскотил человека? Если только кто-то не думает, что Богом был тот, кто боялся сонаследника; тогда он, если что-то имел божественного, должен был отсечь гениталии не отца, а свои собственные, чтобы не родился Юпитер, который лишил его власти. 2. Равным образом он сестру свою Рею, которую мы называем по-латыни Опой, не сделал бы женой, поскольку, как говорят, по изречению оракула ему запрещалось растить сыновей, ибо было пророчество, что он будет свергнут сыном. Боясь этого, он все-таки не пожирал рожденных ему сыновей, как сообщают басни, а убивал. Впрочем, в *Священной истории* говорится, что Сатурн, Опа и прочие жившие тогда люди питались человеческой плотью, Юпитер же первый, начертав людям законы и нормы нравственности, запретил своим эдиктом употреблять подобную пищу. 3. Если это было действительно так, то какая при нем могла быть справедливость? Конечно, мы считаем ложью то, что Сатурн пожирал своих сыновей; разве только то, что говорит народ о поглощении им сыновей, следует понимать в другом смысле, а именно, что он их хоронил, предавал погребению? Опа же, когда родила Юпитера, унесла его младенцем и, для того, чтобы он вырос, отправила его тайком на Крит. 4. Вновь нам предстоит опровергнуть заблуждение. Почему же

¹ Цицерон. О природе богов. II.25.64.

Сатурн узнал предсказание от другого? Почему он, водворенный на небе, не увидел того, что совершилось на земле? 5. Почему Корибанты¹ ввели его кимвалами в заблуждение? Почему, наконец, существовала иная, более могущественная сила, которая смогла превзойти его могущество? Ведь старик легко был побежден молодым и лишен власти. 6. Итак, изгнанный, он бежал, и после того как долго странствовал, на корабле прибыл в Италию, как передает в книгах *Фаст* Овидий:

*А почему здесь корабль, расскажу я. На тускскую реку
Бог серпоносный пришел, круг исходивши земли.²*

7. Этого странника, терпящего лишения, принял Янус. Доказательством этого события служат старинные монеты, на одной стороне которых изображен двуликий Янус, на другой же — корабль, о чем пишет тот же поэт:

*Но благочестивый народ на меди корабль отчеканил
В память о том, как сюда прибыл низвергнутый бог.³*

8. Стало быть, все соглашались с тем, что Сатурн был человеком: не только поэты, но и авторы историй и древних деяний, которые передали памяти его подвиги в Италии. Из греков — Диодор и Талл,⁴ из латинян — Непот, Кассий⁵ и Варрон. 9. Поскольку же в Италии царили свирепые нравы,

¹ *Корибанты* — спутники и служители Матери богов — Реи (Кибелы), вместе с Куретами заглушали плач младенца-Зевса ударами копий о щиты, тимпанами, криками и плясками (*Страбон*. X.3.7).

² Овидий. *Фасты*. I. 233–234.

³ Там же. I. 239–240.

⁴ *Диодор Сицилийский* — греческий историк (ок. 90–21 гг. до н. э.), автор *Исторической библиотеки*, первые книги которой посвящены мифологическому прошлому. *Талл* — историк I в. н. э., автор *Сирийской истории*. Его имя называет св. Феофил Антиохийский в сочинении *К Автолику* (III.29) и Тертуллиан в *Апологетике* (10.7; 19.6).

⁵ *Корнелий Непот* — римский историк (ок. 100 — ок. 32 гг. до н. э.). Лактанций, по-видимому, вспоминает недошедшую до нас *Хронику* Непота, в которой была изложена всемирная история. *Дион Кассий* — римский историк греческого происхождения (ок. 160–235 гг.), автор *Римской истории* в восьмидесяти книгах.

*Он дикарей, что по горным лесам в одиночку скитались,
Слил в единый народ, и законы им дал, и Латинской
Землю назвал, в которой он встарь укрывался надежно.¹*

10. Кто-то еще полагает, что Богом был тот, кто был свергнут, тот, кто бежал, тот, кто скрывался? Нет столь неразумного человека. Ибо тот, кто бежал или скрывался, неизбежно боялся силы и смерти. 11. Орфей, живший несколько позже его времен, прямо говорит, что Сатурн царствовал на земле, среди людей:

*Крон царствовал первым над всеми земными мужами;
Зевс же, державный властитель, от Крона рождение принял.*

12. Так же говорит и наш Марон:

Жил Сатурн золотой на земле подобною жизнью.²

И в другом месте:

*Золотым именуют тот век, когда был царем он:
Мирно и столь безмятежно народами правил.³*

13. Ни выше Вергилий не сказал, что Сатурн жил на небе, ни ниже [не упомянул], что он правил небожителями. Отсюда выходит, что он был земным царем, о чем [Вергилий] еще конкретнее говорит где-то в другом месте:

*...снова
Век вернет золотой на Латинские пашни, где древле
сам Сатурн был царем...⁴*

14. При этом Энний, переводя Евгемера, говорит, что первым царем был не Сатурн, но его отец Уран. «Вначале, — утверждает он, — верховную власть на земле имел Небо [Coelus]. Это царство он основал и организовал вместе со своими братьями». 15. Большого противоречия здесь нет, есть лишь неопределенность великих авторов относительно сына и отца. Могло стать так, что своим влиянием среди прочих первым стал возвышаться Уран, и он имел звание первого, но не царскую власть; затем Сатурн приобрел большее могущество и принял имя царя.

¹ Вергилий. Энеида. VIII. 321–323.

² Там же. II. 538.

³ Там же. VIII. 324–325 (Перевод наш. — В. Т.).

⁴ Там же. VI. 792–794.

14. 1. Теперь, поскольку с тем, что мы цитировали, *Священная история* несколько не согласуется, воспользуемся ею, основанной на истинных письменах; она, как мне кажется, не идет в порицании религии вслед поэтическому вздору и представляет все ясно. 2. Слова Энния таковы: «Затем Сатурн взял в жены Опу. Титан, который по рождению был старше, потребовал для себя царской власти. Тогда Веста, их мать, а также их сестры Церера и Опа дали совет Сатурну не уступать власть брату. 3. Тогда Титан, который обликом был менее красив, чем Сатурн, по этой причине, а также потому, что увидел, что мать его и сестры добились, чтобы правил Сатурн, покорился тому, чтобы тот был царем. И заключил с Сатурном договор, по которому, если у того [Сатурна] родится ребенок мужского пола, то Сатурн не будет его растить. Это Титан делал для того, чтобы царство перешло к его собственным потомкам. 4. Когда от Сатурна родился первый сын, он убил его. Следующими родились близнецы Юпитер и Юнона. Тогда Сатурну показали Юнону, а Юпитера тайным образом укрыли и отдали его на воспитание Весте, скрыв это от Сатурна. 5. Так же тайно от Сатурна Опа родила Нептуна и укрыла его. Подобным же образом в третьи роды Опа произвела на свет близнецов Плутона и Главку. Плутона по-латыни зовут Диспатер, иначе же — Орк. Тогда Сатурну показали дочь Главку, а сына Плутона утаили и спрятали. Затем девочка Главка умерла». 6. Те, кто здесь перечислены, — семейство и родня Юпитера и его братьев. Это передает нам священный текст. 7. Чуть далее следует: «Затем Титан, после того как узнал, что Сатурном тайно были рождены и выращены сыновья, увел с собой своих сыновей, которых зовут Титанами, и захватил брата своего Сатурна, а также Опу, окружил их стеной и приставил к ним охрану».

8. То, что эта история весьма правдива, доказывает эритрейская Сивилла, говоря приблизительно то же;¹ отличаются ее слова лишь немногим, что не относится к существу дела. 9. Следовательно, Юпитер свободен от обвинения в высшем преступлении, будто бы он, как говорят, заковал в цепи отца. Стало быть, это сделал Титан, его дядя, за то, что Сатурн вопреки соглашению и клятве вырастил сыновей. 10. Далее *История* повествует так: «Когда возмужавший Юпитер услышал, что

¹ См.: Книги Сивилл. III. 110–153; 199–201.

отец его и мать находятся под стражей и закованы в кандалы, он пришел с великим множеством критян, одержал победу над Титаном и его сыновьями в великом сражении, освободил от оков родителей, возвратил отцу власть и вернулся на Крит. 11. После того Сатурну было дано предупреждение, чтобы он остерегался, как бы сын не лишил его власти. Чтобы избежать такой участи и уйти от опасности, Сатурн захотел избавиться от Юпитера и убить его. Когда эти козни открылись, Юпитер сам захватил власть и обратил Сатурна в бегство, 12. который, когда был свергнут, скитаясь по всем землям, преследуемый войсками, которые послал Юпитер, чтобы схватить его или убить, с большим трудом достиг областей Италии, где и укрылся».

15. 1. После того как не осталось сомнений, что они были людьми, становится ясным, вследствие чего они стали именоваться богами. 2. Ведь если до Сатурна или Урана не было ни одного царя вследствие малочисленности людей, которые вели сельскую жизнь без какого-либо правителя, нет сомнения, что люди в те времена самого [первого] царя и весь [его] род стали одаривать высшими похвалами и невиданными почестями, а также стали называть их богами или за чудо [подаренной] добродетели (грубым и простым людям она действительно представлялась чудом), или, как бывает, из чувства раболепия к очевидному могуществу, или за те милости, которыми одарили они тогдашнее человечество. 3. Потом сами цари, когда стали дороги тем, чью жизнь они привели в порядок, смертью своей оставили по себе великую скорбь. 4. И вот люди изготовили их статуи, чтобы получить от созерцания их хоть некоторое утешение, и через любовь стали чтить память покойников. Тем самым они воздавали благодарность и побуждали преемников тех [царей] к стремлению властвовать добродетельно. 5. Это утверждает и Цицерон, говоря о природе богов: «В жизни людей обыкновенно принято по общему желанию и согласию возводить на небо мужей, превосходных благодеяниями. [Так, подняли на небо] Геркулеса, затем Кастора, Поллукса, за ними Эскулапа и Либеры».¹ 6. И в другом месте: «Во многих государствах также можно заметить, что ради совершенствования в добродетели или затем, чтобы каждый благородный был

¹ Цицерон. О природе богов. II.24.62.

готов подвергнуться опасности ради государства, воздавали божественные почести памяти лучших из мужей». ¹ Исходя именно из этих соображений римляне обоготворили своих цезарей, а мавры — своих царей. 7. Так постепенно появились религии, когда эти первые люди, которые тех [правителей] признали [за богов], приучили к тому своих детей и внуков, затем [это перешло] и к другим поколениям. И эти верховные цари вследствие известности имен почитались во всех провинциях. 8. Каждый же народ наделил высшим почетом основателей своего рода или города, которые были или мужами, славными доблестными деяниями, или женщинами, удивительными своей нравственной чистотой; так египтяне [обоготворили] Исиду, мавры — Юбу, македоняне — Кабира, пунийцы — Урана, латиняне — Фавна, сабиняне — Санка, а римляне — Квирина. 9. Таким же образом афиняне [стали почитать] Минерву, самосцы — Юнону, жители Пафа — Венеру, Вулкана — жители Лемноса, Либера — жители Наксоса, Аполлона — жители Делоса. 10. Так вот среди народов и в [разных] странах появились различные священные обряды, поскольку благодарные люди стремились быть рядом со своими правителями и поскольку не могли найти тех, кого они наделяли разными почестями и кто теперь отошел от жизни. 11. Кроме того, заблуждению чрезвычайно способствовало благочестие тех, кто тем [первым царям] наследовал. Поскольку им казалось, что они рождены от божественных предков, то и [сами] воздавали почести родителям, и приказывали, чтобы и другие воздавали. 12. Но, может быть, кто-то [еще] сомневается, каким образом появились религии богов; пусть [он тогда] изберет главными спутниками слова Энея из Марона:

*Ныне Юпитеру почесть воздайте вина возлияньем
И обратите молитвы к Анхису-родителю ваши.*²

Он дал тому [Анхису] не только бессмертие, но и господство над ветрами:

*Будем о ветрах молить, о том, чтоб обряд ежегодный
В собственном храме его совершали мы, город воздвигнув.*³

¹ Там же. III.19.50.

² Вергилий. Энеида. VII.133–134 (Перевод наш. — В. Т.).

³ Там же. V.59–60.

13. Надо думать, что так же поступили в отношении Юпитера Либер, Пан, Меркурий и Аполлон, а потом и в отношении их самих — их потомки. Появились также поэты и, слагая для наслаждения поэмы, подняли тех людей на небо, как поступают те, кто лживыми панегириками заискивают перед царями и злодеями. 14. Это зло родилось у греков, легкомысленных и надменное ораторским даром и силой, подняло невероятное множество облаков лжи. И вот, поклоняясь им, они [греки] первые учредили в их честь священнодействия и передали всем народам. 15. Сивилла так порицает их за это пустословие:

*О, для чего ты, Эллада, на смертных вождей полагаешься?
<Им не дано ведь никак избегнуть конца рокового.>
Что ж ублажаешь дарами никчемными тех, кто погибнет,
И изваяньям жертвы приносишь? Отколь научилась
Делать такое, презрев лицо всемогущего Бога?¹*

16. Марк Туллий, который был не только превосходным оратором, но и [замечательным] философом (ибо он единственный оказался равным Платону), в той книге, где он сам себя утешал по смерти дочери,² без всякого колебания заявлял, что боги, которые всенародно почитаются, были людьми. 17. Это свидетельство его должно считаться от того более значимым, что он имел авгурский жезл жрецов и клялся, что почитает богов и молится им. 18. Так вот, в нескольких строчках Цицерон предоставил нам два обстоятельства. Ведь когда он заявлял, что обоготворит образ дочери так же, как те люди были обоготворены древними, то утверждал, [с одной стороны], что те люди смертны, и, [с другой стороны], ясно показал нам происхождение пустого суеверия. 19. «Когда, — говорит он, — мы видим, что многие мужчины и женщины находятся среди богов, и когда почитаем их величественнейшими святилищами в городах и селах, тогда мы поклоняемся мудрости тех, благодаря чьим дарам и изобретениям мы имеем жизнь, облагороженную и организованную законами и установлениями. 20. Если же когда-нибудь и следовало обожествить какое-либо живое существо, то, безусловно, эту [жен-

¹ Книги Сивилл. III.545–549.

² Имеется в виду *Утешение на смерть Туллии*, дошедшее до нас во фрагментах.

щину]. И если молва подняла на небо потомство Кадма, Амфитриона, Тиндарея, то и ей, несомненно, следует оказать такой же почет. Что я и делаю, и тебя, лучшую из всех и образованнейшую, да позволят мне бессмертные боги, помещаю в собрание их и причисляю к богам для славы среди всех смертных». 21. Кто-нибудь, возможно, скажет, что Цицерон от избытка скорби говорил вздор. Напротив, вся эта речь, необычайно совершенная и отточенностью мысли, и примерами, и самим способом изложения, была исполнена не скорби, но являла признаки стойкости духа и трезвости суждения автора, мысль которого не несет и тени неодолимой скорби. 22. Ведь не мог он писать столь изощренно, столь красноречиво, столь изящно, если бы и разум, и утешения близких, и время не облегчили скорбь его. 23. Так что? Подобное этому он говорит и в книгах *О государстве*, а также *О славе*.¹ Так, в труде *О законах*, где он, идя вслед Платону, хотел предложить законы, которыми, как полагал, должно пользоваться справедливое и разумное государство, он так сказал о религии: «Почитайте богов: и тех, которые всегда пребывают на небе, и тех, которых возвели на небо за благодеяния — Геркулеса, Либеры, Эскулапа, Кастора, Поллукса и Квирина».² 24. То же [мы находим и] в *Тускуланских беседах*, где Цицерон говорит, что почти все небо наполнено людьми: «Если же я попытаюсь проникнуть в старину и попробую извлечь из нее то, что нам передали греческие писатели, то откроется, что те боги, которые почитались древнейшими, взошли на небо от нас. 25. Подумай, сколько их гробниц показывают в Греции; вспомни, что передается в таинствах мистерий, — и тогда ты поймешь, что так было повсюду».³ 26. Он призывает в свидетели осведомленность Аттика,⁴ говоря, что из самих таинств можно понять, что все те, которых мы почитаем, были людьми. Без колебаний он признает это [человеческое происхождение] за Геркулесом, Либером, Эскулапом, Кастором, Пол-

¹ Цицерон. *О государстве*. VI.13; сочинение Цицерона *О славе* (*De Gloria*) дошло до нас в отрывках.

² Цицерон. *О законах*. II.8.19.

³ Цицерон. *Тускуланские беседы*. I.13.29.

⁴ *Аттик Тит Помпей* — римский всадник (110–32 гг. до н. э.), состоявший в переписке с Цицероном.

луксом, хотя и боится открыто сказать подобное об Аполлоне и Юпитере, отцах их, как и о Нептуне, Вулкане, Марсе и Меркурии, которых он называет богами древних народов. 27. И потому он говорит, что *так было повсюду*, чтобы то же самое мы думали по поводу Юпитера и других древнейших богов. Если память о них таким же образом освящалась, как он хотел бы увековечить образ и имя дочери, то это можно простить скорбящим, но нельзя простить верующим. 28. Ведь кто столь безумен, чтобы думать, будто с согласия и к удовольствию многочисленных глупцов небо открывалось для смертных? Или будто кто-то может дать другому то, чего сам не имеет?

29. У римлян Юлий потому считается богом, что он был мил преступнику Антонию; а Квирин¹ — потому что был угоден пастухам, несмотря на то, что один [Квирин] убил своего брата, а другой [Цезарь] погубил отечество. 30. Ибо если бы Антоний не был консулом, Г. Цезарь не получил бы за свои заслуги перед государством даже почестей, оказываемых умершему человеку, хотя бы из-за намерений тестя Пизона и родственника Л. Цезаря, которые запретили совершать погребение, и консула Долабеллы, который низверг на форуме его колонну, т. е. стелу с надписью, и очистил форум. Ромул же своей смертью вызвал скорбь у народа, который, как свидетельствует Эний, скорбя по любимому царю, так восклицал:

31. *О Ромул, божественный Ромул,
Стражем каким для отчизны боги тебя породили!
О родитель, отец, о кровь, рожденная небом!
Ты народ наш увел в края, озаренные светом!*²

32. Вследствие этой скорби легче оказалось поверить лгуну Юлию Прокулу, который был отправлен отцами-сенаторами известить народу, что видел, мол, того царя в сиянии славы, превосходящем облик человеческий. И что он передал народу, чтобы тот воздвиг ему храм, [а также] что он бог и имя его — Квирин.³ 33. Тем самым он убеждал

¹ В данном случае речь идет о Ромуле, основателе и первом царе Рима. См. далее: I.15.32.

² *Епп. Анн.* 115–118; см.: *Цицерон.* О государстве. I.41.64.

³ См.: *Цицерон.* О государстве. II.10.20; *Флор.* Эпитама. I.1.18.

народ в том, что Ромул отправился к богам, и снял с сената подозрение в убийстве царя.

16. 1. Я бы мог удовлетвориться тем, что уже сказал, но остается еще много необходимого для успеха начатого труда. 2. Ибо я, хотя и лишил суеверия головы, все же хотел бы последовать далее и полнее обличить застарелое убеждение, чтобы устыдились наконец люди и раскаялись в своих заблуждениях. 3. Это труд большой и достойный человека.

Души стараюсь избавить из пут суеверий,¹

как сказал Лукреций,² который, впрочем, не мог этого сделать, поскольку не сообщал ничего истинного. Сделать это наша задача, ибо мы как проповедуем истинного Бога, так и отвергаем ложных. 4. Стало быть, те, кто полагают, что поэты сочинили о богах басни, и при этом верят в богинь-женщин и поклоняются им, возвращаются, бесстыдные, к тому, что сами отвергали, а именно признают, что те богини вступали в соитие и рожали детей. 5. Ведь не может быть, чтобы появление двух полов не подразумевало произведения на свет потомства. Допустив различие полов [у богов], они не понимают, что из этого следует то, что выдуманное ими не может быть свойственно Богу. Но пусть [будет] так, как они считают; пусть, как они говорят, и у Юпитера, и у других богов были дети. 6. И вот рождаются, стало быть, и притом ежедневно, новые боги: ведь не уступают они людям плодovitостью. Тогда бы все было переполнено бесчисленными богами, поскольку никто из них, конечно же, не умирает. 7. Ведь если столь невероятное множество и бесчисленное количество людей, которые все же, как бы ни рождались, с необходимостью умирают, что же мы должны думать о количестве богов, которые будто бы рождались на протяжении стольких веков и оставались бессмертными? 8. Почему же почитаются столь немногие? Разве только мы предположим, что два пола богов были не для произведения на свет, но только ради получения удовольствия, и боги предавались тому, что стыдно совершать даже людишкам. 9. Если же гово-

¹ *Лукреций.* О природе вещей. I.931 (Перевод наш. — В. Т.).

² *Лукреций Кар* — римский поэт и философ (ок. 96–55 гг. до н. э.), автор поэмы *О природе вещей*, в которой он излагает идеи Эпикура.

рят, что такой-то бог рожден таким-то, то боги должны были рождаться и далее, как и прежде, или, если вдруг когда-то прекратили рождаться, то нам следует знать, почему и когда именно прекратили. 10. Не без изящества Сенека писал в книгах по моральной философии: «Что же это? Почему похотливый Юпитер перестал у поэтов производить на свет? Или он достиг шестидесяти лет и ему стал запрещать это закон Папия?»¹ Или он решил родить только троих детей? Или вспомнил изречение: *жди от другого того, что сам кому-то делал* — и испугался, как бы кто-нибудь не совершил с ним то, что сам он сделал с Сатурном?» 11. Но те, кто признают богов, пусть подумают, каким образом ответить на тот аргумент, который мы приведем. Если у богов два пола, значит, должны быть соития; если они вступают в половую связь, необходимо, чтобы они имели дома. Не лишены же они достоинства и стыда, чтобы совершать это не таясь и открыто, как делают бессловесные животные. 12. Если же они имеют дома, следовательно, имеют и города, как у Назона, который говорит:

*Чернь где придется живет. В передней же части чертога
Встали пенаты богов-небожителей, властью славных.²*

Если имеют города, стало быть, и поля имеют. 13. Кто теперь не увидит, что из этого следует? Они их пашут и возделывают, чтобы получить пропитание. Следовательно, боги смертны. 14. Это рассуждение можно перевернуть. Так, если боги не имеют полей, то не имеют и городов. Если не имеют городов, то и домов не имеют. Если нет у них домов, следовательно, не вступают они в соития. Если у них нет соитий, стало быть, нет и женского пола. Мы же видим, что в число богов включены и женщины. Значит, они не боги. Пусть разрушит, если кто сможет, этот довод. 15. Ведь так одно из другого следует, что необходимо принять этот вывод. 16. Впрочем, и следующее рассуждение никто не опровергнет. Из двух полов один более сильный, другой более слабый. Более сильные, конечно, мужчины, более слабые — женщины. Слабость же не свойственна Богу, следовательно, у него не женский

¹ *Марк Папий Мутил* — консул в 9 г. до н. э., вместе с Поппеем Сабинном издал закон о безбрачии.

² *Овидий*. *Метаморфозы*. I.173–174.

пол. 17. Из этого довода следует такое заключение: богов, [о которых нам рассказывают], нет, ибо в числе [этих] богов есть и женщины.

17. 1. Вследствие этих рассуждений стоики по-другому толкуют богов и, поскольку не понимают, в чем истина, пытаются соединить их с пониманием природных вещей. Следуя им, Цицерон высказал такую мысль о богах и о веровании в них: 2. «Неужели вы не видите, что от правильного и полезного познания природных вещей рассудок человеческий был отвлечен в мир выдуманных и ложных богов? Это породило ложные мнения, ошибки, вносящие путаницу, и почти бабьи суеверия. И вот: нам известны уже и облик богов, и возраст, и одежда, и украшения, их родословия, браки, все родственные отношения, и все это было перенесено на них для того, чтобы уподобить их слабому человечеству».¹ Что можно сказать более ясно и более истинно? 3. Глава римской философии и человек, не менее одаренный, чем самый выдающийся жрец, засвидетельствовал, что культ богов является *почти бабьим суеверием*; жаловался, что ложными мнениями, ошибками, вносящими путаницу, люди были сбиты с толку. 4. Ведь вся третья книга *О природе богов* ниспровергает и разрушает подобные верования. Что же мы можем добавить? Неужели мы можем превзойти в красноречии Цицерона? Вовсе нет. Однако ему не хватило уверенности, поскольку не знал он истины, что честно сам признал в том же сочинении. Ибо он говорил, что «скорее мог бы сказать, чего нет, чем то, что есть»;² т. е. признавал, что понимает, где ложное, но не знает истины.

5. Итак, ясно, что те, кто считаются богами, были людьми, память о которых была увековечена после смерти. Возраст же у них различный, и внешность у каждого своя потому, что статуи изображают их именно в том облике и в том возрасте, какими застала их смерть. 6. Давайте рассмотрим, если угодно, горести несчастных богов. Исида потеряла сына,³

¹ Цицерон. О природе богов. II.28.70.

² Там же. I.21.60.

³ Сын Исиды — Гор, но Лактанций, вслед за Луканом и Овидием, называет сыном Исиды Осириса (в действительности — ее брата и мужа). См. далее: I.21.20—21. Гор (Осирис) был укушен ядовитой змеей, но воскрешен богом Тотом.

Церера — дочь.¹ Изгнанная и скитающаяся по всей земле Латона² едва нашла ничтожный остров, чтобы на нем родить. 7. Мать богов полюбила юного и прекрасного бога и его же, застигнутого с любовницей, заставила оскопить себя и сделала кастратом;³ и поэтому теперь жрецы Галлии совершают в его честь богослужения. Юнона решительным образом преследовала соперниц, поскольку сама не могла родить от брата. 8. Варрон пишет, что остров Самос прежде назывался Парфения,⁴ поскольку там росла Юнона и там же она вышла замуж за Юпитера. Так вот, на Самосе находится ее знаменитый и весьма древний храм, а также изваяна статуя, изображающая ее в брачном наряде, и там проводятся в ее честь ежегодные богослужения в виде брачной церемонии. Если же она выросла, если сначала была девушкой, а потом женщиной, то пусть тот, кто не видит, что она была человеком, признает себя животным. 9. А что мне сказать о непристойности Венеры, самой развращенной среди всех, не только богов, но и людей? И действительно, она от известного срама с Марсом родила Гармонию, от Меркурия — Гермафродита, который был рожден полуженщиной-полумужчиной, от Юпитера — Купидона, от Анхиса — Энея, от Бута — Эрикса, от Адониса же никого не смогла родить, поскольку тот погиб еще ребенком, когда его ранил кабан.⁵ 10. Она первой, как рассказывается в *Священной истории*, изобрела ремесло проституции и обучала ему женщин на Кипре, чтобы они зарабатывали, торгуя своим телом. Она приказывала им делать это для того, чтобы [другим] не казалось, будто она единственная из всех женщин распутна и жаждет мужчин. 11. Или она имела нечто, свойственное божеству, та, чьи прелюбодеяния

¹ Речь идет о Персефоне, дочери Деметры и Зевса, которую похитил (с разрешения Зевса) Аид.

² *Латона* (Лето) — дочь титата Кея и Фебы, родившая от Зевса близнецов Аполлона и Артемиду на острове Делос (*Аполлодор*. I.4.1).

³ Лактанций намекает на историю Кибелы, которая полюбила юного Аттиса. Застигнув Аттиса с нимфой, она, Кибела, убила нимфу, а на Аттиса наслала безумие, в котором он сам оскопил себя. См.: *Овидий*. Фасты. IV.223–246.

⁴ *Парфения* (греч.) — девственная.

⁵ См.: *Овидий*. Метаморфозы. X.708–716.

многочисленное, чем ее потомство? Но даже те женщины [т. е. другие богини, о которых рассказывается ниже. — *Прим. Пер.*] не могли сохранить безупречную нравственность. А откуда был рожден Эрихтоний? Неужели из земли, как это хотят видеть поэты? Но пусть это прояснит само дело. 12. Так вот, когда Вулкан изготовлял оружие для богов и Юпитер предложил ему выбрать награду, какую бы он хотел для себя получить, и поклялся, как обычно, водами подземными, что ни в чем не откажет, тогда хромым мастер попросил в жены Минерву. 13. Этот великий Юпитер, связанный данной клятвой, не мог отказать, но все же призвал Минерву сопротивляться и защищать целомудренность. Тогда в ходе той борьбы, как говорят, Вулкан пролил семя на землю, отчего был рожден Эрихтоний, и было дано ему имя от слов «эрида»¹ и «хтонос»², что означает «от борьбы и земли». 14. Так почему дева [Минерва] этого ребенка, заперев и запечатав его со змеей, передала трем дочерям Кекропа? Здесь явно, как я полагаю, [была] преступная связь, которую никоим образом нельзя было открывать. 15. Другая [Диана], когда чуть не погубила возлюбленного своего [Ипполита], которого разорвали *скакуны*, в *исступленном летящие страхе*,³ позвала для заботы о юноше превосходнейшего врача Асклепия. И, излеченный, он

...унесен благодатной Дианой

В рощи Эгерии был и сокрыт в приюте надежном.

Имя себе изменил и назвавшись Вирбием, здесь он

*Век в неизвестности свой средь лесов провел италийских.*⁴

16. Что же означает эта столь волнующая и столь чуткая забота? Что за надежный приют? Что за удаление и куда, к женщине ли, или в уединение? Далее, что за изменение имени? Наконец, что за столь ярое исступление скакунов? Что все это означает, если не рассказ о позоре и девичьей, по крайней мере, любви? 17. Ясно, что столько усилий она приложила ради столь верного юноши, который отверг домогательства влюбленной в него мачехи.

¹ *Эрида* — в греческой мифологии космогоническая сила, олицетворяющая раздор, дочь Ночи и внучка Хаоса.

² *Хтонос* (греч.) — земля.

³ *Вергилий*. Энеида. VII.767.

⁴ Там же. VII.773–776.

18. 1. Этим отрывком должны быть изобличены также те, кто, хотя и допускают, что богами стали люди, все же прославляют и превозносят их либо за доблесть, как Геркулеса, либо за дары, как Цереру и Либера, либо за изобретения искусств, как Эскулапа и Минерву. 2. Я на отдельных фактах покажу, что весьма вздорно, весьма недостойно все то, из-за чего люди оскверняют себя непростительным злодеянием и становятся врагами Богу, когда, оставляя Его без внимания, устанавливают священнодействия в честь смертных.

3. Они говорят, что это добродетель поднимает людей на небо; однако [имеют в виду] не ту добродетель, о которой рассуждают философы и которая относится к достоянию души, но ту телесную [доблесть], которая утверждается героическими поступками и которая, поскольку у Геркулеса она была исключительной, обеспечила ему, как считается, бессмертие. 4. Кто глуп и вздорен настолько, что полагает телесную силу богоподобной или считает человеческое [состояние] значительным, в то время как люди гибнут от более сильных животных, часто изнемогают от единственной болезни или ослабевают от старости и умирают?

5. Так вот, тот Геркулес, когда увидел, что мускулы его становятся безобразными от язв, не захотел излечить себя, не захотел дожить до старости, только чтобы никогда не увидеть себя более слабым и обезображенным. 6. Полагают, что он поднялся на небо из костра, на котором сжег себя заживо. Те самые подвиги, которые вызывают столь нелепейший восторг, были запечатлены в изваяниях и увековечены в изображениях, чтобы вечно пребывали памятники для подтверждения глупости тех, кто верит, что богами становятся вследствие убийства дикий зверей. 7. Но в этом, по-видимому, вина греков, которые всегда принимают ничтожнейшие деяния за величайшие [подвиги]. 8. Неужели наши в этом мудрее, когда они презирают атлетическую доблесть, поскольку она ничему не противодействует, но царственной [доблестью], за то, что она имеет обыкновение наносить повсеместно ущерб, восхищаются настолько, что полагают, будто бы храбрейшие и воинственнейшие полководцы находятся в числе богов и будто бы не существует никакой иной дороги к бессмертию, кроме руководства войском, захвата чужого добра, уничтожения городов, разрушения крепостей,

убийства или порабощения свободных людей? 9. Чем больше, очевидно, они избивали людей, грабили их и убивали, тем более благородными и более славными они себя считали, и, привлеченные образом пустой славы, присвоили себе своими злодеяниями имя добродетели. 10. Я бы предпочел, чтобы [люди] выдумывали себе богов [из героев], убивавших диких зверей, нежели прославляли бессмертие, купленное ценой такой крови. Если кто-то умертвил одного человека, то он слышит за нечестивца и преступника, и полагают, что у него нет права вступить в земное обиталище богов. Зато тот, кто убил невероятное множество людей, кто залил поля [сражений] кровью, кто обагрил ею реки, не только [впускается] в храм, но и возводится на небо. 11. У Энния так сказал Африкан:

*Если кому и позволено в небо к бессмертным подняться,
Мне одному отворятся великие неба ворота.¹*

Надо полагать, за то, что он убил и искалечил невероятное количество людей. 12. О, в каких потемках пребываешь ты, Африкан! Или, вернее, [как заблуждаешься ты], поэт, когда полагаешь, что через убийство и кровь открывается людям вход на небо! 13. С этим пустословием соглашается и Цицерон. «Да, Африкан, — говорит он, — ведь и Геркулесу те врата открыты по той же причине».² 14. Будто бы Цицерон сам был привратником на небе, когда это происходило! Я даже не могу определить, плакать мне или смеяться, когда я вижу, что почтенные ученые и, как они сами себе кажутся, мудрые мужи катятся по волнам достойных сожаления заблуждений. 15. Если то, [что приписывают Геркулесу и Сципиону], есть добродетель, которая нас делает бессмертными, я предпочту умереть сам, чем погубить множество людей. 16. Если нельзя получить бессмертия иначе, как только через кровопролитие, что же будет, если все согласятся жить в согласии? Что, действительно, произойдет, если, презрев пагубное и преступное безумие, люди захотят стать незлобивыми и справедливыми? 17. Неужели тогда никто не будет достоин неба? Неужели исчезнет добродетель, если людям не дано будет творить жестокость в отношении [других] людей? Однако

¹ Энн. Епигр. III.9–10 (Перевод наш. — В. Т.).

² См.: Цицерон. О государстве. Фрагм. 1.

те, кто высшей славой считают разрушение городов и [покорение] народов, не стремятся установить мир для народов; они нападают, свирепствуют и, неся несправедливость, разрушают человеческую общность, чтобы они смогли иметь врага, от которого потом более сами страдают, нежели его беспокоят.

18. Перейдем теперь к остальному. Церере и Либеру имя богов дала передача [ими] даров. Божественными Писаниями я могу доказать, что вино и зерна были в употреблении людей до поколения Неба и Сатурна, но мы воображаем, что это их дары [людям]. 19. Разве можно считать, что собирать зерна и перемалывать их в муку или выжимать из виноградных гроздей превосходный сок и изготавливать вино научились прежде, чем были рождены и произведены от земли сами зерна или виноградные лозы? 20. Конечно, это Бог наделил людей способностью использовать все это: не может же быть так, чтобы все это было [произведено] не Тем, Кто и мудрость дал человеку, для того чтобы тот [сам] обрел [остальное], и Кто создал все то, что может быть [человеком] постигнуто.

21. Рассказывают, что искусства обеспечили бессмертие своим изобретателям: Эскулапу — медицина, Вулкану — [кузнечное] ремесло. Стало быть, мы почитаем и тех, кто научил нас сукноделию и сапожному ремеслу. Почему же нет уважения к гончарному ремеслу? Оттого, что презираются знаменитые самосские вазы? 22. Есть и другие искусства, изобретатели которых оказали пользу для человеческой жизни. Почему же и им не были возведены храмы? 23. Да, безусловно, есть Минерва, которая изобрела все, потому-то мастера ей и поклоняются. И вот благодаря тем низким людям Минерва и поднялась на небо. 24. Почему же всякий пренебрегает Тем, Кто создал землю со всеми живущими [на ней], небо со звездами и светилами, с тем, чтобы почитать ту, которая научила ткачеству? 25. Что же тот, кто раны на теле лечит? Неужели он превосходнее Того, Кто сами тела эти создал? Того, Кто дал понимание и разум? И, наконец, Того, Кто сами травы и все прочее, на чем стоит искусство исцеления, придумал и произвел?

19. 1. Но кто-нибудь скажет, что следует оказывать почтение и тому Высшему Богу, Который все сотворил, и тем, которые принесли некоторую пользу. 2. Никогда не было того, чтобы те, кто почитают богов,

почитали бы также Бога. И быть этого не может, поскольку если бы тем богам оказывался тот же почет, что и Богу, Бог бы никогда несколько не почитался, ибо Его религия стоит на том, что Бог — один и только Он один и почитается. 3. Указывает же величайший из поэтов, что все те, кто улучшали жизнь, изобретая искусства, находятся в преисподней, и что тот самый изобретатель столь важного искусства медицины был низвергнут молнией в воды Стикса,¹ чтобы мы поняли, какова власть всемогущего Отца, что Он даже поражает молниями богов. 4. Но мыслящие люди, возможно, скажут: поскольку Бог не может быть поражен молнией, ясно, что этого не было. Напротив, поскольку это было, то ясно, что он [Эскулап] был человеком, а не Богом. 5. Конечно, поэты лгали не о факте, но об имени [Бога]. Они ведь боялись говорить вопреки народному мнению то, что истинно. 6. Если же самими поэтами признается, что боги были сделаны из людей, почему же не верят поэтам, когда те описывают их скитания, ранения, смерти, войны, измены?² 7. Из этого следует признать, что никоим образом они не могли быть богами. А поскольку они были людьми недостойными, то в жизни своей они совершали то, чем стяжали вечную смерть.

20. 1. Приступаю теперь к собственной религии римлян, поскольку об остальных я уже сказал. Божественными почестями наделяется у них Волчица [Lupa], вскормившая Ромула. Я бы еще снёс, если бы она была животным, чье имя она носит. 2. Но Ливий сообщает, что «волчица» — прозвище Ларенции, и притом [оно относится] не к телу, но к духовному складу и нравам ее. Была же она женой Фаустула и из-за легкости обретения ее телом получила среди пастухов прозвище «волчицы» [Lupaе], т. е. блудницы;³ отсюда же происходит название публичного дома [lupana].

3. Конечно, римляне в подобном представлении следуют примеру афинян, у которых была некая блудница по имени Львица [Leaena], избавившая их от тирана, а поскольку статую блудницы нельзя было помещать в храме, там установили изваяние животного, чье имя она

¹ См.: Вергилий. Энеида. VII.772–773.

² См.: Цицерон. О природе богов. I.16.42.

³ См.: Тит Ливий. История от основания Города. I.4.6–7.

носила. 4. Итак, как одни соорудили памятник, основываясь на имени [женщины], так другие — на ее занятии. Именем последней был назван также праздник и учреждены Ларенциналии. 5. Но римляне почитали не только эту блудницу, но и Фаулу, которая, как писал Веррий,¹ была любовницей Геркулеса. Сколь же велико, надо полагать, то бессмертие, которое даже блудницы обрели! 6. Флора, нажив распутным занятием великие богатства, назначила своим наследником народ и оставила ему все свое имущество, на годовую прибыль от которого празднуется с организацией зрелищ ее день рождения, который называют Флоралии. 7. А поскольку это показалось сенату постыдным, он решил взять от имени его смысл, чтобы придать непристойному празднику некое достоинство. Вообразили, что она богиня, которая правит цветами [floribus], и ее следует задабривать, чтобы плоды смоковниц и винограда наливались зрелостью. 8. Исследуя это обстоятельство, поэт в *Фастах* сообщил, что Флора была небезызвестной нимфой, которая именовалась Хлорой, приходилась женой Зефиру, и как бы в качестве приданого получила от мужа власть над всеми цветами.² 9. Описывается это достойным уважения образом, но верить этому постыдно и нечестиво: мы не должны впадать в заблуждение подобного рода, когда открылась истина.

10. И вот устраивают те празднества со всей разнузданностью, подобно памяти о той блуднице. Ведь кроме срамных слов, которыми обнажается вся непристойность, те блудницы, которые исполняют во время празднеств пантомиму, освобождаются также, по требованию народа, от одежд и перед народом исполняют полные непристойностей пляски. 11. Статую [Венеры] Очистительницы [Cloacinae], найденную в большой сточной канаве [cloaca], Таций причислил к божественным, а поскольку неведомо было, чье это изображение, то дал ей имя того места, [где нашел ее]. Тулл Гостилий придумал Страх [Pavorem] и Смятение [Pallorem] и почитал их.³ 12. Что же мне сказать об этом, кро-

¹ *Веррий Флакк* — римский грамматик времен Октавиана Августа и Тиберия; среди написанных им произведений было также сочинение о римских праздниках, которое в данном случае использует Лактанций.

² *Овидий*. *Фасты*. V.195–212.

³ См.: *Тит Ливий*. *История от основания Города*. I.27.7.

ме того, что он удостоился, как обычно хотят, постоянно иметь своих богов рядом с собой? От этого поступок М. Марцелла с обожествлением Чести [Honoris] и Доблести [Virtutis] различается именами почитаемых богов, но не отличается по смыслу.¹ 13. С той же бессмысленностью сенат поместил среди богов Ум [Mentem], каковым если бы сенат действительно обладал, никогда бы не установил богопочитание такого рода. 14. Цицерон говорит, что Греция последовала великому и смелому совету установить в гимназиях статуи Похоти [Cupidinum] и Любви [Amorem]. Он, очевидно, льстил Аттику или же посмеивался над близким ему человеком. 15. Конечно, это следовало называть не великим советом, но несчастной и горькой извращенностью распутных людей, которые у детей своих, которых должны были обучать высокой нравственности, пробуждали сладострастие юношества. Они хотели, чтобы почитались боги бесчестий, причем в тех местах, где нагие тела открыты растлевающим взорам, и в том возрасте, когда чистый и наивный юноша скорее может быть пленен и попасть в сети [сладострастного обмана], чем проявить осторожность. 16. Что удивительного, если все бесчестия пошли от этого народа, у которого сами пороки освящены религией, и от них не только не уклоняются, но и почитают их? И потому к этому сказанному Цицерон, будто бы рассудительностью желал превзойти греков, прибавил: «Ведь обожествляться должны добродетели, а не пороки».² 17. Если ты признаешь это, о Марк Туллий, видишь ли ты, что злодеяния граничат с благами, и в душах человеческих они более сильны? Если ты противишься тому, чтобы обожествлялись пороки, пусть ответит тебе та самая Греция, что она почитает одних богов, чтобы те помогали, а других — чтобы они не вредили. Это вечное оправдание, конечно, удобно тем, кто несчастья свои представляют в качестве богов, как римляне — Ржу [Rubiginem] и Лихорадку [Febrem]. 18. Если, стало быть, не следует обожествлять пороки, в чем я соглашусь с тобой, не следует также обожествлять и добродетели. Ибо люди не понимают сами и не ощущают, что не внутри стен или в

¹ См.: Цицерон. О природе богов. II.23.61. По словам Цицерона, Клавдий Марцелл восстановил храм Доблести и храм Чести, которые были освящены Квинтом Максимом.

² Цицерон. О законах. II.11.28.

молельнях, слепленных из глины, но внутри сердец те добродетели должны находиться, и они должны быть глубоко сокрыты, чтобы не быть ложными, как всякий раз, когда почитаются вне человека. 19. Итак, я смеюсь над твоим замечательным законом, который ты выразил в следующих словах: «Пусть почитаются те [достоинства], благодаря которым человек получает доступ на небо: ум, доблесть, милосердие, верность — и пусть воздвигаются ради прославления их храмы».¹ Однако эти [достоинства] не могут быть отделены от человека. 20. Если уж и следует их почитать, то в самом человеке. Если же они вне человека, зачем нужно почитать то, чего ты не имеешь? Конечно, следует почитать доблесть, а не изображение доблести. И следует почитать не с помощью каких-то жертвоприношений или воскурения, или торжественных молитв, но с помощью одного лишь стремления к ней и сохранения ее. 21. Ведь зачем еще нужно почитать доблесть, кроме как для того, чтобы она поселилась в душе и пребывала там? Ибо каждый, как только начинает желать этого, достигает [желаемого]. Только таков культ доблести, ибо никакой другой религии и другого почитания не следует иметь, кроме религии одного Бога. 22. Так зачем нужно, о мудрейший муж, занимать места излишними сооружениями, которые могли бы послужить на пользу людям? Зачем назначать жрецов, которые будут почитать пустое и бесчувственное? Зачем приносить жертвы? Зачем идти на столь великие траты для изготовления статуй и почитания их? 23. Более прочным и более безупречным храмом является душа человеческая: она лучше украшена и скорее наполнена теми достоинствами. 24. Так нужно ли следовать этим ложным богам? Ведь кто таким образом почитает добродетели, т. е. кто следует за тенью и образом добродетелей, не может обладать теми истинными добродетелями. 25. Итак, ни в ком не может быть никакой добродетели, когда повсюду господствуют пороки; никакой верности, когда все делается ради себя самого; никакого милосердия, когда жадность проявляется к братьям и родителям и когда алчность влечет к яду и оружию; никакого мира, никакого согласия, когда всю свирепствуют войны или когда недруги доходят до кровопролития; никакой целомудренности,

¹ Там же. II.8.19.

когда в необузданной страсти сплетаются разные помыслы и разные части тела. 26. И все же не перестают почитать то, что отвергают и ненавидят. Почитают же с благовоениями и с показным трепетом то, что должны уважать в глубине души. Все это заблуждение произошло от пренебрежения первейшим и высшим Благом.

27. Однажды, когда Город был захвачен галлами, римляне, осажденные в Капитолии, [ради спасения своего] свили канаты из волос женщин и по той причине стали поклоняться Венере Лысой. 28. И не видят, насколько пусты их верования; настолько, что содержащийся в них вздор делает их предметом насмешек. 29. Вероятно, римляне научились измышлять себе богов, основываясь на происшедшем, у лакедемонян. Однажды те [лакедемоняне] осаждали мессенцев, а те, обхитрив осаждавших их и тайком выйдя из города, устремились на опустошение Лакедемона, но были рассеяны и обращены в бегство спартанскими женщинами. 30. Когда лакедемоняне узнали об уловке врагов, они отступили. Вдали же, по направлению к ним, шли вооруженные женщины; когда они увидели, что мужья их готовятся к битве, вероятно сочтя, что перед ними [не их мужья, а] мессенцы, [спартанки] обнажили свои тела. 31. Те же узнали своих жен и пришли от увиденных [обнаженных женских тел], как это обычно бывает, в возбуждение, и армии перемешались между собой. Мужчины и женщины совокупились друг с другом, 32. так что нельзя их было разделить, словно юноши, прежде отверженные, соединились наконец с [желанными] девушками; от этого [совокупления] были рождены парфении.¹ И в память об этом событии спартанцы установили статую Венере Вооруженной. Хотя это поклонение и появилось из случая безнравственного, все же нам представляется более достойным почитать Венеру Вооруженную, нежели Лысую.

33. В то же время [римлянами] был установлен жертвенник Юпитера Пекаря, который увещевал их во сне, чтобы они испекли из всей муки, какая только у них есть, хлеб и перебросили его в лагерь врагов. Когда они это сделали, [с города] была снята осада, поскольку галлы

¹ Историю о появлении парфениев приводит Помпей Трог. См.: *Юстин. Эпитома*. III.4.1–10.

потеряли надежду на то, что нужда заставит римлян покориться. Какая насмешка над религией! 34. Если бы я был ее защитником, о чем бы я столь тяжело сожалел, как не о том, что божества дошли до такого презрения, что в издевку называются позорнейшими именами? 35. Кто не посмеется над богиней Форнакс?¹ Или над тем, что ученые мужи, празднуя Форнакалии, выпекают хлеб? Кто сможет сдержать улыбку, когда услышит о богине Муте?² Говорят, что она та, от которой были рождены лары, и потому называют ее Ларой или Ларундой. Что она может дать своему почитателю, если не может говорить? 36. Почитается и Кака, которая сообщила Геркулесу об украденных быках и которая обрела божественность, предав брата.³

Почитаются и Кунина,⁴ которая оберегает младенцев в колыбелях и снимает порчу, и Стеркулий,⁵ который первым ввел способ удобрять землю навозом, и Мутун,⁶ под постыдным покровительством которого находятся [девушки], вступающие в брак, чтобы казалось, будто целомудрие их первым познает бог, и множество других вымышленных [богов]. Так что мы утверждаем, что те, кто воздает подобный почет, еще более гонится за тщетой, чем египтяне, которые поклоняются неким безобразным и достойным осмеяния статуям. 37. Они хотя бы имеют некий образ. А что за [глупцы] люди, почитающие грубый, бесформенный камень, имя которому Термин? Он, говорят, тот, кого проглотил

¹ *Форнакс* (Fornax, букв.: Печь) — богиня очагов и печей. См.: *Овидий*. *Фасты*. II.525–532.

² *Мута* (Muta, букв.: Немая) — нимфа, которую Юпитер за болтливость поразил немотой. См.: *Овидий*. *Фасты*. II.583–616.

³ Бог Как (Cacus) похитил часть стада у Геркулеса; вернуть стадо помогла сестра похитителя, Кака (Caca), за что ей было посвящено святилище, где горел неугасимый огонь.

⁴ Лактанций намекает, что имя этой богини происходит от латинского *cupaе* (колыбель, люлька).

⁵ Лактанций в очередной раз намекает на происхождение имени бога. *Sterculinium* (букв.: навозная куча, свалка нечистот).

⁶ Имя бога *Мутуна*, который отождествляется с греческим Приапом, богом производительных сил природы, происходит от латинского *muto*, буквально означающего мужской половой орган, фаллос.

Сатурн вместо Юпитера, и не зря ему воздается уважение. 38. Ведь когда Тарквиний захотел соорудить Капитолий, он, поскольку на том месте, [где он задумал воздвигнуть храм Юпитеру], находились святилища многих богов, спросил их через авгуров, уступят ли они [место] Юпитеру; когда же все уступили, [непреклонным] остался только Термин. 39. По этой причине поэт назвал его *неколебимой скалой Капитолия*.¹ Уже из этого самого открывается, насколько велик Юпитер, которому не уступил [места] камень, вероятно от того, что он [Термин] спас Юпитера от отеческих зубов. 40. И вот когда Капитолий был сооружен, вверху, в кровле, было оставлено отверстие для Термина, чтобы он, поскольку уж не удалился, наслаждался чистым небом; коль уж люди сами наслаждаются им, то сочли, что и камень будет наслаждаться. 41. И вот народ молится ему как богу-стражу рубежей, который не только камнем, но иногда и пнем является. 42. Что же я скажу о тех, кто поклоняется таким [богам], как не то, что сами они камни и пни!

21. 1. Мы сказали о богах, которым поклоняются, теперь же следует несколько рассказать о творимых в отношении их священнодействиях и таинствах. После того как Тевкр на Кипре принес Юпитеру человеческую жертву, это священнодействие перешло к последующим [поколениям], пока недавно, во время правления Адриана,² это не было отменено. 2. У тавров, бесчеловечного и дикого народа, был закон, по которому для Дианы закалались чужеземцы, и подобное жертвоприношение существовало долгие годы. 3. Галлы также задабривали Езуса и Тевтата³ человеческой кровью. Латинянам также была введена подобная жестокость, о чем свидетельствует то, что Юпитер Латинский до сих пор освящается человеческой кровью. Какое благо можно вымолить у таких [богов], которые принимают подобные жертвы? 4. Или что могут дать людям такие боги, милость которых обретается через мучения? Но это не столь удивительно для варваров, у которых религия соответствует их нравам. Наши же [соотечественники], постоянно приписывающие себе в заслугу

¹ *Вергилий*. Энеида. IX.448.

² *Адриан* — римский император с 117 по 138 г.

³ В кельтской мифологии *Езус* — гневный бог, *Тевтат* — бог племенного сообщества; оба бога часто воспринимались как боги войны. О человеческих жертвоприношениях им сообщал Лукан (о Лукане см. с. 98, прим. 2).

мягкость и человечность, не оказываются ли еще ужаснее благодаря этим нечестивым священнодействиям? 5. Ибо те скорее должны считаться преступниками, кто, будучи облагорожены изучением свободных наук, удаляются от человеколюбия, а не те, кто, будучи невежественными и грубыми, совершают злодеяния, не ведая дел добрых. 6. Очевидно, что этот обычай приносить в жертву людей — обычай древний, ибо еще Сатурну в Лации поклонялись, используя тот же способ приносить жертвы, но человек не закалался на жертвеннике, а его сбрасывали с Мульвийского моста в Тибр. 7. То, что это было обычным делом, подтверждает Варрон, приводя некий ответ, последняя строка которого таковая:

И головы в Аид к Отцу людей также отправьте.

Поскольку это казалось двусмысленным, обычно туда бросали и факел, и человека.

8. Однако рассказывают, что этот вид жертвоприношения был отменен Геркулесом, когда тот вернулся из Испании, но он все же сохранил обряд, ибо вместо настоящих людей стали сбрасывать чучела из тростника, как о том говорит Овидий в *Фастах*:

*Вплоть до того как пришел к нам тифийский герой, ежегодно
Здесь этот мрачный завет, как на Левкаде, блюли.
Первый он вместо людей утопил соломенных чучел, —
И по приказу его так поступают досель.¹*

9. Эти священнодействия совершают девственницы-весталки, как он говорит:

*В эти же иды еще с дубового моста весталки
Чучела старых мужей в воду бросают реки.²*

Я не нахожу, что сказать о младенцах, которых приносили в жертву тому самому Сатурну из-за ненависти [*propter odium*] к Юпитеру. 10. Настолько дикими и настолько жестокими были люди, чтобы детоубийство свое, т. е. противное и ненавистное роду человеческому преступление, называть священнодействием, когда без всякого милосердия [они]

¹ Овидий. *Фасты*. V.629–632.

² Там же. V.623–624.

уничтожали нежные и невинные души, находящиеся в весьма милом для родителей возрасте, и жестокостью превосходили лютость всех зверей, которые все же любят своих детенышей! 11. О неисцелимое безумие! Что же те боги могли сделать, будучи исполнены гнева, если делают это, будучи милостивыми, если почитателей своих толкают на детоубийство, лишают детей и человеческих чувств? 12. Что святого может быть у тех людей? Или как они могут поступать в неосвященных местах, если среди алтарей богов совершают столь страшные преступления?

13. Песценний Фест в книгах *Историй* среди прочего передает, что карфагеняне обычно приносили Сатурну человеческие жертвы, когда же они были побеждены Агафоклом, царем сицилийцев, сочли, что бог разгневался на них, и вот, чтобы умиловить его, принесли в жертву двести знатных юношей.¹

14. *Вот к злодеяньям каким побуждала религия смертных, И нечестивых сама и преступных деяний рождала.*²

15. К кому же обращались безумнейшие люди через подобные жертвоприношения, когда они уничтожили столь большую часть населения города, какую, пожалуй, не уничтожил бы даже победитель Агафокл? 16. Не меньшим безумием, чем этот род жертвоприношений, следует считать те публичные жертвоприношения, одни из которых совершаются для Матери богов: в ходе них люди приносили в жертву свои мужские гениталии; лишившись половых органов, они становились ни мужчинами, ни женщинами. Другие жертвоприношения совершали для Доблести [Virtutis], которую также называют Беллоной: в ходе них сами жрецы приносили в жертву не чужую, а собственную кровь. 17. С рассеченными с помощью мечей предплечьями обеих рук они бегали, страдали и безумствовали. Весьма хорошо сказал Квинтиллиан³ в *Фанатике*: «Если это заставляет совершать бог, то он злой. 18. Неужели это священнодействие? Не лучше ли жить подобно животным, нежели почитать столь злых, столь нечестивых и столь кровожадных богов?» 19. Откуда же взялись

¹ Агафокл — сицилийский тиран, вел войну в Африке в 311–310 гг. до н. э.

² Лукреций. О природе вещей. I.102, 84.

³ Квинтиллиан — римский оратор (ок. 35 — ок. 100 гг.). Сочинение, на которое ссылается Лактанций, до нас не дошло.

эти заблуждения и такие гнусности, мы обсудим в своем месте.¹ Сейчас же посмотрим на другие [священнодействия], которые не сопровождаются преступлениями, чтобы не показалось, будто мы, стремясь к порицанию, выбираем наихудшие [примеры]. 20. В Египте существуют священнодействия, посвященные Исиде, в которых вспоминают об утрате ею сына и его обретении. В самом деле, вначале ее жрецы, обнажив тело, бьют себя в грудь и выражают скорбь, как если бы она сама так делала, когда утратила сына. Затем приводят ребенка, как бы найденного, и та скорбь перерастает в ликования. Потому Лукан² и говорит:

...тут был и вечно искомый Осирис.³

21. Постоянно ведь теряют и постоянно находят. Стало быть, под видом священнодействия рассказывается о том, что на самом деле произошло, и это в действительности, если мы хоть что-то понимаем, означает, что она была смертной женщиной, которая потеряла бы навсегда единственного сына, если бы он не был ей возвращен. Этого вовсе не отвергает тот самый поэт, у которого юный Помпей,⁴ услышавший о смерти отца, так воскликнул:

*Достану из склепа Исиду, народом к богам отнесенную,
А с нею в одежды льняные укрытого сына ее Осириса.⁵*

22. Это тот Осирис, которого в народе зовут Серапом или Сераписом. Ведь у тех смертных, которых причисляли к богам, обычно меняли имена. Я думаю, [это делается] для того, чтобы никто не посчитал, что они были людьми. 23. Ведь и Ромул после смерти сделался Квирином, и Леда — Немезидой, и Цирцея — Марикой, и Ино, после того как бросилась в море, Левкотеей и Матерью Макутой, и сын ее Мели-

¹ См.: II.16.

² Лукан Марк Анней — римский писатель (39–65 гг.), представитель эпического жанра, автор поэмы *Фарсалия*.

³ Лактанций в данном случае допускает ошибку. Приводимые им слова принадлежат Овидию. См.: *Овидий. Метаморфозы*. 9.692.

⁴ Имеется в виду Гней Помпей Магн, римский полководец и государственный деятель (106–48 гг. до н. э.), чью войну с Цезарем Лукан излагает в поэме *Фарсалия*.

⁵ *Lucanus*. IX.158–159 (Перевод наш. — В. Т.).

керт стал Палемоном и Портунном. 24. Священнодействия, посвященные Церере Элевсинской, не отличаются от тех. Ведь как там мальчик Осирис разыскивался рыдающей матерью, так и здесь [разыскивалась] Прозерпина, захваченная для кровосмесительного брака с дядей.¹ Ибо ведь рассказывают, что ее на Сицилии искала Церера с зажженным от жерла Этны факелом, отчего и священнодействия в ее честь проводятся с горящими факелами.²

25. В Лампсаке в жертву Приапу приносится осел. Смысл этого жертвоприношения в *Фастах* излагается следующим образом. Когда все боги собрались на пиршество к Великой Матери³ и, насытившись яствами, проводили ночь в играх, Веста легла на землю и предалась сну. Ее сном и целомудренностью решил воспользоваться Приап, но от внезапного крика осла, на котором ездил Силен, она пробудилась, и похотливый замысел сладострастника был разрушен. 26. По этой причине жители Лампсака в жертву Приапу стали приносить осла, как бы в отместку. У римлян же весталки во время священнодействий украшают осла хлебами в благодарность за сохраненную целомудренность [Весты].⁴ 27. Что отвратительнее, что постыднее того, что Веста осталась девственницей по милости осла? Но поэт, скажут, выдумал басню. 28. Так неужели же ближе к истине то, что передают те, кто записывали удивительные истории, когда они рассказывают о двух звездах [созвездия] Рака, которых греки именуют Ослами? Мол, это те самые осла, которые перевозили Отца Либера, когда тот не мог перебраться через реку. Одному из них он дал такую награду, что тот стал говорить человеческим голосом. И вот между ним и Приапом разгорелся спор по поводу величины детородного органа. Приап был побежден и в гневе убил победителя.⁵ 29. Это же еще больший вздор! Однако поэтам дозволено все, что бы они ни захотели. Я не стану разъяснять столь постыдное «таинство», не стану разоблачать Приапа, чтобы не показать, что это достойно лишь усмешки. Конечно, все это выдумали поэты, но,

¹ Лактанций говорит о похищении Персефоны (Прозерпины) Аидом.

² См.: Цицерон. Речь против Верреса. IV.48.106.

³ Имеется в виду богиня Кибела.

⁴ Рассказ о Приапе и осле см.: Овидий. Фасты. I.391–440.

⁵ См.: Овидий. Фасты. I.391–456; Гигин. Астрономия. II.23.2.

безусловно, это было выдуманно ради прикрытия некоего большого срама. Мы откроем, ради какого именно. 30. Впрочем, это и так ясно. Ведь как бык приносится в жертву Луне, поскольку также имеет рога, и как

Перс закалает коня лучистому Гипериону:

Быстрому богу нельзя медленный жертвовать скот,¹

так и в том случае, поскольку размеры детородного лошака были огромны, не могла этому чудовищу быть найдена более подходящая жертва, кроме той, которая могла бы быть уподоблена тому, кому она приносится.

31. В Линде, городе Родоса, совершаются жертвоприношения Геркулесу, церемония которых весьма отличается от остальных. Ибо они сопровождаются не славословиями, а бранью и проклятиями, и то считается оскорблением, если вдруг среди ритуальных торжеств у кого-нибудь по незнанию вырывается доброе слово. 32. Смысл этого священнодействия, если вообще может быть какой-то смысл в пустом деле, как передают, таков. 33. Геркулес, когда оказался на том острове и испытывал голод, увидел какого-то пахаря и стал просить у него, чтобы тот продал одного быка. Однако пахарь ответил, что не может этого сделать, ибо вся надежда у него по обработке земли возлагается на этих двух быков. 34. Геркулес, разгневавшись за то, что не мог получить одного быка, убил обоих. Тот же несчастный пахарь, увидев, что быки его убиты, на перенесенную несправедливость ответил [отборной] бранью, которая очень понравилась остроумному и дерзкому человеку [т. е. самому Геркулесу]. 35. Ведь пока он со спутниками своими вкушал яства и пока ел чужих быков, со смехом и хохотом слушал пахаря, весьма оскорблявшего его. 36. А после того как Геркулесу за удивительную доблесть стали воздаваться божественные почести, горожанами был поставлен ему алтарь, который в память о случившемся он назвал *жертвенником двух быков*. На нем приносят в жертву двух молодых бычков, подобно тем, которых он убил у пахаря. Самого же пахаря Геркулес сделал своим жрецом и приказал, чтобы при всяком жертвоприношении он использовал ту же самую брань, ибо признавал, что никогда не пировал веселее, [чем под тергательства]. 37. Это уже не священнодействия, а святотатства, в кото-

¹ Овидий. Фасты. I.385–386.

рых то называется священным, что в других случаях, если такое случится, строжайшим образом наказывается.

38. Что же другое открывают священнодействия самого Юпитера Критского, если не то, каким образом он избежал [жестокости] отца и был возвращен? Нимфа Амалфея является козой, которая сосцами вскормила мальчика. О ней Германик Цезарь так говорит в песне *Арата*:

...Считают, что ею

*Был некогда вскормлен Юпитер; о том, что Юпитер-дитя
Выменем критской козы был накормлен когда-то,
Место звезды говорит, что она обрела от питомца в награду.*

39. Шкуру этой козы Юпитер использовал для щита во время войны с титанами. Мусей¹ утверждает, что именно оттого поэты его называют Эгидоносцем. Итак, все то, что случилось в то время, когда скрывали мальчика, в образной форме совершается во время священнодействий.

40. Но и культ его матери равным образом содержит то, что показал в *Фастах* Овидий:

*Ида крутая с той самой поры огласилась звоном,
Чтоб в безопасности мог громко младенец кричать.
В гулкие били щиты, стучали в порожние шлемы, —
Это куретов был долг и корибантов толпы.
И представляя, как встарь они укрывали младенца,
Свита богини гремит медью и бьет по щитам.
Бьют вместо шлема в кимвал, а вместо щита по тимпанам;
Но, как и раньше, звучит флейты фригийский напев.²*

41. Всю эту версию, как выдуманную поэтами, Саллюстий³ отверг и хотел остроумно растолковать, почему куреты считаются воспитателями Юпитера, и говорит следующим образом: «Поскольку они были

¹ *Мусей* — легендарный греческий поэт, считавшийся учеником Орфея. Так же, как и Орфею, ему приписывались стихи о генеалогиях богов и сотворении мира, гимны и изречения.

² *Овидий*. *Фасты*. IV.207–214.

³ *Саллюстий Гай Крисп* — римский историк (86–35 гг. до н. э.), автор *Югуртинской войны*, *Заговора Катилины* и дошедшей до нас в отрывках *Истории*.

первыми, кто постиг божественность, то древность, как и в отношении прочего, чрезмерно фантазирующая, прославила их как воспитателей Юпитера».¹ 42. Насколько заблуждается образованный человек, покажет уже сама суть дела. Ведь если Юпитер является родоначальником и богов, и религии, и если до него народом не почитались боги, так как не были рождены, то кто почитался? Очевидно, что куреты были не первыми, кто постигли божественное, а, наоборот, ими было введено общее заблуждение и уничтожена память об истинном Боге.

43. Итак, из самих таинств и священнодействий [язычники] должны понять, что они молятся смертным людям. 44. Но я не исключаю, что кто-то не доверяет вымыслам поэтов. Кто полагает, что поэты лгут, пусть сядет за писания самих понтификов и перечитает все, что касается священнодействий. Возможно, он найдет больше, чем мы показали, из чего поймет, что все, что воспринимается как священное, суть пустое, ничемное и вымышленное. 45. Если же кто, обнаружив мудрость, откажется от заблуждения, тот, конечно, посмеется над глупостью чуть ли не безумных людей. Я говорю о тех, кто скачет в постыдных плясках, и о тех, кто бегаёт голым, умащенный маслом, украшенный венками, надев личину или обмазав себя грязью. 46. Что мне сказать об уже дряблых от старости щитах? Когда они их носят, то считают, что на руках своих носят самих богов. 47. В самом деле, Фурий Бибакул считается одним из лучших образцов благочестия, поскольку, когда он был претором, за идущими впереди ликторами нес священный щит, хотя его должность не имела отношения к умиловивлению божества.² 48. Следовательно, он уже не Фурий был, а совершенный безумец [furiosus], коль считал, что таким услужением он украшает достоинство претора. Справедливо, стало быть, Лукреций воскликнул по поводу того, что такое совершается мужами не невежественными и не неучеными:

*О вы, ничтожные мысли людей! О чувства слепые!
В скольких опасностях жизнь, в каких протекает потемках
Этого века ничтожнейший срок.³*

¹ См.: Sall. Hist. III.60.

² См.: Val. Max. I.1.9.

³ Лукреций. О природе вещей. II.14–16.

49. Кто, имея хоть каплю здравого смысла, не посмеется над этими обманами, когда увидит, что люди, словно бы слабоумные, делают серьезно то, что, если бы это кто-то сделал в шутку, казалось бы смешным и вздорным?

22. 1. Автором и устройтелем той лжи в Риме был царь-сабинянин,¹ который многие грубые и невежественные души людей опутал новыми суевериями; он сделал вид, будто имеет ночные соития с богиней Эгерией, чтобы наделить нововведения особой значимостью. 2. В Арицийской роще есть одна чрезвычайно темная пещера, где струится неутомимым потоком ручей. Туда он имел обыкновение ходить и оставаться без свидетелей, чтобы потом иметь возможность все лживо выдумывать и сообщать народу, какие священнодействия, по увещанию возлюбленной богини, угодны богам. 3. Очевидно, он хотел повторить хитрость Миноса, который удалялся в пещеру Юпитера и там, удерживаемый богом, слагал законы, будто бы сообщенные ему Юпитером, чтобы люди не только властью удерживались в повиновении, но и религией. 4. В самом деле, убедить в этом пастухов было несложно. И вот [царь-сабинянин] учредил понтификов, фламинов, салиев, авгуров, разделил богов по семьям: так [он] укротил дикие души очередного народа и привлек от военных занятий к мирным делам.² 5. Когда, однако, он обманывал других, сам не заблуждался. Ведь спустя много лет, в консульство Корнелия и Бебия,³ в земле писца Петилия близ Яникула были найдены два каменных гроба, в одном из которых лежало тело Нумы, в другом же — семь латинских книг о понтификальном праве, а также столько же греческих писаний о науке мудрости, в которых он опровергал не только те религии, которые сам установил, но все без исключения. 6. Когда об этом было сообщено сенату, было решено те книги уничтожить. И городской претор Кв. Петилий публично

¹ Речь идет о втором римском царе Нуме Помпилии, который был сабинянин по происхождению. С именем Нумы связан ряд реформ, в том числе в области языческого культа.

² См.: *Флор. Эпитома*. I.2.1–4.

³ *Публий Корнелий Лентул* и *Марк Бебий Тамфил* были избраны консулами на 181 г. до н. э.

сжег их.¹ 7. Это, что ни говори, было безрассудно. Ведь чего добились уничтожением книг, если в памяти сохранилось то, что те книги из-за того уничтожались, что они опровергали религии? 8. Стало быть, не было тогда в сенате ни одного благоразумнейшего человека; ведь могли и книги сжечь, и память об этом не сохранить. Сенаторы же, стремясь показать потомкам, с какой набожностью они защищали религии, авторитет тех же религий, оставляя о том поступке свидетельства, низвергали. 9. Но как у римлян устроителем бессмысленных религий был Помпилий, так еще прежде Помпилия в Лации Фавн, который и Сатурну, деду своему, учредил нечестивые богослужения, и отца Пика почитал среди богов, и сестру свою Фатую, являвшуюся ему также супругой, причислил к богам. Габий Басс передает, что эта Фатую обычно предсказывала судьбу женщинам, подобно тому как Фавн — мужчинам. 10. Варрон писал, что она была столь целомудренна, что за все время ее жизни ее не видел ни один мужчина, кроме собственного мужа, и даже имени ее никто не слышал. 11. По этой причине женщины почитают ее в тайне и называют Доброй богиней [Вона деа]. А Секст Клодий в книге, которую он написал на греческом языке, возражает, говоря, что она была женой Фавна, которая за то, что вопреки правилам и добродетелям царским тайком выпила кувшин вина и стала пьяна, была забита мужем до смерти митровыми розгами. Потом же, когда он раскаялся в свершенном и не мог вынести скорби, воздал ей почести богини. Поэтому при священнодействиях в ее честь ставится закрытая амфора вина. 12. Так вот, оставил Фавн потомкам также немало обманов, которые, впрочем, людьми разумными постигаются. 13. Например, Луцилий неразумие тех, кто полагает, что статуи являются богами, высмеивает в следующих словах:

*Ламий ужасных, каких Помпилии Нумы и Фавны
Установили на страх, трепещет он, как всемогущих.
Точно ребята, что все живыми считают статуи
Медные, словно людей, — так эти во бред сновидений
Верят и сердцем живым наделяют идолов медных.
Все это — выдумки, вздор, галерея картинная только.²*

¹ См.: Val. Max. I.1.12; Тут Ливий. История от основания Города. XL. 29.3–14.

² Луцилий. Сатиры. XV. Фрагм. 1.

14. Поэт в данном случае неразумных людей сравнил с младенцами. А я говорю, что они еще более глупы. Те [дети] полагают, что статуи — люди, а эти [глупцы] считают их богами. С возрастом первые понимают, что статуи — не люди, что это заблуждение, и вскоре они уже перестают обманываться, а вот неразумие глупцов не исчезает и лишь постоянно растет.

15. Священнодействия в честь Отца Либера первым ввел Орфей в Греции, и первый устраивал в честь него торжества на горе Беотийских Фив, где был рожден Либер, которая впоследствии, за то что Орфей часто оглашал ее звуками кифары, была названа Кифероном.

16. Теперь же те священнодействия называются Орфика, на них в свое время Орфей был растерзан и разорван [на куски]. А жил он приблизительно в то же время, что и Фавн. 17. Но не ясно, кто был старше, ведь в те годы, [когда жил Орфей], правили Латин и Приам; а равно их отцы Фавн и Лаомедонт, в правление которого Орфей с аргонавтами достиг берегов Илиона.

18. Итак, мы идем далее, дабы открыть, кто же оказался первым автором почитания богов. 19. Дидим¹ в книгах *Разъяснений Пиндара* говорит, что первым совершил жертвоприношения богам царь критян Мелиссей, и он же ввел новые религиозные обряды и пышность священнодействий. У него было две дочери, Амалфея и Мелисса, которые кормили младенца Юпитера козьим молоком и медом. 20. Отсюда появился тот поэтический вымысел, согласно которому [к Юпитеру] прилетали пчелы и наполняли уста младенца медом. Мелисса же была назначена отцом первой жрицей Великой Матери, отчего и поныне жрицы той самой Матери именуются мелиссами. 21. *Священная история* же свидетельствует, что сам Юпитер, после того как он обрел верховную власть, достиг такого высокомерия, что сам себе во многих местах установил святилища. 22. Ведь когда он обходил всю землю, то какую бы страну ни посещал, он соединял себя с царями и правителями тех народов узами дружбы и гостеприимства. Когда же он покидал

¹ Дидим — греческий грамматик из Александрии второй половины I в. до н. э., автор большого количества комментариев на книги греческих писателей, в том числе и на поэта Пиндара (ок. 522–446 гг. до н. э.). Большинство комментариев Дидима, в том числе и на Пиндара, до нас не дошло.

их, просил, чтобы те создавали у себя святилища, носящие его имя, чтобы тем самым могла сохраняться память о дружеском союзе. 23. Так появились храмы Юпитера Атабирия и Юпитера Лабрандея. Ведь Атабирий и Лабрандей были связаны с ним узами гостеприимства, а также были его союзниками во время войны. Равным образом появились храмы Юпитера Лаприя, Юпитера Молиона, Юпитера Касия и им подобные. Он выдумал это наихитрейшим образом, чтобы и себе обрести славу божества, и имя союзников своих увековечить, соединив с религией. 24. Поэтому те радовались и охотно отдавали себя под его власть, и во славу его устраивали ежегодные религиозные церемонии и празднества. 25. Нечто подобное на Сицилии совершил Эней, когда основанному городу Ацесте присвоил имя союзника, так что потом счастливый и радостный Ацест почитал этот город, расширял его и украшал. 26. Таким способом Юпитер распространил по всей земле религиозное поклонение себе и другим дал пример для подражания.

27. Итак, Дидим сообщил, что почитание богов пошло от Мелисея, Евгемер же писал, что от самого Юпитера. Тем не менее ясно о времени, когда боги стали почитаться. 28. Конечно, Мелиссей был значительно старше Юпитера, ибо он воспитал того как внука. А потому вполне может быть, что он ввел почитание богов либо до Юпитера, либо во время его младенчества, а именно — почитание матери воспитанника своего, а также культ его бабушки Земли, которая была женой Урана, и его отца — Сатурна. Тем примером и начинанием он сам поднял Юпитера до такого высокомерия, что позднее тот дерзнул присвоить себе божественные почести.

23. 1. Теперь, когда мы открыли происхождение пустых суеверий, нам остается определить также время, когда жили те [люди], память о которых почитается. 2. Феофил в своей книге о временах, [адресованной] к Автолику,¹ пишет, что Талл в своей *Истории* сказал, что Бел, которого почитают вавилоняне и ассирийцы, жил за 322 года до Троянской войны; Бел был современником Сатурна, и тот и другой стали

¹ Св. Феофил Антиохийский — крупнейший греческий христианский апологет конца II в., автор трех книг *К Автолику*, причем исчислению времен посвящена лишь последняя глава третьей книги.

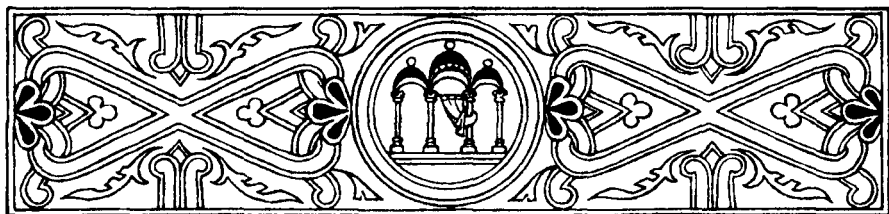
почитаться одновременно.¹ Это настолько истинно, что можно определить простым подсчетом. 3. Так ведь Агамемнон, который начал Троянскую войну, приходился праправнуком Юпитеру, а Ахиллес и Аякс — правнуками; Улисс был в той же степени родства [с Юпитером], Приам же был ему родственником более дальним. Однако некоторые писатели передают, что Дардан и Иасий были сыновьями Кориота, а не Юпитера. Ведь не мог же он, [Юпитер], если бы это было так, иметь с Ганимедом, праправнуком своим, бесстыдную связь.² 4. Итак, если соразмерно разделить годы по предкам тех, кого я назвал выше, то восстановится порядок времен. С момента падения Трои насчитывается 1470 лет. 5. Из этого подсчета времен становится очевидным, что не ранее чем 1800 лет назад был рожден Сатурн, который и был предком всех богов. Напрасно кичатся [язычники мнимой] древностью [своих] священнодействий, причины и время появления которых известны.

6. Остаются еще некоторые аргументы, которые очень способствовали бы для опровержения ложных религий, однако я уже решил завершить книгу, дабы не превышать меры. 7. Больше же следует стремиться к тому, чтобы, опровергнув все, что противостоит истине, мы обучили истинной религии тех людей, которые рассеянно блуждают, не ведая благого. 8. Первый же шаг к мудрости — познать ложь, второй — открыть истину. Итак, кто постиг первое наше установление, где мы обнажили ложь, тот поднялся к познанию истины, 9. сладостней которой ничего нет для человека, и [лишь] тот будет достоин мудрости небесного учения, кто охотно и ревностно обратится к познанию следующих установлений.

¹ Св. Феофил Антиохийский. К Автолику. III.29.

² Ганимед был сыном Троса, внуком Эрихтония и правнуком Дардана.

Книга II

О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗАБЛУЖДЕНИЯ

1. 1. Хотя в первой книге я показал, что религии богов ложны, что те, чьи самые разные культы по глупому убеждению приняло человеческое общество по всей земле, были смертными людьми, которые, уйдя из жизни, подверглись неизбежному закону смерти, все же, чтобы не оставалось никакого сомнения, пусть эта вторая книга откроет сам источник заблуждений и вскроет все те причины, по которым обманутые люди поверили сначала, что есть боги, а потом упорствовали из-за предрассудков в принятых ими религиях. 2. Ибо я стремлюсь, изобличив суетность и вскрыв преступное пустословие людей, утвердить величие единственного Бога, весьма стараясь отвернуть людей от превратных путей и примирить их с собой, чтобы они не презирали себя, как поступают некоторые философы, и не считали бы себя слабыми, ненужными, никчемными и напрасно рожденными. 3. Ведь до тех пор, пока они полагают, что никакой Бог о нас не заботится и что после смерти ничего не будет, они предают себя страстям, и пока считают, что им все дозволено, страстно устремляются в погоню за наслаждениями, через которые по незнанию попадают в сети смерти. 4. Ибо не знают они, каков разум у человека. Если бы они захотели им воспользоваться, они прежде всего познали бы своего Бога, устремились бы к добродетели и справедливости, перестали бы подчинять души свои земным образам и домогаться губительных удовольствий. Наконец, они стали бы больше ценить себя и понимать, что в человеке заключено больше,

чем кажется, и что сила его и творения не могут сохраняться иначе, как только благодаря принятию культа истинного Отца нашего, когда будут отвергнуты заблуждения. 5. Право же, рассуждая, как полагается, о всякого рода вещах, я обычно удивляюсь тому, что могущество единственного Бога, которое все заключает и всем управляет, пришло в такое забвение, что тем единственным, что должно почитаться, в первую очередь и пренебрегают. А также, что сами же люди довели себя до такого ослепления, что истинному и живому Богу предпочли мертвых, предпочли земных и погребенных в земле — Тому, Кто был создателем самой земли. 6. И все же эта нечестивость могла бы быть прощена, если бы это заблуждение возникло от незнания божественного имени. Но когда мы часто видим, как сами почитатели богов признают и называют Всевышнего Бога, на какое прощение для себя они могут надеяться за нечестие свое, если они не ведают культа Его, какового человеку нельзя не знать? 7. Когда они клянутся, когда просят, когда благодарят, они ведь называют Бога, а не Юпитера или многих богов. Вот как сама истина, принужденная природой, вырывается наружу даже из сопротивляющихся тому сердец! 8. Правда, они не совершают этого в периоды благополучия. Ведь особенно Бог забывается тогда, когда наслаждающиеся Его милостями люди должны были бы воздавать благодарность Его великодушию. 9. Но если они оказываются в весьма стесненных обстоятельствах, тогда и вспоминают о Боге. Если нависла опасность войны, если грозит гибельная сила болезней, если засуха, иссушив плоды, лишила пищи, если случается страшная буря или град — ищут защиту у Бога, от Бога просят поддержки, Бога молят, чтобы Он пришел на помощь. 10. Если кого в море терзает неистовым ветром, тот Его призывает; если кого-то мучает какая-то иная сила, тот начинает Его заклинать; если кто-то, оказавшись в крайней нужде, с мольбой просит пищу, то заклинает единственно Бога и ищет себе сострадания в Его божественном и исключительном имени. 11. Так что люди не вспоминают о Боге, пока не попадут в беду. После же того, как минует опасность и пройдет страх, радостные люди стекаются тогда к храмам богов, совершают им воскурения, приносят им жертвы и украшают венками. 12. Бога же, Которого слезно молят в тяжелые моменты, не благодарят ни словом. Так же, как из благополучия дел

происходит нега, из неги рождаются как все пороки, так и забвение Бога. 13. По какой же это происходит причине, если не потому, что существует некая превратная сила, извечная противница истины, которая радуется человеческим заблуждениям, которая занимается лишь тем, что сеет тьму и ослепляет души людей, чтобы они не видели света, чтобы вообще не взирали на небо и не замечали особенности своей природы? 14. Ведь в то время как у прочих животных тела обращены к земле, поскольку они не наделены ни разумом, ни рассудительностью, нам от Бога Творца дано прямое положение и обращенное ввысь лицо, из чего ясно, что религии богов противоречат человеческой сущности, ибо принуждают «небесное животное» почитать земное. 15. Ведь Тот единственный Родитель наш, когда создавал человека, т. е. существо рассудительное и наделенное разумом, поднял его от земли и придал ему прямое положение для созерцания Создателя своего. Об этом прекрасно отметил талантливый поэт:

*И между тем как, склонясь, остальные животные в землю
Смотрят, высоко дал он лицо человеку и прямо
В небо глядеть повелел, подымая к созвездиям очи.¹*

16. Потому-то греки и называют человека ἀνθρώπος,² что он смотрит вверх. Стало быть, сами себе отказывают в имени человека и сами слагают его с себя те, кто смотрят не вверх, а вниз; разве только они считают, что той особенностью, что мы ходим прямо, человек наделен без причины. 17. Бог не напрасно захотел, чтобы мы смотрели в небо. Ведь и птицы, и почти все безмолвные животные видят небо; но нам специально было дано взирать на небеса, стоя прямо, чтобы мы искали там религию и созерцали душой (поскольку глазами это невозможно) Бога, чье местопребывание находится именно там. Этого, конечно, не может сделать тот, кто почитает медь или камень, которые являются земными вещами. 18. Неверно думать, что если тело человека, которое есть временное, прямое, то душа, которая является вечной, создана низкой. Фигура и положение человека не означают ничего другого, кроме того, что сердце человека должно быть обращено туда, куда и

¹ Овидий. Метаморфозы. I. 84–86.

² Ανθρωπος, т. е. обращенный вверх, смотрящий вверх.

лицо, и что душа должна быть такой же прямой, как и тело, чтобы человек не уподобился тем, над кем должен господствовать. 19. Истинно, люди, позорящие имя свое и разум, отводят глаза свои от выси и опускают в землю, они боятся произведений рук своих, словно бы что-то может быть сильнее своего творца.¹

2. 1. Не безумие ли создавать тех, кого потом будешь бояться, или бояться тех, кого сотворил? «Не их самих, — говорят, — мы боимся, но тех, по образу кого они созданы и под чьим именем обоготворены». Надо думать, потому вы и боитесь тех, кто, как вы считаете, пребывают на небе; ведь если они — боги, то иначе и быть не может. 2. Почему же вы тогда не поднимаете к небу очи свои и не призываете по именам их, не приносите открыто жертвы? Почему вы больше смотрите на стены, на дерево, на камни, а не туда, где, как вы верите, они находятся? Зачем им храмы и алтари? К чему, наконец, статуи, которые являются памятниками умершим и несуществующим? 3. Ведь мысль создавать образы потому пришла к людям, что с их помощью можно было сохранять память о тех, кто или умер, или далеко. 4. В число кого же мы включим богов? Если в число мертвых, то кто столь глуп, чтобы их почитать? Если в число отсутствующих, то их не следует чтить, поскольку они не видят того, что мы делаем, и не слышат того, о чем мы просим. 5. Если же боги не могут отсутствовать и, поскольку это божественное свойство, присутствуют в каждой части мира, а стало быть, все видят и все слышат, то статуи тогда излишни. Ведь боги всюду присутствуют, и достаточно в молитвах обратиться к ним по имени, чтобы они услышали. 6. Конечно, если только, присутствуя, они не находятся у своих образов, точно так же, как в представлении народа души умерших бродят вокруг своих могильных холмов и останков своих тел. 7. Но все же если бог уже здесь, то образ ему не нужен. Я спрашиваю, если кто-то часто смотрит на портрет человека, находящегося вне дома, чтобы через это получить утешение в разлуке, то неужели его следует счесть здоровым, если он будет продолжать смотреть на портрет, когда

¹ С рассуждениями Лактанция в отрывках 14–19 ср.: Цицерон. О природе богов. II.56.140; Цицерон. О законах. I.9.26; Саллюстий. О заговоре Катилины. I.1; Минуций Феликс. Октавий. 17.2.

тот человек вернется и будет рядом, и предпочтет наслаждаться портретом, а не видом самого человека? Конечно, нет. 8. И все же портрет человека представляется необходимым, когда этот человек находится далеко, и излишним, когда он рядом. Образ же Бога, воля Которого и дух разлиты повсюду и никогда не могут быть далеко, всегда излишен. 9. Но [язычники] боятся, что религия станет бесплотной и пустой, если они не будут видеть перед собой тех, к кому обращаются с молитвой. И потому они создают статуи, которые напоминают мертвых, поскольку являются образами мертвецов, ибо лишены всякого чувствования. 10. Образ [simulacrum] же вечно живого Бога должен быть живым и чувственным. Ибо если это название происходит от слова «подобие» [similitudine], то кто эти статуи сочтет подобными Богу, если они не чувствуют и не двигаются? Стало быть, образ Бога — это не то, что изготовлено человеческими руками из камня, меди или какого-либо другого материала, а сам человек, ибо он и чувствует, и двигается, и обладает многими разнообразными и важными функциями. 11. Глупые люди не знают, что если бы образы могли чувствовать и двигаться, они должны были бы молиться на того человека, который их изготовил. Ведь они были бы или грубым камнем, или бесформенным и необработанным материалом, если бы человек его не облагородил. 12. Стало быть, их родителем должен считаться человек, руками которого они сделаны, от которого они получили вид, форму и красоту. 13. А потому тот, кто сотворил, лучше тех, кого он сотворил. И все же никто не чтит и не боится собственно мастера, а он сам страшится того, что сотворил, будто бы больше силы в творении, нежели в творце. 14. Справедливо, стало быть, Сенека в *Моральных сочинениях* [in libris moralibus] сказал: «Почитаются статуи богов, им коленопреклоненно молятся, их просят, возле них каждый день сидят или стоят, им приносят дары и закаляют жертвы; и в то время, как столь сильно их почитают, забывают о мастерах, которые их создали». 15. Что может быть неестественнее, чем презирать скульптора и обоживать скульптуру, и даже не принимать в общение того, кто изваял тебе богов? Так какую же силу, какое могущество могут они иметь, если этого не имеет даже тот, кто их создал? 16. Неужели же кто-то столь глуп, что будет считать, что в этой статуе бога есть нечто кроме видимости человека? Но об этом

никто не думает, ибо несовершенны они в суждениях, а души их наполнены снадобьем неразумия. 17. Стало быть, наделенные чувствами — молят бесчувственных, разумные — [молят] не обладающих разумом, рожденные небесами — земных. 18. Итак, уместно воскликнуть, как Персий,¹ словно бы смотрящий в высоко расположенное зеркало:

О вы, склоненные ниц, умы, не причастные небу.²

Посмотрите лучше на небо, для обозрения которого поднял вас создатель ваш — Бог. 19. Он дал вам лицо, обращенное ввысь, а вы склоняетесь к земле; возвышенные души, устремленные вместе с телами к Отцу вашему, вы сгибаете к долу, будто бы досадуя, что не рождены четвероногими.³ 20. Недопустимо, чтобы небесное существо приравнивало себя к земным тварям, склоненным к земле. Зачем вы, отказываясь от милостей небесных, добровольно склоняете себя к земному праху? Ведь вы погрязаете в несчастной земле, когда ищите внизу то, что должны бы искать наверху. 21. Ведь чем еще являются те произведения смертных рук и хрупкие творения (из какого бы материала они ни были сделаны), если не землей, из которой они рождены? 22. Зачем же вы подчиняетесь низким вещам? Зачем ставите землю выше голов ваших? Ведь когда вы склоняетесь к земле и становитесь более низкими, вы сами себя низводите к аду и осуждаете на смерть, ибо нет ничего ниже и низменнее земли, кроме смерти и ада. 23. Если вы хотите избежать этого, вы должны презреть находящуюся под ногами вашими землю и придать телу своему прямое положение, чтобы вы смогли соединиться взором и душой с Тем, Кто вас сотворил. 24. Презирать же и попираť землю — это не что иное, как не молиться статуям, ибо они сделаны из земли, а равно не жаждать богатства и отвергать плотские улады, так как богатство и собственно тело, приютом которого мы пользуемся, есть земля. Почитайте же живого Бога, чтобы и самим быть живыми, ибо необходимо умирает тот, кто посвящает себя и душу свою мертвым.

¹ *Авл Персий Флакк* — римский поэт-сатирик (34–62 гг. до н. э.), творивший в эпоху Нерона. В *Сатирах* выступал как продолжатель Горация и Луцилия.

² *Персий*. Сатира 2.61.

³ Ср.: *Св. Киприан Карфагенский*. К Деметриану. 16.

3. 1. Но даст ли что народу и невежественным людям сказанное таким образом, когда мы видим ученых и рассудительных мужей, которые хотя и знают тщету религий, все же (уж не знаю по какой превратной причине) упорствуют в почитании тех, кого порицают? 2. Понимал Цицерон, что ложные те боги, которым молятся люди. Но хотя он много сказал из того, что относится к опровержению религий, все же заметил, что не следует публично рассуждать об этом, чтобы не попрасть признанные народом религиозные установления. 3. Что ты сделаешь с тем человеком, который понимает, что заблуждается, но сам бросается на камни, чтобы весь народ пострадал? Который сам выкалывает себе глаза, чтобы все оказались слепы? Который ни другим не приносит пользы, ибо позволяет им заблуждаться, ни самому себе, ибо присоединяется к чужим заблуждениям? Который не пользуется, наконец, благом своей мудрости, чтобы наполнить фактами то, что ощущает душой, но, зная и понимая, ногу ставит в петлю, чтобы попасть туда вместе с остальными, кого, как более знающий, должен бы освобождать? 4. Не лучше ли тебе, Цицерон, использовать свои дарования, чтобы попробовать сделать народ рассудительным? Было бы замечательно, если бы ты [по благовому поводу] обнажил всю мощь своего красноречия. Не надо бояться, что в столь благом начинании тебе изменит речь, которая тебя не подводила, когда ты велеречиво и решительно защищал дурные вещи. 5. Но тебя, бесспорно, пугает заключение Сократа, и потому ты не желаешь принять покровительство истины. Но как мудрец ты бы должен презирать смерть. И было бы прекрасней, когда бы ты погиб за прославление, нежели за хулу. Уничтоженные заблуждения человеческого рода и умы людей, обращенные твоей рассудительностью к благоразумию, принесли бы тебе не меньше славы, чем филиппики.¹ 6. Однако мы простим [тебе] боязливость, хотя ее не должно бы быть у мудрого человека. Но зачем ты сам пребываешь в заблуждении? Я вижу, что ты считаешь земное и рукотворное; ты знаешь, что это пустое, и тем не менее совершаешь то, что совершают и те, кого ты признаешь весьма неразумными. 7. В чем

¹ *Филиппики* — речи Цицерона против Антония, названные так по аналогии с речами Демосфена против Филиппа Македонского.

польза от того, что ты видел истину, если ты ее не защищал и не следовал за ней? Если с готовностью заблуждается даже тот, кто знает, что заблуждается, насколько сильнее заблуждается необразованный народ, который радуется бессмысленным торжествам и смотрит на все с детской душой, наслаждается вздорными вещами и восхищается видом статуй! Этот народ не в состоянии самостоятельно судить ни об одной вещи, чтобы понять, что не следует почитать то, что видно смертными глазами, ибо это, естественно, тоже смертное. 8. Не надо удивляться тому, что они не видят Бога, ведь они не видят даже человека, которого лишь думают, что видят. Ведь то, что видно глазам, — не человек, но только вместилище человека. Свойства и фигура человека определяются не контурами сосуда, в котором он заключен, а его поступками и нравами. 9. Стало быть, тот, кто почитает статуи, является телом без человека, ибо предал себя телесному и не видит ничего сердцем, но только телом, в то время как долг души — тонко различать то, что не может увидеть телесный глаз. 10. Таких людей весьма порицает знаменитый философ и поэт, называя души их низкими и поникшими, поскольку вопреки своей природе они низводят себя до почитания земли. Ведь он говорит:

*Дух принижает у них от ужаса перед богами
И заставляя к земле поникать головой.¹*

Правда, говоря это, он имел в виду другое, а именно, что ничего не нужно почитать, поскольку боги не заботятся о делах человеческих. 11. Но в другом месте он все же признался, что религии и культ богов являются пустым служением:

*Нет, благочестье не в том, что пред всеми с покрытой главою
Ты к изваяньям идешь и ко всем алтарям припадаешь.
Иль повергаешься ниц, или, длани свои простирая,
Молишься храмам богов, иль обильною кровью животных
Ты окропляешь алтарь, или нижешь обет на обеты.²*

Если они действительно пусты, то следует ли возвышенные и величественные души опускать и унижать до земли, вместо того чтобы помышлять о небесном?

¹ Лукреций. О природе вещей. VI.52–53.

² Там же. V.1198–1202.

12. Итак, достаточно образованные мужи ниспровергли ложные религии, ибо понимали, что они ложные, но не ввели истинную, поскольку не знали ни какая она, ни где пребывает. 13. Они, поскольку не могут обрести истинной религии, поступают так, как будто бы нет вообще никакой. И таким образом они ввергают себя в еще большее заблуждение, чем те, кто придерживается ложной религии. 14. Ведь эти почитатели тленных богов, сколь бы ни были вздорны, ибо видят небесные вещи в вещах тленных и земных, все же несут в себе что-то от истины и могут быть прощены, ибо исполняют высший долг человека, хотя и не на деле, а в замысле. Ведь единственная и подлинно великая разница между людьми и безмолвными тварями состоит в религии. 15. Насколько они были более мудрыми, ибо понимали ошибочность ложной религии, настолько же становились более неразумными, ибо не видели, что есть какая-то другая религия, истинная. 16. И вот, поскольку легче судить о других, нежели о себе, они в то время как видят [под ногами] пропасть других, не замечают того, что перед ними. 17. Итак, и в тех, и в других пребывает как высшая глупость, так и некий привкус мудрости, так что в пору усомниться, кого же именно назвать более глупыми: тех ли, кто придерживается ложных религий, или тех, кто не придерживается никакой. 18. Но, как я уже сказал, можно простить невежественных людей, которые не признают себя мудрыми; но нельзя оправдывать тех, кто, преподавая мудрость, проявляет скорее глупость. 19. Я, право же, не столь наивен, чтобы считать, будто они могли прозревать [духом] и через это самостоятельно открыть истину, чего, как я признаю, нельзя сделать, но я требую от них хотя бы того, чего они могли добиться своим разумом. 20. Ведь они бы поступили куда разумнее, если бы поняли, что существует некая истинная религия, и если бы, опровергнув ложные, открыто заявили, что та истинная религия недоступна людям. Но их останавливал, пожалуй, такой аргумент: если существует некая истинная религия, она бы себя обнаружила и защитила, чтобы стало ясно, что более не существует никаких других религий. 21. Ведь они не могли видеть, как или кем и каким образом содержится истинная религия, что является божественной тайной и небесным секретом, который никто не может узнать иначе как через наставление в ней.

22. Итог этих рассуждений таков. Невежественные и безумные люди воспринимают ложные религии как истинные, ибо не знают ни истинной, ни ложной. Просвещенные же люди, поскольку не знают истинной религии, либо упорствуют в тех религиях, которые считают ложными, чтобы было видно, что они придерживаются хоть какой-то религии, либо совсем ничего не почитают, чтобы не быть обвиненными в заблуждении. Но это и есть самое большое заблуждение, когда под обликом человека воспроизводится жизнь животного. 23. Понимать, что ложно, хотя и является мудростью, но — мудростью человеческой. Дальше этого человек пойти не может. В результате многие философы отвергали, как я показал, все религии; но знание истинной [религии] является принадлежностью божественной мудрости, и человек самостоятельно не может достичь этого знания, а только через Бога. 24. Философы, самое большее, следуют человеческой мудрости, так что они узнали то, чего нет, но при этом они не могут следовать тому, чего, как учат, не существует. Известна реплика Цицерона: «О, если бы я мог так же легко найти истину, как обнаружить ложное!»¹ 25. Поскольку это превосходит силы человеческого естества, нам, которым Бог дал знание истины, дана возможность послужить этому раскрытию истины, чему будут посвящены четыре последние книги. Теперь же мы изобличим то, что уже начали, т. е. ложные религии.

4. 1. Итак, каким величием могут обладать статуи, если во власти простого человечишки было сделать их такими или не делать их вовсе? Отчего у Горация Приап так сказал:

*Некогда был я чурбан, смоковницы пень бесполезный;
Долго думал художник, чем быть мне, скамьей иль Приапом.
«Славлю бога!» — сказал. Вот и бог я! С тех пор я пугаю
Птиц и воров.²*

2. Кто же не будет чувствовать себя в безопасности при таком страже? Воры, конечно, настолько глупы, что боятся похотливости Приапа, в то время как птицы, которых, как считается, должен отгонять страшный вид его серпа или фаллоса, садятся на искусно исполненные

¹ Цицерон. О природе богов. I.32.91.

² Гораций. Сатиры. I.8.1–4.

статуи, которые очень напоминают людей, выют на них гнезда и гадят на них. 3. Флакк, как автор сатирических стихов, высмеивал глупость людей, но те, кто почитают идолов, полагают, что совершают серьезное дело.

4. Даже великий поэт, человек весьма благоразумный во всех прочих вопросах, единственно в этом был безрассуден, говоря не как поэт, а как старухи, когда в своих безукоризненных книгах велел изготавливать статуи:

*Пусть устрашая воров и пернатых серпом деревянным,
Геллеспонтийский Приап бережет их своим попеченьем.*¹

5. Стало быть, они молятся смертным [богам] или [идолам], сделанным смертными людьми. Ведь они могут разрушиться, сгореть, погибнуть. Ведь они часто рассыпались, когда над ними рушилась ветхая кровля, а также превращались в пепел, пожираемые огнем, и становились добычей воров, если только собственная величина не спасала их или надежная охрана. 6. Итак, большое безумие бояться этих идолов, о которых люди беспокоятся, как бы они не были разрушены, как бы не сгорели или как бы их не похитили. Какая глупость надеяться на какую-то помощь от них, если они не в состоянии уберечь самих себя! Какая превратность стремиться под их защиту, если сами они, подвергаясь нападениям, остаются беззащитными, если только почитатели их за них не заступятся! 7. Где же истина? Где никакая сила не может пошатнуть религию; где нет ничего, что могло бы ее поколебать; где не может быть совершено святотатство. Все, что видимо глазу или осязаемо руками, поскольку все это хрупкие вещи, в любом случае чуждо бессмертию. 8. Напрасно, стало быть, люди облагораживают и украшают богов золотом, слоновой костью и драгоценными камнями, будто бы те могут получать удовольствие от этого. 9. Какая польза от дорогих даров тем, кто ничего не чувствует, или тем, кто мертв? Ведь таким же образом умащают благовониями и одевают в роскошные одежды тела покойников, прежде чем опустить их в землю. Так же почитают и богов, которые не чувствовали, когда их изготавливали, и которые не знают, что их почитают, ибо с обожествлением они не обрели способ-

¹ Вергилий. Георгики. IV. 110–111.

ности чувствовать. 10. Персий считает недостойным, когда золотые вазы приносятся в храмы, полагая излишним, чтобы в религии было то, что служит не благочестию, а жадности. 11. Ведь Богу, Которого ты искренне почитаешь, достаточно приносить в качестве даров

*Правосознание, и долг священный, и чистые мысли,
И благородство души, и честное искренне сердце.¹*

12. Превосходно и мудро сказал. Но смешно добавил к этому, что золото в храмах — то же, что *куклы девиц для Венеры*,² которых он оставил без внимания, по-видимому, как что-то малозначительное. 13. Ведь он не видел, что сами статуи и изваяния богов, выполненные руками Поликлета, Эвфранора или Фидия³ из золота и слоновой кости, являются не чем иным, как большими куклами, которых причислили к богам не девушки, чьи шалости можно бы простить, но люди взрослые. 14. Справедливо, стало быть, Сенека высмеивал неразумие стариков: «Мы не дважды бываем детьми, как обычно говорят, но постоянно. Разница лишь в том, что мы играем в большие игры». 15. И вот совершают воскурения этим служащим для забав, украшенным большим куклам, облагораживают их ароматом благовоний и масел. Им приносят большие и тучные жертвы, хотя их уста лишены зубов. Их облачают в мантии и дорогие одеяния, хотя они и не нуждаются в одежде. Им посвящают золото и серебро, в чем больше нуждаются те, кто это богатство жертвует, нежели те, кому его приносят. 16. Правильно Дионисий, сицилийский тиран,⁴ захватив в результате победы Грецию, презирал подобных богов, срывал с них одежды и насмехался над ними. И действительно, святотатства свои он сопровождал шутками и остроумиями. 17. Так, когда он стащил с Юпитера Олимпийского золотой плащ,

¹ Персий. Сатиры. 2.73–74.

² Там же. 2.69–70 («Мне объясните, жрецы, к чему ваше золото храмам? То же оно для святынь, что и куклы девиц для Венеры»).

³ Поликлет — греческий скульптор середины V в. до н. э. из Сициона, автор трактатов об искусстве; Эвфранор — живописец и скульптор IV в. до н. э. из Сtima; Фидий — греческий скульптор, современник Поликлета.

⁴ Дионисий Старший — тиран Сиракуз (ок. 430–367 гг. до н. э.). Историю святотатств Дионисия Лактанций заимствует у Цицерона (*О природе богов*. III.34.83–84).

он приказал заменить его шерстяным, приговаривая, что летом золотой плащ тяжел, а зимой в нем холодно, шерстяной же подходит для любого времени года. 18. Он же, сорвав золотую бороду с Эскулапа, сказал, что она ему ни к чему, ибо поскольку Аполлон, отец его, без бороды, то кажется, что бородатый сын старше своего отца. 19. Также он забрал чаши, украшения, а с ними и небольшие статуэтки, которые стояли на вытянутых вперед руках статуй. При этом он сказал, что он их принимает, а не отнимает, ведь весьма глупо и невежливо отказываться принимать дары от тех, кто добровольно их предлагает, тем более что люди постоянно просят у них себе добро. 20. Это он совершал без всякого ущерба для себя, ибо был царем и победителем. Более того, его сопровождало человеческое счастье, ведь он одерживал победы до самой старости и передал власть в руки сына. Поскольку люди не могли покарать его святотатства, то, наверное, сами боги должны были бы отомстить за себя. 21. Ведь если бы кто-нибудь из простых людей учинил такое, то для него сразу же нашлись бы плети, огонь, дыба, крест и все, что только могут придумать разгневанные и взбешенные люди. 22. Но люди сами, если наказывают застигнутых в святотатстве, сомневаются в могуществе своих богов. Ведь почему они не оставляют прежде всего им место для отпущения за себя, если считают, что те что-то могут? 23. И даже считают, что именно по воле богов происходит так, что грабители, уличенные в похищении священных вещей, задерживаются. При этом сами люди свирепствуют [в отношении грабителей] не столько из-за гнева, сколько от страха, как бы им самим не претерпеть наказание, если они не накажут за несправедливость в отношении богов. Невероятная, конечно, глупость считать, что боги навредят им за чужие преступления, если сами эти боги не в состоянии помешать тем, кто их оскверняет и грабит. 24. Но ведь, скажут, и сами они порой наказывают святотатцев. [Ответим им, что] то, что происходит иногда, а не постоянно, может происходить и случайно. Однако я чуть позже расскажу, каким образом это происходит.¹

25. Теперь же я скажу, почему те боги не наказали за столь многие и столь великие святотатства Дионисия, который не втайне, а открыто

¹ См.: II.7.7 и сл.

выставил богов на осмеяние. Почему этого святотатца не отлучили от храмов, от священнодействий, от своих изображений? Почему он, похитив священные предметы, благополучно отплыл восвояси, о чем он сам в шутку засвидетельствовал? 26. «Неужели вы не видите, — сказал он своим спутникам, опасавшимся кораблекрушения, — сколь благоприятное плаванье даруют бессмертные боги святотатцам?» Возможно, он узнал от Платона, что боги из себя ничего не представляют.¹ 27. Что же Веррес, которого Туллий [Цицерон], его обличитель, приравнивал к этому самому Дионисию, Фаларису² и ко всем прочим тиранам,³ не всю ли Сицилию разграбил, присваивая себе статуи богов и убранство святилищ? 28. Нет смысла говорить о каждом преступлении, но хочется разобрать одно, по поводу которого обвинитель сокрушался, используя весь дар красноречия, все духовные и телесные силы, говоря о Церере Катинской или Геннской.⁴ Религия первой из них была такова, что мужчинам не дозволялось входить во внутренние покои ее храма. Религия другой была настолько древней, что все истории сообщают, что эта богиня первая собрала плоды в земле Генны и что оттуда была похищена ее девственная дочь. 29. Наконец, во времена Гракхов,⁵ когда в государстве начались раздоры и смятение, поскольку в *Книгах Сивилл* было открыто, что необходимо задабривать древнейшую Цереру, в Генну было отправлено посольство. 30. И вот или та достопочтимейшая Церера, которую запрещалось видеть мужчинам даже для произнесения молитв, или эта древнейшая, которую сенат и народ римский задабривали жертвами и подарками, из тайного и древнего святилища была похищена Верресом с помощью рабов, совершивших кражу. 31. Цицерон, когда утверждал, что сами сицилийцы просили его принять дела в провинции, произнес такие слова: «Нет уже в городах

¹ Ср.: Цицерон. О природе богов. I.12.30–13.34.

² Фаларис — знаменитый тиран Акраганта, живший в VI в. до н. э., своего рода символ жестокости. См., например: Павел Орозий. История против язычников. I.20.1–6.

³ Цицерон. Речь против Гая Верреса. V.56.145.

⁴ См.: Там же. IV.45, 48–51.

⁵ Тиберий и Гай Гракхи были народными трибунами во второй половине II в. до н. э.

наших даже богов, у которых мы могли бы искать защиты, ибо священные их статуи унес из храмов Гай Веррес». Словно, если Веррес унес богов из храмов и городов, то удалил их и с небес. 32. Отсюда ясно, что боги те не представляют собой ничего, кроме вещества, из которого сделаны. 33. Правильно, что к тебе, М. Туллий, т. е. к человеку, сицилийцы обратились за помощью, поскольку за три года поняли, что боги те ничего не могут. Ведь сицилийцы были бы весьма неразумными, если бы за защитой от людской несправедливости обращались к тем, кто даже в отместку за себя не смогли покарать Г. Верреса. 34. Тем не менее, Веррес за свои нечестия был наказан. Но наказан он был не богами, а благодаря усердию Цицерона, с помощью которого он победил защитников Верреса и сопротивлялся его прощению. 35. Однако для Верреса это было не осуждением, а освобождением. Казалось, что бессмертные боги точно также, как они дали и Дионисию, похитившему убранство богов, безмятежное плавание, даровали Верресу безмятежный покой, в котором он смог наслаждаться своими злодеяниями. 36. Ведь когда бушевали гражданские войны, под видом наказания он был удален от всякого риска и от страха, слушая о тяжелой судьбе и изгнании других. Казалось, что он один пал, в то время как все выстоят, а он единственный выстоял, когда все погибали, пока он, наслаждавшийся всю жизнь богатствами, приобретенными святотатством, в старости не пал жертвой триумвирской проскрипции.¹ Той самой, кстати, от которой пострадал и Туллий, мститель за поруганное могущество богов. 37. Он даже обрел счастье в том, что до своей смерти узнал о жестокой казни своего обвинителя. Очевидно, это боги позаботились, чтобы этот нечестивец и святотатец умер не раньше, чем утешился известием о мести.

5. 1. Насколько же справедливее, оставив бесчувственных и пустых [богов], взоры свои обратить туда, где находится престол и обитель истинного Бога, Который утвердил на незыблемых основаниях землю, Который украсил небо сияющими звездами, Который зажег для людей ярчайшее Солнце и исключительный свет в доказательство Сво-

¹ Имеется в виду проскрипция 43 г. до н. э., проведенная во времена второго триумвирата.

ей уникальности, Который разлил вокруг земель море и приказал беспрерывно течь рекам.

*Он повелел разостлаться полям, и долинам — вдавиться,
В зелень одеться лесам, и горам вознестись каменистым.¹*

2. Как бы то ни было, все это сотворил не Юпитер, который был рожден 1700 лет назад, но Тот, Кто

Был Вселенной творцом, зачинателем лучшего мира,²

Кто зовется Богом, чье начало [pricipium], поскольку оно не может быть открыто, не следует никому искать. 3. Человеку достаточно для полного и совершенного знания, если он знает, что существует Бог. Сила и вершина этого понимания такова, что человек видит, уважает и почитает общего Родителя рода человеческого и удивительного Создателя вещей. 4. Отсюда некоторые люди слабого и некрепкого сердца, словно богов, почитают стихии, которые являются творениями и не имеют чувственности. 5. Когда они удивлялись деяниям Божиим, т. е. небу с различными светилами, земле с горами и долинами, морю с реками, озерами, родниками, поражаясь совершенством всего этого и забыв самого Создателя, Которого не в состоянии были видеть, стали почитать Его творения и поклоняться им, и никак не могли понять, насколько более велик и удивителен Тот, Кто это сотворил из ничего. 6. Хотя они видят, что эти творения, подчиненные божественными законам, постоянно служат для удобства и пользы человека, все же полагают, что творения эти являются богами. Неблагодарные в отношении божественных благодеяний, они предпочитают Богу и великодушному Отцу Его творения. 7. Однако, что удивительного в том, что заблуждаются грубые и невежественные люди, если таких же предрассудков придерживаются даже философы стоического направления, считавшие, что все небесное, что движется, следует причислить к богам? 8. Ведь стоик Луцилий³ у Цицерона так говорит: «Так вот, я не могу

¹ Овидий. *Метаморфозы*. I. 43–44.

² Там же. I.79.

³ *Луцилий Бальб* — современник Цицерона, ученик римского юриста Квинта Муция Сцеволы. Цицерон сделал его участником своего диалога *О природе богов*, в котором Луцилий выражает взгляды стоической философии.

понять этого постоянства у звезд, эту поразительную согласованность их столь разнообразных путей в продолжении бесконечно долгого времени, если в этом не принимает участия ум, рассудок, разум. А если мы видим наличие этого в звездах, то не можем не причислить их к богам».¹ 9. И чуть ранее: «Остается считать, что звезды движутся по собственному побуждению. Тот, кто это видит и отрицает существование богов, поступает не только невежественно, но и нечестиво».² 10. Мы же такое мнение неуклонно отрицаем и вас, о философы, считаем не только невежественными и нечестивыми, но и слепыми, вздорными и безумными, поскольку ваше неразумие превосходит незнание невежественных людей. Те считают богами Солнце и Луну, а вы к тому же еще и созвездия. 11. Откройте же нам таинства звезд, чтобы мы поставили каждой из них алтари и воздвигли храмы, чтобы мы знали, какую из них каким ритуалом и в какой день почитать, какие имена и какие молитвы использовать, если, конечно, не преступно почитать сразу столь бесчисленных и столь мелких богов. 12. Но ведь довод этот, отталкиваясь от которого они решили, что все небесные [тела] являются богами, может быть использован и для доказательства обратного. Ведь если они полагают, что те являются богами на том основании, что совершают точное и согласованное движение, то ошибаются. Из этого аргумента следует, что они вовсе не являются богами, ибо им не позволено отклоняться в сторону от назначенных путей. 13. Впрочем, если бы они были богами, они двигались бы без всякой необходимости и без разбора в разные стороны, подобно зверям на земле, которые вольны, поскольку свободны, бродить как угодно, в ту или иную сторону: куда бы их ум ни вел, туда они и идут. 14. Следовательно, звезды движутся не самопроизвольно, но по необходимости, так как они подчинены существующим законам и правилам. 15. Но философ, рассуждая о движении созвездий, на основании согласованности их путей с временами года решил, что это не случайно, а исходит из их воли, как будто бы созвездия не могли двигаться столь правильно и упорядоченно, не имея управляющего ими внутреннего чувства. 16. О, сколь трудна

¹ Цицерон. О природе богов. II.21.54.

² Там же. II.16.44.

истина для людей, отвергнувших ее, и сколь легка для знающих ее! Если движение звезд, говорит он, не случайно, ничего другого не остается, как признать, что оно совершается по их собственному побуждению. Напротив, сколь очевидно, что оно не случайно, столь же очевидно, что оно не происходит по их собственной воле.

17. Каким же образом созвездия соблюдают постоянство в своем движении? Безусловно, это Бог, устроитель Вселенной, расположил их так и таким образом устроил, чтобы они перемещались по небесному простору, соблюдая божественный и удивительный порядок, производя смену идущих друг за другом времен года. 18. Ведь еще Архимед Сицилийский из полой меди сумел создать подобие и модель мира,¹ в которой он так расположил Солнце и Луну, что они, перемещаясь, согласовывали изменения отдельных звезд и даже указывали дни. Эта модель, пока та сфера вращалась, не только показывала восход и заход Солнца, возрастание и убывание Луны, но и различное положение как неподвижных, так и блуждающих звезд. Если это так, то неужели же Бог не мог создать и обустроить ту действительную Вселенную, подобие которой смог создать искусный мастер? 19. Неужели же стоик, если бы он увидел движение звезд, воспроизведенное и изображенное на той меди, сказал бы, что они движутся по собственному соображению, а не благодаря таланту мастера? Стало быть, существует причина, приводящая звезды в движение, но эта причина заключена в Боге, Который и сотворил все, и управляет всем, а не в самих созвездиях, которые движутся. 20. Ведь если бы Солнце захотело постоянно стоять, всегда был бы день. Так же если бы звезды перестали двигаться, кто станет сомневаться, что наступила бы беспрерывная ночь? 21. Но чтобы сменялись дни и ночи, Он [т. е. Творец] захотел, чтобы светила перемещались; причем перемещались так, чтобы не только совершалось взаимное чередование света и тьмы, по которым определяется время труда и отдыха, но и происходило чередование холода и жары, чтобы особенность и сила разных времен года соответствовали рождению

¹ Архимед — знаменитый математик и механик из Сиракуз (287–212 гг. до н. э.). О созданной им медной сфере сообщает Цицерон (*О природе богов*. II. 35.88; *Тускуланские беседы*. I.25.63).

и созреванию плодов. 22. Такая продуманность божественного могущества проявилась в создании звездных путей, что философы, поскольку они этого не увидели, сочли, будто созвездия живые, что будто бы они передвигаются словно на ногах и сами по себе, а не по божественному плану. 23. Кто же не знает, для чего Бог придумал звезды и их движение? Разумеется, для того, чтобы с уходом солнечного света не усилилась чрезмерно ночь противной и ужасной тьмой и не навредила живущим. Вот Он [потому] и украсил небо удивительным многообразием и смягчил тьму многочисленными мелкими светилами. 24. Насколько же разумнее тех, кто полагали, что они изучают мудрость, был Назон, когда утверждал, что этот свет исходит от Бога, чтобы поправить власть тьмы. Ту книгу, в которой кратко раскрыты небесные явления, он завершил такими тремя строчками:

*О сколь же многие и чудные фигуры Бог
На небо поместил и, среди жгучей тьмы рассеяв, им
Холодным светом повелел сиять ночами.*

25. Ведь если не может быть так, чтобы звезды были богами, стало быть, ни Солнце, ни Луна также не могут быть богами, поскольку их свет отличается от света звезд не по сути, а только силой. Если же светила не являются богами, то не является богом и небо, на котором все они находятся. 26. Равным образом, если земля, которую мы попираем ногами, которую обрабатываем и возделываем для пропитания, не является богом, то не должны признаваться богами и горы с долинами. Но если все они не являются богами, следовательно, не может быть названа богом и вся земная твердь. 27. Также если вода, которая служит живущим для утоления жажды или для умывания, не является богом, то и источники, из которых она изливается, не являются богами. Если источники не являются богами, то и реки, чьи воды собираются из источников, не боги. Если же реки не являются богами, стало быть, и море, которое пополняется из рек, не может быть богом. 28. Если же ни небо, ни земля, ни море, которые являются частями мира, не могут быть богами, следовательно, и сам мир не является богом, несмотря на то, что стойки считают мир одушевленным и разумным и, по той причине, богом. Но в этом вопросе они были столь противоречивы, что ничего не было сказано одними, что не было бы опровергнуто

другими. 29. Они ведь так рассуждают: «Не может быть ничего, лишённого чувственности, что бы рождало из себя обладающего чувством. Мир же производит человека, который наделен чувственностью. Следовательно, и сам мир обладает чувственностью. 30. Равно не может быть лишено чувств то, чья часть обладает чувственностью. Поскольку же человек обладает чувственностью, то чувственность принадлежит и миру, чьей частью является человек». 31. Большие посылки о том, что обладает чувственностью то, что порождает наделенного чувствами, и о том, что обладает чувственностью то, чья часть наделена чувствами, верны. Однако же малые посылки, из которых вытекают выводы, ложны. Ибо ни мир не производит человека, ни человек не является частью мира. Ведь изначально человека сотворил тот же Бог, Который сотворил и мир; а человек не является частью мира, такой, какой является рука для тела, ибо мир может существовать и без человека, как город или дом. 32. Но как дом является жилищем одного человека, а город — одного народа, так и мир является обиталищем всего человеческого рода. При этом одно дело обитель, а другое — обитель. 33. Но эти стоики, пока стараются доказать то, что сами понимают неправильно, а именно, что мир чувствен и является богом, не видят, к чему ведут их рассуждения. 34. Ведь если человек является частью мира, и мир обладает чувственностью, ибо человек наделен чувствами, то, поскольку человек смертен, по необходимости смертен и мир. Он не только должен быть смертным, но и подвергаться всем болезням и страданиям. 35. С другой стороны, если мир является богом, то и части его должны быть бессмертны, стало быть, и человек, который является, как вы говорите, частью мира, бог. Если человек бог, то и лошади, и скот, и разного рода звери, птицы и рыбы являются богами, поскольку они обладают чувственностью и являются частями мира. 36. Но это еще терпимо, ведь этих животных почитают и египтяне. Но дело доходит до того, что и лягушек, и мошек, и муравьев следует признавать богами, поскольку в них есть чувства и они являются частями мира. Так всегда аргументы, построенные на ошибках, ведут к глупым и вздорным выводам. 37. Что далее? Стоики сами говорят, что мир создан для обитания богов и людей, словно бы общий дом. Стало быть, мир не является богом, так же как не является одушевленным, если он

создан. Ведь одушевленное не создается, а рождается. Если же мир был сотворен подобно тому, как дом или корабль, следовательно, есть некий создатель мира — Бог. Существует отдельно мир, который был сотворен, и отдельно Тот, Который его сотворил. 38. Уже то весьма противоречиво и абсурдно, что, утверждая, будто небесные светила и прочие стихии мира являются богами, они говорят, что и сам мир является богом. Каким образом один бог может состоять из множества богов? 39. Если звезды являются богами, стало быть, мир не является богом, но только обиталищем богов. Если же мир является богом, стало быть, все то, что он содержит, не боги, но части бога, которые, как бы то ни было, не могут претендовать на имя бога. 40. Ибо будет не прав тот, кто скажет, что члены одного человека являются несколькими людьми. Однако же сравнение живого существа и мира не очень подходяще, поскольку живое существо наделено чувственностью и члены его имеют чувства, если, конечно, они не оторваны от тела. 41. С чем же можно сравнить мир? Стоики и сами открывают это, когда признают, что мир был сотворен и служит как бы общим домом для богов и людей. Стало быть, если он создан как дом, ни сам он не является богом, ни стихии его не являются богами, которые лишь его части; ибо ни дом не может иметь власти над собой, ни части, из которых он состоит. 42. Следовательно, стоики опровергаются не только истиной, но и собственными словами. Ибо как дом, находящийся в пользовании обитателей его, сам по себе ничего не чувствует и подчинен хозяину, который или построил его, или живет в нем, так и мир, сам по себе ничего не чувствующий, подчинен сотворившему его Богу, Который создал его для собственного употребления.

6. 1. Неразумные люди, стало быть, заблуждаются в двух смыслах. Во-первых, когда предпочитают Богу стихии, т. е. творения Божии. Во-вторых, когда почитают образы этих стихий, созданные по человеческому подобию. 2. Ведь они создают изображения Солнца и Луны по форме человека, равно как и изображения огня, земли и моря, которых называют Вулканом, Вестой и Нептуном, забывая о самих стихиях. Такое влечение к изображениям охватывает людей, что образы привлекают их гораздо больше, чем сами стихии. Люди при этом, конечно, восхищаются золотом, драгоценными камнями, слоновой костью.

3. Их красота и блеск настолько ослепляют, что люди считают, что без этого не может быть никакой религии. И вот под видом поклонения богам почитается жадность и алчность. Ибо люди верят, что боги любят то, что сами они жаждут; то, из-за чего ежедневно происходят кражи, грабежи и человекоубийства, из-за чего по всему миру войны разоряют народы и города. 4. И вот посвящают богам военную добычу, награбленное добро. В самом деле, боги те слабы и лишены доблести, если они столь жадны. 5. Почему же их считают небожителями, если они жаждут земного? Почему их считают блаженными, если они нуждаются в каких-то подарках? Почему считают непорочными, если они наслаждаются тем, стремление людей к чему справедливо осуждается? 6. Итак, [язычники] приходят к богам не столько ради благочестия, которого никак не может быть в дурных и порочных делах, сколько для того, чтобы наслаждаться видом золота, восторгаться блеском гладкого мрамора или слоновой кости, чтобы неустанно рассматривать красочные одежды, усеянные драгоценными камнями, или чаши, украшенные сверкающим жемчугом. И верят, что чем красивее храм или чем прекраснее скульптуры, тем больше в них силы. Таким образом, религия их является лишь тем, что способно восхищать человеческую жадность.

7. Эти религии, которых они упорно держатся, они получили от своих предков. Они не размышляют о том, какие они, но полагают, что они проверены и истинны, поскольку их передали им древние. Авторитет же древности столь велик, что сомневаться в ней преступно. Вот и доверяют бездумно древности, словно бы постигнутой истине. 8. У Цицерона как раз так Котта говорит Луцилию: «Вот, Бальб, что думает Котта, понтифик. А теперь дай мне понять, что ты думаешь, так как от тебя, философа, я должен получить доказательства в пользу религии, предкам же нашим должен верить без всякого доказательства».¹ 9. Если ты веришь, то зачем требуешь доказательств, которые могут поколебать твою веру? Если же ты хочешь доказательства и, следовательно, предполагаешь сомнение, значит, ты не веришь. Ведь ты спрашиваешь чужое мнение для того, чтобы последовать ему, когда оно тебе будет от-

¹ Цицерон. О природе богов. III.2.6.

крыто. 10. Вдруг, согласно этому мнению, [древние] религии богов не являются истинными? Что ты тогда будешь делать? Последуешь ли за предками, или за этим мнением? Пусть его скажет тебе другой, но это ты его искал, и ты его принял, вырывая все религии с корнем. 11. Если ты предпочтешь разум, то с необходимостью отступишь от установлений и авторитета предков, поскольку верно только то, что предписывает разум. Если же благочестие посоветует тебе следовать за предками, то признаешь и их глупцами, поскольку они вопреки разуму подчинялись выдуманному религиям, и себя неразумным человеком, поскольку ты считаешь то, что сам счел ложным. 12. Но все же, поскольку мы упомянули имя предков, посмотрим, кто были эти предки, от авторитета которых, как считается, нельзя отступать. 13. Ромул, решив заложить город, созвал пастухов, среди которых он вырос, и поскольку число их показалось недостаточным для основания города, создал прибежище, куда бежали из соседних районов дурные и не знавшие своего происхождения люди.¹ 14. И вот он собрал из них народ и выбрал в сенат тех, кто был старше по возрасту, и назвал их отцами, и совершал все, советуясь с ними. Об этом сенате так сказал Проперций,² автор элегий:

*Где заседает сенат в окаймленных пурпуром тогах,
Там собирался старейшин попросту, в шкурах, совет.
Сельский рожок созывал на сходку древних квиритов,
Сотня их всех на лугу и составляла сенат.³*

15. Вот те отцы, постановлениям которых охотно подчиняются образованные и разумные мужи. При этом все потомки считают истинным и неизменным то, что захотели установить эти сто покрытых шкурами стариков. Это те отцы, которых, как было сказано в первой книге,⁴ Помпилий заставил поверить, что те священнодействия, которые он сам привнес, являются истинными. 16. Действительно, авторитет их возрос

¹ Ср.: *Тит Ливий*. История от основания Города. I.8.

² *Проперций* — римский поэт (ок. 47 — ок. 15 гг. до н. э.), известен прежде всего как автор элегий.

³ *Проперций*. Элегии. IV.1.11–14.

⁴ См.: I.22.

благодаря потомкам, ибо, когда они сами жили, никто — ни знатный, ни низкий — не считал достойным вступать с ними в родство.

7. 1. Поэтому необходимо особенно в том, в чем состоит смысл жизни, полагаться на самого себя и опираться в поиске и исследовании истины на свои суждения и собственные ощущения, а не обманываться, веря чужим заблуждениям, словно бы и нет собственного разума. 2. Бог дал всем равно мудрости, чтобы можно было искать то, что неизвестно, и исследовать то, что стало известно. Предки оттого, что предшествовали нам во времени, не превосходят еще нас в мудрости, которая, коль скоро дана всем в равной мере, не могла быть полностью захвачена теми, кто жил раньше. 3. Она не оскудевает, как не оскудевает свет и сияние Солнца, поскольку как Солнце является светом для глаз, так и мудрость является светом для человеческого сердца. 4. Вот почему, поскольку для всех естественно размышлять, т. е. исследовать истину, лишают себя разумения те, кто без всякого размышления удовлетворяются установлениями предков и уводятся другими, подобно скоту. 5. Их вводит в заблуждение то, что, опираясь на имя предков, они считают, что не может быть так, чтобы сами они разумели больше [предков], ибо являются лишь потомками, или чтобы те были безрассудны, ведь они являются предками. 6. Что же мешает нам взять пример с этих предков и подобно тому, как те, найдя ложное, передали его потомкам, передать своим потомкам то истинное, что мы открыли?

7. Остается важный вопрос, решение которого зависит не от способностей ума, а от знания [фактов]. Его следует раскрыть более обстоятельно, чтобы не оставалось никаких сомнений. Ведь кто-нибудь, возможно, основывает свою веру на том, что многие достойные уважения писатели передают, что те, кто, как мы считаем, не являются богами, показывали довольно часто свое могущество через чудеса, во снах, через авгуров и оракулов. 8. И, действительно, они готовы указать на многое, что достойно чуда. Во-первых, рассказывают о том, что когда-то Акций Навий,¹ великий авгур, предостерегал Тарквиния Приска, чтобы тот ничего не начинал, не совершив предварительно ауспиции.

¹ Рассказ взят у Тита Ливия, который называет авгура Аттом Навием (*Тит Ливий. История от основания Города. 1.36.3-4*).

Царь же, посмеявшись над его искусством, попросил обратиться к птицам с вопросом, может ли сейчас исполниться то, что у него в голове. Когда же Навий подтвердил, что может, царь сказал: «Возьми тогда камень и разрежь его ножом». Навий же без промедления взял нож и разрезал им камень. 9. Во-вторых, рассказывают о том, что во время Латинской войны близ Ютурнийского озера показались Кастор и Поллукс, омывающие лошадей от пота, и тогда вдруг сами собой открылись двери их храма, находившегося неподалеку от источника.¹ 10. Рассказывают также, что они же во время Македонской войны² появились, восседающие на белых конях, перед П. Ватиеном, направлявшимся ночью к Риму, и возвестили ему, что в этот день был побежден и пленен царь Персей. Спустя несколько дней письма Павла [Эмилия] подтвердили, что это — правда. 11. Также передают то удивительное, что статуя Фортуны Женской неоднократно разговаривала. Также статуя Юноны Монеты, когда после захвата вейян один из воинов, посланный для ее перевозки, спросил ее, как бы в шутку, хочет ли она переселиться в Рим, она ответила, что хочет. 12. Также рассказывают, как пример чуда, о Клавдии. Ведь говорят, что некогда, следуя *Книгам Сивилл*, перевозили Матерь Идейскую, но корабль, на котором ее везли, сел на мель на Тибре, так что никакая сила не могла привести его в движение. Тогда Клавдия, которая всегда из-за чрезмерной заботы о своем теле считалась распутной женщиной, пав на колени, стала молить богиню, чтобы та, если сочтет ее [Клавдию] целомудренной, последовала за ее поясом. И вот корабль, который не мог двинуться с места, несмотря на усилия всей молодежи, был приведен в движение одной-единственной женщиной.³ 13. Также рассказывают о таком чуде: будто бы когда свирепствовало поветрие, Эскулап, приглашенный из Эпидавра, освободил Рим от длительной чумы.⁴

14. Также могут указать, сколько было святотатств, в наказание за которые, как они верят, боги предали немедленным карам своих обид-

¹ См.: *Val. Max.* I.8.1.

² Речь идет о Третьей Македонской войне (171–168 гг. до н. э.).

³ Ср.: *Овидий*. *Фасты*. IV.293–344; *Тит Ливий*. История от основания Города. XXIX.14.5–14.

⁴ См.: *Ливий*. *Периоха* 11.

чиков. 15. Цензор Аппий Клавдий, когда вопреки ответу оракула обучил общественных рабов священным обрядам, посвященным Геркулесу, был лишен зрения. А также род Поттичиев, от которого был передан [жреческий сан], угас в течение одного года.¹ 16. Равно, когда цензор Фульвий снял мраморные плиты с храма Юноны Лацинийской, чтобы покрыть ими храм Фортуны Всаднической, который он воздвиг в Риме,² он потерял рассудок и, когда лишился двух сыновей, воевавших в Иллирике, был иссушен великой скорбью. 17. Также после того как претор Марка Антония Туруллий на Косе, вырубив рощу Эскулапа, построил флот, он был убит в том же месте солдатами Цезаря [Октавиана]. 18. К этим примерам добавляется Пирр, который, забрав деньги из сокровищницы Прозерпины Локридской, попал в кораблекрушение и был выброшен на берега богини, так что ничего, кроме ее денег, не уцелело.³ 19. Также Церера Милетская снискала огромное почитание у людей. Ведь когда город [Милет] был захвачен Александром и воины ворвались в ее храм для грабежа, внезапно вспыхнувший огонь выжег у них глаза.

20. Сообщают также о снах, которые, как им кажется, являют силу богов. Так, рассказывают, что плебею Тиберию Аттинию явился во сне Юпитер и повелел, чтобы тот сообщил консулам и сенату, что на недавних цирковых играх ему [Юпитеру] не понравились представления, поскольку Антоний Максим вывел на середину цирка на казнь какого-то избитого и закованного в колодки раба, а потому игры необходимо провести еще раз. 21. Когда же плебей этим пренебрег, в тот же день он потерял сына, а сам тяжело заболел. Тогда он вновь увидел во сне того же бога, который спросил, достаточно ли он наказан за неисполнение повеления. Когда же после этого Тиберий Аттиний, принесенный на носилках к консулам, поведал обо всем случившемся в сенате, тут же обрел телесную крепость и домой вернулся самостоятельно.⁴

¹ Рассказ взят у Ливия (*Тит Ливий*. История от основания Города. IX. 29.9–11).

² Ср.: *Тит Ливий*. История от основания Города. XLII.3.1–11.

³ Ср.: Там же. XXIX.18.2–8.

⁴ Ср.: Там же. II.36.1–8. У Тита Ливия этот плебей назван Титом Латинием.

22. Также удивителен тот сон, благодаря которому был спасен Цезарь Август. Ибо когда во время гражданской войны с Брутом [Цезарь] из-за тяжелого недуга решил воздержаться от участия в сражении, его врачу Арторию явился образ Минервы, увещающий, чтобы Цезарь, несмотря на болезнь, не оставался в лагере. И вот его принесли на носилках на поле битвы, и в тот же день Брут захватил лагерь.¹ 23. Кроме этого можно привести множество схожих примеров, но я боюсь, что, если буду долго останавливаться на изложении постороннего, скажут, что я забыл о начатой теме или предаюсь греху болтливости.

8. 1. Итак, я открою смысл всех этих явлений, чтобы стали понятнее трудные и темные вещи, и обнажу все эти обманы, построенные на подражании божественной воле, обманы, будучи введены в которые, люди удалились от пути истины. 2. Я скажу несколько больше, чтобы если примется за чтение кто-то непричастный истине и не знающий ее, был подготовлен и понял, в чем *этих бедствий исток и причина*,² и, обретя свет, увидел заблуждения — свои и всего рода человеческого. 3. Бог, Провидец для замысла, Изобретатель в осуществлении замысла, прежде чем сотворил этот мир, поскольку в Нем был источник полного и совершенного блага, как пребудет и вечно, чтобы благо изливалось от Него подобно ручью и разливалось вширь, произвел [produxit] подобный Себе Дух, чтобы он был наделен добродетелями Бога-Отца. Каким образом Он это совершил, мы попробуем объяснить в четвертой книге. 4. Потом Он сотворил другой дух, в котором не было дарования божественности. И вот он оказался заражен собственной завистью, словно ядом, и от добра удалился ко злу, и по собственной воле, которую Бог дал ему свободной, принял себе противное имя. 5. Отсюда ясно, что это он и есть гниlostный источник всех бед. Ибо он относился с завистью к тому своему предшественнику, Который поскольку был близок к Богу-Отцу, постольку и дорог Ему. 6. И вот этого, по собственной воле превратившего добро во зло, греки называют дьяволом [διάβολον], а мы именуем клеветником [criminatorem], ибо он клеветает Богу о тех преступлениях, на которые он сам же и толкает людей. 7. Так

¹ Ср.: Светоний. Божественный Август. 91.

² Вергилий. Энеида. XI.361.

вот, Бог, начавший сотворение мира, того первого и великого Сына поставил во главе труда Своего и привлекал Его одновременно как советчика и как мастера при планировании, организации и создании вещей. Ведь Тот был совершенен и в прозрении, и в размышлении, и в могуществе. О Нем мы сказали теперь кратко, поскольку говорить о могуществе Его, имени и разуме нам следует в другом месте.¹

8. Пусть никто не спрашивает, из каких материалов Бог создал эти столь многочисленные и удивительные творения, ибо все это Он сотворил из ничего. Не следует слушать поэтов, которые говорят, что вначале был хаос, т. е. смешение вещей и частиц; а потом якобы Бог разобшил всю эту бесформенную массу и, отделив каждую вещь от беспорядочной массы и приведя все в порядок, создал и в то же время украсил мир.² 9. Этим поэтам, не ведающим могущества Божия, ответить нетрудно. Они верят, будто ничего не может быть создано иначе, как из существующего и готового вещества. В таком же заблуждении пребывают и философы. 10. Ведь Цицерон, рассуждая о природе богов, так говорит: «Во-первых, невозможно, чтобы эта материя вещей, из которой все родилось, была создана Божественным Провидением, но она имела и имеет собственную силу и природу. 11. Стало быть, как зодчий, когда намеревается что-то построить, не сам создает материал, но использует тот, который у него уже есть, как скульптор использует воск, так же следовало бы, чтобы у этого Божественного Провидения была под рукой материя: не та, которую бы оно создало, но та, которую бы оно имело в готовом виде. Если же материя не создана Богом, то Богом не создана ни земля, ни вода, ни воздух, ни огонь».³ 12. О, сколь много изъянов в этих десяти строчках! Во-первых, то, что философ, который в других трудах и почти во всех книгах был заступником Провидения и который страстно выступал против тех, кто утверждал, будто не существует Провидения, теперь, словно изменник какой-то или даже перебежчик, пытается отвергнуть Провидение. 13. Если бы ты захотел не согласиться с этим, то не нужны ни рассуждения, ни усилия.

¹ См.: IV.6.

² Ср.: Овидий. *Метаморфозы*. I.7, 21, 32.

³ В трактате *О природе богов* этих слов нет.

Достаточно прочитав его собственные слова, ибо Цицерон не может быть опровергнут кем-то другим, кроме как самим Цицероном.

14. Однако позволим, следуя принципам и манере академиков, свободно говорить людям и думать то, что им хочется. Обсудим сами высказывания. Он говорит: «Невозможно, чтобы материя вещей была создана Богом». 15. На каком основании ты утверждаешь подобное? Ведь ты ничего не сказал о том, почему это невозможно. 16. Мне же, размышляющему, наоборот, кажется весьма даже вероятным и не случайным, что в Боге пребывает нечто большее, хотя ты и низводишь Его до немощи человека, не отводя Ему ничего другого, кроме способности доводить до совершенства. 17. Чем же тогда та божественная сила отличается от человека, если, как и человек, Бог не имеет большей способности, если не может ничего создавать иначе, как [только] из чего-то, служащего Ему материалом? Если бы это было так, Он обладал бы несовершенной добродетелью и должен был бы считаться прежде всего организатором материи. 18. Каким же именем следует называть того, кто могуществом превосходит Бога? Ибо созидать свое — превосходнее, нежели обрабатывать чужое. 19. Поскольку же не может случиться так, чтобы было что-то могущественнее Бога, Который необходимо обладает совершенными добродетелью, могуществом и разумом, то Он и является творцом материи, как и создателем нерушимых вещей из материи. Ибо не могло и не должно ничего существовать без творчества и воли Божией. 20. Но возможно, как он говорит, материя вещей имеет и имела свою силу и свою природу. Какую силу могла она иметь, ничего не производя? Какую природу, ничего не рождая? Если она и имела силу, то приняла ее от кого-то другого. От кого же еще она могла ее принять, кроме как от Бога? 21. Если материя имела природу [naturam], имя которой происходит от слова «рождать» [a nascendo], то материя была рождена. От кого же, если не от Бога, она могла появиться на свет? Ибо природа, от которой, как ты говоришь, все родилось, сама, если не имеет замысла, ничего не может образовывать. Если она может и рождать, и созидать, то по этой причине она должна быть Богом. 22. Не может иным именем называться та сила, в которой заключена способность провидеть, а также умение и возможность творить. 23. Вот и остроумнейший из всех стоиков Сенека

видит, что природа есть не что иное, как Бог. «Стало быть, — говорит он, — не прославляем ли мы Бога, добродетель которого естественна [naturalis]? Ибо он не обрел ее у кого-то другого. Напротив, мы славим Бога, несмотря на то, что доблесть, которую он сам себе дал, естественна для него; ибо ведь Бог сам есть природа». 24. Итак, когда ты, Цицерон, признаешь начало природных вещей, но отнимаешь его у Бога, ты увязаешь в той же самой луже, из которой пытаешься вылезти. Ибо ты отрицаешь, что Бог сотворил материю, и в то же время признаешь, что именно Он ее создал, искажая лишь имя. 25. За этим следует нелепое сравнение: «Как зодчий, — говорит он, — когда намеревается что-то построить, не сам создает материал, но использует тот, который у него уже есть, как скульптор использует воск, так же следовало бы, чтобы у этого Божественного Провидения была под рукой материя, не та, которую бы оно создало, но та, которую бы оно имело в готовом виде». 26. Нет, не следовало бы. Ибо Бог был бы менее могущественным, если бы творил из готовой материи, что свойственно человеку. Мастер ничего не изготовит без древесины, так как сам древесину изготовить он не в состоянии. А отсутствие возможности — это свойство человеческой слабости. 27. Бог же создает Сам Себе материю, ибо может. Так как наличие [любой] возможности — свойство Бога. Ведь если бы Он не мог, то не был бы и Богом. 28. Человек созидает из того, что есть, так как из-за смертности он слаб, из-за слабости — ограничен и умерен в могуществе. Бог же созидает из того, чего нет, так как вследствие вечности Он силен, из-за силы же — безмерен в могуществе, которое лишено границ и меры, как и жизнь Творца. 29. Что же удивительного в том, что Бог, намереваясь создать мир, создал сначала материю, чтобы творить из нее, и создал ее из того, чего не было? Ибо невозможно, чтобы Бог что-то заимствовал из чего-то, поскольку все заключено в Нем и все исходит из Него. 30. Ведь если бы было что-то прежде Него и если бы что-то было сделано не Им, Он лишился бы и могущества Божия, и имени Бога.

«Но материя, — скажут, — не сотворена, как и Бог, Который сотворил этот мир из материи». 31. Стало быть, существуют два вечных начала, при этом противоположные друг другу, чего не может быть без разлада и уничтожения. Ведь они неизбежно вступали бы друг с другом

в противоборство, поскольку и сила их, и сущность различны. И то и другое вечные начала не могут сосуществовать; если они различны между собой, то неизбежно одно превосходило бы другое [в вечности]. 32. Следовательно, не может быть, чтобы природа вечности не была единой, [но необходимо] чтобы простиралось все из нее как из источника. Итак, либо Бог произошел из материи, либо материя сотворена Богом. Что из этого является более верным, понять не сложно. 33. Ведь из этих двух начал одно обладает чувством, другое же лишено его. Возможность творить что-либо может быть только в том начале, которое чувствует, думает, знает и действует. 34. Не может ни начинаться, ни происходить, ни завершаться то, что не было прежде предвидено умом: каким именно образом должно появиться то, чего еще нет, и каким образом оно должно сохраняться после того, как появилось на свет. 35. Наконец, тот лишь может что-то творить, кто обладает волей к творчеству и способностью достигать того, чего хочет. А то, что лишено чувства, пребывает в постоянном бездействии и косности. Ничего не может возникнуть там, где нет никакого волеизъявления. 36. Ведь если всякое животное обладает разумом [constat ratione], то, конечно, от него не может родиться то, что не наделено разумом. Не может появиться что-либо оттуда, где это отсутствует. 37. Пусть все же никого не тревожит то обстоятельство, что некоторые животные кажутся рожденными из земли. Ибо не земля их рождает, но Божий Дух, без Которого ничего не рождается.

38. Стало быть, не Бог произошел из материи, поскольку никогда не может родиться чувственное от бесчувственного, разумное — от неразумного, активное — от косного, бестелесное — от телесного. Скорее, это материя произведена Богом. 39. Ведь все, что обладает плотным и осязаемым телом, получает силу извне. Что получает силу, подвержено разложению. Что разлагается, то погибает. Что погибает, то, безусловно, было произведено. Что было произведено, имеет источник, откуда получило рождение, т. е. некоего разумного творца, предвидящего творение и способного творить. Конечно, этот творец не кто иной, как Бог. 40. Ведь тот, кто обладает чувством, разумом, провидением, могуществом и добродетелью, может рождать и созидать живые и неживые существа, ибо он знает, каким образом их нужно создавать.

41. Материя же не могла существовать вечно, ибо, если бы она существовала вечно, она бы не подвергалась изменениям. Ибо то, что существует вечно, никогда не исчезает, и где нет начала, там нет и конца. Проще представить, что лишено конца то, что получило начало, нежели то, что получившее конец не имело бы начала. 42. Итак, если бы материя не была создана, из нее ничего бы не могло быть произведено. Если же из нее ничего не могло быть произведено, она не являлась бы даже материей. Ведь материя — это то, из чего что-то создано. А все, из чего что-то создается, поскольку в этом участвует мастер, разрушается и изменяется. 43. Стало быть, поскольку материя получила конец в тот момент, когда был создан мир, она имела и начало. Ведь то, что разрушается, было создано; что разрывается, было связано; что кончается, имело начало. Если же, как следует, материя получила начало из изменения и конца, то кем иным она могла быть создана, если не Богом?

44. Итак, есть только один Бог, Который не был сотворен и потому может разрушать прочее, а Сам не может быть уничтожен. Он будет пребывать вечно там, где всегда был, ибо Он никем не рожден, ни от кого не получил начала. Рождение Его [nativitas eius] не требовало никакого вещества, которое, изменяясь, разрушало бы Его. Он существует Сам по Себе, как мы говорили в первой книге,¹ и потому Он таков, каким захотел быть: бесстрастный, неизменный, нетленный, блаженный и вечный.

45. Однако еще более нелепым является вывод, которым заканчивает Туллий свою мысль: «Ибо если материя не была создана Богом, то Богом не создана ни земля, ни вода, ни воздух, ни огонь». 46. Сколь искусно он избегает трудности! Так, он взял первое предложение, словно бы оно не требует доказательств, хотя оно еще более сомнительно, чем то, для которого вводится. «Если материя, — говорит он, — не была создана Богом, то Богом не был создан мир». 47. Он предпочел из ложной [посылки] вывести то, что ложно, нежели из истинной то, что истинно. И в то время как сомнительные вещи должны доказываться на основе ясных доводов, он сделал вывод из сомнительного утверждения для ниспровержения того, что является несомненным.

¹ См.: I.7.13.

48. Ведь в том, что мир был создан Божественным Провидением (да умолчу я о [Гермесе] Трисмегисте, который это пророчествовал, умолчу и о песнях Сивилл, которые возвещали то же самое, умолчу и о пророках, которые единым духом и в один голос свидетельствовали о создании мира и творчестве Божиим), согласны почти все философы. Это ведь утверждают и пифагорейцы, и стоики, и перипатетики, которые являлись первыми из всех в философии. 49. Это считалось признанным и несомненным от знаменитых первых семи мудрецов вплоть до Сократа и Платона, пока спустя много веков не появился один безумец, Эпикур, который решил отрицать то, что являлось очевидным, стремясь, конечно, открыть что-то новое, чтобы под своим именем создать учение. 50. А поскольку он ничего нового не смог открыть, чтобы все-таки отличаться от прочих, то решил опровергать устоявшиеся с древности мнения. В этом его уличали все философы. Стало быть, более верным является то, что мир создан Провидением, а не то, что Провидением организована материя. 51. А поэтому не следует считать, будто мир не был создан Божественным Провидением, потому что материя его не была создана Божественным Провидением; а следует считать, что поскольку мир был сотворен Божественным Провидением, то и материя имеет божественное происхождение. 52. Ведь более вероятно то, что скорее материя была создана Богом, поскольку Бог может все, нежели то, что мир не создан Богом, поскольку ничего не может происходить без мысли, разума и замысла. 53. Истинно, это ошибка не Цицерона, а [эпикурейской] школы [sectae]. Ведь когда он взялся за рассмотрение природы богов, о которой рассуждали философы, то по незнанию истины посчитал, что должна быть отвергнута всякая божественность. 54. Конечно, он вправе отвергать богов, поскольку их и не существовало. Но вот когда он попытался отвергнуть Божественное Провидение, которое заключено в одном Боге, когда, не имея достаточно аргументов, начал восставать против истины, то поневоле угодил в такую яму, из которой не смог себя вытащить. 55. Вот тут, стало быть, я остановлю этого застрявшего, задержу увязшего, поскольку Луцилий, который выступал противником [этих положений], замолчал. Здесь именно вся суть дела, здесь заключено все. Пусть Котта выводит себя, если сможет, из этой про-

пасти. Пусть приводит доводы, чтобы доказать, будто материя существовала вечно, будто ее не создавало никакое Провидение. Пусть показывает, каким образом могло существовать что-то массивное и тяжелое без творца или могло меняться, и каким образом без творца переставало быть то, что существовало вечно, чтобы появилось то, чего никогда не было. 56. Если он это объяснит, я лишь тогда соглашусь, что мир не создан Божественным Провидением. И все-таки я соглашусь таким образом, чтобы захватить его в другие сети. 57. Он придет к тому же самому, против чего выступает, и скажет, что материя, из которой мир, и мир, который из материи, рождены природой. Тогда я заявлю, что природа собственно и есть Бог. 58. Ибо не может создавать [столь] удивительные, т. е. непостижимые разумом, творения кто-то, не имеющий мысли, провидения и могущества.

59. Итак, получается, что Бог создал все, и совершенно ничего не может существовать, не получив начала от Бога. 60. Однако он [т. е. Цицерон], когда выступает эпикурейцем и когда не хочет, чтобы мир был сотворен Богом, обычно ищет, какими руками, какими машинами, какими рычагами, каким способом было совершено это творение.¹ Он, возможно, открыл бы это, если бы мог жить в то время, когда творил Бог. 61. Но чтобы человек не постиг творения Божия, Бог не пожелал помещать его в этом мире прежде, чем довел все до совершенства. 62. Да и не мог его поместить. Ибо каким бы образом тот бы пребывал, когда создавалось сверху небо, а внизу созидалась земля, когда, наверное, влажные места были скованы чрезмерным холодом или высыхали, обожженные огненным жаром? Или каким образом человек бы выжил, когда еще не светило Солнце, когда еще не рождались ни плоды, ни животные? Итак, необходимо было, чтобы человек появился позже, когда и мир, и все его части были созданы. 63. Наконец, Священные Писания учат, что человек был последним творением Божиим и был помещен в этот мир, словно бы в отстроенный и облагороженный дом, ибо все создавалось ради него. 64. То же самое признают и поэты. Овидий, рассказав о том, что был создан мир и сотворены все животные, добавил следующее:

¹ См.: Цицерон. О природе богов. I.8.19.

*Только одно существо, что священнее их и способней
К мысли высокой, — чтоб стать господином других, — не являлось.
И родился человек.¹*

Насколько нечестиво думать, будто можно проникнуть в то, что Бог захотел оставить в тайне! 65. Но Цицерон стремился не прислушиваться или учиться, а лишь опровергать, поскольку надеялся, что никто не сможет определенно сказать о сотворении мира. Как будто бы следует думать, будто мир не создан Богом, лишь потому, что нельзя узнать, как Он его создал. 66. Неужели ты, если рожден в искусно построенном и облагороженном доме и никогда не видел, как возводятся дома, будешь считать, что дом тот сооружен не человеком, ибо ты не знаешь, каким образом он был построен? То же самое ты спрашивал бы о доме, что теперь спрашиваешь о мире: какими руками, с помощью каких орудий человек совершил такое творение. Особенно если ты видишь высокое и удивительное строение из огромного камня с использованием массы щебня, украшенное величественными колоннами. Неужели тебе покажется, что это превыше человеческих возможностей только потому, что ты не знаешь, что дом выстроен не столько благодаря силе, сколько благодаря человеческой мысли и искусству? 67. Ибо если человек, в котором нет ничего совершенного [nihil perfectum est], все же благодаря разуму создает больше, чем позволяют ему его скудные силы, почему же тогда тебе кажется невероятным, когда говорят, что мир создан Богом, в котором, поскольку Он совершенен, ни мудрость не может иметь предела, ни сила — меры? 68. Творения Его воспринимаются глазами, но каким образом Он их создал, непостижимо даже умом, поскольку, как говорит Гермес [Трисмегист], не может приблизиться смертное к бессмертному, преходящее — к непреходящему, несовершенное — к совершенному, т. е. не может оказаться ближе и постичь разумением. Земное существо не может постичь небесную суть, потому что ограничено, словно стенами темницы, телом, с тем, чтобы не постигло все с помощью свободной и несдерживаемой мысли. 69. Пусть же будет известно, сколь глупо поступает тот, кто стремится постичь непостижимые дела. Ибо поступать так — значит преступать

¹ Овидий. *Метаморфозы*. I. 76–78.

меру сотворения своего и не знать, до каких пор позволено дойти человеку. 70. Когда же Бог открыл человеку истину, Он хотел, чтобы мы узнали только то, что важно для жизни, а то, что относится к простому и праздному любопытству, сокрыл, чтобы это было тайной. 71. Зачем же ты ищешь то, что не дано знать, а если бы и узнал, то не стал бы счастливее? Человек достаточно знает, если знает, что Бог один и что все сотворено Им.

9. 1. Теперь, поскольку мы опровергли тех, кто думают иначе, нежели предписывает истина, о мире и о Боге, его Творце, мы возвратимся к божественному сотворению мира, о котором передается в сокровенных писаниях [in arcanis literis] святой религии. 2. Итак, Бог создал прежде всего небо и поместил его вверху, чтобы оно служило престолом самого Бога Творца. Затем сотворил землю и поместил ее под небом, чтобы ее заселил человек с прочими видами животных. Ее Он задумал окружить и ограничить водами. 3. Свою обитель Бог украсил сиянием и наполнил светом; поместил там, конечно же, Солнце, сияющий круг Луны и сверкающие точки ярких звезд. Тьму же, которая противоположна свету, Он ниспослал на землю. Ибо ничто само по себе не излучает свет, кроме небес, на которых Он поселил неиссякаемый свет, высокое и вечную жизнь, а на земле, наоборот, тьму, низкое и смерть. 4. Ибо все это отстоит от небесного столь же далеко, как и зло от добра, как пороки — от добродетелей. 5. Также Он создал две различные и противоположные друг другу части самой земли, восток и запад. Из них восток близок к Богу, ибо Он — источник света, озаряющий мир, ибо Он задумал родить нас для вечной жизни. Запад же Он определил тому мятежному и превратному духу, ибо тот скрывает свет, вечно наводит тьму и ведет людей к смерти и гибели во грехах. 6. Ведь как свет принадлежит востоку, а в свете пребывает жизнь, так и тьма принадлежит западу, во тьме же заключена смерть и гибель. 7. Затем Он с тем же смыслом расположил другие части земли, юг и север. Эти части связаны с теми двумя. 8. Ибо та, которая больше согрета жаром Солнца, ближе к востоку и связана с ним. А та, которая стынет от холодов и вечной стужи, сопричастна западу. Ибо как противоположны друг другу свет и тьма, так противоположны тепло и холод. 9. Следовательно, как тепло близко к свету, так и юг — к востоку. Как холод бли-

зок тьме, так и северная сторона — западной. Каждой из этих отдельных сторон Он отвел свое время. Весну, разумеется, востоку; лето — южной стороне, западу — осень, а зиму — северу. 10. В этих двух сторонах, южной и северной, также заключены прообразы [figura] жизни и смерти, ибо жизнь сокрыта в тепле, а смерть — в холоде. Так же, как тепло исходит от огня, [так и] холод из воды. 11. Сообразно этим сторонам Он установил день и ночь, которые, попеременно сменяя друг друга, создают периоды постоянного обращения и изменения времен, которые мы именуем годами. День, рождение которому дает восток, принадлежит Богу, как и все лучшее. Ночь же, которую напускает запад, принадлежит, разумеется, тому, кого мы называем завистником Бога. Бог, провидящий будущее, установил день и ночь также для того, чтобы в них обнаруживался образ истинной религии и ложных заблуждений. 12. Ибо как Солнце, которое светит днем, хотя одно (отчего, как видится Цицерону, Солнце [sol] и получило свое название: ибо, когда скрываются звезды, оно одно [solus] светит),¹ все же, поскольку является истинным и совершенным светом, наполняет все величайшим теплом и ярчайшим светом, так и Бог, хотя один, являет Собой совершенное величие, добродетель и свет. 13. Ночь же, которую мы назвали принадлежащей тому злосчастному противнику, символизирует многочисленные и различные его религии. 14. Ибо, хотя и кажется, что ночью сияют и блестят бесчисленные звезды, все же, поскольку они излучают слабый и непрочный свет, они не дают никакого тепла и не могут одолеть своей многочисленностью темноту.

15. Итак, открываются два основных начала, которые обладают разными и противоположными друг другу возможностями: тепло и влажность — которые удивительным образом придумал Бог для произведения всего на свет и сохранения. 16. Ведь поскольку доблесть Бога в тепле и огне, то, если бы смешанная материя влажности и холода не умеряла их пыл и силу, ничего бы не могло ни родиться, ни сохраняться. Более того, во всемирном пожарище тотчас погибало бы все, что ни появлялось бы на свет. 17. Поэтому даже философы и поэты говорят, что мир зиждется на согласии непримиримых начал, хотя и не видят

¹ Цицерон. О природе богов. II.27.68.

при этом глубинного смысла. 18. Гераклит¹ говорил, что все рождено из огня, Фалес Милетский² — из воды. И тот и другой видят кое-что правильно, но все же заблуждаются как один, так и другой. Ибо если одно из двух начал было бы единственным, то ни вода не могла бы родиться из огня, ни огонь из воды. Вернее, то, что все рождается из смешения двух начал. 19. Конечно, огонь не может смешиваться с водой, поскольку они враждебны друг другу, и если они сойдутся друг с другом, одно из начал, какое окажется в избытке, неизбежно одолеет другое. Но могут смешиваться их субстанции. Субстанцией огня является тепло, субстанцией воды — влажность. 20. Стало быть, прав Овидий:

*Ибо, коль сырость и жар меж собою смешаются в меру,
Плод зачинают, и все от этих двоих происходит.
Если ж в боренье огонь и вода, — жар влажный, возникнув,
Все создает: для плодов несогласье согласное — в пользу.³*

21. Ибо одно является как бы мужским началом, другое — женским, одно активным, другое — пассивным. И потому древними было установлено освящать брачные союзы священнодействиями в честь Огня и Воды, поскольку тепло и влажность производят потомство и пробуждают к жизни. 22. Ведь в то время как всякое живое существо состоит из тела и души, материя тела заключена во влажности, а материя души — в тепле. Это легко увидеть на примере птиц, чьи яйца наполнены густой влагой, но если тепло не согреет их, влажность не сможет ни создать тело, ни оживить его. 23. Преступников обычно также лишали огня и воды. Ведь тогда [в древности] казалось недопустимым лишать головы пусть и дурных, но все-таки людей. 25. И вот, запрещая пользоваться огнем и употреблять воду, на которых зиждется жизнь людей, обрекали преступников на смерть, как бы разделяя ту мысль [о жизненных началах]. Настолько эти два начала важны, что, верилось,

¹ *Гераклит* — греческий философ из Эфеса (ок. 554–483 гг. до н. э.), натурфилософские идеи изложил в трактате *О природе*, от которого сохранились отдельные фрагменты.

² *Фалес Милетский* — греческий философ (624–546 гг. до н. э.), один из семи мудрецов, представитель ионийской натурфилософии.

³ *Овидий*. *Метаморфозы*. I.430–433.

человек без них не может ни родиться, ни жить. 25. Одно из этих начал у нас общее с прочими животными, другое же дано единственно человеку. Ведь мы, поскольку обладаем бессмертной и небесной душой, пользуемся огнем, который дан нам в знак бессмертия, поскольку огонь происходит от неба. Природа его, поскольку подвижна и устремляется вверх, заключает в себе суть жизни. 26. Прочие же животные, поскольку полностью смертны, пользуются только водой, т. е. началом смертным и земным. Природа ее, поскольку подвижна и клонится вниз, несет в себе образ смерти. Потому-то скот не смотрит в небо, и не ведает религий, что ему чуждо использование огня. 27. Откуда же или каким образом Бог разжег и разлил эти два начала, огонь и воду, может знать только Он один, Который это сделал.

10. 1. И вот, когда был сотворен мир, Бог определил, чтобы появились животные разного вида и непохожие внешне, большие и маленькие. И были созданы пары, т. е. особи противоположного пола, потомством которых наполнились и земля, и воздух, и море. И дал им всем Бог пищу земную, чтобы могли быть полезны людям: одни для пропитания, другие для изготовления одежды, те же, кто были сильны, должны были помогать [juvagent] при возделывании земли, отчего и получили название тяглогового скота [jumenta].¹ 2. Когда же все было чудесным образом устроено, Бог задумал создать Себе царствие вечное, и произвел на свет бесчисленных духов, которым даровал бессмертие. 3. После этого Бог создал чувственное и разумное подобие Самому Себе, т. е. создал [человека] по форме образа Своего, совершеннее которого ничего не может быть. Он сотворил человека из праха земного, отчего человек [homo] и получил свое имя, ибо был создан из земли [ex humo]. 4. Даже Платон говорит, что человеческий облик божествен,² и Сивилла так же сказала [от лица Бога]:

*Образ Мой — человек, наделенный здоровою мыслью.*³

5. Об этом сотворении человека говорят и поэты, пусть искаженно, но подобным же образом. Ведь они говорят, что человек сделан из глины

¹ Ср.: Цицерон. О законах. I.8.15.

² Платон. Государство. VI. 501b.

³ Книги Сивилл. VIII.402.

Прометеем. Они ошибаются не по сути, но в имени создателя. 6. Они ведь не знали никаких писаний истины, которые хранятся в храмах Бога и передают предсказания пророков, но в песнях своих излагали то, что было собрано из басен и темных предрассудков и искажено, как обычно искажается народом истина через разные слухи. И то является безумием, что столь удивительное и столь божественное деяние они приписали человеку. 7. Ведь зачем нужно было Прометею делать человека из глины, если он мог бы произвести его на свет так же, как и сам был рожден Иапетом? Если он был человеком, то мог родить человека, но не мог [его] сотворить. Казнь же его на горе Кавказ свидетельствует, что он не принадлежал к числу богов. 8. Также и отца его Иапета, и деда его Титана никто не именовал богами, поскольку полнота власти принадлежала только Сатурну, благодаря которой он получил божественные почести и передал всем своим потомкам. Этот вымысел поэтов можно опровергнуть многими доводами.

9. Всем известно, что потоп был устроен для упразднения и уничтожения с лица земли пороков. Ибо это утверждают и философы, и поэты, и историки, и в этом особенно они соглашаются со словами пророков. 10. Если же подобная катастрофа произошла, чтобы погибли пороки, которые весьма усилились, то каким образом творцом мог быть Прометей, чей сын Девкалион, как сами они говорят, единственный был спасен за свою праведность? Каким образом за один срок и за одно поколение круг земель мог столь быстро наполниться людьми? 11. Разумеется, это столь же искажено, как и то, предыдущее. Поскольку не знали, ни в какое время на земле произошла катастрофа, ни кто за свою праведность, когда погибал [весь] род человеческий, удостоился спасения, ни каким образом или с кем он был спасен. Все это содержится в писаниях пророков. Итак, ясно, что является ложью то, что они рассказывают о сотворении людей Прометеем. 12. Но поскольку я уже говорил,¹ что поэты обычно не измышляют полностью, но то, о чем говорят, скрывают и затемняют через образы, я не утверждаю, что они клеветают. Ибо Прометей первым из всех вылепил из мягкой и податливой глины фигуры людей; он первым дал начало искусству ваения

¹ См.: I.11.17–36; 19.5.

статуй и скульптур, так как жил во времена Юпитера, когда впервые стали строиться храмы и вводиться новые культы богов. 13. Так истина была приукрашена вымыслом, и то, что относилось к творчеству Бога, было приписано человеку, который лишь воспроизводил божественное созидание. Как бы то ни было, создание истинного и живого человека из праха принадлежит только Богу. 14. Это передает также [Гермес] Тримегист, который не только говорил, что человек был сотворен Богом по образу Божию, но и пытался объяснить, с какой прозорливостью в теле человека сотворен каждый отдельный член, когда нет ни одного, который бы не был столь же необходимым, сколь и красивым. 15. Это же пытались делать и стоики, когда рассуждали о Провидении, а также следующий за ними Туллий в ряде мест.¹ Но он лишь слегка коснулся столь важного и пространного вопроса, который я сейчас обойду стороной, поскольку недавно я написал об этом собственную книгу для ученика моего Деметриана.² 16. Здесь же я не могу пройти мимо того, что говорят заблуждающиеся философы, будто люди и прочие живые существа возникли из земли без всякого Творца. Отчего у Вергилия:

*Род людской из земли впервые голову поднял.*³

Те же особенно придерживаются этого мнения, кто отрицают существование Провидения. Стоики же приписывают сотворение живых существ божественному мастерству. 17. Аристотель избавил себя от труда и бремени, сказав, что мир существовал вечно, так же и род человеческий и все, что пребывает в мире, не имеет начала, но существовал и будет существовать вечно.⁴ 18. Но когда мы видим, что отдельные живые существа, которых прежде не было, появляются и исчезают, необходимо, чтобы и весь род [животных] некогда появился и в свое время перестанет существовать, поскольку появился. 19. Ибо все неизбежно заключено в трех временах: прошлом, настоящем и буду-

¹ См., например: Цицерон. О законах. I.9; Цицерон. О природе богов. II. 54.134–136.

² Лактанций говорит о своем сочинении *О творении Божиим*, посвященном вопросам антропологии.

³ Вергилий. Георгики. II.341.

⁴ Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.28.70; Cic. Acad. II.38.119.

щем. Прошлому принадлежит начало, настоящему — существование, будущему — исчезновение. 20. Все это проявляется в жизни отдельных людей. Ведь мы начинаем существовать, когда рождаемся; мы существуем, когда живем, и исчезаем, когда умираем. Ввиду этого же считают, что существует три Парки. Одна — та, что плетет начало жизни человека; вторая — продолжает; третья — разрывает [нить жизни] и заканчивает. 21. В роде человеческого, хотя очевидно только настоящее время, есть все же место и прошлому, т. е. началу, и будущему, т. е. исчезновению. 22. Ведь если что-то существует, то, естественно, оно когда-то возникло. Ведь ни одна вещь не может существовать, не появившись. И поскольку она появилась, естественно, она когда-то исчезнет, ибо не может быть бессмертным все то, что получило начало из смертного. 23. Коль скоро каждый из людей умирает, то вполне может случиться так, что мы все вместе каким-то образом погибнем или от бесплодия земли, которое обычно случается по разным областям, или от распространившейся повсюду чумы, которая опустошает отдельные города и целые области, или от пожара, вспыхнувшего в городе, который, как передают, случался уже при Фаэтоне, или от потопа, который, говорят, был при Девкалионе, когда был истреблен весь род людской, кроме одного человека. 24. Если этот потоп произошел случайно, то, конечно, случайно могло произойти так, чтобы тот единственный человек, который пережил его, погиб. Если же потоп произошел по воле Божественного Провидения, чего нельзя отрицать, то тот был сохранен для восстановления людей. Ясно, что и жизнь, и смерть рода человеческого — в Божьей воле. Если он мог погибнуть целиком, так как могут гибнуть его части, ясно, что некогда он получил свое начало. Бренность свидетельствует как о начале, так и о конце. 25. Если это так, то Аристотель не может утверждать, будто мир не имел начала. Если Платон и Эпикур в этом противоречили Аристотелю, то и Платону, и Аристотелю, которые полагали, что мир вечен, хотя и были красноречивы, все же возражал тот же Эпикур, поскольку исходил из того, что мир конечен. 26. Но об этом мы больше скажем в последней книге,¹ теперь же вернемся к появлению человека.

¹ См.: VII.14.5.

11. 1. Говорят, что в результате определенного обращения неба и под влиянием массы звезд возникала некая зрелость для рождения животных, и земля, содержащая новое детородное семя, производила из себя некие пузыри, наподобие чрева, о которых говорит Лукреций:

В почву корнями вцепясь, выросли утробы,¹

которые, когда созревали, разрываясь по принуждению природы, исторгали земных животных. 2. Далее земля сама наполнилась некой влажностью, подобной молоку, и ею насыщались животные. Но каким образом они могли сносить силу холода или жара или избегать ее, каким образом они вообще могли рождаться, когда пекло солнце или сковывал холод? «В начале мира, — утверждают они [т. е. эпикурейцы], — не было ни лета, ни зимы, но постоянно пребывала умеренная и ровная весна». 3. Почему же теперь мы не видим ничего из этого? «Потому что, — отвечают они, — это было необходимо только один раз, когда рождались живые существа, после этого, когда у них появилась способность рождать самим, земля перестала их производить, и изменился ход времени».² 4. О, как легко изобличить ложь! Во-первых, ничего не может быть в этом мире, что не пребывало бы таким, каким было изначально. Ведь и Солнце, и Луна, и звезды, конечно, существовали тогда, и, как только появились, пришли в движение, и, конечно, вместе с ними проявило себя и божественное управление, которое руководит их ходом и направляет его. 5. Во-вторых, если бы было так, как они говорят, то необходимо признать, что существует Провидение. Таким образом, [наши оппоненты] приходят к тому же самому, чего особенно избегали. 6. Ибо когда еще не появились животные, кто-то все же провидел, чтобы они родились, и чтобы круг земель не оставался необитаемым и диким. А чтобы они могли родиться из земли без родителей, необходимо, чтобы об этом позаботился великий ум. Кроме того, чтобы та влага, возникшая из земли, обрела самые разные телесные формы, а также чтобы живые существа, когда обрели способность жить и чувствовать, появились, словно из материнского чрева, из пузырей, в которых они скрывались [до своего рождения], нужна удивительная и неопикуемая прозор-

¹ Лукреций. О природе вещей. V.806.

² Ср.: Там же. V.793–796; 826–836.

ливость. 7. Но если бы мы сочли, что все это произошло случайно, то, конечно, не могло случайно произойти дальнейшее: чтобы земля тотчас обрела молоко, чтобы оказалось подходящим состояние погоды. 8. Если известно, что это было сделано с тем, чтобы только что появившиеся на свет животные имели пищу и не подвергались опасности, то необходимо, чтобы кто-то провидел это божественным, я не знаю каким, разумом [divina, nescio qua, ratione]. Но кто может провидеть, если не Бог?

9. Но посмотрим, могло ли случиться то, что они утверждают: что люди родились из земли. Если кто посмотрит, как долго и с какими усилиями становится на ноги младенец, тот, конечно, поймет, что те, рожденные землей, дети не могли вырасти без помощи какого-то наставника. 10. Ибо было необходимо, чтобы в течение достаточно многих месяцев они лежали, пока не смогли бы, когда у них окрепнут ноги, двигаться и менять местоположение, что едва ли происходит в течение первого года. 11. Смотри, неужели ребенок может лежать в течение нескольких месяцев в том же положении и в том же месте, где был рожден, и не умереть изнуренным оттого, что та влага земли, которую он использовал в виде пищи, смешалась бы воедино с испражнениями его собственного тела? 12. Итак, никак не может быть, чтобы ребенок не возвращался бы кем-нибудь. Разве только все животные рождены были не слабыми, а сильными, что сказать им никогда не приходило на ум. 13. Мысль эта абсолютно нелепа и совершенно пуста. Если же эту мысль можно высказать, то не имеет никакого смысла само действие. Ибо тот, кто говорит, что все родилось само собой, и ничего не относит на счет Божественного Провидения, в действительности не защищает эту мысль, а опровергает. 14. Ибо если ничего не может ни случиться, ни родиться без мысли, то, конечно, существует Божественное Провидение, принадлежностью которого и выступает мысль, о которой идет речь.

Итак, человека сотворил Бог, Создатель всех вещей. 15. Цицерон, хотя он непричастен небесных писаний, все же видит это. Он в первой книге *О законах* передает то же, что и пророки. Слова его таковы: 16. «Животное это прозорливое, проницательное, разностороннее, остроумное, памятлиное, обладающее разумом и сообразительностью, которое мы и зовем человеком, рождено высшим Богом в результате некоего славного творчества. Ибо человек единственный из всех родов и видов живот-

ных обладает разумом и мышлением, в то время как все остальные лишены этого».¹ 17. Не правда ли, Цицерон, хотя далек от знания истины, все же, поскольку обладал признаком мудрости, знал, что человек мог быть рожден только Богом? 18. Но если недостаточно человеческого доказательства, пусть прозвучат божественные свидетельства. Сивилла подтверждает, что человек является творением Бога:

*Он единственный Бог, Творец всеильный и суций,
Волей Своей утвердил Он людские вид и обличье,
Все в природе связав, Создатель всяческой жизни.²*

19. Это же содержат и Священные Писания. Стало быть, Бог исполнил роль истинного Отца. Он воспроизвел тело, Он поселил душу, которой мы дышим. Все, что мы собой представляем, от Него. 20. Если бы нам нужно было знать, каким образом Он это сделал, Он открыл бы, как открыл остальное, что дало нам знание о стародавнем заблуждении и о свете истины.

12. 1. Итак, Бог сотворил сначала по подобию Своему мужчине, после этого создал также женщину по образу самого человека, чтобы, совокупившись между собой, они могли дать жизнь потомству и наполнить множеством [людей] всю землю. 2. При создании человека Бог собрал воедино и составил сумму тех двух материй, которые, как мы сказали, противоположны друг другу, — огня и воды. 3. Создав же тело, Бог вдохнул в него душу из живительного источника Своего Духа, Который неиссякаем, так что [Бог] создал подобие самого мира, состоящего из противоположных элементов. Ведь [человек] состоит из души и тела, словно бы из неба и из земли, поскольку душа, благодаря которой мы живем, возникла от Бога, словно от неба, тело же — из земли, из грязи которой оно, как мы сказали, было сотворено.³

4. Эмпедокл,⁴ — которого не ясно, к кому лучше отнести: к поэтам или философам, так как он написал сочинение *О природе вещей* в сти-

¹ Цицерон. О законах. I.7.22.

² Книги Сивилл. Фрагм. 5.

³ См.: II.10.3.

⁴ Эмпедокл — греческий философ (ок. 495–435 гг. до н. э.); кроме трактата *О природе вещей* написал сочинение *Очищения*, от которого сохранились лишь фрагменты.

хах, подобно тому как у римлян Лукреций и Варрон, — определил четыре элемента, а именно огонь, воздух, воду и землю, возможно следуя при этом за [Гермесом] Трисмегистом, который сказал, что наши тела созданы Богом из тех элементов; 5. ведь тела имеют в себе что-то от огня, что-то от воздуха, что-то от воды, что-то от земли и не являются [полностью] ни огнем, ни воздухом, ни водой, ни землей, хотя и не являются те [элементы в телах совершенным] вымыслом. Ведь свойство земли заключено во плоти, свойство влаги — в крови, свойство воздуха — в духе, свойство огня — в живительном тепле. 6. И кровь не может отделиться от тела, так же как влага не может отделиться от земли, и живительное тепло не в состоянии отделиться от духа, как огонь — от воздуха: из всех [природных] вещей обнаруживаются именно два элемента, все свойство которых было заключено в наших телах при создании. 7. Таким образом, человек был создан из различных и [даже] противоположных вещей, подобно тому как мир [сотворен] из света и тьмы, из жизни и смерти. Они должны бороться в человеке между собой, чтобы в случае, если одержит верх душа, которая происходит из Бога, человек обрел бы бессмертие и пребывал бы в вечном свете; если же победит тело, то человек оказался бы в постоянной тьме и смерти. 8. Сила смерти не в том, чтобы полностью уничтожить неправедные души, но чтобы наказать их навек. Эту кару мы [т. е. христиане] называем второй смертью, которая столь же вечна, как и бессмертие. 9. Первую [смерть] мы так определяем: «Смерть — это разрушение природы живущего», или так: «Смерть — это отделение души от тела». Вторую же [смерть] мы определяем так: «Смерть — это перенесение вечного страдания», или: «Смерть — это осуждение душ на вечные муки за грехи». Ее не переживает большинство животных, души которых, имея не божественное, а воздушное начало, разлагаются со смертью.

10. Итак, из этого союза неба и земли, образ которых воспроизведен в человеке, первая часть наполняет то, что от Бога, а именно душу, которая имеет власть над телом, вторая же — то, что от дьявола, а именно тело, которое, поскольку оно земное, должно подчиняться душе, подобно тому как земля подчинена небу. 11. Ведь тело — это как бы небольшой сосуд, которым, словно временным жилищем, пользуется тот небесный дух. Обязанности каждой из частей состоят в том, чтобы

то, что от неба и от Бога, повелевало, а то, что из земли и от диавола, подчинялось. 12. Этого не отвергает и дрянной человек Саллюстий, который говорит: «Вся наша сила заключена в духе и в теле. 13. Дух призван повелевать, а тело — подчиняться».¹ Хорошо, если бы он так жил, как сказал. 14. Ведь он был рабом безобразных страстей, и сам собственную мысль опроверг [своей] порочной жизнью. Ведь если душа, как мы указали, является огнем, то она должна стремиться к небу, как огонь, чтобы не погаснуть, т. е. стремиться к бессмертию, которое хранится на небе. Как огонь не может гореть и жить, иначе как только насыщаясь иным веществом, которое служит ему пищей, так и для души питательным веществом служит единственно справедливость, необходимая для жизни.

15. После этого Бог поселил человека, рожденного тем самым образом, каким я упомянул, в раю, т. е. в восхитительном, изобилующем плодами саду, который Он насадил в областях востока всякого рода деревьями, чтобы человек кормился от их различных плодов и, не ведая никаких забот, лишь питаясь, служил Богу Отцу Высшему. 16. Тогда же Бог дал человеку определенные предписания, которые если бы человек соблюдал, то обрел бы бессмертие, а если бы нарушил, то был бы наказан смертью. Предписание же было в том, что от одного дерева, растущего в центре рая, нельзя было вкушать плода, в котором Бог заключил способность познать добро и зло. 17. Тогда тот клеветник [диавол], завидуя творениям Божиим, все свои происки и все свое лукавство направил к обману человека, чтобы не допустить его бессмертия. 18. И сначала он заманил в сети обмана женщину, так что она вкусила запретный плод, а через нее [диавол] внушил и самому человеку, чтобы он преступил закон Бога. И вот, обретя знание добра и зла, человек стал стыдиться Бога из-за наготы своей, чего прежде не случалось. 19. Тогда Бог изгнал человека из рая, определив в отношении грешника, чтобы тот добывал себе пропитание трудом, рай же Он окружил огнем, чтобы человек не мог подойти к нему до тех пор, пока не будет свершен на земле высший суд, и пока Бог, поправ смерть, не призовет на то же место праведных мужей,

¹ Саллюстий. О заговоре Катилины. 1.2.

Своих почитателей; подобно тому, как учат священные слова, говорит и Эритрейская Сивилла:

*Те же, кто Господа чтит, воистину сущего Бога,
Вечную жизнь обретут, и в жизни той бесконечной
Все, поселившись в Раю, в саду, прекрасно цветущем...¹*

20. Однако поскольку это произойдет в последние [времена], то мы обратимся к этому в заключительной части нашего труда. Итак, смерть сопровождает человека согласно решению Бога, что также утверждает Сивилла в своей песне, говоря:

*Человека Сам Господь творил Своими руками.
Но обманул человека коварный змей и заставил
Смертную участь принять и познать благое и злое.²*

21. Так человеческая жизнь стала ограниченной во времени, но все-таки долгой, и длилась в течение тысячи лет. Это, сказанное в Священном Писании, стало настолько общеизвестным, что именно это [утверждение о продолжительности жизни] имел в виду Варрон, когда старался объяснить, отчего считается, что древние жили тысячу лет. 22. Он говорит при этом, что у египтян за год принимается месяц, что не Солнце, совершая круг через двенадцать созвездий, создает год, но Луна, которая тот звездный круг освещает на протяжении тринадцати дней: этот аргумент, безусловно, ложный. Ведь никто тогда не жил дольше тысячи лет. 23. Теперь же те, кто доживают до ста лет, что бывает довольно часто, проживают, получается [по Варрону], тысячу двести месяцев. И достойные авторы передают, что [люди] обычно доживают до ста двадцати лет. 24. Но поскольку Варрон не знал, отчего или когда была сокращена человеческая жизнь, он сам ее сократил, когда узнал, что человек может жить тысячу четырехста месяцев [и даже свыше того].

13. 1. Бог же, после того как увидел, что круг земной охвачен пороком и злодеяниями, решил погубить человеческий род потопом, но все же для восстановления [человеческого] множества избрал одного [мужа], который, в то время как все были поражены пороком, оставал-

¹ Книги Сивилл. Фрагм. III. 46–48.

² Там же. VIII. 260–262.

ся, единственный, примером праведности. 2. Когда тот [муж — Ной] достиг шестисотлетнего возраста, он, как повелел ему Бог, соорудил ковчег, на котором, когда вода покрыла высочайшие горы, спасся вместе с женой, тремя сыновьями и тремя снохами. 3. Затем, когда земля открылась от воды, Бог, проклявший несправедливость первого века, постепенно из поколение в поколение сократил возраст человека, дабы продолжительность жизни не оказалась вновь причиной для появления злодеяний, и положил предел на сто двадцатом году [жизни], дольше которого нельзя было жить.

4. Тот же [Ной], когда вышел из ковчега, как свидетельствуют Священные Писания, усердно обрабатывал землю и своими руками насадил виноградник. Тем самым опровергается мнение тех, кто считает создателем виноградарства Либера. [Ной] ведь жил не только за много веков до Либера, но и до Сатурна и прежде Урана. 5. И вот, когда получил первый урожай с этого виноградника, он, обрадовавшись, напился вина допьяна и лежал обнаженным. Когда это увидел один из [его] сыновей, имя которому было Хам, то он не покрыл наготу отца, но, выйдя [из шатра], рассказал [об увиденном] братьям. Те же, взяв покров, вошли, отведя взоры, [в шатер] и укрыли отца. 6. Когда же отец узнал о случившемся, он отверг и изгнал сына. Тот же, будучи изгнан, поселился в той части земли, которая теперь называется Аравия; эта же земля называлась еще, по его имени, Ханаан, а потомки его — хананеями. 7. Это был первый народ, который не знал Бога, поскольку родоначальник и основатель его не принял культ Бога от отца, будучи им проклят. Таким образом, он оставил своим потомкам незнание божественности.

8. От этого народа, когда возросло количество [людей], произошли соседние народы. Потомки же самого отца были названы евреями, и у них сохранилась религия Божия. 9. Однако и они потом, когда число их чрезвычайно умножилось, и когда прежние места не могли их уже вмещать, когда подрастающее поколение — или посланное отцами, или ушедшее по собственному побуждению, поскольку их к этому принуждала нищета, — разойдясь по разным сторонам в поисках новых мест своего жительства, заселили все острова и всю землю, и, оторванные от побегов святого корня, установили себе новые нравы и правила

для обустройства жизни. 10. Но первыми из всех стали почитать и возносить молитвы небесным телам те, кто заселил Египет. И поскольку они из-за свойств климата не пользовались жилищами, и поскольку небо в тех местах не затягивается облаками, то [египтяне] видели движение и угасание звезд; между тем, почитая их, они еще пристальнее их изучали. 11. Затем они выдумали образы диковинных животных, которых почитали, побужденные [к тому] какими-то чудовищными явлениями, авторов чего мы скоро откроем. 12. Остальные же из тех, кто расселился по земле, удивляясь элементам мира, не создавая никаких изображений и храмов, почитали небо, Солнце, землю, море, и приносили тем [элементам] жертвы на открытом месте, пока с ходом времени не соорудили храмы и не изваяли статуи могущественнейшим царям, и пока не научились почитать их жертвоприношениями и благовониями. Так появились народы, отступившие от познания [истинного] Бога. 13. Стало быть, заблуждаются те, кто уверяют, что культ богов существовал изначально и что язычество более древнее, чем религия Бога, которую они считают позднейшим вымыслом, ибо не знают они источника и начала истины. Теперь возвратимся к основанию мира.

14. 1. Итак, когда число людей стало расти, провидящий Бог, для того чтобы диавол, которому от начала была предоставлена власть над землей, не погубил и не развратил людей своим коварством, что он совершил прежде, послал для защиты рода человеческого и попечения [о нем] ангелов; поскольку же им была дана свободная воля, то Бог прежде всего предписал им, чтобы они, оскверненные влиянием земли, не теряли достоинства небесной субстанции. Их, конечно, удерживало от соделывания этого то, что [в случае совершения пагубных поступков] они не могли бы надеяться на милость Бога, Которому были известны их намерения. 2. Так вот, тот коварнейший владыка земли, следуя обыкновению своему, постепенно совратил к порокам тех [ангелов], пребывавших с людьми, и осквернил их близостью с женщинами. 3. Тогда они, не допущенные из-за грехов на небо, пали на землю. Так диавол превратил их из ангелов Бога в своих союзников и пособников. 4. Те же, кто от них были рождены, поскольку [они] не были ни ангелами, ни людьми, но несли в себе некую среднюю природу, не были

допущены к преисподней, так же как родители их [не были допущены] на небо. 5. Итак, появилось два рода демонов; одни — небесные, другие — земные. Они были нечистыми духами, авторами злодеяний, которые они совершали, и диавол является их предводителем. 6. Потому [Гермес] Трисмегист и называет его *демониаρχом*. Грамматики называют их демонами, т. е. сведущими и знающими дела; эти грамматики полагают, что те являются богами. Демоны знают многое из будущего, однако не все; конечно, им не дано полностью знать замысел Бога, и потому они имеют обыкновение давать двусмысленные ответы. 7. Поэты знают, что те являются демонами, и [прямо] называют их демонами. Гесиод так передал:

*В демонов все превратились они по воле великого бога,
Землю наполнив собой, охраняют людей от несчастий.*¹

8. Здесь говорится, что Бог приставил тех стражей человеческому роду; однако и сами они, являясь губителями людей, хотят видеть себя стражами, чтобы им оказывалось почитание, а Богу не оказывалось. 9. Философы также рассуждали о них. Платон пытался определить их природу в *Пире*. И Сократ говорил, что рядом с ним постоянно пребывал демон, приставленный к нему, когда он был еще ребенком, [и сказал также, что] он воспитывался суждением и повелением того [демона].² 10. Все искусство и сила магов опираются на их благоволения; призванные магами, они ослепляют взоры людей всевозможными уловками, так что те не видят того, что есть в действительности, а воображают, что видят то, чего нет вовсе. 11. Эти нечистые, как я уже сказал, и погибшие духи блуждают по всей земле и в отместку за свое падение действуют людям на погибель. 12. Так, наполняют они все кознями, обманом, лукавством, заблуждениями; пристаю к отдельным людям и занимают все дома один за другим, и присваивают себе имя гениев: так на латинский язык переводятся «демоны». 13. Люди почитают их в своих пенатах; ежедневно возливают им вино и чтят демонов, будто земных богов и словно способных отвратить зло, хотя те духи сами его порождают и причиняют [людям]. 14. Поскольку они являют-

¹ Гесиод. Труды и дни. 122–123 (Перевод наш. — В. Т.).

² Платон. Пир. 202e. Ср.: *Минуций Феликс*. Октавий. 26.9, 12.

ся тонкими и неуловимыми духами и способными проникать в человеческое нутро, они расстраивают здоровье, вызывают болезни, пугают души сновидениями, расстраивают умы, чтобы заставить людей подобными злодеяниями обращаться к их помощи.

15. 1. Смысл всех этих обманов скрыт от не знающих истины. Ведь они считают, что те демоны оказывают помощь, когда те перестают вредить, в то время как они ни на что другое и не способны, кроме как приносить вред. 2. Возможно, кто-то скажет, что поскольку демоны могут приносить вред, то их следует почитать, чтобы они не вредили. Конечно, они приносят вред, но только тем, кто их боится, кого не прикрывает могущественная и высшая рука Божия, кто не посвящен в таинство истины. 3. Но демоны боятся верующих, т. е. почитателей Бога, именем Которого заклеянные — они удаляются из тел. Пораженные их [истинными] словами, словно бичами, они не только ясно показывают, что они демоны, но и называют свои имена, те, под которыми их почитают в храмах. Многие из них делают это на глазах своих почитателей, позоря не религию, но собственную честь, поскольку не могут лгать ни Богу, именем Которого заклинаются, ни [истинно] верующим, чей голос приводит их в трепет. 4. И вот, часто издавая страшные вопли, они кричали, что их бичуют, жгут, и что они вот-вот уже выйдут [из тел]. 5. Таковую силу имеет знание Бога и справедливая власть! Стало быть, кому они могут приносить вред, кроме тех, кого держат в своей власти? 6. Гермес [Трисмегист] подтверждает, что те, кто знают Бога, не только ограждены от происков демонов, но и не подвластны року. Он говорит: «Спасение только в благочестии. Ибо в отношении благочестивых людей не имеет силы никакой злой демон, никакой рок. Ибо Бог защищает благочестивых от всякого зла. Ибо только в добрых людях живет благочестие». А что такое благочестие, он объясняет в другом месте следующими словами: «Ибо благочестие заключено в познании Бога». 7. Асклепий, ученик его, эту же мысль пространнее изложил в той превосходной речи, которую он написал для царя. 8. И тот и другой подтверждают, что демоны являются врагами и мучителями людей, потому-то Трисмегист и называет их *злыми ангелами*. При этом он знал, что из небожителей в результате порчи они превратились в обитателей земли.

16. 1. Изобретениями демонов являются астрология, искусство гадания по животным и птицам, все то, что возвещают оракулы, некромантия, магическое искусство и все то, что влечет людей ко злу, тайно ли, явно ли. Все эти изобретения сами по себе являются лживыми, о чем свидетельствует Эритрейская Сивилла:

*...Все то почитают обманом,
Чем занимаются изо дня в день неразумные люди.¹*

2. Но эти изобретатели выказывают свое присутствие, чтобы считаться истинными. И настолько они мнимой [своей] божественностью обманывают легковереие людей, что тем не удастся открыть истину. 3. Это они, демоны, научили создавать изображения и ваять статуи; они, чтобы отвратить разум людей от почитания истинного Бога, заставили изготовить статуи умерших царей и обоготворить выдуманнные образы, [а затем] присвоили себе их имена, как бы скрыв себя под некими личинами. 4. Но маги и те, кого справедливо в народе зовут чародеями, когда занимаются своим гнусным ремеслом, вызывают их под истинными именами, под теми, данными им на небесах, которые можно прочесть в Священных Писаниях. 5. Эти преступные и изменчивые духи, чтобы возмутить все и посеять в умах человеческих заблуждения, соединили и смешали ложное с истинным. Ведь они выдумали, что существует множество небожителей и единый для всех царь Юпитер, что относится к тому, что на небесах множество ангелов и единый Господь и общий родитель Бог. Но они скрыли от глаз истину, покрыв ее в умах человеческих мраком. 6. Ведь Бог, как я показал изначально, не нуждается в имени, поскольку Он один.² Также и ангелы, хотя они и бессмертны, не позволяют и не хотят, чтобы их именовали богами. Единственная их задача — исполнять волю Божию и вообще все, что бы Он ни повелел сделать. 7. Мы сказали, что мир так же управляется Богом, как провинция наместником. Никто не назовет его подчиненных соучастниками в управлении провинцией, хотя дела решаются без их участия. 8. Они, конечно, могут что-то совершать помимо приказа наместника, без его ведома, что свойственно людям. Но Правитель

¹ Книги Сивилл. III.228–229.

² См.: I.6.4; 7.5–8.

мира и Руководитель вселенной, Который знает все, от чьего божественного взора не уходит ничего, один с Сыном Своим имеет власть над всем миром. И ангелам не остается ничего другого, кроме как подчиняться. 9. И вот они не желают иметь для себя никакой славы, ибо слава их — в Боге. Те же, которые отложились от служения Богу, поскольку они являются противниками истины и тайно противодействуют Богу, пытались присвоить себе имя и поклонение богов. Но не потому, что жаждали той славы (ибо какая слава пропащим?), и не для того, чтобы навредить Богу, Которому ничего не может повредить, но чтобы вредить людям. Демоны стремились отвратить их от культа и знания истинного могущества, чтобы они не смогли достичь бессмертия, которое сами утратили из-за падения своего. 10. И вот они навели тьму и покрыли мглой истину, чтобы люди не узнали ни Господа, ни Отца своего. А чтобы соблазнить людей, демоны без труда прячутся в храмах, присутствуют во время священнодействий и часто совершают чудеса. Люди, пораженные ими, начинают верить статуям богов и духов.

11. Это заставило поверить, будто авгур разрезал ножом камень; будто Юнона Вейенская ответила, что она хочет перебраться в Рим; будто Фортуна Женская предвестила опасность; будто корабль повиновался Клавдии; будто святотатцев покарали и обворованная Юнона, и Прозерпина Локридская, и Церера Милетская; и в то, что Геркулес отомстил Аппию, Юпитер — Атинию, Минерва — Цезарю¹; и в то, что змей, призванный из Эпидавра, избавил от чумы город Рим. 12. Прав же, туда в обличии своем без всякого притворства был доставлен сам демониарх. В самом деле, послы, отправленные по этому случаю, привезли с собой огромной величины [кожу] дракона.

13. Особенно демоны вводят людей в заблуждение через оракулов, обманы которых не могут быть понятны далеким от истины людям. Потому они и считают, что через оракулов возвещаются победы, власть, богатство, удачный исход событий, что через них государство часто избегает грозящие ему опасности. Они, мол, предвещают эти опасности в ответах своих и отводят их, будучи задобрены жертвами. Но все это является ложью. 14. Ибо поскольку они предвидят замыслы Божии (ведь они были прислужниками Его), то вмешиваются в ход тех собы-

¹ Лактанций возвращается к примерам, приведенным в седьмой главе.

тий, чтобы казалось, будто все, что совершено Богом или случилось по Его воле, делают или уже сделали они. И как только будет им известно, что какому-то народу или городу определена Богом удача, они обещают или через чудеса, или во снах, или через оракулов принести эту удачу, если им посвятят храмы, воздадут почести или принесут жертвы. Когда же все это им воздается и когда случается то, что и должно было случиться, они стяжают для себя высшее почитание. 15. В результате им посвящают храмы, создают новые статуи, закалывают огромное количество жертв. Однако когда это совершается, в жертву приносится жизнь и здоровье как раз тех, кто это совершает. 16. Всякий же раз, когда нависает опасность, демоны по какой-нибудь нелепой и ничтожной причине заявляют, что они разгневаны. Как, например, Юнона на [Теренция] Варрона за то, что он поместил на колесницу Юпитера прелестного мальчика для присмотра за одеяниями, и по этой причине якобы при Каннах чуть не было уничтожено римское имя. 17. Ведь если Юнона испугалась нового Ганимеда, то почему наказание понесла римская молодежь? Или, если боги заботятся только о полководцах и пренебрегают остальным множеством людей, почему Варрон, который это совершил, единственный спасся, а [Эмилий] Павел, который был ни при чем, погиб? Очевидно, что все это случилось с римлянами не *по воле гневной Юноны*,¹ когда Ганнибал с помощью хитрости и доблести разбил два войска римского народа.² 18. Ибо Юнона не могла осмелиться ни на защиту Карфагена, где *ее колесница стояла и доспехи ее*,³ ни на причинение вреда римлянам, поскольку

Слыхала она, что возникнет из крови троянской

*Род, который во прах ниспровергнет тирийцев твердыни.*⁴

19. Однако это забавы тех, кто, скрываясь под именами умерших, доставляют страдания живым. И вот если может быть отклонена та опасность, которая угрожает, то они хотят, чтобы казалось, будто это

¹ *Вергилий. Энеида. VIII.292 (Перевод наш. — В. Т.).*

² Лактанций обращается к истории Второй Пунической войны и битвы при Каннах (2 августа 216 г. до н. э.), крайне неудачной для римлян.

³ *Вергилий. Энеида. I.16–17.*

⁴ Там же. I.19–20.

они милосердно отклонили ее. Если же опасность не может быть отклонена, они стремятся к тому, чтобы казалось, будто это случилось из-за пренебрежения к ним [со стороны людей]. Так они вызывают в отношении себя у людей, которые их не знают, уважение и страх. 20. С помощью этого лукавства и тех изобретений они добились, чтобы все народы забыли истинного и единственного Бога. Ибо, ввергнутые в эти пороки, они свирепствуют и стремятся лишь к тому, чтобы погубить других. 21. Вот поэтому они, сами враги рода человеческого, выдумали человеческие жертвы, чтобы поглотить еще больше душ.

17. 1. Кто-нибудь скажет: «Почему же Бог позволяет, чтобы это происходило, и не очень-то противодействует злым заблуждениям?» Это чтобы шла борьба зла с добром, чтобы пороки противостояли добродетелям, чтобы были те, кого бы Он наказывал, и те, кого бы награждал. Ибо установил Он судить в конце веков живых и мертвых; об этом суде я буду говорить в последней книге.¹ 2. И вот Он ждет, пока не наступит конец времен, когда изольет гнев Свой с таким могуществом и с такой небесной силой, какие

...в трепет ужасный приводят

При чтеньи далеких пророков.²

3. Теперь же Бог, справедливый, снисходительный и терпимый, допускает, чтобы люди ошибались и нечестиво поступали в отношении Его. Ибо невозможно, чтобы Бог, в Котором заключена совершенная добродетель, не обладал совершенной терпимостью. 4. Ввиду этого полагают, что Бог никогда не гневается, ибо Он не подвержен страстям, которые приводят в волнение душу. Ведь всякое живое существо слабо потому, что впадает в тревогу и беспокойство. Это мнение совершенно противно истине и религии. 5. Но у нас будет другое место поговорить о гневе Божиим, поскольку вопрос этот более простран- ный и требует собственного сочинения.³ Так вот, всякий, кто гонится за этими негоднейшими духами и следует за ними, попадет не на небо, не к свету, которые принадлежат Богу, но падет туда, где при распреде-

¹ См.: VII.20.

² *Вергилий*. Энеида. IV.464–465 (Перевод наш. — В. Т.).

³ Лактанций говорит о своем сочинении *О гневе Божиим*.

лении вещей было определено [пребывать] самому предводителю зла, а именно в темноту, в преисподнюю и в вечные муки.

6. Я уже говорил, что религии богов являются пустыми по трем причинам. Во-первых, потому что те статуи, которые почитаются, являются изображениями умерших людей. Превратно и глупо, когда образ человека почитается образом Божиим. Ибо почитается то, что хуже и слабее. 7. Непростительное преступление — покидать живого, чтобы служить памятникам усопших людей, которые никому не могут дать ни жизнь, ни свет, поскольку сами этого не имеют. Нет никакого другого Бога, кроме одного, чьему суду и власти подчинена всякая душа. 8. Во-вторых, потому что сами священные изваяния, которым служат слепые люди, лишены всякой чувственности, ибо созданы из земли. 9. Кто не понимает, что нечестиво сгибаться прямоходящему животному, чтобы молиться земному? Поэтому то, что под нашими ногами, должно попираться нами, а не почитаться. Ибо мы для того подняты от земли и получили в отличие от других животных прямое положение, чтобы не обращаться вниз и не опускать этот небесный лик к земле, но взоры свои туда устремлять, откуда произошло сотворение природы нашей. Чтобы мы ничего другого не почитали, кроме единого Бога, Создателя нашего и Родителя, Который для того сотворил человека прямоходящим, чтобы мы знали, что предназначены стремиться к высокому и небесному. 10. В-третьих, потому что духи, которые предводительствуют этими религиями, осужденные и низвергнутые Богом, скитаются по земле. Они не только не могут ничего дать почитателям своим, так как власть над всем только у одного Бога, но и губят их смертоносными соблазнами и обманами, так как для них это обычное дело — напускать на людей тьму, чтобы не обрели они истинного Бога. 11. Итак, не следует поклоняться им, поскольку сами они подчинены воле Божией. Ибо великое преступление — предавать себя во власть тех, кого ты можешь превзойти в силе, если последуешь справедливости, и кого сможешь изгонять и обращать в бегство одним лишь именем Божиим. 12. Ибо если ясно, что по тем причинам, которые я перечислил, религии пусты, то очевидно, что те, кто или молятся мертвецам, или почитают землю, или души свои продают нечестивым духам, лишены человеческого разума. Они понесут за нечестие свое и преступле-

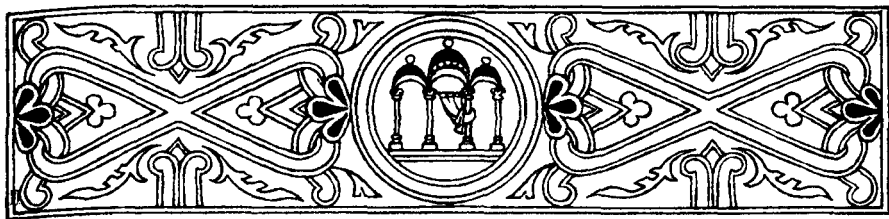
ние казнь, ибо, борясь против Бога, Отца рода человеческого, совершая злочестивые жертвоприношения, нарушают [они] высший закон.

18. 1. Итак, всякий, кто стремится сохранить верность человеческому имени и быть преданным человеческой природе, должен оторвать себя от земли и, возвысившись сердцем, устремить очи свои к небу. Он не должен искать Бога под ногами и не должен отыскивать под стопами своими то, что достойно почитания. Ведь все, что подчинено человеку, неизбежно ниже человека. Но он должен искать [истинного Бога] в вышине, искать на небе, ибо ничего не может быть больше человека, кроме того, что над человеком. Бог же величественнее человека, стало быть, Он над ним, а не под ним, и Его должно искать не в дольней, но в горней сфере. 2. Поэтому нет сомнений, что не может быть никакой религии там, где идолы. Ведь религия состоит из [почитания] вещей божественных, а божественного нет нигде, кроме как на небе. Образы [simulacra] же лишены религии потому, что ничего не может быть небесного в том, что сделано из земли. Разумному человеку это может открыться уже по самому их имени. 3. Ибо все, что изображается [simulatur], то, естественно, является ложным. Никогда не может быть дано имя истины тому, что измышляет истину с помощью уподобления и копирования. Если всякое подражание, как правило, вещь не серьезная, но как бы шутка и игра, то в статуях заключена не религия, а пародия на религию. 4. Следует предпочитать истину всякой лжи. Следует попирать земное, чтобы стремиться к небесному. 5. Ибо дело обстоит таким образом, что всякий, кто душу свою, имеющую небесное происхождение, низводит до ада, сам падет туда, куда ее низвергает. И потому ясно, что тот, кто помнит сущность и положение свое, не должен стремиться и тянуться к чему-то другому, кроме вышнего. 6. Кто исполнит это, тот будет признан разумным, праведным человеком, достойным небес. Того увидит его собственный Родитель не униженным, не обращенным, подобно четвероногим, к земле, но стоящим прямо, каким Он его и сотворил.

19. 1. Итак, не ошибусь, [если скажу, что мною] завершена бóльшая и трудная часть начатого труда. Благодаря тому, что могущество небесное дало нам возможность говорить, мы разрушили застарелые заблуждения. 2. Теперь же нам предстоит более сложный и более тяжелый

спор с философами, учение и красноречие которых противостоят мне, словно некая скала. 3. Ведь как прежде нас попирала многочисленность и мнения почти всех племен, так теперь нам противостоит авторитет выдающихся мужей, достойных самых разных похвал. 4. Ведь кто не знает, что авторитет немногих ученых больше, нежели массы невежд? 5. Но не следует отчаиваться, будто нельзя тем, кем руководит Бог и истина, отклонить философов от их мнения. Я полагаю, что они не столь упрямы, чтобы здоровыми и открытыми глазами не увидеть ярчайшего Солнца. 6. Если верно, что они, как сами говорят, стремятся усердием своим обрести истину, то я постараюсь, чтобы они поверили, что долгое время разыскиваемая истина некогда была нам дана, и чтобы признали, что истина не могла быть открыта с помощью человеческого ума.

Книга III

О ЛОЖНОЙ МУДРОСТИ

1. 1. Поскольку считается, что истина все еще сокрыта во тьме или из-за всеобщего заблуждения и неведения, служащего различным и вздорным суевериям, или из-за того, что философы по превратности своих дарований ее более запутали, нежели пролили на нее свет, то мне бы хотелось достичь если и не такого, какой был у Марка Туллия (столь исключительного и удивительного), но все же в чем-то сходного дара красноречия, чтобы истина, насколько она сильна сама по себе, настолько же, укрепленная силой этого дарования, когда-нибудь обнаружилась себя и, когда будут разрушены и изобличены заблуждения как народа, так и тех, кто считается мудрецами, одарила род человеческий лучезарнейшим светом. 2. Мне бы хотелось добиться этого по двум причинам: во-первых, поскольку люди скорее могли бы поверить изящной мудрости, как они верят лжи, обольщенные красотой и изыском слов, во-вторых же, для того, чтобы сами философы были сражены нами собственным же оружием, во владении которым они казались сами себе непревзойденными. 3. Но поскольку Бог пожелал, чтобы красота ее была естественной (ибо чистая и неприкрытая истина более ясна, так как сама по себе она достаточно прекрасна, и потому от внешних прикрас она только искажалась, а ложь, напротив, имела успех в ином виде, так как сама по себе она захирела бы и испарилась, если бы не была покрыта добытым где-то одеянием и не была бы искусно отделана), то я полагаю, что скромные мои дарования будут здесь вполне достаточны. 4. Я же в надежде не на красноречие, но уповая на истину, принялся за то дело, которое, может быть, превыше моих сил;

так что даже если я не смогу его завершить, то истина сама с помощью Бога доведет его до конца. 5. Ведь поскольку я знаю многих разных [блестящих] ораторов, которых порой одолевали заурядные стряпчие, ибо сила истины такова, что она сама себя даже в незначительных делах защищала своею ясностью, то почему я должен полагать, что в столь великом деле истина будет повержена этими одаренными и красноречивыми мужами, говорящими все же ложь, 6. и почему я должен полагать, что если она не откроется с помощью нашей речи, которая проистекает из весьма скудного источника, то не озарится и не воссияет собственным светом? Сколь бы ни отличались философы книжным знанием, все же я дам им знание и способ постижения истины, чего никто не может обрести ни путем размышлений, ни посредством споров. 7. Я сейчас осуждаю не старание тех, кто хотел узнать истину, ибо Бог создал природу человека стремящейся к постижению истины, но осуждаю и обличаю то, что результат не соответствовал благовидному и доброму их желанию, ведь не узнали они ни то, что представляет собой сама истина, ни то, каким образом, где и с каким сердцем ее следует искать. 8. И вот пока они надеялись спасти других от человеческих заблуждений, сами ввергли себя в беды и великие ошибки. Сама логика рассматриваемого материала побуждает меня к опровержению философии. 9. Ведь поскольку все заблуждение родилось или из ложной религии, или из ложной мудрости, в этом обличении мне необходимо опровергнуть и то и другое. 10. И вот после того как Божественные Писания открыли нам, что рассуждения философов неразумны, следует доказать это на деле и с помощью аргументов, чтобы никто, плененный благородным именем мудрости или введенный в заблуждение пустой пышностью красноречия, не возжелал поверить более доводам человеческим, нежели божественным. 11. Действительно, божественные речи кратки и лишены изысков. Ибо не было нужды, чтобы Бог, когда обращался к людям, защищал Свои слова с помощью аргументов, как будто иначе Ему не поверили бы. Однако необходимо было, чтобы Он говорил как Верховный Судия всего сущего, задача Которого не доказывать, а выносить приговор. 12. Он истинен Сам по Себе — как Бог. Мы же, поскольку относительно частных случаев имеем суждения божественного голоса, действительно покажем, насколько более

прочными доводами может быть защищена правда, если даже ложное защищают так, что обычно оно кажется правдой. 13. А потому, какое бы ни питали мы уважение к философам, мы не должны пугаться их красноречия. 14. Они, конечно, могут хорошо говорить, но вовсе не могут говорить верно, ибо не узнали истину от Того, Кто является ее обладателем. 15. Нам, однако, предстоит сделать не так уж и много, ибо мы будем изобличать в незнании тех, кто довольно часто сами признают свое незнание. 16. Обычно им не верят в отношении лишь того, единственно в чем им следует верить, но я попробую доказать, что никогда они не были более правдивы, чем в тот момент, когда произносили максимум о своем незнании.

2. 1. Теперь, поскольку в двух первых книгах была показана лживость религий, а также было объяснено собственно происхождение того заблуждения, перед этой книгой стоит задача открыть бесплодность и лживость философии, чтобы, когда будут уничтожены все заблуждения, воссияла вырвавшаяся на свободу истина. 2. Мы начнем с собственного имени философии, чтобы, когда будет повержена голова, нам без труда открылся доступ к ниспровержению тела, если только можно назвать телом то, части и члены которого не согласны друг с другом и лишены между собой всякой связи, но, напротив, как бы разорванные и лишены связи, кажутся скорее умирающими, нежели живыми.

3. Философия, как указывает само ее имя и как определяют ее сами философы, есть постижение мудрости. Так откуда же я покажу, что философия не является мудростью, как не из значения собственно ее имени? Тот, кто постигает мудрость, отнюдь еще не является мудрым, но постигает, как можно стать мудрым. 4. Ясно, что дает и куда приводит изучение остальных искусств: всякий, кто в изучении их чего-то добивается, именуется уже не ревнителем искусства, но мастером. 5. Философы же по причине [мнимой] застенчивости именуют себя не мудрецами, но ревнителями мудрости. 6. Даже Пифагор, который первым обрел это имя, поскольку понимал несколько больше, чем те первые, считавшие себя мудрецами, понял, что никаким человеческим знанием нельзя прийти к мудрости, и потому не следует непостижимому и несостоявшемуся предмету давать имя, подразумевающее совершенство.

И вот когда кто-либо спрашивал его, кем он себя считает, он отвечал: «философом», т. е. искателем мудрости. 7. Следовательно, философия занята поиском мудрости, но не является собственно мудростью, ибо одно дело то, что занято поиском, другое — что является предметом поиска, но этот поиск [в таком случае] неразумен, поскольку ни к чему не может привести. Я не согласен с тем, что философы являются ревнителями мудрости, ибо тем [т. е. неразумным] постижением мудрость не достигается. 8. Если бы тем постижением можно было бы обрести мудрость, если бы это изучение было как бы дорогой к мудрости, то когда-нибудь она [непреренно] была бы найдена. Поскольку же за столь продолжительное время и настолько изнуренными в поисках умами она не была открыта, то ясно, что нет там никакой мудрости. 9. Следовательно, те, кто философствуют, не постигают мудрости, но сами про себя думают, что постигают, ибо не знают того, чего ищут. 10. Итак, постигают ли они мудрость, нет ли, мудрецами они не являются, ибо нельзя найти того, что либо неверно ищется, либо вовсе найти невозможно. Рассмотрим же, можно или нельзя отыскать хоть что-то с помощью того знания.

3. 1. Философия, по-видимому, основывается на двух предметах: на знании и предположении, и ни на каком более. 2. Знание не в состоянии ни прийти от ума, ни открыться размышлением, поскольку заключать знание [как таковое] в себе самом способен не человек, но — Бог. 3. Смертная же природа не обретает знание иначе, как только извне. Потому-то божественное мастерство одарило тело глазами, ушами и прочими органами чувств, чтобы через них был доступ знаний к разуму. 4. Ведь [человеку всегда] хочется пытаться исследовать или узнать причины естественных вещей, например, сколь велико кажется Солнце или насколько оно больше, чем вся эта Земля, а также круглая ли Луна или изогнутая [в полумесяц], покоятся ли звезды на небесной тверди или свободно движутся по воздуху, какой величины и из какого вещества состоит небо, покоится ли оно или движется с невероятной скоростью, какова толщина Земли и на каких основаниях она держится. 5. Я утверждаю, что открыть это, основываясь на исследовании или на догадках, — то же самое, как если бы мы захотели исследовать то, о чем мы только предполагаем, например, рассуждать о городе

какого-то отдаленного народа, который мы никогда не видели и лишь слышали его имя. 6. Если мы присваиваем себе знание о том предмете, который нельзя открыть, разве не кажется нам безумным тот, кто доказывает то, что мы способны опровергнуть? Насколько же более безрассудным и глупым должен считаться тот, кто считает, что он знает природные явления, которые человеком не могут быть познаны! 7. Справедливо, стало быть, Сократ и его последователи-академики отрицают знание, ибо оно постигается не исследованием, но через вдохновение. 8. Получается, что в философии есть только воображение: ведь там, где отсутствует знание, все заполняет воображение. Потому что всякий то, что не знает, воображает. Те же, кто спорят о природных вещах, представляют, что всякое дело обстоит именно так, как они себе воображают.¹ Стало быть, они не ведают истины, поскольку лишь знания обладают определенностью, воображение же — неопределенностью. 9. Вернемся к вышеприведенному примеру. Итак, вообразим себе город, о котором известно нам только имя. Вероятно, он расположен на равнине, у него каменные стены, он богат высокими зданиями, многочисленными улицами, величественными и пышно украшенными храмами. Если угодно, мы опишем нравы и внешность его жителей. 10. Но пока мы это говорим, другой представит город иначе и, когда скажет об этом, в разговор вступит третий, а за ним и другие, и они изобразят город так, как мы [его себе] не представляли. 11. Но все, что говорилось, свойственно природе города, так что обязательно кто-то из них был прав. 12. Но не известно, кто именно говорил правду. Может статься так, что в некоторой степени все заблуждались, а в чем-то все были близки к истине. Стало быть, глупцы мы, когда ищем ответы подобным образом: ведь может появиться тот, кто высмеет наши предположения и сочтет нас за душевнобольных, поскольку мы вздумали размышлять о том, чего не ведаем. 13. Но не нужно искать далеко расположенный город, откуда, по всей видимости, никто не придет нас опровергать. 14. Давайте предположим, что теперь происходит на форуме или в курии. Это также далеко. Тогда поговорим о том, что происходит за стеной. Никто этого не сможет узнать, если не увидит или

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. IV.11.26.

услышит. Стало быть, никто не осмелится говорить об этом, поскольку тут же будет опровергнут не словами, но самим происходящим. 15. Однако так поступают философы, которые рассуждают о том, что творится на небе, и полагают, что делают это без ущерба для себя, поскольку нет никого, кто бы опроверг их заблуждения. 16. Если бы они знали кого-нибудь, кто бы стал утверждать, что они говорят вздор или лгут, они никогда бы не стали рассуждать о вещах, о которых не дано знать. Все же не следует считать их бесстыдство или дерзость неколебимыми на том основании, что никто их не опровергает: ибо их опровергает Бог, Которому только и известна истина, и пусть Он, по-видимому, пока не обращает на них внимания, все же ту мудрость людей считает высшей глупостью.¹

4. 1. Правильно, стало быть, Зенон и стоики отвергают воображение [как способ познания]. Ибо считать, что ты знаешь, чего не ведаешь, присуще не мудрецам, но скорее людям безрассудным и глупым. 2. Следовательно, если нельзя знать всего, как учит Сократ, и если не следует прибегать к воображению, как полагает Зенон, то вся философия оказывается ниспровергнутой. Однако это [т. е. философия] ниспровергается не только этими двумя, первыми в философии, но и всеми философами, так что кажется, что она уже давно была повержена своим же оружием. 3. Философия разделилась на множество школ, и все [за истину] считают разное. В какой же мы найдем истину? Безусловно, во всех найти нельзя. 4. Пусть даже мы найдем одну: во всех же остальных [школах] мудрость будет, без сомнения, отсутствовать. Давайте рассмотрим все до единой: что бы мы ни дали одной, то же самое мы отнимем у остальных. Ведь каждая из школ опровергает все прочие, чтобы укрепить себя, и других не считает разумными, и себя не мыслит безрассудной, но насколько она опровергает других, настолько же и сама всеми другими опровергается. 5. Тем не менее, философы считают тех, кто порицает противника в скудоумии. Какую бы тот не прославлял школу и не считал господствующей, философами она будет порицаться как ложная. 6. Так верить ли нам одной, прославляющей себя и свое учение, или многим, обличающим неведение каждой

¹ Ср.: 1 Кор. 3,19.

в отдельности? Более верным, наверное, является то, что считают многие, а не то, что думает один. 7. Ведь никто не может правильно судить о себе, что подтверждает знаменитый поэт:

*Иль от природы люди так устроены,
Что могут лучше о чужих делах судить,
Чужое много лучше видеть, чем свое?*¹

8. Итак, поскольку все эти школы ненадежны, или им всем следует верить, или не следует верить ни одной. Если не верить ни одной, стало быть, философы не обладают мудростью, так как поодиночке каждый считает себя мудрецом; если же верить всем, то они также не обладают мудростью, так как каждый из них не признается мудрецом всеми остальными. 9. Таким образом, гибнут все они и, словно те самые спарты у поэтов, так разят друг друга, что скоро никого из них не останется.² Именно так и будет, ибо мечи они имеют, но не имеют щитов. 10. Итак, если каждая школа в отдельности обличается всеми другими в скудоумии, стало быть, все они являются пустыми и бесплодными. Так философия сама себя и истребляет, и уничтожает. 11. Когда это осознал Аркесилай,³ основатель Академии, он собрал все взаимные опровержения и обвинения знаменитых философов в незнании и вооружил этим себя против всех. Так он создал новую философию — нефилософствования. 12. И вот от этого автора пошли два рода философии. Один — старый, который претендует на обладание знанием, другой — новый, опровергающий, который низвергает это знание. В этих двух видах [философии] я вижу раздор и как бы гражданскую войну. 13. В какой из частей мы поместим мудрость, которая не может быть разорвана на части? Если природа вещей может быть познана, то погибнет этот отряд новичков. Если не может быть познана, падут ветераны. Если [силы] будут равны между собой, все равно погибнет предво-

¹ Теренций. Самоистязатель. III.1.504–506.

² Спарты — мифическое племя, выросшее из зубов дракона, посеянных Кадмом по совету Афины. Появившись на свет, спарты начали истреблять друг друга. См.: Овидий. Метаморфозы. III.6–130; Аполлодор. III.4.1.

³ Аркесилай — греческий философ (315–240 гг. до н. э.), основатель Средней, так называемой «скептической» Академии.

датель и тех, и других — сама философия, так как будет растерзана. Ведь ничто не может бороться с собой, не претерпев разрушения. 14. Если же, как я указывал,¹ в человеке вследствие брэнности человеческой участи не может быть внутреннего и собственного знания, победителем является отряд Аркесилая. Но и он сам не устоит, ибо невозможно, чтобы ничего нельзя было познать.

5. 1. Ведь есть много того, что нас заставляет узнавать сама природа, повседневная деятельность и жизненная необходимость. Ведь неизбежно погибнешь, если не узнаешь того, что было бы полезно для жизни, чтобы к этому стремиться, [так же как если не узнаешь того], что опасно [для жизни], чтобы этого избегать и уклоняться от этого. 2. Кроме того, есть много того, что постигается с опытом. Так, было обнаружено движение Солнца и Луны, перемещение звезд, счет времен, врачами были открыты природа тел и свойства растений, земледельцами обнаружены свойства земли, а также признаки приближающегося дождя и непогоды. Наконец, нет ни одного ремесла, которое бы не строилось на знании. 3. Стало быть, Аркесилай должен был, если хоть что-то понимает, отделить то, что можно познать, от того, что познать нельзя. Но если бы он сделал это, то низвел бы себя до народа. 4. Ведь народ подчас знает больше, так как знает столько, сколько необходимо. Поэтому, если ты спросишь, знает ли он что-нибудь или не знает ничего, он скажет, что знает то, что нужно знать, и не знает того, что знать не нужно. 5. Следовательно, Аркесилай правильно опроверг учения других, но неверно сформулировал свое. Ведь незнание всех вещей не может быть мудростью, сущность которой в знании. Итак, когда он атаковал философов и учил, что они ничего не знают, также и сам утратил имя философа, так как учение его состоит в том, что ничего нельзя познать. 6. Ведь кто уличает других в том, что они не знают, сам должен быть знающим. Если же он ничего не знает, какая испорченность или какое высокомерие в том, что он сам считает себя философом на основании того, из-за чего других лишает этого имени! 7. Ведь они могут ответить так: «Если ты показываешь, что мы ничего не знаем и потому мы не мудры, что ничего нам не известно, стало быть, и сам

¹ См.: III.3.2–7.

ты не мудр, так как сам признаешь, что и ты ничего не знаешь». 8. Чего, стало быть, достиг Аркесилай, кроме того, что, поразив всех философов, себя самого также пронзил тем же самым клинком?

6. 1. Итак, неужели нигде нет мудрости? Вовсе нет, она была и среди философов, но никто ее не увидел. Одни полагали, что все может быть познано: как бы то ни было, но мудры они не были. Другие считали, что ничего нельзя познать: они также не были мудрецами. Первые — поскольку больше доверяли человеку, вторые — потому что меньше. И тем и другим недоставало представления о мере. 2. Так где же мудрость? Там, где ты не будешь считать, что ты все знаешь, ибо это принадлежит Богу, и [где ты не будешь утверждать, что] ничего не знаешь, ибо это свойство животного. Существует же некоторая середина, которая принадлежит человеку, т. е. знание, соединенное с незнанием и умеренное им. 3. Знание в нас — от души, которая рождена на небесах, незнание — от тела, которое рождено из земли. Поэтому у нас есть некоторая общность и с Богом, и с животными. 4. Итак, поскольку мы состоим из этих двух элементов, один из которых проникнут светом, а другой мраком, нам дана часть знания и часть незнания. Благодаря этому нам дано идти, не рискуя упасть, словно бы по мосту. Ведь все те, кто отклоняется в одну из сторон, падали или направо, или налево. Я покажу, каким образом заблуждалась и та и другая часть [философов].

5. Академики рассуждали, исходя из неясных оснований, против физиков, уверяя, что нет никакого знания, и, довольствуясь примерами некоторых непостижимых вещей, утверждали [всеобщее] незнание. То есть они отрицали всякое знание, ибо убедились в незнании части. 6. Физики, наоборот, на основании того, что было открыто, приводят доказательства в пользу того, что можно познать все, и, удовлетворенные очевидными фактами, утверждают [всеобщее] знание. То есть они утверждают познание всего, ибо убедились в познании части. Итак, ни те не видели очевидного, ни эти скрытного; но ни те ни другие, пока кто из них утверждал, а кто отрицал в единоборстве одно знание, не замечали стоящей посередине двери, которая бы привела их к мудрости. 7. Но Аркесилай, учитель незнания, когда боролся против Зенона, главы стоиков, чтобы низвергнуть всю философию, заимствовал это

положение у знаменитого Сократа, чтобы доказать, что нельзя ничего узнать. 8. Итак, он опроверг суждение философов, которые полагали, что благодаря их уму была открыта и найдена истина. Безусловно, это была тленная мудрость, и, за короткое время расцветшая, она достигла вершины, чтобы далее с неизбежностью состариться и погибнуть, — и тут появилась Академия, как бы старость философии, которая и уничтожила ту уже увядавшую мудрость. 9. И правильно Аркесилай увидел, что надменны или, скорее, глупы те, кто полагают, что знание истины может открыть догадка. 10. Но ведь нельзя обличать во лжи говорящего, не узнав прежде, что истинно. Аркесилай, попытавшийся сделать это, не постигнув истину, ввел некий неустойчивый [αὐόστατον] род философии, который по-латыни мы можем назвать «непрочным» [instabile] или «непостоянным» [inconstans]. 11. Ведь чтобы утверждать, что ничего нельзя познать, надо кое-что знать. Ибо если ты утверждаешь, что ничего не знаешь, тем самым отрицаешь то, что ничего нельзя познать. 12. Итак, кто заявляет как бы в качестве посылки, что ничего нельзя познать, тот утверждает нечто вроде основного положения и [некое] знание: следовательно, что-то все-таки можно знать. 13. На это похоже то, что обычно приводится в школах в качестве примера неустойчивого рода: будто кто-то узнал во сне, что снам верить нельзя. И вот, если он поверил бы [приснившемуся совету], то получилось бы, что он не должен верить снам, но если бы [после этого] не поверил, то пришел бы к выводу, что снам нужно верить. 14. Итак, если ничего нельзя познать, следовательно, известно то, что ничего не известно, а если известно, что ничего не известно, стало быть, утверждение о том, что ничего нельзя знать, является ложным. Так выводится положение, само себе противоречащее и себя опровергающее. 15. Но хитрец хотел отнять знание у прочих философов, чтобы спрятать его у себя (ведь не лишает себя знания тот, кто что-то утверждает, чтобы лишить его других), но ничего не достиг. В самом деле, он проявил и показал свое жульничество. 16. Насколько мудрее и правильнее бы он поступил, если бы, сделав оговорку, сказал, что причины и, по крайней мере, смысл небесных и земных вещей не могут быть открыты, поскольку все это покрыто тайной, что их нет нужды исследовать, так как они не могут быть открыты в ходе исследования. 17. Введя эту оговорку, он

побудил бы физиков не изучать того, что превосходит меру человеческого мышления, и освободил бы себя самого от обвинений в клевете и, конечно, дал бы нам хотя бы что-то из того, что мы ищем. 18. Теперь же, когда он удержал нас от других изысканий, чтобы мы не стремились узнать больше, чем можем, он отклонил нас и от самих себя. 19. Ведь кто захочет прилагать усилия, чтобы в результате ничего не узнать, или [кто захочет] принять учение такого рода, чтобы в итоге отвергнуть всем известное? Если принять это положение, знание должно существовать, если же отвергнуть, то кто же настолько глуп, чтобы считать изучением то, когда ничего не открывается или даже все отрицается? 20. А потому, если все не может быть познано, как надеялись физики, и если не может быть не познано ничего, как думали академики, вся философия тщетна.

7. 1. Перейдем теперь к другой части философии, которую сами философы называют моральной и в которой заключен смысл всей философии, поскольку в той естественной философии есть только удовольствие, а в этой также и польза. 2. И поскольку в устройении жизни и в воспитании нравов есть большой риск ошибиться, необходимо прилагать большое усилие, чтобы узнать, каким образом нам нужно жить. 3. Там [в естественной философии] есть место прощению, так как если что-то говорят [правильно], ничего из этого не приносит пользу, если же несут вздор, ничему не навредят; здесь же [в моральной философии] не должно быть места ни разногласиям, ни ошибкам. Всем нужно знать одно и то же и наставлять саму философию как бы едиными устами, так как если что-то будет ошибкой, то разрушится вся жизнь. 4. В той первой части [философии] как меньше опасности, так и больше сложностей, ибо темный смысл вещей заставляет думать разное и противоположное. Здесь же как больше риска, так и меньше сложностей, ибо уже само употребление вещей и повседневный опыт могут научить, что лучше и более верно.

5. Итак, посмотрим, действительно ли эти философы говорят согласное и предлагают нам то, чтобы жизнь проживалась более верно. 6. Нет необходимости проверять все; мы выберем одно, самое главное, что является высшим и первоочередным, в чем заключена сущность всей мудрости. 7. Эпикур полагает, что высшее благо — в наслаждении

души, Аристипп¹ — в наслаждении тела. Каллифонт и Диномах соединили с наслаждением добродетель [honestatem cum voluptate]. Диодор видел высшее благо в избавлении от страданий, Иероним — в отсутствии страдания, перипатетики же — в благе души, тела и счастливой судьбе [fortunae]. 8. Высшее благо у Герилла — знание, у Зенона — жить в согласии с природой, у некоторых стоиков — следовать добродетели. Аристотель видел высшее благо в достоинстве и добродетели [in honestate ac virtute].² Каждое из этих положений в чем-то справедливо. 9. Чему из этого многообразия мы последуем? Кому мы поверим? У всех равный авторитет. Если мы можем выбирать, что лучше, то нам уже не нужна философия, так как мы уже мудры, чтобы судить о взглядах мудрецов. 10. Если же мы обращаемся [к философии] ради того, чтобы узнать мудрость, то как же мы можем судить [о взглядах мудрецов], если мы не начали еще рассудительно мыслить, особенно когда рядом академик [вроде Аркесилая], который нас укрывает покровом [незнания] и не позволяет хоть кому-нибудь верить, хотя сам и не указывает, чему нам следовать?

8. 1. Что же нам остается? Разве только, покинув яростных и непримиримых спорщиков, прийти к Судье, к Тому, конечно, Дарителю простой и тихой мудрости, которая не только может нас воспитать и дать нам путь, но и предложить суждение о спорных положениях тех философов? 2. Эта мудрость учит нас, что является для людей истинным и высшим благом. Прежде чем я начну говорить об этом, необходимо опровергнуть все названные выше положения, чтобы стало ясно, что ни одно из них не несет в себе мудрости.

3. Когда речь идет о предназначении человека, необходимо высшее благо высшего животного искать в том, что не может быть общим у него с другими животными. 4. Подобно тому как зубы характеризуют диких зверей, как рога — скот, как перья — птиц, так и человеку должно быть приписано что-то свое, то, без чего он утратил бы свое есте-

¹ Аристипп — греческий философ (ок. 435–355 гг. до н. э.), ученик Сократа, основатель школы киренаиков.

² Ср.: Cic. Acad. II.42.129; Цицерон. Тускуланские беседы. V.30.84. Об этических взглядах большинства из перечисленных философов известно не более того, что сказано у Цицерона.

ство. Ведь то, что дано всем для жизни или произведения на свет, хотя и является природным благом, все же не является высшим, если только оно не свое у каждого рода. 5. Следовательно, не был мудр тот, кто высшее благо вверял наслаждению души, поскольку это либо беззаботность, либо радость, что является общим для всех. 6. Аристиппу я даже отвечать не буду, поскольку ни у кого не может быть сомнения, что не был человеком тот, кто постоянно стремился к плотскому наслаждению и ничему другому не служил, кроме как животу и Венере. Ведь он жил так, что между ним и скотом не было никакой разницы, если не считать того, что он разговаривал. 7. Ведь если бы возможность говорить была дана ослу, кабану или псу, и если бы ты спросил у них, чего они для себя желают, когда столь неистово домогаются самок, что едва ли могут остановиться, забывая про еду и воду, когда грубо отгоняют других самцов, а побежденные, не отступают, но, часто попираемые более сильными соперниками, нападают с еще большей силой, когда их не останавливает ни дождь, ни холод, когда они прилагают огромные усилия и отвергают опасность, — что бы другое ответили они, если не то, что высшее благо состоит в наслаждении плоти? Они домогаются его, чтобы получить приятнейшие ощущения, и полагают, что эти ощущения таковы, что от достижения их не могут удержать ни трудности, ни ранения, ни сама смерть. 8. Так неужели мы хотим перенять правила жизни у тех, кто воспринимает все так же, как и лишённые разума животные? 9. Киренаики¹ говорят, что сама доблесть славна тем, что открывает путь к наслаждению. «Я, — скажет мерзкий пес или грязный кабан, — потому ведь всеми силами борюсь с соперниками, чтобы доблесть моя принесла мне наслаждение; я не получу его, если буду побежден и оставлю борьбу». 10. Стало быть, мы учимся быть мудрыми у тех, кого отличает от скота или зверей не образ мыслей, а язык?

Считать высшим благом избавление от страданий — это философия не собственно перипатетиков или стоиков, но просто врачей. 11. Ведь кто не понимает, что это рассуждение больных или людей, чем-нибудь страдающих? Что может быть смешнее, чем иметь в качестве высшего

¹ Последователи Аристиппа.

блага то, что может дать врач? Стало быть, нам нужно страдать, чтобы насладиться благом, и к тому же [страдать] тяжело и часто, чтобы потом с еще бóльшим удовольствием не болеть? 12. Итак, [говорят нам], несчастнее всех тот, кто никогда не страдал, так как лишен блага; мы же его считаем самым счастливым, так как он избавлен от страданий.

13. От этой бессмыслицы недалеко был и тот, кто сказал, что высшее благо в том, чтобы совсем не страдать. Но если исключить то, что всякое живое существо избегает боли, кто может сам себе доставить такое благо, которого, чтобы оно у нас было, мы можем только желать? 14. Такое высшее благо не может принести ничего благостного, если только человек не был постоянно лишен страдания. Ведь отсутствие страдания дается человеку не доблестью, не учением, не трудом, но самой природой, как и всем животным. 15. Те, кто соединяли наслаждение с добродетелью, хотели избежать этого союза, но создали противоречивое благо, ибо тот, кто предается наслаждению, неизбежно лишен добродетели, а тот, кто усерден в добродетели, избегает наслаждения. 16. Благо у перипатетиков слишком многообразно, и если исключить блага души, — впрочем, весьма спорно, что они собой представляют и каковы они, — может показаться, что это благо общее с благом животных. 17. Ведь благо тела, т. е. невредимость, нечувствительность к боли, здоровье, не менее необходимы безмолвным [животным], чем человеку, и я еще не знаю, не являются ли они более важными для безмолвных [тварей], поскольку человека могут укреплять лекарства и поддерживать прислуга. 18. То же относится к благам фортуны. Ибо как человеку необходимы для поддержания жизни богатства, так и тем [животным] необходимы добыча и пропитание. 19. Перипатетики же, допуская благо, которое не во власти человека, подчинили всякого человека чужой воле.

20. Давайте послушаем Зенона, ведь он иногда грезит добродетелью. «Высшее благо, — говорит он, — жить в согласии с природой». Стало быть, нам надлежит жить по образу животных. 21. Однако в них как раз и открывается все то, что должно быть несвойственно человеку: они жаждут наслаждений, боятся, прячутся, сидят в засадах, убивают и, что особенно важно, не знают Бога. 22. Зачем же он меня учит, чтобы я жил в согласии с природой, которая сама по себе склонна к худшему

и некоторыми прелестями влечет к пороку? 23. Даже если он утверждает, что у животных одна природа, а у человека другая, ибо человек рожден для доблести, — пусть отчасти это и так, — тем не менее, это не служит определением высшего блага. Ибо нет ни одного животного, которое не жило бы в согласии со своей природой.

24. Тот, кто делал высшим благом знание, придавал человеку нечто свойственное ему, но люди жаждут знания ради получения чего-то нового, а не ради самого знания. 25. Ибо кто удовлетворяется тем, что знает, не домогаясь никаких плодов познания? Для того изучаются искусства, чтобы ими пользоваться, пользуются же ими либо для поддержания жизни, либо для наслаждения, либо для славы. Так вот, не является высшим благом то, которое не ради себя самого достигается. 26. В чем ведь разница, считаем ли мы высшим благом знание или то, что дает это знание, т. е. пищу, славу, наслаждение? Это принадлежит не только человеку — и потому не является высшим благом. Ведь жажда наслаждений и пищи свойственна не одному только человеку, но и животным. 27. Что же до жажды славы, то не обнаруживается ли она у коней, когда они, став победителями, радуются, и страдают, будучи побеждены?

*Это ль не жажда хвалы, не страсть к одержанью победы?*¹

Не напрасно ведь величайший поэт говорит, что следует испытывать [коня],

*Как тот переносит позор и как пальмой гордится.*²

Если же то, что дает знание, [у человека] общее с другими животными, то знание не является высшим благом. 28. Кроме того, весьма важен тот недостаток данного определения, что знание само по себе безразлично [к добру и ко злу]. Конечно, начинают считать себя счастливыми все, кто овладевает хоть каким-то искусством, даже те, кто становятся сведущими в дурных делах, подобно тому как тот, кто научился бы готовить яды, стал бы настолько же счастливым, насколько тот, кто научился бы лечить. 29. Вот я и спрашиваю: на что должно

¹ Вергилий. Георгики. III.112.

² Там же. III.102.

быть направлено знание? Если на познание природных вопросов, то какое счастье мне принесет то, если я буду знать, откуда истекает Нил, или если узнаю весь тот вздор, который говорят физики о небе? К тому же знание этих вопросов является не знанием, а предположением, которое шатко и зависит от дарований [ученого]. 30. Остается, чтобы высшим благом было знание о добре и зле. Почему же [Герилл] предпочел сказать, что высшее благо — знание, а не сама мудрость, в то время как значение и смысл того и другого [для него] одни и те же? Тем не менее, еще никто не говорил, что высшим благом является мудрость, хотя лучше этого сказать нельзя. 31. Ведь знания недостаточно, чтобы совершать добро и избегать зла, если к знанию не присоединяется добродетель. В самом деле, многие философы, хотя рассуждали о добре и зле, жили, следуя природе, т. е. иначе, нежели учили, ибо лишены были добродетели. Добродетель же, соединенная со знанием, является мудростью.

32. Остается, чтобы мы изобличили во лжи также тех, кто считают саму добродетель высшим благом. В этом предрассудке пребывал и Марк Туллий. И много безрассудных людей так думало. Ведь сама добродетель не является высшим благом, но является виновницей и матерью высшего блага, ибо нельзя достичь его без добродетели. И то и другое легко понять. 33. Я же спрошу, считают ли они, что легко достичь того замечательного блага, или это и трудно, и требует усердия? Пусть обнажат свое оружие и выступят на защиту заблуждения. 34. Если это благо можно достичь легко, без какого-либо усердия, то оно не является высшим благом. Действительно, зачем мы мучаемся, убиваемся, усердствуем и днем, и ночью, если то, что мы ищем, лежит перед глазами, чтобы каждый без какого-либо душевного труда это получил? 35. Но если всякое и даже самое незначительное благо мы достигаем лишь благодаря усердию, то, поскольку природа добра расположена вверху, а природа зла внизу, высшее благо неизбежно достигается высшим усердием. Если это верно, то должна существовать другая добродетель, чтобы мы достигали той добродетели, которая именуется философами высшим благом, а это весьма нелепо и лишено смысла, чтобы добродетель через саму себя достигалась. 36. Если нельзя достичь того блага иначе, как только через усердие, то очевидно, что добродетель — это то, благодаря чему оно достигается, поскольку сила и обя-

занность добродетели заключены в совершении и исполнении трудов. Стало быть, не может быть высшим благом то, что необходимо для достижения другого блага. 37. Однако те философы, поскольку не знали, что дает добродетель и куда она ведет, ничего достойнее не придумали, как остановиться на имени самой добродетели. Ставя ее во главе всякого успеха, они говорили, что добродетель необходимо жаждать, чтобы достичь блага, которое лишено блага [ut bonum sibi constituerent quod bono indigeret].

38. Аристотель недалеко ушел от них, когда считал высшим благом добродетель вместе с достоинством, как будто бы может быть какая-то недостойная добродетель, и словно она не перестала бы быть добродетелью, если бы имела что-то постыдное. 39. Но он видел, что может случиться так, что о добродетели станут судить превратно, и потому решил приспособиться к людскому мнению. Кто так поступает, тот удаляется от правильного и доброго суждения, ибо не в нашей власти считать добродетель достойной, исходя из наших нравов. Ведь что такое достоинство, как не совершенное уважение, оказываемое кому-либо, исходя из народного признания? 40. А что будет, если людская слава окажется ошибочной и превратной? Неужели мы отвергнем добродетель, если неразумные люди сочтут ее постыдной и безобразной? 41. Если же добродетель может быть попрана и унижена ненавистью, то, коль скоро она сама является неотъемлемым и вечным благом, она не должна нуждаться в помощи извне, а обязана опираться на собственные силы. 42. Итак, ей не нужно ни уповать на какое-либо благо от человека, ни бояться какого-либо зла.

9. 1. Итак, я подхожу теперь к высшему благу истинной мудрости. Природа его должна быть определена следующим образом: во-первых, оно свойственно одному лишь человеку и не имеет отношения ни к одному животному; во-вторых, относится лишь к душе и не может быть связано с телом; в-третьих, никто не может его достичь без знания и добродетели. 2. Это ограничение исключает и разрушает все определения тех [вышеперечисленных] философов, ибо те определения, которые они дали, ничему такому не соответствуют. 3. Что же мне сказать, чтобы обосновать то, что я уже определил, а именно, что все философы были слепы и лишены мудрости, ибо никогда не могли ни

увидеть, ни понять, ни предположить, какое высшее благо установлено для человека? 4. Анаксагор, когда у него спросили, ради чего он рожден, ответил, что ради созерцания неба и Солнца. Ответу такому весьма поразились и сочли его достойным философа. 5. Однако я считаю, что он сказал это, не думая, что ответить, лишь бы не промолчать. К тому же если бы он был разумным человеком, то должен бы был поразмышлять и обосновать это, ибо если кто не в состоянии рассуждать, тот и человеком-то не является. Мы же полагаем, что сказано это было спонтанно. 6. Рассмотрим же в трех словах, в чем и как он заблуждался. Во-первых, в том, что всю обязанность человека отнес к одним лишь глазам, связывая все ничуть не с душой, а лишь с телом. 7. Что же? Если бы он был слеп, то неужели лишился бы сущности человека, чего не может случиться без гибели души? Что же остальные части тела? Разве лишены они своих обязанностей? 8. Как же насчет того, что уши служат больше, чем глаза, ведь учение и мудрость могут восприниматься одними только ушами, а вот одними лишь глазами не могут? 9. Ты, Анаксагор, рожден ради созерцания неба и Солнца. А кто побудил тебя к этому созерцанию, и зачем нужно небу и природе вещей твое созерцание? Бесспорно, чтобы ты восхищался этим неизмеримым и удивительным творением. 10. Так признай же, что существует создатель всех вещей — Бог, Который поместил тебя в этот мир как свидетеля и хвалителя Своего творения. 11. Ты полагаешь, что видеть небо и Солнце очень важно, почему же ты не воздаешь благодарность Тому, Кто дал тебе эту возможность? Почему ты не оцениваешь добродетель, провидение и могущество Того, чьим творениям ты удивляешься? Конечно же, необходимо большего удивления достоин Тот, Кто сотворил [созерцаемое тобою] удивительное. 12. Если бы тебя, Анаксагор, кто-нибудь пригласил на трапезу, и ты на ней был бы прекрасно принят, неужели сочли бы тебя здравомыслящим, если бы ты выше оценил полученное наслаждение, чем человека, доставившего его? До такой вот степени философы относят все к телу и ничего — к душе, и видят не больше того, что видно глазами!

13. Напротив, отвергнув все обязанности тела, сущность человека следует искать в одной лишь душе. Стало быть, не ради того мы рождаемся, чтобы видеть то, что сотворено, но чтобы сознавать, т. е. созерцать

умом, самого Творца всего сущего. 14. А потому, если кто-то спросит человека, который разумно рассуждает, ради чего рожден человек, то тот без сомнения и со всей твердостью ответит, что человек рожден для почитания Бога, Который нас создал для того, чтобы мы служили Ему. 15. Служить же Богу означает не что иное, как добрыми делами сохранять и соблюдать справедливость. Но тот [Анаксагор], как человек несведущий в божественных вопросах, важное дело низвел до ничтожного, выбрав только два [творения] для своего созерцания. 16. Ведь если бы он сказал, что рожден ради любования миром, то пусть бы и открывал все, и восхищался бы во весь голос, все же не исполнил бы предназначения человека, ибо насколько душа больше тела, настолько Бог больше мира, ведь Бог и сотворил мир, и правит им. 17. Стало быть, следует не мир созерцать глазами, так как и то и другое суть тело, но следует душой созерцать Бога, поскольку Бог как Сам является бессмертным [immortalis], так [Он] захотел, чтобы и душа была вечной [sempiternum]. Созерцание же Бога заключено в почитании и служении общему Родителю рода человеческого. 18. Если философы были лишены этого и, не ведая божественного, были обращены к земле, следует полагать, что Анаксагор говорил, будто рожден для созерцания именно земли, и не видел он ни неба, ни Солнца. 19. Итак, легко понять, если быть разумным, в чем состоит человечность. Ведь что такое человечность, если не справедливость? Что такое справедливость, если не благочестие? Благочестие же — не что иное, как познание сотворившего [букв.: «родившего»] нас Бога.

10. 1. Итак, высшее благо человека заключено в одной лишь религии. Ведь прочее, даже то, что считается собственно человеческим, присуще и остальным животным. 2. В самом деле, когда они между собой узнают и распознают голоса друг друга, кажется, будто они беседуют. Даже некое подобие смеха обнаруживается в них, когда во время поглаживания их за ушами они, скрыв оскал и предавшись радости, играют либо с человеком, либо со своими самками или собственными детенышами. А разве не предаются они взаимной любви и подобию нежности? 3. Те же животные, которые делают себе запасы, прячут корм, как бы то ни было, обладают прозорливостью. Даже признаки разума обнаруживаются в безмолвных тварях. Ведь когда они ищут

для себя полезное, отвергают вредное, уклоняются от опасностей, готовят себе убежища с многочисленными путями к бегству, они и в самом деле что-то осознают. 4. Может ли кто-то отрицать, что у них нет разума, когда часто они передразнивают самого человека? Ведь те, чей долг приносить мед, живя в отведенных обиталищах, укрепляют лагерь, строят себе с неопишуемым мастерством жилища, служат своему царю. Не смею утверждать, есть ли в них совершенное знание. 5. Как бы то ни было, не ясно, действительно ли то, что приписывается человеку, общее у него с другими живыми тварями, но ясно [лишь то], что те не причастны религии. 6. Право же, я полагаю так, что всем животным был дан разум, но безмолвным только для сохранения жизни, человеку же и для ее продления. И поскольку в человеке разум [ratio] совершенный, он называется разумностью [sapientia], которая делает человека исключительным в том, что только ему одному дано понимать божественное. 7. На этот счет у Цицерона есть верное высказывание: «Из всех рожденных, кроме человека, нет ни одного животного, которое бы имело хоть какое-то представление о Боге. И среди самих людей нет ни одного народа столь грубого, столь дикого, который бы не знал, что нужно чтить Бога, даже если бы и не знал, какого нужно чтить Бога. 8. Из чего явствует, что Бога знает тот человек, который помнит, от кого он произошел».¹ 9. Те же философы, которые хотят освободить души от всякого страха, уничтожают также и религию и лишают человека его собственного и исключительного блага, отделяют от праведной жизни и от всякой человечности. Ибо Бог как всех живых тварей подчинил человеку, так и человека подчинил Себе. 10. Ибо в чем суть того спора философов, зачем нам следует обращать ум туда, куда направлено лицо? Если, в самом деле, нам нужно смотреть на небо, то не ради чего-то другого, а ради лишь религии. Если же религия отвергается, то мы лишаемся всякой связи с небом.² 11. Стало быть, нужно либо смотреть в небо, либо склоняться к земле. К земле склоняться мы, даже если бы захотели, не можем, поскольку у нас прямая фигура. 12. Следовательно, мы должны взирать в небо, чему способствует

¹ Цицерон. О законах. I.8.24–25.

² Ср.: Цицерон. О природе богов. II.56.140.

сама природа [нашего] тела. Если не подлежит сомнению, что мы должны это делать, мы должны это совершать или для того, чтобы подчиняться религии, или для того, чтобы открыть смысл небесных вещей. 13. Но открыть смысл небесных вещей мы никоим образом не можем, потому что, как я учил выше,¹ ничего подобного нельзя открыть через размышление. 14. Итак, нужно подчиняться религии, которую если кто-то не примет, сам себя склонит к земле и, следуя жизни скота, отречется от человеческой сути. 15. Стало быть, более разумны [даже более] невежественные, которые, хотя и заблуждаются в выборе религии, все же помнят о природе своей и о сотворении своем.

11. 1. Итак, пусть весь род человеческий знает, что нужно иметь религию. Однако следует раскрыть, каким образом люди в ней заблуждаются. 2. Бог захотел, чтобы природа человека была такова, чтобы он жаждал и домогался двух вещей — религии и мудрости. Но люди потому заблуждаются, что принимают религию, отвергая [при этом] мудрость, или усердствуют только в достижении мудрости, отвергая [при этом] религию, в то время как одна без другой не может быть истинной. 3. И вот они впадают в разнообразные религии, но в ложные, потому что оставляют мудрость, которая их могла бы научить, что не может существовать множество богов. Или усердствуют над достижением мудрости, но ложной, потому что отвергают религию Высшего Бога, Который мог бы их наставить в знании истины. 4. Так, люди, которые принимают одно из двух, идут по окольной дороге, полной всяческих заблуждений, поскольку и служение человека, и вся истина заключены в тех двух вещах, нераздельно связанных друг с другом.

5. При этом я удивляюсь тому, что не нашлось ни одного философа, который бы обнаружил местопребывание и обитель высшего блага. 6. Они ведь могли бы рассуждать следующим образом. Что бы ни было высшим благом, необходимо, чтобы оно было доступно для всех. Возьмем [для примера] наслаждение, которое жаждется всеми. Но оно общее у нас с другими животными, к тому же не имеет достоинства, достигает пресыщенности, приносит, будучи чрезмерным, вред, уменьшается с течением времени, и многие его не достигают. Ведь кто

¹ См.: III.3.4.

лишен богатств, число которых велико, неизбежно лишен и наслаждения. Стало быть, наслаждение не только не является высшим благом, но и благом вообще.¹ 7. Что же нам сказать о богатстве? Еще более оно не является высшим благом. Ведь оно выпадает на долю весьма немногих и по большей части случайно, часто его стяжают бездельники и подчас преступным образом. К тому же оно жаждется теми, кто его уже имеет. 8. Ну, а как же сама власть? И она не является высшим благом. Ибо не все люди могут властвовать, а необходимо, чтобы всем людям было доступно высшее благо. 9. Следовательно, мы должны искать что-то такое, что было бы доступно для всех. Неужели добродетель? Нельзя отрицать, что она является благом и, разумеется, благом для всех. Но если она не может быть благодостной, поскольку сила ее и природа проявляются в выносливости, она не полностью является высшим благом. Будем искать иное. 10. С другой стороны, нельзя найти ничего прекраснее добродетели и ничего достойнее мудрости. Ибо если следует избегать пороков из-за их безобразия, то к добродетели следует стремиться из-за ее красоты. Что же? Но разве может случиться так, чтобы то, что является благом, то, что является достойным уважения, было лишено вознаграждения и воздаяния и было столь бесплодным, что не приносило бы никакой выгоды? 11. Тот великий труд, те усилия, то сопротивление злу, которым наполнена эта жизнь, необходимо должны вести к еще большему благу. 12. Но что это, о чем мы говорим? Разве [же это] наслаждение? Но ведь из достойного уважения не может родиться ничего позорного. Неужели богатства? Неужели власть? Но и они тленны и преходящи. Неужели слава? Неужели почет? Неужели память об имени? Но все это заключено не в самой добродетели, а в оценках и суждениях других.

13. К тому же добродетель часто и ненавидима, и подвержена злу. То благо, которое порождается ею, должно быть так связано с ней, чтобы нельзя было их разорвать или разделить. Очевидно, что высшим благом является не что иное, как то, что является собственностью добродетели, и то, к чему нельзя ничего ни прибавить, ни от которого нельзя и ничего убавить. 14. Что же [мы скажем] насчет того, что

¹ Ср.: *Сенека. О блаженной жизни. X.3.*

обязанность добродетели заключена в презрении всех тех благ? Ведь ни жаждать, ни домогаться, ни любить наслаждения, богатства, власть, почет и все то, что считается благом и что делают другие, охваченные жадностью, и есть собственно добродетель. 15. Стало быть, она приносит что-то другое, более возвышенное и превосходнейшее. Ибо нет смысла ей противостоять тем сущим благам, если она не ведет к тому, что лучше и более истинно. 16. Не будем же терять надежду на то, что это [благо] можно отыскать, прежде употребив к этому всю силу размышления, ибо награда будет не проста и весьма серьезна.

12. 1. Но то, что ищут в качестве цели нашего рождения, то, что приносит добродетель, мы можем найти следующим образом. Есть два начала, из которых состоит человек, — душа и тело. Многое принадлежит душе, многое принадлежит телу, многое для них является общим, как, например, добродетель, которую всякий раз, когда она относится к телу, ради различения именуют твердостью. 2. Поскольку же твердость относится и к телу, и к душе, то им обоим предназначена упорная борьба, и обоим следует одерживать победу. Тело, поскольку является плотным и осязаемым, необходимо борется с крепкими же и осязаемыми врагами. Душа же, поскольку она тонкая и невидимая, сражается с теми врагами, которые также не могут быть видны. 3. Каковы же противники души, если не жадность, пороки и грехи? Если добродетель одержит над ними победу и изгонит их, душа будет чистой и незапятнанной. 4. Откуда же можно судить о том, какие плоды дает твердость души? Конечно же, по связанному и равному с ней, т. е. по крепости тела. Когда оно вступает в какое-либо состязание или битву, чего иного оно ждет от победы, если не жизни? Ведь с человеком ли, или со зверем ты будешь биться, ты будешь бороться за спасение. 5. И вот как тело, борясь за победу, стремится к тому, чтобы не погибнуть, так и душа — чтобы сохраниться. И как тело, побежденное врагами, умирает, так и душа, поверженная пороками, неизбежно погибает. 6. Что же различного между борьбой души и борьбой тела, если не то, что тело бьется за временную жизнь, а душа за вечную? 7. Если же добродетель сама по себе не благостна, поскольку, как я сказал,¹ вся ее

¹ См.: III.11.9.

сила заключена в перенесении зла; если все, к чему люди стремятся как к благу, она презирует; если высшая ее ступень открыта смерти, так как жизнь, которую жаждут другие, она часто отвергает, а смерть, которую прочие боятся, стойко переносит; если необходимо, чтобы она влекла за собой какое-то великое благо, так как тяготы, переносимые и претерпеваемые вплоть до смерти, не могут не быть вознаграждены; 8. если нет на земле никакой награды, достойной ее, ибо все является тленным и преходящим, что еще остается, если не признать, что она дает нечто небесное и стремится к более высокому, поскольку отклоняет низкое? А это ничем другим быть не может, кроме как бессмертием.

9. Справедливо, стало быть, небезызвестный философ Евклид,¹ который был основателем школы мегариков, не соглашаясь с прочими, сказал, что является высшим благом то, что подобно и вечно [simile et idem semper].² 10. Он, конечно, понимал, какова природа высшего блага, хотя и не раскрыл того, в чем оно заключается, т. е. что оно заключено в бессмертии и ни в чем другом, поскольку только бессмертие не может ни уменьшаться, ни увеличиваться, не изменяться. 11. Даже несведущий [в божественных вопросах] Сенека перебивает, чтобы согласиться, что нет никакой иной награды за добродетель, кроме бессмертия. Ибо восхваляя добродетель в той книге, которую он озаглавил *О преждевременной смерти* [De immatura morte], он сказал: «Одна лишь добродетель может одарить нас бессмертием и сделать равными богам». 12. Стоики, которым он следовал, также соглашались, что нельзя достичь ничего благого без добродетели. Следовательно, наградой за добродетель является блаженная жизнь, если добродетель, как верно сказано, делает жизнь счастливой. 13. Стало быть, добродетели следует добиваться не ради нее самой, как они говорят, а ради блаженной жизни, которая с неизбежностью следует за добродетелью. 14. Этот ход доказательства мог бы показать им, что является высшим благом. Ведь эта сущая и телесная жизнь не может быть блаженной, так как из-за тела она порабощена злом. 15. Эпикур называет Бога блаженным

¹ *Евклид* — греческий философ из Мегары (450–380 гг. до н. э.), продолжатель учения Сократа, софистов и элеатов.

² См.: *Cic. Acad.* II.42.129.

и не подверженным порче, так как Он является вечным. Блаженство ведь должно быть совершенным, чтобы не было ничего, что могло бы его разрушить, уменьшить или изменить. 16. И не может считаться блаженным что-то, кроме не подверженного порче. Ничто же не бывает не подвержено порче, кроме бессмертного. Следовательно, только бессмертие блаженно, так как оно не может подвергнуться ни порче, ни разложению. 17. Если же человеку присуща добродетель, чего никто не станет отрицать, то человеком достижимо и блаженство. Ибо не может случиться так, чтобы был несчастен тот, кто исполнен добродетели. Если же человеком достижимо блаженство, то [достижимо им] и бессмертие, которое блаженно.

18. Итак, получается, что высшее благо — в одном лишь бессмертии, которое никакому другому животному, ни телу [человека] не свойственно. И его никто не может достичь без добродетели и мудрости, т. е. без познания Бога и без справедливости Бога. 19. Насколько стремление к нему верное, насколько оно правильное, показывает сама жажда этой вот жизни. Хотя она и временна, и полна тягот, все же ее жаждут и вожделеют все. В самом деле, ее жаждут и старики, и дети, и цари, и подданные, и мудрецы, и глупцы. 20. Ведь настолько ценным кажется Анаксагору созерцание неба и самого света, что он готов терпеть какие бы то ни было несчастья. 21. Так вот, даже если эта полная тягот и краткая жизнь признается великим благом не только для людей, но и для остальных животных, ясно, что она была бы высшим и совершенным благом, если бы не имела конца и была бы лишена всякого зла. 22. Наконец, никогда не существовало такого человека, который бы презрел эту краткую жизнь или предался бы смерти, не имея надежды на более длительную жизнь. Ведь те, кто ради граждан добровольно шли на смерть, как, например, у фиванцев — Менекей,¹ у афинян — Кодр,² у

¹ *Менекей* — сын фиванского царя Креонта, заколовший себя ради спасения родного города во время войны семерых против Фив.

² *Кодр* — царь Афин, чья гибель, согласно предсказанию оракула, должна была остановить пелопоннесцев; ради спасения города Кодр, переодевшись, вышел за городские стены и пал в стычке с врагом, после чего пелопоннесцы отступили.

римлян — Курций¹ и два Мура,² никогда бы они не предпочли смерть радостям жизни, если бы не считали, что стяжают бессмертие в глазах граждан. Хотя они и не ведали дороги бессмертия, все же добились того, чего жаждали. 23. Ибо если добродетель потому презирает богатства и состоятельность, что они хрупки, а наслаждения — потому что они кратковременны, стало быть, она презирает также хрупкую и кратковременную жизнь, потому что преследует незыблемую и вечную.

24. Итак, само размышление, построенное по порядку и охватывающее все, приводит нас к тому исключительному и единственному благу, ради которого мы рождены. 25. Если бы это сделали философы, если бы они не предпочитали твердо упорствовать в том, что уже один раз приняли, то, конечно, они пришли бы к тому, что я только что открыл. Если этого не могли постичь те, кто убивают небесные души вместе с телами, то, тем не менее, те, кто рассуждают о бессмертии души, должны были понять, что нам предложена добродетель, чтобы, уняв страсти и подавив жажду земных благ, чистые и одержавшие победу души возвратились к Богу, т. е. к своему началу. 26. Для того ведь мы единственными из всех животных подняты для созерцания неба, чтобы мы верили, что высшее для нас благо находится вверху. 27. Для того нам одним дана религия, чтобы мы из того узнали, что душа человеческая бессмертна, что она ищет и познает Бога, Который бессмертен. 28. Стало быть, все философы, которые в качестве высшего блага признавали либо знание, либо добродетель, хотя и держались дороги истины, но не дошли до ее вершины. 29. Ибо эти знание и добродетель лишь вместе дают то, что они искали. Знание служит тому, чтобы мы узнавали, каким образом и куда мы должны идти, добродетель — что-

¹ *Марк Курций* — римский всадник, ради того чтобы римское государство стояло вечно, бросился в образовавшийся в Городе провал (*Тит Ливий*. История от основания Города. VII.6.1–5).

² *Публий Деций Мур* — консул 340 г. до н. э., пал в войне с латинами: его сын, *Публий Деций Мур*, консул 295 г. до н. э., погиб в войне с этрусками, галлами, умбрами и самнитами. По словам Ливия, Деций Мур Младший принес себя в жертву, повинувшись семейному року (*Тит Ливий*. История от основания Города. X.28.13).

бы идти. Одно без другого ни на что не способно. Ибо из знания рождается добродетель, а из добродетели — высшее благо.

30. Следовательно, нет никакой блаженной жизни, которую постоянно искали философы и [по сию пору] ищут в культе ли богов, или в философии. И потому они не нашли ее, что искали высшее благо не в горнем, а в дольном. 31. Что является горним, если не небо и не Бог, от которого произошла душа? Что является дольным, если не земля, из которой создано тело? 32. Итак, хотя некоторые философы связывали высшее благо не с телом, а с душой, все же, поскольку относили его к этой жизни, которая ограничена телом, они возвращались к телу, время которого ограничено пребыванием на земле. 33. Потому не случайно они не открыли высшего блага, ибо все, что относится к телу и лишено бессмертия, необходимо низкое. 34. Стало быть, человек не таким образом обретает блаженство, как это видят философы, а иначе. Человек не тогда бывает блаженным, когда живет в теле, которое, как бы то ни было, тленно и подвержено порче, но тогда, когда душа [anima], освободившись от союза с телом, живет в одном лишь духе [in solo spiritu]. 35. Тогда лишь мы можем быть блаженны в этой жизни, если будем казаться вовсе лишенными счастья. Если, избегая соблазна наслаждений и служа одной лишь добродетели, мы будем жить в тяготах и несчастьях, которые являются упражнениями и укрепляющими средствами добродетели. Если, наконец, мы выберем ту тернистую и тяжелую дорогу, которая [только и] ведет нас к блаженству. 36. Итак, высшее благо, которое делает нас блаженными, не может быть нигде, кроме как в той религии и в том учении, которые дают надежду на бессмертие.

13. 1. По-видимому, разговор требует того, чтобы, поскольку мы показали, что бессмертие является высшим благом, мы доказали бы и то, что душа бессмертна. 2. По этому вопросу между философами идет серьезный спор, и все же те из них, кто говорили о душе, не могли ничего ни открыть, ни доказать. 3. Ибо, далекие от этого божественного знания, они не приводили ни верных доводов, которые бы в этом убеждали, ни свидетельств, которые бы могли подтвердить это. Однако данный вопрос уместнее нам разобрать в последней книге, когда нам нужно будет говорить о блаженной жизни.

4. Остается еще та третья часть философии, которую называют логикой, в ней заключены вся диалектика и всякий способ рассуждения. 5. Божественное учение не нуждается в ней, поскольку мудрость — не в языке, а в сердце. Не имеет значения, какую речь использовать. Ибо речь идет о сути, а не о словах. И мы рассуждаем не о грамматике и не об ораторе, знание которых сводится к тому, как следует говорить, а о философе, учение которого о том, как нужно жить. 6. Если же ни та физика не имеет смысла, ни эта логика, поскольку не могут сделать счастливыми, остается, чтобы вся сила философии заключалась в одной лишь этике, которой, как говорят, посвятил себя Сократ, отбросив все прочее. 7. Поскольку, как я уже показал, философы заблуждались в этой части философии, ибо не открыли высшего блага, ради достижения которого мы рождаемся, ясно, что вся философия — ложная и пустая, так как ни к служению справедливости не готовит, ни долг, ни сущность человека не утверждает. 8. Пусть же они узнают, что заблуждаются, считая философию мудростью. Пусть не следуют ничьему авторитету, а обратятся к истине и последуют за ней. Здесь нет места легкомысленности. Наказание за глупость будет вечным, если обманут либо пустая личность, либо ложное мнение. 9. Человек же, каким бы он ни был, если верит себе, т. е. если верит человеку, не скажу, что он глупец, который не видит своих ошибок, но он самонадеян, ибо дерзает присваивать себе то, чего не дано человеку. 10. Насколько заблуждался тот знаменитый и великий мастер римского слога [Цицерон], можно ясно увидеть из его суждения. Когда в книгах *Об обязанностях* он говорил, что философия является не чем иным, как любовью к мудрости, а сама мудрость — знанием божественных и человеческих дел, он прибавил тогда: «Если кто-то порицает интерес к мудрости, то я, право, не вполне понимаю, что именно он считает достойным прославления. 11. Ведь если мы ищем услаждений души и вдохновения от забот, то что можно сравнить с усердием тех, кто всегда стремятся к чему-нибудь такому, что направлено и способно привести к хорошей и счастливой жизни? Если же имеется в виду стойкость и добродетель, то именно эта наука даст возможность достичь их, или же такой науки вообще не существует. Говорить, что не существует науки о важнейших делах, — когда нет ни одного самого маловажного

вопроса, в котором бы можно было обойтись без науки, — свойственно людям, говорящим необдуманно и заблуждающимся в важнейших вопросах. Если же существует какое-то учение о добродетели, то где же его искать, если ты отступаешь от этого вида изучения?»¹ 12. Прав же, сколь бы ни старался я обрести хоть самый малый дар красноречия, с тем чтобы иметь возможность убедить, все же я никогда не отличался красноречием, не имея никакого отношения к форуму. Но необходимо, чтобы собственно благая тема разговора сделала меня красноречивым, для ясного и убедительного развития которой достаточно самой истины и знания божественности. 13. Так вот, я хотел бы ненадолго поднять из преисподней Цицерона, чтобы красноречивейший муж был просвещен бесталанным человечишкой: сначала в том, что же является достойным прославления у того, кто порицает интерес к тому, что именуется философией. Затем в том, что философия — это не та наука, с помощью которой достигается добродетель и справедливость, как он полагал, а есть какая-то другая [наука об этом]. Наконец, поскольку существует учение о добродетели, я показал бы ему, где его нужно искать, когда отказываешься от того вида изучения, который этот философ искал вовсе не ради того, чтобы научиться ему и познать его. Ибо от кого можно было научиться тому, что никто не знал? 14. Но, как он обычно поступал в таких случаях, Цицерон хотел настаивать на выводе и довести его до сознания, словно он надеялся, что ничего нельзя возразить на то, что философия является учительницей жизни. Как раз об этом он прямо заявил в *Тускуланских беседах*, обратившись с речью к ней самой, используя такой риторический способ убеждения: 15. «О философия, руководительница жизни, о изыскательница добродетели и гонительница пороков! Что стало бы без тебя не только со мной, но и со всем родом человеческим? Ты — изобретательница законов, наставница во нравах и устроительница порядка!»² 16. Как будто бы она сама по себе дает знание, и не Тот скорее достоин прославления, Кто ее даровал. Цицерон таким же образом мог бы воздавать благодарности еде и питью, так как без этих вещей, в

¹ Цицерон. Об обязанностях. II.2.5.

² Цицерон. Тускуланские беседы. V.2.5.

которых нет ни чувства, ни благоволения, жизнь невозможна. И вот как они являются пищей для тела, так и мудрость является пищей для души.

14. 1. Итак, прав Лукреций, когда прославляет того, кто первым открыл мудрость, но нелепо то, что он считал, что ее открыл человек. Как будто тот человек, которого он прославляет, нашел ее, валявшуюся где-то, словно «флейта у ключа», как говорят поэты.¹ 2. Изобретателя мудрости он прославлял как Бога. В самом деле, он так сказал о том, кто открыл мудрость:

*Нет, я уверен, никто из рожденных со смертною плотью.
Ибо, коль выразить мысль сообразно с величие дела,
Богом он был, мой доблестный Меммий, поистине богом.²*

3. Все же следует прославлять Бога не за то, что Он открыл мудрость, но за то, что Он создал человека, который мог бы обрести эту мудрость. Лукреций же умалил славу, прославляя лишь часть из целого. 4. Он прославил как человека Того, Кто должен считаться Богом на том основании, что сделал возможным быть мудрым. Действительно, он так сказал:

*Неужель не достойно
Будет нам к сомну богов человека того сопричислить?³*

5. Откуда становится ясным, что он хотел восславить либо Пифагора, который, как я говорил,⁴ первым назвал себя философом, либо Фалеса Милетского, который, как говорят, первым начал рассуждать о природе вещей. 6. И вот пока он пытался превознести человека, принизил саму мудрость. Конечно, она не является великой, если могла быть открыта человеком. 7. Но, может быть, он говорит, что мудрость дана человеку «в качестве милости», как поэт? Однако и тот превосходный оратор, тот великий философ [т. е. Цицерон], — я не говорю уже о греках, легкомыслие которых он постоянно порицает и все же следует им, — мудрость, которую называет то даром, то изобретением богов,

¹ Ср.: Овидий. Фасты. VI.701–703. Имеется в виду флейта, брошенная Минервой на берегу ручья и случайно обнаруженная Фавном.

² Лукреций. О природе вещей. V.6–8.

³ Там же. V.50–51.

⁴ См.: III.2.6.

славит в поэтической манере.¹ 8. Он тяжело переживает, что были некоторые люди, которые хулили философию. «Неужели, — говорит он, — кто-то дерзнет порицать родительницу жизни, опозорить себя матереубийством и оказаться столь неблагодарным?»² 9. Стало быть, мы, Марк Туллий, матереубийцы, и, по-твоему, нас следует зашить в мешок на том основании, что мы не считаем философию родительницей жизни? 10. Может быть, это ты оказался весьма неблагодарен в отношении Бога? Не в отношении того, чью статую, сидящую в Капитолии, ты считаешь, а Того, Который сотворил мир и создал человека, Того, Кто среди прочих Своих небесных милостей даровал также и мудрость. Ты зовешь философию наставницей добродетели и родительницей жизни, которую если бы кто-то достиг, оказался бы еще более растерян, чем прежде. 11. В самом деле, в какой добродетели она наставница? Какова она, в чем состоит, философы не открыли до сих пор. Родительница какой она жизни, если сами учителя поработались старостью и смертью, так и не определив, каким образом подобает жить? Какую изыскательницу добродетели ты можешь предложить, когда ты часто свидетельствуешь, что, хотя и было множество философов, все же никто еще не достиг мудрости? 12. Чему же тебя научила та наставница жизни? Неужели тому, чтобы ты с оскорблениями порицал могущественного консула и сделал его в досточтимых речах врагом отчизны? Но обойдем молчанием те факты, которые могут быть оправданы превратностью судьбы. 13. Ты, конечно, усердно занимался философией, и притом так, что никто и никогда не занимался ей усерднее. Конечно, ты, который освоил все учения, о чем ты сам обычно похваляешься, и который прославил философию на латинском языке, выступаешь подражателем Платона.³ 14. Так вот, скажи мне, что ты узнал или в какой школе ты обнаружил истину? Надо полагать, в Академии, которой ты следуешь, которую ты восхваляешь. 15. Но она не научила ничему, кроме того, что ты узнал, что ничего не знаешь. И вот тебя уличают твои же книги, до какой степени философия не дала тебе

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. I.26.64.

² Там же. V.2.6.

³ См.: Цицерон. О природе богов. I.3.6; Тускуланские беседы. I.1.1.

знаний для жизни. Это твои слова: «Мне кажется, что мы не только слепы для созерцания мудрости, но и тупы и глупы даже для постижения того, что хотя бы отчасти различимо». ¹ 16. Если же философия — наставница жизни, почему ты сам себе кажешься слепым, тупым и глупым, в то время как ты должен был бы, наученный философией, и видеть, и уметь размышлять, и быть просвещенным? 17. Но какую истину философии ты прославляешь, это показывают предписания, составленные тобой для сына, ² в которых ты увещаешь, что хотя и следует изучать наставления философии, все же следует жить как подобает гражданину. Что можно сказать противоречивее? 18. Если следует изучать наставления философии, то для того, конечно, чтобы мы жили правильно и мудро. Если же следует жить как подобает гражданину, то философия не является мудростью, ибо ведь лучше жить как подобает гражданину, нежели как подобает философу. 19. Ведь если мудрость является философией, то тот, кто живет не следуя философии, живет глупо. Если же тот, кто живет как подобает гражданину, живет не глупо, стало быть, глупо живет тот, кто живет как подобает философу. Таким образом, в результате твоего рассуждения философия обвинена в глупости и бессодержательности. 20. Так же в *Утешении*, т. е. в сочинении не для острословия, ты привел следующее высказывание о философии: «Однако я не знаю, в каком заблуждении мы пребываем или в каком несчастном невѣдении истины». ³ Где же наставление философии? Или чему тебя научила та родительница жизни, если ты, к сожалению, не знаешь истины? 21. Если же это признание в заблуждении и в невѣдении произвольно вырвалось у тебя из глубины души, почему бы тебе когда-нибудь не признать, что философия, которую ты в похвалах вознес до небес, философия, ничему тебя не научившая, не может быть наставницей добродетели?

15. 1. Так же ошибочно говорил Сенека, ибо кто может держаться верной дороги, когда ошибается Цицерон! «Философия, — говорит он, — есть не что иное, как правильный образ жизни: и знание того, как нужно

¹ Cic. Acad. poster. Fr. 32.

² Cic. Ep. ad M. filium ex lib. inc. Fr. 2.

³ Cic. Consol. Fr. 12.

достойно жить, и искусство вести правильную жизнь. Мы не ошибемся, если скажем, что философия является законом о том, как следует правильно и достойно жить. И кто назовет ее царицей жизни, тот даст ей ее собственное имя».¹ 2. Это совершенно не относится к общему имени философии. Если она разделена на множество школ и учений, если не содержит ничего безусловного и относительно чего все достигли бы единомыслия и единодушия, то что может быть столь ложным, как называть царицей жизни философию, разногласия в которой запутывают и затмевают верный путь? Или называть ее законом о том, как следует правильно жить, если главы его весьма расходятся друг с другом? Или называть ее знанием того, как нужно достойно жить, если она ничего другого не дает, кроме того, что, поскольку она часто сообщает противоположное, никто ничего не знает? 3. Я спрашиваю, считает ли он Академию философией или нет? Я не думаю, что он будет отрицать это. Но если она является философией, то ничего из перечисленного выше не имеет отношения к философии, потому что Академия, считая все непознаваемым, отменяет закон, не признает никакой науки, лишает всего смысла, искажает правила, совершенно попирает знание. Стало быть, все философские школы лживы, так как не могут ничего сказать определенного и ясного.

4. Итак, нет никакого правильного образа жизни, нет никакого знания и закона о том, как следует правильно жить, кроме того, что пребывает в этой единственной, истинной и небесной мудрости, которая была неведома философам. 5. Ведь та земная мудрость, поскольку является ложной, оказывается различной и многообразной и противоречит сама себе. И как есть один Создатель и Управитель этого мира — Бог, [как есть] одна истина, так же необходимо, чтобы была одна и простая мудрость. Ибо все, что есть верного и доброго, не может быть совершенным, если не является единственным. 6. Ведь если бы философия могла организовывать жизнь, то никто не был бы добрым, кроме философов, а те люди, которые философию не изучали, всегда были бы злыми. 7. Поскольку же существовали и будут существовать такие люди, которые были и будут добрыми без всякого философского учения, а среди фило-

¹ Senec. Exhort. Fr. 13.

софов было весьма немного тех, кто совершил в жизни что-то достойное похвалы, кто же не увидит, что эти люди не являются учителями добродетели, которой были лишены? 8. Ведь если кто-то внимательно рассмотрит их нравы, то найдет этих философов вспльчивыми, жадными, сладострастными, надменными, дерзкими, скрывающими пороки свои под маской мудрости, совершающими дома то, что сами они обличают в школах. 9. Возможно, я лгу ради того, чтобы порицать их. Но не то же ли самое признает и показывает Туллий? «Много ли, — говорит он, — ты найдешь философов, которые бы вели себя так, таковы были бы нравом и жизнью, как того требует разум? Кто учение свое считает не демонстрацией знания, а законом жизни? Кто владеет собой и подчиняется собственным установлениям? Некоторых из них можно видеть такими легкомысленными и хвастливыми, что лучше бы им было вовсе не учиться. Иные — рабы денег, многие — рабы славы, а еще больше рабов похоти, так что речи их расходятся с их жизнью». ¹ 10. Корнелий же Непот написал Цицерону следующее: «Я весьма далек от того, чтобы считать философию наставницей жизни и усовершенствовательницей счастливой жизни, чтобы думать, будто учителя жизни гораздо нужнее кому-то другому, нежели большинству из тех, кто обратились к философским рассуждениям. Ибо я вижу, что значительная часть тех, кто в школе весьма красноречиво наставляют в целомудрии и воздержании, живет в стяжании всевозможных страстей». 11. Тот же Сенека говорит в *Увещеваниях*: «Большинство философов таковы, что, слушая, как они в словопрениях своих высказываются в отношении жадности, сладострастия, тщеславия, ты сочтешь, что они сами себе произносят приговор. Настолько заслуживают они тех слов осуждения, которые произносят публично. В них подобает видеть не иначе как таких врачей, чьи баночки с ядами имеют названия лекарств. 12. Их не удерживает даже бесчестье пороков, они даже приводят оправдания своим безобразиям, чтобы казалось, будто они грешат благочестиво». 13. «Мудрец, — говорит тот же Сенека, — дабы достичь большего, совершает даже то, что сам осуждает. Он оставляет добрые нравы, но подстраивается под ситуацию и использует для исполнения своих дел то же самое, что прочие для дости-

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. II.4.11–12.

жения славы и наслаждения». 14. Наконец, чуть позже: «Все, что совершают люди, жадные до наслаждений и невежды, совершает и мудрец, но не тем же способом и не с тем же намерением». ¹ Но какая разница, с каким намерением ты совершаешь то, чего нельзя делать? 15. У Аристиппа, руководителя киренаиков, была близость со знатной блудницей Лаидой. Это мерзкую гнусность тот учитель философии защищал тем, что говорил, будто между ним и прочими любовниками Лаиды существенная разница: он сам-де пользуется Лаидой, а другие, напротив, Лаидой используются. 16. О славная и прикрытая добродетелью мудрость! Отдашь ли ты ему на воспитание детей, чтобы они узнали, как пользоваться блудницами? В том, говорил он, между ним и другими сладострастниками разница, что те растрчивали свое богатство, а он наслаждался безвозмездно. 17. В том, однако, блудница оказалась более мудрой, что использовала философа в качестве сводника таким образом, что к ней без какого-либо стыда приходил всякий юноша, следуя примеру и превратному авторитету учителя. 18. Какая же разница, с каким намерением философ посещал порочнейшую блудницу, если народ и его соперники видели в нем никуда не годного человека? 19. Однако мало ему было так жить, он принялся еще учить этому сладострастия, и нравы свои из публичного дома перенес в школу, уча, что телесное наслаждение является высшим благом. Это достойное проклятия и позорное учение родилось не в сердце философа, а в лоне блудницы. 20. Ведь что мне сказать о киниках, которые имели обыкновение совершать соития со своими женами публично? Что в этом удивительного, если даже имя и название свое они переняли от собак, ² чью жизнь воспроизводили? 21. Никакого, стало быть, в этом учении нет наставления в добродетели, если даже те, кто наставляет в наилучших правилах, или вовсе не совершают того, чего советуют, или, если совершают, что случается редко, то благодаря не учению, а природе, которая даже неученых людей часто побуждает совершать правильные поступки.

¹ Senec. Exhort. Fr. 19.

² Лактанций намекает на одну из версий происхождения названия философской школы киников от греческого слова κίων (собака). Антисфен, основатель школы, считал, что нужно жить «подобно собаке».

16. 1. И вот, когда они предаются полной праздности и не посвящают себя никакой добродетели, и всю свою жизнь проводят лишь в словопрениях, кем еще, если не бездельниками, их следует считать? 2. Ибо мудрость, если она не отражается в поступках, где подтверждает свою силу, пуста и лжива. И правильно Туллий государственных мужей, которые управляют республикой, которые закладывают новые города и поддерживают в мире уже существующие, которые хорошими законами, спасительными мерами и строгими судебными решениями сохраняют здоровье и свободу граждан, предпочитает учителям философии.¹ 3. Ибо добрые люди должны скорее действовать, нежели, запершись в укромном месте, предписывать делать то, что сами не совершают. И поскольку они сами отстраняются от правильных поступков, то ясно, что занялись они искусством философии либо ради совершенствования языка, либо ради того, чтобы давать только советы. Кто же только учит и не делает, сам роняет значимость своих предписаний. Ибо кто будет подчиняться им, если сами учителя учат им не подчиняться? 4. Хорошо предписывать правильное и достойное, но если ты сам этого не совершаешь, то эти предписания — ложь. Бесмысленно и глупо иметь добро не в сердце, а на устах. 5. Стало быть, они извлекают из философии не пользу, а утеху. Что и подтверждает Цицерон. «Конечно, — говорит он, — все рассуждения этих людей, хотя и содержат богатейшие источники доблести и знаний, все же, при сопоставлении с их действиями, боюсь, не столько приносили им пользу, сколько развлекали их на досуге».² 6. При этом он не должен бояться, ибо говорит правду. Однако он словно бы пугается, как бы он, [словно] повинный в открытии [некой страшной] тайны, не был осужден философами за то, что отважился дерзко заявить о той правде, что философы рассуждали не для того, чтобы учить, но чтобы развлекать себя на досуге. Философы, поскольку предписывали, что следует делать, а сами ничего такого не совершали, должны быть сочтены болтунами. 7. В самом деле, поскольку они ничего хорошего для жизни не давали и сами не подчинялись своим установлениям, то не нашлось никого на протяжении всего [человеческого] века, кто бы жил по их законам.

¹ Ср.: Цицерон. Об обязанностях. I.43.153–155.

² См.: Цицерон. О государстве. I. Фрагм. 4.

Итак, следует отбросить всякую философию, ибо нужно не усердствовать в постижении мудрости, чему нет ни конца и ни края, но быть мудрым, к тому же своевременно. 8. Ибо нам не дано второй жизни, чтобы мы, найдя мудрость в этой жизни, могли быть рассудительными в той. Необходимо, чтобы и то и другое случилось именно в этой жизни. Нужно быстро ее [т. е. мудрость] находить, чтобы как можно скорее начать ею пользоваться, чтобы ничего не пропало даром в жизни, конец которой неизвестен. 9. Гортензий Цицерона, рассуждая против философии, сам себя обманул хитрым образом, ибо хотя он и говорил, что не нужно заниматься философствованием, все же, по всему видно, сам он философствовал. Ибо философу свойственно рассуждать о том, что делать в жизни нужно, а чего совершать не следует. 10. Мы непричастны этому самообману и свободны от него, поскольку отвергаем философию [как таковую], ибо она является результатом человеческого размышления. Мы защищаем мудрость [sophiam], так как она является божественным даром, и свидетельствуем, что ее должны обрести все. 11. Поскольку Гортензий отвергал философию, но не предлагал ничего лучшего, [его оппоненты] сочли, что он отвергает мудрость, и его легко опровергали, ибо неоспоримо то, что человек рожден не для глупости, а для мудрости. 12. Тем не менее, весьма серьезен тот довод против философии, который использовал Гортензий: понять, что философия не является мудростью, можно уже из того, что известно начало этой философии. 13. «Когда, — спрашивает он, — появились философы? Я полагаю, первым был Фалес. При этом век его не так далек от нашего. Где же у более древних скрывалась та любовь к разысканию истины?» 14. Тот же Лукреций говорит:

*Только теперь, наконец, и природа вещей, и порядок
Были открыты; я сам оказался способен из первых
Первым его изъяснить, на родном языке излагая.¹*

15. И Сенека говорит, что не прошло и тысячи лет, как появилась мудрость. Стало быть, много веков род человеческий жил без разума. О чем с издевкой говорит Персий:

¹ Лукреций. О природе вещей. V.335—337.

...Когда финики с перцем явились
в Риме, с собой принеся мудрованье нелепое ваше.¹

Если мудрость свойственна человеческой природе, то необходимо, чтобы она появилась вместе с самим человеком. Если же не свойственна, то человеческая природа даже не могла бы ее обрести. 16. Но поскольку обретает, то необходимо, чтобы мудрость существовала изначально. Стало быть, философия, поскольку изначально не существовала, не является истинной мудростью. Греки же, очевидно, не имея отношения к Священным Писаниям истины, не знали, каким образом была искажена мудрость. 17. И потому, полагая, что человеческая жизнь вообще лишена мудрости, измыслили философию, т. е. захотели через рассуждения отыскать скрытую от них и неизвестную им истину. Это занятие из-за неведения правды они и сочли мудростью.

17. 1. Я, насколько мог кратко, сказал о философии вообще. Теперь обратимся собственно к философам, не для того чтобы спорить с ними, ибо они не устоят, но чтобы преследовать их, поверженных и бегущих с нашего поля. 2. Учение Эпикура всегда было популярнее других не потому, что несло в себе что-то истинное, а потому, что многих привлекало популярное понятие наслаждения. В самом деле, никто не склонен к страданиям. 3. Кроме того, чтобы привлечь на свою сторону многих людей, Эпикур всем и каждому говорит близкое его нравам. Он запрещает ленивому изучать литературу, освобождает жадного от народных раздач, пассивному не позволяет обращаться к государственной деятельности, вялому — усердствовать, боязливому — сражаться. 4. Нерелигиозный слышит, что боги ни о чем не заботятся, лишенный человечности и заботящийся только о своей выгоде получает предписание ничего никому не давать, ибо мудрый все делает ради себя. 5. Для избегающего суеты он прославляет уединение. Того, кто весьма экономен, учит, что для жизни достаточно воды и крупы. Тому, кто ненавидит жену, перечисляет блага безбрачия; имеющему дурных детей прославляет бездетность, нечестиво отвернувшимся от родителей гово-

¹ *Персий*. Сатиры. 6.38–39. У Персия данная фраза относится к характеристике греческой философии. В данном случае «финики с перцем» выступают символами греческих заимствований в Риме.

рит, что нет никаких природных уз. Изнеженному и не способному терпеть боль говорит, что боль является величайшим из зол, а крепкому — что мудрый счастлив в мучениях. 6. Если кто стремится к славе и власти, тому он предписывает быть ближе к царям; если кто-то не терпит беспокойств, тому советует избегать царского двора. 7. И так лукавый человек [т. е. Эпикур] из различных и противоположных свойств создал круг и, пока старался всем понравиться, боролся сам с собой с гораздо большим усердием, нежели все борются между собой.

Нужно показать, откуда же происходит учение Эпикура и каковы его основания. 8. Эпикур видел, что постоянно возникает противное благу: бедность, тяготы, изгнания, утраты близких. Видел, что плохие люди, в противоположность хорошим, получают власть и почести. Видел, что невинность менее защищена и безнаказанно совершаются преступления. Он видел, что смерть неистовствует без разбора нравов, без различения и порядка лет. Одни доживают до старости, другие умирают еще младенцами, третьи уходят в расцвете сил, иные в раннем цветении юности встречают преждевременные похороны, в войнах же побеждают и убивают, как правило, лучших. 9. Особенно же он поражался тому, что весьма религиозные люди подвергаются особо тяжелым бедам, а те, кто либо вовсе отрицают богов, либо почитают их неискренне, переживают меньше неприятностей или вовсе избавлены от них, а сами храмы часто сгорают от молний. 10. Об этом же сетует Лукреций, когда говорит о Боге:

... [кто мог бы] молнии метать, и свои же
Храмы порой разносить, и, в пустынях сокрывшись, оттуда
Стрелы свирепо пускать, и, минуя нередко виновных,
Часто людей поражать, недостойных того и невинных?¹

11. Если бы он мог получить хоть малую крупицу истины, он никогда бы не сказал, что Бог *свои же храмы разносит*, в то время как Он потому и разносит их, что они не Его. 12. Капитолий, который является вершиной города и религии Рима, не единожды, но часто горел, пораженный молнией. 13. Что же по этому поводу считали остроумные люди, открывается из слов Цицерона, который говорит, что пожар тот

¹ Лукреций. О природе вещей. II. 1101–1104.

занялся по воле богов, но не для того, чтобы уничтожить то земное обиталище Юпитера, а чтобы потребовать постройки более возвышенно-го и более величественного храма.¹ 14. Об этом он в книгах о своем консулате² сказал так же, как и Лукреций:

*Ведь бессмертный Отец Громовержец
Храмы свои и холмы, на Олимп опираясь звездный,
Сам же тогда поразил, в Капитолий, ему посвященный,
Молнию кинув.³*

15. Стало быть, из-за непреклонной глупости они не только не познали силу и могущество истинного Бога, но и увеличили нечестивость своего заблуждения, ибо ведь вопреки всему они уверяли, что храм, часто осужденный небесный судом, должен быть отстроен вновь. 16. И вот когда об этом размышлял Эпикур, словно движимый сложностью этих событий, — ибо ему, не видящему ни причины, ни смысла, казалось именно так, — решил, что нет никакого Провидения. Когда он убедил себя в этом, то принялся это защищать и вверг себя тем в безвыходные заблуждения. 17. Ведь если нет никакого Провидения, то каким образом мир организован столь упорядоченно и столь соразмерно? «Нет, — говорит он, — никакого порядка в мире, ибо многое таково, каким не должно было бы быть».⁴ Вот он и пришел, пророчествуя, к тому, что отвергал. 18. Если бы была возможность разобрать все в отдельности, я без труда бы показал, что он не был ни мудрым, ни рассудительным. Если же нет никакого Провидения, то каким образом столь предусмотрительно созданы тела животных, так что каждый член удивительным образом выполняет определенные ему функции? 19. «Не было, — говорит он, — никакого Провидения в появлении животных. Ведь ни глаза не созданы для созерцания, ни уши для слушания, ни язык для

¹ Цицерон. Против Гая Верреса. IV.31.69.

² Лактанций ссылается на книги Цицерона, содержавшие изложение в стихах событий его консулата (63 г. до н. э.). До нас дошли лишь фрагменты из этих книг. Самый большой из них — в трактате самого же Цицерона *О дивинациях*.

³ Цицерон. О дивинациях. I.12.19; II.20.45.

⁴ Ср.: Лукреций. О природе вещей. II.180–181; V.198–199.

общения, ни ноги для ходьбы, ибо все эти органы появились прежде, чем мы начали видеть, слышать, говорить и ходить. Поэтому не органы появились для использования их, но их применение родилось из них».¹ 20. Если нет никакого Провидения, то ради чего идут дожди, рождаются плоды, деревья покрываются листвой? «Не ради живущих, — говорит он, — все это случается, ибо в этом нет никакой пользы для Провидения. Все происходит само по себе».² 21. Откуда же рождается или каким образом возникает все то, что рождается? «Здесь, — отвечает он, — не нужно Провидение. Ибо в пустоте летают семена, и вот когда они случайно друг с другом сталкиваются, все и рождается, и возникает».³ 22. Почему же мы их не чувствуем и не различаем? «Потому, — говорит он, — что они не имеют ни цвета, ни теплоты, ни запаха. Они также лишены вкуса и влажности и столь малы, что не могут быть ни разделены, ни расчленены».⁴ 23. Поскольку он принял ложные основания, то неизбежность следствий привела его к такой бессмыслице. Ибо где и откуда взялись эти частицы [corpuscula]? Почему они никому, кроме одного лишь Левкиппа,⁵ не привиделись, наученный которым Демокрит передал наследство глупости Эпикуру? 24. Если эти частицы существуют и к тому же если они, как те говорят, плотные, то они должны быть видимы глазу. Если у всех у них одна природа, то каким образом возникли разные вещи? «Они, — говорит Эпикур, — соединяются в разном порядке и в разной последовательности, как буквы. Хотя букв немного, все же, выстроенные в определенный порядок, они составляют множество слов».⁶ 25. Но буквы имеют разную форму. «Так и эти самые начала, — говорит он, — ибо есть [среди них] частицы шероховатые, есть с крючками, есть гладкие».⁷ Стало быть, они могут делиться и расчленяться, если в них есть что-то, что выступает. Если же они

¹ Ср.: Там же. IV.822–857.

² Ср.: Там же. V.156–194.

³ Ср.: Там же. II.1048–1066.

⁴ Ср.: Там же. II.737; 842–864.

⁵ *Левкипп* — греческий философ V века до н. э., ученик Зенона Элейского, учитель Демокрита, основоположник атомистики.

⁶ Ср.: *Лукреций*. О природе вещей. II.688–699.

⁷ Ср.: Там же. II.381–477.

гладкие и не имеют крючков, то они не могут соединяться. Следовательно, они должны быть с крючками, чтобы могли соединяться друг с другом. 26. Если же, как они говорят, частицы столь малы, что никаким острым железом их нельзя рассечь, то каким образом они имеют крючки или углы? Если они торчат, то необходимо, чтобы можно было их отсечь. 27. Наконец, по какому договору, по какому плану они соединяются между собой, чтобы из них что-то возникло? Если они лишены чувств, то не могут столь упорядоченно соединяться, так как только разум может создавать что-то разумное. 28. Сколь многими доводами может быть изобличено это пустословие! Но продолжим. Эпикур таков:

*Он, превзошедший людей дарованьем своим и затмивший
Всех, как и звезды, всходя, затмевает эфирное солнце.¹*

Эти строки, право же, я не могу читать без смеха. 29. Ведь Лукреций эту хвалу произнес не в адрес Сократа или Платона, которые считаются как бы царями философии, но о человеке, который, хотя был здоров и крепок, нес взор больший, чем любой больной. Так ничтожнейший поэт [своими] похвалами, достойными льва, не превознес мышь, а раздавил и расплющил. 30. Но Эпикур также освободил нас от страха смерти, о которой он высказался в таких словах: «Пока мы живы, смерти нет, когда наступает смерть, нас уже нет. Стало быть, смерть для нас ничего не значит».² 31. Сколь остроумно он ввел нас в заблуждение! Будто бы нас пугает наступившая смерть, когда уже нет чувства, а не ее наступление, когда чувство уходит. Ведь есть некоторый момент, когда и мы уже не существуем, а смерть еще не наступила, и именно это кажется страшным, когда смерть наступает, а мы прекращаем жить. 32. Не зря же сказано: «Страшна не сама смерть, а приближение смерти». То есть страшно страдать от болезни, переносить удар, получать телесную рану мечом, гореть в огне, разрываться зубами. 33. Это то, чего бояться, и бояться не потому, что все это приносит смерть, но потому, что доставляет огромную боль. Почему же ты не доказываешь, что боль не является злом? «Боль, — говорит он, — самое большое из всех зол». Как же я могу не бояться ее, если то, что

¹ Лукреций. О природе вещей. III.1043–1044.

² См.: Диоген Лаэртский. X.125.

предшествует смерти или приносит смерть, является злом? А как же насчет того, что все это положение ложное, поскольку души не умирают? 34. «Нисколько, — говорит он, — ибо то, что рождается с телом, необходимо с телом и умирает».¹ Выше я уже говорил,² что потом разьясню это место и отложу до конца сочинения, чтобы это убеждение Эпикура, пошло ли оно от Демокрита, или Дикеарха,³ опровергнуть на основе аргументов и божественных свидетельств. 35. Но, возможно, он стремился оставить без наказания свои пороки. Ведь он был защитником отвратительнейшего наслаждения, ради достижения которого, как он считал, человек и рожден. 36. Кто, услышав подобное утверждение [о тленности души], воздержится от пороков и преступлений? Ведь если наши души умрут, то мы должны жаждать богатств, чтобы успеть получить все удовольствия. Если нам не хватит денег, мы должны похищать их тайком, с помощью обмана или силы у тех, у кого они есть. Тем более, если никакой Бог не следит за человеческими делами, то мы всегда будем уповать на безнаказанность, будем грабить и убивать. 37. Ибо разумно вершить зло, если это полезно и безопасно, поскольку даже если на небе есть какой-нибудь Бог, он ни на кого не гневается. Равно глупо вершить добро, если нет ни наказания за зло, ни награды за добро. 38. Итак, мы будем служить наслаждениям, насколько только сможем, ибо некоторое время спустя мы превратимся в ничто. Стало быть, мы не должны допускать, чтобы хоть один день, хоть одно мгновение были лишены наслаждения, дабы то время, пока мы живы (ведь мы когда-нибудь умрем), не прошло без пользы. 39. Хотя он не выражает этого в слове, все же на самом деле учит этому. Ведь когда он рассуждает, что мудрый человек делает все ради себя, он все, что утверждает, обращает на свою пользу.

40. Тот, кто услышит эти гнусности, не станет больше считать, что надо кому-то делать добро, ибо добро он будет совершать на пользу другому, и не станет больше считать, что нужно воздерживаться от преступления, ибо преступление приносит прибыль. 41. Если бы какой-

¹ См.: Лукреций. О природе вещей. III.445–458; 634–639.

² См.: III.13.3.

³ Дикеарх — греческий философ IV в. до н. э., ученик Аристотеля.

нибудь предводитель пиратов или разбойников стал бы ободрять своих сообщников к нападению, какие бы другие слова он мог использовать, если не те, которые говорит Эпикур? 42. Он бы сказал, что боги не следят за людьми, что они не разгневаются и не наградят. Что не нужно бояться смерти, ибо души исчезают по ее наступлении, и после смерти мы — ничто. Что наслаждение является высшим благом. Что нет никакой человеческой общности, и каждый заботится о себе. Что нет никого, кто бы уважал другого иначе, как не ради себя самого. Что стойкий муж не должен бояться ни смерти, ни боли; такой муж, даже если он подвергается мучениям, если его истязают, не должен о себе заботиться. 43. Вдруг и найдется кто-нибудь, кто посчитает, что эти слова, которые скорее подходят разбойникам, принадлежат мудрецу.

18. 1. Другие же философы, напротив, считали, что души сохраняются после смерти. Это в основном пифагорейцы и стоики, которых хотя и следует простить, поскольку думали они правильно, но все же я не могу их не осудить, ибо не по знанию, а по случаю они пришли к истине. Так вот, они допускали некоторые ошибки как раз в том, о чем думали правильно. 2. Ведь когда они испугались того самого довода, из которого следовало, что души необходимо умирают вместе с телами, поскольку вместе с телами рождаются, тогда они стали утверждать, что души не рождаются, а, скорее, вселяются в тела и переходят из одного в другое. 3. Они думали, что души могут сохраняться после смерти тела только в том случае, если они существовали до тела. Сходная и почти одна и та же ошибка у обеих школ. Но эта [пифагорейская] школа ошибалась относительно прошлого, а та [эпикурейская] относительно будущего. 4. Ведь ни та, ни другая не видели, что является самым верным, а именно, что души рождаются и не умирают, ибо они не знали, зачем появился человек и какова его суть. 5. И вот многие из тех, кто догадывались, что души вечны, что они якобы переселяются на небо, сами чинили над собой насилие, как Клеанф, Хрисипп, Зенон, Эмпедокл, который низверг себя в кратер горящей Этны глубокой ночью, чтобы считалось, будто он удалился к богам, если вдруг не появится.¹

¹ О смерти этих философов сообщает Диоген Лаэртский в *Жизнеописаниях и изречениях знаменитых философов* (VII.31, 176, 184; VIII.67–72).

А из римлян — Катон,¹ который был на протяжении всей своей жизни подражателем стоического заблуждения. 6. Демокрит, хотя и придерживался другого мнения, все же

Сам добровольно понес свою голову смерти навстречу,²

преступнее чего быть ничего не может. Ведь если убийца нечестив, поскольку является губителем человека, то таким же преступником является и тот, кто уничтожает себя, ибо уничтожает человека. 7. Мало того, злодеяние это следует считать самым худшим. Карать за него — во власти одного только Бога. Ибо мы как в эту жизнь вступаем не по собственной воле, так и обратно из этой обители — тела, о котором нам надлежит заботиться, должны уходить лишь по решению Того, Кто нас в это тело ввел, чтобы мы пребывали в нем до тех пор, пока Он не прикажет освободиться от него. И если причиняется какое-либо насилие, его следует невозмутимо переносить, поскольку невинная душа не может не быть отомщена, и мы обретем великого Судию, единственно Которому дано право вершить месть. 8. Итак, все те [убившие себя] философы являются убийцами, как и тот глава римской учености Катон, который, как говорят, перед смертью прочитал книгу Платона, который учил о вечности души, и авторитетом философа был побужден к высшему нечестию. И все же Катон имел некую причину своего самоубийства, а именно нежелание попасть в неволю. 9. Что же, тот знаменитый амбракиец, который, когда прочитал ту же книгу, не по той же ли причине бросился в пучину, что поверил Платону?³ Достоин проклятия и изгнания учение, которое отвращает людей от жизни. 10. Ведь если бы Платон знал и учил, Кем, каким образом, кому, ради чего и в какое время дано бессмертие, он ни Клеомброта, ни Катона не подтолкнул бы на добровольную смерть, но скорее бы наставил

¹ *Марк Порций Катон Утический* — римский политик и философ (95–46 гг. до н. э.); в 46 г. до н. э. в ходе гражданской войны покончил с собой, бросившись на меч.

² *Лукреций*. О природе вещей. III.1041.

³ Ср.: *Цицерон*. Тускуланские беседы. I.34.84: «У Каллимаха есть эпиграмма на Клеомброта Амбракийского, который будто бы без всякой бдительной причины бросился в море со стены только оттого, что прочитал диалог Платона».

их к жизни и справедливости. 11. В самом деле, мне кажется, что Катон искал смерти не столько ради того, чтобы спастись от Цезаря, сколько ради того, чтобы последовать предписаниям стоиков, к которым он принадлежал, и чтобы каким-нибудь великим поступком прославить свое имя. Я не нахожу, что плохого могло бы с ним случиться, если бы он остался жив. 12. Ведь Гай Цезарь, как человек снисходительный, ничего другого не хотел совершать даже в разгар гражданской войны, кроме того, чтобы, сохранив жизни двух лучших граждан, Цицерона и Катона, показать, что он несет благо государству. Но вернемся к тем, кто славит смерть как благо. 13. Ты сетуешь на жизнь, словно ты уже умер или когда-то тебе открылось, ради чего ты рожден. Не тебя ли знаменитыми словами Теренция порицал истинный и всеобщий Отец:

...Сначала жить научись;

Противна станет жизнь — прибегни к этому.¹

14. Ты сетуешь, что терпишь несчастья, будто бы ты заслужил что-то хорошее, когда не ведаешь Отца, Господа и Царя своего; пусть ты и созерцаешь очами ярчайший свет, однако сердце твое слепо и пребывает в безмерной тьме неведения. Это неведение привело к тому, что никому не было стыдно говорить, что для того мы рождены, чтобы нести наказания за [совершенные ранее] преступления. Я не представляю, что можно было бы сказать безумнее этого. 15. Ведь где и какие мы могли совершить преступления, пока еще не были рождены? Если только мы не станем верить тому безумному старику, который выдумывал, что в прежней жизни был Эвфорбом.² Он, как я полагаю, поскольку происходил из незнатной семьи, выбрал себе род из песен Гомера. 16. О, восхитительная и исключительная память Пифагора! О, ужасная забывчивость наша, тех, кто не помнит, кем был прежде! Но, возможно, по какой-то ошибке или по какой-то милости он единственный не коснулся течения Леты и не отведал воды забвения? Очевидно, что лживый старик сложил басню, как обыкновенно делают это досужие старухи для доверчивых детей. 17. Если бы он хорошо судил о тех, кому

¹ Теренций. Самоистязатель. V.2.971–972.

² Имеется в виду Пифагор, который утверждал, что троянец Эвфорб был одним из его прошлых воплощений.

это говорил, если бы считал их [разумными] людьми, то никогда бы не позволил себе столь дерзко лгать. Впрочем, лживость ничтожнейшего человека достойна осмеяния. 18. Но что мы будем делать с Цицероном, который, сказав в начале своего *Утешения*, что люди рождены для искупления [совершенных ранее] преступлений, повторил потом то же самое, как бы порицая того, кто считает, что жизнь не является наказанием?¹ Правильно он сказал прежде, что пребывает в заблуждении и в несчастном невѣдении истины.²

19. 1. Те, кто рассуждают о благе смерти, поскольку не знают ничего истинного, обосновывают свое суждение так: «Если нет ничего после смерти, то смерть не является злом, поскольку устраняет ощущение зла. Если же после смерти остаются души, то она является благом потому, что ведет к бессмертию». 2. Эту мысль Цицерон так выразил в книге *О законах*: «И порадуемся за себя, так как смерть принесет нам состояние либо лучшее, чем то, в каком мы находимся при жизни, либо, во всяком случае, не худшее. Ведь когда, при отсутствии тела, дух сохраняет свою силу, то это жизнь божественная, а при отсутствии ощущений, конечно, ничего дурного больше быть не может».³ 3. Это тебе кажется остроумным, словно бы ничего другого и быть не может. Однако же и то и другое ложно. Божественные же Писания учат, что души не умирают, но получают либо за справедливость вечную награду, либо за преступления вечное наказание. 4. Ибо нельзя, чтобы преступник, который в этой жизни был счастлив, избегал заслуженного наказания, или чтобы человек, который, следуя справедливости, был в этой жизни несчастен, не получил за это воздаяние. 5. Это настолько справедливо, что тот же самый Туллий предвестил в *Утешении*, что справедливые и нечестивые люди обретают не одну и ту же обитель. 6. «Ибо не всем, — говорит он, — как считают те мудрецы, дан один и тот же путь на небо. Конечно, учат они, души, запятнанные преступлениями и злодеяниями, погружаются во тьму и лежат в грязи, невинные же души, чистые, непорочные, облагороженные благодеяниями, усердием и искусствами, легко

¹ Cic. Consol. Fr. 10.

² См.: III.14.20.

³ Цицерон. О законах. Фрагм. 3.

и безмятежно спешат к богам, т. е. к сходной себе природе».¹ 7. Эта мысль противоречит вышесказанному доводу. Ведь согласно тому доводу всякий рожденный человек наделен бессмертием. 8. Ибо какова была бы разница между добродетелью и преступлением, если бы ничем не отличались Аристид и Фаларис,² Катон и Катилина?³ Но эту разницу в поступках и в оценках почувствует только тот, кто держится истины.

9. Так вот, если кто-то спросит нас, является ли смерть благом или злом, мы ответим, что ее качество определяется характером жизни. Ведь как сама жизнь является благом, если проживается добродетельно, и злом, если проживается преступно, так и смерть должна оцениваться по деяниям жизни. 10. И получается так, что если жизнь пройдет в [служении истинной] религии Божией, смерть не станет злом, поскольку будет переходом в бессмертие; если же наоборот, то неизбежно станет злом, поскольку, как я говорил, приведет к вечным мукам. 11. Что же сказать, кроме того, что ошибаются те, кто или ищет смерти, словно блага, или бежит от жизни, словно от зла? Кроме того, что весьма несправедливы те, кто за немногими бедами не видят великих благ. 12. Ведь они, после того как всю жизнь проведут в изысканных и разнообразных наслаждениях, стремятся к смерти, как только с ними случится вдруг что-то плохое, и считают, что им никогда не было хорошо, если вдруг когда-то стало плохо. Вот и осуждают они всю жизнь целиком, не видя ничего, кроме дурного. 13. Отсюда рождается такое убеждение: «То, что является смертью, мы считаем жизнью; что же является жизнью, то мы считаем смертью, поэтому самое лучшее — совсем не родиться, а после этого самое лучшее — скорее умереть».⁴ 14. Это

¹ *Cic. Consol.* Fr. 15.

² *Аристид* — афинский стратег, участник Марафонской битвы, Саламинского сражения и битвы при Платеях. *Фаларис* — знаменитый сицилийский тиран.

³ *Катилина* — римский патриций (108–62 гг. до н. э.), организатор заговора с целью ликвидации республиканских устоев. *Катон* — скорее всего, речь идет о Катоне Младшем (95–46 гг. до н. э.), который был ярким защитником республиканских порядков и вместе с Цицероном осудил Катилину; в гражданской войне выступал против Цезаря.

⁴ *Цицерон. Тускуланские беседы.* I.48.114.

высказывание, чтобы придать ему больше веса, приписывают Силену. Цицерон в *Утешении* говорит следующее: «Гораздо лучше совсем не родиться и не изведывать этих невзгод жизни; если же ты родился, то лучше как можно скорее умереть, чтобы, словно огня пожара, избежать превратностей фортуны». То, что он поверил этому наипустейшему изречению Силена, становится очевидным из того, что он добавил к нему что-то свое, чтобы его приукрасить. 15. И вот я спрашиваю: кто, по его мнению, предпочел бы не родиться, если до рождения никто не обладает чувствами? Ведь чтобы понять, является что-то благим или злым, необходимо чувствовать. 16. Затем, отчего он считал, что жизнь — не что иное, как невзгоды и пламя пожара, словно в нашей власти было не родиться, или будто бы жизнь нам дарована фортуной, а не Богом, или словно образ жизни имеет некоторые сходство с огнем пожара? 17. Сходным образом сказал Платон, что он благодарен природе, во-первых, за то, что родился человеком, а не бессловесным животным, во-вторых, за то, что мужчиной, а не женщиной, что греком, а не варваром, наконец, что афинянином и что во времена Сократа.¹ 18. Вы сказать невозможно, какое ослепление ума, какие заблуждения породило незнание истины! Я со всей уверенностью говорю, что никогда не было сказано ничего более безумного по поводу человеческих дел. Как будто, если бы он родился варваром или женщиной, или, в конце концов, ослом, он был бы Платоном, а не тем, кем бы родился. 19. Но, возможно, он поверил Пифагору, который, чтобы запретить людям питаться животными, сказал, что души из человеческих тел переселяются в тела других животных, что и глупо, и невозможно. Глупо, потому что не было необходимости старые души поселять в новые тела, когда тот же самый мастер, который сотворил первые души, мог бы постоянно создавать новые. Невозможно, потому что «правильная душа» не может настолько изменять природу своего состояния, как огонь не может устремляться вниз или, подобно реке, направлять свое пламя в поперечном направлении. 20. Стало быть, разумный человек полагал, будто могло случиться так, что душа, которая тогда пребывала в Платоне, могла поселиться в какое-то бессловесное животное и могла быть

¹ См.: *Плутарх*. Гай Марий. 46.

наделена человеческим чувством, так что понимала бы и сожалела, чтоотягощена несообразным ей телом? 21. Насколько рассудительнее он сделал бы, если бы был благодарен тому, что рожден талантливым и способным, что получил возможность просветить себя в этих вопросах. 22. Ведь что достойного благодарности в том, что он рожден афинянином? Неужели не существовало в других городах множества наделенных талантами и ученых мужей, каждый из которых был гораздо лучше всех афинян? 23. Сколько тысяч людей были рождены афинянами, и при этом — во времена Сократа, но были необразованны и глупы? Ибо не стены и не место, в котором человек вышел из утробы, дают ему мудрость. 24. Что же насчет того, чтобы радоваться тому, что [Платон] рожден во времена Сократа? Неужели Сократ мог передавать дарования [всем] тем, кто у него обучались? 25. Не пришло на ум Платону, что и Алкивиад, и Критий¹ также были усердными слушателями того же Сократа. Первый из них стал жесточайшим врагом отчизны, а второй — кровавейшим тираном!

20. 1. Посмотрим же теперь, что было столь великого в самом Сократе, коль скоро разумный человек искренне радовался тому, что был рожден в его времена. 2. Я не отрицаю, что Сократ был несколько разумнее прочих, которые считали, что природу вещей можно открыть с помощью разума. Я полагаю, что они были не столько безумны, сколько нечестивы в том, что хотели любопытными глазами проникнуть в тайны небесного Провидения. 3. В Риме и во многих городах, как мы знаем, есть некоторые священные места, которые, как считается, непозволительно посещать мужчинам. И вот те места закрыты для их взора, ибо не позволено их осквернять. Если же вдруг или по ошибке, или по какой случайности мужчина посетит их, преступление искупается сначала наказанием того мужчины, потом новым освящением [места]. 4. Что же ты сделаешь с теми, кто хочет проникнуть в запретное?

¹ *Алкивиад* — афинский политический деятель (ок. 450–404 гг. до н. э.), спасаясь от обвинений, бежал в Спарту и был заочно осужден в Афинах на смерть как изменник. *Критий* — афинский политический деятель (460–403 гг. до н. э.), дядя Платона, принял участие в государственном перевороте и возглавил правление Тридцати тиранов.

Безусловно, гораздо большими преступниками являются те, кто нечестивыми изысканиями оскверняют тайны мира и этот небесный храм, нежели те, кто вступают в святилище Весты, Благой Богини или Цереры. К тому же те святилища, хотя мужчинам и не дозволено входить в них, построены все же были мужчинами. 5. Те же философы не только избежали обвинений в нечестивости, но и, что гораздо позорнее, стяжали доброе имя за красноречие и славу за свой талант. А что, если бы они смогли что-нибудь открыть? 6. Дело в том, что они настолько же слабы в убеждении, насколько дерзки в изыскании, так что не могут ничего ни открыть, ни, даже если бы открыли, защитить. 7. Ведь если бы они, пусть случайно, как чаще всего и случается, обнаружили бы что-то верное, то позволили бы, чтобы другие философы изобличали это как ложное. Ведь никто не спускался с небес, чтобы дать суждение по поводу предположений каждого. 8. Поэтому никто, пожалуй, не усомнится, что те, кто разыскивали тайны, глупы, никчемны и безрассудны.

9. Так вот, Сократ имел некоторое благоразумие, ибо когда он понял, что нельзя открыть тайны мира, отказался из подобных изысканий. И я боюсь, что только в этом [он и был благоразумен]. Ибо многое у него было не только не достойно похвал, но и достойно порицания, в чем он был подобен другим философам. 10. Из всего этого я выберу одно [заблуждение], ибо оно всеми было удостоено похвалы. Сократ произнес такую крылатую фразу: «Что выше нас, то для нас ничто не значит».¹ 11. Давайте же согнемся к земле и руки, данные нам для совершения прекрасных творений, обратим в ноги. Ничто для нас небо, ради созерцания которого мы подняты на ноги, ни к чему нам и сам свет, который, конечно же, ради нашей жизни исходит с небес. 12. Если Сократ понял [для самого себя], что не следует рассуждать о небесных вещах, [то в действительности] он не мог понять даже того, что находится у него под ногами. Что же? Может быть, он плохо выразился? Вряд ли. Без сомнения, он понимал, что говорил о том, что совершенно не следует подчиняться религии. Но если бы он сказал это открыто, то никто бы с этим не согласился. 13. Ведь кто не поймет, что этот мир,

¹ См.: *Минуций Феликс*. Октавий. 13.1.

столь удивительным образом устроенный, управляется каким-то Провидением, ибо нет ничего, что могло бы существовать без всякого руководства. 14. Так и дом, покинутый жителями, разрушается, и корабль без кормчего идет ко дну, и тело, когда его покидает душа, гибнет. И уж конечно, полагаем мы, такая громада мира не могла бы ни появиться без Создателя, ни сохраняться столь долго без Правителя. 15. Ведь если бы он хотел ниспровергнуть широко известные народные религии, я бы не осуждал его. Я даже стал бы его славить, если бы он нашел то, что лучше тех религий. Но он же клялся собакой и гусем. О, человеческий шут, как сказал бы эпикуреец Зенон,¹ никчемный, бесчестный, пропащий, если он хотел осмеять религию, и безумный, если всерьез делал это, чтобы считать в качестве бога отвратительнейшее животное! 16. Кто же осмелится опровергать суеверия египтян, если Сократ упрочил их своим авторитетом афинянина? Не то ли является высшим безумием, что перед смертью он просил своих домочадцев, чтобы они от его лица принесли в жертву Асклепию петуха, которого тот обещал? 17. Может быть, он боялся, как бы у судьи Радаманта² не оказаться ответчиком перед Асклепием? Я бы счел его помешанным человеком, если бы он умирал, будучи поражен болезнью. Поскольку же он это совершил, будучи в здравии, является безумцем тот, кто считает, что этот Сократ был мудрецом. Вот, чьи это были времена, в которые, как радовался разумный человек, ему довелось родиться.

21. 1. Посмотрим же, чему Платона научил Сократ, который, когда отказался от всякой физики, обратился к исследованию добродетели и долга. При этом я не сомневаюсь, что он наставлял своих учеников в правилах справедливости. 2. И вот, обучаясь у Сократа, Платон прекрасно уяснил, что сущность справедливости заключена в равенстве, поскольку все мы рождаемся равными. «Стало быть, — говорит он, — люди не должны иметь ничего частного и собственного, но, чтобы они

¹ См.: Цицерон. О природе богов. I.34.93. Зенон Сидонский — философ эпикурейской школы I в. до н. э., возглавлял школу Эпикура после смерти Аполлодора.

² Радамант — сын Зевса и Европы, после смерти, по одной из версий, вместе с Миносом и Эаком стал судьей в Аиде.

могли быть равными, в чем состоит смысл справедливости, должны владеть всем сообща».¹ 3. Это еще можно допустить, пока, кажется, речь идет о деньгах. Впрочем, то, что это совершенно невозможно и совершенно несправедливо, я мог бы доказать на множестве положений. Но давайте предположим, что такое возможно, что в самом деле все могли бы быть мудрыми и могли бы пренебрегать деньгами. 4. Но до чего доходит у Платона та общность? «Должны, — говорит он, — быть общими супруги».² Имеется в виду, чтобы у одной и той же женщины было множество мужей, подобно тому, как это бывает у собак, и чтобы тот овладевал ею, кто окажется сильнее, или, если мужчины будут воздержанны, как философы, чтобы каждый вступал в связь в свою очередь. 5. О, удивительное равенство Платона! Где же добродетель целомудрия? Где супружеская верность? Если ты упразднишь все это, то рухнет всякая справедливость. 6. Тот же философ сказал, что счастливы были бы государства, если бы ими управляли философы или правители предавались бы философствованию.³ Отдашь ли ты власть этому столь справедливому, столь беспристрастному мужу, который у одних отнял собственность, другим отдал ее, который выставил на позор целомудрие женщин, чего никогда не совершал не то что царь, но ни один тиран? 7. Какой же смысл вкладывал Платон в свои отвратительные рекомендации? «Государство, — говорил он, — будет едино и связано узами взаимной любви, если у всех будут общие матери, отцы, жены и дети».⁴ 8. Какое смешение рода человеческого! Откуда может появиться привязанность, если не ясно, кого любить? Какой муж будет уважать жену и какая жена — мужа, если они не живут постоянно вместе, если благочестивый ум и взаимно сохраняемая верность не создадут привязанности? В этой беспорядочной похоти нет места никакой добродетели. 9. Так же, если все дети были бы общими, кто смог бы любить детей, словно своих, когда не знаешь или сомневаешься, твои ли это дети? Какой ребенок станет почитать отца, когда не знает,

¹ Платон. Государство. III. 416d.

² Там же. V. 457c.

³ Там же. V. 473d.

⁴ Там же. V. 463c.

от кого был рожден? В результате, он не только чужого отца будет считать своим, но и своего принимать за чужого. 10. Но ладно, женщины могут быть общими, а вот сын не может. Необходимо он родится только от одного союза. Стало быть, исчезает вся та общность, поскольку сама природа протестует против нее. 11. Остается, что он хотел, чтобы жены были общими только ради гражданского согласия. Однако нет ни одной более серьезной причины для ссоры, кроме домогательства многих мужчин к одной женщине. 12. Если Платон не мог в этом последовать разуму, он мог бы увидеть ясные примеры и из жизни бессловесных тварей, которые из-за этого жестоко бьются друг с другом, и из жизни людей, которые постоянно ведут по той же причине тяжелейшие войны.

22. 1. Выходит, что эта общность не несет в себе ничего, кроме разврата и сладострастия, которые могут быть уничтожены одной только добродетелью. 2. Итак, Платон не нашел согласия, которого искал, поскольку не видел, откуда оно происходит. Ибо справедливость находится не во внешних вещах, и даже не в теле, но только в сердце человека. 3. Стало быть, тот, кто хочет уравнивать людей, должен лишать их не супругов и богатства, а высокомерия, гордыни, спеси, чтобы могущественные и возвышенные люди осознали, что они равны с низкими. 4. Ведь когда не будет чрезмерности и пресыщенности в отношении богатств, то не будет и никакой разницы, бедны ли люди, богаты ли, поскольку будут равны души, чего не может произойти иначе, как только с помощью почитания [истинного] Бога. 5. Итак, он полагал, что открыл справедливость, в то время как совершенно ниспроверг ее, ибо общность должна быть не тленных вещей, а сердец. Ибо если справедливость является матерью всех добродетелей, то по уничтожении каждой добродетели в отдельности ниспровергается и справедливость. 6. Платон же уничтожил прежде всего бескорыстие, которого уже не может быть там, где нет ничего собственного. Упразднил умеренность, ибо не оставил ничего чужого, от которого следует себя удерживать. Уничтожил он воздержание и непорочность, которые являются великими добродетелями для обоих полов. Отменил скромность, стыдливость и благопристойность, если становится приличным и законным то, что должно считаться постыдным и срамным. 7. И вот в то время как он

хотел дать добродетель, лишил ее всех. Ведь обладание собственностью имеет почву и для пороков, и для добродетелей, а общность несет в себе только свободу для пороков. 8. В самом деле, мужчины, которые имеют много жен, не могут быть названы иначе, как похотливыми и развратными. Также и женщины, у которых много мужей, — даже не изменницы, поскольку нет никакого ясного супружества, а публичные женщины и блудницы. 9. Стало быть, Платон низвел жизнь человеческую до подобия, не скажу, бессловесных тварей, но скота и зверей. Ведь почти все птицы создают супружеские пары и живут по двое. Они сообща сохраняют гнезда свои, словно брачные ложа, и любят птенцов своих, потому что они наверняка их, и если ты подбросишь им чужих птенцов, то их выкинут. 10. Но разумный человек вопреки нраву людей и вопреки самой природе из сопоставления вывел более глупые суждения. Поскольку он видел, что у прочих животных обязанности самцов и самок не различаются, посчитал, что следовало также, чтобы и женщины сражались, участвовали в народных собраниях, занимали государственные посты и обладали властью. Поскольку же он наделил их оружием и конями, то следовало бы мужчинам отдать ткачество и прядение, а также убаюкивание младенцев. 11. И ведь не видел он, что предложенное им невозможно, потому что не существовало еще в круге земном столь глупого и столь пустого народа, который бы жил таким образом.

23. 1. Когда в такой пустословии оказывались первые из философов, что же думать о менее значительных, которые никогда не видели себя более мудрыми, чем когда гордились презрением к деньгам? Отважные души! Но я спрошу, отчего они так поступают и откуда возникает то презрение. 2. Полученные ими от предков имения они отвергают и бросают, словно зло. Чтобы в бурю не потерпеть кораблекрушения, они в тихую погоду бросаются за борт, движимые не доблестью, а превратным страхом. Как те, кто, боясь, как бы не быть убитыми врагами, убивают сами себя, чтобы с помощью смерти избежать смерти, 3. так и эти [философы] без толку и без смысла отказываются от того, что могло бы принести им славу щедрых людей. 4. Они славят Демокрита за то, что тот бросил свои пашни и позволил, чтобы они были превращены в общественные выпасы. Я восславил бы его, если бы он подарил

их. Однако нет ничего разумного в том, когда мы совершаем то, что бесполезно и дурно, если бы это совершалось всеми. 5. Но ты простишь эту беспечность. А что сказать о том, кто, продав наследство, бросил деньги в море? Сомневаюсь, здоров ли он был или безумен. «Пропадай, — сказал он, — в бездне морской несчастное корыстолюбие, я утоплю тебя, чтобы ты не увлекло меня на дно». 6. Если [у тебя] такое презрение к богатству, отправь его на службу милосердию, человечности, раздай его бедным. То, что ты раздашь, может помочь многим, чтобы они не умерли от голода, от жажды, от нищеты. 7. Повтори, по крайней мере, безумный поступок Тудитана, раздай награбленное народу. Ты можешь избавиться от имущества, но [при этом] пустить его на добро, ибо не вредит [себе самому] то, что приносит многим пользу.

8. Кто одобрит такие же заблуждения Зенона? Впрочем, обойдем молчанием то, что и так всеми постоянно высмеивается. Для уличения безумного человека достаточно будет сказать, что среди пороков и болезней он поместил [как равное с ними] сострадание. Он отнимает у нас чувство, в котором состоит чуть ли не весь смысл жизни. 9. В самом деле, поскольку природа человека более слабая, чем природа других животных, которых небесное Провидение и для перенесения непогоды, и для защиты от нападений наделило природными средствами, то человек, поскольку ничего подобного ему не было дано, получил вместо всех тех средств чувство сострадания, которое потому и зовется человечностью. Благодаря этому чувству мы сами заботимся друг о друге. 10. Ведь если бы человек свирепел при виде другого человека, как, мы видим, поступают звери, природа которых предполагает жизнь особняком, не было бы никаких человеческих общностей, не строились бы и не укреплялись города. Так, даже жизнь перестала бы быть безопасной, поскольку, с одной стороны, другие животные увидели бы слабость людей, с другой — люди сами бы друг с другом боролись.

Не меньше безумия и у других философов. 11. Ведь что можно сказать о том, кто утверждал, будто снег черен? Весьма логично было бы сказать [в таком случае], что и деготь белый. [Подобное этому утверждал] тот философ, который говорил, что рожден, дабы созерцать небо и Солнце, хотя ничего не видел на земле под лучами Солнца. 12. Ксено-

фан¹ самым нелепым образом поверил математикам, утверждавшим, будто круг Луны в восемнадцать раз больше круга земного. К тому же он говорил, что было подобно этому легкомыслию, что внутри полости Луны находится другая Земля, и что там живет другой род людей, подобно тому, как живем мы на этой Земле.² 13. Стало быть, те лунные люди должны иметь другую Луну, которая бы давала им ночной свет, как эта Луна дает его нам. И, возможно, этот наш круг земель является Луной для другой Земли. 14. Сенека говорит, что среди стоиков был философ, который размышлял о том, не поместить ли и на Солнце свой народ. Напрасно, конечно, сомневался. Ведь что бы он потерял, если бы поместил туда людей? Впрочем, я думаю, он боялся того, что, если бы люди погибли там от чрезмерного жара, стали бы говорить, что это он виновник такого бедствия.

24. 1. А что сказать о тех, кто полагают, будто существуют противоположные нам антиподы? Неужели они говорят не вздор? Есть ли какой-нибудь такой же глупец, который бы стал думать, что существуют люди, чьи ступни были бы выше головы? Или что где-то висит то, что у нас, наоборот, лежит? Что травы и деревья растут, обратившись вниз? Что там дожди, снег, град идут снизу вверх? И кто удивится, что среди чудес света называютися сады, после того как философы сделали висячими и поля, и моря, и города, и горы? Нам следует открыть происхождение подобного заблуждения. 2. В самом деле, философы постоянно заблуждаются именно по одной и той же причине. Ведь когда они, плененные правдоподобием, за основу принимают что-то ложное, они необходимо принимают и то, что из ложного следует. Так они открыли множество нелепостей, ибо необходимо ложным является то, что основано на ложных посылках. 3. Поскольку же они считают свои посылки верными, то не рассматривают то, что из них следует, а защищают всеми способами, в то время как по выводам должны бы судить, лежала ли в основе их ложная или правильная посылка. Итак, что привело тех философов к антиподам? 4. Эти философы видели движение

¹ Ксенофан — греческий философ (ок. 570–489 гг. до н. э.), первый представитель элейской школы философии.

² Ср.: Cic. Acad. II.26.82; 34.123.

звезд, перемещающихся [с востока] на запад, и что Солнце и Луна садятся в той же части [света], а восходят в другой. 5. Поскольку они не видели, ни какой принцип лежит в движении светил, ни каким образом те возвращаются с запада на восток, а само небо представляли закругляющимся со всех сторон, ибо так кажется из-за необычайной его ширины, то полагали, что мир круглый, как мяч, а из движения звезд выводили, что небо вращается. Так звезды и Солнце, когда заходят, самым круговращением мира возвращаются на восток. 6. Они даже создавали медные круги, как бы уподобляющиеся миру, и делали на них некие необыкновенные выпуклые изображения, которые, как они говорили, являются звездами. 7. Эта шарообразность мира приводит философов к тому, что Земля должна находиться внутри его. Если это так, то и сама Земля должна бы иметь форму шара. Ибо не может не быть шарообразным то, что является заключенным внутри шара. 8. Если же Земля шарообразна, то необходимо, чтобы со всех сторон неба она имела один и тот же вид, т. е. везде бы возвышались горы, простирались бы поля и шумели моря. 9. Если бы это было так, то это приводило бы к выводу о том, что не может быть ни одной части земли, где не обитали бы люди и прочие животные. Так шарообразность неба приводит к измышлению тех висящих антиподов. Если бы ты спросил у тех, кто защищают эти вымыслы, каким же образом антиподы не падают вниз того неба, они ответят, что природа вещей такова, что тяжелые вещи тяготеют к центру, и в центре все соединяется, как спицы в колесе. Такие же легкие вещи, как облака, дым, огонь, отталкиваются от центра, чтобы подниматься к небу. 10. Я не знаю, что сказать о тех, кто, один раз допустив ошибку, постоянно упорствует в глупостях и пустословие защищает пустословием. Скажу лишь, что я порой считаю, что они либо занимаются философией ради шутки, либо, будучи образованными и сведущими людьми, принялись защищать ложь, чтобы дарования свои поупражнять в дурных делах и похвастаться ими. 11. Я мог бы многими доводами доказать, что никоим образом не может быть так, чтобы небо было ниже земли, если бы не надо было завершать книгу, в то время как остается кое-что еще, что необходимо отразить в этом труде. И поскольку заблуждения каждого философа невозможно отразить в рамках одной

книги, достаточно будет того, что мы назвали некоторые, по которым можно понять, каковы остальные.

25. 1. Теперь нам следует немного сказать о философии вообще, чтобы тем самым завершить разговор. Тот великий наш подражатель Платону [Цицерон] считал, что философия не является общедоступной, что ей могут следовать только ученые люди. 2. «Философия, — говорит он, — довольствуется немногими ценителями, намеренно избегает толпы».¹ Стало быть, она не является мудростью, если отворачивается от людского общества. Ведь мудрость, если она дана человеку, то дана всем без различия, чтобы не было никого, кто не мог бы ее обрести. 3. Но те философы добродетель, данную человеческому роду, ценят так высоко, что кажется, будто они одни только и хотят пользоваться общим благом. Они столь завистливы, что, кажется, хотели бы [всем] остальным завязать глаза или выколоть их, чтобы те не видели солнца. 4. Ведь что иное означает отнимать у людей мудрость, как не лишать их души истинного и божественного света? 5. В самом деле, если природа человека восприимчива к мудрости, необходимо, чтобы и ремесленники, и крестьяне, и женщины, и все, кто является человеком, обучались, чтобы были мудрыми и составили [единый] народ из всякого языка, всякого происхождения, пола и возраста.

6. Итак, главный довод того, что философия не содержит мудрости и сама не является мудростью, состоит в том, что таинство ее скрыто под бородой и плащом. 7. Это понимали даже стоики, которые говорили, что и рабы, и женщины [наравне со всеми] должны предаваться философствованию. Понимал это даже Эпикур, который призывал к философии не знавших никакой грамоты. И тот же самый Платон, который хотел создать государство из мудрецов. 8. При этом они пытались совершать то, что требовала от них истина, но не могли [в делах своих] пойти дальше слов. 9. Ведь чтобы прийти к философии, нужно изучить множество наук. Необходимо знание всех букв ради того, чтобы читать, ведь при таком разнообразии вещей невозможно постичь все на слух и удержать в памяти. 10. Также немалый труд требуется от грамматиков, чтобы ты понял правильный смысл сказанного. Обучение

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. II. 1. 4.

этому требует долгих лет. 11. Также не следует пренебрегать риторикой, чтобы то, что узнал, ты мог высказать и передать в словах. Столь же необходимы геометрия, музыка и астрономия, поскольку эти науки имеют некоторую общность с философией. 12. Все эти науки не могут основательно изучить ни женщины, которые к зрелым годам должны прежде всего узнать то, что относится к ведению домашнего хозяйства, ни рабы, которые на протяжении своих лет должны несли службу. Также их не могут изучить бедняки, ремесленники, крестьяне, которые каждый день должны заботиться о хлебе насущном. По той причине Туллий и сказал, что философия избегает толпы. 13. Конечно, Эпикур принимал безграмотных людей. Но каким образом они понимали то, что им говорили о началах вещей, то, что будучи туманным и неясным, едва постигают даже образованные? 14. Так есть ли место неискушенному и необразованному человеку в этих покрытых мраком вопросах, [и без того] запутанных одаренными людьми, украшенных утонченным слогом красноречивых мужей? 15. К тому же они не назовут ни одной когда-либо философствовавшей женщины, кроме одной-единственной Темисты,¹ и ни одного раба, кроме Федона, который, как передают, был плохим рабом и его выкупил и обучил Кебет.² 16. Называют еще Платона и Диогена, которые хотя и не были рабами, все же им выпала на долю неволя, ибо они были захвачены [в плен]. Говорят, что Платона за восемь сестерциев выкупил некий Аникерис.³ Этого человека, заплатившего выкуп, высмеял Сенека, ибо тот так низко оценил Платона. 17. Этот Сенека мне кажется безумцем, если гневался на человека за то, что тот заплатил небольшой выкуп. Имеется в виду, что он должен был бы отвесить золота, словно за мертвого Гектора, или дать столько денег, сколько и не требовал продавец. 18. Из

¹ *Темиста* — последовательница и подруга Эпикура, ее упоминает Диоген Лаэртский в биографии Эпикура (*Диоген Лаэртский. Жизнеописание и изречения знаменитых философов. X.25–26*).

² О *Федоне* и выкупе его из рабства друзьями Сократа см.: *Диоген Лаэртский. Указ. соч. II.105*.

³ О выкупе Платона и Диогена Аполлонийского из рабства сообщает, в частности, Диоген Лаэртский в своих *Жизнеописаниях и изречениях...* (III.18–20; IV.29–30).

варваров также нет ни одного философа, кроме скифа Анахарсиса,¹ который даже во сне не увидел бы философии, если бы прежде не изучил языка и не научился бы писать.

26. 1. Так вот, то, что, как считают они, необходимо совершать по требованию природы, но все же сами того не могут совершить и не видят, чтобы это было дано философами, способно соделать одно лишь небесное учение, поскольку оно единственное является мудростью. 2. Разумеется, не могут никого ни в чем убедить те, кто сами себя ни в чем не убедили. Они не могут обуздать ничьей жадности, умерить гнев, подавить сладострастие, поскольку сами охвачены пороками и признают, что природа сильнее. 3. Насколько же сильны для человеческих душ наставления Бога, ибо они просты и верны, проявляются изо дня в день. 4. Дай мне мужа, который был бы гневен, злоречив, несдержан, и я простейшими наставлениями Божиими верну [тебе] его столь же смиренным, как агнец. 5. Дай мне алчного, корыстолюбивого, скупого человека, и я передам тебе его щедрым, без жалости раздающим свое богатство. 6. Дай мне боящегося смерти и боли, и он будет презирать пытки, огонь и быка Фалариса.² 7. Дай мне сладострастника, прелюбодя, гуляку, и ты увидишь его воздержанным, целомудренным и трезвым. 8. Дай мне человека жестокого и жаждущего крови, и та ярость превратится в подлинное милосердие. 9. Дай мне несправедливого, неразумного, грешного, тотчас он станет справедливым, разумным и невинным, ибо одним лишь омовением смывается всякая порочность. 10. Такова сила божественной мудрости, что, проникнув в душу человека, она сразу же изгоняет глупость, эту мать погрешностей. Чтобы это произошло, нужны не деньги, не книги, а ночные бдения. 11. Легко и скоро воздастся благодарность; тотчас откроются уши, и сердце будет жаждать мудрости. Пусть никто не боится [высокой цены], мы не продаем

¹ Анахарсис — легендарный скифский царь, приехавший в Грецию во времена семи мудрецов. Его, в частности, упоминает Цицерон. См.: Цицерон. Тускуланские беседы. V.32.90.

² Мастер Перилл создал для сицилийского тирана Фалариса медного быка, внутри которого поджаривали осужденных, чьи стоны становились схожими с мычанием чудовища (Плиний Старший. Естественная история. 34.89).

ни воду, ни солнце. Обильнейший и богатейший источник Божий открыт для всех, и этот небесный свет рождается для всех, кто имеет глаза. 12. Неужели кто-то из философов когда-либо даровал эту мудрость и может даровать, если даже захочет? Они, годы свои потратив на изучение философии, ни другого кого, ни себя самих, если природа хоть немного противится, не могут сделать лучше. И вот — их мудрость не изгоняет пороки, но только прячет, что и подтверждается многими примерами. 13. Немногие же наставления Божии настолько меняют человека и, отбросив старое, возвращают его настолько обновленным, что ты не поймешь даже, что это тот же самый человек.

27. 1. Так что же? Неужели ничего подобного те философы не предписывают? Напротив, очень многое, и очень часто они присоединяются к истине, но никакого веса те предписания не имеют, поскольку принадлежат людям и не имеют большего авторитета, т. е. божественного. 2. Никто, стало быть, им не верит, так как те, кто их слушает, считают себя такими же людьми, какими являются те, кто их наставляет. 3. Кроме того, у них нет ничего определенного, ничего, что происходило бы из твердого знания, но, поскольку все строится на предположениях, многое оказывается противоположным и противоречивым. Надо быть весьма глупым человеком, чтобы пожелать последовать их наставлениям, каковые, даже не понятно, верные ли, или нет. И потому им никто не следует, так как никто не хочет упорствовать ради неизвестного.

4. Стоики утверждают, что существует добродетель, которая только и делает жизнь счастливой. Нельзя сказать ничего более верного. Но что сказать, если человек терпит мучения и боль? Неужели кто-то может быть счастлив среди мучителей? Мало того, доставляемая телу боль считается у них основой добродетели, поэтому даже в муках человек не является несчастным. 5. Эпикур еще решительнее говорит, что мудрец всегда счастлив, и даже оказавшись внутри быка Фалариса, будет говорить: «Мне приятно и я беззаботен». Кто не посмеется над ним, особенно потому, что человек, любящий наслаждения, надел на себя маску смелого человека, к тому же смелого сверх всякой меры? Ибо не может быть, чтобы кто-то испытывал телесные муки в качестве наслаждений, когда для того, чтобы быть добродетельным, достаточно их переносить и терпеть. 6. Что вы, стоики, скажете? Что скажешь

ты, Эпикур? Мудрец счастлив, даже когда мучается. Если его счастье в славе терпеливого человека, то он не наслаждается, поскольку от пыток он, возможно, умрет. Если в памяти о нем, то он или не узнает о ней, если души смертны, или, если узнает, ничего от этого не обретет. 7. Какая же иная польза от добродетели? В чем счастье жизни? Чтобы умереть со спокойной душой? Вы дадите мне благо одного часа или, пожалуй, одного момента, ради которого в течение всей жизни следует терпеть тяготы и несчастья. 8. Сколько же времени займет смерть? Когда она придет, уже не важно, встретишь ли ты ее со спокойной душой или с негодующей. Итак, выходит, что ничего другого от добродетели получить нельзя, кроме славы. 9. Но слава бесполезна и кратка или же из-за превратных суждений людских отвергается. Стало быть, нет никакой пользы от добродетели, когда добродетель смертна и преходяща. 10. Итак, те философы, которые все это говорили, видели некую тень добродетели, саму же добродетель не рассмотрели. Ибо были обращены к земле и взгляд свой не устремляли ввысь, чтобы получить возможность увидеть добродетель, которая обнаруживается в небесной религии. 11. Это причина того, почему их наставлений никто не слушает. Ведь они или побуждают к порокам, если защищают наслаждения, или, если защищают добродетель, не сулят никакого наказания за грех, кроме бесчестия, но никакой награды не обещают за добродетель, кроме почета и славы. Ибо говорят, что к добродетели надо стремиться ради ее самой.

12. Так вот, мудрец действительно счастлив в муках; но лишь когда он терпит муки за веру, за справедливость, за Бога, такое перенесение боли делает его самым счастливым. 13. В самом деле, один только Бог может оказать почет за добродетель, наградой которого является одно только бессмертие. Люди, которые не жаждут бессмертия и не держатся религии, которой принадлежит вечная жизнь, конечно, не знают силы добродетели, чьей наградой пренебрегают. Они не взирают на небо, хотя и думают, что смотрят на него, пытаясь постичь непостижимые вещи, в то время как в созерцании неба нет никакого иного смысла, кроме как принятия [истинной] религии и веры в бессмертие души. 14. Ведь всякий, кто или понимает, что следует почитать Бога, или имеет надежду обрести бессмертие, ум свой обращает к небу. И хотя этого

не увидеть глазами, все же это открыто для очей души. 15. Те же, кто не принимают [истинной] религии, те принадлежат земле, так как та религия находится на небе. Те, кто считают, что душа умирает вместе с телом, также обращены к земле, так как за пределами тела, которое является землей, ничего, что было бы бессмертным, не видят. 16. Итак, человек создан таким, чтобы прямым телом быть обращенным к небу, с той лишь целью, чтобы возвышенным умом созерцать Бога и в думах о Нем обращаться к упованию на вечную жизнь.

28. 1. Поэтому нет в жизни ничего другого, к чему должен стремиться наш разум и наша сущность, кроме познания Бога, Который породил нас, кроме религиозного и благочестивого почитания Его. Поскольку же философы уклонялись от этого, они не были мудрыми. 2. Хотя они и искали мудрость, все же, поскольку искали ее неправильно, уходили от нее еще дальше и впадали в такие заблуждения, что не овладели даже обычной разумностью. 3. Ведь они не только не желали признавать религию, но и упраздняли ее, пока, захваченные образом ложной добродетели, пытались освободить души от всякого страха. Это ниспровержение религии получило имя [почитания] природы. 4. Они ведь, поскольку или не знали, Кем сотворен мир, или желая убедить, что божественный Ум ничего не вершит, утверждали, что материю всех вещей является природа, как бы говоря, что все родилось само по себе. Этим самым они вполне определенно признавали свое незнание. Ведь природа, отделенная от Провидения и божественного могущества, решительно ничего не представляет. 5. Ибо если они природу называли Богом, то какая такая причина говорить скорее о природе, нежели о Боге? Если же природа является у них разумом, или необходимостью, или обстоятельством рождения, то она не может сама по себе наделять чувством, но необходимо, чтобы существовал божественный Ум, который бы своим Провидением давал основу для рождения всякой вещи. Или если природа является землей и небом, и всем, что рождено, то природа является не Богом, но творением Божиим.

6. Пребывая почти в таком же заблуждении, они верят, что существует Фортуна, играющая, словно некая богиня, человеческими делами, ибо не знают, откуда они получают блага и несчастья. 7. Они считают, что им назначено бороться с ней, при этом не сообщают, кем и по

какой причине [это назначено], и лишь похваляются тем, что во всякий момент [своей жизни] борются с Фортуной. 8. Всякий из них, утешая кого-либо другого по поводу гибели или утраты близких, пылкими словами поносят имя Фортуны, и нет совершенно ни одного рассуждения у них, в котором бы она не оскорблялась. 9. Марк Туллий в своем *Утешении* говорит, что он постоянно борется с Фортуной и что он одержал над ней верх, когда стойко сдержал натиск врагов, и даже тогда не был ею сломлен, когда, изгнанный из [пределов] родины, был лишен родного крова, но тогда, когда [он] потерял любимую дочь, постыдно признал себя побежденным Фортуной. «Я уступаю, — сказал он, — и поднимаю руку». 10. Что может быть несчастнее такого человека, который так сдается? «Безрассудно [бороться с судьбой]», — говорит он. Но он открыто признавал себя мудрецом. Зачем же он присвоил себе это имя? Зачем ему презрение мира, которое оправдывается в высокопарных фразах? Зачем это внешнее отличие от других? Зачем вообще ты даешь наставления в мудрости, если не нашлось еще никого, кто стал бы [вследствие этого] мудрым?

Хоть кто-нибудь станет ненавидеть нас за то, что мы отрицаем, что философы мудры, в то время как они сами признают, что ничего не знают и не понимают? 11. В самом деле, оказавшись однажды в таком затруднении [перед неизвестным], что не в состоянии были даже что-то выдумать, они, принужденные незнанием, словно бешеные, взбрыкивают и кричат, что они слепы и лишены разума. 12. Анаксагор заявляет, что все покрыто тьмой. Эмпедокл жалуется, что путь в душу узок, словно ему этот путь нужен под повозку или квадригу. 13. Демокрит говорит, что истина лежит погруженная как бы в колодеце, столь глубоком, что нет у него дна. Это, бесспорно, глупо, как и прочее. 14. Ибо истина не лежит, словно погруженная в колодец, куда он мог бы и спуститься, и даже упасть; но лежит [она] как бы на вершине высокой горы или, скорее, на небе, что вернее всего. 15. Почему же он сказал, что истина лежит скорее в глубине, нежели находится сверху? Наверное, он предпочитал также и ум помещать в ногах, в пятках, а не в груди или голове. 16. Настолько они были далеки от истины, что даже положение тела не побуждало их к тому, чтобы искать истину вверх. 17. Из такой безнадежности найти истину родилось знаменитое признание

Сократа, сказавшего, что он знает только то, что ничего не знает. Оттуда же происходит и учение Академии, если вообще можно назвать учением то, в котором утверждается и обосновывается незнание. 18. Но даже те, кто признают знание, не могут непреклонно отстаивать то, что знают. 19. Поскольку им недоставало разума, из-за незнания божественных вещей они были столь непостоянны, столь неуверенны и часто сами себе противоречили, что ты не смог бы определить и понять, что они думали и чего хотели. 20. Так зачем сражаться с теми, кто сами поражают себя своим же мечом? Зачем стараться опровергать тех, кого опровергает и изобличает собственная их речь? «Аристотель, — говорит Цицерон, — осуждая древних философов, утверждает, что они были весьма глупы и хвастливы, ибо считали, что своими дарованиями привели философию к совершенству, однако считал, что сам он за немногие годы добился больших успехов, так что еще немного времени — и она [философия] достигнет [подлинного] совершенства».¹ 21. Где же то быстрое время? Каким образом, когда и кем [философия] была доведена до совершенства? Разумеется, он прав, когда говорит, что глупы те философы, которые полагали, будто их дарованиями мудрость [sapientiam] была доведена до совершенства. Но и сам он недостаточно умен, считая, что мудрость, полученная от древних и умноженная современниками, скоро благодаря потомкам достигнет совершенства. 22. Ибо никогда не может быть найдено то, что ищут в другом месте.

29. 1. Но вернемся к тому, от чего отошли. Итак, Фортуна сама по себе ничего не представляет, и не следует считать, будто она обладает неким чувством, поскольку Фортуна — это неожиданный и внезапный исход случайных событий. 2. Философы же, чтобы вдруг не совершить ошибку, даже в таком пустом вопросе хотят быть мудрыми, ибо меняют Фортуне пол и называют ее не богиней, как [это делает] народ, а богом. 3. Этого самого бога они называют то Природой, то Фортуной. Ибо, как говорит тот же самый Цицерон, она совершает много неожиданного для нас, поскольку мы не знаем точных причин. Поскольку же философы не знают причин, из-за которых что-то

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. III.28.69.

случается, то неизбежно не знают и того, кто совершает. 4. Тот же Цицерон в весьма серьезном труде, в котором он давал сыну предписания к жизни, почерпнутые из философии, сказал: «Кто не знает, что Фортуна весьма могущественна в двух отношениях? Ведь когда веяние ее благоприятно для нас, мы достигаем желанных результатов, когда же противно — нас постигает беда».¹ 5. Во-первых, утверждая, что никто [ничего] не может знать, он говорит это так, словно и сам он, и все [что-то] знают. Во-вторых, пытаясь усомниться даже в том, что является очевидным, он полагает очевидным то, что должно быть для него весьма сомнительным, а для мудреца и вообще ложным. 6. «Кто, — говорит он, — [об этом] не знает?» Ну, я не знаю. Пусть он научит меня, если может, какова та сила, что это за веяние и что за противное ему. Постыдно, что одаренный человек говорит то, чего, если ты не знаешь, не может тебе доказать. 7. Наконец, говоря, что не следует доверять очевидному, ибо это свойственно глупому человеку, он беспечно доверяет неизвестному и полностью соглашается с народом и с мнением невежественных людей, которые полагают, что существует Фортуна, которая дарует людям добро и зло. В самом деле, они создают ее статуи с рогом изобилия и кормилом, словно она дарует богатства и держит в руках управление человеческими делами. 8. С этим мнением согласен и Вергилий, который назвал Фортуну всемогущей,² и историк, который говорит: «Но Фортуна властвует, конечно, во всяком деле».³ 9. Что же остается для других богов? Почему не говорят, что всем управляет Фортуна, если она может больше других, или почему не почитают только ее, если она властвует во всяком деле? Если она приносит столько бед, пусть ответят на некоторые вопросы. Если она богиня, то почему завидует людям и благосклонна к пропащим людям, когда те благоговеино почитают ее? Почему она добра к злым людям и немилостива к добрым? Почему строит козни, вредит, обманывает и рушит? 10. Кто создал ту вечную мучительницу рода человеческого? Зачем, наконец,

¹ Цицерон. Об обязанностях. II.6.19.

² Вергилий. Энеида. VIII.334.

³ Саллюстий. О заговоре Катилины. 8.1.

она получила такое злое могущество, что все возвышает или оставляет в тени больше по произволу, нежели по справедливости?¹ 11. На эти вопросы, по-моему, следовало бы искать ответы философам, а не беспечно упрекать невинную Фортуны. Даже если бы существовала какая-нибудь Фортуна, философы тем не менее не могут ответить, почему она столь враждебна к людям, как это считается.

12. Так вот, все те речи, в которых они чернят несправедливость Фортуны и высокомерно превозносят свои добродетели в борьбе с ней, являются не чем иным, как проявлением полнейшего вздора. 13. Поэтому пусть они не озлобляются на нас, кому Бог открыл истину. Мы, с одной стороны, знаем, что Фортуна ничего собой не представляет, с другой стороны, знаем, что существует превратный и коварный дух, который является врагом добрых людей, врагом справедливости, который совершает противное тому, что делает Бог. Причину ненависти этого духа мы показали во второй книге.² 14. Именно он строит всем козни. Но тех, кто не ведают Бога, он вводит в заблуждение, отвергает в глупость, покрывает тьмой, чтобы никто не смог узнать божественное имя, в знании которого только и заключена мудрость и вечная жизнь. 15. Тех же, кто знает Бога, он коварствами и обманом склоняет к тому, чтобы ввергнуть их в жадность и сладострастие и сладкими грехами привести к смерти, или, если ничего не добивается с помощью хитрости, пытается одержать верх с помощью насилия и жестокости. 16. Для того же Бог изначально не подверг его наказанию, чтобы своим коварством он укреплял человека в добродетели. Ведь если добродетель не преследуется, если она не укрепляется постоянными муками, она не может быть совершенной, ибо добродетель укрепляется от переносимых испытаний и становится непобедимой в терпении. 17. Из этого следует, что не существовало бы никакой добродетели, если бы не было ее противника. Поскольку же философы понимали, что существует сила, противоположная добродетели, но не знали ее имени, придумали пустое имя Фортуны. То, насколько это далеко от мудрости, показал Ювенал в таких словах:

¹ Саллюстий. О заговоре Катилины. 8.1.

² См.: II.14.

*Нету богов у тебя, коль есть разум; мы сами, Фортуна,
Чтим тебя божеством, помещая в обители неба.¹*

18. Итак, глупость, заблуждение, слепота и, как говорит Цицерон, незнание причин событий создали имена Природы и Фортуны. 19. Однако как философы не знают своего противника, так не знают они и добродетели, знание которой происходит из знания противоположного. 20. Ибо никто не может снабдить себя верным оружием, если не знает врага, против которого нужно вооружаться. И не может одержать верх над противником тот, кто в сражении видит не истинного врага, а лишь его тень. Ибо будет побежден тот, кто сражается не с тем врагом и кто не предвидит удара, направленного против его жизненных сил, и не остерегается этого удара.

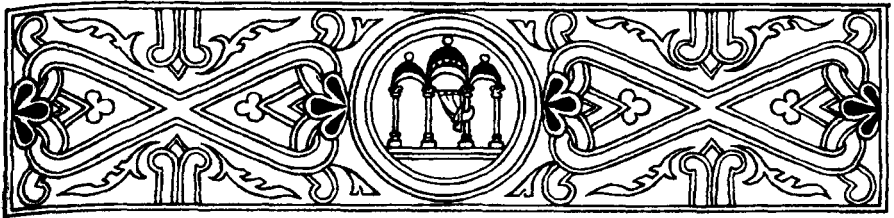
30. 1. Я показал, насколько позволяла моя заурядность, что путь философов весьма далек от истины. Тем не менее, я понимаю, насколько много я упустил, но ведь я и не вел специального рассуждения против философов. 2. Я для того вынужден был отклониться в сторону, чтобы показать, сколь многие и сколь великие умы усердствовали во лжи, чтобы никто, отказавшись вдруг от ложных религий, не вздумал обратиться к философам, как бы стремясь найти [у них] что-то достоверное. 3. Стало быть, у человека одна надежда, одно спасение — в учении, которое мы защищаем. Вся мудрость человека только в том, чтобы познавать и почитать Бога. Это наша догма, это основная мысль. 4. И вот, каким только могу, голосом свидетельствую, провозглашаю, утверждаю, что здесь, именно здесь находится то, что все философы ищут всю свою жизнь и все же не могут отыскать, обнаружить, узнать, так как либо держались ложной религии, либо совершенно отвергли всякую. 5. Пусть будут отвергнуты все те, кто не обустроивает человеческую жизнь, а разрушает ее. Ведь чему они могут научить? Или в чем могут наставить, если сами себя ни в чем еще не наставили? Кого они, больные, могут излечить, кого они, слепые, могут вести? Мы же все, кто заботится о мудрости, собираемся здесь. 6. Будем ли мы ждать, пока Сократ что-нибудь узнает? Или пока Анаксагор в потемках обнаружит свет? Или пока Демокрит извлечет истину из колодца? Или пока

¹ Ювенал. Сатиры. 10.365—366.

Эмпедокл расширит «узкие пути» в свою душу? Или пока Аркесилай и Карнеад¹ что-нибудь увидят, почувствуют и осознают? 7. Смотри, голос с неба открывает нам истину и дает нам свет ярче самого Солнца. Зачем нам быть врагами себе и отказываться принимать мудрость, которую ученые люди, употребив на ее поиск [все] свои годы, не могли обнаружить? 8. Кто хочет быть мудрым и счастливым, пусть услышит голос Божий, пусть узнает справедливость, пусть откроет тайну рождения своего, пусть презрит человеческое и примет божественное, чтобы достичь того высшего блага, ради которого рожден. 9. После того как были разоблачены все религии и опровергнуто все то, что обычно говорится или может быть сказано в их защиту, после того как были изобличены учения философов, нам следует открыть путь к истинной религии и мудрости, поскольку, как я покажу, обе они связаны вместе. Необходимо, чтобы мы защитили истинную религию доводами, примерами и надлежащими свидетельствами и доказали, что у нас нет никакой глупости, в которой нас не перестают упрекать те знаменитые почитатели богов, а вся она — у них. 10. И хотя в первых книгах, когда я уличил ложные религии, и в этой, когда я ниспроверг ложную мудрость, я уже показал, где находится истина, тем не менее, следующая книга еще точнее покажет, какая религия и какая мудрость являются истинными.

¹ *Карнеад* — греческий философ (213–129 гг. до н. э.), основатель Новой Академии в Афинах, в то время как *Аркесилай* (315–240 гг. до н. э.) являлся представителем Средней Академии. Оба выступали с позиций скептицизма.

Книга IV

ОБ ИСТИННОЙ МУДРОСТИ

1. Мне, размышляющему и душой своей постоянно обращающемуся к прежнему состоянию рода человеческого, приходится видеть [это состояние] как чудесным, так и постыдным, ибо неразумие одного века, когда были приняты различные религии и появилось поклонение множеству богов, [люди] внезапно ввергли себя в такое невѣдение, что истина удалась с глаз, и люди перестали держаться и религии истинного Бога, и человеческого разума, и искали [они] высшее благо не на небесах, а на земле. 2. И поэтому счастье прежних веков, конечно, ушло. И [люди] начали, оставив Бога — Родоначальника и Творца всего, почитать бесчувственные творения рук своих. К чему привел этот проступок, или какие пороки он принес, объяснят факты.

3. Так, люди, отвернувшись от высшего блага, что составляет блаженство и вечность, [отвратившись от него] на том основании, что его нельзя ни видеть, ни осязать, и нельзя постичь, и лишившись добродетелей этого блага, которые даруют бессмертие, обратились к порочным и тленным богам, и занялись теми делами, которые украшают лишь тело, питают его и приносят ему наслаждение, и находили себе в осязаемых божествах и благах смерть вечную, поскольку тело, [т. е. занятие только телесным], способствует смерти всего. 4. За подобными религиями последовали несправедливость и нечестивость, как то и должно было случиться. Ибо люди перестали взоры свои обращать к небу, но, устремив мысли к низменному, прильнули как к религии [земной], так и к земному благу. 5. Последовали [затем] разлад рода человеческого, ложь и всеобщее бесчестие; предав забвению вечное и чистое

благо, которого люди только и должны жаждать, они стали больше стремиться к временному и краткому, предпочитая вере отвратительное зло, поскольку оно доступнее.

6. Так, жизнь человеческую, озаренную в предшествующие века лучезарным светом, покрыли мгла и темнота; и после того как исчезла мудрость, люди начали себе присваивать имена мудрецов, что и подобало такой испорченности. 7. Прежде же никого мудрецами не называли, поскольку все ими были [в равной мере]. О, если бы имя это, принадлежащее ныне немногим, силу бы свою обрело среди народа! 8. Вероятно, те немногие мудрецы могли бы либо своим дарованием, либо авторитетом, либо усердным побуждением [к добродетели] освободить народ от пороков и блужданий. Но до такой степени мудрость угасла, что высокомерие тех, кто принял на себя имя ее, ясно показало, что никто из них мудрецом не был. 9. И все же прежде, чем было открыто то, что называется [сегодня] философией, жили, как говорят, семь мудрецов, которые заслужили считаться и называться первыми мудрецами, ибо стали они рассуждать и спорить о вопросах природы. 10. О, ничтожный и несчастный век, когда на всей земле жило лишь семеро, заслуживших у людей имя мудрецов! Но ведь никто не может назвать человека мудрецом, кроме самого мудреца. 11. Если же все прочие, за исключением тех мудрецов, были глупцами, то и они сами мудрецами не были, ибо никто по суду глупцов не может считаться мудрым. 12. Настолько далека от них была мудрость, что после тех [мудрецов], хотя и знание возросло и многие и великие умы были постоянно направлены к познанию, истина не была ни открыта, ни постигнута. В самом деле, после тех семи мудрецов удивительно каким рвением к поиску истины загорелась вся Греция. 13. И все же [греки], первыми открыв имя мудрости, считали себя не мудрецами, но именовались ревнителями мудрости. Тем самым они порицали за обман и глупость тех, кто незаслуженно принимали на себя имя мудрецов, и в то же время осуждали себя за незнание истины, существование которой они не отрицали. 14. Ибо всякий раз природа вещей, словно завесой, прикрывалась от умов их, и они не могли ничего открыть разумом, говоря обычно, что они ничего и не знают, и не могут познать. Поэтому, отчасти верно оценивая себя, они оказались более мудрыми, нежели те, которые мнили себя мудрецами.

2. 1. А потому, если и те, кто называли себя мудрецами, а также их последователи, которые не боялись признать своего неведения, мудрецами не были, что остается, как не признать, что мудрость следует искать в другом месте, если там, где ее искали, она не была найдена. 2. Что же было причиной того, что столько времени такое множество мыслителей, прилагая огромные усердие и старание, не открыли то, чего искали, если не то, что философы те искали мудрость за ее пределами? 3. Они, обойдя и изучив все, никакую мудрость нигде не открыли, но было ясно, что где-то она [все-таки] должна быть. Однако искать следовало там, где звучит имя скудоумия, под покровом которого Бог, не открывая тайну Своего божественного творения, спрятал сокровищницу мудрости и истины. 4. Я обычно удивляюсь, как Пифагор, а позже и Платон, воспламененные стремлением обнаружить истину, достигли египтян, магов и персов, желая познакомиться с ритуалами и священными обрядами тех народов (ведь догадывались они, что мудрость сокрыта в религии), и лишь до иудеев не дошли, в земле которых в то время находилась мудрость и куда они могли без труда дойти. 5. Но, я полагаю, направленные Божественным Провидением в другую сторону, они не могли узнать истину, поскольку еще не наступило время, чтобы религия истинного Бога и справедливость стали известны чужеземцам.

Но все же Бог решил с приближением конца времен послать с небес великого вождя, чтобы тот открыл отнятую у вероломного и неблагодарного народа истину чужеземцам. Об этом я намерен говорить в данной книге, но прежде покажу, что мудрость столь прочно связана с религией, что невозможно отделить одну от другой.

3. 1. В почитании богов, как я объяснил в первой книге, не содержится мудрости не только потому, что в нем божественное животное, человек, подчиняется земным и тленным [богам], но и потому, что там не содержится ничего, что могло бы улучшить нравы и устроить жизнь; и нет там стремления к какой-либо истине, но только — исполнение ритуалов, которое основывается на служении не сердца, а тела. 2. И потому поклонение богам не следует считать истинной религией, ибо оно не наставляет никого в справедливости и добродетели и не делает никого лучше. Итак, поскольку философия не содержит религию, т. е. выс-

шего благочестия, она не является истинной мудростью. 3. К тому же если Бог, управляющий этим миром, одаривает людей невероятными милостями, то Он хочет тем самым обрести с их стороны признательность и почитание. Но разум не может наделить благочестием человека, если тот противится небесным милостям, что, как бы то ни было, лишено мудрости.

4. Итак, поскольку, как я сказал, философия и религия богов противостоят друг другу и далеки друг от друга, ибо учителя мудрости не ведут к богам, как и жрецы не дают знаний, становится ясным, что ни первая не является истинной мудростью, ни вторая — истинной религией. 5. Поэтому философия не могла содержать истину, а религия богов не могла изложить своего учения, ибо не имела его. 6. Где же мудрость неразрывно связана с религией, там каждая из них истинна, поскольку и в поклонении мы должны быть разумны, т. е. знать, чему и каким образом нам следует поклоняться, и в знании мы должны быть деятельны, т. е. во всяком деле и поступке исполнять то, что знаем.

7. Где же мудрость соединена с религией? Разумеется, там, где почитается единый Бог, где всякая жизнь и деятельность сводятся к одной главе и одной вершине; наконец, где учителя мудрости являются одновременно жрецами [истинного] Бога. 8. Но ничего не изменится, когда какой-либо языческий философ примет жреческий сан, ибо это много раз уже было и еще может произойти. Когда подобное происходит, не только философия не соединяется с религией, но к тому же философия исчезает из священнодействия, а религия — из изучения философии. 9. Ведь эта, [т. е. языческая], религия нема, и не только потому, что это религия немых [идолов], но и потому, что весь обряд ее совершается руками и перстами, а не сердцем или речью, как в нашей, истинной религии. 10. Потому-то в [нашей] мудрости заключена религия, а в религии — мудрость. Их нельзя отделять друг от друга, ибо нельзя ничего знать, не почитая истинного Бога, не поклоняясь Ему праведно и благочестиво.

11. Поклонение же многочисленным богам противно природе, что может быть доказано и открыто с помощью следующего аргумента. Всеобщего Бога, Который почитается людьми, необходимо именовать во время ритуала и в молитвах Отцом не только из-за уважения, но и

потому, что Он был прежде человека и предоставил ему жизнь, здоровье и пропитание, как [настоящий] отец. 12. Люди же, обращаясь к Юпитеру, именуют и его отцом, и Сатурна, и Януса, и Либера, и прочих богов, что Луцилий высмеял в *Совете богов*:

*Нет среди нас никого, кто бы не был Отец добродивный:
Либер, Сатурн — Отец, и Нептун — Отец, да и Янус,
Марс, Квириин Отцом зовется — хоть порознь, хоть вместе.¹*

13. Если же не допускается природой, чтобы у одного человека было много отцов, ибо от одного он рождается, то и почитание многих богов противоречит [закону] природы, как и благочестию. 14. Следовательно, необходимо поклоняться одному Богу, Который поистине может называться Отцом; Он также является Господом, поскольку может как прощать, так и наказывать. 15. Отцом его следует считать по той причине, что Он одаривает нас многими и великими [благами], Господом же потому, что имеет великую власть порицать и наказывать. О том, что отец является также и господином, свидетельствует положение гражданского права. Ведь кто может наказывать сына, не имея по отношению к нему власти господина? 16. Справедливо зовется отцом семейства тот, кто имеет только сыновей, ведь имя «отца» включает также рабов, поскольку к нему прибавляется «семейства», а имя «семейства» включает также сыновей, поскольку ему предшествует «отец», из чего следует, что один и тот же человек является отцом для рабов и господином для сыновей. 17. Наконец, как сын обретает свободу, словно раб, так и освобожденный раб получает имя своего патрона, подобно сыну. По этой причине ясно, что тот, кто именуется отцом семейства, наделен двойственной властью. С одной стороны, он должен оказывать попечение, так как является отцом; с другой стороны, должен наказывать, так как является господином. Стало быть, кто сын — тот и раб, а кто отец — тот и господин.

18. Итак, как не может быть, по закону природы, более одного отца, так и господин должен быть один. В самом деле, что будет делать раб, если несколько господ станут ему отдавать различные приказания?

¹ Луцилий. Сатиры. I. Фрагм. 18.

19. Следовательно, религия многобожия противоречит [законам] разума и природы, ведь не может быть [у одного человека] ни нескольких отцов, ни нескольких господ: боги же не должны называться ни отцами, ни господами. 20. Потому истина не может храниться там, где человек подчинен многим отцам и господам, где душа растеряна и блуждает по разным сторонам. 21. Не может религия иметь никакой твердости, если не обладает надежным и постоянным убежищем. 22. Поклонение богам не может быть истинным, точно так же как не может быть названо истинным супружество, если одна женщина имеет нескольких мужей, но она [в этом случае] будет считаться не супругой, а блудницей либо прелюбодейкой. Ведь у нее нет ни стыда, ни целомудрия, ни верности, и она лишена добродетели. 23. Так и религия [многих] богов развратна и нечестива, поскольку не обладает верностью, поскольку честь ее порочна, голова колеблется, и не имеет она [твердой] основы.

4. 1. Из сказанного становится ясно, насколько связаны между собой мудрость и религия. Мудрость относится к сыновьям, она требует любви, религия же — к рабам, она требует страха. Ибо должны они как отца уважать и чтить, так и господина почитать и бояться. 2. Поскольку же Бог, Который один, выполняет и ту и другую роли, Отца и Господина, то и мы должны Его любить, так как мы сыновья Его, и бояться, так как мы рабы Его. Следовательно, не может ни религия отделяться от мудрости, ни мудрость от религии, ибо Бог должен как постигаться [разумом], что является мудростью, так и почитаться, что является религией. 3. Однако мудрость идет впереди, религия же следует за ней, ибо прежде чем почитать Бога, Его надо узнать. Итак, в двух началах заключена одна сила, сколь бы различными они не казались: первое основывается на размышлении, второе же на действии; они похожи на два ручья, берущих начало из одного истока. 4. Источником же мудрости и религии является Бог, и если эти два ручья отклонятся от Него, то пересохнут. Те же, кто не сознают этого, не могут быть ни мудрыми, ни благочестивыми. 5. Так получается, что философы и те, кто богов почитают, подобны отвергнутым сыновьям или беглым рабам, поскольку одни [из них] лишаются отца, другие же — господина. И как отверженные [сыновья] не получают отцовского наследства, а беглецы снисхождения, так и философы не обретают бессмертия, этого наследства Цар-

ства Небесного, т. е. высшего блага, которое они больше всего искали. В то же время почитатели богов не избегнут наказания вечной смертью, что является приговором истинного Господа в отношении тех, кто бежит от Его величия и имени. 6. Что истинный Бог есть Отец и в то же время Господь, не ведают ни те, ни другие: ни почитатели богов, ни сами учителя мудрости. Ведь они или вообще ничего не почитают, или придерживаются ложной религии, или если даже и признают силу и власть Высшего Бога, как Платон, говоривший, что создатель земли — один Бог, и Марк Туллий, признававший, что человек в результате некоего прекрасного творения был произведен на свет Высшим Богом,¹ то не воздают Ему должного поклонения как высшему Отцу, что было бы [на их месте] разумно и естественно.

7. Боги не могут считаться ни отцами, ни господами людей, что доказывает не только их множество, как я выше показал, но и [даже наш] разум. Ведь не говорят, что человек был создан богами, и не утверждают, что боги не предшествовали появлению людей, 8. ибо ясно, что люди на земле были прежде, чем появились Вулкан и Либер, и Аполлон, да и сам Юпитер. Но не следует приписывать создание людей и Сатурну, или Небу, отцу его. 9. Ибо, если передается, что никто из тех, кто почитается, не был изначален, и не сотворил человека, никто из них, стало быть, не может считаться ни отцом человека, ни [истинным] Богом. Итак, не следует почитать тех, кто не сотворил человека, ибо невозможно родиться от многих. 10. Следовательно, должен почитаться только один Бог, Который предшествовал и Юпитеру, и Сатурну, и небесам, и земле. Ибо Он сотворил человека, а прежде человека создал небо и землю. 11. Лишь один должен называться Отцом — Кто сотворил, лишь один должен считаться Господином — Кто правит, Кто имеет истинную и вечную власть на жизнь и на смерть. Кто не чтит Его, тот неразумный раб, который либо бежит от своего господина, либо не знает его, и нечестивый сын, который либо ненавидит истинного отца своего, либо не ведает его.

5. 1. Теперь, после того как я доказал, что мудрость и религия не могут быть отделены друг от друга, остается поговорить о самой мудрости

¹ Цицерон. О законах. I.7.22.

и религии. 2. Сколь нелегко, как я думаю, рассуждать о вещах небесных! Все же следует попытаться [сделать это], чтобы истина открылась полнее и от заблуждений и гибели освободились те многие, кто пренебрегают истиной, скрытой под покровом глупости, и отвергают ее. 3. Но прежде чем начать рассуждение о Боге и Его творениях, мне следует немного рассказать о древних пророках, свидетельствами которых мы теперь будем пользоваться, чего я, сдерживая себя, не сделал в первых книгах.

4. Тот, кто старается открыть истину, должен прежде всего душу свою устремить к пониманию не только речей пророков, но и к определению времени, когда каждый из них жил, чтобы знать, какое будущее они предсказали и через сколько лет [от времени их жизни] оно исполнится. 5. Трудности в этом никакой нет. Ведь они сами свидетельствуют, при чьем правлении Дух Божий нисходил на них; 6. и многие из них сообщали о временах в книгах своих, начиная с пророка Моисея, который жил приблизительно за семьсот лет до Троянской войны. Этот Моисей, после того как на протяжении сорока лет правил народом, обрел преемника Иисуса [Навина], который держал первенство двадцать семь лет. 7. Затем [иудеи] на протяжении трехсот семидесяти лет пребывали под властью судей. Когда же положение изменилось, у них появились цари. После того как в течение четырехсот пятидесяти лет вплоть до правления Седекеи иудеи находились под их властью, они подверглись нападению вавилонского царя и, захваченные в плен, терпели долгое рабство, пока через семьдесят лет Кир Великий не возвратил плененных иудеев на свою землю и в свои жилища; он правил персами в то же время, когда в Риме был [царем] Тарквиний Гордый.¹ 8. Поскольку вся цепочка времени формируется на основе истории иудеев, греков и римлян, постольку возможно определить время каждого пророка, последним из которых был Захария, о котором известно, что он пророчествовал восемь месяцев при царе Дарии,² во второй год его правления. Откуда ясно, насколько пророки древнее греческих писателей. 9. Все это я рассказываю для того, чтобы те, которые стараются дока-

¹ *Тарквиний Гордый* — последний римский царь, правивший в 534–510 гг. до н. э.; *Кир II Великий* — царь персов, правивший в 558–529 гг. до н. э.

² *Дарий I* — царь персов, правивший в 522–485 гг. до н. э.

зять, что Священное Писание ново и создано недавно, те, которые не ведают, из какого источника берет начало святая религия, осознали свое заблуждение. 10. В самом деле, если кто, исчислив и ясно представив себе времена, заложит крепкий фундамент учения, тот ясно потом увидит истину и, познав ее, оставит свое заблуждение.

6. 1. Итак, Бог, Устроитель и Создатель вещей, как мы сказали во второй книге,¹ прежде чем исполнить это замечательное создание мира, родил [γενειτ] святой и нетленный Дух, Который был назван Сыном. 2. И хотя Бог создал потом также и других неисчислимых [духов], которых мы называем ангелами, все же только этого единственного первородного Он удостоил божественного имени, обладающего, разумеется, [всею полнотою] отеческой благодати и отеческим могуществом. 3. О том, что существует Сын Высшего Бога, который наделен великой силой, свидетельствуют не только сливающиеся воедино речи пророков, но и провозвестие [Гермеса] Трисмегиста и предсказания Сивилл. 4. Гермес [Трисмегист] в той книге, которая озаглавлена *Совершенный Логос*, использует следующие слова: «Господь и Создатель вселенной, Которого мы обычно называем Богом, когда произвел второго Бога, видимого и осязаемого (я называю его осязаемым не потому, что он осязает, — о том, осязает ли он, или нет, мы будем рассуждать позже, — а потому что нисходит на чувства и на разум), Тот предстал перед Ним преисполненным всех благ и возлюбленным. И Господь возлюбил Его как драгоценное дитя Свое».

5. Эритрейская Сивилла в начале своей песни, к которой ее побуждает Всевышний Бог, такими словами предсказывает, что Сын Божий будет вождем и повелителем [imperatorem] всех:

*Он питающий все Создатель, вложивший дыханье
Сладкого всем и Вождя для смертных всех сотворивший.²*

И еще раз в конце той же песни:

Сыном великого Бога те люди Его называют.³

¹ См.: II.8.3.

² Книги Сивилл. Фрагм. I. 5—6.

³ Книги Сивилл. III.776.

И другая Сивилла предрекает, что Он должен быть почитаем:

Так почти же Его как Бога и Божьего Сына.¹

6. Разумеется, и Сам Сын Божий через Соломона, мудрейшего царя, исполненного божественного духа, сказал то, что мы прибавляем [здесь к аргументам]: «Господь имел меня началом пути Своего, прежде созданий Своих, искони: От века я помазан, от начала, прежде бытия земли. Я родился, когда еще не существовали бездны, когда еще не было источников, обильных водою. Я родился прежде, нежели водружены были горы, прежде холмов, когда еще Он не сотворил ни земли, ни полей, ни начальных пылинок земли. 7. Когда Он уготовлял небеса, я был там. Когда Он проводил круговую черту по лицу бездны, когда утверждал вверху облака, когда укреплял источники бездны, когда давал морю устав, чтобы воды не преступали пределов его, когда полагал основания земли, тогда я был при Нем художником. 8. И был радостью всякий, веселясь перед лицом Его во все время».² 9. Потому Трисмегист и называет Его *Демииургом Бога*, а Сивилла зовет *Советником*, ибо Он был наделен от Бога Отца такой мудростью и такой добродетелью, что Тот пользовался советом Его и посредством [букв.: «руками»] Его при сотворении мира.

7. 1. Возможно, кто-нибудь, дойдя до этого места, спросит, Кто же столь могущественен и столь мил Богу, и какое имеет имя Тот, Чье первое рождение не только предшествовало миру, но и Кто сотворил мир разумением Своим и организовал добродетелью? 2. Первое, что нам следует знать, имя Его не известно даже ангелам, которые пребывают на небесах, а известно только Ему Самому и Богу Отцу. Не раньше оно станет известно, как о том говорит Священное Писание, чем будет исполнен замысел Божий. 3. Кроме того, оно не может быть произнесено человеческими устами, как учит о том Гермес [Трисмегист], говоря следующее: «Воля нерожденного Бога есть начало этого Начала. Его воля явила Бога, имя Которого не может быть выражено человеческим словом». И чуть ниже, обращаясь к сыну: «Есть ли какое слово

¹ Книги Сивилл. IV.329.

² Притч. 8.22–30.

мудрости, о дитя мое, которое может сказать о едином Господе всего и о Боге предразумном, говорить о Котором выше человека?»

4. Но хотя имя Его, которое Ему от начала дал Всевышний Отец, никто другой кроме Него самого не знает, все же Он имеет имя: одно — среди ангелов, другое — среди людей. Среди людей Его зовут Иисус. Христос же — [это] не собственное имя, но обозначение могущества и власти. Так ведь иудеи называют своих царей. 5. Однако необходимо объяснить смысл этого имени из-за ошибки несведущих людей, которые обычно именуют его Хрестом, заменяя букву. 6. Было прежде у иудеев правило изготавливать священный елей, чтобы им могли быть помазаны те, кого посвящали в священнослужители или цари. И как теперь у римлян пурпурное одеяние служит знаком царского достоинства, так и у тех иудеев елей давал помазаннику имя священника или царскую власть. 7. Но так как древние греки говорили *намазать*, что теперь *умащать*, как показывает следующий Гомеров стих:

*Их и омыли рабы, и натерли тела их маслами,*¹

по этой причине мы и зовем Его Христом, т. е. помазанным, что по-еврейски звучит как Мессия. Оттого в некоторых греческих текстах, которые дурно были переведены с еврейского, встречается написание ἠλειχθένος [намазанный] от ἠλείφεται [быть намазываемым]. 8. Как бы то ни было, и то и другое имя означает, что Он является Царем, но так как Он не достиг земного царства, время для чего еще не пришло, то имя это означает, что Он — Царь небесный и вечный, о чем мы будем говорить в последней книге. Теперь же скажем о Его первом рождении.

8. 1. Во-первых, мы свидетельствуем, что Он был рожден дважды, первый раз в Духе [in spiritu], второй — во плоти. По поводу чего у Иеремии так сказано: «Прежде нежели Я образовал тебя во чреве, Я познал тебя».² То же самое [сказано] и у Него самого: «Блажен тот, Кто существовал, прежде чем был рожден».³ 2. Это ни к кому не может быть отнесено, кроме Христа, Который, хотя был от начала Сыном Божиим, вновь

¹ Гомер. Одиссея. IV.49. (Перевод наш. — В. Т.)

² Иер. 1.5.

³ Этих слов нет в современном корпусе Священного Писания.

был рожден во плоти. Это второе рождение привело человеческие души к большим заблуждениям и покрыло тенетами даже тех, кто был сопричастен истинной религии. 3. Но мы прямо и ясно откроем это, чтобы ревнители мудрости легче могли понять [сказанное].

Кто услышит сказанное [подобным образом] о Сыне Бога, не должен доходить до такого нечестия, чтобы думать, будто Бог родил Его в браке и через связь с какой-нибудь женщиной, как происходит рождение животного и смертного существа. 4. Ведь с кем Бог мог соединиться, когда Он был один? С другой стороны, если Он был столь могущественен, что мог совершать все, чего бы ни захотел, то не нуждался Он для произведения на свет в какой бы то ни было связи. Если, конечно, мы не будем считать, что Бог, как полагал Орфей, был и мужчиной и женщиной, ибо не мог бы родить ничего, если бы не имел силы того и другого пола, как будто бы Он Сам с Собой вступал в связь и не мог родить без связи. 5. Но так же думал и Гермес [Трисмегист], когда говорил, что Бог *Сам Себе отец* и *Сам Себе мать*. Если бы это было так, то пророки называли бы Его как Отцом, так и Матерью.

Каким же образом Он производил на свет? 6. Во-первых, божественные деяния никому не могут быть известны и никем не могут быть объяснены. Но тем не менее Священные Писания определенно показывают, что этот Сын Божий есть Речь [sermonem] Божия, тогда как другие ангелы [ceteri angeli] суть Дух Божий [spiritus dei]. Речь же есть дыхание [spiritus], соединенное с голосом, произносящим что-то. 7. Но все же поскольку дыхание и речь рождаются из разных органов, а именно дыхание исходит из ноздрей, а речь из уст, между Сыном Божиим и прочими ангелами большая разница. Ведь те родились от Бога как бессловесное дыхание, так как они создавались не для передачи учения Божия, но только для служения Ему. 8. Этот же, хотя и Сам был Духом, но все же появился из уст Бога с голосом и звучанием, как Слово [verbum], для того, конечно же, чтобы голос Его служил потом для просвещения народа. Т. е. чтобы Он стал в будущем Наставником в учении Божиим и открыл людям тайны небесные, чтобы то, что Бог изначально говорил, было передано через Него нам, чтобы открыл Он нам и слово, и волю Божию. 9. Справедливо, стало быть, Он именуется Речью и Словом [sermo et verbum] Божиим, ибо Бог исходящее из уст Своих

вещающее дыхание сформировал не во чреве, но в разуме, некоей непостижимой добродетелью могущества Своего и силой Своей сотворил образ, исполненный Его собственной мыслью и мудростью. А другим духом Он наполнил ангелов Своих. 10. Наше дыхание кратковременно, поскольку мы — смертные. Божий же Дух и живет, и сохраняется, и действует, ибо Бог бессмертен и является источником чувства и жизни. 11. Слова наши хотя и смешиваются, и пропадают, но все же большинство из них остаются записанными, тем более тогда следует верить, что Слово Божие пребывает вечно, сохраняя чувство и силу, которую Оно получает от Бога Отца, словно вода ручья из источника. 12. Если кто-то поразится тому, что Бог мог родиться от Бога из Слова и Духа, тот, конечно, перестанет удивляться, если познакомится со святыми речениями пророков. 13. Даже тем, кто не касался Божественных Писаний, известно, что Соломон и его отец Давид были могущественными царями и в то же время пророками. Один из них, который правил позже, жил за 140 лет до разрушения Трои. 14. Отец его, автор гимнов, в 32-м псалме так говорит: «Словом Господа сотворены небеса, и духом уст Его — все воинство их». ¹ И он же еще раз в 44-м псалме: «Излилось из сердца моего слово благое; я говорю: песнь моя о Царе». ² Очевидно, он свидетельствовал, что никому другому не известны деяния Божии, кроме как одному Сыну, Который есть Слово Божие, и Который будет править вечно. 15. Тот же Соломон показывает, что руками Слова Божия совершено было сотворение мира. Он говорит: «Я вышел из уст Величайшего, и подобно облаку покрыл землю. Я поставил скинию на высоте, и престол мой — на столпе облачном». ³ 16. Иоанн же так передает: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все чрез Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть». ⁴

9. 1. Но греки называют Его Логосом, что лучше, чем наше Слово [verbum] или Речь [sermonem]. Ведь Логос означает и слово, и мысль,

¹ Пс. 33(32).6.

² Пс. 45(44).2.

³ Сир. 24.3-4.

⁴ Ин. 1.1-3.

так как Он есть и Голос, и Мудрость Бога. 2. Этого божественного Слова не чужды даже философы. Ведь Зенон называет Логосом устроителя вещей — творца вселенной, именуя его Роком [fatum], Необходимостью вещей [necessitatem rerum], Богом и душой Юпитера [animum Jovi], по тому, разумеется, принципу, по которому обычно Юпитера принимают в качестве Бога.¹ 3. Но различие в словах ничего не значит, когда смысл соответствует истине. Ведь Он есть Дух Божий, Которого тот Зенон назвал Душой Юпитера. Ведь и Трисмегист, записавший почти всю истину (не знаю уж, каким образом), признался, как показывает приведенный выше пример, что есть некое невыразимое и святое Слово, объяснить которое не дано человеку.

4. Я кратко, как мог, рассказал о первом рождении; теперь речь пойдет о втором рождении. Поскольку по этому вопросу идет большой спор, его нужно раскрыть шире, чтобы желающим узнать истину дать свет для [ее] постижения.

10. 1. Людям следует знать прежде всего то, что, как изначально и было предустановлено Всевышним Богом, с приближением конца времен сошел на землю Сын Божий, чтобы заложить храм Богу и преподавать [людям] справедливость: сошел Он, однако, не во славе ангела или владыкой небесным, но в образе человека и творения смертного, чтобы, преподав учение, быть преданным в руки нечестивцев и смерть принять, чтобы, поправ ее благодаря добродетели, воскреснуть, и дать человеку, чей образ [Он] на себя принял, в ком воплотился, надежду победить смерть и получить в качестве награды бессмертие. 2. А потому, чтобы все узнали это предустановление, мы покажем, что все, что исполнилось во Христе, было предсказано. 3. Никто не поверит нашему утверждению, если я не открою, что еще пророки давным-давно предсказали, что некогда родится Сын Божий и, как человек, совершит чудеса и распространит по всей земле поклонение [истинному] Богу и наконец будет распят и на третий день воскреснет. 4. Когда я все это с очевидностью открою по писаниям тех, кто совершили насилие над своим Богом, облаченным в смертное тело, что еще будет препят-

¹ Ср.: Диоген Лаэртский. Жизнеописания и изречения знаменитых философов. VII.134–135.

ствовать тому, чтобы стало очевидным, что истинное знание пребывает только в этой религии? 5. Теперь следует рассказать об этом таинстве, начиная с его происхождения.

Предки наши, которые были первыми из евреев, страдая от неплодородия и бескормицы, переселились в Египет, богатый хлебом, и, задержавшись там, оказались под игом нестерпимого рабства. 6. Тогда Бог, сжалившись, вывел их [из Египта] и после четырехсот тридцати лет [плена] освободил их от рук царя египетского с помощью Моисея, через которого впоследствии им был дан Закон от Бога. 7. Перевел же народ Он сквозь Красное море, при этом впереди шествовал ангел и разделял воду, чтобы народ мог ступить [между вод] по суше, как справедливо говорит поэт:

Наподобие

Согнутых скал поднялись и застыли недвижные волны.¹

8. Услышав о случившемся, тиран египетский с огромным отрядом стал преследовать [евреев], и, вступив наудачу в разверзшееся море, был погребен под сомкнувшимися водами его вместе со всем своим войском.

Евреи же, вышедшие [из Египта], в пустыне оказались свидетелями многих чудес. 9. Так, когда они испытывали жажду, из скалы, расщеченной ударом посоха, пробился родник и напоил народ. 10. Когда же вновь они захотели есть, небесная пища пролилась им дождем. И ветер принес в лагерь их даже перепелок, чтобы они кормились не только хлебом небесным, но и более сытной пищей. 11. Но не воздали они благодарности Богу за эти всевышние милости, сбросив же ярмо рабства, утолив жажду и голод, они, испорченные в неге, души обратили к нечестивым обычаям египтян. 12. Когда же Моисей, предводитель их, поднялся на гору, где пребывал в течение сорока дней, они изготовили золотую, размером выше себя, голову быка, которого называют Аписом. 13. Разгневанный этим прегрешением, и даже [можно сказать] преступлением, Бог в наказание за проступок поразил суровыми карами нечестивый и неблагодарный народ и подчинил его Закону, который

¹ Вергилий. Георгики. IV. 361.

преподал через Моисея. 14. После этого, поселившись в некоей безлюдной части Сирии, они оставили прежнее имя евреев и, поскольку их предводителем был когда-то Иуда, стали называться иудеями, а земля, которую они населили, получила название Иудеи.

15. Первоначально они не подчинялись власти царей, народом же управляли и охраняли Закон гражданские судьи; они назначались не на год, как римские консулы, но удерживали власть постоянно. Потом же, когда было устранено имя судей, введена была царская власть. 16. Однако, пока ими управляли судьи, они часто принимали дурные верования, и негодующий Бог многократно подвергал их иноземному завоеванию, пока, вновь смягченный их раскаянием, не освобождал их от рабства. 17. Так же, находясь под властью царей, они за прегрешения свои обрекались на войны с соседями и в конце концов, захваченные в плен, были отведены в Вавилон и за нечестивость свою платили тяжелой неволей, пока [у персов] царем не стал Кир, который тотчас эдиктом возвратил иудеев [в их собственные земли]. 18. После этого они имели тетрархов вплоть до Ирода, который был [тетрархом] под властью Тиберия Цезаря; в пятнадцатый год его правления, т. е. в консульство двух Геминов, за десять дней до апрельских календ иудеи распяли Христа.¹ 19. Подобное изложение событий, такая их вереница содержится в недрах Священных Писаний. Но прежде я покажу, по какой причине пришел на землю Христос, когда Он [заложил] основание божественной религии и прояснил учение.

11. 1. В то время как иудеи из раза в раз противились спасительным предписаниям и изменяли Божественному Закону, отклоняясь к нечестивому поклонению богам, [истинный] Бог преисполнил Святым Духом некоторых избранных мужей, определив среди Своих рабов пророков, через которых Он порицал грозными словами грехи неблагодарного народа и в то же время побуждал к раскаянию за преступления, увещевая, 2. что если они не прекратят этого и, оставив свою кичливость, не обратятся вновь к своему Богу, Он изменит завет Свой, т. е. наследие вечной жизни предоставит чужеземным народам и соберет Себе из

¹ Тиберий Цезарь правил с 14 по 37 г.; консульство Рубеллия и Руфия Геминов приходилось на 29 г., десятый день до апрельских календ — 23 марта.

чужеземцев другой, более верный народ. 3. Иудеи же, упрекаемые про- роками, не только презрели слова их, но, негодуя, что их порицают за прегрешения, убивали тех пророков, подвергая их исключительным мукам. Все это сохранилось в Божественных Писаниях.

4. Сказал же пророк Иеремия: «Господь посылал к вам всех рабов Своих, пророков, с раннего утра посылал, — и вы не слушали и не при- клоняли уха своего, чтобы слушать. Вам говорили: “обратитесь каж- дый от злого пути своего и от злых дел своих, и живите на земле, кото- рую Господь дал вам и отцам вашим из века в век; и не ходите вослед иных богов, чтобы служить им и поклоняться им, и не прогневляйте Меня делами рук своих, и не сделаю вам зла”».¹ 5. И пророк Ездра, живший во времена того самого Кира, благодаря которому иудеи были возвращены [в земли свои], говорил так: «И сделались упорны и возму- тились против Тебя, и презрели закон Твой, убивали пророков Твоих, которые увещевали их обратиться к Тебе».² 6. Также Илия в *Третьей книге Царств* говорил: «Возревновал я о Господе, Боге Саваофе; ибо сыны Израилевы оставили завет Твой, разрушили Твои жертвенники, и пророков Твоих убили мечом; остался я один, но и моей души ищут, чтоб отнять ее».³

7. После таких преступлений Бог отверг их навсегда и потому пере- стал посылать к ним пророков. Но определил, чтобы сошел с небес Сын Его первородный, творец мира и советник Его, чтобы Тот передал свя- щенную религию Бога народам, т. е. тем, которые не ведали Бога, и чтобы утвердил справедливость, которую оставил народ неверный.

8. Бог уже давно угрожал, что намерен сделать это, как свидетельство- вал пророк Малахия, говоря: «Нет моего благоволения к вам, говорит Господь Саваоф, и приношение из рук ваших неблагоугодно Мне. Ибо от востока солнца до запада велико будет имя Мое между народами».⁴

9. Так же Давид в 17-м псалме говорил: «Ты избавил меня от мятежа народа, поставил меня главой иноплеменников; народ, которого я не

¹ *Иер.* 25.4–6.

² *Неем.* 9.26.

³ *3 Цар.* 19.10.

⁴ *Мал.* 1.10–11.

знал, служит мне».¹ 10. Так же пророк Исаия говорил следующее: «И вот, приду собрать все народы и языки, и они придут, и увидят славу Мою. И положу на них знамение, и пошлю из спасенных от них к народам, которые далеко, которые не слышали обо мне и не видели славы Моей; и они возвестят народам славу Мою».²

11. Намереваясь же послать на землю создателя храма Своего, Бог не хотел посылать Его в силе и славе небесной, чтобы народ, неблагодарный Богу, был введен в великое заблуждение и понес наказание за проступки свои: что пророки прежде предсказали, то Он и собирался совершить. 12. Ведь Исаия, которого те самые иудеи убили жесточайшим образом, распилив пилой, так сказал: «Слушайте, небеса, и внимай, земля; потому что Господь говорит: Я воспитал и возвысил сыновей, а они возмутились против Меня. Вол знает владетеля своего, и осел ясли господина своего; а Израиль не знает Меня, народ Мой не разумеет».³ 13. Иеремия также говорит подобное: «И аист под небом знает свои определенные времена, и горлица, и ласточка, и журавль наблюдают время, когда им прилететь, а народ Мой не знает определения Господня. Как вы говорите: мы мудры, и закон Господень у нас? А вот, лживая трость книжников и его превращает в ложь. Посрамились мудрецы, смутились и запутались в сеть; вот, они отвергли слово Господне».⁴

14. Итак, как я начал говорить, Бог, определяя послать Учителя добродетели к людям, предписал, чтобы Тот родился во плоти и стал подобен самому человеку, которому будет вождем, проводником и учителем. 15. Но все же, поскольку Бог снисходителен и милосерден в отношении Своего [народа], Он послал Его именно к тем, которых ненавидел, не закрыл им навсегда путь к спасению, но дал возможность свободно последовать за Богом, чтобы они получили в награду жизнь, если последуют, что многие делали и делают, или подверглись бы в наказание смерти за проступок свой, если Царя своего презрят. 16. Он определил, чтобы Тот родился среди иудеев и из их семени, дабы, если

¹ Пс. 18(17).44.

² Ис. 66.18–19.

³ Ис. 1.2–3.

⁴ Иер. 8.7–9.

Он будет рожден в каком-либо ином месте, они не могли бы найти законного оправдания тому, что отвергли Его, и в то же время [послал к ним], чтобы не было на земле ни одного народа, кому было бы отказано в надежде на бессмертие.

12. 1. Итак, сошедший с небес тот Святой Дух Божий избрал святую Деву, во чрево чье проник. Та же, приняв Дух Божественный, зачала. 2. Если всеми признается, что некоторые одухотворенные девы смогли зачать от ветра и света, отчего же некоторые полагают чудом, когда мы говорим, что Дева стала непраздна от Духа Божия, Которому легко сделать все, что Он захочет?

3. Это действительно могло показаться невероятным, если бы такое будущее не было предсказано за много веков пророками. Соломон так говорит: «Было чрево девы слабо, и познало плод; и отяготилась, и стала матерью дева по великому милосердию». ¹ 4. Ему вторит пророк Исаия, слова чьи следующие: «Итак Сам Господь даст вам знамение: се, Дева во чреве примет, и родит Сына, и нарекут имя Ему: Еммануил». ² 5. Что может быть очевиднее этого? Читали это и иудеи, которые Его не признали. Если же кто сочтет, что мы это выдумали, пусть у них спросит, пусть лучше у них узнает; что убедительнее для доказательства истины, чем те свидетельства, которые предоставляются самими противниками? 6. Еммануилом же Он никогда не именовался, но [звался] Иисусом, что по-латыни означает Целитель или Спаситель, ибо Он пришел всем народам дать спасение; но пророк назвал Его тем именем [Еммануил], поскольку Бог намеревался прийти к людям во плоти. 7. А Еммануил как раз и означает «с нами Бог»: ибо, когда Он был рожден Девой, люди должны были признать, что Бог с ними, т. е. на земле и в теле смертном. О чем Давид в 84-м псалме говорит: «Истина возникнет из земли, и правда приникнет с небес; и Господь даст благо, и земля наша даст плод свой. Правда пойдет пред Ним и поставит на путь стопы свои». ³ 8. Так же говорит и сам Исаия: «Но они возмутились, и огорчили Свята-

¹ Ни в *Книге Притчей Соломоновых*, ни в *Книге Песни Песней Соломона* в их современной редакции этих слов нет.

² Ис. 7.14.

³ Пс. 85(84).12–14.

го Духа Его; поэтому Он обратился в неприятеля их: Сам воевал против них. Тогда народ Его вспомнил древние дни, Моисеевы: где Тот, Который вывел их из моря с пастырем овец Своих?»¹ 9. Кто же будет этот пастырь, Исаия показал в другом месте: «Кропите, небеса, свыше, и облака да проливают правду; да раскроется земля и приносит спасение... Я, Господь, творю это».²

Спаситель же, как мы выше сказали, есть Иисус. 10. Но и в другом месте тот же самый пророк предсказал следующее: «Ибо младенец родился нам; Сын дан нам; владычество на раменах Его, и нарекут имя Ему: Чудный, Советник, Бог крепкий, Отец вечности, Князь мира».³ 11. И для того был послан Он Богом Отцом, чтобы всем народам, которые только есть под небом, открыть священную тайну единого и истинного Бога, отнятую у вероломного народа, который неоднократно в отношении Бога совершал проступки скверные. 12. Даниил подобным же образом высказался: «Видел я в ночных видениях, вот, с облаками небесными шел как бы Сын Человеческий, дошел до Ветхого днями, и подведен был к Нему. И Ему дана власть, слава и царство, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится».⁴

13. Каким же образом иудеи славят и ожидают Христа Божьего, если отвергли Его, на том основании, что [Он] рожден от человека? 14. Ибо установлено Богом так, что Тот самый Христос придет на землю дважды: первый раз, чтобы возвестить народам о единственном Боге, второй же раз — чтобы царствовать: каким же образом они верят во второе пришествие, не поверив в первое? 15. Пророк ведь в немногих словах описал и тот и другой приход: «Вот, — говорит, — с облаками небесными шел как бы Сын человеческий». Не сказал, что «Сын Божий», но сказал, что «Сын человеческий», чтобы тем самым показать, что на земле Он будет облачен плотью, что, приняв образ человека и творения смертного, Он преподаст людям справедливость и, выполняя предписание

¹ Ис. 63.10–11.

² Ис. 45.8.

³ Ис. 9.6.

⁴ Дан. 7.13–14.

Божие, откроет истину народам, расплатится же смертью, чтобы поправить преисподнюю и отверзнуть ее; и, воскреснув после этого, отправится к Отцу, уносимый облаком. 16. Прибавил же пророк, говоря: «Дошел до Ветхого днями, и подведен был к Нему». «Ветхого днями» [пророк] назвал Всевышнего Бога, ни возраст Которого, ни начало нельзя постичь, поскольку лишь Он один был от века и будет во все века.

17. Что Христос после страстей и воскресения вознесется к Богу Отцу, в 109-м псалме свидетельствовал Давид следующими словами: «Сказал Господь Господу моему: седи одесную Меня, доколе положу врагов Твоих в подножие ног Твоих». ¹ Кого пророк этот, будучи царем, мог назвать господином своим, чтоб тот восседал справа от Бога, если не Христа, Сына Божьего, Который есть Царь царей и Господь господ?

18. Это еще очевиднее показал Исаия, сказав: «Так сказал Господь Бог Христу, Господу моему: ² Я держу тебя за правую руку, чтобы покорить тебе народы, и сниму поясы с чресл царей, чтоб отворялись для тебя двери, и ворота не затворялись; Я пойду пред Тобою, и горы уровняю, медные двери сокрушу, и запоры железные сломаю; и отдам Тебе хранимые во тьме сокровища и сокрытые богатства, дабы Ты познал, что Я Господь, называющий Тебя по имени, Бог Израилев». ³ 19. Наконец, за добродетель и веру, которые Он явил на земле, будучи Богом: «И Ему дана власть, слава и царство, чтобы все народы, племена и языки служили Ему; владычество Его — владычество вечное, которое не прейдет, и царство Его не разрушится». ⁴ 20. Это может пониматься двояко: с одной стороны, Он и теперь имеет непоколебимую силу, поскольку все народы и все языки почитают имя Его, признают Его величие, учению Его следуют, добродетели Его подражают; Он имеет власть, имеет почет, поскольку вся голь земли предписаниям Его повинуются; 21. в то же время, впоследствии, когда Он придет в силе и славе, чтобы подвергнуть суду все души, и справедливых возратить к жизни, Он

¹ Пс. 110(109).1.

² Здесь перевод наш. — В. Т. Ср. Синодальный перевод: «Так говорит Господь помазаннику Своему Киру...».

³ Ис. 45.1–3.

⁴ Дан. 7.14.

будет еще более обладать властью; тогда, когда исчезнет среди людей всякое зло, наступит «золотой век», как его называют поэты, т. е. наступит справедливое и мирное время.

22. Но это мы разберем подробнее в последней книге, когда будем говорить о втором пришествии, теперь же завершим то, что начали, — [рассказ] о первом [пришествии].

13. 1. Итак, Бог Всевышний и Родитель всеобщий, когда захотел [людям] передать Свою религию, послал с небес Учителя справедливости, чтобы явить в Нем или через Него новый Закон новым почитателям. Он действовал не как прежде, через человека, но решил, чтобы Тот [Учитель], родившись, словно человек, был подобен во всем Отцу Всевышнему. 2. Сам же Бог Отец — первоначало и первопричина сущего. Так как не имеет родителей, Он был назван разумнейшим Трисмегистом *не имеющим отца*, а также *не имеющим матери*, ибо ни от кого не рожден. 3. Поэтому следовало, чтобы Сын был рожден дважды: один раз без матери и второй — без отца. И вот в первое, духовное рождение Он оказался *не имеющим матери*, поскольку был рожден одним Богом Отцом без участия матери. 4. Во второе же, плотское рождение оказался *не имеющим отца*, ибо без участия отца был произведен на свет из чрева Девы, чтобы, обладая средней между божественной и человеческой сущностью, Он мог, словно за руку, привести нашу тленную и слабую природу к бессмертию. 5. Оказался Он и Сыном Божиим через Дух, и человеком через плоть, т. е. и Богом, и человеком.

Добродетель Божия проявилась в Нем через деяния, которые Он совершал; слабость же человеческая — в тех страданиях, которые претерпел (зачем же Он их принял, я объясню чуть позже). 6. О том, что Он и Богом был, и в то же время был рожден из чрева, нам предсказали пророки. 7. Исаия свидетельствовал о Боге такими словами: «Труды Египтян и торговля Ефиоплян, и Савейцы, люди рослые, к тебе перейдут, и будут твоими; они последуют за тобою, в цепях придут и повернутся пред тобою, и будут умолять тебя, *говоря*: у тебя только Бог, и нет иного Бога. Истинно Ты Бог сокровенный, Бог Израилев, Спаситель. Все они будут постыжены и посрамлены».¹ 8. И пророк Иеремия

¹ Ис. 45.14–16.

так говорит: «Сей есть Бог наш, и никто другой не сравнится с Ним. Он нашел все пути премудрости, и даровал ее рабу Своему Иакову и возлюбленному Своему Израилю. После того Он явился на земле и обращался между людьми». ¹ 9. Так же Давид в 44-м псалме говорит: «Престол Твой, Боже, вовек; жезл правоты — жезл царства Твоего. Ты возлюбил правду и возненавидел беззаконие; посему помазал Тебя, Боже, Бог Твой елеем радости». ² Этим словом [пророк] открыл также имя Его, поскольку, как я прежде показал, Он был назван Христом как помазанник. 10. То, что Он был человеком, показывает Иеремия, говоря: «И се человек, и кто узнал Его?» ³ Также Исаия: «И пошлет Бог человека, Который спасет их, предавая суду, и избавит их». ⁴ К тому же и Моисей в Числах говорит таким образом: «Восходит звезда от Иакова и восстает человек от Израиля». ⁵ 11. По той причине Аполлон Милетский, когда был вопрошен, Бог ли [Христос] или человек, ответил таким образом:

*Плотью смертным был тот чудотворец премудрый,
Но халдейским судилищем схвачен он был,
И кончину он горькую принял, к кресту пригвожденный.*

12. Хотя он в первой строке и сказал истинное, все же следующими словами остроумно ввел вопрошавшего в заблуждение, совершенно не знавшего тайны истины. Ведь, кажется, он отрицал, что Тот есть Бог. Но когда он признался, что по плоти Тот был смертным, что также и мы признаем, то выходило, что по духу Тот был Богом, на чем мы настаиваем. 13. Зачем было необходимо упоминать о плоти, когда достаточно было сказать, что Он был подвержен смерти? Но, принужденный

¹ Лактанций ошибается, это слова из Книги пророка Варуха. См.: Вар. 3.36–38.

² Пс. 45(44).7–8.

³ Иер. 17.9. Перевод наш. — В. Т. Ср. Синодальный перевод: «Лукаво сердце человеческое более всего и крайне испорчено: кто узнает его?»

⁴ Ис. 19.20. Перевод наш. — В. Т. Ср. Синодальный перевод: «И Он пошлет им спасителя и заступника, и избавит их».

⁵ Числ. 24.17. Перевод наш. — В. Т. Ср. Синодальный перевод: «Восходит звезда от Иакова и восстает жезл от Израиля».

истиной, он не мог отрицать того, что было, подобно тому, как говорил, что Тот был премудр. 14. Что ты ответишь на это, Аполлон? Если Он был премудр, стало быть, и учение Его является не чем иным, как мудростью, а также те, кто ему следуют, не кто иные, как мудрецы. Почему же тогда всюду считают за глупцов, лжецов и пустословов нас, которые следуют за Учителем, признаваемым даже самими богами в качестве мудреца? 15. Ведь когда Аполлон говорил, что Тот совершал чудеса, чем подтвердил божественную [Его] суть, он уже был, видимо, согласен с нами, поскольку говорил то же самое, чем гордимся мы. 16. Но все же он остановился и вернулся к демоническим обманам. Ведь когда он с неизбежностью говорил правду, он, казалось бы, уже изменил богам и себе, если бы то, что вынудила сказать его истина, не утаил он с помощью лжи. Ведь он говорит, что хотя Тот и совершал чудеса, но все же не с помощью божественной добродетели, а с помощью магии.

17. Что удивительного, если Аполлон смог внушить это людям, не знающим истины, если даже иудеи, почитающие, как мы видели, истинного Бога, полагали так же, когда на глазах у них ежедневно творились те чудеса? Все же созерцание таких добродетелей не смогло побудить их поверить, что они видели Бога. 18. Кроме того, Давид, которого они весьма почитают среди других пророков, в 27-м псалме так их осуждает: «Воздай им по делам их, ибо не разумеют они дел Господа».¹ То, что из дома их Христос примет второе плотское рождение, сообщает и сам Давид, и другие пророки. 19. У Исаии так записано: «И будет в тот день: к корню Иессееву, который станет, как знамя для народов, обратятся язычники, — и покой его будет слава».² 20. И в другом месте: «И произойдет отрасль от корня Иессеева, и ветвь произрастет от корня его; и почиет на Нем Дух Господень, дух премудрости и разума, дух совета и крепости, дух ведения и благочестия; и страхом

¹ Пс. 28(27).4–5. Перевод наш. — В. Т. Лактанций значительно сокращает цитату из Священного Писания. Ср. Синодальный перевод: «Воздай им по делам их, по злым поступкам их; по делам рук их воздай им; отдай заслуженное ими. За то, что они невнимательны к действиям Господа и к делу рук Его, Он разрушит их, и не созиждет их».

² Ис. 11.10.

Господним исполнится».¹ 21. Иессей же был отцом Давида, из корня которого, как сказано, процветет цветок, тот самый, разумеется, о котором Сивилла говорит: «Чистый цветок расцветет».² 22. То же и во *Второй книге Царств*: «В ту же ночь было слово Господа Нафану: Пойди, скажи рабу Моему Давиду: так говорит Господь: ты ли построишь Мне дом для Моего обитания... Когда же исполнятся дни твои, и ты почиешь с отцами твоими, то Я восставлю после тебя семья твое... и упрочу царство его. 23. Он построит дом имени Моему, и Я утвержу престол царства его на веки. Я буду ему отцом, и он будет Мне сыном... И будет неколебим дом твой и царство твое на веки».³ 24. Однако то, что Соломон, сын Давида, воздвиг храм Богу и город, который назвал своим именем — Иерусалим, стало причиной того, что иудеи этого пророчества не поняли. То, что было сказано пророком, они отнесли к Соломону. 25. Но Соломон принял власть от отца своего, а пророки говорили о Том, Кто родится после того, как Давид с отцами своими почитет. Кроме того, власть Соломона не была вечной, ведь он правил сорок лет. 26. Далее, он никогда не именовался сыном Бога, но всегда сыном Давида. И дом, который он воздвиг, не неколебим в отличие от Церкви, которая и есть истинный храм Божий, который не в стенах, а в сердцах и в вере людей, которые верят в Него и зовутся верующими. Тот же храм Соломона, так как был сооружен руками, от рук и погиб. 27. Наконец, отец его в 126-м псалме о творениях сына своего так пророчествовал: «Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж».⁴

14. 1. Из этого становится ясно, что все пророки предвещали о Христе, что Он, некогда родившись телесно в роде Давида, воздвигнет вечный храм Богу, который есть Церковь, и призовет все народы к истинной религии Божией. 2. Этот бессмертный храм есть дом верный, и если в нем кто не принесет жертву, тот не обретет в награду бессмертия. 3. Поскольку же создатель этого великого и вечного храма Христос,

¹ Ис. 11.1-3.

² Книги Сивилл. VI. 8.

³ 2 Цар. 7, 4-5. 12-14. 16.

⁴ Пс. 127(126).1.

то, естественно, Он пребывает в нем непреходящим Жрецом; нельзя иначе прийти к святилищу храма и к созерцанию Бога, как не через Того, Кто воздвиг храм. 4. Давид в 109-м псалме утверждает это, говоря: «Из чрева прежде денницы подобно росе рождение Твое. Клялся Господь, и не раскаивается: Ты священник вовек по чину Мелхиседека».¹ 5. Так же [говорится] в *Первой книге Царств*: «И поставлю Себе священника верного; он будет поступать по сердцу Моему и по душе Моей... и он будет ходить пред помазанником Моим во все дни».²

6. Кто же этот будущий [Первосвященник], Кому Бог обещал жреческий сан, яснее ясного определил Захария, назвав Его даже по имени. Ибо сказал так: «И показал он мне Иисуса, великого иерея, стоящего перед Ангелом Господним, и сатану, стоящего по правую руку его, чтобы противодействовать ему. 7. И сказал Господь сатане: Господь да запретит тебе, сатана, да запретит тебе Господь, избравший Иерусалим! не головня ли он, исторгнутая из огня? Иисус же одет был в запятнанные одежды и стоял перед Ангелом, который отвечал и сказал стоявшим перед ним так: 8. снимите с него запятнанные одежды. А ему самому сказал: смотри, Я снял с тебя вину твою и облакаю тебя в одежды торжественные. И сказал: возложите на голову его чистый кидар. И возложили чистый кидар на голову его и облекли его в одежду; Ангел же Господень стоял. И засвидетельствовал Ангел Господень и сказал Иисусу: 9. так говорит Господь Саваоф: если ты будешь ходить по Моим путям и если будешь на страже Моей, то будешь судить дом Мой и наблюдать за дворами Моими. Я дам тебе ходить между сими, стоящими здесь. Выслушай же, Иисус, иерей великий».³ 10. Итак, кто не решит, что иудеи тогда не были лишены ума, когда они, несмотря на то, что все это сами читали и слышали, руки нечестивые подняли на Бога своего?

11. От того же времени, когда жил Захария, до пятнадцатого года правления Тиберия Цезаря, когда был распят Иисус, насчитывается около пятисот лет; ибо он жил во времена Дария и Александра, правив-

¹ Пс. 110(109).3-4.

² 1 Цар. 2.35.

³ Зах. 3.1-8.

ших немногим позже изгнания Тарквиния Гордого. 12. Но иудеи вновь оказались захвачены ложью и заблуждением, думая, что все это говорится об Иисусе, сыне Навина, который был преемником Моисея, или о жреце Иисусе, сыне Иоседека: но в них ничего не соответствовало тому, о чем повествовал пророк. 13. Ибо никогда они не были облачены в грязные [одежды], поскольку первый был могущественнейшим предводителем тех [иудеев], второй же жрецом; ни бедствий никаких не претерпевали они, чтобы можно было их считать «головней, извлеченной из огня», ни пред взором Божиим или ангелов они не стояли, и пророк говорил скорее не о прошлом, а о будущем.

14. Следовательно, [пророк] говорил об Иисусе, Сыне Божиим, чем открыл, что Он придет сперва в уничтожении и во плоти. Ибо «одевание грязное» означает, что после того как Он воздвиг храм Богу, пострадал, словно головня от огня, т. е. претерпел муки от людей и в высшей степени был испепелен. Ведь головней простой народ именует полусожженное и погасшее полено, извлеченное из огня. 15. Каким же образом и с какими предписаниями Он был послан Богом на землю, а именно, чтобы, исполнив волю Всевышнего Отца, получить право судить и [иметь] власть вечную, объяснил Дух Божий, открыв будущее через пророка. 16. «Если пойдешь путями Моими, — говорит, — и предписания Мои будешь исполнять, ты будешь судить дом Мой».

Что же значат пути Божии и что значат предписания Его, [это] вполне ясно и двух смыслов не имеет. 17. Ведь Бог, когда увидел, что порочность и культ ложных божков достигли такой силы на земле, что имя Его почти исчезло из памяти человеческой, поскольку иудеи, единственные, кому была вверена тайна Божия, оставив Бога живого, захваченные демонами в сети обмана, отклонились к поклонению [богов] вымышленных и не захотели вернуться к Богу, несмотря на призывы пророков, [тогда] Он Сына Своего, старшего из ангелов, отправил к людям, чтобы обратить их от нечестивых и бесплодных культов к познанию и поклонению истинному Богу, а равно, чтобы умы их [обратить] от неразумия к мудрости, а поступки их лишить несправедливости и наполнить справедливостью. 18. Это и есть те пути Божии, которыми Он велел ходить, и те предписания, которые вверил Он для соблюдения. Тот же [Сын] продемонстрировал верность Отцу. Ибо учил

Он, что Бог один, и только Его следует почитать; и никогда не называл Он себя самого Богом, ибо не сохранилась бы верность, если бы Посланик, отвергнув богов, признавая одного-единственного Бога, провозгласил бы другого, помимо единственного. 19. Это бы значило, что Он не был Вестником того единственного Бога, Который послал Его, но значило бы, что Он поступал Сам по Себе, и отделил Себя от Того, Кто должен будет явиться в сиянии. 20. И на том основании, что Он столь верно следовал [предписаниям], поскольку ничего для Себя не стяжал, поскольку исполнил распоряжения пославшего Его, получил Он и звание жреца вечного, и почет царя высшего, и власть судьи, и имя Бога.

15. 1. Сказав о втором рождении, когда [Сын] явил Себя людям во плоти, перейдем теперь к тем достойным удивления свершениям, которые, хотя они были небесными свидетельствами Его добродетели, иудеями были восприняты как [деяния] мага.

2. Как только Он достиг определенного [свыше] возраста [соerit adolescere], пророком Иоанном Он был омыт в реке Иордане; чтобы духовным крещением смыть грехи, но не Свои, которых Он вовсе не имел, но плоти, которую Он на Себя принял: чтобы подобно тому как Он спасал иудеев чрез обряд обрезания, так же [спасти] язычников чрез крещение, т. е. через очищающее омовение. 3. Тогда послышался голос с небес: «Ты Сын мой; Я ныне родил Тебя».¹ Эти слова находятся в предсказаниях Давида. И сошел на Него Дух Божий, принявший образ голубя белого. 4. После этого Он начал совершать великие благодеяния, и не с помощью магических обманов, которые не содержат ничего истинного и прочного, но благодаря силе и власти небесной: эти благодеяния также были предсказаны еще ранее пророками.

5. Деяния эти были столь велики, что одной книги не будет достаточно для изложения их. Поэтому я перечислю их кратко и в общем, без указаний каких-либо личностей и мест, чтобы я мог дойти до описания Его страстей и крестной смерти, к чему уже давно спешит мой рассказ. 6. Благодеяния Его, которые Аполлон назвал бы чудодейственными, таковы, что, где бы ни держал Он путь, одним словом и в одно мгновение [Иисус Христос] исцелял больных, немощных и мучимых

¹ Пс. 2.7.

всякого рода недугами. Он так исцелял, что люди, лишенные всех членов, вдруг обретя силу, сами несли назад постели, на которых еще недавно были принесены. 7. Хромым же, а также пораженным болезнями ног Он дал не только способность ходить, но и бегать. Тем же, взор чей в величайшей тьме пребывал [от слепоты], вернул прежнее зрение. 8. Языки безмолвных Он наполнил речью. Также глухим, уши раскрыв, [Он] дал возможность слышать. Оскверненных и покрытых позором Он очищал. 9. И все это Он совершал не действием рук или с помощью какого-либо лечебного средства, но словом и повелением, как предсказала то еще Сивилла:

Все своим словом творя и любую болезнь исцеляя.¹

10. И не удивительно, что Он совершал эти чудеса посредством слова, ибо Сам был Словом Божиим, Которого поддерживала небесная добродетель и власть. 11. И мало того, что Он восстанавливал силы немощным и слабым, что здоровье возвращал больным, что давал уверенность несчастным и пребывающим в унынии, но и воскрешал мертвых, словно пробуждая ото сна, возвращал их к жизни.

12. Видевшие это иудеи утверждали, что Он совершает все это с помощью демонической власти, хотя то будущее, которое свершалось [на их глазах], содержали их тайные писания. 13. Ведь читали они среди других пророчеств слова Исаии: «Укрепите ослабевшие руки, и утвердите колени дрожащие. Скажите робким душею: будьте тверды, не бойтесь; вот Бог наш, придет отмщение, воздаяние Божие; Он придет и спасет вас. Тогда откроются глаза слепых, и уши глухих отверзнутся. 14. Тогда хромой вскочит, как олень, и язык немого будет петь; ибо пробьются воды в пустыне, и в степи — потоки».²

15. Но и Сивилла то же самое возвестила следующими словами:

*...и мертвые всюду воскреснут,
Быстро хромые пойдут, и слышать смогут глухие,
Зренье получают слепцы, обретут дар речи немые.³*

¹ Книги Сивилл. VIII. 273.

² Ис. 35.3–6.

³ Книги Сивилл. VIII. 205–207.

16. Вследствие этих Его добродетелей и деяний божественных пришло к Нему великое множество и калек, и больных, и тех, кто жаждали исцелиться, и тогда взошел Он на некую пустынную гору, чтобы там молиться. В то время, как Он пребывал там в течение трех дней, народ был мучим голодом; позвал Он учеников, спросив, сколько они принесли с собой пищи. Те же ответили, что в корзине своей они имеют пять хлебов и двух рыб. Он велел принести их, а народу, разделившись по пятьдесят человек, возлечь [для трапезы]. 17. Когда ученики это сделали, Он разломил хлебы на небольшие кусочки, и разделил мясо рыб: то и другое приумножилось в руках Его. И когда повелел ученикам раздать это народу, оказались накормлены пять тысяч человек, и сверх того двенадцать корзин были наполнены оставшимися кусками.¹ Кто может сказать или сделать более удивительное? 18. Это же возвестила некогда и Сивилла, в стихе которой говорится следующее:

*Он хлебами пятью и рыбой из моря одною
Целых пять тысяч мужей легко насытит в пустыне;
После, собрав те куски, что остались от пищи, наполнит
Ими двенадцать корзин, да придет надежда к народам.²*

19. Так вот, я не считаю, что это могло быть совершенно с помощью магии, чей опыт ничему не служит, как только оболещению глаз. 20. Иисус же, как было сказано [в Писании], удалившись ради молитвы на гору, повелел ученикам, чтобы они взяли лодку и отправились вперед Его. 21. Ученики же, отправившись [в путь] в тот же вечер [и плывя] при встречном ветре, начали терять силы, и когда они достигли уже середины пути, к ним приблизился, шествуя стопами по морю, Иисус, ступающий словно посуху:³ но не так, как нафантазировали поэты об идущем по морю Орионе, который, погрузившись частью тела [в море], возвышался плечами над водой.

22. В другой же раз, когда Он уснул в лодке, очнувшись ото сна, Он повелел ветру немедленно утихнуть, и буря, которая испугала многих,

¹ Ср.: Мк. 6.37–43; Мф. 15.32–38; Ин. 6.19–20

² Книги Сивилл. VIII. 275–278.

³ Ср.: Мф. 14.22–25.

успокоилась: и тут же по слову Его установилась тишина.¹ 23. Может быть, клеветают Священные Писания, утверждая, что подобное было во власти Его, что властью Своей Он заставил, чтобы ветра утихали и море подчинялось, и чтобы болезни отступали, и мертвые воскресали? 24. Но это же предсказали стихами своими Сивиллы, одна из которых, чей [стих] приведен выше, так говорит:

*Словом же Он успокоит ветра и море разглядит,
Всюду покой принесет и веру, по свету скитаясь.²*

25. И другая ей вторит:

*Будет ходить по волнам, людей избавлять от болезней,
Мертвых поднимет и прочь отгонит тяжелые муки,
Всех из котомки одной Он досыта хлебом накормит.³*

26. Некоторые, будучи уличены этими свидетельствами, обычно начинают утверждать в свою защиту, что это стихи не Сивиллы, но выдуманы и сложены нами, [христианами]. 27. Так, конечно, не будет полагать тот, кто читал Цицерона или Варрона, а также других древних [авторов], упоминавших Эритрейскую и прочих Сивилл, из чьих книг мы приводили те примеры; те авторы жили ранее, нежели Христос вторично, во плоти родился. 28. Но я не сомневаюсь, что те стихи в прежние времена считались бессмыслицами, поскольку их никто не понимал. Ибо они предвещали какие-то чудеса, но ни принцип их, ни время, ни творец не назывались. 29. Наконец, Эритрейская Сивилла [сама] говорит, что будет названа безумной и лживой. Ибо сказала так:

*... <скажут> ... я — безумная лгунья.
Но когда все свершится, слова мои вспомните сразу
И не безумной сочтете — великой пророчицей Бога.⁴*

¹ Ср.: Мф. 8.25–26; Лк. 8.24–25.

² Книги Сивилл. VIII. 273–274.

³ Там же. VI. 13–15.

⁴ Там же. III. 816–818.

30. Итак, в течение многих веков [пророчества] отвергались, а внимание стали привлекать после того, как рождение и страдания Христа открыли их тайный смысл: как и речи пророков, которые на протяжении 1500 лет, или даже более того, читались народом иудейским, но оставались непонятны до тех пор, пока их не объяснил Христос и словом, и деяниями. 31. Ведь пророки все это возвестили; но никто не мог понять того, что они говорили, пока полностью все не свершилось.

16. 1. Перехожу теперь к самим страданиям [Иисуса], которые ставят обычно нам в упрек, ибо мы почитаем человека, принявшего от людей и пытки, и казнь ужасную: я покажу, что те страдания, принятые Им, имеют великий и божественный смысл, и что только в них заключаются и добродетель, и истина, и мудрость. 2. Ибо если бы Он пребывал на земле в полном блаженстве и всю жизнь провел в величайшем счастье, то никакой разумный человек не поверил бы, что Он — Бог, как и не счел бы Его достойным божественной славы. Так поступают люди, не знающие Божественной истины, которые не только почитают тленные вещи, немощные силы и прочие [земные] блага, но и обожествляют их, и даже сознательно предаются воспоминаниям об умерших. Они чтят умершую уже Фортуну, которую мудрые люди даже живую и сущую не думают почитать. 3. Ведь нет ничего среди дел земных достойнее почитания неба, ибо лишь только добродетель и справедливость могут считаться истинным благом, небесным и вечным, поскольку никому не даются и ни от кого не отнимаются.

4. Поскольку Христос пришел на землю вооруженный этой [истинной] добродетелью и справедливостью, мало того, поскольку Он Сам — Добродетель и Справедливость, то сошел Он, чтобы преподавать их [людям] и воспитать в них. Исполненный этим наставлением и поручением Божиим, за саму добродетель, которую и преподал, и совершил, заслужил Он у всех народов считаться Богом. 5. И вот, когда непрерывно прибывало к Нему множество народа, или из-за справедливости, которую Он преподавал, или из-за чудес, которые Он совершал, и слушали Его наставления; и когда все стали считать, что Он посланник Бога и Сын Божий, тогда знатнейшие из иудеев и первосвященники, охваченные гневом за то, что они обличались Им как грешники, и озлобившись, поскольку увидели, что к Нему стекалось множество народа,

пренебрегая и отступая от них, и ослепленные глупостью и заблуждением, что было верхом их преступления, и предав забвению предписания небесные и пророков, выступили против Него и провели нечестивое совещание о Его умерщвлении и распятии, что давным-давно описали пророки. 6. Ведь и Давид в начале псалмов своих, провидя через Дух, насколько те впадут в преступление, сказал: «Блажен муж, который не ходит на совет нечестивых». ¹ 7. И Соломон в книге *Премудрости* такие слова использовал: «Устроим ковы праведнику, ибо он в тягость нам и противится делам нашим, укоряет нас в грехах против закона и поносит нас за грехи нашего воспитания; объявляет себя имеющим познание о Боге и называет себя сыном Господа; он пред нами — обличение помыслов наших. Тяжело нам и смотреть на него; ибо жизнь его не похожа на жизнь других, и отличны пути его; 8. он считает нас мерзостью и удаляется от путей наших, как от нечистот; ублажает кончину праведных и тщеславно называет отцом своим Бога. Увидим, истинны ли слова его, и испытаем, какой будет исход его... 9. Испытаем его оскорблением и мучением, дабы узнать смирение его и видеть злобие его; осудим его на бесчестную смерть... 10. Так они умствовали, и ошиблись; ибо злоба их ослепила их; и они не познали тайн Божиих». ² Не правда ли, Соломон так описал тот преступный совет, собранный нечестивцами против Бога, что кажется, будто сам на нем присутствовал? Однако же от Соломона, который это возвестил, и до того самого времени, когда эти события произошли, минуло 1010 лет. 11. Мы ничего не выдумали и ничего не прибавили. Те иудеи, которые все это совершили, имели те [Соломоновы] слова, читали их даже те, против кого они были произнесены. Даже и теперь наследники их имени и преступления имеют эту книгу и каждодневным чтением оглашают приговор себе, предсказанный пророком, но никогда не допускали его, [т. е. приговора], в сердца свои, что также является частью их осуждения.

12. И вот [верховные] иудеи, непрестанно порицаемые Христом, упрекавшим их за грехи и несправедливость, и почти оставленные [своим]

¹ Пс. 1.1.

² Прем. 2.12–22. Лактанций дает цитату из *Книги Премудрости Соломона* с некоторыми лакунами.

народом, решились на Его убийство. Смирение Его только усиливало дерзость их замысла. 13. Ведь когда те читали, с какой доблестью и с каким блеском придет с небес Сын Божий, и когда увидели Иисуса смиренным, спокойным, жалким и безобразным, не поверили, что он Сын Божий, не зная, что пророками предсказано два Его прихода. Первый — в слабости телесной и во мраке, второй — во славе могущества и блеске. 14. О первом Давид в 71-м псалме так говорит: «Он сойдет, как дождь на скошенный луг... Во дни его процветет праведник, и будет обилие мира, доколе не престанет луна».¹ Ведь как дождевая вода, если падет на овчину, незаметна, так как не производит шума, так и Христос, говорит он, [т. е. Псалмопевец], придет на землю без особой видимости, чтобы установить справедливость и мир. 15. Исаия передает также следующее: «Господи! кто поверил слышанному от нас, и кому открылась мышца Господня? Ибо Он взошел пред Ним, как отпрыск и как росток из сухой земли; нет в Нем ни вида, ни величия; и мы видели Его, и не было в Нем вида, который привлекал бы нас к Нему. Он был презрен и умален пред людьми, муж скорбей и изведавший болезни, и мы отвращали от Него лице свое; Он был презираем, и мы ни во что не ставили Его. 16. Но Он взял на Себя наши немощи и понес наши болезни; а мы думали, что Он был поражаем, наказуем и уничижен Богом. Но Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши; наказания мира нашего было на Нем, и ранами Его мы исцелились. Все мы блуждали, как овцы, совратились каждый на свою дорогу, и Господь возложил на Него грехи всех нас».² 17. Сивилла говорит таким же образом:

<Он не во славе придет на суд, но как смертный несчастный>, Без красоты, без почета, чтоб дать несчастным надежду».³

Не узнав из-за этого уничиженного вида Бога своего, иудеи собрали совет отвратительный, чтобы лишить жизни Того, Кто пришел, чтобы оживить их.

¹ Пс. 72(71).6–7.

² Ис. 53.1–6.

³ Книги Сивилл. VIII. 256 – 257.

17. 1. Но гнев и ненависть их, которые они носили в душах своих, приводили и другие причины. Он, мол, нарушал Закон Божий, данный чрез Моисея, а именно, Он не соблюдал субботу, занимаясь [в этот день] лечением людей; отвергал обрезание; отменил запрет на свинину. 2. На этих правилах держится таинство иудейской религии. И вот, вследствие этого священники стали подстрекать ту часть народа, которая еще не перешла ко Христу, стремясь объявить Его нечестивцем, ибо Он нарушал Закон Божий, хотя совершал Он все это не по собственному разумению, а по воле Божией и в согласии с тем, что предвозвестили пророки. 3. Ведь Михей следующим образом предсказал, что будет дан новый Закон: «Ибо от Сиона выйдет закон, и слово Господне — из Иерусалима. И будет Он судить многие народы, и обличит многие племена».¹ 4. В самом деле, тот первый Закон, который был дан чрез Моисея, дан был не на горе Сион, а на горе Хорив. Сивилла также ввнушает, что Сыном Божиим Закон этот будет отменен:

*Как совершится все то, что ныне предсказано мною,
В Нем растворится всецело закон.²*

5. Даже сам Моисей, чрез которого им был дан Закон и упорно следуя которому они удалились от Бога и не признали Его, предрек, что будет послан Богом великий пророк, и Он будет выше Закона и принесет людям волю Божию. 6. Во *Второзаконии* он так записал: «И сказал мне Господь: ...Я воздвигну им Пророка из среды братьев их, такого как ты, и вложу слова Мои в уста Его, и Он будет говорить им все, что Я повелю Ему; а кто не послушает слов Моих, которые (Пророк тот) будет говорить Моим именем, с того Я взыщу».³ 7. Предвестил, конечно, Господь через самого законодателя, что будет послан Сын Его, т. е. живой и подлинный Закон, а тот старый, данный через смертного, отменит, чтобы вновь через Того, Кто вечен, установить вечный Закон.

8. Также Иеремия пророчествовал по поводу отмены обрезания: «Ибо так говорит Господь к мужам Иуды и Иерусалима: распашите

¹ Мих. 4.2–3.

² Книги Сивилл. VIII. 299–300.

³ Втор. 18.17–19.

себе новые нивы, и не сейте между терниями. Обрежьте себя для Господа, и снимите крайнюю плоть с сердца вашего, мужи Иуды и жители Иерусалима, чтобы гнев Мой не открылся, как огонь, и не воспылал неугасимо».¹ 9. Также сам Моисей [говорит]: «И обрежет Господь, Бог твой, сердце твое и сердце потомства твоего, чтобы ты любил Господа, Бога твоего».² Также и Иисус Навин, преемник его: «В то время сказал Господь Иисусу: сделай себе острые (каменные) ножи, и обрежь сынов Израилевых во второй раз».³ 10. Он сказал, что будет второе обрезание — не по плоти, как первое, которое и теперь совершают иудеи, но сердца и духа, которое принес Христос, истинный Иисус. 11. Ведь пророк не говорит: «Сказал мне Господь». Но говорит: «Сказал Господь Иисусу». Поэтому становится ясно, что речь шла не о нем, а о Христе, к Которому тогда обращался Бог. 12. Ведь тот Иисус Навин был прообразом Христа. Сначала он именовался Осия, но Моисей, предвидя будущее, приказал называть его Иисусом, чтобы (поскольку он был избран военным вождем против Амалика, который покушался на сынов Израиля) через образ имени [тот] одолел противника и привел народ в землю обетованную. 13. И потому он наследовал Моисею, чтобы открыть, что новый Закон, данный через Иисуса Христа, наследует старому Закону, который был дан через Моисея. 14. То [первое] обрезание он ввел с тем же смыслом. Ибо если бы Бог хотел обрезания [крайней плоти], то изначально сотворил бы человека таким, что тот не имел бы крайней плоти. Но оно было [введено] как прообраз второго обрезания, означая, что следует открыть душу, т. е. необходимо жить с открытым и чистым сердцем, ибо та часть, которая обрезается, имеет сходство с сердцем, и таит то, чего следует стыдиться. 15. Для того Бог повелел открыть душу, чтобы тем самым побудить нас не держать тайн в душе, т. е. чтобы мы не старались укрывать внутри себя то, чего следует стыдиться. 16. Это и есть обрезание сердца, о котором говорят пророки. Его то Бог и перенес со смертной плоти на душу, которая единственная бессмертна. 17. В самом деле, желая вследствие вечного Своего милосердия позаботиться о

¹ Иер. 4.3–4.

² Втор. 30.6.

³ Ис. Нав. 5.2.

нашей жизни и здоровье, Он предложил нам в том обрезании раскаяние, чтобы, если мы откроем сердце, т. е. если мы признаем перед Богом свои грехи, мы обретали прощение, в котором будет отказано непокорным и скрывающим свои преступления. Ибо Он не внешность, как человек, но глубины и потаенные закоулки души оценивает.

18. То же относится и к запрещению [употребления в пищу] свинины. Когда Бог повелел воздерживаться от нее, Он прежде всего хотел, чтобы [иудеи] поняли, что они должны удерживать себя от греха и нечистот. 19. Ведь свинья — животное грязное и неопрятное, она никогда не смотрит в небо, но и телом, и рылом постоянно тычется в землю, заботясь только о животе и пропитании. Она, пока жива, ничему полезному не служит, в отличие от других животных, которые или перевозят людей, или помогают им в распашке земли, или тащат за собой телеги, или же перевозят на спинах тяжести, или отдают шерсть для изготовления одежды, или дают молоко, или же служат для охраны домов. 20. Вот Он и запретил использовать мясо свиньи, чтобы люди не подражали жизни свиней, которые откармливаются только на убой; чтобы не заботились о животе и наслаждении, забывая при этом следовать справедливости и покоряясь смерти. 21. А также, чтобы не ввергли себя в позорные страсти, как это делает свинья, которая изваливает всю себя в грязи; и чтобы [люди] не оскверняли себя грязью. Ведь грязью покрывают себя те, кто почитают [многих] богов, т. е. землю и грязь. Так все правила иудейского Закона несут в себе справедливость, но они даны в двусмысленном виде, скрывая духовный смысл под плотским образом.

18. 1. И вот, когда Христос исполнил то, что Бог замыслил сделать и что Он предсказал через Своих пророков за много веков [до этого], возбужденные этим [иудеи], не понимая Божественных Писаний, собрались осудить своего Бога. 2. И хотя Христос знал будущее и вскоре Сам поведал, что Ему суждено принять смерть во благо многих, все же удалился вместе со Своими учениками, но не для того чтобы выжить, ибо должно Ему было пострадать и перенести [крестные муки], а чтобы открыть, что таким образом нужно поступать при всех гонениях, дабы не оказаться самим виной своего несчастья, а также [удалился], чтобы показать, что Он будет предан одним из учеников.

3. И вот Иуда, обольщенный наградой, предал Его иудеям. 4. Они же, схватив Христа и доставив Его к Понтию Пилату, бывшему тогда наместником в Сирии, требовали распять Его на кресте, укоряя Христа лишь за то, что Он называл себя Сыном Бога и царем иудеев, а также за то, что сказал: «Если вы разрушите тот храм, что строился сорок шесть лет, то Я восстановлю его за три дня без помощи рук»,¹ — указывая на скорое страдание Свое и на То, что Он, убитый иудеями, воскреснет на третий день. Ибо Он сам есть истинный храм Бога. 5. Слова эти как бы порицали нечестивых и преступников. Пилат, когда услышал эти слова и когда Христос ничего не сказал в Свое оправдание, объявил, что ничего не видит в Нем достойного осуждения. Но те несправедливейшие обвинители вместе с народом, который они возбудили [против Христа], принялись кричать в ответ и нечестивыми словами требовать для Него креста. 6. Тогда Понтий был побежден — и их возгласами, и подстрекательством тетрарха Ирода, испугавшегося, что он будет лишен царства. И все же Понтий Пилат не решился сам вынести приговор, но отдал его иудеям, чтобы они сами судили Его по Закону своему.

7. Вели же Его, избивая бичами, и прежде чем распять на кресте, надругались над Ним: облаченного в одежды пурпурные и коронованного терновым венцом, Его приветствовали, словно царя, и давали Ему пищу горькую и напиток смешивали с уксусом. 8. После этого плевали Ему в лицо и били руками, и когда сами мучители сорвали с Него одежды, то разделили между собой тунику и плащ. 9. И пока все это они совершали, Он не вымолвил из уст Своих ни единого слова, словно бы был нем. Тогда повесили Его между двумя преступниками, которые были осуждены за разбой, и распяли на кресте. 10. Как же мне оплакать такое злодеяние? И какими словами посетовать мне о таком преступлении? Ведь мы говорим не о распятии Гавия,² которое со всей мощью и силой своего красноречия изобразил Марк Туллий, словно из

¹ Ср.: *Мф.* 26.61 сл.; *Мк.* 14.58; *Ин.* 2.19–20.

² *Публий Гавий* — римский гражданин, обвиненный Гаем Верресом в пособничестве беглым рабам Сицилии и преданный смерти через распятие. См.: *Цицерон. Против Верреса.* V.61.158–162.

самых глубин своего таланта, сказав, однако, что недостойное это деяние, когда римский гражданин вопреки всем законам распинается на кресте. 11. Хотя тот Гавий был невиновен и не заслужил той казни, все же он был смертным человеком и казнен бесчестным человеком, который не имел понятия о справедливости. 12. Что же нам сказать о том преступлении, когда Бог был распят на кресте почитателями Бога? Кто для этого столь красноречив и вооружен таким богатством слов и мыслей? Какая речь столь изобильна словами, чтобы достойно оплакать то распятие, которое оплакал сам мир и все стихии мира?

13. Что это случится именно так, было предвещено и речами пророков, и в песнях Сивилл. У Исаии так записано: «Я не воспротивился, не отступил назад. Я предал хребет Мой биющим и ланиты Мои поражающим; лица Моего не закрывал от поруганий и оплевания».¹ 14. Сходным образом сказал Давид в 34-м псалме: «Собирались ругатели против меня, не знаю за что, поносили, и не переставали. С лицемерными насмешками скрежетали на меня зубами своими».² 15. Сивилла показала такое же будущее:

*Он попадет, наконец, в безбожные руки неверных,
Станут грешной рукой наносить пощечины Богу,
Полную яда слюну из грязных уст извергая.
Спину святыню Свою ударам кнута Он подставит.³*

16. Также о молчании Его, которое Он стойко хранил до самой смерти, Исаия так говорит: «Как овца веден был Он на заклание, и как агнец пред стригущим его безгласен, так Он не отверзал уст Своих».⁴ 17. И вышеозванная Сивилла:

*Будет молчанье хранить под ударами, чтоб не узнали,
Кто Он, чей и откуда; но к падшим речет Свое слово.
И увенчают Его венцом терновым.⁵*

¹ Ис. 50.5–6.

² Пс. (35)34.15–16.

³ Книги Сивилл. VIII.287–290.

⁴ Ис. 53.7.

⁵ Книги Сивилл. VIII.292–294.

18. О пище и питье, которые, прежде чем Его распять, давали Ему иудеи, так сказал Давид в 68-м псалме: «И дали мне в пищу желчь, и в жажде моей напоили меня уксусом».¹ 19. Такое будущее подтвердила и Сивилла:

*Жельчью кормили Его и уксусом горьким поили,
Кару получают они за враждебную трапезу эту.²*

20. И другая Сивилла такими словами упрекала народ иудейский:

*Ибо в безумии ты своего не узнал Господина,
К смертным пришедшего людям, которого тернием колким
Ты увенчал, примешав к дерзновению черную злобу.³*

21. О том, что иудеи поднимут руку на Бога своего и предадут Его казни, есть следующие свидетельства пророков. 22. У Ездры записано так: «И сказал Ездра народу: эта Пасха — наш Спаситель и прибежище наше. Задумайтесь, и войдет в сердце ваше, что имеем мы унижить Его на кресте, а после этого будем уповать на Него, чтобы это место не было никогда покинуто, как сказал Господь, Бог воинств. Если же не уверуете в Него и не услышите проповедей Его, станете посмешищем для народов».⁴ 23. Из этого ясно, что иудеи не имели иной надежды, кроме как очистить себя от крови и уповать на Того, Кого они лишили жизни. 24. Исаия также предсказывает их преступление и говорит следующее: «От уз и суда Он был взят; но род Его кто изъяснит? Ибо Он отторгнут от земли живых; за преступления народа Моего претерпел казнь. Ему назначали гроб со злодеями, но Он погребен у богатого, потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его... 25. Посему Я дам Ему часть между великими, и с сильными будет делить добычу, за то, что предал душу Свою на смерть, и к злодеям причтен был, тогда

¹ Пс. 69(68).22.

² Книги Сивилл. VIII.303–304.

³ Там же. VI.22–24.

⁴ Этих слов нет у Ездры, но со ссылкой на книгу этого пророка их приводит Иустин Мученик (*Иустин. Разговор с Трифоном Иудеем. 72*). При чем Иустин объясняет, что прежде эти слова были в Библии, но изъяты оттуда иудеями (Там же. 71).

как Он понес на Себе грех многих и за преступников сделался ходатаем». ¹ 26. Также Давид в 93-м псалме: «Толпою устремляются они на душу праведника, и осуждают кровь неповинную. Но Господь — защита моя, и Бог мой — твердыня убежища моего». ² 27. Также Иеремия: «Господь открыл мне, и я знаю; Ты показал мне деяния их. А я, как кроткий агнец, ведомый на заклание, и не знал, что они составляют замыслы против меня, говоря: “положим ядовитое дерево в пищу его, и отторгнем его от земли живых, чтобы и имя его более не упоминалось”». ³ 28. Ведь дерево означает крест, а пища — тело Его, ибо сам Он пища и жизнь для всех, кто верит в плоть, которую Он носил, и в крест, на котором был распят. 29. Но еще более ясно о том предрек сам Моисей во *Второзаконии*: «Жизнь твоя будет висеть пред тобою, и будешь трепетать ночью и днем, и не будешь уверен в жизни твоей». ⁴ И еще раз в *Числах*: «Бог, не как человек, повешен и, не как сын человеческий, претерпевает насилия». ⁵ Захария также предрек следующее: «И они воззрят на Него, Которого пронзили». ⁶ 30. Также Давид в 21-м псалме: «Можно было бы перечесть все кости мои. А они смотрят, и делают из меня зрелище. Делят ризы мои между собою, и об одежде моей бросают жребий». ⁷ 31. Пророк при этом сказал это не о себе. Ведь он был царь и никогда такого не претерпевал. Но через него говорил Дух Божий, Который претерпел все это через 1050 лет. Ибо столько лет исчисляется от правления Давида до крестной смерти Христа. 32. Соломон же, сын его, который основал Иерусалим, предрек, что этот город погибнет в отмщение за святое распятие: «Если же вы и сыновья ваши отступите от Меня, и не будете соблюдать заповедей Моих и уставов Моих, то Я истреблю Израиля с лица земли, которую Я дал ему, и храм,

¹ Ис. 53.8–9, 12.

² Пс. 94(93).21–22.

³ Иер. 11.18–19.

⁴ Втор. 28.66.

⁵ Числ. 23.19. Перевод наш. — В. Т. Лактанций значительно меняет смысл библейской фразы. Ср. Синодальный перевод: «Бог не человек, чтоб Ему лгать, и не сын человеческий, чтоб Ему изменяться».

⁶ Зах. 12.10.

⁷ Пс. 22(21).18–19.

который Я освятил имени Моему, отвергну от лица Моего, и будет Израиль притчею и посмешищем у всех народов. И о храме сем высоком всякий, проходящий мимо его, ужаснется и свистнет, и скажет: “за что Господь поступил так с сею землею и с сим храмом?” 33. И скажут: “за то, что они оставили Господа, Бога своего, и преследовали царя своего, возлюбленного Богом, и распяли Его в унижении великом — за это Бог предал их таким несчастьем”».¹

19. 1. Что еще можно сказать о злодеянии иудеев, кроме того что были лишены они зрения и поражены неисцелимый исступлением, так что, ежедневно читая пророчества, не понимали их и не смогли убе- речься от того, что сделали?

2. Распятый на кресте [Христос] воззвал к Господу гласом великим и испустил, наконец, дух Свой. В тот же момент случилось землетрясение, и завеса храма, что отделяла две комнаты, разодралась надвое, и солнце внезапно скрылось, и темнота повисла над землей и [держалась] с шести до девяти часов. 3. Об этом свидетельствует пророк Амос: «И будет в тот день, говорит Господь Бог: произведу закат солнца в полдень и омрачу землю среди светлого дня. И обращу праздники ваши в сетование и все песни ваши в плач».² 4. То же Иеремия: «Лежит в изнеможении родившая семерых, испускает дыхание свое; еще днем закатилось солнце ее, она постыжена и посрамлена. И остаток их предам мечу пред глазами врагов их».³ 5. И Сивилла:

*В храме порвется завеса, и день превратится внезапно
В ночь, что на три часа всю землю мраком покроет.*⁴

6. Когда это случилось, иудеи, несмотря на небесные знамения, не смогли понять злодеяния своего, но, поскольку Христос заранее пред-

¹ 3 Цар. 9.6–9. Последняя фраза дана в нашем переводе. — В. Т. Ср. Синодальный перевод: «И скажут: “за то, что они оставили Господа, Бога своего, Который вывел отцов их из земли Египетской, и приняли других богов, и поклонялись им, и служили им, — за это навел на них Господь все сие бедствие”».

² Ам. 8.9–10.

³ Иер. 15.9.

⁴ Книги Сивилл. VIII.305–306.

сказал воскрешение Свое на третий день, они, боясь, как бы ученики не похитили и не спрятали тело и не заявили, что Христос воскрес, вызвав тем самым в народе великое смятение, сняли Его с креста и помещенное в гробнице [тело] окружили вооруженной стражей. 7. На третий же день перед рассветом, когда случилось землетрясение, надгробный камень вдруг отодвинулся, и когда стражники, ужас которых привел в оцепенение, ничего не увидели, Христос, выйдя из могилы живым и невредимым, отправился в Галилею, чтобы найти учеников Своих. В могиле же ничего не было обнаружено, кроме одежд, которые покрывали Его тело. 8. О том, что Он не останется в преисподней, но в третий день воскреснет, возвестили пророки. Давид в 15-м псалме: «Ибо Ты не оставишь души моей в аде и не дашь святому Твоему увидеть тление». ¹ То же в 3-м псалме: «Ложусь я, сплужу, и встаю: ибо Господь защищает меня». ² 9. Также о Его воскресении свидетельствовал Осия, первый из двенадцати пророков [primus duodecim prophetarum]: «Это сын Мой премудрый [Hic filius meus sapiens], иначе не пребывал бы Он теперь в терзании сынов Своих; и от руки ада Я вырву Его. Где суд твой, смерть, и где жало твое?» ³ Также в другом месте: «Оживит нас через два дня, в третий день восставит нас». ⁴ 10. И потому Сивилла говорит, что после трехдневного сна Он положит пределы смерти:

*Смертный удел победит Он, на третий день пробудившись;
Мертвых покинет тогда и вновь появится в мире,
Тем лишь, кто избран, сперва открыв воскресенья начало.* ⁵

11. Ведь Он, приняв смерть, стяжал нам жизнь. Следовательно, никакой иной надежды на бессмертие нет у человека, кроме веры в Него и в то, что Он был распят и пострадал на том кресте.

¹ Пс. 16(15).10.

² Пс. 3.6.

³ Ос. 13.13–14. Перевод наш. — В. Т. Синодальный перевод значительно отличается: «Он — сын неразумный, иначе не стоял бы долго в положении рождающихся детей. От власти ада Я искуплю их, от смерти избавлю их. Смерть! Где твое жало?»

⁴ Ос. 6.2.

⁵ Книги Сивилл. VIII.312–314.

20. 1. Итак, отправившись в Галилею, — ибо не хотел Он являть Себя иудеям, не хотел вести их к раскаянию, а также исцелять этих преступников, — Он, снова собрав учеников, разъяснил им книги Священного Писания, т. е. [открыл] тайны пророчеств, которые до того, как они были Им открыты, никем не могли быть постигнуты, так как они возвещали о Нем и о страданиях Его. 2. Поэтому Моисей и те самые пророки Закон, который был дан иудеям, называют Заветом; ибо если бы Завещатель не умер, то Завет не мог бы обрести законную силу и нельзя было бы знать того, что в нем написано, так как он был бы спрятан и опечатан.

3. Итак, если бы Христос не принял смерть, то Завет не стал бы известен, т. е. не могла бы быть открыта и понята тайна Божия. 4. Писание же все разделено на два Завета. То, что предшествовало приходу и страданиям Господа, т. е. Закон и Пророчества, содержится в Ветхом Завете, та же часть, которая написана после Его воскресения, называется Новым Заветом. 5. Иудеи пользуются Ветхим, мы же — Новым; но они не расходятся между собой, ибо Новый Завет есть исполнение Ветхого, и Завещатель того и другого один — Христос, Который, приняв ради нас смерть, сделал нас наследниками царства вечного, когда был отвергнут [Им] и лишен наследства народ иудейский, как свидетельствует пророк Иеремия, когда говорит следующее: 6. «Вот наступают дни, говорит Господь, когда Я заключу с домом Израиля и с домом Иуды новый завет, не такой завет, какой Я заключил с отцами их в тот день, когда взял их за руку, чтобы вывести их из земли Египетской; тот завет Мой они нарушили, хотя Я оставался в союзе с ними, говорит Господь».¹ 7. И в другом месте он пророчески говорит сходным образом: «Я оставил дом Мой и отдал наследство Мое в руки врагов его. Стало наследство Мое для меня, как лев в лесу: возвысил на Меня голос свой, за то Я возненавидел его».² 8. Поскольку наследство Его есть Царство Небесное, Он, разумеется, говорит, что ненавидит не само наследство, но наследников, которые, неблагодарные и нечести-

¹ *Иер.* 31.31–32.

² *Иер.* 12.7–8. Перевод выполнен нами и включен в контекст дальнейших рассуждений Лактанция. — *В. Т.*

вые, выступили против Него. 9. «Стало наследство Мое для Меня, — говорит, — как лев», что значит: «Я стал добычей и пищей для наследников Моих, которые принесли Меня в жертву, словно скот». «Возвысил на Меня голос свой», т. е. «приговорили Меня к смерти и кресту». 10. Выше же Он говорит, что намеревался заключить с домом Иуды новый завет, что означает, что тот ветхий завет, который был заключен через Моисея, не был совершенным; тот же, который Он намеревался дать через Христа, будет совершенным. 11. «Дом Иуды и Израиля», разумеется, не означает иудеев, которых Он отверг, но [подразумевают] нас, которые, пришедшие к Нему из народов, будучи усыновлены, вступили на место тех и получили имя сыновей иудейских, что возвещает и Сивилла, когда говорит:

...тогда появиться

Должен в ней будет народ иудеев блаженных небесный.¹

12. Что же за народ это будет, показывает Исаия, у которого Отец Всевышний обращается к Сыну, говоря: «Я, Господь, призвал Тебя в правду, и буду держать Тебя за руку и хранить Тебя, и поставлю Тебя в завет для народа, во свет для язычников, чтобы открыть глаза слепых, чтобы узников вывести из заключения и сидящих во тьме — из темницы».² 13. Итак, мы были прежде, казалось, слепы, и сидели, словно заключенные в темницу неразумия, не видя Бога и истины, теперь же мы озарены Тем, Кто усыновил нас заветом Своим, и нас, освобожденных от пут зла и приведенных к свету мудрости, принял [Господь] в наследие Царства Небесного.

21. 1. После того как Он определил ученикам Своим проповедовать Евангелие и имя Свое, через сорок дней после страстей окружило Его вдруг облако и подняло в небеса, как, открывая будущее, сказал Даниил: «Вот, с облаками небесными шел как бы Сын человеческий, дошел до Ветхого днями».³ 2. Ученики же, разойдясь по провинциям, заложили повсюду фундамент Церкви, совершая во имя Учителя, великого

¹ Книги Сивилл. V. 248–249.

² Ис. 42.6–7.

³ Дан. 7.13.

Бога, почти невероятные чудеса, ибо, вознесясь, Он вооружил их добродетелью и властью, что могло заложить и упрочить учение нового благовещения. В то же время Он открыл им все будущее, которое проповедовали Петр и Павел в Риме, и эта проповедь сохранилась, записанная для памяти [потомков]. В ней наряду со многими другими необычными [фактами] они сообщили, что случится так, что спустя некоторое время Бог пошлет царя, который завоюет иудеев и города их сравниет с землей, самих же их изнурит голодом и жаждой. 3. Тогда случится, что они будут питаться своей же плотью и поедать друг друга. 4. Наконец, захваченные, попадут они в руки врагов и увидят, как на глазах у них будут мучимы жестоким образом их жены, как опозорены будут и осквернены девы, похищены младенцы и избиваемы дети, все вокруг будет предано огню и мечу; плененные, они навсегда будут изгнаны из земель своих, за то что воспламенились на возлюбленного и дорогого Сына Божиего. 5. И вот, после гибели тех [апостолов], после того как их убил Нерон,¹ Веспасиан уничтожил имя и род иудеев,² и случилось все, как те [апостолы] предрекли.

22. 1. Подтвердилось, как я полагаю, все, что считают ложным и не заслуживающим доверия те, кто не впитали истинного учения небесных писаний. Однако, чтобы нами были опровергнуты еще и те, кто к собственному вреду не понимают и отвергают божественную веру, мы ясно обнажим с помощью доводов их заблуждение, чтобы они, наконец, поняли, что все случилось так, как мы показали. 2. И хотя для добрых судей бывает достаточно или твердых свидетельств без доводов, или [убедительных] доводов без свидетельств, мы все-таки не удовлетворимся тем или другим [в отдельности]; когда же нами будет использовано и то и другое [вместе], мы не оставим места никакому непониманию. 3. Они, [т. е. неверующие], отрицают, что могло случиться так, чтобы хоть что-то утрачивалось бессмертной природой. Они вообще считают недостойным Бога, чтобы Он захотел стать человеком и

¹ Апостолы Петр и Павел погибли в ходе первого гонения на христиан при Нероне (54–68 гг.) в 64 г.

² *Тит Флавий Веспасиан* — римский император с 69 по 79 г., захватил Иерусалим, подавив иудейское восстание, в 70 г.

отяготил Себя немощью тела, чтобы Он предал Себя на страдания, боль и смерть. Будто бы трудно Ему было явить Себя людям без немощи телесной и учить их справедливости (если Он действительно хотел этого) с величием, которое подобает Богу. 4. Ведь тогда бы все подчинились небесным предписаниям, если бы к этому [учению] присоединились доблесть и могущество Бога. 5. Вот они и спрашивают, почему для наставления людей Он пришел не как Бог? Почему явил Себя столь слабым и немощным, что люди смогли презреть Его и предать мукам? Почему Он претерпел насилие от слабых и смертных людей? Почему ни доблестью не отвел руки людей, ни с помощью Божественной силы не избежал их? Почему не явил могущество Свое хотя бы перед смертью, но, как беспомощный, был приведен на суд, как преступник, был осужден, как смертный, был казнен? 6. Я подробно опровергну все это, чтобы никто больше не заблуждался. Ведь все это было сделано с великим и удивительным смыслом. Всякий, кто его постигнет, не только не удивится тому, что Бог был распят людьми, но и без труда поймет, что невозможно было поверить тому, что Он — Бог, если бы не случилось всего того, что Он явил.

23. 1. Всякий, кто дает людям наставления в жизни и предлагает правила другим, должен ли он, я спрашиваю, сам совершать то, чему учит, или не должен? Если он этого не делает, наставления его пусты. 2. Если же правила благие, если они улучшают жизнь людей, то наставник не должен исключать себя из числа и сообщества людей, среди которых он учит. Он должен жить таким же образом, каким, как он учит, следует жить. Если же он будет жить иначе, он сам лишит наставления свои веры в них и ослабит учение свое, если обесценит своим поведением то, что стремится высоко оценить на словах. 3. Ведь каждый, кто услышит наставляющего, не захочет принять на себя необходимость подчинения, потому что предпочитает свободу. 4. Поэтому ответит учителю следующим образом: «Я не могу совершать это, поскольку все это нереально. Ты запрещаешь мне гневаться, запрещаешь жаждать богатств, запрещаешь стремиться к удовольствиям, запрещаешь досадовать, запрещаешь бояться смерти, но это настолько противоречит природе, что все живые существа подчинены этим страстям. Если же ты считаешь, что до такой степени можно сопротивляться

природе, поступай и сам так, как ты учишь, чтобы я понял, что это возможно. 5. Если же ты не поступаешь так, то странно, что ты хочешь дать свободному человеку законы, которым сам не следуешь. Прежде испробуй то, чему учишь, и прежде чем улучшать нравы других, улучши свои». 6. Кто станет отрицать, что эти возражения справедливы? Более того, такой учитель попадет в презрение и будет посмешищем, поскольку будет казаться, что он хотел посмеяться [над другими]. 7. Итак, что же должен сделать этот наставник, если будут такие возражения? Каким образом он оправдывает себя перед теми, кто отказываются следовать его учению, если не тем, что будет учить, доказывая [своими] поступками, что он учит возможному? 8. Отсюда и получается, что никто не следует наставлениям философов. Ведь люди предпочитают словам примеры, ибо говорить легче, чем следовать [сказанному]. О, если бы так много люди делали хорошего, как много говорят об этом! Кроме того, нет веры тем, кто учит, но не следует [своему учению]. И если бы это были люди, то их презирали бы как пустословов, если же Бог, то перед Ним стали бы оправдываться человеческой слабостью. 9. Получается, что слова должны подкрепляться делами, чего философы не могут делать. И вот, когда сами учителя подвержены страстям, которых, как они учат, следует избегать, они никого не могут наставить в добродетели, которую проповедуют ложно. По этой же причине они считают, что никто до сих пор не стал совершенно мудрым, т. е. тем, в ком бы соединились вся добродетель высшего учения и знания и совершенная справедливость, что в принципе верно. 10. Ведь никто после сотворения мира не был таким, кроме Христа, Который и в слове передавал мудрость, и учение Свое подтверждал добродетельным поведением.

24. 1. Теперь давайте посмотрим, могли ли учитель, посланный с небес, не быть совершенным. Я пока не говорю о Том, Кого отвергают как посланника Бога. Представим, что кто-то был послан с небес, чтобы устроить жизнь людей на основе добродетели и приучить людей к справедливости. 2. Ни у кого не может быть сомнений, что тот учитель, который послан небесами, осведомлен обо всех вещах и совершенен в добродетели, иначе бы не было никакой разницы между земным [наставником] и небесным. 3. Ведь в человеке не может быть [как бы] внут-

ренного и собственного учения. Ведь ум, заключенный в земную плоть и ограниченный бренностью тела, не может ни открыть сам по себе, ни постичь истину, если только она не будет принесена откуда-то со стороны. 4. И если бы даже человек мог [постичь истину], все же был бы не в состоянии достичь высшей добродетели и противостоять всем порокам, природа которых заключена во плоти. Вот почему земной учитель не может быть совершенным. 5. А вот небесный, кому божественность дала знание, а бессмертие наделило добродетелью, необходимо совершенен в наставлении, как и во всем другом. Но он этого вовсе не смог бы совершить, если бы не принял на себя смертного тела. Почему же не смог бы совершить, причина ясна. 6. Ведь если бы он пришел к людям как Бог, — да умолчу я о том, что смертные глаза не смогут увидеть и выдержать блеска Его славы, — он не мог бы научить добродетелям, ибо, не имея тела, он не совершал бы того, чему бы учил, и поэтому учение его не было бы совершенным. 7. Впрочем, если высшая добродетель состоит в том, чтобы переносить страдания ради справедливости и долга, если добродетель в том, чтобы не бояться самой смерти и стойко принять ее, когда придет время, следовало бы, чтобы тот совершенный учитель учил, предписывая все это, и подтверждал сказанное на деле. Ибо тот, кто дает наставления для жизни, должен избегать необходимости оправдывать себя. Необходимо, чтобы люди научились подчиняться, не следуя силе, а искренне, имея при этом свободу, чтобы была награда для послушных, так как они могли бы и не быть покорными, если бы захотели, и чтобы было наказание непослушным, ибо у них была бы возможность подчиниться, если бы они захотели.

8. Каким же образом этот учитель мог бы избежать необходимости оправдывать себя? Разве только если он сам, наставляя, совершал бы то, чему учил, и, как бы идущий впереди, протягивал бы руку тому, кто последует за ним. А как он мог бы совершать то, чему учит, если бы не был похож на того, кого он хочет научить? 9. Ибо если он не будет подвержен ни одной страсти, человек на его наставления может ответить следующее: «Я, право же, хочу не грешить, но я слаб; ведь я облечен в слабую и тленную плоть, и это она жаждет, она гневается, она страдает и боится смерти. И вот я, сам того не желая, следую ей и грешу, но не потому, что хочу [грешить], а потому, что принужден. Я и сам

знаю, что грешен, но сила телесная толкает меня к тому, чему я не могу сопротивляться». 10. Что ответит на это наставник в справедливости? Каким образом опровергнет и обличит человека, который ищет оправдание своим проступкам в [собственном] теле? Разве только если сам облачит себя в телесную оболочку, чтобы показать, что и тело может избрать добродетель. 11. Ведь никак иначе нельзя изобличить непокорность, кроме как примером. Ведь нельзя обрести стойкость, которой ты учишь, если прежде ты сам не обретишь ее, поскольку природа людей, склонная к порокам, хочет, чтобы казалось, будто прегрешения человека не только простительны, но и имеют основания. 12. Необходимо, чтобы учитель и наставник в добродетели был подобен человеку, чтобы, преодолев грех, он показал человеку, что и он может победить грех. 13. Если же этот [учитель] будет бессмертным, он никак не сможет дать человеку пример. Ведь найдется кто-нибудь упрямый и скажет: «Ты, конечно, не грешишь, ибо ты свободен от этого тела. Ты не жаждешь ничего, потому что бессмертному ничего не нужно. Мне же необходимы многие вещи, чтобы сохранить эту жизнь. Ты не боишься смерти, поскольку она бессильна в отношении тебя. Ты презираешь боль, так как не можешь претерпевать никакого насилия. 14. А я смертен и боюсь и смерти, и страдания, поскольку они причиняют мне такие страшные мучения, какие не может вытерпеть слабое тело». 15. Итак, учитель добродетели должен также отнять у людей это оправдание, чтобы никто не приписывал свой грех необходимости, а скорее бы видел в этом [прегрешении] свою вину. 16. Стало быть, если этот учитель хочет быть совершенным, следовало бы, чтобы ему ничего не мог возразить тот, кого он собирается научить. Чтобы если вдруг тот [ученик] скажет, что тот учит невозможному, [учитель] ответил бы: «Вот, видишь, я сам все это совершаю». «Но я, — скажет ученик, — облачен в тело, чье свойство грешить». «Так и я несу на себе такое же тело, и все же оно не властно надо мной». 17. «Мне трудно, — скажет ученик, — пренебрегать богатством, потому что я не могу иначе выжить в этом теле». «Смотри, и у меня есть плоть, и все же я сопротивляюсь всякой корысти». «Я не могу, — возразит ученик, — переносить ни боль, ни смерть ради справедливости, ибо я слаб». «Так и надо мной боль и смерть имеют власть, но я побеждаю их, которых ты боишься,

чтобы и тебя сделать победителем над болью и смертью. Я первым пройду через то, что, по-твоему, нельзя вытерпеть. Если ты не можешь следовать за наставляющим тебя, последуй за идущим впереди тебя». Таким образом, отвергается всякое оправдание. И необходимо, чтобы человек согласился, что его вина не имеет оправданий, если он не последует за учителем добродетели и таким вот вождем.

Вот видишь, насколько совершеннее смертный учитель, ибо он может быть вождем для смертного, нежели бессмертный, ибо он не может научить покорности, поскольку сам не подвержен страстям. 18. Это, конечно, не говорит о том, что я ставлю человека выше Бога. Но я хочу показать, что, с одной стороны, человек не может иметь совершенного учения, если только он одновременно не является Богом, Который с помощью небесного авторитета мог бы дать людям необходимость подчиняться. С другой стороны, я хочу показать, что и Бог не мог бы дать совершенного учения, если бы не облачился в смертное тело, чтобы, дополняя Свои наставления поступками, укрепить остальных людей в необходимости подчиняться. 19. Итак, становится ясно, что тот, кто является вождем жизни и учителем справедливости, должен обладать телом. Учение его не будет полным и совершенным, если учитель этот не будет иметь основу и фундамент и быть для людей твердым и незыблемым. Он сам должен испытывать слабость плоти и тела и хранить в себе добродетель, учителем в которой является, чтобы проповедовать ее одновременно и словом, и делом. Равным образом, он должен подвергнуться страданиям и смерти, ибо сущность добродетели состоит в том, чтобы быть терпеливым в страданиях и стойким в смерти. Все это, как я сказал, совершенный учитель должен претерпеть для того, чтобы научить людей тому, что все это можно претерпеть.

25. 1. Да узнают и поймут люди, почему Всевышний Бог, когда отправлял посла Своего и вестника для наставления смертных в Своей справедливости, захотел, чтобы Тот был облечен в смертную плоть, был предан мучениям и перенес смерть. 2. Ведь, поскольку на земле не было никакой справедливости, Он послал Учителя, как бы живой Закон, чтобы Тот принес новое имя и заложил новый храм, чтобы словом и примером распространил по всей земле истинное и благочестивое богослужение. 3. Но чтобы было ясно, что этот Учитель послан Богом,

Тот должен был родиться не так, как рождается человек, от двух смертных родителей. А чтобы было ясно, что в этом человеке есть также небесное начало, Он должен был родиться без участия [земного] родителя. 4. Он ведь имел духовного отца — Бога; и как Отец духа Его — Бог без матери [dues sine matre], так и мать тела Его — Дева без отца [virgo sine patre]. 5. Итак, Он был и Богом, и человеком, находился [как бы] посередине между Богом и человеком, почему греки и называют Его *Посредником*. Благодаря этому Он мог привести человека к Богу, т. е. к бессмертию. Ведь если бы Он был единственно Богом, Он бы, как говорилось выше, не мог бы дать человеку образцов добродетели. Если же Он был бы только человеком, Он не смог бы принудить людей к справедливости, поскольку авторитета и силы имел бы не больше, чем человек. 6. Ведь поскольку человек состоит из тела и души, то в то время как следовало бы, чтобы душа подвигами справедливости добивалась бессмертия, тело, поскольку оно земное и потому смертное, тащило бы связанную с ним душу за собой и вело бы ее от бессмертия к смерти. 7. Следовательно, душа, лишенная тела, никоим образом не может служить человеку проводником к бессмертию, а тело, в свою очередь, мешает душе следовать за Богом, ибо оно слабо и подвластно греху, грех же является пищей для смерти. Вот поэтому-то и пришел Посредник, т. е. Бог во плоти, чтобы тело могло последовать за Ним и человек избавился бы от смерти, которая господствует над телом. 8. Потому Он облек Себя в плоть, чтобы, укротив желания плоти, научить, что грех не является необходимостью, но является лишь намерением и желанием. 9. Мы ведем одну великую, постоянную борьбу с телом, бесконечные стремления которого тревожат душу и не допускают господства над собой, но душу, захваченную желаниями и приятными соблазнами, влекут к вечной смерти. 10. Чтобы мы могли противостоять им, Бог открыл нам дорогу к преодолению тела и прошел ее Сам. Эта совершенная и абсолютная добродетель украшает победителей венцом и дает в награду бессмертие.

26. 1. Я рассказал об уничижении, брэнности и страдании, для чего их принял на Себя Бог; теперь следует возвратиться к объяснению Его распятия и растолковать значение его. 2. То, что изначально замыслил Всевышний Отец, и то, каким образом все, что произошло, Он устроил,

подтверждает не только наитие пророков, чья истина открылась во Христе, но и смысл самого страдания. 3. Ибо все, что Он претерпел, не было бессмысленным, но имело великий образ и значение, как [небесмысленны были] и божественные деяния, совершенные Им, сущность и значение которых отчасти открываются уже в настоящем, отчасти же обнаружатся в будущем.

4. Силой добродетели Он открывал свет небесный незрячим и возвращал слепым зрение. И это указывало на то, что, обратившись к народам, не ведавшим Бога, Он наполнит светом мудрости сердца неразумных и откроет души их, слово глаза, для обозрения мудрости. 5. Истинно же, слепы были те, кто, не видя небес и будучи окутанным тьмой неведения, почитали земное и бренное. 6. Он отверзал уши глухим. И смысл этого не исчерпывался тем [чудом], но оно свидетельствовало, что те, кто познают истину, будут слышать и воспримут пророчества Бога. Воистину же глухи те, кто не слышит небесного, истинного и сотворенного Им. 7. Языки немых Он наполнял красноречием. Удивительная сила в этом [чуде], но в добродетели этой заключено и другое значение. Это благодеяние означало, что вскоре те, кто прежде не ведали дел небесных, овладев учением мудрости, будут проповедовать о Боге и об истине. 8. Ибо, кто не знаком с божественным учением, тот истинно обречен на безмолвие и нем, даже если и является самым красноречивым среди всех. Когда же язык станет возвещать истину, т. е. проповедовать добродетель и величие единственного Бога, лишь тогда он будет выполнять назначение своей природы. До тех же пор он говорит ложь, вопреки назначению своему, а потому тот нем, кто не может возвещать о божественном. 9. Ноги же хромых Он заставлял ступать твердо. Славный результат божественного благодеяния, однако и оно содержит прообраз того, что заблудшим на вековой и окольной дороге откроется путь истины, по которому пойдут люди, следуя милости Бога. 10. Тот же является поистине хромым, кто, будучи окутан мглой и мраком неразумия, не зная, куда идти, шествует, спотыкаясь и падая по дороге смерти.

11. Равным образом очищал Он тела прокаженных от язв и нарывов: благодеяние, имеющее величайшую значимость. Истинно, содержало оно то значение, что от язв греха и от нарывов бесчестия учением

Его будут очищены больные для познания справедливости. 12. Прокляженными же и страдающими слоновой болезнью должны считаться те, которых либо неумемная алчность влечет к злодеянию, либо ненасытное сладострастие обращает к гнусным поступкам, и кого награждают [эти пороки] вечными язвами позора и нарывами бесчестия. 13. Наконец, Он поднимал тела умерших и, называя их имена, возвращал от смерти. Что более соответствует Богу? Что достойнее чудес всех веков, нежели возвращать ушедшую жизнь, прибавлять время к истекшему времени человеческой жизни, вырывать [людей] из оков смерти? 14. Но это неизмеримое могущество было прообразом еще большей добродетели, предвещавшим, что учение Его обретет такую силу, что народы всей земли, которые не ведали Бога и были подвержены смерти, познанием живого света истины достигнут дара бессмертия. 15. Тех же в действительности следует считать мертвыми, кто, не ведая Бога, Дарителя жизни, и низводя души свои от небесного к земному, попадают в сети вечной смерти.

16. Итак, то, что совершал Он тогда в настоящем, было прообразом будущего; то, что исполнял Он в отношении больных и слабых тел, содержало духовные прообразы, благодаря чему неземное деяние являло нам в настоящем добродетель, а в будущем сулило силу небесного Его величия.

17. Так вот, как деяния Христа обладали великой символической значимостью, так и страдания Его не были обычны, бесполезны и естественны. 18. Но как то, что Он совершил, символизировало великую добродетель и силу Его учения, так и Его страдание предвещало, что мудрость будет ненавистна. Кислый напиток и горькая пища сулили муки и горести в этой жизни для последователей истины. 19. И хотя страдание само по себе мучительно и горько, оно несло нам образ грядущих мучений, которые на этом веку несет живущим сама добродетель; упомянутые же питье и пища, наполнявшие уста Учителя нашего, являлись образом ожидаемых нами трудов и горестей. 20. Все это должны переносить и терпеть те, кто следуют истине, поскольку истина горька и ненавистна для всех тех, кто, будучи лишен добродетели, жизнь свою предают смертоносной суете. 21. Венец же терновый, возложенный на Его голову, символизировал, что соберет Он народ себе

божественный из преступников. Венец же означает стоящий вокруг Него народ. 22. Мы же, будучи лишены справедливости до познания Бога, были терниями, т. е. злодеями и преступниками, не ведая, что есть благо; и, будучи далеки от понятия справедливости и [добродетельных] поступков, были осквернены злодеянием и произволом. 23. Мы, вырванные из терновника и колючек, опоясываем святую голову Бога, поскольку призваны Им, и, окружая Его со всех сторон, служим Богу как Наставнику и Учителю и почитаем Его как Царя земли и Господина всех живущих.

24. Что же касается крестной смерти, то и в ней содержится великая сила и смысл, который я теперь попытаюсь разъяснить. 25. Итак, как я выше говорил, Бог [Отец], когда решил освободить человека [от рабства греха], отправил на землю Учителя истины, чтобы спасительными предписаниями Он побуждал людей к чистоте, чтобы деяниями и поступками, несущими помощь, проложил путь истины, шествуя по которому, человек, следуя за своим Учителем, достиг вечной жизни. 26. Итак, Он воплотился, приняв на Себя плотское одеяние, чтобы дать человеку, для наставления которого пришел, примеры и побуждения к добродетели. 27. Однако после того как Он являл на протяжении всей Своей жизни образец справедливости, для того чтобы научить человека перенесению страдания и принятию смерти, в чем совершенствуется и укрепляется добродетель, [Он] предал Себя в руки нечестивого народа, хотя, ведая то, что грядет, мог спастись и уберечься с помощью той же силы, благодаря которой совершал чудеса. 28. Но [Он] принял пытки, бичевание и терновые шипы. Потом же не отказался почитать и смерть, дабы человек тем примером победил [теперь уже] покорную и скованную смерть со всеми ее ужасами.

29. Почему же Всевышний Отец избрал для Него такой исключительный род смерти, ответ прост. Кто-нибудь, может быть, скажет: «Если Он был Богом и хотел умереть, то почему не избрал хотя бы достойный вид смерти? Почему предпочел умереть на кресте? Почему избрал позорный вид казни, который представляется недостойным свободного человека, пусть даже он и преступник?» 30. Во-первых, потому что, явившись низким, чтобы наделить силой низких и незнатных и внушить всем надежду на спасение, Он должен был принять род

смерти, приемлемый для низких и незнатных, чтобы не оставалось вообще никого, кто бы не смог Ему уподобиться. К тому же тело Его [после казни] должно было остаться невредимым, ибо должно было на третий день воскреснуть из преисподней. Это ведь каждому должно быть известно, ведь Он сам, еще раньше предсказав о Своем страдании, указал также, что Он может, когда захочет, оставлять душу и принимать ее вновь.¹ 32. Итак, поскольку распятый Он оставил душу, палачи не посчитали нужным перебивать Ему голени, как того требовал их обычай, но прокололи только Его бок. 33. Поэтому тело было снято с креста невредимым и аккуратно положено в могилу. Все это было сделано потому, что поврежденное, с разбитыми костями тело оказалось бы неспособным к воскрешению. Но главная причина того, что Бог предпочел крест, состоит в том, что было необходимо, чтобы крест возвысил Его и чтобы страдание Его стало известно всем народам. 34. Ведь поскольку тот, кто распят на кресте, и виден всем, и возвышается над остальными, был предпочтен крест, который символизировал, что Христос станет настолько известен и настолько велик, что для того, чтобы узнать Его и чтобы воздать Ему почеть, соберутся все народы со всего мира. 35. Ведь нет ни одного [даже] дикого народа, ни одной [столь отдаленной] области, где не были бы известны казни Его или Его величие. 36. Распростер Он руки Свои на кресте и измерил весь круг земной, чтобы уже тогда показать, что явится под Его крыло великий народ, собранный от восхода солнца до самого заката, и будет осенять чело свое этим великим и высоким знаменем. 37. Образ этого иудеи и теперь еще используют, когда входы свои помазывают кровью ягненка. Ведь Бог, намереваясь предать египтян казням, чтобы защитить евреев от страдания, приказал им, чтобы они принесли в жертву белого, без единого пятнышка ягненка и кровью его начертали на входах своих знак. 38. И вот когда за одну ночь погибли все первенцы египтян, евреи были защищены единственно лишь знаком, начертанным кровью. Не потому что кровь животного имела в себе такую силу, чтобы люди обрели спасение, но потому что это было символом грядущего. 39. Ведь белый, без единого пятнышка ягненок — это Христос, т. е.

¹ Ср.: *Ин.* 10.18 (здесь речь идет не о душе, а о жизни).

чистый, праведный и святой, Который, будучи принесен в жертву иудеями, дал спасение всем, кто знаком крови, т. е. креста, на котором Он пролил [Свою] кровь, осеняют свое чело. Чело ведь является как бы вратами человека, а дерево, помазанное кровью, означает крест. 40. Заклание же [жертвенного] животного теми, кто это совершает, называется пасхой, которая является прообразом страданий [Христа]. Бог, предвидящий будущее, через Моисея повелел народу Своему праздновать ее. 41. Но тот знак был прообразом для настоящего времени, означая, насколько истина та будет сильной для защиты в крайней нужде народа Божия всего мира. 42. Каким образом и от какого страдания обретут защиту все те, кто осеняет вершину тела своего этим знаком истинной и божественной крови, я объясню в последней книге.

27. 1. Теперь же достаточно показать, насколько велика сила этого знамения. В какой страх приводит это знамение демонов, узнает тот, кто увидит, как те, заклеянные через Христа, убегают из тел, которыми завладели. 2. Ведь подобно тому как Он сам, когда был среди людей, изгонял всех демонов словом и встревоженные и исступленные души людей возвращал в прежнее состояние, теперь Его последователи изгоняют нечистых духов из людей и именем Учителя своего, и знаком Его страдания. 3. Доказать это не сложно. Ведь когда язычники приносят жертвы своим богам в присутствии кого-нибудь, совершающего крестное знамение, жертва не дает благоприятных предзнаменований,

И на вопросы уже предсказатель не в силах ответить.¹

И это у злых государей часто было главной причиной для преследования справедливости. 4. Ведь когда некоторые наши [единоверцы] из числа слуг присутствовали при жертвоприношениях, совершаемых их господами, они, осеняя себя крестным знамением, изгоняли [лживых] богов, так что те не могли являть на внутренностях жертв будущее. 5. Когда это поняли гаруспики, они, подстрекаемые теми самыми демонами, которым приносили жертвы, жаловались, что при жертвоприношении присутствуют непосвященные, и тем самым приводили своих правите-

¹ Вергилий. Георгики. III.491.

лей в неистовство, так что те захватывали храм Божий и совершали святотатство, за которое и понесли тяжелейшие наказания.¹ 6. Все же слепые люди из этого примера никак не могут понять ни того, что та есть истинная религия, которой присуща подобная воля к победе, ни того, что ложная религия суть та, которая не может ни сопротивляться, ни бороться [с другими религиями]. 7. Но говорят, что боги убегают не от страха, а из-за ненависти, как будто кто-то может ненавидеть кого-то другого, кроме того, кто вредит или может навредить. Напротив, их величию подобало бы, чтобы они, скорее, поражали тех, кого ненавидят, карами, а не убегали от них. 8. Но поскольку эти [демоны] не могут ни приблизиться к тем, на ком видят небесный знак, ни навредить тем, кого он охраняет словно непреступная стена и бессмертное знамение, беспокоят их через людей и преследуют чужими руками. 9. Если язычники согласны с этим, то должны признать нас победителями. Ибо необходимо, чтобы та религия была истинной, которая разоблачила сущность демонов, которая открыла их лукавство, сдержала их силу и, укротив и обуздав их духовным оружием, заставила себе подчиниться.

10. Если язычники не согласны с этим, то пусть их изобличат свидетельства поэтов и философов. Ибо если они не отрицают, что демоны существуют и что они злы, что остается, разве только одних называть богами, других же — демонами? 11. Так пусть объяснят нам разницу между ними, чтобы мы узнали, кого следует почитать, а кого проклинать; имеют ли они между собой общее или враждебны друг другу. Если они связаны каким-то близким родством, как нам отличить их и каким образом не смешать поклонение одним с культом других? Если же они враждебны друг другу, почему тогда демоны не боятся богов и почему боги не могут обратить демонов в бегство? 12. Допустим, кто-то по внушению демона впал в безумие и бешенство, утратил рассудок, и мы введем его во храм величайшего Юпитера или, поскольку Юпитер не умеет лечить людей, в святилище Эскулапа или Аполлона,

¹ Лактанций в данном случае вспоминает о поводе к Великому гонению Диоклетиана, первых событиях этого гонения и судьбе гонителей. Ср.: *Лактанций*. О смерти гонителей. 10.1–4; 12.1–5; 50.1.

и пусть какой-нибудь жрец прикажет именем своего бога, чтобы тот зловредный дух покинул человека, — ничего подобного произойти не сможет. 13. Какая же сила у богов, если они не имеют в подчинении демонов? Между тем эти самые демоны убегают тотчас при произнесении имени истинного Бога. 14. Какой же вывод из того, что те боятся Христа и не боятся Юпитера, если не тот, что те, кого народ считает богами, являются демонами? Наконец, если поставить рядом того, кто подвергся нападению демона, и оракула Аполлона Дельфийского, они одинаково убоятся имени Божия, и Аполлон столь же скоро уйдет от оракула своего, как и тот демонический дух из человека, и когда [ложный] бог будет подвергнут заклинанию и изгнан, оракул замолчит навсегда. Стало быть, те демоны, которых они признают достойными проклятия, являются теми же самыми богами, которым они молятся.

15. Если же язычники считают, что нам нельзя верить, пусть поверят Гомеру, который того великого Юпитера присоединил к демонам, а также другим поэтам и философам, которые используют имя то демонов, то богов, в чем-то оказываясь правыми, в чем-то нет. 16. Ведь те негодные духи, когда проклинаятся, признают себя демонами, когда же почитаются, считают себя богами, чтобы ввести людей в заблуждение и отвлечь от познания истинного Бога, единственно через которое можно избежать вечной смерти. 17. Демоны же являются теми, кто ради совращения человека установили для себя, исказив религию, различные культы, выдумав и присвоив себе чужие имена, чтобы сбить [человека] с толку. Ведь поскольку они не могли сами по себе обрести божественность, то приняли на себя имена могущественных царей, требуя, чтобы им оказывали почет богов под этими именами. 18. Как можно рассеять заблуждение и вытащить его на свет истины? Ведь если кто-то захочет основательнее разобраться, пусть обратится к тем, кто умеет вызывать души [усопших] из преисподней. Пусть они вызовут Юпитера, Нептуна, Вулкана, Меркурия, Аполлона и отца всех [богов] Сатурна. Те ответят из преисподней на вопросы и расскажут о себе и о [истинном] Боге. 19. После этого пусть вызовут Христа. Он не отзовется и не явится, так как пребывал в преисподней не более двух дней. 20. Что может быть вернее этого испытания? Впрочем, я не сомневаюсь, что к этой истине каким-то другим способом пришел [Гермес] Трис-

мегист, который многое сказал о Боге, Отце всех, и о Боге Сыне, что относится к божественным тайнам.

28. 1. Если это так, как мы показали, то ясно, что у человеческой жизни нет никакой иной надежды, кроме как, отбросив суету и жалкое заблуждение, познать [истинного] Бога и служить Ему, отречься от этой временной жизни и привести себя через основания справедливости к культу истинной религии. 2. Ведь мы рождены с тем замыслом, чтобы воздавать надлежащее и заслуженное послушание Богу, нас сотворившему, одного Его знать и Ему одному следовать. 3. Мы соединены и связаны [religati sumus] этими узами благочестия с Богом, отчего и сама религия получила свое имя, а не от слова «перечитывая» [relegendo], как объяснял Цицерон, который во второй книге *О природе богов* так сказал: 4. «Ведь не только философы, но и предки наши делали различие между суеверием и религией. Ибо те, кто целыми днями молились и приносили жертвы, чтобы их дети пережили [superstitēs essent] их, были названы суеверными [superstitiosi]. 5. Кто же размышлял обо всем, относящемся к культу богов, и как бы перечитывал [relegerent], те были названы религиозными [religiosi] от relegendo, как elegantes от eligendo, diligentes от diligendo, intelligentes от intellegendo. Ибо у всех этих слов тот же самый корень legendi, что и в слове religioso. Так, из двух слов “суеверно” и “религиозно” первое стало обозначать порицание, второе — похвалу».¹ 6. Насколько истолкование это нелепо, можно понять из самого дела. Ведь если суеверия и религия, как он толкует, основываются на почитании богов, то разница между ними весьма слабая или, лучше сказать, вообще нет никакой разницы. 7. Ведь что он мне скажет о том, почему те, кто молятся о здоровье детей один раз, считаются людьми религиозными, а те, кто делает это десять раз, суеверными? Ведь если однажды это сделать — хорошо, то насколько лучше, когда это делается многократно? Если [хорошо] молиться в первый час, то [хорошо] и в течение дня. Если одна жертва способна умиловить богов, то, конечно, еще больше смогут умиловить их многие жертвы, ибо большее поклонение приносит скорее пользу, нежели вред. 8. Ведь нам не кажутся ненавистными те слуги, которые

¹ Цицерон. *О природе богов*. II.28.72.

усердны и прилежны в послушании, но кажутся более дорогими. Почему тогда виноват и получает имя, достойное порицания, тот, кто и детей своих больше любит, и богов достаточно чтит, а прославляется тот, кто делает это недостаточно?

9. Аргументы могут быть и противоположного плана. Ведь если целыми днями молиться и приносить жертвы преступно, то преступно это делать и один раз. Если просить то и дело, чтобы дети нас пережили, неправильно, стало быть, суеверен и тот, кто об этом просит редко. Зачем приписывать имя преступления тому делу, достойнее и справедливее которого ничего не может быть? 10. Если же, как он говорит, «религиозные» происходит от слова «перечитывать», т. е. религиозные люди это те, кто усердно просматривают все, что относится к культуре богов, почему тогда те, кто делают это часто, лишены имени религиозных людей, хотя они с тем же самым усердием перечитывают то, что относится к почитанию богов? 11. Так что же? Бесспорно, религия есть культ истины, а суеверие — лжи. И вообще, важнее, что ты считаешь, а не каким образом считаешь или о чем молишь. Однако почитатели богов считают себя религиозными людьми, в то время как сами являются суеверными и не могут отличить религию от суеверия и понять [истинное] значение имен. 12. Поэтому мы и говорим, что имя религии происходит от тех уз благочестия, которыми Бог привязал [religaverit] к Себе человека, и мы должны служить Ему, как Господину, и почитать, как Отца. 13. Еще лучше это имя растолковал Лукреций, который сказал, что человек *из пут религиозных себя извлекает*.¹ Суеверными [superstitiosi] же зовутся не те, кто молят, чтобы дети пережили их, ибо об этом мы все молим, но те, кто чтит хранимую память [superstitem memoriam] об умерших, или те, кто, пережив родителей своих, почитают их образы в своем доме, словно домашних богов [ларов]. 14. Ведь те, кто создает для себя новые ритуалы, чтобы вместо богов почитать мертвых, которых они считают людьми, взятыми на небо, и зовутся суеверными. 15. Тех же, кто почитает народных и древних богов, именуют религиозными людьми. Отчего Вергилий и сказал:

¹ Лукреций. О природе вещей. I.931 (Перевод наш. — В. Т.).

Пустое суеверье, забывшее древних богов.¹

16. Но каких бы не нашли мы древних богов, все они тем или иным образом причислены к богам после смерти. Итак, суеверные люди — это те, кто чтят многих и ложных богов, а мы люди религиозные, потому что молимся одному и истинному Богу.

29. 1. Возможно, кто-нибудь спросит: каким образом, хотя мы говорим, что чтим одного Бога, свидетельствуем все же о двух, о Боге Отце и о Боге Сыне? Это утверждение многих ввергло в великое заблуждение. 2. Хотя им кажется правдоподобным то, что мы говорим, они тем не менее считают, что мы ошибаемся единственно в том, что признаем и другого, смертного Бога. О смертности мы уже сказали, теперь же скажем о единстве.

3. Когда мы говорим «Бог Отец» и «Бог Сын», мы говорим не о разных Богах и не отделяем одного от другого, ибо ни отец не может быть без сына, ни сын не может быть отдельно от отца, ибо ведь ни отец не называется отцом без сына, ни сын не может родиться без отца. 4. Итак, поскольку и Отец создает Сына и Сын — Отца, у них один разум, один дух, одна субстанция. Тот [Отец] — как бы животворящий источник, этот [Сын] — словно бы вытекающий из него ручей; тот как бы Солнце, этот словно бы луч, исходящий от Солнца. 5. Ибо кто верен и дорог Всевышнему Отцу, тот неотделим от Него, как ручей неотделим от источника, как луч — от Солнца. Ведь и вода источника пребывает в ручье, и свет Солнца в луче. Равно и голос не может быть отделен от уст, ни доблесть или рука от тела. 6. Следовательно, когда Тот самый [Сын] называется пророками рукой Божией, доблестью и речью, ими не подчеркивается никакое разделение, ибо и язык, слуга речи, и рука, в которой заключена доблесть, являются нераздельными элементами тела. 7. Хотелось бы использовать и такой частный пример. Когда кто-нибудь имеет сына, которого, единственного, любит, но который живет в доме и во власти отца, обычно ему передает имя и власть хозяина; следуя же гражданскому праву, говорят и об одном доме и об одном хозяине. 8. Так и этот мир есть единый дом Бога. И Отец, и Сын, Которые в этом мире живут в согласии, это один Бог, ибо один есть как бы двое и двое словно один. 9. И не удиви-

¹ Вергилий. Энеида. VIII.187 (Перевод наш. — В. Т.).

тельно, когда и Сын в Отце, поскольку Отец любит Сына, и Отец в Сыне, поскольку Он подчиняется пожеланиям Отца и никогда не делал и не делает ничего, кроме того, что хотел или приказал Отец. 10. Наконец, о том, что Бог один, как Отец, так и Сын, сказал Исаия в том примере, который мы приводили выше: «Будут умолять тебя, *говоря*: у тебя только Бог, и нет иного Бога». ¹ А также в другом месте сказал: «Так говорит Господь, Царь Израиля, и Искупитель его, Господь Саваоф: Я первый и Я последний, и кроме Меня нет Бога». ² 11. Итак, он назвал две личности: Бога Царя, т. е. Христа, и Бога Отца, Который вывел Того из ада после казни, как, о чем мы уже говорили, сказал пророк Осия: «От власти ада Я искуплю их». ³ Ведь Исаия, говоря тогда и о той, и о другой личности, утверждал: «И кроме Меня нет Бога». Хотя мог бы сказать: «Кроме нас». Но нельзя было с помощью множественного числа разорвать тесную связь. 12. Ведь есть только один-единственный, свободный, всевышний Бог, не имеющий начала, ибо Сам Он начало [всех] вещей; и в Нем одновременно и Сын, и все заключено. 13. Поэтому, коль скоро разум и воля одного пребывает в другом или, лучше сказать, один разум и одна воля в обоих пребывает, заслуженно каждый из Них называется единым Богом. Ибо все, что есть в Отце, перешло к Сыну, и все, что есть в Сыне, исходит от Отца. 14. Стало быть, нельзя почитать только Всевышнего и единственного Бога иначе, как через Сына [per filium]. Тот, кто полагает, что чтит одного Отца, не почитает ни Сына, ни Отца. 15. Кто же принимает Сына и произносит Его имя, тот вместе с Сыном и Отца чтит, ибо Сын есть посланник, вестник и первосвященник Всевышнего Отца. Он — дверь великого храма, Он — путь света, Он — вождь ко спасению, Он — врата жизни.

30. 1. Но поскольку появилось множество ересей и народ Божий разорван интригами демонов, нам следует в нескольких словах отгородить истину и дать ей собственное жилище, чтобы если кто захочет черпать воду жизни, спускался бы не к испорченным озерам, которые лишены протоков, но искал бы обильный источник Божий, подкрепляясь из которого он овладевал бы вечным светом. 2. Прежде всего на-

¹ Ис. 45, 14.

² Ис. 44, 6.

³ Ос. 13, 14.

добно знать, что и сам Он, и посланцы Его предсказали, что появятся многие секты и ереси, которые разорвут целостность святого тела [Церкви], и призывали нас быть весьма осмотрительными, чтобы никогда не попадаться в сети и ловушки нашего врага, с которым, как того и хотел Бог, мы должны бороться. 3. Тогда [в прежние времена] нам были даны верные указания, которые мы всегда должны соблюдать. Многие же, забывшие их, покинув небесный путь, выбрали себе беспутную дорогу по извилинам и через пропасти, по которой повели беспечную и простодушную часть народа ко мраку и смерти. До чего это дошло, я сейчас открою. 4. Некоторые из наших были либо не слишком тверды в вере, либо не слишком сведущи, либо весьма неосторожны, они-то и разорвали наше единство и пошатнули Церковь. 5. Те, чья вера была шаткой, хотя делали вид, что признают и почитают Бога, стараясь увеличить свое богатство и почет, жаждали высшего священства. Побежденные лучшими [из нас], они предпочли удалиться со своими сторонниками, вместо того чтобы терпеть главенство тех, кем сами недавно жаждали руководить. 6. Некоторые же, недостаточно сведущие в Священных Писаниях, не могли ответить обличителям истины, утверждавшим, что невозможно или странно, чтобы Бог был заключен в чреве женщины; что не могло небесное могущество дойти до такого смирения, чтобы заслужить у людей презрение, насмешки, оскорбления и поругания, чтобы, наконец, претерпеть пытки и быть недостойным образом казненным через крестование. 7. Когда все это они не смогли ни с помощью собственного дарования, ни с помощью учения ни отразить, ни опровергнуть, поскольку не совсем понимали силу и смысл [этих таинств], уклонились от правильного пути и исказили Священные Писания, так что создали себе новое учение, лишенное как основания, так и прочности. 8. Иные же, обольщенные словами ложных пророков, о которых предвещали и истинные пророки, и сам [Христос], отвернулись от учения Божия и оставили истинное предание. 9. И все они, пойманные в ловушки демонов, которые должны были бы видеть заранее и остерегаться их, бесстыдно испортили и божественное имя, и культ. 10. Ведь когда они назвались фригийцами,¹ новаци-

¹ *Фригийцы* — представители так называемой фригийской ереси, появившейся в Малой Азии во II в. Во многом ересь была связана с экзальти-

анами,¹ валентинианами,² маркионитами,³ антропианами или как-то иначе, они прекратили быть христианами, поскольку, оставив имя Христа, приняли для себя человеческие и посторонние наименования. 11. Итак, есть только одна католическая Церковь, которая сохраняет за собой истинный культ. Она — источник истины, она — жилище веры, она — храм Божий. Если кто не входит в нее или, напротив, покидает ее, лишает себя надежды на вечную жизнь и спасение. Никто не должен оспаривать этого. 12. Ведь речь идет о жизни и о спасении; если кто с осмотрительностью и тщанием не заботится о них, тот их лишится. 13. Но все же, поскольку отдельные ли еретики или собрание их считают прежде всего себя христианами, а свою Церковь — католической, следует знать, что та Церковь воистину католическая, в которой есть исповедание и покаяние, которые исцеляют грехи и промахи, которым подвержено слабое тело. 14. Я между тем весьма кратко сказал об этом, чтобы всякий, кто жаждет избежать ошибки, не впал в еще большее заблуждение, пока будет постигать глубины истины. Позже мы полнее и точнее в особом сочинении выступим против всех сект лжецов. 15. Поскольку мы достаточно сказали об истинной религии и мудрости, в следующей книге следует поговорить о справедливости.

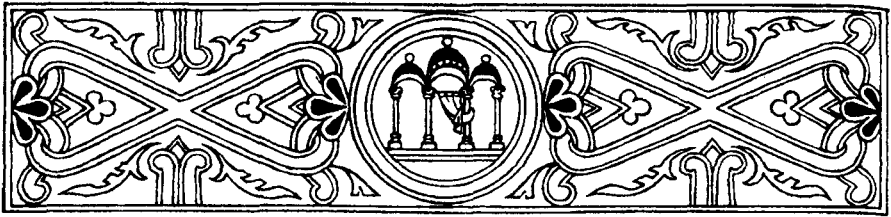

рованным учением Монтана, направленным на отрицание церковной дисциплины вообще и власти епископов в частности.

¹ *Новациане* — последователи Новациана, римского ереснарха III в., выступавшего против возвращения в Церковь падших во время гонений.

² *Валентиниане* — последователи Валентина из Александрии († ок. 160 г.), крупнейшего представителя александрийского гностицизма.

³ *Маркиониты* — последователи Маркиона из Синопа, ереснарха-гностика II в., отрицавшего Бога Ветхого Завета.

Книга V

О СПРАВЕДЛИВОСТИ

1. 1. Я не сомневаюсь, что если коснется этого нашего труда, в котором защищается единственный Творец и Правитель безмерного мира, кто-то из суеверных людей, то, будучи неспособен противостоять чрезмерному суеверию, он разразится бранью и, едва прочитав начало, отшвырнет его, отбросит и проклянет, а если терпеливо прочтет его или прослушает, то сочтет, что прикоснулся к преступлению и осквернил себя им. 2. Если так случится, то мы все-таки требуем по человеческому праву, чтобы он осудил нас не раньше, чем разберется во всем. Ведь если дается возможность защищать себя злодеям, изменникам, колдунам, и нельзя никого осуждать, не разобрав обстоятельств дела, то нам не кажется несправедливым требовать, чтобы если кто-то станет нападать на наш труд, то, если он читает, прочел бы до конца, если же слушает, выслушал бы полностью. 3. Однако мне известно упрямство людей, и мы никогда подобного не добьемся. Ибо они боятся, как бы они, захваченные нами, не были вынуждены сдаться, когда громогласно заявит о себе истина. 4. Вот они и шумят и протестуют, лишь бы не слушать, и закрывают глаза свои, лишь бы не видеть свет, который мы предлагаем. Этим они совершенно ясно показывают недоверчивость своего пропадающего ума, ибо не желают ни узнать, ни вступить в спор, так как знают, что без особого труда будут повержены. 5. И потому, вступая в спор, они

Бьются, не мудрость пуская вперед, но силу приемля,¹

¹ Епн. Апп. 272 (Перевод наш. — В. Т.).

как сказал Энный. Так как они готовы осудить, словно преступников, тех, чья невиновность им известна, они не хотят и слышать о самой невиновности, как будто бы более несправедливым было бы осудить известную невиновность, нежели неизвестную. 6. Но, как я сказал, они боятся, что если станут слушать, то не смогут осудить. И потому они терзают почитателей Всевышнего Бога, т. е. праведных людей, преследуют их и убивают, ибо не могут сами назвать причины неприязни, по которым столь сильно их ненавидят. 7. Поскольку же они сами заблуждаются, то гnevаются на тех, кто идет верной дорогой, и поскольку сами не могут исправить себя, заблуждения свои пополняют жестокими поступками, оскверняют себя кровью невинных и вырывают посвященные Богу сердца из растерзанных тел. 8. С такими вот людьми мы теперь будем бороться и спорить; будем стараться привести от вздорного убеждения к истине тех, кто с большим удовольствием глотает кровь, нежели слова праведников.

9. Так что же? Неужели напрасен наш труд? Нисколько. Ибо если мы не сможем вырвать их у смерти, к которой они настойчиво стремятся, если не сможем вернуть с превратного пути к жизни и свету, поскольку они сами противятся своему спасению, то, по крайней мере, укрепим тех из наших, чьи взгляды лишены прочных и твердых оснований. Ведь многие колеблются, особенно те, кто в чем-то соприкасались с [языческой] литературой. 10. Ибо и философы, и ораторы, и поэты пагубны тем, что без труда могут увлечь слабые души в свои сети привлекательностью речей и сладким звучанием декламируемых стихов. 11. По этой причине я и хотел соединить мудрость с религией, чтобы пустое учение не могло повредить тяготеющим к знанию людям. Чтобы уже само знание литературы не только не нанесло вреда религии и справедливости, но и как можно раньше оказало [посильную] помощь. Чтобы тот, кто ее изучает, стал более склонен к добродетели и более наставлен в истине. 12. Кроме того, если это никому не будет полезно, нам это точно послужит во благо. Ибо знание будет радовать и услаждать мой ум, так как он будет пребывать в свете истины, который является пищей для души, приводящем в некоторое восхищение [даже] неверующих.

13. Но не следует отчаиваться. Возможно, *не для глухих мы поем*.¹ Ведь не настолько плохи дела, чтобы не нашлось здоровых душ, которым бы понравилась истина и которые бы смогли увидеть указанный им верный путь и последовать по нему. 14. Нужно только обмазать чашу медом небесной мудрости, чтобы разборчивые люди без отвращения могли пить из нее горькие лекарства, пока первая соблазняющая сладость скрывает под видом приятного вкуса их горечь.² 15. Ведь в том-то и состоит главная причина, почему у разумных, образованных и первых людей этого века нет веры Священным Писаниям, ибо пророки говорили обычным и простым языком, как для народа. 16. Вот их и презирают те, кто не хочет ни слушать, ни читать ничего, кроме изысканного и отточенного. Не может привлечь их души ничего, кроме того, что способно услаждать уши сладкозвучием. А то, что является простонародным, незатейливым и скромным, им кажется низким. 17. Потому они считают, что нет ничего истинного, кроме того, что приятно слуху; нет ничего достойного веры, кроме того, что может принести наслаждение; никто не видит в обстоятельствах дела истину, но только красоту. 18. Они не верят пророчествам, так как они лишены внешней привлекательности. Но они не верят и тем людям, которые их растолковывают, ибо те либо совершенно грубы, либо малообразованны. Действительно, очень редко случается, чтобы они были красноречивы. Причина этого очевидна. 19. Ведь красноречие служит этому миру. Оно помогает перевозносить себя перед народом, успокаивать [толпу] при несчастиях; оно ведь часто пытается бороться с истиной, чтобы показать свою силу, домогается власти, жаждет славы и требует наивысшего почтения. 20. И вот красноречие, которое презирает как бы низкое и отвергает противоположное ему, разумеется, хочет понравиться народу и привлечь к себе множество поклонников.

21. Вот почему мудрость и истина не имеют достойных защитников. Если же кто из писателей вдруг и обращался к этому, то защищал не вполне достойно. 22. Из тех, кто мне известен, Минуций Феликс занимал не последнее место среди судебных защитников. Его книга,

¹ Вергилий. Буколики. X.8.

² Ср.: Лукреций. О природе вещей. I.936–943.

которую он назвал *Октавий*, показывает, сколь способным он мог бы оказаться заступником истины, если бы всего себя обратил на это дело. 23. Также Септимий Тертуллиан¹ был сведущ в разного рода науках, однако довольно слаб и малоизощрен в красноречии и весьма мрачен. Потому он и не приобрел достаточной известности. 24. Единственным выдающимся и ясным оказался Киприан,² поскольку он и ораторским искусством снискал себе великую славу, и написал в своем роде достаточно много удивительного. 25. Ведь был он наделен умом гибким, богатым, привлекательным и, что является признаком великого слога, ясным, так что ты не смог бы отличить, более ли он изящен в красноречии, в рассуждении ли более гибок, или более силен в убеждении. 26. Но все же он не смог открыть незнающим таинство, скрытое за словами, поскольку все, что он говорил, было наполнено прикровенным смыслом и подходило только верующим. Более того, он обычно высмеивается учеными нашего времени, которым случайно стали известны его сочинения. 27. Я слышал одного человека, безусловно красноречивого, который, заменив одну букву, называл его Коприаном,³ поскольку он утонченный и достойный лучших занятий ум посвятил «старушечьим басням». 28. Но если это он высказал в отношении того, чье красноречие не лишено привлекательности, то что же мы должны ждать относительно других, чей слог ничтожен и скучен, тех, кто не могли похвастаться ни силой убеждения, ни тонкостью аргументации, ни какой остротой в споре?

2. 1. И вот поскольку у нас не хватало достойных и опытных учителей, которые бы решительно и страстно изобличали народные заблуждения, которые бы всякий довод защищали с помощью красоты и богатства истины, то эта нехватка побудила некоторых к дерзости писать

¹ *Квинт Септимий Тертуллиан* — христианский писатель (160 — после 220 г.), пресвитер Карфагенской церкви, прославился прежде всего как апологет.

² *Святитель Киприан Карфагенский* (Расций Цецилий Киприан) — христианский писатель (после 200–258 г.), епископ Карфагена с 248 г., автор ряда произведений, в том числе более 80-ти писем.

³ Т. е. шутом.

против неведомой им истины. 2. Я умолчу о тех, которые нападали на нее в прежние времена. Но когда я по приглашению [Диоклетиана] преподавал в Вифинии риторическое искусство, и случилось так, что в то же самое время там был разрушен храм Божий, в том городе оказались два человека, которые, уж не знаю, по тщеславию ли, или по наглости, глумились над подломленной и униженной истиной.¹ 3. Один из них считал себя мастером философии, но был столь порочен, что, будучи учителем воздержания, был жаден, а еще более сладострастен. В пище он был столь расточителен, что, являясь в школе защитником добродетели и ревнителем бережливости и бедности, больше подходил к жизни во дворце, нежели в [частном] доме. Все же он прикрывал пороки свои бородой и плащом и, что было важнее одежд, богатствами. Чтобы приумножить их, он всякими обходными путями добивался дружбы с судьями и, используя авторитет вымышленного имени, привязывал их к себе не только для того, чтобы торговать их решениями, но и чтобы изгонять своих соседей из их жилищ и поместий, присваивая их себе. 4. И вот этот муж, который рассуждения свои разрушал [собственными] нравами или нравы свои порицал [собственными] рассуждениями, сам в отношении себя являясь строгим цензором и суровым обвинителем, в то самое время, когда нечестивым образом стал притесняться праведный народ, исторг из себя три книги против [истинной] религии и имени христианского. 5. Он прежде всего заявил, что долг философа — помочь заблудившимся людям и вернуть их на верную дорогу, т. е. к поклонению богам, чья воля и могущество, как он сам говорил, управляет миром; не терпеть, чтобы необразованные люди были обмануты некоторыми [хитрецами], чтобы их простота не стала добычей и пищей лукавцев. 6. Он говорил, что философия имеет достойное служение показывать невидящим свет мудрости, чтобы они не только излечились, приняв культ богов, но и чтобы, оставив ненужное

¹ В сочинении, посвященном истории Великого гонения, Лактанций называет три имени, кроме императорских, организаторов гонений в Вифинии: префект Флакцин, прежний помощник наместника Иерокл и его преемник в должности помощника наместника Присциллиан (*Лактанций. О смерти гонителей. 16.4*).

упорство, избежали телесных пыток и не предавали попусту члены свои на растерзание. 7. Также чтобы стало понятно, ради чего писался тот труд, он изливает похвалы императорам, чье благочестие и всеведение, как он сам говорит, прославились как в прочих делах, так, особенно, в защите религии богов. Наконец, он давал совет в человеческих делах, чтобы все люди, удаляясь от «преступного и старушечьего суеверия», соблюдали законные священные обряды и добивались расположения собственных богов. 8. Когда же он хотел лишить смысла ту религию, против которой произносил обвинительную речь, он показал себя ничемным, пустым и смешным. Ибо этот суровый охотник до чужого блага не ведал не только того, что обвинял, но и того, о чем говорил. 9. Ибо хотя наши, пребывавшие там, из-за сложности времени хранили молчание, в душе они все же смеялись, поскольку видели человека, заявлявшего, что он намерен дать другим свет, в то время как сам слеп; что намерен вывести других из заблуждений, в то время как сам не ведает, куда обратить стопы свои; что намерен наставить других в истине, хотя никогда не видел и единой искры ее. Вышло так, что учитель истины стремился ниспровергнуть истину. 10. Все порицали его особенно в том, что он взялся за свой труд в то именно время, когда неистовствовала безумная жестокость. О лстивый философ, о прислужник момента! 11. Правильно, что его презрели за его тщеславие. Ибо благодарность, на которую рассчитывал, он не получил, а слава, которую обрел, обратилась ему порицанием и обвинением.

12. Другой еще язвительнее писал по тому же поводу. В то время он принадлежал к числу судей и был одним из зачинщиков гонения. Не довольствуясь этим преступлением, он стал преследовать сочинениями тех, кого уничтожал [силой]. 13. Так, он составил две книги не против христиан, чтобы не казалось, будто он враждебно над ними насмеяется, а к христианам, чтобы думали, что он дает им человеческие и добрые советы. В них он стремился так лживо выставить Священные Писания, что они становились полной себе противоположностью. 14. Ибо он опубликовал некоторые главы, которые, как ему казалось, противоречили сами себе, настолько много и настолько тщательно все подобрав, что казалось, будто некогда он сам принадлежал к этой религии. 15. Если бы это было так, то какой Демосфен смог бы защитить

его от бесчестья, когда он стал предателем религии, служителем которой являлся, предателем веры, к чьему имени присоединился, предателем клятвы, которую дал? Если, конечно, Божественные Писания не попали в его руки случайно. 16. Какое безрассудство было дерзнуть опровергать то, что никому не дано объяснить!? Благо, что он или ничего не узнал из них, или ничего не понял. Ибо в Божественных Писаниях столь же нет противоречий, сколь отсутствует в нем самая вера и истина. 17. Особенно же он чернил Павла, Петра и прочих учеников, словно сеятелей обманов. Впрочем, он считает их мужами невежественными и необразованными, ибо некоторые из них занимались рыбацким промыслом; как будто бы досадуя, что за это дело [проповеди] не взялся какой-нибудь Аристофан или Аристарх.¹

3. 1. Стало быть, у апостолов не было ни способности измышлять, ни хитроумия, поскольку они были невежественны. Мог ли какой-либо необразованный человек сочинить связное и единое, когда образованнейшие философы Платон, Аристотель, Эпикур и Зенон говорили противоречивое и противоположное? В том-то и заключается природа вымысла, что он не может быть связным. 2. Предание же апостолов, поскольку оно истинно, во всем отточено и полностью согласно с собой; и потому оно убедительно, что стоит на незыблемых основаниях. 3. Итак, апостолы не придумали эту религию ради [своей] выгоды или пользы. Ведь они и в наставлениях, и в поступках вели ту жизнь, которая лишена наслаждений и отвергает все, что заключено во временном благе. Они не только приняли смерть за веру, но и знали, что будут казнены, а также предсказали, что потом все, кто последуют их учению, будут тяжело и несправедливо мучимы.

4. Этот писатель утверждал также, что Христос, изгнанный иудеями, собрав шайку из девятисот человек, занимался разбоем. 5. Кто осмелится не согласиться с таким «авторитетным» заявлением? Пусть и мы вполне поверим в это, ибо об этом ему, наверное, сообщил какой-

¹ *Аристофан* — греческий филолог (ок. 257–180 гг. до н. э.), глава Александрийской библиотеки, занимался критикой античных авторов; *Аристарх* — греческий ученый (ок. 217–145 гг. до н. э.), также возглавлявший Александрийскую библиотеку, занимался изучением и изданием античных авторов.

нибудь Аполлон во сне. Но разбойники постоянно погибали и погибали; да многих из них ты и сам осудил на казнь. Кто же из них после казни своей был назван, я не говорю Богом, честным человеком? 6. Но ты, пожалуй, на том основании поверил, [будто Христос — разбойник], что считаешь в качестве бога человекоубийцу Марса. И все же ты этого бы не стал делать, если бы ареопагиты отправили Марса на крест.¹

7. Когда же этот писатель осмеивал чудеса Христовы, то не стал их отрицать, но хотел показать, что Аполлоний² совершал либо равные, либо даже бóльшие чудеса. Удивительно, что он не упомянул Апулея,³ чьи многочисленные и восхитительные деяния обычно всплывают [при этом] в памяти. 8. Так почему же, о глава безумцев, никто не почитает в качестве бога Аполлония? Видимо, ты единственный, кто достоин такого бога, с которым тебя будет вечно карать истинный Бог. 9. Если Христос был магом, поскольку творил чудеса, то Аполлоний был все же искуснее его. Ибо когда, как ты пишешь, Домициан⁴ приказал казнить его, тот не пришел на суд, а Христос был схвачен и распят на кресте. 10. Но, вероятно, он хотел показать заносчивость Христа в том, что Тот счел Себя Богом, так что Аполлоний показался бы более скромным, ибо, хотя и совершил гораздо большее, как полагает этот писатель, все-таки не стал приписывать себе этого имени. 11. Я не стану сейчас сравнивать сами их деяния, поскольку во второй и предыдущей книге я уже говорил о лжи и лукавом искусстве магии.⁵ 12. Я не думаю, что есть кто-то, кто отказался бы получить после смерти то, чего жаждут великие цари. 13. Иначе почему люди ставят себе великолепные надгробия, статуи и бюсты? Почему гражданам, прославившимся какими-

¹ См. комментарий к I.10.4.

² *Аполлоний Тианский* — странствующий неопифагореец I в. н. э., которого считали и мудрецом, и колдуном, и шарлатаном. Биографию его написал Флавий Филострат.

³ *Апулей* — римский писатель II в. до н. э., автор *Апологии*, в которой оправдывал себя от обвинения в использовании колдовских чар, известен прежде всего как автор романа *Золотой осел*.

⁴ *Тит Флавий Домициан* — римский император, правивший с 81 по 96 г.

⁵ См.: II.16; IV.13.16; 27.

нибудь деяниями или принявшим смерть за государство, люди стараются воздать почет? Почему, наконец, сам ты захотел воздвигнуть памятник своему таланту, вылепленный из этой гнусной глупости, словно из грязи, если не в надежде обессмертить память о своем имени? 14. Итак, неразумно то, что Аполлоний не пожелал бы этого, если бы мог. Ибо нет никого, кто бы отверг бессмертие, особенно если ты говоришь, что некоторыми он был почитаем в качестве бога и что статуя его и теперь почитается жителями Эфеса под именем Геркулеса Алексикакского. 15. Стало быть, он не мог после смерти почитаться в качестве бога, ибо известно, что он был человеком и магом. Вот почему он под чужим именем стяжал себе божественность, ведь сделать это под своим он не мог и не решался. Наш же [Христос] мог считаться Богом, ибо не был магом, и считался Богом, поскольку на самом деле им был. 16. «Я не утверждаю, — говорит он, — что люди потому не сочли Аполлония богом, что он не желал этого, но стремлюсь доказать, что мы, поскольку не вывели сразу из чудесных деяний божественность, более мудры, чем вы, которые сочли Христа Богом за проявление незначительных возможностей». 17. Не удивительно, что ты, весьма далекий от мудрости Бога, вообще ничего не понимаешь из того, что прочел, когда иудеи, которые издавна читали пророков и у которых хранилась тайна Божия, не понимали того, что читали. 18. Знай же, если это тебе по сердцу, что мы признаем в Христе Бога не потому, что Он совершал чудеса, но потому, что видели, как в Нем исполнилось все то, что возвестили нам пророки. 19. Он совершал чудеса, и мы сочли бы Его магом, как и вы сейчас считаете и как полагали тогда иудеи, если бы все пророки в один голос не предрекли бы, что те самые чудеса будут исполнены Христом. 20. Итак, мы признаем в Нем Бога не столько за чудесные деяния и свершения, сколько за тот самый крест, на который вы лааете, словно собаки. Ибо и он был предсказан. 21. Причем не Его собственным свидетельством, ибо какому говорящему о себе [человеку] можно верить? Напротив, веру в то, что он Бог, Он получил по свидетельству пророков, которые заранее предвозвестили, что Он совершит и что претерпит, и это не могло и никогда не может быть отнесено ни к Аполлонию, ни к Апулею, ни к одному магу.

22. И вот, когда этот писатель излил столько вздора своего незнания, когда совершенно исказил истину, он удумал назвать свои нечестивые и враждебные Богу книги *Друг истины*. 23. О слепая душа! О ум чернее, как говорится, киммерийской ночи! Да это последователь Анаксагора, у которого снег был черен. Ведь одно и то же ослепление: давать ли истине имя вымысла или вымыслу — имя истины. Конечно, хитрец хотел скрыть волка под овечьей шкурой, чтобы с помощью фальшивого заглавия заманить читателя в сети. 24. Но пусть ты это сделал не по коварству, а по незнанию, какую же ты нам сообщил истину, кроме той, что ты, ревнитель богов, полностью их изобличил? 25. Ведь, удостоив славы Всевышнего Бога, Которого ты признал Великим царем, Создателем вещей, Источником благ, всеобщим Родителем, Творцом и Попечителем живущих, ты лишил своего Юпитера власти и, свергнув его с престола, включил в число прислужников. 26. Итак, эпилог твой обнажил скудоумие твое, твое тщеславие и лживость твою. Ведь ты уверяешь, что боги существуют, и все же подчиняешь их тому Богу, религию Которого пытаешься ниспровергнуть.

4. 1. И вот, когда те писатели, о которых я говорил, к моей скорби сочиняли свои святотатственные книги, я, побуждаемый их надменной кичливостью, сознанием собственно истины и, как я думаю, самим Богом, возложил на себя труд обуздать всеми силами моего дарования обличителей справедливости. Не с тем, чтобы писать против тех, кого можно было бы опровергнуть несколькими словами, но чтобы одним ударом поразить всех тех, кто взялся или еще только собирается взяться за подобный [нечестивый] труд. 2. Ибо я не сомневаюсь, что множество других [нечестивых людей] в разных областях возвели памятник своей несправедливости не только на греческом языке, но и на латыни. Поскольку я не в состоянии ответить каждому из них в отдельности, я решил поступить так: ниспровергнуть первых из них вместе со всеми их писаниями и лишить всякого повода писать и спорить тех, кто последует за ними. Пусть только откроют уши, и я, конечно, сделаю так, чтобы всякий, кто услышит меня, либо принял то, что прежде осуждал, или, что весьма вероятно, отказался впредь от насмешек над этим. 3. Хотя Тертуллиан в немалой степени выполнил эту задачу в той книге, которая озаглавлена *Апологетик*, тем не менее, одно —

ответить хулителям, что можно сделать, защищаясь или только отрицая [обвинения], другое — установить, что мы и делаем, в чем заключается суть всего учения. Я не избежал того, чтобы исполнить тот труд, который не выполнил Киприан в знаменитой речи, где он пытался уличить во лжи Деметриана, бранящего, как он сам говорит, и хулящего истину. 4. Киприан не использовал нужного материала, как бы должен был. Ибо он обязан был опровергать не свидетельствами Писания, которое тот Деметриан считал пустым, лживым и вымышленным, но иными доводами и с помощью разума. 5. Ведь когда он выступал против человека, отвергающего истину, он, сея понемногу божественное учение, должен был приручать того, как бы дикого изначально, человека и постепенно приоткрывать ему основы света, чтобы, дав полный свет, не ослепить его. 6. Ведь как младенец из-за нежности желудка не может принимать твердую и грубую пищу, а вскармливается жидким и нежным молоком, пока не сможет, набравшись сил, питаться чем-то более твердым, так и тому нужно было, пока он не мог принимать божественные свидетельства, предлагать человеческие, т. е. свидетельства философов и историков, чтобы опровергать его главным образом его же авторами. 7. Поскольку Киприан не сделал этого, увлекшись исключительным знанием Божественных Писаний, желая вести борьбу только с помощью того, на чем стоит вера, я решил по вдохновению Божию сделать это и одновременно открыть другим путь для подражания. 8. Если же ученые и красноречивые люди по побуждению нашему обратятся к этому [занятию] и дарования свои и красноречие пожелают обратить на поле истины, никто не станет сомневаться, что вскоре исчезнут ложные религии и будет разрушена всякая философия. Ибо всем будет ясно, что существует только эта [небесная] религия и лишь одна истинная мудрость. Однако я отклонился [от вопроса] дальше, чем намеревался.

5. 1. Теперь же следует вернуться к рассмотрению соображений о справедливости, которая либо сама является добродетелью, либо же источником добродетели, которую искали не только философы, но также поэты, жившие гораздо раньше [философов] и еще до рождения философии получившие имя мудрейших. 2. Они ясно понимали, что эта [справедливость] далека от дел человеческих, и воображали, что

она, испорченная людскими пороками, оставила землю и удалилась на небеса; и при этом, когда они объясняют, как жить согласно справедливости (ведь имеют они обыкновение двусмысленно передавать свои суждения), приводят образцы справедливости из времен Сатурна, которые они называют «золотыми», и сообщают, в каком состоянии была жизнь людей, пока та [справедливость] еще пребывала на земле. 3. Это, бесспорно, следует принимать не в качестве поэтического вымысла, но как действительность. Ведь когда царствовал Сатурн, когда еще не были установлены культы богов, и до тех пор, пока еще ни один народ не был обращен к пониманию божественности, [истинный] Бог, как бы то ни было, почитался. 4. И потому не было ни раздоров, ни вражды, ни войн,

*Не было шлемов, мечей; упражнений военных не зная,
Сладкий вкушали покой безопасно живущие люди.¹*

Как оговорился стихом Германик Цезарь в *Арате*:

И не знаком был раздор между братьев.²

И даже чужеземцам [не был знаком раздор], и вообще не было никаких мечей, которые бы обнажались. 5. Ведь кто, пока существовала и процветала справедливость, думал о своей защите, когда никто не строил козней, или когда никто не помышлял о гибели другого, когда никто ничего не стяжал [для себя]?

Более жаждали жить они малым владея,³

как Цицерон сказал у себя, что соответствует и нашей религии.

*Даже значком отмечать иль межой размежевывать нивы
Не полагалось. Все сообща добывали.⁴*

6. Безусловно, Бог даровал всем землю, чтобы все проводили жизнь вместе, чтобы неутолимая и безумная жадность не присваивала всего

¹ Овидий. *Метаморфозы*. I.99–100.

² *Germ. Arath. Fr. 112* (Перевод наш. — В. Т.).

³ *Ibid. Fr. 21* (Перевод наш. — В. Т.).

⁴ Вергилий. *Георгики*. I.126–127.

себе и чтобы никто не был лишен того, что всеми производилось. 7. Это изречение поэта следует понимать не так, как мы разумеем, будто в то время не было ничего частного, но [следует воспринимать] как изреченное по обыкновению поэзии; как мы видим, люди были столь добросердечны, что рожденных плодов не запирали у себя, и земли не оставались сокрытыми [от других], а неимущим [люди] позволяли пользоваться плодами своего труда.

*Реки текли молока, струились и нектара реки.*¹

8. И не удивительно, поскольку кладовые с необходимым [пропитанием] были доступны всем, и жадность, губящая божественные благодеяния, не порождала нигде ни голода, ни нужды; но все одинаково жили в изобилии, когда имущие щедро и обильно одаривали неимущих.

9. Но вследствие того, что Сатурн был свергнут сыном и сбежал в Лаций, он был

*Царства лишен своего, утрачен оружием сына.*²

Именно тогда народ либо от страха перед новым царем, либо сам собой развратившийся перестал почитать [истинного] Бога, стал считать царя богом. Ведь сам злодей примером был для прочих в осквернении благочестия.

*Спешно покинула землю благочестивая дева;*³

однако не так, как говорил Цицерон:

*И поселилась в Юпитера царстве, на небе.*⁴

10. Ведь как она могла поселиться или задержаться в царстве того, кто низверг власть отца, преследуя его войной и повсюду, гонимого, мучая?

¹ Овидий. *Метаморфозы*. I.111.

² Вергилий. *Энеида*. VIII. 320.

³ *Germ. Arath. Fr. 137* (Перевод наш. — В. Т.).

⁴ *Cic. Arat. Fr. 23* (Перевод наш. — В. Т.).

*Он же, Юпитер, и яд даровал отвратительным змеям,
Волку велел выходить на добычу,¹*

т. е. посеял среди людей ненависть, злобу, лукавство, чтобы они так же были пропитаны ядом, как змеи, столь же были хищны, как волки. 11. Поэтому-то они поступают так, что люди, честные и верные Богу, гонимы; [поэтому] позволяют судьям бесноваться среди безвинных. 12. Может быть, Юпитер [действительно] совершал нечто подобное для изгнания и уничтожения справедливости; и поэтому считается, что он змеям добавил озлобленности и волков сделал свирепыми. Тогда стало все

Яростной жаждой войны одержимо и страстью к наживе.²

И не удивительно. 13. Ведь люди забыли божественную религию и даже само представление о добре и зле. Так погибла между людьми общность жизни и порвалась связь человеческого сообщества. 14. Тогда они начали между собой бороться, строить [друг другу] козни и добывать себе славу из крови людской.

6. 1. Источником всех эти злодеяний была алчность, которая, разумеется, выросла из презрения истинной святости. Ведь одни люди не только не делились с другими тем, чего было [у них] в изобилии, но захватывали к тому же чужое, присваивая все для личной наживы, и то, что прежде каждым производилось для общего употребления, собиралось в домах немногих. 2. Поистине, чтобы поработить остальных, они стали отнимать и собирать самое необходимое для жизни и назначать консулов зорко следить [за всем], чтобы сделать лишь своими дары небесные; не с помощью человеколюбия, которого у них вовсе и не было, но собрав все средства жадности и алчности. 3. И именем справедливости они освятили себе самые несносные и несправедливейшие законы, силой которых оберегали от нападения черни свою добычу и корысть. Следовательно, они имели силу благодаря более предписаниям, нежели насилию, богатству или коварству. 4. И поскольку в этих законах не было и признака справедливости, свойствами которой

¹ Вергилий. Георгики. I.129—130.

² Вергилий. Энеида. VIII.327.

являются человечность, справедливость и милосердие, то отныне надменные и чванливые люди наслаждались неравенством; высокомерные окружили себя другими людьми, свитой телохранителей, украсили себя оружием и особым одеянием. 5. Они выдумали себе эти почести, порфиры и фасции, чтобы, опираясь на страх перед топорами и мечами, повелевать, будто бы по праву властителей, над поверженными и объятами ужасом людьми. 6. Царь тот, [т. е. Юпитер], вверг жизнь человеческую в такое состояние, что, одолев и изгнав отца, он обрел не царскую власть. Силой и с помощью войска он [установил] гнусную тиранию и уничтожил тот золотой и праведный век, и заставил людей стать злыми и нечестивыми, конечно, из-за того, что он отвратил их от [Всевышнего] Бога для поклонения самому себе, ибо нагнетал ужас невероятнейшим правлением. 7. Ведь кто не боялся его, окруженного войском, озаренного необычайным сиянием металла и мечей? Кого бы другого пощадил тот, кто не пожалел своего же отца? Кого ведь боялся тот, кто победил в войне род Титанов, мужей могучих и огромных? 8. Что удивительного, если все люди, объятые невиданным страхом, стали раболепствовать перед одним [человеком]? Они боялись его и оказывали ему великий почет. 9. И поскольку признаком послушания считалось подражание нравам и порокам царя, [людьми] было оставлено всякое благочестие, чтобы не казалось, что они, живя благочестиво, осуждают преступление царя. 10. Так ревностным подражанием они оставили божественный закон, и постепенно привычка жить скверно превратилась в правило. И не осталось ничего из благочестивого и добродетельного состояния минувшего века; напротив, когда была отвергнута справедливость, она, уведя с собой истину, оставила людям заблуждение, невѣдение и слепоту.

11. Несведущи же те поэты, которые повествовали, что она, [справедливость], нашла пристанище в царстве Юпитера. Ведь если в век, который именуют они «золотым», справедливость была на земле, то уж точно она была изгнана Юпитером, который сменил «золотой век». 12. Смену же века и изгнание справедливости надо рассматривать не иначе как, и я уже говорил об этом, небрежение божественной религией, которая создает такие основания, что человек ценит человека и сознает, что связан с другим братскими узами; что он, поскольку Бог

отец всем, делится дарами Бога и Отца всеобщего с теми, кто ниему, никому не причиняет вреда, никого не беспокоит, ни врата не запирает перед чужестранцем, ни золото [не прячет] от просящего, но является щедрым, благоволящим, милостивым, что Туллий считал [подлинными] царственными достоинствами. 13. Это поистине справедливость и «золотой век», который сначала был испорчен в царствование Юпитера, а вскоре, когда тот сам и поколение его были обоготворены и появилось поклонение многочисленным богам, и совсем уничтожен.

7. 1. Но Бог, как Родитель милосерднейший, с приближением конца времен послал вестника, чтобы восстановить тот минувший век и [вернуть] изгнанную справедливость, чтобы отвратить род человеческий от многих и бесконечных блужданий. 2. И вот возвратился образ того золотого времени, и возвращена была на землю справедливость, которая есть не что иное, как благочестивое и религиозное поклонение единственному Богу, но немногим она была дана. 3. Однако, возможно, кто-то усомнится, почему, если это действительно справедливость, она была дана не всему роду человеческому и почему не все народы приняли ее. Это важный вопрос, почему Богом, когда Он даровал земле справедливость, было сохранено [нравственное] различие [между людьми]. Это я уже показывал в другом месте,¹ и это еще будет объясняться и далее при всяком удобном случае. 4. Теперь же будет достаточным определить это очень кратко: добродетель нельзя будет заметить, если не будет противоположных ей пороков, так же как нельзя будет обнаружить совершенного, если оно не будет преследоваться дурными людьми. 5. Ибо Бог захотел, чтобы было различие между добром и злом, чтобы мы познавали свойство добра через зло, так же как и свойство зла через добро. Смысла одного нельзя понять, не познав противоположного. Бог, стало быть, не уничтожил зла, чтобы мог открыться смысл добродетели. Ведь каким образом свою силу и имя свое могла бы иметь терпеливость, если бы не было ничего, что мы вынуждены были бы претерпевать? 6. Каким образом заслужила бы похвалу стойкая вера в Бога, если бы не было кого-то, кто бы захотел отвернуться от Него? 7. Именно потому Он допустил неправедных

¹ См.: II.17.1; III.29.13–16.

людей быть более сильными, чтобы они могли принуждать ко злу, и потому сделал их более многочисленными, чтобы добродетель, более редкая, оказалась бы более ценной. Это же самое превосходно и коротко показал в *Покрытой голове* Квинтиллиан. «Эта добродетель, — говорит он, — была бы пуста, если бы не заслужила похвалу своей редкостью». Ведь поскольку так установлено природой, что ненависть, алчность, гнев делают слепцами тех, кто к ним стремится, то кажется, что не совершать прегрешений выше человеческих сил. Впрочем, если бы природа дала всем одинаковые устремления, не было бы никакого благочестия. Что это истинно так, доказывается самим же разумом. 8. Ведь если добродетель состоит в том, чтобы сопротивляться злу и порокам, то без зла и пороков нет никакой добродетели. Бог дал ее совершенной и абсолютной, а потому сохранил то, что ей противно, с чем она могла бы вести борьбу. 9. Ибо тревожимая негодующим злом, она обретает твердость, и чем более тревожится, тем более укрепляется. 10. Бесспорно, в этом причина того, что хотя людям и была дана справедливость, все же не установился «золотой век», ибо Бог не устранил зло, чтобы сохранялось различие, составляющее таинство божественной религии.

8. 1. Итак, те, кто полагают, что нет ни единого праведного человека, имеют праведность перед глазами, но не желают ее замечать. Ибо зачем и для чего они описывают ее в стихах и во всяких речах, сетуя на ее отсутствие, когда легко быть добрыми, если захотеть? 2. Зачем вы изображаете справедливость суетной и желаете, чтобы она снизошла с небес, воображая ее себе в некоем образе? Смотрите, она прямо перед вами: возьмите, если сможете, и поселите ее в обителище души вашей. Не думайте, что это трудно или принадлежит другим временам. 3. Станьте праведными и добрыми, и справедливость, которую вы ищете, сама пребудет с вами. Удалите из сердец ваших всякий дурной помысел, и тотчас к вам вернется то золотое время. Вы никак не сможете обрести его иначе, как начав почитать истинного Бога. 4. Вы же хотите обрести справедливость на земле, сохраняя культ [ложных] богов, чего никоим образом не может быть. Впрочем, ее не могло быть и тогда, когда вы считаете, что она была. Ведь тогда не родились еще те боги, которых вы столь набожно чтите, и необходимо на земле сущест-

вовал культ одного Бога. Разумеется, Того, Который порицает зло и поощряет добро, чей храм — не камень или глина, но сам человек, несущий в себе образ Божий. Этот храм украшен не золотом или тленными драгоценными камнями, но предвечными дарами добродетели.

5. Поймите же, если у вас еще есть ум, что люди потому злы и несправедливы, что почитают [ложных] богов. И потому изо дня в день зло обременяет дела человеческие, что оставлен Бог, Творец и Управитель этого мира; потому что были приняты, вопреки всему, нечестивые религии; наконец потому, что вы даже немногим не позволяете чтить [Всевышнего] Бога. 6. Ибо если бы почитался только один Бог, не было бы раздоров и войн, поскольку люди знали бы, что они дети одного Бога и потому связаны узами и неразрывной нитью божественного родства. Не было бы никаких интриг, поскольку [люди] знали бы, какого рода кары приготовил убийцам Бог, Который видит тайные преступления и даже помыслы. 7. Не было бы обманов, грабежей, если бы учились наставлениям Бога и довольствовались бы своим и немногим, предпочитая слабым и тленным [выгодам] прочные и вечные. Не было бы разврата, прелюбодеяний и растления женщин, если бы всем было известно, что Бог осуждает любую страсть, направленную не на рождение детей. Необходимость не толкала бы женщину осквернять честь свою, добывая себе пропитание непристойнейшим образом, поскольку мужчины сдерживали бы свою страсть, да и благочестивая и религиозная жертвенность имущих помогала бы неимущим. 8. Итак, не было бы, как я сказал, на земле всего этого зла, если бы все были связаны законом Божиим, если бы все поступали так, как поступает только наш народ [христиан]. Сколь благостным, сколь [воистину] золотым было бы состояние человеческих дел, если бы на всей земле пребывали кротость, милосердие, мир, бескорыстие, равенство, умеренность и верность! 9. Наконец, для управления людьми не нужны были бы столь многочисленные и столь разнообразные законы, когда бы для сохранения честности было бы достаточно одного-единственного закона — Божия. Не нужно было бы ни тюрем, ни мечей охранников, ни страха наказания, когда целебность небесных предписаний, поселенная в человеческих сердцах, сама по себе наставляла бы людей на праведные поступки. 10. Теперь же на незнании добра и правды зиждется зло.

Это увидел и Цицерон. Ибо, рассуждая о законах, он сказал: «Как одна и та же природа связывает и уравнивает все согласующиеся между собой части мира, так и все люди, объединенные между собой одной природой, живут в раздоре из-за пороков. Они не сознают себя единокровными [братьями], пребывающими под одной и той же опекой. Если бы они осознали это, люди, конечно же, жили бы жизнью богов».¹

11. Итак, все злодеяния, из-за которых род человеческий сам себя раздирает на части, порождены несправедливым и нечестивым культом богов. Ибо не смогли сохранить благочестия те, кто презрели, словно непокорные и строптивые дети, Бога, общего для всех Отца.

9. 1. Подчас они все-таки понимают, что злы, и восхваляют состояние ушедших веков и по своим нравам и проступкам догадываются, что справедливости нет. Ее, стоящую у них перед глазами, они не только не замечают и не принимают, но и ненавидят, преследуют и стремятся уничтожить. 2. Предположим, что той справедливости, которой мы следуем, нет. Но если бы пришла та справедливость, которую они считают истинной, то каким же образом они бы ей следовали? Они терзают и убивают тех, кого сами признают последователями праведности, за то, что те вершат добро и поступают благочестиво. Но если бы они убивали только злодеев, то все равно справедливость не пришла бы к ним. Ведь у нее не было никакой другой причины покидать землю, кроме чрезмерного пролития крови. 3. И уж тем более [справедливость не придет к ним], когда они истребляют набожных людей и считают врагами последователей справедливости. Даже больше, чем врагами. Тех все-таки, хотя предают души их, имущество и детей огню и мечу, побежденных, щадят; и даже на поле брани есть место милосердию. И ненависть к врагам ограничивается лишь тем, что их либо убивают, либо уводят в рабство. 4. Однако же невыразимо то, что совершается против тех, кто не в состоянии причинить зла, когда никто не считается более виноватым, чем те, кто вовсе невинен. И вот нечестивые люди смеют говорить о справедливости, сами, превосходя по лютости диких зверей, опустошая мирную паству Божию,

¹ Цицерон. О законах. Фрагм. I.

...точно хищные волки

*В черном тумане, когда ненасытной голод утробы
Стаю слепую ведет.¹*

5. Однако их не *голод утробы*, но [голод] сердца приводит в бешенство, *не в черном тумане*, но при свете дня они действуют. Никогда сознание преступления не удерживало их от того, чтобы не бесчестить святое и благочестивое имя справедливости устами своими, которые обгарены кровью невинных, словно пасти хищников. 6. Какую мы можем назвать причину такой столь непримиримой их ненависти? Неужели, как говорит поэт, словно одаренный божественным духом, правда порождает ненависть?² Или они стыдятся присутствия верных и добрых? Или, скорее, [следует называть] обе причины? Действительно, правда потому всегда ненавистна, что тот, кто совершает грех, хочет иметь свободу для совершения греха и считает, что он с большим спокойствием мог бы совершать злодеяния, нежели в присутствии кого-то, кому преступления ненавистны. 7. Вот поэтому-то они стремятся полностью извести и уничтожить свидетелей преступлений своих и злобы и считают их для себя опасными, так как те осуждают жизнь их. 8. Ведь зачем нужны беспокойные добрые люди, если они своей добродетельной жизнью вызывают только негодование испорченного народа? Почему все они, подобно другим, не злы, не алчны, не распутны, не развратны, не лживы, не жадны и не коварны? Почему же не избавиться от тех, перед кем стыдно дурно проводить жизнь, от тех, кто разит и бьет грешащих людей, но не словами, ибо молчат, а самым несхожим образом жизни? Ибо кажется, что всякий, кто не похож, порицает.

9. Но не следует слишком удивляться тому, что на людей восстают эти [язычники], когда по той же причине против Самого Бога поднялся даже народ, сопричастный надежде и знающий Его. Верующих постигает та же участь, что выпала на долю и Самого Учителя справед-

¹ Вергилий. Энеида. II.355–357.

² Скрытая ссылка на комедию Теренция *Девушка с Андроса*: «...ведь в наши дни друзей / уступчивость родит, а правда — ненависть» (*Теренций. Девушка с Андроса. I.1.69*).

ливости. 10. И вот [гонители] терзают и истязают [праведных] изощренными пытками и считают, что мало убивать тех, кого они ненавидят, но необходимы еще и телесные страдания. 11. Если же кто-то [из христиан] либо под страхом пыток или смерти, или по собственной неблагочестивости отказывается от клятвы, данной Богу, и соглашается на нечестивые жертвоприношения, таких восхваляют и одаривают почестями, чтобы их примером соблазнить остальных. 12. В отношении же тех, кто высоко ценит веру и не отрицает, что он почитатель [Всевышнего] Бога, [гонители] обращают всю мощь своих пыток, словно жаждут крови, и называют отчаянными, ибо те совсем не берегут своего тела: словно что-то может быть отчаяннее, чем истязать и терзать то, что ты признаешь невиновным.

13. До такой степени не осталось никакого стыда у тех, кто лишен всякого человеколюбия, что всю ту брань, которой достойны сами, они обращают на праведных. 14. Ведь они называют нечестивцами тех, кто, конечно же, благочестив и отворачивается от человеческой крови. Если бы они рассмотрели поступки свои и тех, кого осуждают как нечестивых, то поняли бы, сколь лживы и насколько сами достойны всего того, что говорят и делают в отношении добрых людей. 15. Ведь не из нашего, но из их числа постоянно появляются те, кто выходит с оружием на дороги, кто разбойничает на море, а если не хотят действовать открыто, то пользуются ядом. Это они, [язычники], убивают жен, чтобы завладеть их приданым, и мужей, чтобы уйти к любовнику, это они рожденных детей или душат, или, если бывают сердобольны, подкидывают. 16. Это они не сдерживают своего кровосмесительного сладострастия ни от дочери, ни от сестры, ни от матери, ни от весталки. Это они составляют заговоры против сограждан своих и против родины и не боятся наказания. 17. Наконец, это они совершают святотатства и грабят храмы богов, которых сами же и почитают. И, что назвали бы мы менее значительным и обычным, это они домогаются наследства и совершают подлоги завещаний, а истинных наследников либо убивают, либо устраняют. Это они торгуют телами своими. Это они, забыв, кем рождены, состязаются в разврате с женщинами; это они, попирая все природные законы, оскверняют и срамят священнейшие части своего тела. Это они оскоряют железом мужские члены и, что еще преступнее,

делают это, чтобы стать жрецами. Они не щадят даже жизней своих, но, публично убивая себя, продают свои души [демонам]. Это они, исполняя обязанности судей, будучи подкупленными, либо губят невинных, либо отпускают без наказания виновных. Это они травят ядами, [т. е. воскурениями], даже само небо, словно земля уже не приемлет их. 18. Эти и многие другие преступления, я утверждаю, совершаются теми, кто почитают богов. Среди стольких и таких злодеяний где место для справедливости? Я перечислил лишь немногие из большого количества [преступлений] не для того, чтобы полностью изобличить их, но для примера. 19. Кто хочет узнать их все, пусть возьмет в руки книги Сенеки, который был как правдивейшим изобразителем, так и горячим обвинителем общественных нравов и пороков. 20. Также и Луцилий довольно четко и емко изобразил в следующих строках эту мрачную жизнь:

*Нынче с утра и до ночи, и в праздничный день и в обычный,
Целый день напролет все, кто знатен, и все, кто не знатен,
Бродят по форуму взад и вперед, ни на шаг не уходят,
Все единой заботой полны и единым стараньем —
Если болтать, то с оглядкой, если бороться — коварно,
Льстить — так взапуски льстить, и все притворяясь хорошим,
Строить подвохи — да так, словно каждый каждому недруг.¹*

21. В чем из этого можно упрекнуть наш народ, вся религия которого состоит в том, чтобы жить без преступлений и без позорных поступков? 22. И вот когда они увидят, что сами они и их [единоверцы] совершают то, что мы перечислили, а наши [единоверцы] не совершают ничего, кроме справедливого и доброго, они смогут уразуметь, если способны хоть что-то понять, что те, кто вершат добро, благочестивы, и что сами они нечестивы, ибо творят гнусности. 23. Ведь не может быть так, чтобы те, кто не ошибаются во всяком своем поступке, заблуждались бы в самой сути [in ipsa summa], а именно в религии, которая является главой всего. Ибо нечестие рождается в том, что является сутью, и распространяется потом на все остальное. 24. Равно не

¹ Луцилий. Сатиры. Из неизвестных книг. Фрагм. 5.

может быть так, чтобы сами те, кто ошибаются во всей жизни, не обманывались в религии? Ибо благочестие, заключааясь в сути, сохраняется и во всем остальном. Так и получается, что в отношении той и другой партии по поступкам можно определить, какова у них сущность.

10. 1. Полезно познакомиться с благочестием тех [язычников], чтобы можно было понять, что́ из того, чего они совершают добродетельно и благочестиво, [как им это кажется], совершается вопреки закону благочестия. 2. И чтобы не показалось кому-то, будто я беспощаден в своих обличениях, возьму для примера некую весьма благочестивую личность, которая была образцом благочестия. 3. У Марона знаменитый царь [Эней] был таков:

*Справедливостью, храбростью в битвах
И благочестьем никто не мог с ним сравниться...¹
Копья он шлет и коней, у врага захваченных в битве,
Руки связав за спиной, отправляет пленных для жертвы
Манам, чтоб кровью залить костра погребального пламя.²*

4. Что может быть милостивее того «благочестия», когда мертвецам приносятся человеческие жертвы и когда в огонь подливают кровь людей, словно масло? 5. Но, пожалуй, виноват не царь, а поэт, который мужа, благочестием славного,³ ославил страшным преступлением? Где же, о поэт, то благочестие, которое ты весьма часто прославляешь? Смотри, вот «благочестивый» Эней

*...Рожденных в Сульмоне
Юных бойцов четверых и впоённых Уфентом столько ж
В плен живыми берет, чтобы в жертву манам принести их,
Вражеской кровью залить костра погребального пламя.⁴*

6. Почему он, в то время как отправлял побежденных на заклание, сказал:

¹ Вергилий. Энеида. I.544–545.

² Там же. XI.80–82.

³ Там же. I.10 (Перевод наш. — В. Т.).

⁴ Там же. X.517–520.

...мир и живым я дал бы охотно¹ —

хотя, имея тех живыми в своей власти, приказал их убить вместо скота? 7. Но в этом, как я сказал, вина не того, кто, пожалуй, и грамоты не ведал, но твоя. Хотя ты и образован, все же понятия не имеешь, в чем заключается благочестие: то, что тот царь совершал преступного и отвратительного, ты счел благочестивым. Вероятно, по той лишь единственной причине Эней был назван благочестивым, что почитал отца своего. 8. Но что же сказать тогда по поводу того, что *добрый Эней, мольбы презрев, смерти предал просящих?*² Ведь *заклинали его тенью отца и надеждами Юла,*³ но тот все не смиловивился, но кричал, *загораясь яростью грозной.*⁴ 9. Разве хоть кто-нибудь может счесть, что тот, кто от ярости загорается, словно солома, и кто, забыв о тени отца, именем которого его молили о [пощаде], не мог обуздать гнев, имел в себе хоть что-то доблестное? Итак, вовсе не благочестив тот, кто лишал жизни не только тех, кто не сопротивлялись, но и кто молили о пощаде. 10. Кто-нибудь скажет здесь: так что же есть благочестие, где оно и каково? Конечно же, [оно] у тех, кто не приемлет войны, кто хранит со всеми мир, у кого друзьями являются даже враги, кто считает всех людей за братьев, кто умеет сдерживать гнев и умирять сдержанностью любое душевное негодование. 11. Какая же мгла, какие тучи мрака и заблуждений покрыли души людей, которые считают себя весьма благочестивыми именно тогда, когда поступают особенно нечестиво! Ибо чем набожнее они почитают тех земных идолов, тем большими преступниками они становятся по отношению к истинному Богу. 12. Поэтому заслуженно за нечестие свое они часто сурово наказываются. Но поскольку они не знают причины этих бед, всю вину возлагают на Фортуны или обращаются к философии Эпикура, который полагал, что от богов ничего не зависит, что они ни милости не оказывают, ни гнева не проявляют, ибо часто оказывается,

¹ Там же. XI.111.

² Ср.: Там же. XI.106 (Перевод наш. — В. Т.).

³ Ср.: Там же. X.524 (Перевод наш. — В. Т.).

⁴ Там же. XII.946.

что презирающие богов счастливы, а их почитатели несчастны. 13. Случается так, что [почитатели богов], хотя и кажутся себе религиозными и по природе добрыми, ощущают, что не заслужили всего того, что часто претерпевают. Тогда они утешают себя тем, что во всем виновата Фортуна, и не понимают, что если бы она действительно существовала, никогда бы не причинила вреда своим почитателям. 14. В действительности же заслуженно наказывается такого рода благочестие, и заслуженно Бог, рассерженный на преступления суеверных людей, подвергает их тяжелым карам. Ведь они, пусть даже чисты нравами и живут свято веря и не совершая преступлений, все же, поскольку почитают богов, чьи нечестивые и кощунственные культы ненавистны истинному Богу, далеки от справедливости и от истинного благочестия. 15. Не сложно доказать, почему почитатели [ложных] богов не могут быть ни добрыми, ни справедливыми. 16. Ибо каким образом могут воздержаться от крови те, кто поклоняются кровожадным богам Марсу и Беллоне? Каким образом могут почитать родителей те, кто чтят Юпитера, изгнавшего своего отца? Или каким образом могут жалеть своих детей те, кто почитают Сатурна? Каким образом могут сохранять целомудренность те, кто почитают обнаженную богиню-прелюбодейку [Венеру], развратницу среди богов? Каким образом могут удержаться от грабежей и обманов те, кто допускают воровство Меркурия, который уверяет, что пользуется не обманом, а хитростью? Каким образом могут удержаться от сладострастия те, кто поклоняются Юпитеру, Геркулесу, Либеру, Аполлону и другим, чьи прелюбодеяния и разврат известны не только образованным людям, но и выставляются и прославляются в театрах, чтобы они стали известны всем? 17. Разве могут среди этого быть праведные люди: даже если кто-то добр от природы, самими богами увлекается к несправедливой жизни. Ибо для задабривания бога, которого ты почитаешь, ты должен делать то, что ему приятно и близко. 18. В итоге получается, что бог строит жизнь своего почитателя по своему подобию, ибо наилучшим служением оказывается подражание.

11. 1. И вот те люди, которые нравами своими уподобляются своим богам, поскольку справедливость тяжела и трудна, то самое нечестие свое, которое проявляют они при прочих обстоятельствах, направляют против праведных. Справедливо пророки называют таких людей зве-

рями.¹ 2. Прекрасно сказал Марк Туллий: «Ведь если нет человека, который не предпочел бы смерть превращению в некое подобие зверя, то насколько несчастнее иметь в образе человека дикую душу, пусть даже у него и оставался бы ум человека? Мне кажется это настолько же бедственным, насколько душа превосходит тело».² 3. И вот они гнушаются телом зверей, хотя сами гораздо свирепее их, и восхищаются тем, что рождены людьми, хотя ничего от человека не имеют, кроме внешности и прямой фигуры. 4. Какой Кавказ, какая Индия, какая Гиркания порождали когда-нибудь столь свирепых, столь кровожадных животных? Ведь ярость всякого зверя бушует только до пресыщения чрева, когда же утоляется голод, она сразу же исчезает. 5. Тот истинно зверь, по чьему приказу

*Черная кровь повсюду течет...*³

*Всюду ужас, и скорбь, и смерть многоликая всюду.*⁴

6. Никто не в состоянии описать свирепость того зверя, который, пребывая в одном месте, зубами своими не только по всей земле раздирает тела человеческие, но и крушит даже кости, обращая их в прах, чтобы не оставить возможности предать земле останки. Как будто бы те, кто исповедуют Бога, стремятся к тому, чтобы люди приходили на их могилы, а не к Богу. 7. Какая же ярость, какая свирепость, какое исступление, когда живым отказывают в свете, а мертвым — в земле! И я утверждаю, что нет несчастнее тех людей, кого необходимость заставила стать прислужниками чужой свирепости и исполнителями нечестивого приказания. 8. Ведь это было не почестью, не повышением в должности, но осуждением человека на муки, на вечную казнь Божию.

9. Невозможно обстоятельно поведать, что каждый [из гонителей] совершал по всей земле. Ибо какое число томов способно вместить столь бесчисленные, столь разнообразные виды жестокости? Ведь каждый, получив власть, свирепствовал сообразно своим нравам. 10. Одни

¹ См.: *Иез.* 34.25,28.

² См.: *Цицерон.* О государстве. IV.1.1.

³ *Вергилий.* Энеида. XI.647.

⁴ Там же. II.369.

совершали больше, чем им было приказано, из-за излишней боязливости; другие из-за собственной ненависти к праведным; некоторые — по природной дикости их характера; иные — чтобы понравиться и такой службой проложить себе дорогу к более высокому положению. Кто-то был склонен к убийствам, как один человек во Фригии, который сжег весь народ вместе с домом собраний. 11. Но тот был более жесток, кто хотел выглядеть более милосердным. Тот воистину является самым дурным человеком, кто скрывает свой облик под личиной мнимой кротости. Тот более опасный и более жестокий мучитель, кто решил никого не убивать. 12. Так вот, нельзя высказать, какие и насколько тяжелые виды пыток выдумали судьи такого рода, чтобы воплотить свой замысел. 13. Впрочем, они совершают это не столько для того, чтобы можно было похвалиться, что они не убили никого из числа безвинных (ибо я сам слышал, как некоторые похвалялись, что их участие в этом деле было бескровным), но и чтобы не оказаться побежденными, когда бы те [христиане] стяжали добродетели своей славой. 14. И вот, придумывая виды пыток, они не думали ни о чем другом, кроме как о победе. И действительно, они считают это войной и сражением. 15. Я видел в Вифинии наместника, охваченного удивительной радостью, словно бы он одержал верх над неким варварским народом: ибо увидел, что умер наконец один [христианин], после того как тот держался в течение двух лет [per biennium], с великой доблестью противостоя истязаниям. 16. И вот они сражаются, чтобы победить, и причиняют телам исключительные муки, не гнушаясь ничем, лишь бы истязаемые не умерли, как если бы только смерть делает [христиан] счастливыми, и будто бы чем более тяжелыми оказываются пытки, тем большую славу добродетели они приносят. 17. И вот эти упрямые в своей глупости люди приказывают тщательно заботиться об истязаемых, чтобы их тела восстанавливались для новых мучений и кровь пополнялась для нового пролития. Что может быть столь благочестивым, столь добродетельным, столь человеческим? Столько заботы они не проявляют даже в отношении тех, кого любят. 18. Таково учение [их ложных] богов, на такие дела они толкают своих почитателей, таких священнодействий требуют, чтобы страшные человекоубийцы вели нечестивые судилища против благочестивых. Ведь составлены и свято-

татственные законы, и несправедливые сочинения юристов. 19. Домиций собрал в семи книгах *О службе проконсула* нечестивые постановления императоров, чтобы было известно, каким пыткам подлежит подвергать тех, кто исповедуют себя почитателями [Всевышнего] Бога.

12. 1. Что делать с теми, кто страдания, которые приносили древние тираны невинным, называют правом? И хотя они были учителями несправедливости и жестокости, все же хотели казаться справедливыми и благоразумными, — слепцы, тупоумные и не знающие ни сути, ни истины! 2. Неужели до такой степени не видна вам справедливость, о пропащие души, что вы приравниваете ее к ужасным преступлениям? Неужели до такой степени у вас исчезла невинность, что вы осуждаете ее на простую смерть? Выше всех подвигов — не совершать ни одного преступления и оберегать чистое сердце от всякого общения с преступлением. 3. И поскольку мы ведем разговор с почитателями богов, пусть будет дозволено оказать вам добрую услугу с вашей же помощью. Ибо в этом состоит наш закон, наша обязанность, наша религия. Если мы покажемся вам мудрыми, подражайте нам; если же глупыми — презирайте и даже осмеивайте, если угодно. Ведь нам и глупость наша послужит на пользу. 4. Зачем вы осмеиваете нас? Зачем унижаете? Мы не завидуем вашей мудрости, мы предпочитаем нашу глупость и ценим ее. Мы полагаем, что нам будет полезно прислушаться к вам и обратить все против вас, тех, кто нас ненавидит.

5. У Цицерона в том споре, который Фурий¹ вел против справедливости, есть место, которое не противоречит истине: «Предположим, что есть два человека, один из которых порядочный, милосердный, весьма справедливый и исключительно честный, а другой злой и дерзкий. И вот если государство впадет в такое заблуждение, что того доброго мужа сочтут преступником, негодяем и злодеем, а второго, который негодяй, напротив, посчитают человеком честным и справедливым, и вследствие этого предубеждения все граждане начнут того доброго мужа хватать, тащить, отсекают ему руки, выкалывают глаза, осуждают, вязать, жечь огнем, изгонять, лишая всего, и, наконец, с полным правом

¹ Луций Фурий Фил — римский оратор и ученый, консул в 136 г. до н. э., которого Цицерон делает одним из участников диалога *О государстве*.

сочтут его самым негодным человеком, б. а того негодяя, напротив, станут восхвалять, славить, уважать, станут воздавать ему всякие почести, отдавать власть и богатство, и, наконец, сочтут его лучшим из всех, достойным всякого блага мужем, то кто бы был столь глуп, чтобы сомневаться, на чьем месте он предпочел бы оказаться?»¹ 7. Цицерон, в самом деле, привел этот пример, словно бы предчувствуя, какие на нас обрушатся несчастья и что случиться со справедливостью. Ведь все это из-за превратности заблудших терпит наш народ. 8. Смотрите, в каком заблуждении оказалось государство или даже весь мир, что преследует, истязает и лишает жизни добрых и праведных людей, как если бы они были злы и нечестивы. 9. Ведь он, [Цицерон], говорит, что нет никого столь глупого, кто бы стал сомневаться, чье место предпочтительнее, чтобы тот, кто рассуждал против справедливости, понял, что мудрый предпочитает быть злым с хорошей репутацией, нежели добрым с плохой. 10. В нас же нет того безумия, чтобы предпочитать ложное. Или наше представление о добре зависит от заблуждений народа, а не от совести нашей или суждения Божьего? Или нас соблазнит когда-нибудь какое-то счастье, так что мы истинному благу со всеми несчастьями станем предпочитать ложное со всевозможным благодеянием? 11. Пусть цари сохраняют царства свои, пусть богатые сберегают богатства свои, как говорил Плавт.² Пусть берегут благоразумие свое умные, нам же оставят глупость нашу, которая есть мудрость, что ясно даже из того, что мудрецы завидуют нам из-за нее. 12. Ведь кто завидует глупцу, если не тот, кто еще безумнее? Эти же [язычники] не столь глупы, чтобы завидовать глупцам, но, наоборот: тем, что усердно и истово нас преследуют, они признают, что мы не безумцы. 13. Ведь почему они столь жестоко нас преследуют, если не потому, что боятся, как бы в дни, когда окрепнет справедливость, они не были бы забыты вместе со своими гнилыми богами? Если же почитатели богов мудры, а мы глупы, то зачем бояться, что безумные увлекут за собой мудрых?

13. 1. Число наше постоянно возрастает за счет почитателей богов и никогда, даже во время гонения, не уменьшалось, поскольку хотя

¹ Цицерон. О государстве. III.17.27.

² Плавт. Куркулион. I.3.22.

люди и могут ошибаться, все же не могут отвернуться от Бога, ибо крепка истина силой своей. Кто же столь неразумен и столь слеп, чтобы не увидеть после этого, на чьей стороне находится мудрость? 2. Но язычники, ослепленные злобой и бешенством, не видят этого и считают безумцами тех, кто, хотя и могут избежать мучений, все же предпочитают пытки и смерть. Между тем из этого они могли бы понять, что не является глупостью та религия, к которой со всего мира с единомыслием стекается такое множество народа. 3. Если женщины по слабости могут поколебаться [в вере] (ведь иногда язычники зовут [христианство] женским или старушечьим суеверием), то мужчины вполне разумны. Если дети и юноши беспечны из-за возраста, то взрослые и старики обладают твердым суждением. Если один город безрассуден, то бесчисленное множество остальных, как бы то ни было, не может быть безумно. 4. Если одна провинция, один народ лишены благоразумия, то все остальные неизбежно имеют рассудок. 5. И вот поскольку Божественный закон принимается от востока до запада, и поскольку всякий пол, всякий возраст, всякий народ и область единомысленно служат Богу с одинаковым терпением, с одинаковым пренебрежением к смерти, то [язычникам] следует понять, что есть в той религии некий смысл, ибо не без причины ее защищают до самой смерти, понять, что она обладает неким фундаментом и прочностью, ибо эта религия не только не рушится под пытками и мучениями, но, напротив, постоянно возрастает и становится более крепкой. 6. Этим изобличается также и злоба тех, кто полагают, что они полностью ниспровергнут религию [истинного] Бога, если опорочат людей. Но ведь перед Богом можно покаяться, и нет ни одного столь скверного почитателя Бога, который бы, имея возможность, не вернулся к милости Божией, к тому же с еще большим благоговением. 7. Ибо сознание греха и страх наказания делают человека более религиозным, и вера более прочна, если укрепляется раскаянием. 8. Если же сами [язычники] считают, что когда боги гневаятся на них, их все же можно умиловить подарками, жертвами и благовониями, так что же, почему же они считают нашего Бога столь жестоким и столь непримиримым, что им кажется, будто тот уже не может быть христианином, кто по принуждению поклонится богам их? Неужели они думают, что замаравшие однажды душу станут совер-

шать по собственной воле то, что сделали под пыткой? 9. Кто добровольно станет исполнять то, что сделал по несправедливому принуждению? Кто, увидев раны на теле своем, не возненавидит еще больше богов, из-за которых несет на себе печать долгих мучений и следы увечий?

10. Случилось так, что, когда был Богом дан мир, все, кто спаслись бегством, возвратились, и к ним прибавился новый народ, увлеченный чудесной добродетелью. 11. В самом деле, когда народ увидит, что люди были истерзаны различными пытками, но среди утомленных мучителей торжествует непобежденная терпеливость, все поймут, в чем дело, поймут, что ни единоподушие столь многих людей, ни стойкость умирающих не бессмысленны, что одно терпение не могло преодолеть такие мучения без участия Бога. 12. Разбойники и крепкие телом мужи не могут переносить такие истязания, они кричат и издают стоны, ибо не хватает им терпения, вдохновленного [Богом]. Наши же, да умолчу я о мужчинах, дети и женщины побеждают палачей своих молчанием, заставить застонать их не может даже огонь. 13. Римляне гордятся Муцием [Сцеволой] и Регулом.¹ Один из них, [Регул], предал себя врагам на растерзание, поскольку считал позорным жить в плену. Другой, [Муций], будучи захвачен врагами, когда увидел, что не избежать ему смерти, положил руку в очаг, так что поступком своим умилил врага, которого хотел убить, и этой мукой обрел снисхождение, которого не заслуживал. 14. Смотри же, как слабые женщины и незрелые возрастом дети терпят приносимые телам их муки и терзания, причем переносят их не по необходимости, ибо этого можно было избежать, если бы они захотели, а добровольно, ибо уповают на Бога. 15. Это и есть истинная добродетель, которую кичливые философы превозносят

¹ *Муций Сцевола* — герой войны римлян с Порсенной; он пробрался во вражеский лагерь с целью убить Порсенну, но по ошибке убил писца; схваченный, он положил руку на огонь и терпел боль, чем поразил врагов (*Тит Ливий*. История от основания Города. II.12.6–16). *Атилий Регул* — римский консул 269 и 256 гг. до н. э., потерпел поражение от карфагенян и был взят в плен; из Карфагена он был отправлен в Рим испрашивать мир, но убедил римский сенат не заключать мира, после чего, верный данной клятве, вернулся в плен и был жестоко казнен (см.: *Полибий*. Всеобщая история. I.31–35; *Цицерон*. Об обязанностях. III.99).

не делом, а пустословием, рассуждая, будто ничто так не соответствует значимости и твердости мудрого мужа, как его постоянство в собственном мнении вопреки всем страхам, когда он готов скорее быть мучимым и убитым, нежели нарушить слово, отказаться от [праведного] дела или совершить, под страхом ли смерти или сильной боли, что-то несправедливое. 16. Пожалуй, им покажется, что Флакк [Гораций] безумствовал, когда говорил в лирических песнях:

*Кто прав и к цели твердо идет, того
Ни гнев народа, правду забывшего,
Ни взор грозящего тирана
Век не откинут с пути.¹*

17. Ничего не может быть справедливее этих слов, если отнести их к тем людям, кто не избегает ни пыток, ни даже смерти, лишь бы не изменить вере и истине, кто не боится ни тиранических предписаний, ни мечей наместников, лишь бы твердостью сердца отстоять истинную и подлинную свободу, в чем и заключается [настоящая] мудрость. 18. В самом деле, кто столь заносчив и столь надменен, что запретит мне поднимать к небу глаза? Кто заставит меня почитать то, что я не хочу, или не почитать того, что я хочу? 19. Что же со мной станет, если даже то, что исходит от моей воли, будет зависеть от чужого желания? Никто не принудит нас к этому, если у нас будет мужество презреть смерть и страдания. Если мы сохраняем такую твердость, то почему нас считают безумными, когда мы следуем тому, что славят философы? 20. Правильно все-таки сказал Сенека, обличая непоследовательность людей: «Высшей добродетелью им кажется великий дух, а между тем они считают безумцем того, кто презирает смерть. В этом как раз и заключается высшая превратность».² 21. Но эти почитатели пустых религий считают все это безумием, ибо не ведают они истинного Бога. Эритрейская Сивилла называет их глухими и безумными,³ ибо не слышат они и не ведают божественного, а страшатся и почитают глину, их же руками выделанную.

¹ Гораций. Оды. III.3.1–4.

² Цитируемое Лактанцием сочинение Сенеки до нас не дошло.

³ Ср.: Книги Сивилл. Fr. I. 23.

14. 1. То обстоятельство, что [язычники] считают тех, кто [поистине] мудры, безумцами, имеет серьезную причину, ибо не без оснований они заблуждаются. Нам следует это раскрыть со всем старанием, чтобы они, если это возможно, признали наконец свои заблуждения. 2. Справедливость по природе своей имеет некоторый вид безумия, что я могу подтвердить свидетельствами как божественными, так и человеческими. Но, пожалуй, ничего мы не добьемся в этом плане, если только не докажем на основании их же авторов того, что нельзя быть справедливым и, следовательно, истинно мудрым, чтобы не казаться глупцом.

3. Кто не знает, какова сила доводов Карнеада, философа школы академиков, каково его красноречие, каково остроумие, тот может узнать это из высказывания Цицерона или Луцилия, у которого Нептун, рассуждая о труднейшем вопросе, говорит, что он не сможет в нем разобраться, если Орк не отпустит к нему Карнеада. Будучи послан афинянами в Рим в качестве посла, Карнеад в присутствии Гальбы и Катона Цензора, великих в то время ораторов, произнес пространную речь о справедливости.¹ 4. На следующий же день он опроверг свои положения противоположными утверждениями, и справедливость, которую днем раньше он столь прославлял, ниспроверг, и притом не доказательной речью философа, чьи убеждения должны быть прочными, а суждения отличаться постоянством, но как бы ораторским упражнением, при котором защищается как та, так и другая сторона. Обычно он поступал так, чтобы опровергать мнения других людей, отстаивающих любое положение. 5. Эту речь, в которой ниспровергалась справедливость, у Цицерона вспоминает Фурий, для того, я думаю, чтобы, поскольку он рассуждал о государстве, защитить и восславить справедливость, без которой государство обойтись не может. Карнеад же, чтобы опровергнуть Аристотеля и Платона, поборников справедливости, в той первой своей речи собрал все, что они говорили в защиту справедливости, чтобы можно было это [позднее] ниспровергать, как он и поступил. 6. Ибо легко было поколебать справедливость, не имев-

¹ Об истории, связанной с делегацией греков в Рим в 155 г. до н. э. и выступлении Карнеада, см.: *Цицерон. О государстве. III.6.*

шую корней, поскольку не было тогда на земле никакой справедливости: если бы она существовала, то философы определили бы, что она собой представляет и какова она. 7. О, если бы столь многие и столь великие мужи имели бы столько же знания для защиты высшей добродетели, начало которой в религии, а итог в равенстве [in aequitate], сколько у них было красноречия и силы духа! Но те, кто не знает первого, не могут постичь и второго.

8. Я прежде хочу четко и кратко представить, в чем состоит справедливость, чтобы стало ясно, что философы не знали справедливости, [а значит] и не могли защищать то, чего они совершенно не ведали. 9. Хотя справедливость включает в себе все добродетели, две из них все же являются важнейшими, поскольку не могут быть ни оторваны от нее, ни отделены. Это благочестие и равенство. Ибо верность, умеренность, честность, невинность, непорочность и прочие подобные им [добродетели] могут благодаря природе или наставлениям родителей оказаться и у тех людей, которые [вовсе] не ведают справедливости, как [это] постоянно и было. 10. Ведь древние римляне, которые обычно славилась справедливостью, прославлялись все же именно этими добродетелями, которые, как я сказал, могут происходить от справедливости, а могут быть отделены от этого источника. 11. Благочестие же и равенство являются как бы венами ее, ибо справедливость питается из этих двух источников. Благочестие является головой ее, а равенство — ее силой и итогом. Благочестие — это не что иное, как познание Бога, как весьма точно определил [Гермес] Трисмегист, о чем мы говорили в другом месте.¹ 12. Итак, если благочестие есть постижение Бога, а итог этого постижения в том, чтобы почитать Его, следовательно, тот не ведающий справедливости, кто не держится религии [истинного] Бога. Ибо каким образом может знать справедливость тот, кто не знает, откуда она берет начало? 13. Платон, хотя и много говорил о едином Боге, Который, как он утверждал, сотворил мир, все же ничего не говорил о религии, ибо только проразумевал Бога, а не знал о Нем. Ведь если бы он сам или кто-то другой захотел встать на защиту справедливости, то должен был бы отвергнуть религии [ложных] богов, поскольку они

¹ См.: II.15.6.

противны благочестию. 14. Сократ, поскольку попытался это сделать, был брошен в тюрьму, чем уже тогда показал, что случится с теми людьми, которые станут защищать истинную справедливость и служить единственному Богу. 15. Второй же [неотъемлемой] частью справедливости является равенство [aequitas]. При этом я говорю не о беспристрастии, какое бывает в хорошем суде, это качество само по себе похвально в справедливом человеке, но об уравнивании себя с другими людьми, что Цицерон и называл равенством [aequibilitatem].¹ 16. Ведь Бог, Который сотворил людей и вдохнул в них жизнь, хотел, чтобы все были равными, т. е. одинаковыми. Он и установил такое состояние жизни для всех: всех родил открытыми мудрости, обещал всем бессмертие; и никто не удален от Его небесных милостей. 17. Ибо как Он дал равным образом для всех весь Свой свет, как наделил всех водой, снабдил пищей, подарил сладчайший покой для сна, так всем Он даровал равенство и добродетель. Никто у Него не является рабом и никто не является господином [над другими]. Ибо если Он приходится всем Отцом, то все мы с равным правом являемся детьми Его. 18. Нет у Бога бедных, кроме лишенных справедливости, нет богатых, кроме преисполненных добродетелей. Нет высокочтимых, кроме добрых и безвинных. Нет светлейших, кроме часто совершающих милосердные поступки. Нет совершеннейших,² кроме лишь тех, кто прошел все степени добродетели. 19. А потому ни римляне, ни греки не могли держаться справедливости, так как люди у них были разделены на многочисленные степени, от беднейших до самых богатых, от ничтожнейших до самых могущественных, от частных лиц до обладающих высочайшей властью царей. 20. Ибо где не все одинаковы, там нет равенства. Само же неравенство исключает справедливость, вся сила которой в том и состоит, чтобы сохранять равенство среди тех, кто родились для этой жизни, имея равную долю.

15. 1. И вот когда эти два источника справедливости были извращены, исчезла всякая добродетель и всякая истина, а сама справедливость

¹ См.: Цицерон. О государстве. I.27.43; Об обязанностях. I.25.88.

² Лактанций использует титулы светлейший (clarissimus) и совершеннейший (perfectissimus), которые во времена Диоклетиана и Константина Великого присваивались высшим чиновникам Империи.

удалилась на небо. Потому как раз и не истинно то благо, которое столь искали философы, что не знали они, ни откуда оно происходит, ни как действует. Это не открыто ни одному другому, но только нашему народу. 2. Кто-то скажет: неужели у вас нет ни бедных, ни богатых, ни рабов, ни господ? неужели у вас нет различий между людьми? Нет. Нет другой причины, почему в отношении всех мы используем имя братьев, кроме той, что считаем всех нас равными. 3. Ведь поскольку все человеческое мы судим не по телу, но по духу, то, хотя тела у нас у всех разные, все же у нас нет рабов, но мы их считаем и называем братьями по духу и товарищами в религиозном служении [religione conservos]. 4. Богатство же не делает людей выдающимися, если их не могут прославить добрые поступки. Ибо богаты не те, кто имеют богатство, но те, кто употребляют его на дело справедливости. И тот, кто кажется бедным, все же богат тем, что совершает [благие поступки] и ничего не жаждет. 5. И вот, хотя по смиренности души мы все равны: свободные с рабами, богатые с бедными, — у Бога мы различаемся добродетелью. Каждый тем более возвышен, чем более справедлив. 6. Ибо если справедливость заключается в том, чтобы, [будучи сильным], делать себя равным с более слабыми, то тот себя еще больше возвышает, кто равняет себя с более низшими. Но если кто-то ведет себя с другими не только как равный, но и как более низший, то по суду Божьему он обретает гораздо более высокое положение. 7. Ведь в самом деле, поскольку в этой земной жизни все кратко и тленно, люди превозносят себя перед другими и спорят о высоком положении. Нет ничего отвратительнее этого, нет ничего надменнее, нет ничего более далекого от смысла мудрости, ибо небесным вещам противно все земное. 8. Ибо как людская мудрость является высшей глупостью перед Богом, а глупость, как я доказывал,¹ высшей мудростью, так для Бога тот подл и низок, кто на земле знаменит и возвышен. 9. Я не говорю уже о том, что те земные блага, которым воздается огромная честь, противны [истинной] добродетели и ослабляют душу. Может ли быть прочной знатность, прочной власть, могущество, когда Бог даже царей может сделать ничтожными и слабыми? И потому Бог, заботясь о нас, среди

¹ См.: V.12.3; V.14.

божественных предписаний дал нам также следующее: «Ибо всякий возвышающий себя унижен будет, а унижающий сам себя возвысится».¹ 10. Спасительное это предписание учит, что тот, кто перед людьми прост и низок, тот у Бога превосходит и достоин славы. 11. И в самом деле, не лживо то высказывание, которое у Еврипида звучит следующим образом: «То, что здесь считают злом, то на небе благо».

16. 1. Я открыл причину того, почему философы не могли ни найти, ни защитить справедливость. Теперь я возвращаюсь к тому, чего [ранее] лишь коснулся. 2. Итак, Карнеад, поскольку доводы, которые приводили философы, были слабы, дерзнул оспорить их, ибо понимал, что их можно опровергнуть. Его рассуждения были таковы: 3. «Люди для пользы своей установили нормы права, которые, разумеется, различались сообразно обычаям и часто менялись в зависимости от времени. Но никакого естественного права не существует. Все люди и прочие животные, движимые природой, поступают исходя из собственной выгоды. Поэтому справедливости либо не существует вообще, либо — если какая-нибудь и существует — она является полным безумием, так как она сама себе вредит, заботясь о чужих выгодах». 4. И приводил такие доводы: «Все народы, достигшие власти, и даже сами римляне, которые овладели всем миром, если бы захотели быть справедливыми, т. е. если бы возвратили чужое, вынуждены были бы вернуться в лачуги и жить в нужде и бедности».² 5. Затем, оставив общие рассуждения, он перешел к частным: «Если порядочный человек имеет раба, склонного к побегам, или дом в нездоровой местности, порождающей болезни, причем эти недостатки известны только ему одному, и по той причине объявляет о продаже дома или раба, чтобы сбыть [их], то заявит ли он открыто, что раб склонен к побегам, а дом порождает болезни, или утаит это от покупателя? 6. Если он откроет это, то хотя он и прослышет порядочным человеком, поскольку не обманывает, но все же глупцом, поскольку продаст свое имущество дешево или вообще не продаст. Если же утаит, то хотя и прослышет благоразумным, так как позаботится о своей выгоде, но все же дурным человеком, ибо солжет.

¹ Лк. 14.11; Мф. 23.12.

² См.: Цицерон. О государстве. III.12.21.

7. Опять же, если этот человек найдет кого-то, кто бы считал, что продает желтую медь, хотя это было бы золото, или свинец, хотя это — серебро, то умолчит ли он об этом, чтобы купить это по низкой цене, или скажет об этом, чтобы купить по высокой? Он будет выглядеть полным глупцом, если предпочтет купить по высокой цене».¹ 8. Карнеад хотел, чтобы из этого стало понятно, что тот, кто справедлив и честен, глупец, а тот, кто благоразумен, — дурной человек; но все же возможно, что существуют люди, которые довольны своей бедностью и при этом не чувствуют себя обиженными. 9. Затем он перешел к более важным вопросам, что никто не может оставаться справедливым, не подвергая при этом своей жизни опасностям. В самом деле, он говорит: «Справедливость, конечно, состоит в том, чтобы человек не убивал и не брал вообще чужого. 10. Как поступит справедливый муж, если вдруг случится кораблекрушение и кто-нибудь более слабый, чем он, ухватится за доску? Неужели он не отнимет доску, чтобы ухватиться самому и с ее помощью спастись, тем более что в открытом море нет ни единого свидетеля? Если он благоразумен, то он так и сделает, ибо в противном случае ему самому придется погибнуть. Если же он предпочтет умереть, лишь бы не совершать над другим насилие, то окажется справедливым, но глупым, ибо спасая чужую жизнь, пренебрежет своей. 11. Опять же, если враги, обратив войско, [в рядах которого находится справедливый муж], в бегство, начнут преследовать его, и тот справедливый муж увидит кого-то из раненых сидящим на коне, пожалеет ли он его, чтобы погибнуть самому, или сбросит его с коня, чтобы самому ускользнуть от неприятеля? Если он это сделает, то он, конечно, благоразумный, но дурной человек; если не сделает, то он, конечно, человек справедливый, но глупый».² 12. И вот когда Карнеад разделил справедливость на две части, утверждая, что одна из них является гражданской, а другая естественной, он ниспроверг [поочередно] и ту и другую. Ибо та гражданская хотя и представляет собой благоразумие, но не является справедливостью; естественная же, хотя и является справедливостью, однако не является благоразумием. 13. Все эти

¹ См.: Там же. III.19.29.

² См.: Там же. III.20.30–31.

[доводы] весьма хитроумны и пропитаны ядом, так что их не смог изобличить даже Марк Туллий. Ибо хотя он сделал ответчиком Фурия и защитником справедливости Лелия,¹ тот неопровержимые эти доводы обошел, словно яму, стороной, так что Лелий, как кажется, защищал не естественную справедливость, которая получила упрек в глупости, а ту гражданскую, которую Фурий считал благоразумием, но не считал справедливостью.

17. 1. Что касается существующего спора, то я объяснил, каким образом справедливость стала уподобляться глупости, чтобы стало ясно, что не без основания заблуждаются те, кто считают людей нашей религии безумцами за то, что они поступают так, как показал тот Карнеад. 2. Теперь, я полагаю, мне предстоит более важное дело: показать, почему Бог захотел удалить от глаз людских справедливость, скрытую под облачением глупости. И прежде всего я отвечу Фурию, поскольку Лелий ответил ему недостаточно. Пусть Лелий и был мудрецом, как он именуется, но никак не мог защитить истинную справедливость, ибо не постиг сущности и источника справедливости. 3. Нам же легче провести эту защиту, ибо милостью небесной справедливость нам близка и вполне известна, мы ее знаем не только по имени, но и в деле. 4. Ведь и Платон, и Аристотель с достойным похвалы стремлением жаждали защитить справедливость, и достигли бы некоторых [успехов], если бы их благие усилия, их красноречие и дарования ума поддерживало бы еще знание божественных вопросов. 5. И вот труд их оказался пустым и бесполезным, ибо не могли они ни единого человека убедить, чтобы тот жил по их предписанию, поскольку учение это было лишено небесных оснований. 6. Нас же труд безусловно вернее, ибо нас учил [Сам] Бог. Ведь те описывали и изображали словами справедливость, которая не была видна. Они не могли подтвердить очевидными примерами то, что защищали. 7. Ведь они могли получить от слушателей в ответ, что нельзя [им] жить так, как они предписывают в своих рассуждениях; [это очевидно] настолько, что до сих пор не появилось ни одного человека, кто бы следовал подобному образу жизни. 8. Мы же не

¹ Гай Лелий — друг Сципиона Младшего, его легат в Африке и Испании, консул 140 г. до н. э., участник диалога Цицерона *О государстве*.

только словами, но и на очевидных примерах доказываем, что истинно то, что мы говорим.

9. Итак, Карнеад понимал, что существует природа справедливости, только он не проник глубоко, [не понял], что она не является глупостью. Впрочем, мне кажется очевидным, с каким намерением он это сделал. Ведь он неправильно считал глупцом того, кто справедлив. Хотя сам он и знал, что тот не глупец, все же не открыл причину, почему так у него оказалось. Он хотел убедить в том, что истина глубоко сокрыта, для того, чтобы соблюдалось правило его учения, главный принцип которого состоит в том, что ничего нельзя постичь. 10. Так посмотрим же, может ли справедливость иметь нечто общее с глупостью. «Если справедливый муж, — говорит он, — не отнимет коня у раненого или доску у тонущего, чтобы спасти свою душу, то он глупец». 11. Я же прежде всего утверждаю, что никоим образом не может случиться так, чтобы с человеком, который действительно справедлив, случилось бы нечто подобное. Ибо справедливый человек никому не враг и никогда не берет ничего чужого. 12. Ведь зачем станет отправляться в плавание и что-то искать в чужой земле тот, кому достаточно своего? Зачем станет воевать и бесноваться вместе с другими тот, в чьей душе царит вечный мир с людьми? 13. В самом деле, чужеземным товарам и крови человеческой не радуется тот, кто не стремится к наживе, кому достаточно [насущенного] пропитания и кто считает беззаконием не только совершение убийства, но и присутствие при нем. Но я умолчу об этом, поскольку может случиться так, что человек вынужден совершать это вопреки желанию.

14. Неужели ты, о Фурий, или, скорее, о Карнеад, автор всей этой речи, считаешь справедливость настолько пустой, настолько бесполезной и настолько презираемой Богом, что полагаешь, будто в ней нет и не может быть ничего, что послужило бы для ее собственной защиты? 15. Конечно, те, кто не знают предназначения человека и все вершат ради этой временной жизни, не могут знать, какова сила [истинной] справедливости. 16. Ибо когда те рассуждают о добродетели, они, хотя и считают, что она обременена тяготами и муками, все же подтверждают, что она по-своему желанна. Но награды ее, которые вечны и бессмертны, они совершенно не видят. Обращая все поступки во благо

этой текущей жизни, они низводят добродетель до глупости, ибо оказывается, что она совершает величайшие в этой жизни усилия понапрасну и без [видимой] пользы. 17. Однако об этом полнее [мы скажем] в другом месте,¹ между тем [поговорим] об [истинной] справедливости, как [мы уже и] начали, чья сила такова, что когда она поднимает глаза к небу, все обретает от Бога. 18. Справедливо ведь сказал Флакк, что такая сила у невинности, что для защиты своей она не нуждается ни в оружии, ни в воинах, где бы ни прокладывала себе путь:

*Для того, кто чист и не тронут жизнью,
Ни к чему, мой Фукс, мавританский дротик,
Ни к чему колчан, отягченный грузом
Стрел ядовитых,
Держит ли он путь по кипящим Сиртам,
Или на Кавказ негостеприимный,
В сказочный ли край, где о берег плещут
Воды Гидаспа.²*

19. Итак, не может случиться, чтобы справедливого человека среди опасностей непогоды и войны не защитил оплот небес. И даже если он будет плыть со злодеями и убийцами, не может случиться так, чтобы он не был пощажен, чтобы от несчастий не освободилась одна справедливая и невинная душа, или, по крайней мере, чтобы, когда все остальные погибнут, одна она не спаслась. 20. Но мы согласимся, что может случиться так, как вообразил философ. Как же все-таки поступил бы справедливый человек, если бы увидел вдруг раненого на коне или тонущего с доской? Я не считаю его принужденным [обстоятельствами], ибо скорее он умрет сам, нежели погубит другого. 21. Все же не потому справедливость получает имя глупости, что является отличным благом человека. В самом деле, что должно быть для человека лучше, дороже, чем невинность? Как бы то ни было, она тем более совершенна, чем более ты доводишь ее до конца, когда ты предпочитаешь умереть, чтобы ни в чем не умалить невинность. 22. «Глу-

¹ См.: V.18.4.

² Гораций. Оды. I.22.1–8.

пость, — говорит он, — сберегать чужую душу, губя свою собственную». Неужели считается глупостью погибнуть ради дружбы? Зачем же у вас прославляются те знаменитые друзья-пифагорейцы, один из которых отдал себя тирану поручителем за другого, а другой появился с приближением установленного срока, когда поручитель его уже готов был принять смерть, и приходом своим освободил друга? Добродетель их, когда один хотел отдать жизнь за друга, а другой — за честное слово, не была бы столь прославлена, если бы они считались глупцами.¹ 23. И даже говорят, что тот тиран просил, чтобы они сделали его своим другом; как бы то ни было, он обращался к ним не как к глупцам, а как к добрым и умным мужам. 24. Я не вижу, почему, в то время как высшей славой считается смерть ради дружбы и чести, достойной славы для человека не может быть его гибель ради невинности? Стало быть, величайшими глупцами являются те, кто обвиняют нас в том, что мы хотим умереть за Бога, в то время как сами, всячески прославляя, возносят до небес того, кто хотел умереть за человека. 25. Наконец, чтобы закончить мне спор, сам разум учит, что один и тот же человек не может быть справедливым и глупым, так же как один и тот же человек не может быть разумным и несправедливым. Ибо кто является глупцом, тот не знает, что является справедливым и благим, и потому постоянно грешит. Ведь он ведет себя, словно захваченный пороками, и никоим образом не может им сопротивляться, ибо лишен добродетели, которую не ведает. 26. Справедливый же человек удерживает себя от всякого греха, ибо он и не может поступать иначе, если знает, что хорошо и что плохо. Кто же сможет отделить верное от неверного, если не разумный человек? Итак, получается, что справедливым никогда не может быть глупец, и никогда не может быть мудрым тот, кто несправедлив. 27. Если же это вполне верно и очевидно, то тот, кто не отнимет у тонущего доску или у раненого — коня, не является глупцом, так как поступать подобным образом является грехом, от которого разумный человек удерживает себя. 28. Все же я и сам признаю, что он может показаться глупцом для заблуждающегося человека, не знающего, в чем суть безумия.

¹ Рассказ о друзьях-пифагорейцах см.: *Val. Max.* IV.7.

Так вот, все это рассуждение [Карнеада] может быть опровергнуто не столько доводами, сколько с помощью определения. 29. Итак, глупость — это заблуждение в делах и в словах из-за незнания того, что правильно и что хорошо. Следовательно, не является глупцом тот, кто не бережет себя, когда не хочет навредить другому человеку, поскольку это является злом. К этому выводу нас приводит и разум, и сама истина. 30. Ведь мы видим, что поскольку животные лишены мудрости, всеми ими управляет природа. И вот они причиняют вред другим, чтобы уберечь себя, ибо не знают, что причинять вред — зло. 31. Человек же, поскольку он имеет понятие о добре и зле, должен удерживать себя от причинения вреда даже с ущербом для себя, что не может делать неразумное животное. И потому среди важнейших человеческих добродетелей числится невинность. Из этого ясно, что мудрейшим является тот, кто предпочитает даже погибнуть, лишь бы не навредить, исполняя ту [высшую человеческую] обязанность, которая отличает его от бессловесных животных. 32. Кто, заботясь о собственной выгоде и прибыли, не открывает заблуждения продавцу, дешево сбывающему золото, и не предупреждает, что продает склонного к бегству раба или зараженный дом, тот, безусловно, не разумный человек, как это хотел видеть Карнеад, но хитрый и лукавый. 33. Лукавство же и хитрость — свойство бессловесных животных. Они либо подстерегают в засаде других и с помощи хитрости хватают их, чтобы сожрать, или каким-то образом избегают чужих засад. Разумность же свойственна только человеку. 34. Ведь разумность — это обладание знанием для совершения доброго и правильного или воздержанность от нечестных слов и дел. К прибыли же разумный человек никогда не стремится, так как он равнодушен к этим земным благам. Он никому не позволяет заблуждаться, ибо долг доброго мужа состоит в том, чтобы исправлять заблуждения людей и возвращать их на верную дорогу, ибо природа человека общественная и благодетельная, в чем только [quo solo] он и имеет родство с Богом.

18. 1. Но, бесспорно, тот факт, что человек, который предпочитает жить в нужде или умереть, нежели навредить другому или отнять [у него] что-то, кажется глупцом, объясняется тем, что полагают, будто человек уничтожается смертью. Из этого довода рождаются все заблужде-

ния как толпы, так и философов. 2. Действительно, если после смерти нас не будет, величайшая глупость для человека не заботиться об этой жизни с тем, чтобы она была более продолжительна и полна всех благ. 3. Кто так поступает, тот отступает от [понятого подобным образом] принципа справедливости. Если же человека ожидает более счастливая и более продолжительная жизнь [после его земной смерти], — что мы знаем из рассуждений многих философов, из ответов прорицателей и божественных слов пророков, — то мудро пренебрегать этой сущей жизнью, все недостатки которой воздаются бессмертием. 4. У Цицерона тот самый защитник справедливости, Лелий, говорит об этом так: «Добродетель, конечно, жаждет почестей, и нет за нее никакой другой награды». ¹ Конечно же, есть [другая награда], и притом весьма приличествующая добродетели, но ее ты, Лелий, вовсе не можешь допустить, поскольку ты совершенно не знаком с Божественными Писаниями. «Добродетель, — говорит он, — охотно принимает награду, но ее настоятельно не требует». ² Ты сильно заблуждаешься, если считаешь, что человек может награждать добродетель, тем более что и сам ты в другом месте говоришь весьма правильно: «Какими богатствами, какой властью, какими царствами ты прельстишь того мужа, который считает все это человеческим, а собственные блага признает божественными?» ³ 5. Кто же счел тебя, Лелий, разумным, когда ты сам себе противоречишь и чуть позже отнимаешь у добродетели то, что [ранее] дал ей? Но очевидно, незнание правды делает твое высказывание сомнительным и шатким. 6. Что ты добавляешь далее? «Но если все неблагодарные люди, или многочисленные завистники, или могущественные недруги отнимут у добродетели ее награды?» ⁴ 7. О, какой хрупкой, какой пустой ты представляешь добродетель, если она может лишиться своих наград! Если она считает свое имущество божественным, как ты сказал, кто же может быть столь неблагодарен, столь завистлив, столь могуществен, что смог бы отнять у добродетели те богатства,

¹ Цицерон. О государстве. III.28.40.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

которые были вручены ей Богом? 8. «Право же, — говорит он, — та добродетель утешает себя многими уладами и особенно укрепляет себя собственной красотой».¹ Какими уладами, какой красотой, когда часто она обвиняется в преступлениях, а красота ее претерпевает мучения? 9. Что же? Если, как говорил Фурий, добродетель «начнут хватать, тащить, отсекасть ей руки, выкалывать глаза, осуждать, вязать, жечь огнем, изгонять, лишая всего»,² неужели она лишится своей награды или, лучше сказать, неужели она погибнет? Вовсе нет. Свою награду она получит по суду Божьему и будет жить и постоянно крепнуть. 10. Если ты отвергаешь это, то ничего не может показаться в жизни людей более бесполезным и более глупым, чем добродетель. Ее природная доброта и красота могут убедить нас, что душа бессмертна и совершенная награда добродетели воздается Богом. 11. Но Бог захотел, чтобы добродетель скрывалась под маской глупости, дабы оставалась сокровенной тайна истины и Его религии; чтобы осудить за пустоту и заблуждения те [ложные] религии и ту земную мудрость, которая превозносит себя и весьма много о себе мнит; чтобы, наконец, [специально] создав трудности, проложить необычайно узкую тропу к высокой награде бессмертия.

12. Я объяснил, как я полагаю, почему народ наш у глупцов считается глупым. В самом деле, более желать быть растерзанным и убитым, нежели бросать пальцами благовония на жертвенник, им кажется столь же вздорным, как и в момент опасности более заботиться о жизни другого, нежели о своей. 13. Ведь они не знают, насколько нечестиво почитать какого-то другого бога, кроме [Всевышнего] Бога, Который сотворил небо и землю, Который создал род человеческий, вдохнул в него жизнь и даровал ему свет. 14. Ведь если весьма дурной раб сбежит от своего господина, то его, достойного всяческих наказаний, бьют плетью, заковывают в оковы, отправляют на каторжные работы и распинают. Так же если и сын, который считается распутным и нечестивым за то, что он покинул своего отца, не желая его почитать, будет лишен [наследства] и изгнан из семьи, то это наказание по той же причи-

¹ Цицерон. О государстве. III.28.40.

² Там же. III.17.27; см. также выше: V.12.5.

не должно считаться заслуженным. Если это так, то тем более [грешен] тот, кто покинул Бога, в Котором соединены два равным образом почитаемых имени — Господа и Отца. 15. В самом деле, тот, кто купил раба за деньги, что дает ему, кроме пищи, которая предоставляется рабу ради его же использования? И тот, кто родил сына, не властен был ни задумать его рождение, ни родить, ни определить жизнь его. Отсюда ясно, что этот [человек] не является истинным отцом, а лишь исполнителем рождения. 16. Каких же наказаний заслуживает тот, кто покинул Того, Кто является истинным Господином и Отцом, если не тех, которые установил Сам Бог, приготовивший вечный огонь для несправедливых душ, огонь, которым Он Сам грозил нечестивым и непокорным через пророков Своих?

19. 1. Итак, пусть губители своих и чужих душ узнают, сколь непростительное преступление они совершают. Во-первых, когда сами себя уничтожают, служа бесчестнейшим демонам, которых Бог обрек на вечную казнь. Затем, когда не допускают, чтобы другие почитали Бога, а требуют, чтобы люди совершали смертоносные [для их души] жертвоприношения, и всеми силами стремятся к тому, чтобы на земле не было ни единой души, которая бы, будучи здорова, взирала на небо. 2. Что другое мне сказать, кроме того, что несчастны те, кто повинуются приказам грабителей своих, которых они считают богами? И не ведают они ни дел их, ни происхождения, ни имен, ни сути, но, присоединяясь к мнению толпы, охотно заблуждаются и содействуют глупости своей. 3. Если же ты захочешь узнать у них, на чем строится это мнение, они не смогут тебе открыть ничего, но сошлются на суждение предков, ибо те были мудры, те признавали все это и знали, что лучше. И вот пока язычники верят чужим заблуждениям, они сами лишают себя собственного мнения и разума. 4. Так, сбитые с толку незнанием сути, они не знают ни себя, ни богов своих. Ах, если бы только они хотели сами по себе заблуждаться, сами по себе безумствовать! Но ведь и других увлекают к соучастию во зле, словно надеясь обрести награду за гибель многих. 5. Впрочем, это самое незнание приводит к тому, что в гонении на разумных людей они настолько нечестивы, что воображают, будто заботятся о них и хотят вернуть их к здравомыслию. 6. Но с помощью ли слов или каких-либо разумных доводов они стремятся

достичь этого? Вовсе нет — с помощью насилия и пыток. О, удивительное и слепое безумие! 7. Считается, что у тех, кто пытается сохранить веру, больной рассудок, у мучителей же — рассудок здоровый. Но у тех ли больной рассудок, кто вопреки закону человечности и вопреки вообще всякому праву подвергаются мучениям, или скорее у тех, кто совершают с телами невинных людей то, что никогда не совершали ни злые разбойники, ни разгневанные враги, ни ужаснейшие варвары? Неужели они настолько лгут себе, что путают и смешивают понятия добра и зла? 8. Отчего же они не называют день ночью, а солнечный свет — потемками? Столь же бесстыдно называть хороших людей злыми, разумных — глупыми, справедливых — несправедливыми. И если есть какое-то упование на философию или на красноречие, то пусть они вооружат себя и опровергнут эти наши доводы, если смогут. Пусть подойдут поближе и разобьют их один за другим.

9. Язычникам подобает заняться защитой своих богов, чтобы, если наши доводы окажутся неопровержимыми, как они ежедневно оказываются таковыми, те боги не оказались брошены вместе с храмами своими и обманами. Поскольку же они ничего не могут добиться с помощью насилия, — ибо религия Божия тем более крепнет, чем более ее попирают, — пусть действуют с помощью разума и внушений. 10. Пусть выйдут вперед великие понтифики и их помощники, фламины, авгуры, верховные жрецы и все те, кого называют попечителями и смотрителями религий; пусть пригласят нас на собрание; пусть побудят нас к принятию культа богов; пусть убедят, что существует много богов, волей которых и провидением управляется весь мир. Пусть откроют, каким образом люди узнали о происхождении и началах священнодействий и богов; пусть покажут, каков их источник и какова суть. Пусть скажут, какова награда за соблюдение культа и каковы наказания за пренебрежение к ним; пусть откроют, зачем эти боги хотят, чтобы люди почитали их, что им дает человеческое благочестие, если сами они блаженны. Все это пусть они подкрепят не собственным упорством, ибо суждение смертного человека бессильно, но какими-либо божественными свидетельствами, как это делаем мы. 11. Не следует прибегать к насилию и несправедливости, так как религия не может подвергаться принуждению. Дело нужно решать скорее словами, чем плетью, чтобы

было место доброй воле.¹ Пусть сосредоточат силы дарований своих: если рассуждения их верны, то они способны защититься. Мы готовы выслушать, если они будут [разумно] доказывать. Молчащим мы, конечно, не поверим, как не уступаем [мы и] свирепствующим. 12. Пусть он уподобятся нам, чтобы открыть смысл всего этого вопроса. Ведь мы не соблазняем, чтобы они нас не упрекали, а доказываем, убеждаем, обосновываем. 13. Итак, мы никого не удерживает против его воли, ибо Богу бесполезен тот, кто лишен веры и набожности. И все же [от нас] никто не уходит, поскольку [всех] держит сама истина. 14. Пусть они доказывают таким образом, если они уповают на истину. Пусть говорят, пусть толкуют, пусть, повторю я, осмелятся спорить с нами. В самом деле, их заблуждения и глупость осмеиваются уже старухами, которых они презирают, и детьми нашими. 15. Ведь если бы они были разумными людьми, то узнали бы из книг о рождении богов, об их деяниях и власти, об их гибели и могилах, а также о ритуалах, им посвященных. Если бы они узнали, что боги возникли по случаю и даже в результате смерти, то было бы невероятным безумием считать их богами, и не дерзнули бы они отрицать, что те были смертными. Если же они будут столь неразумны, что станут отрицать это, то изобличат свои сочинения и тем самым ниспровергнут сами начала священнодействий. 16. Так пусть же узнают, какова разница между правдой и ложью, хотя бы из того, что сами они, хотя и красноречивы, не способны убеждать, а неискусные [в красноречии] и неученые способны, так как они говорят самую суть и истину.

17. Итак, они свирепствуют, желая прикрыть свою глупость, но только обнажают ее. Весьма далеки друг от друга пытки и благочестие; не хочет ни истина соединяться с насилием, ни справедливость с жестокостью. 18. Однако справедливо они не дерзают что-либо учить о божественных вещах, боясь, как бы и наши их не осмеяли, и свои от них не отвернулись. 19. Ведь если бы народ, который обладает простым и непорочным суждением, узнал, что те таинства установлены в память об умерших, то осудил бы их и начал бы искать что-то другое для почитания. Поэтому-то хитрыми людьми было установлено *нерушимое та-*

¹ Ср.: Тертуллиан. К Скапуле. 2.2.

инств молчанье,¹ чтобы народ не знал, что он почитает. 20. Почему же когда мы обращаемся к их учениям, они нам либо не верят, хотя мы знаем и то и другое, либо завидуют, поскольку мы предпочитаем правду лжи? Они говорят, что нужно защищать официально принятые таинства. 21. О, как они заблуждаются, несчастные, по собственной же воле! Конечно, они знают, что нет в делах человеческих ничего лучше религии и что ее следует защищать всеми силами, но заблуждаются как в самой [своей] религии, так и в способе ее защиты.

22. В самом деле, религию следует защищать не убивая, а умирая, не жестокостью, а терпеливостью, не преступлением, но верностью. Первое ведь свойственно злым людям, второе — добрым, в [истинной] религии же, безусловно, заключено добро, а не зло. 23. Ибо если ты хочешь защищать религию с помощью кровопролития, пыток, злодеяний, то в таком случае ты ее будешь не защищать, а осквернять и бесчестить. Ибо ничто столь не добровольно, как религия. Если душа отказывается от жертвоприношений, то религия уже убита, ее уже нет. 24. Стало быть, правильно, что религию следует защищать терпением и даже смертью, ибо в ней хранится верность, она приятна Самому Богу и укрепляет влияние религии. 25. Ведь если тот, кто в этом земном служении сохранит в каком-либо злочлнении верность царю своему, то если при этом останется жив, станет еще более мил и дорог ему, если же погибнет, то обретет высшую славу, поскольку принял смерть за вождя своего. Сколь же прочнее должна быть верность Императору всех людей — Богу, Который может воздать награду за добродетель не только живущим, но и умершим?

26. Итак, культ [Всевышнего] Бога, поскольку он заключается в небесном служении, требует огромного почтения и великой верности. Ибо каким образом Бог сможет возлюбить Своего почитателя, если Сам не любим им, или каким образом сможет Он дать молящемуся то, что тот просит, если тот молит не от души и без почтения? 27. Эти же [язычники], когда идут совершать жертвоприношения, ничего сокровенного и личного богам своим не несут: ни чистоты сердец, ни благоговения, ни страха. И вот, совершив жертвоприношения, они всю рели-

¹ Вергилий. Энеида. III.112.

гию в храме и с храмом как нашли, так и оставляют, и ничего из нее не приносят с собой и не уносят. 28. Отсюда выходит, что подобные религии не могут ни сделать людей добрыми, ни оставаться прочными и неизменными. И вот без труда люди удаляются от них, поскольку ничего там не находят ни для жизни, ни для мудрости, ни для верности. 29. Действительно, какое благоговение перед такими богами? Какая сила у той религии? Какое учение? Какое начало? Какой смысл? Какое основание? Какая сущность? Куда эта религия влечет? Или что она обещает, чтобы человек мог ее верно соблюдать и стойко защищать? Я в ней ничего другого не вижу, кроме ритуала, относящегося к одним только перстам. 30. Наша же религия прочна, непоколебима, неизменна, ибо учит справедливости, ибо постоянно пребывает с нами, ибо вся хранится в душе почитателя, потому что вместо жертвоприношения имеет сердце. Там [в язычестве] ничего другого не требуется, кроме крови животных, дыма и возлияний. Здесь же — доброе сердце, чистая душа, невинная жизнь. Туда приходят без разбора распутные изменницы, назойливые сводницы, развратные блудницы. Приходят гладиаторы, разбойники, воры и отравители, и ничего другого не просят, кроме того, чтобы преступления их остались безнаказанными. 31. Ведь что разбойник, приносящий жертву, или гладиатор просит, кроме возможности убить? Что просит отравитель, кроме возможности обмануть? Что просят блудницы, кроме возможности еще больше грешить? Что просит изменница, кроме смерти мужа или сокрытия ее разврата? Что просит сводница, кроме еще большей возможности обогатиться? Что просит вор, кроме возможности еще больше украсть? 32. Здесь же нет места ни легкому [простительному], ни тяжкому [непростительному] греху. И если кто станет молить с нечистой совестью, тот услышит грозное предупреждение Бога, Который видит потемки души, всегда враждебен к греху, вершит справедливость и требует верности. Где здесь место злomu сердцу или преступным мольбам? 33. Но те несчастные из-за злодеяний своих не знают, насколько плохо то, что они почитают. Ведь они во всех пороках приступают к молитве и считают, что благочестиво совершат жертвоприношение, если омоют лицо, как будто сладострастия, заключенные внутри души, может смыть хоть какая-то вода или очистить хоть какое-то море. 34. Сколь

же лучше очистить сердце, которое осквернено дурными страстями, и одним омовением добродетели и веры изгнать все пороки. Кто это делает, хотя и несет на себе порочное и жалкое тело, все же достаточно чист.

20. 1. Язычники же, поскольку не знают ни кого, ни каким образом следует чтить, слепые и невежественные, впадают в противное. И вот они молят своих врагов, жертвами задабривают разбойников и своих убийц и души свои возлагают на гнусные алтари, чтобы сжечь их вместе с благовониями. 2. Они, несчастные, гnevаются на то, что другие не гибнут, подобно им, от невероятной слепоты сердец. Ведь что могут увидеть те, кто не видят [даже] солнца? Как будто, если бы те были богами, они нуждались бы в помощи людей против презирающих их. Зачем же язычники на нас гnevаются, если те [боги] ничего не могут? Конечно, они сами сокрушают богов своих, в могуществе которых они сомневаются, оказываясь более неблагочестивыми, чем те, кто вовсе не почитают [богов]. 3. Цицерон в своих *Законах*, когда велит приступать к жертвоприношениям с благочестием, говорит: «Пусть [приносящие жертвы] проявляют благочестие и отказываются от роскоши. Если кто поступит иначе, Бог сам того покарает».¹ 4. И это правильно. Ибо нельзя терять надежду на Бога, Которого ты почитаешь потому, что считаешь Его могущественным. В самом деле, каким образом Он может наказывать несправедливость в отношении почитателя Своего, если Он не может наказать несправедливость, совершенную в отношении Его Самого?

5. Итак, хочется спросить у них, кому они, по их мнению, приносят благо, принуждая к жертвоприношениям не желающих их совершать? Неужели тем, кого принуждают? Но не является благодеянием навязанное против воли.² 6. «Но нужно заботиться и о тех, [говорят язычники], кто не желает [приносить жертвы], ибо они не знают, что это благо». Почему же столь кровожадно они преследуют их, мучают, калечат, если хотят спасти? Или откуда в них столь нечестивая набожность, что страшными способами или губят, или делают калеками тех, о ком хотели бы позаботиться? 7. Или же они приносят благо богам? Но не является жертвоприношением то, к которому принуждают против воли.

¹ Цицерон. О законах. II.8.19.

² Ср.: Тертуллиан. К Скапуле. 2.2.

Ибо если оно совершается не добровольно и не от души, то достойно проклятия, поскольку люди совершают его, будучи принуждены к этому проскрипциями, несправедливостями, тюрьмами и пытками. 8. Если те, кто таким образом почитается, являются богами, то уже по той лишь причине их не следует чтить, что они так вот хотят почитаться. Конечно, они достойны проклятия людей, которыми приносится жертва со слезами, со стонами и с кровью, истекающей из всех членов. 9. Мы же, напротив, не добиваемся того, чтобы нашего Бога, Который является Богом всех, и тех, кто хочет Его почитать, и тех, кто не хочет,¹ кто-нибудь стал бы почитать вопреки своему желанию. И если кто-то не почитает Его, мы не гневаемся. Ибо мы уповаем на могущество Его, ибо Он так же может покарать презирающего Его, как и воздать за тяготы и несправедливости в отношении рабов Своих. 10. И потому, когда мы претерпеваем несправедливости, мы не сопротивляемся даже словом, но оставляем место отмщению Божьему. Не так, как поступают те, которые хотят выглядеть защитниками богов своих и свирепо неистовствуют в отношении непочитающих их богов. 11. Из этого можно заключить, насколько почитание [ложных] богов не является благом, ибо люди должны стремиться к добру через добро, а не через зло. Но поскольку почитание [языческих] богов не является благом, то и служение им лишено блага.

12. «Но следует наказывать тех, кто разрушает религии». Неужели мы их разрушаем больше, чем народ египтян, которые почитают постыдные фигуры зверей и скота и даже некие непристойности молят словом, словно богов? Неужели [мы разрушаем вашу религию] больше, чем они сами, которые, хотя и говорят, что чтят богов, на самом деле публично и дерзко насмеваются над ними и позволяют ставить про них веселые и насмешливые комедии? 13. Что же это за религия и какое это могущество, если оно в храмах почитается, а в театрах высмеивается? И те, кто это совершают, не претерпевают наказания от оскверненного божества, а удаиваются похвал и славы. 14. Неужели мы разрушаем больше, чем некоторые философы, которые утверждают, что вообще нет никаких богов, но все возникло по собственной воле, и

¹ Ср.: Тертуллиан. Апологетик. 24.9.

все, что происходит, совершается благодаря случаю? Неужели больше, чем [даже] эпикурейцы, которые, хотя и признают существование богов, все же отрицают, что те во что-то вмешиваются: они-де не гnevаются и не выражают благосклонности? 15. Как бы то ни было, они этими мыслями убеждают, что богов вовсе не следует почитать, поскольку те не заботятся о своих почитателях и [даже] не гnevаются на тех, кто их не почитает. Кроме того, поскольку они рассуждают об этом, невзирая на страх, они ничего другого не пытаются добиться, кроме того, чтобы никто не боялся богов. И люди свободно все это слушают и безнаказанно рассуждают об этом.

21. 1. Следовательно, не потому язычники неистовствуют в отношении нас, что мы не почитаем богов, ибо многие их не почитают. Но потому, что мы обладаем истиной, которая, как весьма верно было сказано, вызывает неприязнь. 2. Что же мы должны заключить, если не то, что не ведают они, что творят? Ибо не догадываются они, откуда берется [в них] то слепое и неразумное бешенство, которое мы видим. 3. Ведь преследуют не сами люди, поскольку они не имеют причин гневаться на невинных, но в души их проникают и пробуждают в них, не знающих правды, ярость те нечистые и пагубные духи, которым известна и ненавистна истина. 4. Ведь эти [демоны], пока в народе Божиим сохраняется мир, в страхе бегут от праведных. И когда они захватывают тела людей и терзают их души, по заклинанию праведников бегут от имени Божия. 5. Услышав его, они трепещут и кричат, и свидетельствуют, что терзаются при этом и мучаются, и отвечают на вопросы, кто они, когда появились и каким образом проникли в человека. Так, принужденные и измученные доблестью божественного имени, они [с позором] удаляются.¹ 6. Вследствие этих ударов и угроз они постоянно ненавидят святых и праведных мужей. А поскольку сами ничем навредить им не могут, преследуют их с помощью людской ненависти, считая их для себя опасными. И возбуждают жестокость, какую только способны возбудить, чтобы либо через страдания уменьшить их веру, либо, если этого добиться не могут, удалить их вообще с лица земли, чтобы не было тех, кто бы мог обуздать их нечестивость.

¹ Св. Киприан Карфагенский. К Деметриану. 15.

7. Я не забыл, что меня могут спросить в ответ: «Почему же Тот единственный, Тот великий Бог, Которого ты считаешь всевластным и Господином всех [людей], попускает все это, не оберегает и не опекает почитателей Своих? Почему те, кто не почитают Его, и богаты, и могущественны, и счастливы, обладают почестями и царской властью и имеют владычество и господство над теми [праведниками]?» 8. Следует открыть смысл и этого обстоятельства, чтобы не осталось места для заблуждения. Во-первых, причина того, что [многие] полагают, будто религия Божия лишена смысла, заключается в том, что люди соблазняются видом земных и суетных благ, которые не имеют никакого отношения к заботе о душе. И поскольку они видят, что праведные люди лишены этих благ, а неправедные имеют их в изобилии, то считают культ [Всевышнего] Бога пустым, полагают, что в нем ничего нет, и считают поклонение [ложным] богам правильным, ибо их почитатели наслаждаются и богатствами, и почестями, и властью. 9. Но те, кто так думают, не смотрят выше возможностей и смысла [бытия] человека, каковой обретается не в теле, но в душе. 10. В самом деле, они не видят ничего дальше того, что видно телу. Ибо то, что видят глаза и осязают руки, является слабым, хрупким и смертным. Все те блага, которые служат корысти и [праздному] удивлению, т. е. богатство, почести, власть, суть блага тела, так как приносят наслаждения ему, и потому они столь же ничтожны, как и само тело. 11. Душа же, в которой одной лишь сущность человека, поскольку она не подвластна зрению и поскольку блага ее не могут быть осязаемы, ибо они состоят в одной только добродетели, столь же прочна, постоянна и неизменна, как и сама добродетель, в которой заключено благо души.

22. 1. Рассказывать обо всех видах добродетели, чтобы объяснить суть каждого, долго. Гораздо важнее, чтобы разумный и праведный муж отвращался от тех [преходящих] благ, поскольку ими наслаждаются неправедные люди, полагающие, что культ [ложных] богов истинен и надежен. 2. Что касается данного вопроса, то будет достаточно, если мы скажем об одном виде добродетели. Действительно, великой и исключительной добродетелью является терпение, которое равным образом высшими похвалами славят и общий глас народа, и философы, и ораторы. 3. Ибо если нельзя отрицать, что терпение является

высшей добродетелью, необходимо, чтобы праведный и разумный муж находился во власти [именно] несправедливого человека, дабы проявлять терпение. Ведь терпение — это невозмутимое перенесение злодеяний, которые причиняются либо случаются. 4. Стало быть, праведный и разумный человек, поскольку он обладает добродетелью, имеет и терпение; он совершенно лишится добродетели, если не будет [стойко] переносить противного ему. 5. Напротив, кто пребывает в благополучии, тот не знает терпения и лишен этой высшей добродетели. Я потому говорю, что он не знает терпения, ибо ничего не претерпевает. Он не может сохранять невинность, которая является личной добродетелью справедливого и разумного мужа. 6. Мало того, он часто вредит, жаждет чужого и присваивает с помощью несправедливости то, что жаждет, поскольку, лишенный добродетели, он подвержен пороку и греху и, забыв о тленности [жизни], исполнен чрезмерно надменной душой. Поэтому несправедливые и не знающие Бога и божественности прославляют себя могуществом и почестями. Все это — награды несправедливости, поскольку не могут быть вечными и обретаются с помощью алчности и насилия. 7. Справедливый же и разумный человек, поскольку считает все эти блага человеческими, как было сказано Лелием, а собственные блага [bona] признает божественными,¹ не жаждет ничего чужого, чтобы вопреки закону человечности не причинять никому вреда, не требует никакого могущества и никаких почестей, чтобы не совершать в отношении хоть кого-то несправедливости. Ибо он знает, что все рождены одним Богом и по единому замыслу и что все связаны законом братства. 8. Но, довольствуясь своим и немногим, поскольку помнит о тленности, он не жаждет больше, чем необходимо для поддержания жизни. И из того, что он имеет, дает и неимущему, поскольку благочестив. Благочестие же является высшей добродетелью. 9. К этому добавляется еще и то, что он презирает тленные и порочные удовольствия, ради которых стяжаются богатства, ибо он сдержан и является победителем страстей. Он, не совершая ничего высокомерного и заносчивого, не возносит себя выше [других], не поднимает горделиво голову, но кроток, дружелюбен, миролюбив и честен,

¹ Цицерон. О государстве. III.28.40.

ибо знает свое [божественное] происхождение. 10. Поскольку же он не совершает несправедливостей, он не жаждет чужого и даже не защищает своего, если его отнимают силой. Поскольку он знает, что принимаемые ему несправедливости нужно стойко сносить, так как он наделен добродетелью, то необходимо, чтобы справедливый человек был подчинен несправедливому и чтобы разумный человек подвергался унижениям со стороны неразумного, дабы и тот совершал грех, ибо несправедлив, и этот хранил в себе добродетель, ибо справедлив.

11. Если же кто-то хочет узнать полнее, почему Бог попускает, чтобы злые и несправедливые люди были могущественны, счастливы и богаты, а благочестивые, напротив, унижены, несчастны и бедны, пусть возьмет книгу Сенеки, которая называется *Почему на долю добрых людей выпадают многие несчастья, тогда как существует Провидение*. В ней он высказал многое не в соответствии с мирским невежеством, но мудро и почти божественно. 12. «Для Бога, — говорит он, — люди как бы дети; и Он позволяет, чтобы бесчестные и испорченные люди жили в роскоши и неге, поскольку не считает их достойными Своего исцеляющего средства. Добрых же, которых любит, Он часто наказывает и подвергает серьезным испытаниям на пользу добродетели и не позволяет, чтобы они были испорчены и развращены преходящими и тленными благами». 13. Поэтому никому не должно показаться удивительным, что из-за наших проступков мы часто порицаемся Богом. Напротив, когда нас терзают и мучают, именно тогда мы получаем милости от снисходительного Отца. Ибо не терпит Он, чтобы наша порча шла дальше, но ударами и бичеванием излечивает нас. Из этого мы понимаем, что Бог заботится о нас, если гневается, когда мы грешим. 14. Действительно, хотя Он может народу Своему даровать власть и богатства, как прежде давал иудеям, чьими преемниками и последователями мы являемся, все же Он хочет, чтобы народ наш жил под чужой властью и господством, дабы, испорченный счастьем благополучия, не впал в негу и не пренебрег предписаниями Божиими, как те наши предки, которые, обессиленные этими земными и тленными благами, часто отклонялись от исполнения Закона и разрывали узы Завета. 15. Стало быть, Он провидит, насколько давать покой почитателям Своим, если они соблюдают договор; если же они не повинуются пред-

писаниям Его, то Он усмиряет их. 16. И вот, чтобы [христиане] не испортились от покоя так же, как отцы иудеев [были испорчены] негой, Он захотел, чтобы они попирались теми, под чью власть Он их поставил, чтобы тем самым и колеблющихся укрепить, и испорченных восстановить в твердости, а также проверить и испытать верных. 17. Ведь каким образом император может испытать доблесть воинов своих, если не будет врага? И все же противник достается ему против собственной воли, поскольку он смертен и может быть побежден. Бог же, поскольку не может быть повержен, Сам воздвигает противников имени Своего, которые сражаются не против Самого Бога, а против воинов Его, чтобы Он мог проверять силу клятвы и верность Своих [почитателей] и укреплять их, пока бичами несчастий не усилит ослабленную дисциплину.

18. Есть и другая причина, почему Бог попускает против нас гонения: чтобы приумножался народ Божий. Не трудно показать, почему и каким образом это происходит. 19. Во-первых, многие бегут от почитателей [ложных] богов, движимые ненавистью к кровопролитию. В самом деле, кто не придет в ужас от подобных жертвоприношений? Затем, некоторым нравится сама добродетель и вера. Многие догадываются, что культ богов не без основания считается столь многими людьми злом, так что те предпочитают умереть, нежели во имя сохранения жизни делать то, что совершают язычники. 20. Кто-то стремится узнать, что же это за благо, которое защищают вплоть до самой смерти, которое все предпочитают тому, что в этой жизни ценно и дорого, от которого не отпугивают ни утрата богатств и [дневного] света, ни телесная боль и пытки.¹ 21. Очень многое способствует этому, но особенно постоянно увеличивают число наших [братьев по вере] следующие причины. Слышит вокруг народ, как среди пыток признают [христиане], что они приносят жертвы не мрамору, обработанному рукой человеческой, а Богу Живому, Который на небесах. Многие понимают, что это правда, и допускают веру в душу свою. 22. Наконец, как обычно случается в неясных делах, пока люди между собой спорят, какова же причина такой стойкости, многое, что относится к религии, узнают обыч-

¹ Ср.: Тертуллиан. К Скапуле. 5.1–2.

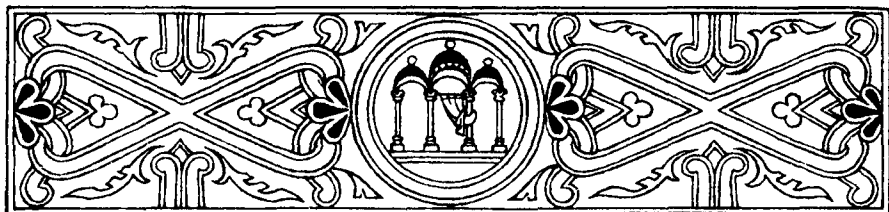
ным образом и принимают из слухов. Поскольку же то, что они узнают, является благом, все это неизбежно должно привлекать. 23. Кроме того, к [истинному] верованию весьма побуждает преследующая [гонителей] месть, которая обычно им воздается. Даже то обстоятельство, что нечистые духи демонов, получив право, проникают в тела многих людей, имеет значение. Ибо потом, когда они удаляются, все, кто излечивается, присоединяются к [истинно] религиозным людям, начиная ощущать их силу. 24. Все эти многочисленные причины, собранные вместе, приводят великое множество почитателей к Богу.

23. 1. Так вот, что бы ни замышляли против нас дурные правители, Бог Сам это попускает. И все же пусть не считают несправедливейшие гонители, для которых имя Божие служило предметом насмешек и унижения, что они останутся без наказания, поскольку они выступали против нас как бы слугами Его негодования.¹ 2. Ибо те, кто, получив власть, сверх меры человеческой злоупотребляют ею и высокомерно глумятся даже над Богом, Чье имя бессовестно и нечестиво попирают ногами своими, будут наказаны судом Божиим. 3. По этой причине Он обещал, что скоро накажет их и «злых зверей изгонит с земли».² Хотя Он и здесь, в настоящем, обычно мстит за страдания народа Своего, все же определил нам терпеливо ждать тот день небесного суда, когда Он Сам воздаст по заслугам каждого либо награду, либо кару. 4. Вот почему пусть не надеются нечестивые души, что те, кого они так притесняли, будут оставлены без внимания и отмщения. Воздастся, воздастся волкам хищным и ненасытным, когда не будет пропущено ни единое деяние, за то, что истязали они справедливые и чистые души. 5. Мы же должны заботиться лишь о том, чтобы люди не карали нас ни за что иное, кроме справедливости. Я всеми силами стремлюсь, чтобы мы заслужили от Бога как отмщение за наши терзания, так и награду.

¹ Ср.: Там же. 5.3–4.

² Ср.: Лев. 26.6; Иез. 34.25.

Книга VI

ОБ ИСТИННОМ СЛУЖЕНИИ БОГУ

1. С помощью Духа Божьего и при поддержке самой истины мы выполнили ту задачу, за решение которой брались; возможность исполнить ее и растолковать ее решение мне дало знание, вера и Сам наш Господь, без Которого нельзя ничего ни знать, ни выполнить. 2. Теперь же я приступаю к тому, что является вершиной и важнейшим моментом этого труда, дабы объяснить, каким ритуалом и каким служением надлежит почитать Бога. Ибо это обязанность человека и только на этом зиждется всякое дело и весь смысл счастливой жизни, поскольку мы сотворены Им и одухотворены не для того, чтобы созерцать небо и солнце, как полагал Анаксагор, но чтобы с чистым и непорочным сердцем чтить Бога, Творца неба и солнца. 3. Сколько бы в предыдущих книгах я не защищал истину силой своего довольно заурядного таланта, в гораздо большей степени она может проявиться из самого богослужения. 4. Ибо ничего другого Святое и Единственное Величие не требует от человека, кроме невинности; если кто явит ее перед Богом, тот весьма набожно и весьма религиозно умилюстит Его. 5. Люди же, презревшие справедливость, будучи осквернены всевозможными злодеяниями и преступлениями, считают себя религиозными, если обгаряют храмы и алтари кровью жертв и орошают их возлияниями старого вина. 6. И даже устраивают [они] священные трапезы и готовят изысканные блюда, намереваясь принести их в жертву. Все, что ни кажется редкостным, все, что ни признается ценным и приятным, они считают привлекательным для своих богов, исходя не из какого-то смысла

божественности, которого они не знают, а из своей жадности. Они не ведают, что Бог не нуждается в земных богатствах. Они ведь не знают ничего, кроме земного, и определяют, что хорошо и что плохо, исходя лишь из ощущений и желаний тела. 7. Этим суждением они как оценивают религию, так и организуют свою жизнь. И поскольку они сами отвратили себя от созерцания неба и тот небесный смысл перенесли на тело, то дают волю страстям, словно намереваясь [вечно] носить с собой наслаждение, которое стремятся получать каждое мгновение, тогда как душа должна управлять телом, а не тело душой. 8. Также они считают высшим благом богатство. Если они не могут добиться его благими занятиями, то стяжают его дурными. Они обманывают, грабят, похищают, строят козни, нарушают клятвы, наконец, ни в чем не умеренны и ко всему безразличны, пока не засияют золотом, пока не засверкают серебром, драгоценными камнями и одеждами; они наполняют ненасытное брюхо богатствами и, окруженные толпами прислуги, шествуют, прокладывая себе путь в гуще людей. 9. Так, предаваясь наслаждениям и становясь их рабами, они подавляют силу и энергию сердца, и хотя считают, что живут, [на деле же] поспешают к смерти. 10. Ведь как мы учили во второй книге,¹ смысл неба заключен в душе, смысл же земли — в теле. Кто пренебрегает благами души, кто жаждет телесных благ, тот пребывает во тьме и смерти, которые от земли и от тела, в то время как жизнь и свет — от неба. Непричастные же благам души, служа телу, весьма далеки и от понимания божественных вещей. 11. Равным образом и слепота окружает несчастных. Ибо не знают они, ни Кто — истинный Бог, ни каков истинный культ.

2. 1. И вот они приносят тучных и упитанных жертвенных животных Богу, словно Он голоден, возливают Ему вино, как будто Он мучим жаждой, ставят светильники, будто бы Он пребывает во тьме. 2. Ибо если бы они могли догадаться и понять душой, каковы те небесные блага, важность которых мы, пока еще облечены в земное тело, не можем постичь разумом, то поняли бы, что сами они весьма глупы с этими их пустыми услугами. 3. И если бы они захотели обозреть небесное светило, которое мы называем Солнцем, то поняли бы, что Бог, Который

¹ См.: II.12.3.

дал людям столь ослепительный свет, не нуждается в их светильниках. 4. И все же когда в столь малом круге, который из-за удаленности [своей] кажется не большим, чем человеческая голова, заключено такое сияние, что на него не могут смотреть смертные глаза, и даже если ты будешь смотреть на него недолго, ослабленные [напряжением] глаза застит мгла и тьма, почему же мы должны считать, что Богу, у Которого нет никакой ночи, нужны светильники и свечи? Бог, Который так устроил этот самый свет, что ни безмерным сиянием, ни чрезмерной яркостью он не приносит вреда живым существам, такую дал ему силу, что и смертные тела в состоянии его терпеть, и для созревания плодов его достаточно. 5. Неужели можно счесть находящимся в здравом уме того, кто Создателю и Дарителю света предлагает в качестве подношения мерцание свечей и воска? 6. Бог требует от нас другого света, который не испускает чада, но, как говорит поэт, *прозрачен и ясен*,¹ имеется в виду — требует света души, из-за которого поэты называют нас светлыми. Его не может обнаружить тот, кто не познал Бога. 7. Их же боги, поскольку являются земными, нуждаются в светильниках, чтобы не пребывать во тьме. Поскольку почитатели их не знают ничего небесного, то и религии, которым они предаются, обращены к земле. Ведь есть необходимость в таком свете, ибо суть и природа земли темны. 8. И вот они приписывают богам не небесное, но человеческое чувство, и потому считают, что им необходимо и приятно то же, что и нам. Когда мы голодны — нам необходима пища, когда мучимы жаждой — питье, когда зябнем — одежда, когда заходит солнце — нам нужен свет, чтобы мы могли видеть. 9. Ничто настолько не доказывает и не показывает, что те боги мертвы, хотя они некогда были живы, сколько сам ритуал, который полностью связан с землей. Какое ведь небесное благо может содержать в себе пролитая кровь животных, которой они обагрят алтари? Разве только они полагают, что боги питаются тем, что отвергают и люди. 10. И всякий, кто им дарует такую пищу, хотя и был бы разбойником, прелюбодеем, отравителем, матереубийцей, будет блаженным и счастливым, его будут любить, о нем будут заботиться и будут давать все, чего он ни пожелает. 11. Справедливо,

¹ Лукреций. О природе вещей. V.281.

стало быть, Персий, как свойственно ему, высмеивал суеверия подобного рода:

*Платой какой, какими такими дарами
Уши богов ты купил? Потрохами и ливером жирным?*¹

12. Очевидно, понял он, что для умилоствления небесного могущества нужна не плоть, а, как он сам говорит, *чистые мысли, и благородство души, и честное искреннее сердце.*² 13. Это небесная религия, не та, которая состоит из тленных вещей, но которая состоит из добродетелей души, каковая происходит от неба. Это истинный культ, в котором сердце почитателя само себя приносит Богу в качестве непорочной жертвы. 14. Каким же образом ему нужно следовать, каким образом исполнять [этот культ], станет ясно из рассуждений в данной книге. Ибо ничего не может быть столь прекрасного и столь подобающего человеку, как наставлять людей в справедливости.

15. У Цицерона Катул³ в *Гортензии*, разыскивая философию всех вещей, сказал, что он предпочел бы [увидеть] маленькую книжицу об обязанностях, нежели [слушать] долгую речь относительно мятежника Корнелия.⁴ Надо полагать, это суждение не Катюла, который, по видимому, этого [вовсе] не говорил, но Цицерона, который, я думаю, записал его, чтобы обратить внимание на те книги *Об обязанностях*, которые он напишет потом. В них он свидетельствует, что во всей философии нет ничего лучшего и более полезного, чем давать наставления для жизни.⁵ 16. Если же это делают те, кому неизвестна истина, насколько больше этим должны заниматься мы, кого просветил Бог, и насколько правильнее мы, просвещенные, можем наставить! И все же учить мы будем не так, как если бы мы сообщали о первых элементах

¹ *Персий*. Сатиры. 2.29–30.

² Там же. 2.73–74 (Перевод наш. — В. Т.). Ср.: Божественные установления. II.4.11.

³ Речь идет о *Квинте Лутации Катюле*, консуле 78 г. до н. э., цензоре 65 г. до н. э.

⁴ *Публий Корнелий Лентул Сура* — участник и один из руководителей заговора Катилины.

⁵ Ср.: *Цицерон*. Об обязанностях. I.2.4; III.2.5.

добродетели, что не имело бы конца, но так, как если бы начинали учить того, кто, кажется, уже обучен теми [философами]. 17. Так, вняв [начальным] наставлениям их, каковые философы обычно давали надлежащим образом, мы дополним их тем, что не было им известно, чтобы довести до совершенства справедливость, которую они не постигли. 18. То, что может оказаться общим с этими наставлениями, я опущу, чтобы не показалось им, будто я перенимаю их заблуждения, в то время как решил уличить их и отвергнуть.

3. 1. Есть две дороги, по которым неизбежно идет человеческая жизнь. Одна поднимает на небо, вторая же опускает в преисподнюю. О них упоминали и поэты в стихах, и философы в своих рассуждениях. 2. Именно философы хотели, чтобы одна была дорогой добродетелей, вторая — пороков, и чтобы та, которая наполнена добродетелями, с первого шага была крутой и тернистой. Если кто по ней, преодолевая трудности, дойдет до вершины, получит свободный от прочего путь, некое светлое и восхитительное поле, и обретет обильные и чудесные плоды за все свои тяготы. 3. Кого же испугают трудности первого шага, те отклоняются и спускаются на дорогу пороков, которая поначалу как бы прекрасна и довольно проторена, затем же, когда по ней проходят чуть дальше, призрак тех прикрас исчезает, а дорога становится слишком покатой. Она то завалена камнями, то заросла терниями, то изрыта ямами, то пересечена бурными потоками, так что приходится стараться, застревать, скользить и падать. 4. Для того все это философы рассказывают, чтобы стало ясно, что следование добродетелям требует великих усилий, достижение же их приносит великие плоды и истинные и чистые наслаждения. В свою очередь, пороки естественными соблазнами свращают души людей и их, обманутых призраком пустых прелестей, ведут к горькой досаде и бедствиям.

5. Вполне разумным было бы это рассуждение философов, если бы они знали виды и пределы самих добродетелей. Ведь не ведают они, ни каковы добродетели, ни какая плата за них будет от Бога, что мы и откроем в этих двух книгах. Философы же, поскольку не знали и сомневались, что души людей бессмертны, оценивали добродетели и пороки по земным почестям и наказаниям. **6.** Итак, все это рассуждение о двух дорогах касается благоразумия и разнuzданности. Ведь философы

говорят, что путь человеческой жизни подобен букве Y, ибо каждый человек, достигая ранней юности и подходя к тому месту, где *дороги расходятся на две*,¹ останавливается в нерешительности и не знает, в какую сторону лучше пойти. 7. Если найдется руководитель, который направит колеблющегося в лучшую сторону, т. е. если юноша станет изучать философию, красноречие или какое другое достойное ремесло, которым будет добиваться успеха, чего не может быть без большого труда, то будут считать, что этот человек намерен вести достойную и обеспеченную жизнь. 8. Если же он не найдет учителя умеренности, то встанет на неверную дорогу, которая обманывает, что ведет к лучшему. То есть он будет предаваться безделью, лени и неге, что хотя и кажется некоторое время привлекательным, все-таки потом, когда будет утрачено всякое достоинство и [сведется на нет] семейное добро, приведет ко всякого рода несчастьям и позору. 9. Итак, философы относили окончание этих дорог к телу и к этой жизни, которую мы ведем на земле. Пожалуй, поэты говорили лучше, когда утверждали, что это распустье находится перед преисподней, однако они заблуждались в том, что обещали эти дороги умершим. Стало быть, и те и другие правы, и все же и те и другие не правы, так как следовало дороги эти относить к жизни, а окончание их — к смерти. 10. Итак, мы говорим лучше и более правильно, поскольку утверждаем, что из тех двух дорог одна — дорога неба, другая — преисподней, ибо праведным обещано бессмертие, а неправедным вечные муки.

11. Каким же образом эти дороги или поднимают на небо, или же низводят в преисподнюю, я сейчас открою, а также покажу, каковы те добродетели, о которых не знали философы, а потом — каковы награды за них. Одновременно я укажу, какие бывают пороки и каковы будут за них наказания. 12. А кто-нибудь, наверно, ждет, что я буду говорить отдельно о пороках и добродетелях, поскольку из нашего рассуждения о добре и зле можно было понять, что это противоположные вещи. 13. Ведь если ты последуешь добродетели, пороки удалятся сами собой, и если ты будешь избегать пороков, то и добродетели сами проявятся. Природа добра и зла так устроена, что они постоянно друг с

¹ Вергилий. Энеида. VI.540.

другом борются и постоянно вытесняют друг друга. Так и выходит, что ни пороки не могут быть удалены без добродетелей, ни добродетели не могут проявляться без удаления пороков. 14. Итак, мы совершенно иначе представляем эти дороги, нежели обычно представляли философы. Очевидно, что и на той, и на другой дороге есть проводник, и тот и другой — бессмертны, но один достоин уважения, ибо руководит добродетелями и добром, другой же достоин позора, ибо управляет пороками и злом. 15. Те же философы лишь на правильной дороге допускают проводника, причем не одного и не вечного, ибо предполагают любого учителя благого искусства, который лишь бы отвращал людей от праздности и учил их быть благоразумными. Но не допускают они, что на эту дорогу может вступать кто-то кроме детей и юношей, ведь искусства, конечно же, изучаются в эти годы. 16. Но мы вступает на этот небесный путь, являясь людьми разного пола, рода и возраста, так как Бог, Проводник на этой дороге, ни одному рожденному человеку не отказывает в бессмертии. Также форма самих этих дорог не такая, какой ее считают философы. 17. Ведь какая может быть буква У для изображения противоположных и враждебных друг другу вещей? На самом деле одна дорога, та, что является лучшей, направлена к восходу солнца, другая, неверная, к закату. Ибо тот, кто следует истине и справедливости, обретя в награду бессмертие, будет пользоваться неиссякаемым светом; кто же, совращенный тем дурным проводником, предпочтет добродетелям пороки, а правде — ложь, неизбежно будет обречен на погибель и вечную тьму. 18. Итак, я разберу и ту, и другую дороги и покажу особенности и своеобразие и той и другой.

4. 1. Так вот, одна является дорогой добродетели и добра, которая ведет не на Елисийские поля, как говорят поэты, но на самую вершину мира,

...а левой дорогой

Злые идут на казнь, в нечистый спускаются Тартар.¹

2. Ведь она является дорогой того клеветника, который превратными религиями отвращает людей от небесного пути и ведет на путь смерти.

¹ Вергилий. Энеида. VI.542–543.

3. Образ и наружность этой дороги таковы, что кажется, будто она ровная, открытая и насажена разного рода цветами и плодами. Ибо на ней Бог поместил все, что признается на земле благом, скажем, богатство, почет, покой, наслаждения, всякие соблазны, но одновременно с ними и несправедливость, жестокость, высокомерие, вероломство, сладострастие, жадность, раздор, невежество, ложь, глупость и прочие пороки. Исход же этой дороги таков. 4. Когда вступивший на нее дойдет до конца, откуда уже нельзя вернуться, она настолько неожиданно лишится всей своей привлекательности, что тот не успеет разглядеть обман, как упадет в глубокую пропасть. 5. Ибо никто, пленившись призраком сущих благ и посвятив себя стяжанию их и наслаждениям, не видит того, что наступит после смерти, и всякий, кто отвратит себя от Бога, низвергнутый в преисподнюю, будет предан на вечное наказание.

6. Та же небесная дорога задумана трудной и крутой, покрытой торчащими отовсюду терниями, заваленной камнями, так чтобы каждый шел по ней с великими трудностями, стирая ноги и боясь упасть. 7. На ней Бог поместил справедливость, умеренность, терпеливость, верность, целомудрие, воздержанность, согласие, знание, истину, мудрость и прочие добродетели, но вместе с ними и бедность, бесславие, труды, боль и все [подобные им] горести. 8. Ибо всякий, кто надежду свою возложит на будущее и предпочтет большее, [чем он имеет сегодня], должен лишиться себя этих земных благ, чтобы решительно и с легкостью преодолеть трудности пути. Ибо тот, кто окружил себя царской обстановкой и обременил богатствами, не может вступить в тесненные обстоятельства и перенести их. 9. Отсюда можно понять, что злым и несправедливым легче достичь того, чего они желают, поскольку дорога их легка и полого, добрым же труднее преуспеть в том, что они избрали, поскольку шествуют они тяжелой и крутой дорогой. 10. Стало быть, поскольку праведный человек вступает на тяжелый и крутой путь, он неизбежно подвергается ненависти, презрению и осмеянию. Ибо все, кого безудержно влекут за собой жадность и наслаждения, ненавидят того, кто хочет быть добродетельным, и с завистью сетуют на то, что тот имеет нечто, чего лишены они. 11. Итак, бедный, низкий и простой будет подвержен несправедливости, и все же, если, претерпевая все, что тяжело, он будет до самой вершины дороги и до

конца [пути] проявлять терпение, Богом будет дан ему венец добродетели и даровано за труды его, совершенные в этой жизни ради справедливости, бессмертие [в Царствии Небесном].

12. Это те дороги, которые Бог назначил человеческой жизни. На них каждому Он предложил как зло, так и добро, но в обратном и противоположном порядке. Ибо Он поместил на Своей временной дороге скорее зло с вечными благами, каковой порядок лучший, на другой временной дороге поместил скорее блага с вечными муками, каковой порядок худший, чтобы всякий, кто выберет сущие несчастья со справедливостью, обрел еще большие и более истинные блага, нежели те, которые он отверг, а тот, кто сущие блага поставит выше справедливости, был ввергнут в еще большие и более продолжительные мучения, чем те, от которых он бежал. 13. Ведь поскольку эта телесная жизнь является краткой, то и беды ее и блага необходимо краткие, поскольку же та духовная жизнь, которая противоположна этой земной, является вечной, то и блага и муки ее вечные. 14. Так и выходит, что за временными благами следуют вечные муки, а за временными несчастьями — вечные же блага. И вот, поскольку человеку одновременно предложены добро и зло, следует, чтобы каждый понял для себя, насколько предпочтительнее получить за краткие несчастья вечные блага, чем за краткие и тленные блага переносить вечные муки. 15. В самом деле, если в этой жизни предстоит битва с врагом, следует переносить тяготы, чтобы потом ты пребывал в покое, следует терпеть голод и жажду, переносить холод и зной, спать на земле, бодрствовать, рисковать, чтобы ты мог наслаждаться и заложниками, и миром, и [приумноженным] семейным добром, и всеми благами мира и победы. 16. Если же сущий покой ты предпочтешь тяготам, ты неизбежно принесешь себе огромные несчастья, ибо враг одолеет несопротивляющегося, поля будут опустошены, дом разграблен, попадут в плен жена и дети, а сам ты будешь убит или схвачен. Чтобы всего этого не случилось, следует отказаться от сущей выгоды, чтобы стяжать большее и лучшее. 17. Так и во всей этой жизни, поскольку Бог сохранил нам врага, чтобы мы могли проявлять доблесть, нам следует пренебрегать существующими наслаждениями, чтобы не одолел враг, следует бодрствовать, быть на страже, следует выводить войска на битву, проливать кровь до

[победного] конца, наконец, следует терпеливо сносить все тяготы и трудности. Нам это тем легче, что наш император — Бог учредил нам вечную награду за тяготы. 18. И когда в этом земном служении люди преодолевают всевозможные тяготы, чтобы добыть себе то, что может так же исчезнуть, как и было обретено, то нами, в самом деле, не должны отвергаться никакие тяготы, если мы можем получить то, что никоим образом не может исчезнуть. 19. Ведь Бог, Который создал человека для этого служения, захотел, чтобы мы подготовленными встали в боевой порядок и, решительно направив души против козней врага, отбивали яростные атаки того, кто нас, как обыкновенно поступают искусные и опытные военачальники, заманивает различными хитростями, выдумывая их в соответствии с природой и нравами каждого. 20. В самом деле, одним он внушает ненасытную жадность, чтобы, опутав их богатствами, увести, словно связанных, от дороги истины, других воспламеняет гневом, чтобы их, отвлеченных больше на причинение вреда, оторвать от созерцания Бога. Прочих он ввергает в неумеренные страсти, чтобы они, поработанные наслаждениями и [своим собственным] телом, не могли заботиться о добродетели. Иных же заражает ненавистью, чтобы они, мучимые своей же болью, ничего другого не знали, кроме счастья тех, кого ненавидят. 21. Кого-то он поражает честолюбием. Это те, кто всякое деяние и всякий шаг своей жизни направляют на стяжание должностей, чтобы достичь консульства и дать имя году. 22. У некоторых честолюбие требует большего: чтобы они не правили провинциями силой тленного меча, но хотят, чтобы признали, будто они бесконечным и вечным могуществом повелевают всем родом человеческим, [т. е. признали бы их за богов]. 23. Кого же [враг этот] увидит благочестивым, то сбивает того с толку с помощью различных религий, чтобы сделать нечестивым. Тем же, кто ищет мудрость, накидывает на глаза философию, чтобы ослепить призраком света, чтобы никто не открыл и не приобрел истину. 24. Так он преграждает людям все подступы и загромождает дорогу обычными заблуждениями. Чтобы мы могли их рассеять и одолеть самого автора злодеяний, Бог одарил нас зрением и вооружил истинной и небесной добродетелью. Именно о ней нам следует сейчас поговорить.

5. 1. Однако, прежде чем я начну представлять каждую добродетель, следует определить саму добродетель [как таковую], которую философы понимали неправильно: ни в каких делах она или поступках [проявляется], ни какого требует усердия. И вот оставили они ей одно лишь имя, а силу, смысл и результат ее утратили. 2. Все, что они обычно говорили, определяя добродетель, в нескольких строках собрал и объяснил Луцилий.¹ Я хотел бы привести их, чтобы, изобличая мысли многих философов, я не оказался более многословным, чем это необходимо.

*3. Доблесть, Альбин, состоит в способности верной оценки,
Нашего быта, всего, что в жизни нас окружает.*

Доблесть — все разбирать, где честь, где право, где польза,

Что хорошо и что нет, что гнузно, бесчестно и вредно;

Доблесть — предел полагать и меру нашим желаньям;

Доблесть — способность познать настоящую цену богатства;

Доблесть — то почитать, что действительно чести достойно,

И неприятелем быть людей и нравов зловредных,

А покровителем быть людей и нравов достойных,

Их возвеличивать, их поощрять, их делать друзьями;

Сосредоточивать мысль всегда на пользе отчизны,

После — на пользе родных, а потом уж на собственной пользе.²

4. Из этих определений, которые кратко привел поэт, Марк Туллий, следуя стоику Панетию,³ вывел обязанности для жизни и представил их в трех разделах. Что они весьма ложные, мы скоро увидим, так что станет ясно, насколько важно для нас божественное достоинство, которое открыло нам истину. 5. Добродетель, говорит он, есть знание добра и зла, того, что позорно и славно, что полезно и бесполезно.⁴ Он мог дать определение короче, если бы сказал только о добре и зле, ибо не может быть ничего полезного и славного, что не было бы добрым, и

¹ Далее в поэтическом переводе стихов Луцилия «добродетель» (virtus), о которой рассуждает Лактанций, выражена термином «доблесть».

² Луцилий. Из неизвестных книг. Фрагм. 27.

³ Цицерон в своем трактате *Об обязанностях* опирается на положения основателя Средней Стои Панетия Родосского (ок. 180–100 гг. до н. э.).

⁴ См.: Цицерон. *Об обязанностях*. III.2.7.

ничего бесполезного и позорного, что не было бы злым. Это видели и философы, и тот же самый Цицерон обнаружил это в третьей части вышеназванного труда. 6. Однако знание не может быть добродетелью, поскольку оно не находится внутри нас, но пришло к нам извне. Что же может переходить от одного к другому, не является добродетелью, так как добродетель у каждого своя. Итак, знание является заслугой другого, поскольку заключено в слушании, добродетель же — целиком наша заслуга, так как заключена в стремлении совершать добро. 7. И вот как в путешествии нет никакой пользы от знания дороги, если сил идти нет, так же нет никакой пользы от знания, если недостает собственной добродетели. 8. В самом деле, обычно даже те, кто грешат, пусть и не до конца, все же знают, что хорошо и что плохо, и всякий раз, когда поступают дурно, знают, что совершают прегрешение, и потому стараются его утаить. 9. Но поскольку природа добра и зла не скрывает их, они одолеваются дурным стремлением к прегрешению, поскольку им недостает добродетели, т. е. стремления к совершению правильного и достойного. 10. Итак, из этого становится ясным, что одно является знанием добра и зла, другое — добродетелью; ясно, что может быть знание без добродетели, как это было у многих философов. А поскольку правильно, что [именно] ты виноват, что ты не поступаешь так, как, ты знаешь, достойно, то справедливо, что наказываются превратная воля и порочная душа, которую не может спасти [от наказания] никакое незнание. 11. Стало быть, как добродетель не является знанием добра и зла, так добродетель является совершением добра и несовершенством зла. И все же знание так связано с добродетелью, что знание идет впереди нее, добродетель же следует за знанием, так как нет никакой пользы от знания, если за ним не будет действия.

12. Гораций чуть лучше сказал:

Шаг к добродетели первый — стараться избежать порока,¹

но нелепо, что добродетель он определил через противоположность, как если бы сказал: «добро есть то, что не является злом». Ведь если бы я не знал, что является добродетелью, то не знал бы и того, что является

¹ Гораций. Письма. I.1.40—41.

пороком. Итак, и то и другое нуждается в определении, так как природа мира такова, что неизбежно либо известно и то и другое, либо не известно ни того, ни другого. 13. Но мы сделаем то, что должен был сделать он, [Гораций]. Добродетель состоит в том, чтобы подавлять гнев, унимать жадность, охлаждать сладострастие. Это и значит *избегнуть пороков*. Ибо почти все, что происходит несправедливого и нечестивого, берет начало из тех страстей. 14. Ведь если будет сдержана сила того порыва, который называется гневом, утихнут все конфликты между людьми, никто не будет строить козни, никто [никому] не будет причинять вреда. 15. Также если будет умерена жадность, никто не будет разбойничать ни на земле, ни на море, никто не поведет войска грабить и опустошать чужое. 16. Также если будет усмирена пыл сладострастия, человек всякого возраста и пола сохранит свою нравственную чистоту, никто не претерпит и не совершит ничего срамного. 17. Стало быть, когда с помощью добродетели будут успокоены те страсти, всякое преступление и всякая гнусность удалятся из жизни и обычаев людей. Смысл этого усмирения порывов и страстей состоит в том, чтобы мы всякий раз поступали правильно. 18. Следовательно, весь долг добродетели заключается в том, чтобы мы не грешили. Этого совершенно не может исполнить тот, кто не знает [Всевышнего] Бога, поскольку незнание Того, от Кого происходит добро, неизбежно ввергает незнающего в пороки.

19. Итак, чтобы короче и нагляднее разграничить обязанности двух вещей, уточню, что знание является познанием Бога, добродетель же — служением Богу. В первом заключена мудрость, во второй — справедливость.

6. 1. Я сказал, во-первых, что знание добра не является добродетелью, во-вторых, что является добродетелью и в чем она состоит. Теперь следует, чтобы я кратко показал, что философы не знали, что является добром и злом, ведь уже достаточно было сказано об этом в третьей книге, когда я рассуждал о высшем благе.¹ 2. Они ведь не знали, что является высшим, и неизбежно блуждали в прочих благах и бедах, которые не являются высшими. Этого не может уяснить тот,

¹ См.: III.7.

кто не знает самого источника, из которого они происходят. 3. Источником же блага является Бог, а источником зол, разумеется, тот вечный враг божественного имени, о котором мы неоднократно говорили. Из этих двух начал проистекают и добро, и зло. 4. То, что происходит от Бога, служит тому, чтобы стяжать бессмертие, которое, в свою очередь, является высшим благом. То, что идет от того врага, служит тому, чтобы человека, оторванного от небесного и погруженного в земное, обречь на вечную муку, что является высшим злом. 5. Итак, неужели есть сомнения в том, что все те, кто не знали ни Бога, ни Его противника, не ведали, что является добром и злом? 6. И вот они связывали предел блага с телом и этой краткой жизнью, которая, разумеется, неизбежно угасает и заканчивается, и они не видели дальше, но все их предписания и все, что включает благо, относятся к земле и лежат, [так сказать], в грязи, так как умирают вместе с телом, которое является землей. 7. Ибо все эти предписания относятся не к устройению жизни человека, но к поиску и приумножению богатств, почестей, славы и могущества. Все это столь же смертно, как и те сами, кто стремится их себе стяжать. Оттого и следующая строка:

Доблесть — предел полагать и меру нашим желаньям.¹

8. Ибо философы предписывали, каким образом и какими способами следует приобретать добро, ибо видели, что обычно его наживают дурным образом. Но добродетель такого рода не соответствует разумному человеку, ибо не является добродетелью стяжание богатства, ни обретение которого, ни обладание которым не зависят от нас. Итак, в стяжании и обладании [земными благами] больше злого, чем доброго. 9. Стало быть, не может добродетель заключаться в поиске того, в пренебрежении чем состоят сила и смысл [самой] добродетели. И она не относится к тому, что должно попираться и изгоняться великой и выдающейся душой. Нельзя, чтобы душа, созданная для небесных благ, отвлекалась от своих бессмертных богатств ради стяжания этих тленных благ. Напротив, смысл добродетели состоит прежде всего в приобретении того,

¹ Здесь и далее в этой главе Лактанций последовательно разбирает процитированный в VI.5.3 отрывок из сочинения Луцилия.

что не мог бы у нас отнять ни один человек, ни даже сама смерть. 10. Итак, если бы они считали так, то следующая строка была бы верной:

Доблесть — способность познать настоящую цену богатства.

Эта строка имеет приблизительно тот же смысл, что и первые две. Однако ни сам Луцилий, ни какой-либо другой философ не могли знать, ни какова эта награда, ни что она собой представляет. Ибо этот поэт и все те, кому он следовал, полагали, что нужно правильно пользоваться богатствами, т. е. быть благоразумными, не устраивать пышных пиров, не раздавать беспечно семейное добро, не тратить его на бесполезные или непристойные вещи. 11. Возможно, кто-нибудь скажет: «Ты что? Неужели ты отрицаешь, что это добродетель?» Я, конечно, не отрицаю, ибо, если бы я отрицал, показалось бы, что я одобряю обратное. Но я отрицаю, что эта добродетель является истинной, ибо она не небесная, а целиком земная, к тому же она не дает ничего, кроме того, что пребывает на земле. Что же означает правильно пользоваться богатствами и какой результат следует ждать от них, я покажу более ясно, когда буду говорить о долге благочестия.¹

12. Впрочем, и остальные добродетели, которые перечислены [Луцилием] далее, никоим образом не являются истинными. Ведь *быть неприятелем людям зловердным и покровителем достойных* может быть связано со злом. 13. Ибо некоторые прокладывают себе путь к могуществу с помощью ложной скромности и совершают многое из того, что обычно делают добрые люди, причем совершают это охотнее, когда стараются ради обмана. О, если бы столь же легко было быть добрым, сколь легко добрым притворяться! 14. Но как только они начнут реализовывать свои планы и желания и достигнут высшей степени могущества, тогда, отбросив притворство, они обнажат свои нравы, начнут всех грабить, бесчестить, мучить, и будут преследовать тех честных людей, благодаря которым получили власть, и уничтожат те ступени власти, по которым поднялись на ее вершину, чтобы никто на их беду не смог уподобиться им. 15. Впрочем, предположим, что только добрый человек может решиться защищать добрых людей. Однако на

¹ См.: VI.11.

это легко решиться, но трудно осуществить, поскольку, когда ты завязываешь сражение или битву, во власти Бога, чтобы не на твоей стороне оказалась победа, и в большинстве случаев негодные люди и числом, и слаженностью более сильны, чем добрые, так что для одоления их нужна не столько добродетель, сколько удача. 16. Неужели кто-то не знает, сколько раз лучшая и более справедливая партия оказывалась побежденной? Отсюда граждане постоянно терпели над собой жестокое правление. 17. История полна всевозможных примеров, но мы ограничимся лишь одним. Гней Помпей хотел быть защитником честных граждан, ибо ради республики, ради сената, ради свободы он взялся за оружие. Но все же, побежденный, он погиб вместе со свободой и, убитый египетскими скопцами, был брошен без погребения. 18. Стало быть, добродетель заключается не в том, чтобы *быть неприятелем людям зловредным и покровителем достойных*, так как добродетель не может быть подвластна шаткой случайности.

19. *Сосредоточивать мысль всегда на пользе отчизны,*

не обращая внимания на человеческие распри, — это лишено всякого смысла. Ведь что другое представляет собой *польза отчизны*, если не отсутствие пользы для другого государства или для другого народа, т. е. расширение пределов отчизны, когда насильственно захватываются чужие земли, т. е. укрепление своей власти, когда взимается большая дань?¹ Все это вовсе не добродетели, но ниспровержение добродетелей. 20. Действительно, уничтожается согласие человеческой общности, искореняется невинность, презирается бескорыстие чужого, уничтожается, в конце концов, и сама справедливость. Она не может вынести раздора в роде человеческом, и где бы ни засверкало оружие, оттуда она неизбежно бежит и удаляется. 21. Правильно ведь сказано у Цицерона: «Те, кто утверждают, что надо считаться с согражданами, а не с чужеземцами, разрывают общий союз рода человеческого, с устранением которого полностью уничтожаются доброта, радушие, милосердие, справедливость».² 22. Ведь каким образом может быть спра-

¹ См.: Цицерон. О государстве. III.12.22.

² Цицерон. Об обязанностях. III.6.28.

ведливым тот, кто причиняет вред, кто ненавидит, кто грабит и убивает? Все это совершают те, кто стремятся принести пользу отчизне. Однако что означает приносить [истинную] пользу, не знают те, кто не считают ничего полезным и выгодным, кроме того, что может быть захвачено силой. Но все, что может быть захвачено, может быть и отнято. 23. Всякий, кто таким образом приобретет для отечества эти блага, как они их называют, т. е. уничтожив государства и истребив народы, набьет казну деньгами, захватит земли, обогатит сограждан, того превозносят похвалами до небес и видят в нем высшую и совершенную доблесть. Таково заблуждение не только народа и неискушенных людей, но и философов, которые даже преподают наставления в несправедливости, дабы неразумие и злоба не были лишены обоснования и авторитета.¹ 24. Итак, когда они рассуждают об обязанностях, относящихся к военному делу, вся эта полемика не касается ни добродетели, ни истинной справедливости, но лишь гражданской жизни и нравов, которые, как показывает дело и как свидетельствует сам Цицерон, не являются справедливостью. 25. «Однако у нас, — говорит он, — нет подлинного и ясного представления об истинном праве и о настоящей справедливости, и мы пользуемся лишь их тенью и подобием. О, если бы мы следовали хотя бы им! Ведь они проистекают из наилучших примеров, поданных нам природой и правдой».² Итак, то, что те философы считают справедливостью, является [лишь] ее тенью и подобием. 26. Что же? Не показывает ли он, что у философов нет никакой мудрости? «Когда Фабриция, — говорит он, — или Аристида называют справедливым, то как в тех [Дециях или в Сципионах] не ищут примера храбрости, так и в этих — примера справедливости. Никто из них не мудр так, как мы хотим понимать слово *мудрый*. 27. И те, кого считали и называли мудрыми — Марк Катон и Гай Лелий, — не были мудры, и даже [не были мудры] те семь мудрецов, но ввиду исполнения ими множества важных обязанностей, они несли в себе некое подобие и образ мудрых людей».³ 28. Если же у философов, судя по их

¹ См.: Цицерон. О государстве. III.12.23.

² Цицерон. Об обязанностях. III.17.69.

³ Там же. III.4.16.

признанию, нет мудрости, и у тех, кого считают справедливыми, нет справедливости, стало быть, все те определения добродетели являются ложными, ибо только справедливый и мудрый человек может знать, что является истинной добродетелью. Справедливым же и мудрым является только тот, кого небесными предписаниями наставил Бог.

7. 1. Итак, все, кто вследствие очевидной глупости других считаются мудрыми, увлеченные призраком добродетели, достигали лишь тень ее и подобие, но не действительную добродетель. Это происходило потому, что та ложная дорога, которая ведет к гибели, имеет множество тропинок вследствие многообразия учений и школ, которые в жизни людей непохожи друг на друга и даже друг другу противоположны. 2. Действительно, как та дорога мудрости имеет некоторое сходство с дорогой глупости, что мы продемонстрировали в предыдущей книге,¹ так и эта, хотя и является всецело дорогой глупости, имеет некоторое сходство с дорогой мудрости. Пусть усвоят это те, кто держатся общей глупости: дорога эта имеет как явные пороки, так и нечто, что кажется похожим на добродетель, и она несет как открытое преступление, так и некий образ и призрак справедливости. 3. В самом деле, каким бы образом проводник этой дороги, вся сила и могущество которого направлены на обман, смог всех ввести в заблуждение, если бы не показывал людям подобие истины? Бог же, чтобы та бессмертная тайна Его оставалась сокрытой, поместил на дороге Своей то, что люди отвергают в качестве злого и позорного, чтобы [некоторые люди], отвращенные от мудрости и истины, которую искали без какого-либо руководителя, попадали в то самое, чего хотели так избежать и от чего стремились отклониться. 4. Вот Он и показал, что дорога гибели и смерти многообразна, что существует множество способов [нечестиво] проводить жизнь и множество богов для почитания. 5. Лицемерный и коварный проводник этой дороги, чтобы было видно, что существует некоторая разница между ложью и правдой, злом и добром, по одной тропе ведет жаждущих наслаждений, по другой — тех, кого считают благоразумными, по одной — невежественных, по другой — просвещенных, по одной — праздных, по другой — деятельных, по одной —

¹ См.: V.14.

глупых, по другой — философов, причем всех их ведет не по одной тропе. 6. Действительно, тех, кто не чураются ни наслаждений, ни роскоши, он потихоньку отводит от той общей и многолюдной дороги, а тех, кто хотел бы следовать добродетели и заявляет о презрении к богатствам, тащит через ухабы и пропасти. 7. Однако все эти пути, которые несут на себе призрак блага, не что иное, как боковые дорожки и тропинки, которые хотя и кажутся ответвлениями от той общей правильной дороги, все же в конце концов выводят всех на дорогу лжи и приводят к одному исходу. 8. В самом деле, вождь тот соединил все дороги там, где необходимо было отделить добрых людей от злых, энергичных — от бездельников, разумных — от глупцов. Соединил, имеется в виду, в поклонении [ложным] богам, в котором он всех, поскольку они без всякой разницы [одинаково] глупы, закалывает одним [жертвенным] ножом и низводит к [вечной] смерти. 9. Та же дорога, которая является дорогой истины, мудрости, добродетели и справедливости, у которых один источник, одна сила, одна обитель, и которая является нераздельной, где с равными [между собой в благочестии] душами и в высшем согласии мы следуем за одним Богом и почитаем Его, является узкой, так как немногим дана добродетель, и крутой, поскольку благо, которое является высшим и возвышенным, нельзя достичь иначе, как с величайшими усердием и трудом.

8. 1. Это та дорога, которую ищут философы, но не могут найти, потому что ищут ее на земле, где ее быть не может. 2. И вот они блуждают, словно в огромном море, и не ведают, куда их уносит, ибо ни пути они не имеют, ни проводника. 3. А искать эту дорогу жизни следует так же, как в открытом море ищут путь корабли. Ведь они, если не видят никакого небесного света, плывут неизвестным курсом. 4. Всякий же, кто хочет держаться правильного пути в жизни, должен не на землю смотреть, а в небо, и, как я бы сказал более ясно, должен следовать не за человеком, а за Богом, служить не тем земным идолам, а небесному Богу, обращать все не к телу, а к душе, трудиться не ради этой жизни, а ради жизни вечной. 5. Итак, если ты постоянно будешь устремлять глаза в небо и смотреть туда, где восходит солнце, и если ты увидишь в нем как бы путеводителя своей жизни, то ноги сами собой отправятся в путь, и тот небесный свет, который для здоровых душ

является более ярким солнцем, чем то, которое мы воспринимаем смертной плотью, так будет тобою [верно] править, так [точно] вести тебя, что приведет к высшей пристани мудрости и добродетели без какого-либо скитания. 6. Итак, следует принять закон Божий, чтобы он наставил нас на этот путь, тот святой и небесный закон, который Марк Туллий в третьей книге *О государстве* воспел чуть ли не божественным голосом. Чтобы много не говорить, я приведу его слова: 7. «Истинный закон — это разумное положение, соответствующее природе, распространяющееся на всех людей, постоянное, вечное, которое, приказывая, призывает к исполнению долга, запрещая же, отпугивает от преступления. Оно, однако, ничего, когда это не нужно, не приказывает честным людям и не запрещает им и не воздействует на бесчестных, приказывая им что-либо или запрещая. 8. Предлагать полную или частичную отмену этого закона — кощунство. Сколько-нибудь ограничивать его действие — не дозволено. Отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем. И нечего нам искать Секста Элия, чтобы он разъяснил и истолковал нам этот закон. 9. И не будет одного закона в Риме, другого — в Афинах, одного — ныне, другого — в будущем. Нет, на все народы в любое время будет распространяться один извечный и неизменный закон, причем будет один общий как бы наставник и повелитель всех людей — Бог, создатель, судья и автор закона. Кто не понравится Ему, тот будет беглецом от самого себя и, презрев человеческую природу, тем самым понесет величайшую кару, хотя и избегнет других мучений, которые таковыми считаются».¹ 10. Какой знающий таинство Божие мог бы столь ясно объяснить закон Божий, как выразил его этот человек, весьма далекий от представления об истине? Я же считаю, что тех, кто говорят истинное, будучи несведущими, следует воспринимать как бы пророчествующими под вдохновением некоего духа. 11. Если бы Цицерон так же, как он, постиг силу и смысл священного закона, открыл бы и объяснил, на каких основаниях зиждется этот закон, он бы выступил не в качестве философа, а в качестве пророка. 12. Поскольку же он не мог этого сделать, это следует сделать

¹ Цицерон. О государстве. III.22.33.

нам, кому этот самый закон дан Тем единственным Учителем и всеобщим Правителем — Богом.

9. Первая глава этого закона — знать Самого Бога, одному Ему подчиняться, одного Его почитать. Ибо [в действительности] не может владеть разумом тот человек, кто не знает Бога, Родителя души своей, что является высшим грехом. Это неведение приводит к служению другим богам, преступнее которого ничего не может быть. 2. Отсюда уже скорый шаг к злодеянию через незнание истинного блага, поскольку Бог, Которого [грешник] не хочет знать, является источником добра. Даже если человек пожелает следовать справедливости, все же, не будучи сведущ в божественном праве, он примет законы своего племени, словно они являются истинным правом, законы, которые при всех обстоятельствах измыслила не справедливость, а выгода. 3. И в самом деле, почему у всех народов приняты различные и отличающиеся одни от других законы, но каждое племя установило для себя то, что оно признало полезным для себя? 4. В какой же мере польза расходится со справедливостью, дает понять сам римский народ, который, объявляя войны при посредстве фециалов,¹ нанося обиды [якобы] законным путем и всегда желая чужого и [в конечном итоге] захватывая его, завладел всем миром.² 5. В самом деле, они считают себя справедливыми, если ничего не совершают вопреки своим законам, что, однако, может быть приписано и страху, когда, боясь сущих наказаний, они воздерживаются от преступлений. 6. Но допустим, что они по природе или, как сказал бы поэт, по доброй воле совершали то, что заставляли делать законы. Неужели потому они справедливы, что подчинялись установлениям людей, которые сами и заблуждаться могли, и быть несправедливыми, как знаменитые создатели двенадцати таблиц, или, по крайней мере, приноравливались к выгоде государства сообразно требованиям времени?

7. Итак, одно является гражданским правом, которое повсюду различно сообразно нравам, другое является истинной справедливостью,

¹ Фециалы — члены жреческой коллегии в Риме, в чье ведение входили вопросы объявления войны и заключения мира или договоров с иными государствами.

² См.: Цицерон. О государстве. III.12.20.

которую Бог установил для всех одинаковой и простой. Кто же не знает Бога, необходимо не знает и самой справедливости. 8. Но предположим, что могло случиться так, что кто-то благодаря естественному и врожденному благу достиг истинных добродетелей, каким был, как мы слышали, Кимон у афинян, который и неимущим раздавал подаяния, и слабых поддерживал, и нагих одаривал одеждами.¹ Но поскольку он не имел того единственного [блага], которое является величайшим, т. е. знания Бога, то все те блага были бесполезны и пусты, так что он напрасно старался в совершении их. 9. Ибо вся справедливость его подобна человеческому телу, лишенному головы. Хотя в нем все члены находятся на своих местах, сохраняя его фигуру и внешность, все же, поскольку оно не имеет того, что превыше всего, это тело лишено и жизни, и всякой способности чувствовать. 10. Таким образом, те члены имеют только форму членов, но не имеют ценности, так же как голова без тела. Ей подобен тот, кто хотя знает Бога, все же живет несправедливо, ибо он имеет то единственное [благо], которое является высшим, но впустую, так как лишен добродетелей, как голова — членов тела. 11. Итак, чтобы тело было живым и чувственным, необходимы и познание Бога, как голова, и все добродетели, как тело. Так вот, человек может быть совершенным и живым, но все же вся сущность его в голове, которая хотя и не может существовать без всех членов, все же способна обходиться без некоторых из них. 12. И хотя он будет больным и немощным существом, все же будет живым, как тот, кто знает Бога и грешит в некоторых делах, ибо Бог допускает возможность греха. Итак, без некоторых членов можно жить, но без головы никак нельзя. 13. Это доказывает, что философы, хотя по природе добры, все же ничего не знают и ничего не понимают. Все их учение и добродетель без головы, так как они не ведают Бога, Который является главой добродетели и учения. Кто не знает Его, хотя и видит, но слеп, хотя и слышит, но глух, хотя и говорит, но нем. 14. Когда же человек познаёт Творца и Родителя мира, тогда и начнет и видеть, и слышать, и говорить. Ибо он обретет голову, которая содержит все органы чувств, т. е. и глаза, и уши, и язык. 15. В самом деле, видит тот, кто очами сердца взирает на

¹ Ср.: Цицерон. Об обязанностях. II.18.64.

истину, в которой заключен Бог, и на Бога, в Котором заключена истина; тот слышит, кто в душу свою впускает божественные речи и предписания, дарующие жизнь; тот говорит, кто, рассуждая о небесном, толкует о добродетели и могуществе единственного Бога.

16. Поэтому нет сомнений, что нечестив всякий, кто не знает Бога и кто все добродетели Его, которые, как он думает, имеет и проявляет, нашел на той смертоносной дороге, которая целиком является дорогой тьмы. 17. А потому напрасно кто-то будет себя благодарить за то, что творит эти пустые добродетели, ибо несчастен не только тот, кто лишен суших благ, но и глуп тот, кто попусту совершает великие труды в своей жизни. 18. Ведь когда нет надежды на бессмертие, которое Бог сулит усердным в Его религии, ради достижения которого необходимо проявлять добродетель и претерпевать всякие тяготы, тогда в самом деле нет ничего бесполезнее, чем совершать добродетельные поступки, которые лишь попусту доставляют человеку ущерб и тяготы. 19. Ведь если добродетель заключается в том, чтобы стойко переносить и преодолевать нужду, изгнания, боль и смерть, которые так устрашают всех [людей], что же в ней хорошего, почему философы говорят, что ее следует добиваться ради нее самой же? Конечно, бесполезно и глупо радоваться тяготам, если можно жить в покое. 20. Ибо если души смертны, если добродетель, когда разрушается тело, превращается в ничто, зачем нам избегать предоставляемых нам благ, словно мы неблагодарны или не заслужили того, чтобы наслаждаться божественными дарами? Чтобы получать эти блага, следует жить преступно и нечестиво, ибо за добродетелью, т. е. за справедливостью, следует бедность. 21. Стало быть, неразумен тот, кто предпочтет тяготы, труды и лишения отсутствию надежды, которая бы превосходила те блага, которыми в жизни наслаждаются другие. 22. Если же, как весьма правильно говорят философы, следует себя посвящать добродетели, поскольку нет сомнения, что человек рожден для нее, то должна быть некая большая надежда, которая бы давала великое и достойное возмещение за те беды и тяготы, которых требует добродетель. Именно так добродетель, поскольку сама по себе сурова, может быть обретена в расчете на благо, как если бы суровость свою возмещала более великим благом. 23. Равно так же следует воздерживаться от

этих сущих благ, как если бы были другие блага, еще бóльшие, ради которых стоило бы пренебрегать наслаждениями и переносить великие несчастья. Они же, как я учил в третьей книге,¹ являются не чем иным, как благами вечной жизни. Кто же может даровать ее, если не Бог, Который установил саму добродетель? 24. Следовательно, суть вещей в познании Бога и в поклонении Ему. В том вся надежда и спасение человека, то является первой ступенью мудрости, чтобы мы узнали, Кто является для нас истинным Отцом, и чтобы только Его одного мы удостаивали должным благочестием, чтобы мы Ему повиновались, преданно Ему служили. На исполнение этого должны быть направлены всякое действие, всякая забота и все труды.

10. 1. Я сказал, что должно воздаваться Богу. Теперь же я скажу, что должно совершать в отношении человека, хотя то самое, что ты должен совершать в отношении человека, совершается для Бога, так как человек есть образ Божий. 2. Ведь первая обязанность справедливости заключается в преданности Богу, вторая — в преданности человеку. Та первая обязанность называется религией, а эта вторая именуется милосердием или человечностью, которая является добродетелью [истинных] праведников и служителей Бога, ибо только в ней заключен смысл всей жизни. 3. Ведь Бог, Который не дал прочим животным разумности, сделал их более защищенными от нападения и опасностей благодаря природным покровам, а человека потому сотворил нагим и слабым, чтобы его скорее защищала разумность. Он дал ему, кроме прочего, чувство благочестия, чтобы человек заботился о [другом] человеке, чтобы уважал его, поддерживал и в любой опасности оказывал и доставлял ему помощь. 4. Итак, высшей связью между людьми является человечность. Того, кто разрывает ее, следует считать нечестивцем и как бы убийцей кровника. Ведь если мы все происходим от одного человека, которого сотворил Бог, то, конечно, мы все единокровны, и потому высшим злодеянием должна считаться ненависть [человека] к человеку, даже к преступнику. 5. Кроме того, Бог предписал, чтобы между нами никогда не было вражды, но вечно пребывала терпимость, разумеется, чтобы мы успокаивали тех, кто враждебны к

¹ См.: III.12.

нам, напоминая им о нашем родстве. 6. Равно если один Бог вдохнул в нас жизнь и одарил душой, кто же мы, если не братья? К тому же друг с другом мы связаны больше, ибо соединены душами, чем те, кто связан лишь телами. 7. Итак, не заблуждается Лукреций, когда говорит:

*Сеmeni мы, наконец, небесного все порожденья;
Общий родитель наш тот.*¹

8. Стало быть, должны считаться лютыми зверями те, кто причиняют вред человеку, кто вопреки закону человечности и всякому праву грабят, насилуют, истязают и убивают. Вследствие этой связи братства Бог учит нас никогда не совершать зло, а делать всегда добро. 9. Что означает делать добро, объяснил Сам Бог: оказывать помощь униженным и страждущим, давать пищу нуждающимся. 10. Поскольку Бог милостив, то Он захотел, чтобы мы были как бы общественными животными, и вот оттого мы сами должны думать о других людях. Мы не достойны избавления от опасности, если сами не придем на помощь; мы не достойны помощи, если сами отказываем в ней. 11. На этот счет нет никаких наставлений философов, ибо они, захваченные призраком ложной добродетели, отнимают сострадание у человека и, пока хотят исцелить, причиняют вред. 12. И хотя большинство из них признавало, что следует соблюдать общность человеческих уз, сами себя совершенно отделяли от нее холодностью своей бесчеловечной доблести. Стало быть, нужно также открыть это заблуждение тех, кто полагают, что никому ни в чем не следует помогать.

13. Они приводили не одну причину основания города [*urbis condendae originem*]. Одни говорят, что люди, первоначально происшедшие из земли, блуждая по лесам и полям, не будучи связаны друг с другом ни речью, ни правом и пользуясь ветками и травой как ложем, а пещерами и ямами — как домами, оказывались добычей диких зверей и более сильных животных. 14. Затем те люди, которые спаслись, хотя и получили ранения, видя, как их близкие были растерзаны хищниками, присоединились, поняв грозившую им опасность, к другим людям и молили [друг друга] о защите. Вначале они объяснялись знаками,

¹ Лукреций. О природе вещей. II.991–992.

затем стали делать первые попытки говорить, потом они, давая названия тем или иным отдельным вещам, понемногу усовершенствовались в своей речи. 15. Когда же они увидели, что им не защитить [свой] народ от диких зверей, они начали строить города, дабы обеспечить себе покой ночью и отвращать нападения диких зверей, не вступая с ними в схватки, а строя валы.¹ 16. О, фантазия, недостойная людей, которая порождает такие небылицы! Несчастливы и достойны сожаления те, кто глупость свою записывают и вручают памяти! 17. Они хотя и видели, что даже бессловесные животные обладают врожденными способностями, чтобы объединяться, находить друг друга, избегать опасностей, оберегать себя от зла, готовить себе лежа и убежища, все же решили, что люди могли, следуя только примерам, научиться тому, чего должны бояться, о чем заботиться, как поступать, и никогда бы не достигли между собой согласия и не усовершенствовались бы в речи, если бы не становились добычей зверей.

18. Иным людям это объяснение показалось нелепым, каким оно и было [на самом деле], и они говорили, что причиной объединения был не страх быть растерзанными дикими зверями, но скорее сама человеческая природа, и что объединились они потому, что природа человека избегает одиночества и стремится к объединению и союзу.² Разница между этими [теориями] невелика, ибо причины разные, а суть одна. 19. Итак, могло быть и так и этак, ибо [сами теории] не противоречат друг другу, но все же и та и другая никоим образом не могут быть признаны верными. Ибо люди не были рождены на всей земле из самой земли, словно посеянные из каких-то зубов дракона, как передают поэты, но Богом был сотворен один человек, и от этого человека вся земля наполнилась родом человеческим так же, как вновь потом [это произошло] после потопа. Последнего, по крайней мере, они не могут отрицать. 20. Так пусть же поймет тот, кто не лишен разума, что в начале не было подобной общности и никогда на земле не было людей, которые бы не разговаривали, за исключением младенцев. 21. Все же предположим, будто то, что навывдумывали досужие и вздорные старики,

¹ См.: Цицерон. О государстве. I.25.40.

² См.: Там же. I.25.40.

истинно, чтобы мы могли изблечь их своими доводами и суждениями. 22. Если ради того объединились люди, чтобы взаимной поддержкой восполнить свою слабость, то, значит, необходимо помогать человеку, который нуждается в помощи. 23. В самом деле, поскольку люди задумали и заключили этот союз с [другими] людьми ради защиты, то высшим злодеянием следует признать нарушение или несоблюдение этого договора, изначально давшего людям безопасность. 24. Ведь кто отказывается помогать, необходимо сам лишает себя помощи, так как тот, кто отказывается помочь другому, полагает, что сам ни в чьей помощи нуждаться не будет. 25. Тому же, кто отделяет и отлучает себя от единого целого, следует жить не по образу человека, но как зверю. Если же этого не может случиться, то необходимо любым способом беречь узы человеческого единства, ибо человек никак не может жить без [другого] человека. Сохранение же единства — в общности, т. е. в оказании помощи ради того, чтобы мы сами могли ее получить. 26. Если же, как рассуждают те другие, общность людей возникла из самой человеческой природы, то человек, конечно, должен узнавать [в человеке] человека. 27. Если это делали те грубые и еще дикие люди, и делали, еще не умея разговаривать, почему мы думаем, что это не должны делать образованные и связанные между собой общением по всевозможным вопросам люди, которые, свыкшись с [подобными себе] людьми, не могут переносить одиночества?

11. 1. Итак, следует сохранять человечность, если мы действительно хотим называться людьми. А что иное значит сохранять человечность, если не ценить человека, поскольку мы сами такие же люди? 2. Раздор же и распря не соответствуют смыслу человека, и прав в этом отношении Цицерон, когда говорит, что человек, повинующийся природе, не может причинить вред [другому] человеку.¹ Стало быть, если причинять человеку вред противно природе, то оказывать человеку помощь необходимо согласно природе. 3. Кто этого не делает, лишает себя звания человека, так как долг человечности — помогать человеку в нужде и опасности. 4. Вот я и спрашиваю у тех, кто не считают разумным сострадание и помощь: если вдруг человек, схваченный каким-либо

¹ Цицерон. Об обязанностях. III.5.25.

зверем, станет звать на помощь вооруженного человека, придет ли он на помощь, по их мнению, или нет? Они не столь бессовестны, чтобы отрицать, что нужно делать то, чего требует и к чему призывает человечность. 5. Также если кто-то будет охвачен огнем, завален в руинах, тонуть в море или в реке, неужели они сочтут, что не пришедший на помощь может быть назван человеком? Они сами перестали бы быть людьми, если бы сочли так, ибо любой может оказаться в такого рода ситуации. Напротив, они скажут, что [настоящий] человек и смелый муж обязан спасти погибающего. 6. Если же они соглашаются, что в подобных ситуациях, поскольку они угрожают человеческой жизни, прийти на помощь человечно, то почему же они не считают, что не следует помогать, если человек голоден, мучим жаждой, замерз? Хотя эти [ситуации] по природе равны с теми несчастными случаями и требуют одной и той же человечности, все же [люди] их разделяют, так как все оценивается [ими] не по сути, а исходя из сущей выгоды. 7. В самом деле, они надеются, что люди, спасенные ими из опасной ситуации, отблагодарят их, и в то же время считают, что все, что дается нуждающимся, поскольку воздаяния от них не получить, пропадает зря. 8. Отсюда и то безобразное высказывание Плавта:

*Дурную службу служит тот, кто бедняку дает на пропитанье:
Сам потеряет, что отдаст, и жизнь несчастную
продлит бедняге.¹*

9. Но, возможно, поэт привел эту фразу в соответствии с ролью. Что же? Марк Туллий в своих книгах *Об обязанностях* не утверждал ли того же самого, говоря, что совершенно не следует ничего дарить? Ибо он сказал: «Раздача, которую совершают из собственного имущества, истощает самый источник щедрости. Так щедрость уничтожается щедростью. И чем больше тех, по отношению к кому ты ее проявил, тем в меньшей степени ты сможешь проявлять ее по отношению к другим».² 10. И чуть позже: «Что неразумнее, чем стремление утратить возможность более долго делать то, что ты делаешь охотно?»³ Ясно,

¹ Плавт. Трехмонетчик. II.2.58–59 (Перевод наш. — В. Т.).

² Цицерон. Об обязанностях. II.15.52.

³ Там же. II.15.54.

что [этот] учитель мудрости удерживает людей от человечности и увещевает, чтобы они усердно берегли собственное имущество и предпочитали сохранять сундук, нежели справедливость. 11. Когда же он понял, что это бесчеловечно и нечестиво, вскоре в другой главе, словно движимый раскаяньем, сказал так: «Иногда все же следует давать деньги и нельзя отвергать совсем этот род щедрости, и достойным людям, пребывающим в нужде, следует давать из своего имущества».¹ 12. Что значит достойным людям? Надо полагать, тем, кто могли бы отблагодарить. Если бы Цицерон жил сейчас, я бы, конечно, воскликнул: «Здесь, именно здесь, Марк Туллий, ты отступаешь от истинной справедливости и устранишь ее одним словом, когда о долге благочестия и человечности судишь по полезности!» 13. Действительно, не достойным людям следует давать деньги, но, насколько это возможно, недостойным. Это, конечно же, было бы справедливо, благочестиво и человечно, ибо ты поступал бы, не уповая на воздаяние. Это и есть та истинная и подлинная справедливость, которой, как ты говоришь, совершенно нет у вас.² 14. Ты сам во многих местах восклицаешь, что купленная добродетель не является добродетелью,³ и признаешься в книгах твоих *Законов*, что [подлинная] щедрость является безвозмездной, в таких словах: «Нет сомнения, что тот, кто считается щедрым и добросердечным, следует долгу, а не выгоде».⁴ Зачем же ты предпочитаешь давать деньги достойным, если не для того, чтобы получить потом награду? 15. Итак, благодаря тебе, «поборнику и учителю справедливости», всякий, кто не является достойным, погибнет от нищеты, жажды и голода, и богатые и состоятельные до излишества люди не придут им на помощь [даже] в крайней нужде.

16. Если добродетель не требует награды, если, как ты говоришь, к ней следует стремиться ради нее самой, то оценивай справедливость, мать и главу добродетелей, по ее собственной цене, а не исходя из своей выгоды. Окажи помощь прежде всего тому, от кого ты ничего не ждешь. 17. Зачем ты отворачиваешься от лица? Зачем всматриваешься

¹ Цицерон. Об обязанностях. II.15.54.

² Там же. III.17.69; Божественные установления. VI.6.25.

³ См.: Цицерон. О законах. I.18.48.

⁴ Там же. I.18.48.

в члены? Ты должен считать человеком всякого, кто тебя просит потому, что считает тебя человеком. 18. Отбрось те тени и подобия справедливости и обрети истинную и подлинную добродетель.¹ Окажи помощь слепым, слабым, увечным и брошенным, тем, кто умрет, если им не помочь. Они бесполезны людям, но полезны Богу, Который сохраняет их живыми, дарует им дыхание, одаривает их светом. 19. Согрей, насколько можешь, проявляя человечность, души людей, чтобы они не угасли. Кто может прийти на помощь умирающему, но не приходит, тот убивает его. 20. Но те, кто ни природе не следуют, ни где награды не знают, боясь потерять [мнимое богатство], теряют [настоящее] и переживают то, чего особенно боялись, так что все, что они бы подарили, либо совершенно пропадает, либо служит недолго. 21. Ведь кто отказывает несчастным в малой милостыни, кто не желает проявить человечность не без ущерба для себя, растрчивает [небесное] наследство свое, чтобы либо добыть себе тленное и хрупкое, либо действительно [вообще] не добывается ничего без великих для себя убытков.

22. Что же сказать о тех, кто, движимый, [как и весь народ], легкомыслием, тратят на зрелища такие средства, каких хватило бы на содержание крупных городов, кроме того, что они сумасшедшие и безумцы? Они тратят на [увеселение] народа средства, при этом и сами их теряют, и никто из тех, на кого те средства потрачены, их не получает. 23. Действительно, поскольку всякое наслаждение кратко и преходяще, особенно наслаждение для глаз и ушей, то люди или забывают о нем и считают напрасными траты другого человека, или даже обижаются, если не удовлетворяется народный каприз, так что глупые люди получают зло за зло. Даже если они и удовлетворяют [очередной] народный каприз, ничего, кроме пустых рукоплесканий и разговоров на несколько дней, не получают. Так имущество ничтожнейших людей растрчивается изо дня в день на бесполезнейшие вещи.

24. Однако неужели более мудры те, кто совершают гражданам более полезные и более долговечные подношения, имеются в виду те, кто память имени своему создают созданием общественных зданий? Они

¹ Цицерон. Об обязанностях. III.17.69; Божественные установления. VI.6.25.

также поступают неверно, что зарывают богатства свои в землю, так как всякая память бесполезна мертвым, и труды их не вечны. Ведь они могут или разрушиться и рассыпаться от одного лишь землетрясения, или погибнуть от случайного пожара, или быть снесены в результате какого-либо нападения врага, или прийти в упадок от обычной ветхости. 25. «Нет ничего, — говорит [знаменитый] оратор, — созданного трудом и руками, что не истреблялось бы и не пожиралось бы старостью. И только справедливость и кротость будут процветать изо дня в день».¹ 26. Гораздо лучше те, кто делают раздачу своим клиентам и товарищам по трибе (в самом деле, они хоть что-то дают людям и оказывают им помощь), но и это не является истинной и справедливой щедростью. Ведь нет никакого благодеяния там, где нет к нему необходимости. 27. Стало быть, все то, что даруется ради воздаяния не нуждающимся или что возвращается с прибылью, пропадет и не будет благодеянием. Даже если этот дар приятен тем, кому дается, все же он несправедлив, ибо если бы его не было, то ничего плохого бы не случилось. 28. Существует одна истинная обязанность милосердия — поддерживать неимущих и неспособных воздать [за нее материально].

12. 1. Это та совершенная справедливость, которая сохраняет человеческую общность, о которой говорят философы, это великий и истинный плод богатства: использовать нажитое не для собственного лишь наслаждения, но для спасения многих, не ради сушей выгоды, а ради справедливости, которая единственная не погибнет. 2. Стало быть, всеми способами следует добиваться, чтобы обязанность милосердия не имела никакой надежды на воздаяние, ибо следует ждать награду за это, т. е. за исполнение этой обязанности, от одного лишь Бога. Ведь если ты будешь ждать вознаграждение от человека, то это уже не будет человечностью, а [некой] ссудой за милость. Нельзя считать, что делает добро тот, кто совершает что-то не для другого, а ради себя. И все возвращается к тому, что каждый то, что дарует другому, не надеясь при этом ничего от него получить, на самом деле дарует [как бы] себе, так как обретет награду от Бога. 3. Бог повелел, чтобы мы, если когда-нибудь решим устроить трапезу, приглашали на нее тех, кто не сможет

¹ Цицерон. В защиту Марка Марцелла. IV, 11.

пригласить в ответ и воздать должное, чтобы каждый поступок нашей жизни был бескорыстен.¹ 4. И все же пусть никто не думает, что ему запрещено общение с друзьями или привязанность к близким, но Бог открыл нам, что является истинным и справедливым поступком. С близкими нам нужно жить так, чтобы мы не знали, что [из того, что делается нами], относится к человеку, а что — к Богу.

5. Итак, гостеприимство также является исключительной добродетелью, что подтверждают даже философы, но они отрывают его от истинной справедливости и сводят к выгоде. «Справедливо, — говорит Цицерон, — Теофраст восхваляет гостеприимство, ибо, как мне кажется, прекрасный дом славного человека должен быть открыт для славных гостей».² 6. Он вновь совершил ту же ошибку, что и тогда, когда сказал, что деньги следует давать лишь достойным людям.³ Ибо дом справедливого и разумного мужа должен быть открыт не для славных, а для униженных и презренных. Ведь те славные и могущественные гости не могут ни в чем нуждаться, их укрепляет и прославляет собственное состояние. 7. Праведный же муж не должен ничего совершать, кроме благодеяния. Но если за благодеяние ожидается воздаяние, то оно перестает быть [благодеянием] и мы лишаемся его. Ибо не можем мы иметь того, что продали. 8. Значит, [лишь] в тех благодеяниях пребывает смысл справедливости, которые будут оставаться цельными. Сохранять же их цельными — значит оказывать их тем людям, которые никоим образом не могут принести выгоды. 9. Но тот [Теофраст] от приема славных гостей ничего другого не ждет, кроме выгоды, и этот остроумный человек [Цицерон] не скрывал, что нужно надеяться из этого извлечь выгоду. В самом деле, он говорит: «Кто так поступает, в глазах чужеземцев окажется могущественным человеком через посредство их повелителей, которых он принимает у себя в качестве гостей и друзей».⁴ 10. О, сколь многими доводами можно изобличить непостоянство Цицерона, если бы я взялся за это! Причем оно

¹ Лк. 14.12–14.

² Цицерон. Об обязанностях. II.18.64.

³ См.: Цицерон. Об обязанностях. II.15.54; Божественные установления. VI.11.11.

⁴ Цицерон. Об обязанностях. II.18.64.

изобличается не столько нашими, сколько собственными его словами. Ибо он говорил, что всякий человек, когда, что бы он ни совершал, делает это ради собственной выгоды, вовсе не является добрым мужем.¹ 11. Он же говорит, что простому и открытому мужу несвойственно юлить, скрывать что-либо, обманывать, делать вид, что он не поступает так, как поступает, не приличествует ему притворяться, что старается он для другого, в то время как старается ради себя, но это свойственно скорее человеку хитрому, лукавому, коварному и лживому.² 12. Каким же образом он опровергнет то, что это тщеславное гостеприимство не является порочным? Ты бежишь ко всем воротам, чтобы пригласить в свой дом знатных иностранцев, прибывающих в город, с целью обрести через них у их сограждан славу могущественного человека, и при этом ты хочешь считаться справедливым, человеколюбивым и гостеприимным мужем, думая о собственной пользе? 13. Но сведущий и образованный муж поймал себя в эти сети не по беспечности, — это мало подходит к Цицерону, — но по незнанию *истинного права*.³ 14. Чтобы его могли простить за это, он сам свидетельствует, что дает [свои] наставления не в отношении истинной справедливости, а лишь в отношении *тени и подобия справедливости*.⁴ Стало быть, надо простить учителя, пребывающего в тени и среди призраков, и не требовать истины от того, кто сам признаёт, что не знает ее.

15. Выкуп пленных является великой и прекрасной обязанностью справедливости, с чем соглашается тот же самый Туллий. «Эта доброта, — говорит он, — состоящая в выкупе пленных из рабства и в помощи неимущим, полезна также для государства. Это обыкновение проявлять доброту я ставлю прежде щедрости при устройстве зрелищ, оно свойственно людям строгих правил и великим».⁵ 16. Итак, кормить нищих и выкупать пленных является неотъемлемым свойством справедливых людей, пусть даже у несправедливых те, кто поступают подобным образом, именуются людьми строгих правил и великими. Именно

¹ Цицерон. О законах. I.18.49.

² Там же. I.30.109.

³ Там же. III.17.69.

⁴ Там же.

⁵ Там же. II.18.63.

тех в первую очередь следует благодарить, кто совершает добро, хотя никто от них этого не ждет. 17. В самом деле, кто совершает доброе дело для родственника, близкого или друга, либо не заслуживает вовсе никакой похвалы, либо заслуживает весьма незначительную, ибо он должен так поступать и был бы нечестивцем и негодяем, если бы не совершил того, что требуют от него природа и тесная дружба. Если он и совершает добрый поступок, то не столько ради стяжания похвалы, сколько ради того, чтобы избежать порицания. 18. Кто же вершит добро для чужого и незнакомого человека, тот действительно достоин похвалы, так как к совершению добра движим единственно только человеколюбием. Стало быть, там пребывает справедливость, где совершение доброго поступка не обременено необходимостью. 19. Итак, это обыкновение проявлять доброту Цицерон вовсе не должен был ставить прежде щедрости при устройстве [общественных] зрелищ. Предпочитать — значит, сопоставив, выбрать из двух благ лучшее. 20. Но та щедрость людей, тратящих свои богатства на зрелища, суть пуста, ничтожна и весьма далека от всякой справедливости. Стало быть, не следовало ему даже упоминать о раздачах во время зрелищ, в ходе которых получают [деньги] только те, кто этого не заслужил.

21. В не меньшей степени великой обязанностью добродетели является забота и опека сирот, вдов, покинутых и нуждающихся в помощи. Именно это предписывает божественный всеобщий закон, так что все добрые судьи считают своим долгом, следуя природному человеколюбию, поддерживать таких людей и стараться им помочь. 22. Воистину, такие поступки свойственны нам [в наибольшей степени], т. е. тем, кто услышал закон и слова самого Наставника — Бога. В самом деле, хотя те [философы] и знают, что справедливый человек по своей природе заботится о лишенных, но не понимают, почему так происходит. 23. Ведь Бог, чья снисходительность непреходяща, для того повелел поддерживать и защищать вдов и сирот, чтобы забота и сострадание о своих близких не удерживали никого от готовности принять смерть за справедливость и веру; чтобы всякий безотлагательно и решительно шел на смерть, зная, что близких своих он оставляет Богу и тем всегда будет оказана помощь. 24. Помогать и оказывать поддержку больным, у которых нет близких, которые бы им могли помочь, также является

проявлением высшей человечности и великим делом. Кто делает это, тот приносит живую жертву Богу и то, что на время дает другому, получит навечно от [Всевышнего] Бога.

25. Последняя и великая обязанность благочестия — погребение чужеземцев и бедняков. Те же учителя добродетели и справедливости совершенно не касаются этого. В самом деле, этого долга не могут видеть те, кто все должные поступки измеряют полезностью. 26. Ведь в отношении прочих обязанностей, которые были названы выше, хотя они и не видели точной разницы [между ними], все же, поскольку обнаруживали в них нечто полезное, были недалеки от истины, словно удерживаемые неким веянием правды. Эту же обязанность, поскольку ничего полезного [для себя] в ней не видели, они обошли молчанием. 27. Немало было даже тех, кто погребение [чужеземцев] считал излишним и кто говорил, что нет ничего плохого в том, чтобы оставить человека непогребенным и брошенным. Нечестивую их мудрость не только отверг весь род человеческий, но и божественные голоса [пророков], которые повелевают совершать эти погребения. 28. Хотя те философы не дерзнули говорить, что погребать не нужно, однако, если вдруг погребения не происходило, они говорили, что в этом нет ничего плохого. В этом вопросе они выступали не столько учителями, сколько утешителями, чтобы мудрый муж не счел бы себя несчастным, если вдруг это с ним случится. 29. Мы же говорим, что мудрец должен это не переносить стойко, а сам обязан это делать. Итак, мы не будем теперь рассуждать, полезно ли погребение или нет, но даже если бы оно было бесполезным, как полагают те философы, все же его следует совершать хотя бы ради того только, чтобы в глазах людей хорошо и по-человечески выглядеть. Ибо душа открывается [в делах], и [ясно] определяется [ее скрытое от взоров] намерение. 30. Итак, мы не допускаем, чтобы образ и подобие Божие оставалось брошенным на съедение зверям и птицам, но предаем его земле, из которой он был создан. И сколь угодно [часто] мы будем исполнять в отношении чужого человека долг его близких, место которых, когда их нет, займет [наше] человеколюбие. И где бы ни погибал человек, там, полагаем мы, требуется наш долг. 31. В чем же больше справедливости, как не в том, чтобы то, что мы совершаем, движимые любовью, в отношении своих родных, совер-

шали бы в отношении и других людей, следуя человеколюбию? Это гораздо вернее и правильнее, поскольку совершается уже не для человека, который ничего не чувствует, а единственно для Бога, самая дорогая жертва для Которого — праведный поступок.

32. Кто-нибудь, наверное, скажет: «Если я все это буду делать, я всего лишусь. Ведь как же? Если многие люди окажутся в нужде, озябнут, попадут в плен или умрут, неужели я, чтобы проявить милосердие, растрочу имущество, нажитое мною и трудом предков, так что уже мне самому придется жить, рассчитывая на чужое милосердие?» 33. Что же? Ты в столь мелочной душе держишь страх перед бедностью, которую славят ваши философы и безопаснее и безмятежнее которой, как они свидетельствуют, ничего нет? То, чего ты боишься, есть пристанище от тревог! 34. Или ты не знаешь, что с этим несчастным богатством ты подвержен бедам и напастям? Было бы хорошо, если бы оно исчезло без твоего кровопролития. Ты же идешь, навьюченный добычей, и несешь трофеи, которые возбуждают [корыстью] даже души твоих друзей. 35. Почему же ты не решаешься правильно распорядиться тем, что тебя может лишит или разбойник, или случайная проскрипция, или какое-нибудь нападение врагов? Почему ты боишься сделать непрочное и тленное вечным или вверить богатства свои под защиту Бога, где не страшен ни вор, ни грабитель, ни ржа, ни тиран?¹ Кто богат у Бога, тот никогда не может быть беден. 36. Если бы ты обнаружил такую справедливость, то, сбросив бремя, которое гнетет тебя, сам освободил бы себя от цепей и оков, чтобы беспрепятственно последовать к Богу. Великой и возвышенной душе свойственно презирать и ненавидеть смертное.² 37. Но если ты лишен той добродетели, чтобы богатства свои возложить на алтарь Бога, чтобы [уметь] сравнивать хрупкое с более прочным, я освобожу тебя от страха. Все те предписания даются не тебе одному, но всему народу, который связан образом мыслей и слит воедино, словно один человек. 38. Если ты не имеешь достаточных сил, чтобы вершить справедливость, все же в стремлении к этому ты настолько должен превосходить других, насколько превосходишь

¹ Ср.: Мф. 6.19–21; Лк. 12.33.

² Ср.: Цицерон. Об обязанностях. III.5.24.

в богатстве. 39. Не подумай, что я уговариваю тебя растрачивать и расплять свое семейное имущество, но я наставляю тебя, чтобы ты обратил на лучшее ту часть, что тратишь бесцельно. На те деньги, что ты расходуеть на покупку зверей, [лучше] выкупи пленных, на те средства, на которые ты этих зверей кормишь, накорми бедных, на те деньги, на которые ты снаряжаешь гладиаторов, похорони невинных. 40. Какая польза в том, что ради безмерного распутства создаются роскошные зверинцы и готовятся [в них несчастные животные] для нечестивого зрелища? Обрати то, что пропадет зря, на великое пожертвование, чтобы за истинные дары обрести от Бога вечный дар. 41. Велика награда за милосердие тому, кому Бог обещает простить все грехи его. «Если, — говорит Он, — услышишь ты мольбы обращающегося к тебе, то и Я услышу тебя. Если ты будешь милосерден к испытывающим нужду, то и Я в нужде твоей буду милосерден. Если же ты не будешь проявлять о них заботу и оказывать им помощь, то и Я душу твою обращу против тебя и предам тебя суду по твоим же законам».¹

13. 1. Так вот, сколько бы раз ни обращались к тебе с просьбами, поверь, что это проверка тебя Богом, достоин ли ты быть услышанным Им. Загляни в себя и, насколько возможно, исцели раны свои. И все же, поскольку грехи уничтожаются щедростью, не подумай, что тебе дано право грешить. Они не устраняются, если ты потому щедр, что грешен. 2. В самом деле, если ты совершаешь грех, надеясь потом проявить щедрость, это не уничтожит грех. Бог ведь стремится, чтобы человек избавился от греха, и потому повелевает раскаиваться. Раскаиваться же — значит признавать [грех] и обещать, что грешить впредь не будешь. 3. Так вот, прощение обретет [лишь] тот, кто впал в грех по незнанию и по неосторожности. Но не получит прощения тот, кто грешит осознанно. И тем не менее, если кто-нибудь очистится от всякого греховного пятна, пусть не считает, что теперь он должен воздерживаться от щедрости, поскольку не имеет, мол, греха и его не нужно искупать. 4. Напротив, тогда следует вершить праведные дела, когда становишься праведным, чтобы то, что прежде делал для излечения ран, совершать теперь для прославления и возвеличивания добродетели.

¹ Ср.: Лк. 6.36–38.

5. К этому добавляется еще то обстоятельство, что никто не может быть безгрешен, пока облачен покровом плоти. Нemoшь ее трояким образом открыта воздействию греха: через деяние, через слово и через мысль. Через эти ступени справедливость восходит к высшей точке. 6. Первая ступень справедливости означает не допускать дурных поступков, вторая — скверных слов, третья — даже мысли о дурных делах. 7. Кто поднимается на первую ступень, тот достаточно справедлив; кто на вторую — человек уже совершенной добродетели; кто на третью, тот представляется уже подлинно достигшим подобия Божия. 8. В самом деле, выше человеческой меры не допускать даже в мыслях того, что и совершать скверно, и говорить негоже. 9. Итак, даже справедливые люди, которые могут себя удерживать от всякого несправедливого поступка, подчас все же побеждаются брeнностью, так что в гневе говорят дурное и втайне порой жаждут наслаждений. 10. И вот, поскольку смертная участь не допускает того, чтобы человек был чист от всякого позора, грехи плоти должны уничтожаться постоянной щедростью. 11. Стало быть, долг мудрого и праведно живущего человека один — тратить свои богатства единственно на справедливость. Тот, кто в самом деле ей следует, пусть даже он превосходит в богатстве Крез или Красса,¹ должен считаться нищим, голым и жалким. 12. Значит, нам нужно стараться, чтобы облачились мы в одеяние справедливости и благочестия, которого никто не снимет с нас и которое будет вечно нас украшать. 13. Ведь если почитатели богов прославляют бесчувственные образы и несут им все, что им дорого, хотя те и не могут всем этим пользоваться и не способны отблагодарить за эти дары, то насколько справедливее и вернее почитать живые подобия Бога, чтобы снискать милость Живого Бога? 14. Как люди смогут использовать все то, что получают в дар, и воздадут благодарность, так и Бог, пред очами Которого ты вершишь добро, одобрит и воздаст за милосердие.

¹ Крез — царь Лидии (560–547 гг. до н. э.), был известен своим богатством и щедростью. Лициний Красс — римский политический деятель (115–53 гг. до н. э.), сторонник Суллы; в ходе сулланских проскрипций нажил огромное состояние, за что был прозван Богатым; известны его щедрые публичные трапезы.

14. 1. Если же очевидным и превосходным благом для человека является милосердие и если божественные свидетельства и общее мнение хороших и плохих людей подтверждает, что это — лучшее благо, то очевидно, что философы были далеки от [знания истинного] человеческого блага, ибо они никому не предписывают совершать ничего подобного и сами этого не совершают, а добродетель, которая для человека является чуть ли не исключительной, считают пороком. 2. Хотелось бы поместить здесь одно суждение о философии, чтобы полнее изобличить заблуждение тех, кто милосердие называет жадностью, страхом и болезнями души. 3. Причем философы пытаются при этом отделить добродетели от пороков, что, конечно, очень легко. Ибо кто не сможет отличить щедрого от расточительного, как они делают, бережливого — от скряги, безмятежного — от бездельника, осторожного — от пугливого, если то, что является благом, имеет свои пределы? Если [добродетели] выйдут за них, то превратятся в пороки, как, например, твердость, когда она служит не только защите истины, превращается в безрассудство. 4. Твердость, если она не вызвана никакой необходимостью и без достойной причины ведет к верному риску, превращается в безрассудство. Воля, если больше притесняет других, нежели сопротивляется притесняющим, становится упрямством. И строгость, если она не удерживается в пределах наказаний, достойных преступников, превращается в свирепую жестокость. 5. И вот философы говорят, что те, кто считаются плохими, грешат не по собственной воле и не [осознанно] предпочитают плохое, но, заблуждаясь, будучи добрыми, впадают во зло, не видя разницы между добром и злом. 6. Эти добродетели, хотя и не являются ложными, все же относятся целиком к телу. Ведь быть бережливым, постоянным, осторожным, безмятежным, смелым и строгим хотя и является добродетелью, но добродетелью этой временной жизни. Мы же, поскольку презираем эту жизнь, считаем добродетелями другие, предложенные нам [Самим Богом], о которых философы не могли даже догадываться. 7. Вот они и считают некоторые добродетели пороками, а некоторые пороки — добродетелями. В самом деле, стоики отнимают у человека все страсти, из-за которых смущается душа: вождление, ликование, страх и печаль. Из них первые две исходят от блага, настоящего или будущего, последние — от зла.¹ 8. Итак, все эти четыре

страсти они, как я говорил, называют болезнями, присущими не столько от природы, сколько приобретенными в результате неверных суждений, и потому стоики считают, что их можно совершенно искоренить, если будет отвергнуто ложное представление о добре и зле. 9. Дескать, если бы мудрец ничего не считал ни добром, ни злом, его не одолевала бы похоть, не охватывало бы ликование, он не поддавался бы ни страху, ни печали. 10. Скоро мы увидим, добиваются ли они того, чего хотят, или, по крайней мере, увидим, чего добиваются, имея дерзкое и почти нелепое намерение, ибо они считают, что могут исцелить [сами себя] и идти против силы и смысла природы.

15. 1. То, что эти страсти являются в действительности природными, а не зависят от воли, доказывает сущность всех живых существ, подвластная всем этим страстям. 2. Перипатетики более точны, когда отрицают то, что люди могут [самостоятельно] искоренить страсти, которые на самом деле рождаются вместе с нами, и когда показывают, сколь обдуманно и сколь целесообразно Бог или, как они говорят, природа наделили нас этими страстями. При этом страсти, хотя по большей части они и порочны, могут, даже если они чрезмерны, без вреда [для человека] сдерживаться им, так чтобы в человеке их было столько, сколько необходимо природе.² 3. Не лишено разумности это суждение, если, как я уже сказал, все обращено не к этой жизни [non ad hanc vitam]. Стоики же безумны, ибо не сдерживают страсти, но искореняют их и хотят некоторым образом оскотить человека, лишив его того, что он получил от природы. Это все равно как если бы они захотели отнять у оленей страх, у змей — коварство, у диких зверей — гнев, у домашних животных — кротость. В самом деле, все те страсти, которые порознь даны бессловесным животным, даны и человеку. 4. Ведь если, как утверждают медики, чувство радости скрыто в селезенке, гнев — в желчном пузыре, вождление — в печени, а страх — в сердце, то легче убить живое существо, чем вырвать что-либо из сердца (т. е. стремиться изменить природу живого существа). 5. Но просвещенные люди не сознают, что когда они отнимают у человека пороки, они лишают

¹ См.: Цицерон. Тускуланские беседы. IV.6.11.

² Ср.: Там же. IV.19.43–20.46.

себя также добродетели, единственно для которой освобождают место. В самом деле, если добродетель состоит в том, чтобы обуздывать себя и сдерживать в пылу гнева, чего не могут отрицать [стойки], то лишен добродетели всякий, кто лишен гнева. 6. Если добродетель заключается в том, чтобы не давать воли телесному вожделению, то с необходимостью лишен добродетели тот, кто лишен вожделения, которое бы он умерял. Если добродетель в том, чтобы укрощать страсть к обретению чужого, то никакой, конечно, не может иметь добродетели тот, кто не имеет той страсти, к удержанию которой прилагаются усилия добродетели. 7. Стало быть, там, где нет пороков, нет места и добродетели, подобно тому, как нет места победе там, где нет никакого соперника. Так вот и получается, что в этой жизни добро не может быть без зла. 8. Страсть, следовательно, является как бы природным плодородием для души. Ведь как поле, которое от природы плодородно, зарастает терниями, так и невзрачная душа, словно колючками, покрывается само собой появляющимися, [т. е. от природы], пороками. Но как только придет истинный пахарь, тотчас, как будут удалены тернии, появятся плоды добродетели. 9. Итак, Бог, когда сотворил первого человека, с удивительной прозорливостью наделил его прежде этими порывами души, чтобы тот мог использовать добродетель, как пашню — обработку, и поселил материю пороков в страстях, а материю добродетели в пороках. В самом деле, никакой добродетели бы не было или она была бы бесполезна, если бы не было того, через что проявлялась бы и явствовала ее сила.

10. Посмотрим же теперь, к чему еще пришли те, кто совершенно искореняли пороки. Поскольку они признают, что те четыре страсти, которые, как они полагают, рождаются из [неверного] суждения о добре и зле и через искоренение которых, как они считают, мудрец должен лечить душу, рождены природой и без них ничего не может ни совершаться, ни происходить, то ставят на их место некоторые другие. Вместо вожделения они помещают желание, будто бы страстно жаждать блага не многим лучше, чем желать зла. Равно вместо ликования — радость, вместо страха — осторожность.¹ 11. Но в отношении четвертого

¹ Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы. IV.6.12–14.

улучшения человека разум их подводит. Дело в том, что они совершенно устраняют печаль, т. е. горе и скорбь, что никак невозможно. 12. В самом деле, кто может не скорбеть, когда родину истощает чума, опустошает враг или попирает тиран? Может ли кто-то не печалиться, если увидит надменную свободу, если увидит близких, друзей, мужей добрых изгнанными или жестоким образом убитыми? Если, конечно, ум такого человека не извратился настолько, что он лишился всякого чувства. 13. А потому или все страсти должны быть истреблены, или должно быть дополнено это скудное и несовершенное суждение, а именно и вместо печали следовало бы предложить что-то другое, поскольку это вытекает из их вышеприведенных рассуждений. Ведь подобно тому, как мы ликуем по поводу сущего блага, мы удручаемся и печалимся по поводу злого. 14. Если же стойки дали другое имя ликованию, поскольку считают его порочным, то и печали, поскольку и ее они считают порочной, подобает дать другое наименование. Отсюда ясно, что проблема состоит не в сути, а в слове. Из-за его нехватки, несмотря на которую природа проявляет себя, стойки хотели истребить эту страсть [целиком], которая, безусловно, является великой. 15. В самом деле, я мог бы многими аргументами изобличить те изменения имен и показать либо то, что многие имена придаются одним и тем же явлениям ради украшения и обогащения речи, либо то, что имена эти не слишком отличаются друг от друга. Ведь и вождение берет начало от желания, и осторожность рождается от страха, а ликование не что иное, как открытая радость. 16. Но сочтем, что они и сами хотят, чтобы чувствовалась разница. Ибо ведь они говорят, что вождение — это настойчивое и постоянное желание, ликование — чрезмерно проявленная радость, страх же — избыточная и превышающая меру осторожность. Так выходит, что то, что, по мнению стойков, следует уничтожать, они не уничтожают, а смягчают, ибо ведь они меняют только имена, собственно же суть оставляют. 17. Стало быть, несведущие [в истине] стойки приходят к тому же самому, к чему приходили перипатетики, а именно, что пороки, поскольку их нельзя искоренить, следует умерять. Итак, стойки заблуждаются, поскольку не добиваются того, чего хотят, и долгим и извилистым путем возвращаются на ту же самую дорогу.

16. 1. Но я считаю, что не достигли истины и перипатетики, которые соглашаются, что пороки существуют, но более или менее умеряют их. В самом же деле следует воздерживаться даже от умеренных пороков. 2. Действительно, лучше было бы прежде добиться, чтобы не было пороков, ведь ничто не рождается неправильным, но, если мы дурно пользуемся страстями, появляются и пороки, если же правильно — добродетель. 3. Затем следовало указать, что сдерживать нужно не сами страсти, а их причины. Не следует, говорят они, чрезмерно ликовать, радоваться нужно умеренно и сдержанно. Это все равно что они сказали бы, что не нужно слишком спешить, а идти нужно спокойно. Но может и тот, кто шагает медленно, заблудиться, и тот, кто спешит, держаться правильного пути. 4. Что же? Если я покажу, что есть ситуации, когда неуместно радоваться не то чтобы умеренно, но и маломальски, и, наоборот, есть ситуации, когда даже прыгать от радости не преступно, что же нам даст эта умеренность? 5. Я спрашиваю, считают ли они, что мудрецу подобает радоваться, если он увидит, что что-то дурное случилось с его недругом, или же он должен обуздывать радость, если после победы над врагами и уничтожения тирана к гражданам придет свобода и благополучие? 6. Никто не усомнится, что было бы большим преступлением и в первом случае веселиться, даже маломальски, и во втором лишь чуть-чуть проявлять радость. Равным образом можно сказать и о других страстях.

7. Но, как я уже говорил, смысл мудрости в обуздании не страстей, а их причин, так как страсти возникают извне, и не им непосредственно нужно надевать упряжь, поскольку и незначительные страсти могут быть при великом преступлении, и большие — вне преступления. Но страсти должны проявляться в соответствующее время, ситуации и месте, чтобы страсти, которыми можно пользоваться правильно, не стали пороками. 8. Ведь как благом является идти верно, а бедой — блуждать, так и возбуждать страсти при верных обстоятельствах является благом, а при неверных — злом. 9. В самом деле, влечение, если оно проявляется в отношении законного супруга, пусть даже оно пылкое, не несет в себе греха, если же оно проявляется в отношении другого человека, пусть даже незначительно, является большим прегрешением. 10. Итак, не является прегрешением ни гневаться, ни жадать,

ни проявлять влечение, но прегрешением является быть гневливым, жадным, похотливым. Ибо тот, кто гневлив, гневается также и на то, на что не следует гневаться, или тогда, когда гневаться не должно; тот, кто жаден, жаждет также и то, чего нельзя; тот, кто похотлив, сладострастен также в отношении того, к кому проявлять влечение противоречит законам. 11. Итак, все рассуждение должно сводиться к тому, что, поскольку силу этих страстей невозможно сдерживать, да и не нужно сдерживать, ибо они от рождения даны для исполнения жизненных функций, нужно стремиться на правильную дорогу, чей путь лишен ошибок и рисков.

17. 1. Однако я стремлюсь продолжить дальше изобличение, поскольку рассмотрение вопроса показывает: то, что философы считали пороками, не только пороками не являются, но и оказываются великими добродетелями. Из них ради их же убеждения я возьму то, что, как я считаю, непосредственно относится к делу. 2. Страх или боязнь они помещают в число великих пороков и считают их немощью души, противоположность которых — смелость; если у человека была бы смелость, то не было бы никакого места страху. 3. Неужели же кто-то верит, что может быть так, чтобы тот же самый страх оказался великой смелостью? Вовсе нет. Ведь никому не кажется, что природа потерпела бы то, чтобы нечто превращалось в свою противоположность. 4. Однако я без какого-либо выразительного умозаключения, как это делает у Платона Сократ, который заставляет тех, с кем ведет спор, признать то, что они отрицали, но очень просто покажу, что великий страх является великой добродетелью. 5. Никто не станет сомневаться, что боязнь бедности, изгнания, тюрьмы или смерти является пороком слабой и робкой души; всякий, кто не страшится этого, считается весьма смелым человеком. Кто же боится Бога, тот совершенно ничего не боится. 6. Для доказательства этого не нужны аргументы. Ведь повсюду известны и до сих пор по всей земле видны истязания почитателей Бога, в ходе которых придумываются новые невиданные способы пыток. 7. И действительно, о видах смерти душа даже вспоминать боится, когда истязание лютых зверей свирепствует больше самой смерти. Но все же счастливая и неодолимая терпеливость переносит эти страшные страдания тел без всякого стога. 8. Эта добродетель являла всем наро-

дам, провинциям и самим мучителям великое чудо, когда терпеливость одерживала верх над жестокостью. 9. Но эту добродетель создал именно страх перед Богом. Итак, страх, как я говорил, нужно не искоренять, как стойки, и не умалять, как хотят перипатетики, но направлять на верную стезю, и нужно избавляться от боязней, но так, чтобы осталась только эта одна, [т. е. перед Богом]. Она, поскольку является законной и правильной, единственная делает так, чтобы все прочие страхи не могли быть сильны.

10. Вождеделение они также перечисляют среди пороков, но если жаждать то, что является земным, это порок, то жаждать небесное — это добродетель. Ведь кто жаждет обрести справедливость, Бога, вечную жизнь, непреходящий свет и все, что Бог обещает человеку, тот презирает земные богатства, почести, господство и саму власть. 11. Стоик, пожалуй, скажет, что нужно с желанием идти к обретению этого, а не с жадностью. Напротив, желать недостаточно. Ибо желают многие, но когда появляется телесная боль, желание исчезает, а вот вождеделение остается. Если оно делает так, что все то, что стяжается другими, презирается, то это высшая добродетель, ибо является матерью воздержанности. 12. И потому мы должны скорее сделать так, чтобы страсти, дурно пользоваться которыми является пороком, мы обратили в правильное русло. 13. Действительно, те возбуждения души подобны запряженной колеснице, главная обязанность возничего которой состоит в том, чтобы знать правильную дорогу. Если он будет держаться правильной дороги, пусть даже ехать он будет и быстро, не попадет в беду, если же будет плутать, пусть даже двигаться он станет медленно и осторожно, то или выедет на ухабы, или свалится в овраг, или по меньшей мере приедет туда, куда не нужно было. 14. Так та колесница жизни, которая везется страстями, словно быстрыми лошадьми, если держится правильной дороги, то правильно исполняет свою обязанность. Стало быть, страх и вождеделение, если они обращены к земле, становятся пороками, если же к божественному, то добродетелью.

15. Бережливость они, напротив, включают в состав добродетели. Если она является рвением к обладанию, то не может быть добродетелью, так как полностью направлена на приумножение и сохранение земных богатств. Мы же высшее благо не связываем с телом, но суть

его связываем со спасением души. 16. Если же, как я учил выше,¹ совершенно не следует беречь имущество, чтобы проявлять человечность и справедливость, то быть бережливым не является добродетелью. Понятие это сбивает с толку и вводит в заблуждение подобием добродетели. 17. Ведь умеренность хотя и является воздержанностью в наслаждениях, все же представляет собой порок, потому что проистекает из любви к обладанию, ибо следовало бы воздерживаться от наслаждений и в то же время не скупиться в деньгах. Ведь скупое, т. е. умеренно, тратить деньги — это своего рода мелочность души, которая или заранее боится, как бы не перестало хватать денег, или отчаялась вновь их обрести, или не в состоянии презреть земное. 18. Но те философы, наоборот, зовут расточительным того, кто не бережет свое имущество. В самом деле, они так отличают щедрого человека от расточительного: щедрым является тот, кто дает достойным, когда это нужно и сколько нужно, расточительным же тот, кто дает недостойным, без особой необходимости и без учета своего имущества. 19. Что же? Назовем ли мы расточительным того человека, который ради сострадания подаст нуждающемуся на пропитание? Напротив, крайне важно, щедр ли ты к развратницам из-за похоти своей или к несчастным из-за человечности, растащат ли твои деньги сводни, игроки в кости и прелюбодеи или ты обратишь их на благочестие и во имя Бога, бросишь ли ты их на благо чрева и глотки или поместишь в сокровищницу добродетели. 20. Стало быть, как пороком является растрачивать деньги на дурное, так добродетелью является растрачивать на благое. Если добродетель — не жалеть богатств (которые могут быть вновь нажиты), чтобы сохранить человеческую жизнь (которую нельзя вновь получить), то бережливость является пороком. А потому я не иначе бы как больными назвал тех, кто человека, это доброе и общественное [по природе своей] животное, лишает его собственного имени, 21. тех, кто, уничтожив страсти, на которых зиждется вся человечность, хотят довести человека до полного оцепенения ума, стараясь освободить его от побуждений и, как они говорят, вернуть ему покой и безмятежность. 22. Этого не только не может быть, поскольку сила и суть ума в

¹ См.: VI.12.

движении, но это даже не нужно. Ведь как стоячая и безмятежная вода нездорова и мутна, так и безмятежная и недвижимая душа бесполезна даже для самой себя и не может сберечь жизнь, так как ничего не будет ни предпринимать, ни думать. В самом деле, размышление — это не что иное, как движение ума. 23. Наконец, те, кто защищают такую вот безмятежность души, хотят лишить душу жизни, так как жизнь энергична, а покойна лишь смерть.

24. Кое-что философы правильно относят к числу добродетелей, но не понимают их границ. Добродетелью является твердость, но она не в том, чтобы мы были стойки в отношении тех, кто чинит несправедливость (в действительности, им следует уступать; почему так нужно делать, я скоро объясню),¹ а в том, чтобы мы, несмотря на всякие угрозы и пытки, противились тем, кто приказывает нам поступать вопреки Закону Божию и справедливости, дабы предписаниям Божиим мы не предпочитали приказы человека. 25. Также добродетелью является презрение к смерти. Но оно не в том, чтобы мы жаждали ее и добровольно отдавались ей, как часто поступали многие великие философы, что является преступлением и злодеянием, но в том, чтобы мы, принуждаемые оставить Бога и отказаться от веры, предпочитали принять смерть. Она в том, чтобы мы защищали свободу от глупой и безрассудной жестокости и всем угрозам и страхам мира бросали вызов непоколебимостью души. 26. Так возвышенным и неодолимым сердцем мы попираем боль и смерть, которую другие боятся. В этом добродетель, в этом истинная твердость, в том только она состоит и проявляется, когда никакой страх и никакая сила не могут отвратить нас от Бога. 27. Итак, верно знаменитое высказывание Цицерона. Не может быть ни одного справедливого человека, говорит он, который бы не боялся ни смерти, ни боли, ни изгнания, ни бедности.² 28. Также у Сенеки в книгах моральной философии сказано: «Тот является достойным человеком, кто не выделяется апексом, пурпуром или окружением ликторов, но кто уважаем и без всякой власти; кто не испугается при приближении смерти, будто увидев нечто неожиданное; кто, если ему суждено испытать

¹ См.: VI.18.12.

² См.: Цицерон. Об обязанностях. II.11.38.

телесные пытки, гореть на огне или быть распятым, думает не о страдании, а о достойном перенесении его». 29. Кто же чтит Бога, тот терпит это и не страшится этого, а стало быть, тот справедлив. Из этого получается, что всякий, кто чужд религии единого Бога, совершенно не может знать и определить ни сути добродетели, ни ее точных границ.

18. 1. Но оставим философов, которые либо совершенно ничего не знают и заявляют об этом как о высшем знании, либо не видят того, что знают, либо, поскольку считают, что знают то, чего в действительности не знают, ведут себя дерзко и неразумно. 2. Итак (возвращаясь к теме разговора), поступим же мы, кому единственным открыта истина Богом и с неба ниспослана мудрость, так, как велит нам наш даритель света — Бог. Поддержим же друг друга и благодаря взаимной помощи будем переносить тяготы этой жизни. И все же, если совершим что-то хорошее, не будем стяжать за это славу. 3. Ведь Бог учит, что тот, кто поступает по справедливости, не должен быть хвастлив, чтобы не показалось, будто он вершит справедливость не столько подчиняясь повелениям небес, сколько стараясь понравиться своей человечностью, и чтобы обретал в награду [он себе] не славу, которой домогался, а небесное и божественное вознаграждение.

4. Прочему из того, что должен соблюдать почитатель Бога, следовать не трудно, когда постигнуты эти добродетели. Он никогда не должен лгать ради того, чтобы обмануть и принести вред. 5. Ибо нельзя тому, кто постигает истину, быть в чем-нибудь лживым и отступать от той самой истины, которой он следует: на этой дороге нет места лжи. 6. Поэтому истинный и верный путник должен не только сказать то, что знаменитый Луцилий:

Лгать приятелю и другу мне совсем не свойственно,¹

но и должен считать, что ему нельзя лгать даже недругу и незнакомцу, и никогда не должен он допускать, чтобы язык, глашатай души, расходился с чувством и мыслью. 7. Если служитель Бога даст кому-нибудь займы денег, то он не должен брать процентов, чтобы милосердие, которое проявляется в нужде, осталось незапятнанным и чтобы совер-

¹ Луцилий. Сатиры. XXVI.29.

шенно удерживать себя от чужого. 8. В том он должен быть ревностен, чтобы совершенно не беречь своего имущества, делая добро. Получать же больше, чем давать, это несправедливо. Тот, кто поступает так, некоторым образом помышляет, чтобы нажиться на чужой нужде. 9. Праведный же человек никогда не должен упускать случая для проявления милосердия и не должен позорить себя какой-либо выгодой, но должен стремиться к тому, чтобы помощь его вся без остатка пополнила число его добрых дел. 10. Да не примет он подношения от бедняка, чтобы если вдруг даст когда-нибудь ему что-то в подарок, дар этот выглядел тем более добрым, что он безвозмезден. Злоречивому он должен отвечать добрым словом, а сам никогда не должен сквернословить, чтобы дурное слово не вырывалось из уст человека, который чтит слово доброе. 11. И должен он также стремиться, чтобы по собственной вине не обрести себе недруга. А если появится кто-то столь дерзкий, кто причинит несправедливость доброму и честному человеку, ее следует снести кротко и спокойно и не брать на себя отмщение за обиду, а оставить несправедливость на суд Божий. 12. Он всегда и повсюду должен сохранять невинность. Это правило должно способствовать не только тому, чтобы человек сам не чинил несправедливость, но чтобы не мстил за причиненную ему. Ибо есть великий и справедливейший Судия, Который все взвесит и оценит. Его должно предпочитать человеку, чтобы Он судил по-своему; приговора Его никто не может избежать и укрыться от него под какой бы то ни было защитой. 13. Вот и получается, что праведный человек всеми презираем и, поскольку сам он не может защитить себя, кажется слабым и бессильным, а того, кто мстит врагу, считают смелым и решительным, его все боятся и уважают. 14. Хотя добрый человек может принести многим пользу, однако уважают того, кто может причинить вред, а не пользу. Но людская порочность не может испортить праведного человека, если он всегда будет вершить добро и никогда не будет делать дурного, и не может сделать так, чтобы он перестал повиноваться Богу и предпочел презреть Его.

15. Цицерон в тех же самых книгах *Об обязанностях* говорит: «Но если кто-нибудь захочет уяснить себе сложное понятие о своей душе, то он сразу придет к заключению, что добрый муж — тот, кто приносит пользу кому только может и не причиняет вреда никому, кроме

тех, кто вынудил его несправедливостью».¹ 16. О, сколь простую и правильную мысль он испортил прибавлением пары слов! В самом деле, зачем понадобилось прибавлять «кроме тех, кто вынудил его несправедливостью», чтобы к доброму мужу приклеить, словно безобразный хвост, порок и сделать его непричастным терпеливости, которая является величайшей из всех добродетелей? 17. Он сказал, что добрый муж будет причинять вред, если его вынудят. Уже потому тот муж с необходимостью утратит имя доброго человека, что станет причинять вред. В самом деле, отвечать несправедливостью — не меньшее зло, чем приносить ее. 18. Ведь откуда бы рождались между людьми ссоры, откуда возникали бы борьба и войны, если бы великие бедствия не приносила с собой нетерпимость, когда на злобу отвечают злобой? 19. Если же злобе ты противопоставишь терпимость, добродетели вернее которой не существует, и достойнее которой ничего не может быть обретено человеком, то дерзость сразу же погаснет, как будто бы ты на огонь выльешь воду. Если провоцирующая злоба получит вдруг себе в товарищи нетерпимость, то она вызовет, словно в огонь будет добавлено масло, такое пламя, что его никакая вода не погасит, а только кровопролитие. 20. Итак, в терпимости заключен великий смысл, который у доброго человека отнял мудрец Цицерон. Ведь только она делает так, чтобы не происходило ничего плохого. Если бы она была присуща всем, в человеческих отношениях не было бы никакого преступления и никакой злобы. 21. Что для доброго мужа может быть столь же губительным и столь же вредным, как давать волю гневу, который лишает его не просто имени доброго человека, но и имени человека вообще, поскольку причинять вред другому, как Цицерон и сам весьма правильно говорит, не соответствует природе человека?² 22. Ведь и домашнее животное, если ты его раздражишь, ударит или копытом, или рогами, а змеи и дикие звери, если ты не будешь гнаться за ними, чтобы убить, не принесут тебе вреда. Так и, чтобы вернуться к примеру людей, невежественные и необразованные люди, если когда-нибудь претерпят несправедливость, приходят в слепую и безумную ярость и пытаются отомстить тем, кто

¹ Цицерон. Об обязанностях. III.19.76.

² Там же. III.5.25.

их обидел. 23. Чем же мудрый и добрый муж отличается от злых и неразумных людей, если не тем, что имеет непоколебимую терпимость, которой лишены глупцы, если не тем, что он может управлять собой и умерять свой гнев, который те глупцы не в состоянии обуздать, поскольку лишены добродетели? 24. Но, очевидно, Цицерона ввело в заблуждение то обстоятельство, что, говоря о добродетели, он полагал, что добродетелью является обретение победы в какой-либо борьбе. При этом он никак не мог увидеть, что человек, поддающийся ярости и гневу, дающий волю тем страстям, которым, скорее, следует противодействовать, и устремляющийся на все, на что ни провоцировала бы его злоба, не следует добродетели. 25. Ведь тот, кто старается ответить на несправедливость, берется подражать тому, от кого пострадал. Тот же, кто подражает злему человеку, никак не может быть добрым. 26. Итак, парой слов Цицерон отнял у доброго и мудрого человека две великие добродетели — невинность и терпимость. Однако, поскольку, как передает Саллюстий сказанное Аппием, Цицерон занимался «собачьим красноречием»,¹ то хотел, чтобы человек жил по образу собаки и огрызнулся в ответ на обиду. 27. Откуда удобнее получить пример того, насколько пагубна эта отплата за обиду и какие обычно она производила бедствия, если не из печальнейшей участи самого учителя, который, пока стремился следовать этим наставлениям философов, погубил самого себя? 28. Ибо если бы раздраженный несправедливостью он проявил терпимость, когда бы знал, что не обращать внимания и сносить обиду свойственно доброму мужу, и если бы нетерпимость, легкомысленность и безрассудство не произносили те знаменитые речи, подписанные чужим именем, то никогда бы не обагрив он кровью своей головы роstralную трибуну, на которой он прежде блистал, и никогда бы та проскрипция не разрушила республику.² 29. Итак, разумному и

¹ См.: *Sall. Hist.* II.37.

² Лактанций говорит о последних годах Цицерона, когда он выступил в защиту республиканских традиций со своими знаменитыми филиппиками, обличающими Антония. Во времена второго триумvirата Цицерон был включен в проскрипционные списки и был убит 7 декабря 43 г. до н. э. Отсеченные руки и голова Цицерона были привезены в Рим и выставлены на трибуне над рострами. См.: *Плутарх. Цицерон.* 48–49.

доброму мужу не подобает воевать и подвергать себя опасности, ибо побеждать не в нашей власти и исход всякой борьбы сомнителен, но разумному и хорошему человеку подобает уничтожать не противника, что не может происходить без преступления и без риска, но саму борьбу, чего можно добиться с пользой и по справедливости.

30. Итак, обладать терпимостью является высшей добродетелью. Чтобы праведный человек достиг ее, Бог, как было выше сказано,¹ захотел, чтобы праведник презирался как слабый. Ведь если бы праведник не истязался несправедливостями, то не было бы видно, насколько он тверд в сдерживании себя. 31. Если же, раздраженный несправедливостью, он начинает преследовать обидчика, то он уже побежден. Кто же разумом сдерживает этот порыв, тот, конечно, владеет собой и может собой управлять. 32. Эта способность сдерживать себя правильно называется терпимостью, это единственная добродетель, которая противостоит всем порокам и страстям. Она приводит взволнованную и взбудораженную душу в безмятежное состояние, успокаивает и возвращает человека в себя. 33. Поскольку же невозможно и бесполезно противодействовать природе, чтобы мы совсем не раздражались, нужно успокаиваться раньше, чем раздражение приведет к причинению вреда, что может произойти очень быстро. Бог предписал: *солнце да не зайдет во гневе вашем*,² чтобы не исчез свидетель нашей ярости. 34. Наконец, Марк Туллий, вопреки своему предписанию, о котором я чуть раньше сказал,³ поставил в число великих достоинств способность забывать несправедливость. «Я уповаю на тебя, — сказал он Цезарю, — на тебя, который не забывает обычно ничего, кроме несправедливости».⁴ 35. Если же это совершил человек весьма далекий не только от небесной, но и от общественной и гражданской справедливости, то насколько чаще так должны поступать мы, которые являемся как бы претендентами на бессмертие?

19. 1. В то время как стоики пытались искоренить у человека страсти как [некие] болезни, перипатетики, наоборот, не только сохраняли стра-

¹ См.: VI.18.13.

² *Еф.* 4.26.

³ См.: VI.18.15.

⁴ *Цицерон.* В защиту Лигария. 12.35.

ти, но и защищали их, говоря, что в человеке нет ничего, что не было бы создано великим разумом и Провидением. Это [было бы] правильно, если бы они знали пределы каждой страсти отдельно. 2. Вот они говорят, что тот же самый гнев является точильным камнем доблести, что будто бы никто смело не сражался бы с врагом, если бы не был охвачен гневом. 3. Этим они прямо показывают, что не знают ни что собой представляет доблесть, ни зачем Бог дал человеку гнев. Если гнев дан нам для того, чтобы мы использовали его для убийства людей, то что ужаснее человека, что более похоже на диких зверей, чем то животное, которое Бог создал для общественной жизни и невинности? 4. Итак, существуют три страсти, которые неистовых людей приводят ко всякому злодеянию: гнев, жадность и похоть. Мало того, поэты говорили, что есть три Фурии, которые взбудораживают умы людей: гнев требует мести, жадность — богатств, похоть — наслаждений.¹ 5. Но всем им Бог определил четкие границы. Если страсти перейдут их и станут слишком велики, то они с необходимостью исказят [человеческую] природу и превратятся в [ее] болезнь и пороки. Каковы же эти границы, определить совсем нетрудно. 6. Жадность дана нам для стяжания того, что необходимо для жизни, вожделение — для продолжения рода, страсть гнева — для сдерживания тех грехов, которые в нашей власти, а именно, чтобы в более строгой дисциплине приучать младшее поколение к честности и справедливости. Если молодежь не сдерживать страхом, то произвол родит дерзость, которая приведет ко всяким гнусностям и злодеяниям. 7. И вот как необходимо и правильно использовать гнев в отношении младших, так пагубно и нечестиво в отношении равных. Нечестиво, потому что оскверняется человеческая суть, пагубно, потому что люди, вступающие в борьбу, либо убивают [другого], либо гибнут [сами]. 8. Какой же, как я говорил, смысл в том, зачем человеку была дана страсть гнева, можно понять из предписаний Самого Бога, Который повелевает, чтобы мы не раздражались сквернословиями и людьми, причиняющими вред, а власть свою неустанно проявляли лишь в отношении младших. То есть чтобы мы грешащее молодое поколение исправляли усердным бичеванием, дабы чрезмерной любовью и излишним снисхождением мы не тол-

¹ См.: Цицерон. Тускуланские беседы. III.11.25.

кали их ко злу и не воспитывали для пороков. 9. Но люди, не знающие сути и не видящие смысла, эти страсти, которые были даны человеку для благого использования, исторгали или толковали шире, чем требует смысл. Отсюда неправедная и нечестивая жизнь. 10. Они гnevаются в отношении равных: отсюда проистекают раздоры, изгнания и все виды преступлений. Они проявляют сладострастие единственно для получения наслаждений: отсюда происходят разврат, измены и всякое распутство. 11. Всякий же, кто загоняет те страсти внутрь их границ, чего не могут делать люди, не знающие Бога, выдержан, тверд и справедлив.

20. 1. Остается, чтобы я коротко (чего требует уже размер книги) высказался против пяти чувственных наслаждений. Поскольку все они порочны и пагубны, то должны сдерживаться и преодолеваться добродетелью либо, как я чуть выше говорил о страстях,¹ направляться в правильное русло. 2. Прочие животные, кроме единственного удовольствия, которое относится к продолжению рода, никакого другого больше не испытывают. Стало быть, они используют чувства по требованию своей природы. Они видят, чтобы искать то, что необходимо для поддержания жизни. Они друг друга слышат и различают, чтобы иметь возможность друг с другом соединиться. То, что полезно в качестве пищи, они либо находят по запаху, либо определяют на вкус, вредное же отвергают и не берут. Потребность в пище и питье измеряется у них полнотой брюха. 3. Человеку же Провидение искуснейшего Творца дало наслаждение неограниченное и ввергающее в порок, поскольку предложило ему [вместе с тем и] добродетель, которая бы постоянно сражалась с наслаждением, словно с неким внутренним врагом, и одолевала бы его. 4. Цицерон в *Катоне Старшем* говорит: «Разврат же, измены и всякая гнусность никакими другими соблазнами не вызываются, кроме как наслаждениями. И в то время как природа ли, или какой бог не дали человеку ничего превосходнее ума, ничто столь не враждебно этому божественному дару и благу, как наслаждение. Ибо, где правит наслаждение, там нет места терпимости, и в царстве наслаждения не может пребывать добродетель».² 5. Напротив, Бог для

¹ См.: VI.16.11; 17.12.

² Цицерон. Катон Старший, или О старости. 12.40.

того дал добродетель, чтобы она сражалась с наслаждением и одерживала верх, и его, стремящееся выйти за пределы, определенные ему, удерживала внутри их, чтобы человека, очарованного и плененного приятностями, подчинять своей власти и карать вечной смертью.

6. Наслаждение для глаз различно и многогранно. Оно возникает от созерцания вещей, которые находятся в употреблении людей, приятные от природы или по своему исполнению. Философы совершенно справедливо его отвергают. 7. В самом деле, они говорят, что более превосходно и более достойно человека взирать на небо, нежели на рукотворное, и удивляться тому прекраснейшему творению, украшенному, словно цветами, сиянием звезд, нежели нарисованным, вылепленным и украшенным драгоценными камнями произведениям. 8. Однако эти философы, хотя явно побуждали нас к презрению земного и заставляли подняться к созерцанию небес, все же не отвергали эти обычные вещи. 9. Они им радовались и с удовольствием выделяли все эти вещи, которые, поскольку являются серьезными побуждениями к порокам и весьма способствуют порче душ, должны быть отвергнуты нами, ибо не только не дают ничего для блаженной жизни, но приносят очень много вреда. 10. В самом деле, кто считает, что наблюдать за гибелью человека, хотя бы и заслуживающего смерти, является наслаждением, тот, конечно, оскверняет свою совесть так, как если бы он сам стал скрытым наблюдателем и соучастником человекоубийства. 11. Они зовут играми то, где проливается человеческая кровь. Настолько человечность далека от этих людей, что когда они уничтожают человеческие души, то считают это игрой, принося невыносимое страдание тем, в чьей крови находят удовольствие. 12. Я спрашиваю теперь, могут ли быть благочестивыми и праведными те люди, которые находящимся под угрозой смерти и умоляющим о пощаде не только позволяют умереть, но еще и требуют этого и добавляют к смерти [свои] жестокие и бесчеловечные восторги, не пресыщаясь ранами и не удовлетворяясь кровью. И даже приказывают, чтобы израненных и уже павших поднимали вновь и наносили удары в мертвые уже тела, чтобы никто не обманул их, имитируя смерть. 13. Они даже раздражаются, если один из двух сражающихся не будет убит быстро, и, словно бы жажда человеческой крови, ненавидят промедления. Требуют дать

победителям более свежих противников, чтобы насытить свой взор как можно быстрее. Приученные к этому, они губят [и свою] человечность. 14. Они не жалеют даже невинных людей, но требуют в отношении их всего того, что наблюдали в убийстве дурных.

15. Так вот, не подобает, чтобы очевидцами и сообщниками такого публичного убийства были те, кто стремится держаться дороги справедливости. Ведь когда Бог запретил убивать, Он не только удерживал нас от разбоя, заниматься которым и общественными законами запрещено, но увещевал также, чтобы мы не совершали и того, что у людей считается дозволенным. 16. Так, праведнику нельзя служить в армии, ибо он служит справедливости, и даже нельзя выносить кому бы то ни было смертный приговор, [т. е. нельзя быть судьей], ибо нет никакой разницы, убиваешь ли ты мечом или словом, поскольку запрещено уже само убийство. 17. Итак, из этого предписания Бога нельзя делать никакого исключения. В самом деле, убивать человека — всегда великое злодеяние, ведь Бог восхотел, чтобы человек был неприкосновенным живым существом. 18. Следовательно, пусть никто не считает, что позволено душить только что родившихся детей, ибо это великое нечестие, ведь Бог дает душу для жизни, а не для смерти. 19. Но люди, чтобы не было такого злодеяния, в котором бы они ни запачкали свои руки, совсем юным и чистым душам отказывают в свете, не ими дарованном. 20. Право же, станет ли кто-нибудь ждать, чтобы пожалел чужую кровь тот, кто не жалеет свою?¹ Вне всякого сомнения, эти люди преступны и неправедны. 21. А что же те, о ком заставляет говорить их ложная жалость? Неужели могут считаться невинными те, кто плод свой бросают собакам, не понимая, что оказываются столь же жестокими, как если бы их задушили? 22. Станет ли кто-нибудь сомневаться, что нечестив тот, кто дает место чуждому милосердию, кто, пусть даже желая, чтобы ребенок был накормлен, продает его в рабство или в дом разврата? 23. Кто не знает и не понимает, какие могут быть и какие уже случались по ошибке преступления в отношении и отца, и матери? Это показывает хотя бы нечестивый пример

¹ Лактанций говорит об отсутствии жалости к чужой жизни у тех, кто не жалеет жизнь своего ребенка. В данном случае *sanguis* — потомок, отпрыск, «кровинушка».

двойного преступления Эдипа.¹ Стало быть, подкидывать младенцев столь же нечестиво, как и убивать их. 24. Однако детоубийцы сетуют на скудность средств и оправдываются тем, что не в состоянии прокормить многочисленных детей, будто бы иметь богатства — во власти имущих и будто бы Бог не превращает ежедневно богатых людей в неимущих, а бедняков — в богачей. 25. А потому, если кто из-за бедности не в состоянии прокормить детей, будет лучше, если он воздержит себя от соития с женой, нежели станет преступными руками губить творение Божие. 26. Если же недозволительно никакое человекоубийство, то нельзя допускать, чтобы какое-либо кровопролитие тревожило [праведный] взор, даже если оно осуществляется для народа.

27. Я не знаю, не больше ли развращения пребывает в театрах.² Ведь комедийное представление рассказывает либо об изменах жен, либо о любви блудниц, и чем более красноречивы актеры в показе тех мерзостей, тем более эти гнусности задевают чувства и тем легче укореняются в памяти зрителей. 28. Также и трагические истории демонстрируют убийства и показывают прелюбодеяния дурных царей. 29. А чему иному учат и что другое разжигают распутные движения актеров, если не сладострастие? Изнеженные тела их, изгибающиеся в женской походке и облаченные в женские одежды, показывают распутных женщин в постыдных деяниях. 30. Что мне сказать о мимах, обучающих искусству прелюбодеяния, пока они совершают их на сцене? Что делают юноши и девушки, когда они увидят, что подобное совершается без стыда и свободно демонстрируется? 31. Как бы то ни было, они убеждаются, что могут поступать так же, и возбуждаются сладострастием, которое через зрительное восприятие особенно возжигается, и каждый представляет себя в тех образах сообразно своему полу и, посмеиваясь, одобряет те мерзости. После чего развращенные увиденными пороками люди возвращаются в свои покои, причем и дети, которых нельзя приучать к преждевременным для них порокам, и старики, которым уже не подобает грешить.

¹ Лактанций говорит о судьбе Эдипа, брошенного родителями, который впоследствии по незнанию убил собственного отца Лая и женился на матери своей — Иокасте.

² Отсюда и далее ср.: *Минуций Феликс*. Октавий. 37.11.

32. А что иное представляют собой цирковые игры, если не легкомыслие, праздность и безумие? В самом деле, души зрителей охватываются той же страстью, что и у выступающих на арене, так что те, кто пришли ради зрелища, в не меньшей степени представляют собой зрелище, когда начинают кричать, подпрыгивать и вскакивать. 33. Итак, следует избегать всякого зрелища не только для того, чтобы они не вселяли беспокойства в души, которые должны быть уравновешенными и спокойными, но и для того, чтобы наслаждения от них не соблазнили нас и не отвлекали от Бога и добрых дел. 34. Ведь проведение игр является чувствованием богов, ибо они устраиваются либо в честь их рождения, либо в честь освящения новых храмов. 35. При этом в самом начале бои диких зверей, которые называются тупега, были посвящены Сатурну, театральные же представления — Либеру, цирковые — Нептуну. Постепенно стала оказываться почать и другим богам, и каждому в отдельности были посвящены свои игры, как об этом сообщает Синний Капитон в книге *О зрелищах*.¹ 36. Поэтому если кто-то участвует в зрелищах, на которые приходит ради религиозного служения, тот отделяет себя от культа [истинного] Бога и присоединяется к культу богов, рождение которых и праздники [он тем самым] отмечает.

21. 1. Наслаждение для слуха проистекает из приятности голоса и пения. Оно, конечно, столь же порочно, как и та утеха для глаз, о которой мы говорили. 2. В самом деле, кто не сочтет жадным до наслаждений и никуда не годным человеком того, кто устраивает дома театральные представления? Не имеет значения, предаешься ли ты неге дома один или вместе с народом в театре. Однако о зрелищах уже было сказано. 3. Остается только бороться, чтобы нас не захватили наслаждения, которые проникают до глубины чувств. В самом деле, теми звуками, которые лишены слов, т. е. приятным звучанием меди и струн, можно без труда пренебречь, поскольку они не задерживаются в памяти и не могут быть записаны. 4. Сложенная же песня и ярко произнесенная речь захватывают ум и поражают, когда захотят. Поэтому образованные люди, когда обращаются к религии [истинного] Бога,

¹ *Синний Капитон* — римский грамматик I в. до н. э., известен рядом грамматических сочинений, а также сборником пословиц.

наставленные каким-либо неискушенным учителем, верят [от этого] меньше. 5. Привыкшие ведь к сладким и изящным речам и песням, они отвергают простую и обыденную речь Священных Писаний как жалкую. Они, конечно, ищут то, что ласкает слух, соблазняет же то, что приятно и что, пока звучит, проникает в душу. 6. Разве Бог, Создатель ума, голоса и языка, не может говорить красноречиво? Напротив, Высшее Провидение захотело лишить то, что является божественным, ярких красок, чтобы все поняли то, что Он говорит для всех. 7. Стало быть, тот, кто следует истине, если не хочет уничтожить самого себя, должен отвергнуть враждебные и вредоносные наслаждения, которые портят душу так же, как сладости портят тело. Пусть он предпочтет истинное ложному, вечное — преходящему, полезное приятному. 8. Ничто не должно радовать взор, кроме того, что совершается справедливо и благочестиво, ничто не должно ласкать слух, кроме того, что питает душу и делает тебя лучше. Особенно же то чувство не должно обращаться к пороку, оно нам дано для того, чтобы мы могли воспринять учение [Всевышнего] Бога.

9. Так вот, если слушать музыку и песни является наслаждением, то удовольствие нужно искать в пении и выслушивании прославлений Бога. 10. То является истинным наслаждением, которое пребывает союзником и спутником добродетели. Оно не является преходящим и кратким, как те наслаждения, которых жаждут люди, служащие телу, словно скот, но пребывает вечным и непрерывно радующим. 11. Если кто превысит пределы его и ничего другого от наслаждения не жаждет, кроме самого наслаждения, тот готовит себе смерть, поскольку как вечная жизнь пребывает в добродетели, так и смерть — в наслаждении. 12. Ведь кто жаждет временного, тот будет лишен вечного, а кто предпочитает земное, тот не обретет небесного.

22. 1. Что же касается наслаждений вкуса и обоняния, которые оба имеют отношение только к телу, то нам нечего сказать по их поводу, кроме того, что стыдно человеку разумному и доброму, если вдруг он служит желудку и глотке, если он умащает себя благовониями или шествует увенчанный цветочным венком. Кто это делает, тот во всяком случае неразумен, никчем и лишен даже тени добродетели. 2. Возможно, кто-нибудь скажет: «Зачем же эти вещи сотворены, если не

для нашего наслаждения?» Однако уже неоднократно говорилось, что никакой добродетели бы не было, если бы не существовало того, что ей необходимо преодолевать. И вот Бог создал все для борьбы двух этих [противоположных] сторон. 3. Стало быть, эти соблазны являются оружием того, чья единственная обязанность — бороться с добродетелью и укрывать от людей справедливость. Этими соблазнами и удовольствиями он прельщает души, ибо знает, что наслаждение является создателем смерти. 4. В самом деле, как Бог призывает человека к жизни только через добродетель и труды, так и тот [враг] призывает к смерти через веселья и наслаждения. И как к подлинному благу путь лежит через мнимые бедствия, так и к подлинному злу — через мнимые блага. 5. Итак, следует остерегаться тех удовольствий, словно сетей и засад, чтобы плененные сладостью наслаждений мы не попали под власть [вечной] смерти вместе с телом, во власть которого мы лишь временно переданы.

23. 1. Теперь я подошел к тому виду наслаждения, которое происходит от прикосновения. Хотя это чувство и имеет отношение ко всему телу, я все же полагаю, что мне следует говорить не об украшениях и одеждах, а единственно о сладострастии, которое особенно нужно укрощать, поскольку оно особенно вредоносно. 2. Когда Бог задумал два пола, Он определил, чтобы они жаждали друг друга и находили в соитии удовольствие. Он наделил животных пламенной страстью к совокуплению тел, чтобы они погружались в эти страсти и таким образом могли плодиться и приумножать свои поколения. 3. Это сладострастие и воздержание в человеке Он сделал еще более сильными и более острыми или потому, что хотел, чтобы количество людей было большим, или потому, что только человеку дал добродетель, с помощью которой тот обретал бы славу и хвалу в воздержании себя от наслаждений. 4. В самом деле, враг наш знает, какова сила этого сладострастия, которое иногда даже называют необходимостью и которое он превратил из правильного и доброго в неправильное и пагубное. 5. Он дал волю недопустимым желаниям, чтобы люди жаждали запретного, в то время как могут пользоваться собственным. Он выставляет перед глазами легко возбуждающие формы, разжигает огонь [страстей] и дает пищу порокам. 6. Тогда он приводит в волнение все потаен-

ные чувства, возбуждает их, распяляет и разжигает тот природный огонь, пока не обманет смятенного человека, поймав его в сети. 7. И чтобы не было никого, кого бы страх наказания удерживал от недостойного, он учредил также публичные дома и срам несчастных женщин сделал общедоступным, чтобы забавляться тем позором, который переносят женщины. 8. Этими непристойностями он погружает рожденные для святости души как бы в омут нечистот, убивает стыд, стремится совратить целомудренность. Он же влечет мужчин к мужчинам, и учредил он, [т. е. враг], нечестивые связи, противные и природе, и установлению Бога. Так он заражает людей и толкает их на всякое злодеяние. 9. Неужели же может быть свят кто-то из тех, кто юные и беззащитные души делает жертвой осквернения и поругания ради своего сладострастия? 10. Об этом невозможно подробно говорить из-за величины злодеяния. Я не могу называть иначе, как нечестивцами и убийцами, тех, кому не хватает [для связей] пола, данного Богом, и они нагло и нечестиво издеваются над своим полом. Это поведение считается у них естественным и как бы даже почетным. 11. Что мне сказать о тех, кто предают себя не сладострастию даже, а скорее безумию? Стыдно сказать, но что подумать о тех, кому не стыдно это делать? И все же следует об этом сказать, поскольку такое случается. Я говорю о тех, чье противное сладострастие и гнусное безумие не щадит даже жизни. 12. Какими словами и с каким негодованием мне обличить это нечестие? Ужас злодеяния победил способность речи! И вот когда это сладострастие вершит свое дело и устраивает эти злодеяния, мы должны вооружиться против него высшей добродетелью.

13. Всякий, кто не может обуздать эти страсти, пусть удерживает их в рамках законного брака, чтобы, с одной стороны, получить то, чего жаждет, а с другой — не впасть все-таки во грех. 14. Но чего хотят распутные люди? Разумеется, наслаждение преследует наибольшие результаты. Если люди домогаются наслаждения ради него самого, то пусть стремятся к наслаждению праведному и законному. 15. Если же этому противостоит какая-то необходимость, тогда особенно должна употребляться добродетель, чтобы сладострастию противостояло воздержание. И не только не позволено касаться чужих жен, но Бог предписывает также, чтобы мы удерживали себя от публичных

и распутных женщин, и учит, что совокупляющийся с блудницей становится одним телом с ней.¹ 16. Кто же погружает себя в нечистоты, сам необходимо становится нечистым. И хотя тело может быстро отмыть себя, душа же, опороченная влиянием распутного тела, не может очиститься от прилипших к ней нечистот иначе, как в течение долгого времени и благодаря многочисленным добрым делам. 17. Следовательно, необходимо, чтобы каждый понимал, что соитие двух полов было создано ради произведения на свет потомства и что для тех наслаждений был установлен такой закон, чтобы они служили продолжению рода. 18. Как Бог дал нам глаза не для того, чтобы мы искали и добывались наслаждения, но для того, чтобы мы видели то, что необходимо для жизни, так и детородные органы Он дал единственно для того, чтобы, как учит само их наименование, мы производили потомство. 19. В следовании этому божественному закону состоит высшая жертва. Пусть все, кто называют себя последователями [истинного] Бога, будут настолько выдержанны и устойчивы, чтобы быть в состоянии управлять собой. 20. В самом деле, те, кто дает волю наслаждениям, кто уступает сладострастию, те отдают душу свою телу и осуждают ее на смерть, так как они отдают себя телу, над которым властвует смерть. 21. Пусть каждый, стало быть, воспитывает себя, насколько может, в стыдливости, возвращает в себе застенчивость и сердце и совесть обращает к нравственной чистоте. Пусть подчиняется не только гражданским законам, но и следует закону Бога, Который превыше всех законов. 22. Если кто приучит себя к этим благам, тот постыдится отдаляться к худшему. Тому будет по нраву только праведное и достойное уважения, то, что для хороших людей является более приятным, чем неправедное и недостойное — для дурных.

23. Я рассказал не обо всех еще обязанностях целомудрия. Бог определил его не только для жизни вне домашних стен, но и для семейной жизни, чтобы никто, имея жену, не возжелал сверх того ни рабыни, ни свободной, но хранил верность браку. 24. В самом деле, если в гражданском праве жена признается неверной, если она имеет связь с другим мужчиной, а муж, даже если он имеет связь со многими жен-

¹ 1 Кор. 6.16.

щинами, освобождается от обвинения в измене, 25. то божественный закон соединяет обоих супругов в браке с равным правом, словно превращает их в единое тело, чтобы изменником считался любой из них, кто разрывает телесную связь. 26. Бог, когда захотел, чтобы у других животных самки, родив потомство, отвергали самцов, одну только женщину создал допускающей к себе мужа, для того, надо думать, чтобы воздержание мужей, если жены станут их отвергать, не заставляло их домогаться другой, в результате чего они не обретали бы славы целомудрия. 27. Но и женщина не проявляла бы добродетели целомудрия, если бы не хотела грешить. В самом деле, кто скажет, что самки бессловесных животных являются целомудренными, так как, родив потомство, отвергают самцов? Ведь потому они так поступают, что эта связь, если они ее допустят, необходимо ведет к боли и гибели. 28. А значит, нет никакой славы в том, чтобы не совершать того, что ты и не можешь совершить. А в человеке целомудренность прославляется потому, что она зависит не от природы, а от его воли.

29. Следовательно, необходимо хранить верность; мало того, жена должна следовать примеру целомудренности мужа, чтобы и самой вести себя целомудренно. Ибо не хорошо, если ты будешь требовать того, чего сам не можешь соблюдать. Эта неискренность, естественно, приводит к тому, что возникают измены, ибо женщины с трудом могут соблюдать верность мужьям, не отвечаящим им взаимной привязанностью. 30. Нет, наконец, ни одной изменницы, которая бы не оправдывала свои нечестивые поступки тем, что, греша, она совершает не несправедливый поступок, а отвечает изменой на измену мужа. Это хорошо выразил Квинтиллиан. Он говорит, что человек, не удерживающий себя от чужой жены, не страж и для своей, ибо это по природе связано между собой. 31. В самом деле, муж, занятый соблазнением чужих жен, не может уделять времени своей жене, и жена, если окажется в таком браке, побуждаемая примером мужа, будет думать, что либо подражает ему, либо мстит. 32. Следовательно, нужно оберегать себя, чтобы мы своей невоздержанностью не давали повода к порокам, но необходимо, чтобы супруги привязывались друг к другу и несли равное бремя. Мы должны видеть себя в другом человеке. Ведь сущность справедливости обычно состоит в том, чтобы ты не совершал в отноше-

нии другого ничего из того, что сам не хочешь претерпеть от другого.¹ 33. Это то, что предписывается Богом и относительно воздержания. И все же, чтобы никто не посчитал, что может сузить божественные предписания, в них добавляется (дабы устранить всякое превратное толкование и возможность обмана), что прелюбодеем является тот, кто берет жену, оставленную мужем, и тот, кто оставляет жену, кроме случая ее прелюбодеяния, чтобы взять другую.² Ибо Бог не хотел, чтобы разрывалась и разрушалась [супружеская] общность. 34. Мало того, нельзя не только прелюбодействовать, но и даже думать об этом, чтобы никто не смотрел на чужую жену и не жаждал ее в душе.³ В самом деле, ум сам становится прелюбодеем, если создает для себя образ наслаждения. 35. Конечно, ум, который грешит, который мысленно представляет результат неумеренной похоти, заключает в себе преступление и всякое прегрешение. 36. Ведь если даже тело ничем не будет осквернено, все же не будет места никакой невинности, если греховна душа, и не может целомудрие считаться незатронутым, если совесть опозорена сладострастным влечением.

37. Все же пусть не подумает кто-нибудь, что трудно держать вожделение в узде и запирает его, безумствующее и рвущееся наружу, в границах непорочности и целомудрия. Поскольку людям заповедано побеждать вожделение, то многие сохраняют благую и непорочную чистоту тела, и много тех, кто, полные счастья, наслаждаются этим родом небесной жизни. 38. Впрочем, Бог предписал такое поведение, не заставляя, ибо необходимо, чтобы люди рождались, но как бы допуская [такую форму жизни, т. е. девственность]. Ведь Он знает, сколь великую преграду воздвигает она, [т. е. девственность], тем страстям. «Если кто, — сказал Он, — захочет совершить этот подвиг, тот обретет исключительную и несравненную награду».⁴ 39. Этот род воздержания

¹ Мф. 7.12.

² Мф. 5.32. Ср. с Синодальным переводом: «Кто разводится с женой своею, кроме вины любодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует».

³ Ср.: Мф. 5.28.

⁴ Неизвестно, какое место Священного Писания цитирует в данном случае Лактанций, но, тем не менее, ср.: Мф. 19.12.

является как бы венцом и вершиной всех добродетелей. Если кто захочет взобраться на нее, такого раба призрит Господь и такого ученика примет Учитель. Тот одержит победу над землей и тот уподобится Богу, кто проявит добродетель Бога. 40. Хотя это и кажется трудным, все же мы говорим о тех людях, которым, после того как будет попорано [ими] все земное, уготована дорога на небо. Ведь поскольку добродетель состоит в познании Бога, то все тяжело, пока ты Его не познаешь, и все легко, когда познаешь. Нам, поскольку мы стремимся к высшему благу, следует преодолевать все трудности.

24. 1. И все же пусть никто не утратит силу и не впадет в отчаянье, если побежденный вожделием, одоленный сладострастием, введенный во грех заблуждением или по принуждению [внешней] силы, скатится он на путь несправедливости. Ибо он может снова вернуться [на праведный путь] и освободиться [от пороков], если раскаяется в своих деяниях и, обратившись к лучшему, сделает достаточно для Бога. 2. Что такое может произойти, Цицерон даже и не предполагал, чьи слова в третьей книге *Академика* таковы: «Если можно было бы тем, кто, сбившись с пути, ведет беспутную жизнь, вернуться, раскаявшись в прегрешениях, на праведный путь, это было бы весьма легким исправлением легкомыслия». ¹ 3. Разумеется, можно. Ведь если мы считаем, видя раскаянье наших детей, что они исправились, и их, отвергнутых и удаленных от себя, принимаем вновь, обнимаем и согреваем, то почему нам нельзя уповать на снисходительность истинного Отца? 4. Так вот, Господь и Отец милосерднейший предвестил, что Он отпустит грехи раскаявшимся и предаст забвению все несправедливости того, кто вновь станет праведным. 5. Ибо как ничем не поможет дурно живущему человеку чистота прежних его деяний, поскольку совершаемое [сегодня] беспутство уничтожает [вчерашние] справедливые поступки, так и старые грехи не страшны исправившемуся человеку, поскольку совершаемая им справедливость смывает позор прежней жизни. 6. Ведь кто сожалеет о содеянном, тот осознал свое прежнее прегрешение, и потому греки называют это *μετάνοια*, что лучше и выразительнее, чем мы можем выразить по-латыни: *resipiscentia*. В самом деле, кто устыдился

¹ *Cic. Acad. post. Fr. 16.*

греха, кто осудил самого себя за безрассудство и направил душу свою к лучшей жизни, тот раскаялся и, словно бы из безумия, вернулся в сознание. После этого следует особенно остерегаться того, чтобы вновь не попасть в те же самые сети.

7. Наконец, даже бессловесные животные, если, попав в силки, каким-то образом ухитряются убежать, то становятся после этого более осторожными и постоянно держатся вдали от мест, где чувствуют опасность или засаду. 8. Так и человека раскаяние делает осмотрительным и внимательным по отношению к греху, в который он сам себя вверг по ошибке. 9. Ведь никто не может быть столь сведущ и столь осторожен, чтобы никогда не ошибаться. И потому Бог, знающий нашу слабость, по милосердию Своему открыл для человека врата к спасению, чтобы к той необходимости, которой подчинена наша тленность, на помощь пришло лекарство покаяния. Стало быть, пусть всякий, кто сбился с пути, обернется и, как можно скорее, вернется назад и преобразит себя.

*10. Но вспять шаги обратить и к небесному свету пробиться —
Вот что труднее всего!*¹

В самом деле, если кто вкусил якобы приятные удовольствия, то едва ли того можно оторвать от них. Легче следовать правильному пути тому, кто не коснулся приятности их. Так пусть люди вырвут себя из тяжелой неволи: им будет прощен всякий грех, если свою ошибку они исправят лучшей жизнью.

11. Пусть никто не считает, что не следует каяться, если нет свидетеля проступка. Все знает Тот, перед Чьим взором мы проводим жизнь. И если мы что-то можем скрыть от всех людей, не можем ничего скрыть от Бога, от Которого не может быть никакого секрета и никакой тайны. 12. Свои *Увещевания* Сенека заканчивает удивительным высказыванием: «Я не знаю, что это за могущественное Божество, более великое, чем можно себе представить, ради которого мы живем. Мы совершаем поступки в угоду ему. И нет смысла утаивать планы свои, ибо мы открыты перед Богом». 13. Что вернее может сказать человек, ведающий Бога, чем это было сказано тем, кто не знал истинной религии?

¹ *Вергилий. Энеида. VI.128–129.*

Ведь он выразил и могущество Бога, сказав, что Он более велик, чем способен воспринять ум человеческий, и прикоснулся к самому источнику истины, почувствовав, что жизнь людей не бессмысленна, как хотели того эпикурейцы, но что все поступки совершаются людьми ради [Всевышнего] Бога, если действительно они живут праведно и благочестиво. 14. Он мог бы стать истинным почитателем Бога, если бы кто-нибудь открыл ему [истину] и если бы, конечно же, он презрел Зенона и учителя своего — Сотииона¹ и случайно бы встретил наставника в истинной мудрости. 15. «Мы совершаем поступки в угоду ему». Вполне небесная речь, если бы ей не предшествовало признание в неведении [истинного Бога]. «Нет смысла утаивать планы свои, ибо мы открыты перед Богом». Стало быть, не должно быть места ни обману, ни лицемерию, ибо хотя от взоров людей спасают стены, для взора Божьего нет телесных преград, поскольку каждого человека Он видит насквозь. 16. Тот же Сенека в начале этого своего труда говорит: «Что ты совершаешь, что замышляешь, что скрываешь — твой [небесный] страж следит за тобой. В одно время он спасает тебя от скитания, в другое — от смерти, в иное — от болезни. Он все время с тобой, ибо ты не можешь обойтись без него. 17. Зачем ты отнимаешь сокровенное место у закона и судьи? Подумай, безумец, зачем ты строишь стену, чтобы укрыться от всякого взора? Какая тебе разница, имеешь ли ты свидетеля поступков своих, если у тебя есть совесть?»²

18. Не менее удивительно о совести и о Боге сказал Туллий: «Пусть помнит, что он имеет свидетелем Бога, т. е., как я полагаю, свой разум, божественнее которого сам Бог ничего не дал человеку».² 19. Также когда он говорил о справедливом и добром муже, сказал, что такой муж не осмелится не только сделать, но даже подумать о чем-то таком, о чем нельзя сказать открыто.³ 20. Итак, очистим свою совесть, которая является проницательными очами Бога, и, как сказал тот же Цицерон,

¹ *Сотиион* — римский философ-пифагорец, ученик Секстия, наставлял юного Сенеку в философии; известен прежде всего как автор трактата *О гневе*.

² *Цицерон*. Об обязанностях. III.10.44.

³ Там же. III.19.77.

давайте жить всегда, оглядываясь на свои поступки.¹ Поверим же, что наши поступки будут оцениваться не людьми в некоем, как говорил Цицерон, всемирном театре,² а Тем, Кто является судьей и свидетелем, от Кого, когда Он потребует отчета за проведенную жизнь, нельзя будет скрыть своих поступков.

21. Стало быть, надо либо бежать от совести, либо по своей воле обнажить душу и, вскрыв раны, устранить порчу. Никто другой не может залечить эти раны, кроме Бога, Который возвращал способность ходить хромым, способность видеть — слепым, Который очищал тела от язв и воскрешал мертвых. 22. Он погасит огонь жадности, Он вырвет с корнем ростки похоти, Он смягчит ревность и укротит гнев, Он вернет истинное и непреходящее здоровье. 23. Все должны стремиться к этому излечению, поскольку душа подвергается гораздо большей опасности, нежели тело, и о ней следует позаботиться как можно раньше, пока еще болезни скрыты [от глаз]. 24. В самом деле, если кто-то обладает острым зрением, если члены его невредимы и он отличается крепчайшим здоровьем тела, я все же не назову этого человека здоровым, если он охвачен гневом, напыщен от высокомерия, является рабом стяжания и воспламенен похотью. 25. Но того скорее сочту здоровым, кто не ревнует к чужому успеху, кто не восхищается богатствами, кто смотрит на чужую жену с благочестием, совершенно ничего не жаждет, не алчет ничего чужого, не завидует никому, кто не чувствует ни к кому отвращения. Такой человек [воистину] смиренен, милостив, добросердечен, кроток, человечен, а в душе его царит вечный мир. Такой человек здоров, справедлив и совершенен. 26. Итак, всякий, кто следует всем этим небесным наставлениям, является истинным почитателем [истинного] Бога, жертвоприношениями для Которого являются кротость души, невинная жизнь и совершение добрых поступков. 27. Кто всем этим отличается, тот столько раз совершает жертвоприношение, сколько раз совершает что-либо доброе и благочестивое. Ибо Бог требует в жертву не бессловесное животное, не его смерть или кровь, но человека и его жизнь. 28. Для этой жертвы необходимы не священные ветви

¹ Цицерон. Против Верреса. II.11.28.

² Там же. V.14.35.

олив, не очистительные средства и не покрытый дерном жертвенник, которые совершенно бессмысленны, но то, что носится глубоко в сердце. 29. Итак, на алтарь Божий, который поистине велик и который, поскольку он заключен в сердце человека, не может быть осквернен кровью, должны приноситься справедливость, терпимость, верность, невинность, целомудрие и воздержание. Это самый верный ритуал, это тот славный и чудесный, как сказано Цицероном, закон Бога, который постоянно требует правильных и достойных уважения поступков и запрещает дурные и позорные.¹ Человек, послушный этому святейшему и вернейшему закону, необходимо живет справедливо и праведно. 30. Я рассмотрел, конечно же, немногие главы этого закона, ибо обещал, что скажу лишь то, что составляет вершину добродетели и справедливости. 31. Если кто-то захочет узнать все прочие главы, то пусть черпает знание из того самого источника, откуда истекает для нас самый ручей истины.

25. 1. Теперь мы немного поговорим о самом жертвоприношении. «Слоновая кость, — говорит Платон, — есть дар, недостойный Бога. А какой же достоин? Конечно, расцвеченные дорогие ткани».² Вовсе нет. Недостойн Бога любой дар, если он может быть испорчен или украден. 2. Но если Платон видит то, что живому Богу не следует дарить ничего, что было бы мертвым, почему же он не видит того, что не следует дарить бестелесному Богу вещественный подарок? 3. Гораздо лучше и правильнее сказал Сенека: «Неужели вы хотите думать, что великий Бог, кроткий и величием внушающий спокойствие, благосклонный и постоянно пребывающий рядом, должен почитаться заклятиями и множеством крови (в самом деле, какое удовольствие в убиении невинных?), а не чистым сердцем и благими и достойными уважения намерениями? Ему следует возводить не храмы из огромных камней, а следует почитать его в своем сердце». 4. Итак, если кто-то считает, что Бога достойны одежды, драгоценные камни и прочее, что ценится [людьми], тот, конечно же, не знает Бога. Он считает, будто Богу приятны те вещи, за презрение к которым даже человек по праву прославляется.

¹ Ср.: Цицерон. О законах. I.6.18; II.4.8.

² См.: Там же. II.18.45.

5. Что же безусловно, что достойно Бога, если не то, что Он сам требовал в Своем божественном законе? Две вещи должны приноситься Богу, дар и жертва, дар — навсегда, жертва — на время. 6. Но у тех, кто не ведает смысла божественности, даром считается то, что изготовлено из золота и серебра, а также пурпурные и шелковые ткани, жертвой же — закланное животное и то, что сжигается на алтарях. 7. Но ни тем, ни другим Бог не пользуется, так как Он не подвержен тлению, а все перечисленное — тленно. Стало быть, Богу нужно приносить нетленную жертву, которой бы Он пользовался. Дар — это безукоризненность души, жертва — прославления и гимны. Ведь если Бог невидим, то и почитаться Он должен через невидимое. Никакая другая религия не является истинной, кроме той, которая состоит из добродетели и справедливости. 8. Каким же образом Бог пользуется справедливостью человека, понять несложно. Ведь если человек будет справедлив, то он, обретя бессмертие, будет вечно служить Богу. 9. То, что люди рождены для справедливости, подозревали как древние философы, так и Цицерон. Рассуждая о законах, он сказал: «Однако из всех точек зрения ученых, которые касаются человека, нет лучше той, согласно которой мы рождены для справедливости».¹ Единственным, что мы должны отдавать и приносить Богу, является то, для обретения чего мы сами Им созданы.

10. То, что этот двойной род жертвоприношения является истинным, свидетельствует Гермес Трисмегист, который согласен и в словах, и сути с нами, вернее — с пророками, которым мы следуем. У него так сказано о справедливости: «Моли и почитай, сын мой, Слово. Почитание Бога в том лишь состоит, чтобы не быть злым». 11. Так же в *Совершенном Слове*, когда он выслушал Асклепия, вопрошавшего по поводу своего сына, спрашивавшего, угодно ли отцу его, чтобы для жертвоприношения Богу использовался фимиам и прочие благовония, он воскликнул: «Хорошего, хорошего пожелай ему, о Асклепий. Ведь великое бесчестие в том, чтобы думать подобное по поводу того единственного блага. Эти и подобные им вещи недостойны Бога. Он преисполнен всем и ни в чем не нуждается. Мы же должны молить Его, воздавая

¹ Там же. I.10.28.

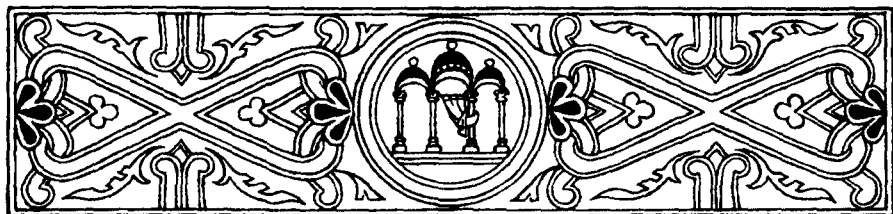
благодарность, ибо жертвоприношением Ему является одно только прославление». 12. И это истинно. Богу надлежит совершать жертвоприношение словом, поскольку Бог есть Слово, как Он сам признавал.¹ Итак, высший ритуал в почитании Бога — открытая похвала Его, исходящая из уст праведного человека. Похвала, которая все же, чтобы Бог принял ее, должна быть сопровождаема смирением, страхом, благоговением, чтобы никто случайно, чувствуя уверенность в своей честности и целомудрии, не впал в грех высокомерия и надменности и таким образом не лишил веса добродетель.

13. Но чтобы быть любезным Богу и чтобы не иметь ни единого пятна позора, надо постоянно призывать милосердие Бога и ничего другого не просить, как только прощения за грехи свои, пусть даже их [вроде бы] нет. 14. Что касается других просьб, то нет надобности в словах Богу, знающему, чего мы хотим. Если случается что-то хорошее, то следует благодарить Бога, если что-то дурное, то надо просить прощения и признать, что случилось это по грехам нашим. И тем не менее даже в горе надо благодарить Бога и в радости просить прощения, чтобы Он пребывал с нами вечно, постоянно и неизменно. Это нужно совершать не только в храме, но и дома и даже в покоях своих. 15. Наконец, надо всегда иметь Бога в сердце своем, ибо сам человек является храмом Божиим. 16. Ибо если Богу, Отцу и Господу, служить с таким усердием, с такой покорностью и с таким благоговением, справедливость будет абсолютной и совершенной. Кто ее проявит, тот, как мы прежде свидетельствовали,² подчинен Богу, тот исполнил долг свой и [воистину] послушен [истинной] религии.

¹ Ин. 1.1.

² См.: VI.24.26.

Книга VII

О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ

1. 1. Прекрасно, основания заложены, как сказал знаменитый оратор.¹ Но мы не только заложили основания, которые были бы прочны и достаточны для завершения труда, но и с помощью великих и мощных глыб довели все здание почти до крыши. 2. Остается, что гораздо легче, покрыть его кровлей и украсить, без чего, конечно, все предыдущие усилия окажутся бесполезными и излишними. 3. Ведь для чего были развенчаны ложные религии и найдена истинная? Для чего была выявлена никчемность ложной мудрости и обнаружена та, которая является истинной? Для чего, говорю я, была защищена небесная справедливость? Для чего с великими трудностями был принят культ [Всевышнего] Бога, — в чем и состоит высшая добродетель, — если не следует за ней божественная награда вечного блаженства? 4. Нам надлежит об этом обстоятельно говорить в этой книге, чтобы все предыдущие не показались без толку написанными и бесплодными, [что может показаться], если мы оставим неясным то, ради чего нужно совершать все сказанное выше; и чтобы никто не посчитал вдруг, что такие усилия добродетели были предприняты им впустую, [что может показаться тому], у кого нет надежды на небесную награду за эти труды, которую Бог установил для того, кто пренебрежет этими сладкими земными благами ради единственной и чистой добродетели. 5. Достаточно мы сделали и в предшествующей части, опираясь на свидетельства Божественных Писаний и в то же время на аргументы, заслуживающие дове-

¹ Цицерон. В защиту Луция Лициния Мурены. 6.14.

рия, чтобы стало одинаково ясно, что следует отдавать предпочтение будущему перед настоящим, божественному — перед земным, вечному — перед преходящим, ибо временными являются награды за пороки, но вечными — за добродетели.

6. Итак, я объясню сущность мира [*rationem mundi*], чтобы можно было без труда понять, когда и каким образом он был сотворен Богом, чего не мог ни узнать, ни объяснить Платон, который рассуждал о появлении мира. Поскольку он не ведал небесной тайны, которая была известна только пророкам и учившему нас Богу, то говорил, что мир был создан навечно. Это совершенно не так, ибо все, что является твердым и прочным телом, так же, как получило некогда начало, необходимо будет иметь конец. 7. Что касается Аристотеля, то, поскольку он не понимал, каким образом могло бы исчезнуть такое множество вещей, и поскольку хотел избежать самого этого вопроса, сказал, что мир вечно существовал и будет существовать всегда. 8. Он совершенно ничего не понимает, ибо все, что существует, необходимо получило когда-то начало, и совершенно не может ничего существовать, что не имело бы начала. В самом деле, если мы видим, что земля, вода и огонь разрушаются, иссякают и гаснут, — а они, как бы то ни было, являются первоэлементами [стихиями] мира, — то, естественно, смертно и то, чьи [составные] элементы смертны. 9. Так и получается, что все, что было рождено, должно погибнуть. И все, что видят глаза, все, что телесно, как говорил Платон, необходимо подвержено тлению.¹ 10. Стало быть, один лишь Эпикур, следуя Демокриту, оказался правдив в этом деле, когда говорил, что все когда-то было рождено и когда-то погибнет. И тем не менее он не мог открыть, по каким причинам и в какое время уничтожится все это творение.

11. Поскольку это нам открыл Бог и поскольку это мы постигаем не по догадкам, но благодаря небесному преданию, мы со всей ревностью это и докажем, чтобы людям, стремящимся к истине, стало, наконец, ясно, что философы не видели истину и не обнаружили ее. Тем не менее они так же легко ее чуяли, как и не могли понять, откуда веет на них этот столь приятный, столь милый аромат истины. 12. Между тем

¹ Ср.: Платон. Федон. 80а–с.

я считаю необходимым напомнить взявшимся за чтение, что этого нашего учения, которое мы передаем, превратные и больные умы либо совсем не знают, — ибо притупляется мысль их от земных страстей, которые обременяют все чувства и делают их слабыми, — либо, даже если и знают, пренебрегают им и не признают его истинным, ибо увлекаются страстями и сознательно содействуют своим порокам, чьей привлекательностью ослепляются, и оставляют дорогу истины, чьи тяготы им ненавистны. 13. Действительно, поскольку они охвачены жадностью и ненасытной жаждой богатств, поскольку не могут, продав и раздарив все, что им так мило, проводить жизнь свою в скромном служении [истине], без сомнения, они предпочитают видеть ложным то учение, которое принуждает их отказаться от собственного вожделения. 14. Также и те, кто возбуждены страстями и, как говорит поэт, *в буйство впадают и в жар*,¹ утверждают, что нам нельзя верить, ибо ранят их уши предписания воздержанности, которые удерживают их от наслаждений, которыми они приговорили душу свою [к смерти] вместе с телом. 15. Те же, кто движим тщеславием или воспламенены страстью к могуществу, все усилия свои направляют на получение почестей. И даже если бы мы на руках несли само Солнце, они не станут верить тому учению, которое приказывает им жить смиренно, презрев могущество и почести; так смиренно, что они могли бы принимать несправедливость и не желали бы мстить, после того как приняли. 16. Те по-настоящему являются людьми, кто не лают, закрыв глаза, на истину. Здоровые же люди, т. е. не столь погруженные в пороки, чтобы стать [духовно] исцеленными, поверят в это учение и охотно примут его, а все, о чем мы говорили, покажется им ясным, чистым, безупречным и, что особенно необходимо, истинным и неопровержимым. 17. Никто не содействует добродетели, кроме тех, кто может следовать ей, следовать же ей не всем легко. Ей могут следовать те, кого обременяют нужда и бедность и делают их [тем самым] склонными к добродетели. 18. Если же добродетель состоит в терпении к несчастьям, то добродетель не могут принять те, кто постоянно пребывают в благополучии, ибо они не испытывали бед и не могут их переносить, живя в благополучии,

¹ Вергилий. Георгики. III.244.

которое одно им и было известно. 19. Вот почему и выходит, что бедным, которые свободны, легче поверить в Бога, чем богатым, которые прочно связаны многими узами. Ибо ведь, связанные и скованные, они служат повелениям властвующей над ними корысти, которая оплела их крепкими путами, и не могут смотреть они в небо, ибо сердце их обращено к земле и погружено в грязь. 20. Дорога же добродетели не терпит несущих большое бремя. Это весьма узкая тропа, по которой справедливость ведет человека на небо, и может она выдержать лишь нищего и бедного. 21. Те же богачи, обремененные великим и многочисленным имуществом, шествуют по дороге смерти, поскольку широк путь гибели. 22. Им неприятно, ядовито все то, что предписывает Бог относительно справедливости, и то, что мы по наставлению Бога говорим о добродетели и об истине. Если дерзнут они противиться этим предписаниям, то неизбежно окажутся врагами добродетели и справедливости.

23. Теперь я приступаю к тому, что остается, чтобы подвести итог сочинения. Остается же сказать нам о суде Божиим, который будет произведен тогда, когда Господь наш возвратится на землю, чтобы воздать каждому по заслугам награду или наказание. 24. И вот как в четвертой книге мы сказали о первом Его пришествии,¹ так в этой мы сообщим о втором пришествии, которое признают даже иудеи и уповают на него, хотя и напрасно, поскольку Он, безусловно, вернется для утешения тех, для собирания кого Он приходил прежде. 25. Те же, кто бесчестно совершили насилие над уничиженным [Богом], увидят Победителя преисполненным сил и претерпят по суду Божиему за все то, что сами читали и не понимали. Разумеется, те, которые запятнаны в грехах и к тому же обогрибли себя святой кровью, будут обречены на вечные муки Богом, в отношении Которого они совершили нечестивое насилие. 26. Однако у нас будет особый повод, чтобы обличить их в заблуждении и преступлении.

2. 1. Теперь же мы обратимся с наставлением к противникам истины. По высшему определению Бога было установлено так, чтобы этот неверный век по прошествии времени завершился. И вот когда исчезнет немедленно всякое зло и когда души благочестивых людей вернут-

¹ См.: IV.12.

ся к блаженной жизни, под властью Самого Бога расцветет безмятежный, спокойный, мирный и, как его называют поэты, «золотой век».

2. Основная причина всех заблуждений философов состоит в том, что замысел мира, который заключает всю мудрость, не был ими открыт.

3. Ибо он не может быть открыт собственным умом и личным размышлением, философы же хотели постичь его без помощи [небесного] учителя. И вот они приходили к различным суждениям, которые часто противоречили одно другому, из чего не было выхода, и они [постоянно] увязали в той же [самой] грязи, как говорит комедиограф,¹ т. е. в своих предположениях, не давая ответа, в чем состоит замысел мира. Хотя они и предполагали то, что было истинным, все же не могли ни подтвердить, ни проверить этого без знания истины и небесных вещей. Сущность же мира, как часто я уже говорил, не может открыться человеку иначе, как через наставления Божии.

4. Ведь если бы человек мог постичь божественное творение, то смог бы и совершать [подобное]. Ибо постигать — значит идти как бы по пятам. Но человек не может совершать того, что Бог, так как облачен в смертное тело; стало быть, он не может и постичь того, что совершает Бог. Возможно ли это, легко может понять каждый по беспредельности вещей и божественных творений.

5. Ведь если бы ты хотел обозреть весь мир со всем, что в нем находится, ты бы, конечно, понял, насколько творение Божие превосходит труды человеческие. Так вот, насколько отличаются творения Божии и человеческие, настолько, необходимо, различаются и мудрость человеческая и Божия.

6. Поскольку же Бог не подвержен порче и бессмертен, и потому совершенен, что вечен, мудрость Его, равно как и Он сам, совершенна и ничто не может ее поколебать, ибо Бог сам ничему не подвластен.

7. Поскольку же человек подвластен страстям, то и мудрость его подвержена заблуждению, и подобно тому, как многое обременяет жизнь человека, так что она не может быть вечной, так же, с необходимостью, многое обременяет мудрость его, так что она не может быть совершенна для полного постижения истины.

8. Стало быть, нет никакой человеческой мудрости там, где она самостоятельно пытается постичь и узнать истину, ибо ум человека, связанный со сла-

¹ Теренций. Формион. V.2.15.

бым телом и заключенный [как бы] в темнице, не способен ни свободно искать, ни ясно видеть истину, знание которой принадлежит Богу. Ибо одному Богу известны Его творения. 9. Человек же может ее постигать не с помощью размышлений или споров, но лишь слушая и узнавая ее от Бога, Который единственный может знать ее и преподавать ее. 10. По этой причине Марк Туллий, приводя из Платона высказывание Сократа, говорившего, что настало время уйти ему из жизни, [свидетельствует, что Сократ, обращаясь к] тем людям, перед кем он произносил свою заключительную речь на процессе, изрек, что только бессмертные боги знают, лучше ли жить или умереть, и никто из людей этого не ведает.¹ 11. Вот почему все философские школы необходимо далеки от истины, ибо те, кто их основали, были людьми, и потому эти школы не могут иметь прочного основания, которое бы зиждилось на каких-либо свидетельствах божественных речений.

3. 1. Поскольку же мы говорим о заблуждениях философов, то стоики делят природу на две части: одна — которая созидает, другая — которая служит для созидания осязаемого. В той первой — сила Провидения, во второй — материя, и одна без другой невозможна. 2. Каким образом одно и то же может быть и тем, кто творит, и тем, что творится? Если кто-то скажет, что горшечник то же, что и глина, или что глина то же, что и горшечник, неужели тот не покажется чистым безумцем? 3. Но эти стоики одним именем природы связывают две противоположные сущности [res], Бога и мир, мастера и творение, и говорят, что одно без другого ничего не может, словно бы природа является Богом, смешанным с миром. Ведь они подчас так смешивают, что сам Бог оказывается у них разумом мира, а мир — телом Бога, словно бы они одновременно начали существовать, мир и Бог, а не Бог сотворил мир. 4. Это они и сами признают в другом месте, когда объявляют, что мир был создан ради людей, а Бог, если бы захотел, мог бы обойтись без мира, ибо Бог является божественным и вечным Умом, независимым и свободным от тела.² Поскольку они не могли знать силу Его и

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. I.41.99. Ср.: Платон. Апология Сократа. 42а.

² Ср.: Божественные установления. I.5.25; Цицерон. Тускуланские беседы. I.27.

могущество, то смешали Его с миром, т. е. с Его творением. 5. Отчего Вергилий говорит:

*...и дух, по членам разлитый,
движет весь мир, пронизав его тело.¹*

6. Где же здесь, как они говорят, одно и то же, что было создано и управляется Провидением? Ведь если Бог сотворил мир, стало быть, Он существовал без мира. Если Бог правит миром, то все же не так, как ум управляет телом, но словно бы хозяин — домом, словно бы кормчий — судном, словно бы возница — колесницей, которые все-таки не смешиваются с тем, чем правят. 7. Ведь если все то, что мы видим, является частями Бога, то Бог оказывается у стойков бесчувственным, ибо члены лишены чувств, и смертным, ибо мы видим, что члены смертны. 8. Я бы мог перечислить, сколько раз внезапными потрясениями разверзлась земля, образуя пропасти, сколько раз под набегавшими волнами в глубинах исчезали города и острова, сколько раз плодородные поля покрывались болотами, сколько раз иссыхали реки и озера, сколько раз рушились горы и сравнивались с равнинами, сколько раз скрытый и внутренний огонь уничтожал многочисленные области и подножия гор. 9. Мало того, что Бог не щадит Своих членов, но и человеку дан доступ в тело Бога: они застраивают моря, срывают горы² и для добычи богатств раскапывают недра земли. А что сказать насчет того, что нельзя даже заниматься пахотой, не терзая при этом божественного тела, чтобы не стать преступниками и святотатцами, которые истязают члены Божии? 10. Неужели Бог терпит, чтобы терзалось Его тело, и Сам его калечит, и людям позволяет истязать его? Или тот божественный разум, который смешан с миром и со всеми частями мира, оставил поверхность земли и сам погрузился в глубину, чтобы не чувствовать боли от постоянных терзаний? 11. Если это глупо и несообразно, то те философы так же лишены разума, как и те члены мира, ибо не ведали они того, что Дух Божий, хотя и разлит повсюду и во всем заключается, все же соединяется с вещными и тленными элементами не так, как сам Бог, Который неделим.

¹ Вергилий. Энеида. VI.726–727.

² Ср.: Саллюстий. О заговоре Катилины. 20.11.

12. Стало быть, более верным является то, что утверждал Платон: мир был сотворен Богом и управляется Его Провидением. Следовательно, надлежит и Платону, и тем, кто так же полагают, объяснить и открыть, какова была причина и каков смысл совершать это творение, зачем и ради чего оно было осуществлено. 13. Те стоики говорят, что мир был создан ради людей. Я согласен. Зато Эпикур не знал, зачем и кто создал людей. Ведь Лукреций, когда утверждал, что мир не был сотворен богами, сказал следующее:

*Думать же, что для людей изготовить изволили боги
Дивную мира природу...¹*

(и добавил далее)

*Только безумье одно. Какую бессмертным блаженным
Выгоду можно извлечь из всей благодарности нашей,
Если б они ради нас предприняли что-нибудь сделать?²*

Справедливо. 14. Действительно, философы [в своих поисках] не обнаруживали никакого смысла, зачем был сотворен и организован Богом человеческий род. Наш же долг — показать тайну мира и человека, ибо непричастные к ней не могли ни коснуться, ни увидеть святилища истины. 15. Итак, я сказал чуть раньше,³ хотя философы предполагали то, что было верным, а именно что мир был сотворен и сотворен ради человека, все же, поскольку замысел мира им был неизвестен, они не могли обосновать то, что предполагали. 16. Наконец, Платон, чтобы не представлять творение Божие слабым и тленным, сказал, что мир будет существовать вечно. Если мир сотворен ради людей и сотворен так, чтобы существовать вечно, почему же сами люди, ради которых он создан, не вечны? Если смертны те, ради кого был создан мир, стало быть, и сам он смертен и подвержен тлению. Ибо он не может быть важнее тех, ради кого был сотворен. 17. Если бы Платон постиг это, то понял бы, что мир погибнет, поскольку был сотворен, и что ничто осязаемое не может быть вечным.

¹ Лукреций. О природе вещей. V.156–157.

² Там же. V.165–167.

³ См.: VII.2.3.

18. Кто же отрицает, что мир был создан ради человека, тот вообще лишен разума. Ведь если он говорит, что создатель ради себя самого затеял это творение, то зачем мы рождены? Почему мы пользуемся миром? Зачем создатель захотел сотворить для себя род человеческий и других животных? Почему мы получили разные преимущества? Почему, наконец, мы сначала мужаем, а потом слабеем и умираем? 19. Какой смысл в смене поколений? Зачем постоянная преемственность? Разумеется, Бог хотел видеть и ваять людей под различными Своими образами, словно статуэтки, которыми бы мог услаждать Себя. А если это так, то Он заботится о животных и особенно о человеке, которому подчинил все.

20. Тому, кто говорит, что мир существовал вечно, — я упускаю то, что он не мог существовать без какого-либо начала, они же не могут отыскать, где оно, — я скажу следующее: если бы мир существовал вечно, он не имел бы никакого замысла. 21. Ибо зачем замысел тому, что никогда не начиналось? Ведь прежде чем чему-то возникнуть или организоваться, необходим замысел, чтобы спланировать, каким образом это возникнет, и ничего не может начаться без первоначального замысла. 22. Итак, всякому творению предшествует замысел [ratio], следовательно, замысла не имеет то, что не было сотворено. Поскольку же мир имел замысел, ибо он существует и управляется, стало быть, он был сотворен. Если же он был сотворен, значит, и погибнет.

23. Пусть же поймут они, если смогут, почему вначале был создан мир и почему потом он погибнет. Поскольку Эпикур или Демокрит не могли объяснить этого, то утверждали, что мир родился сам собой, когда [случайно] соединились друг с другом элементы; когда они вновь разъединятся, то последует разложение и гибель. 24. Они, стало быть, извратили то, что правильно видели, и незнанием замысла совершенно уничтожили всякий смысл, низведя мир и все, что в нем пребывает, до подобия некоего пустого сна [ad similitudinem cuiusdam vanissimi somnii], ибо лишили человеческие дела всякого смысла. 25. Но когда в мире и во всех его частях, как мы видим, царит удивительный смысл, когда обладает смыслом порядок неба и правильный при всем многообразии ход звезд и небесных светил, неизменное и удивительное течение времени, богатое плодородие земли, равнины полей, величие

горных кражей, зелень и изобилие лесов, целительность родников, своевременные разливы рек, мощные и богатые приливы моря, разностороннее и полезное дуновение ветра и все прочее, кто же столь глуп, чтобы полагать, будто без причины было произведено то, в чем явствуется такой удивительный порядок? 26. Следовательно, если без причины ничего не существует и ничего не происходит, если Провидение Всевышнего Бога явствуется из порядка вещей, его доблесть — из их величия, его могущество — из управления им [миром], стало быть, тупыми и безумными являются те, кто утверждают, что Провидения не существует. Я бы не осуждал, если бы они сказали, что богов не существует, потому что признали бы, что Бог один. Но если они утверждают, что богов нет, потому что нет ни одного бога, то тот, кто не сочтет речи их вздором, сам безумен.

4. 1. Однако о Провидении мы достаточно сказали в первой книге. Если оно существует, что явствуется из удивительности его деяний, необходимо, чтобы и человек, и прочие животные были созданы тем же самым Провидением. 2. Рассмотрим же, каков был смысл в сотворении рода человеческого, ибо не подлежит сомнению то, что говорят стоики, что мир был сотворен ради людей. Впрочем, они весьма ошибаются в том, что говорят не «ради человека», а «ради людей». Ведь единственное наименование одного человека обнимает собой весь род человеческий. 3. Ошибаются же они потому, что не ведают, что Богом был сотворен один только человек, и полагают, что люди рождались, словно грибы, по всем землям и областям. Но Гермес [Трисмегист] знал и то, что человек был сотворен Богом, и то, что сотворен по образу Божьему. Однако я возвращаюсь к предмету разговора.

4. Нет ничего, как я полагаю, что было бы сотворено ради самого себя; все, что бы ни возникало, необходимо появляется для чьей-нибудь пользы. Ведь кто или столь глуп, или столь бездеятелен, чтобы пытаться сделать что-либо впустую, из чего нельзя было бы получить никакой пользы и никакой выгоды? 5. Кто строит дом, не для того его строит, чтобы просто был дом, но чтобы можно было жить в нем. Кто сооружает корабль, не для того берется за труд, чтобы получить корабль, но чтобы можно было отправиться на нем в плаванье. 6. Так же и тот, кто задумывает и лепит какой-нибудь сосуд, делает это не ради

того, чтобы просто вылепить сосуд, а чтобы в нем можно было хранить нечто необходимое. Равным образом и все прочее создается вовсе не впустую, но чтобы быть использованным с какой-то целью. 7. Стало быть, и мир был сотворен Богом не ради самого мира, ибо он не нуждается ни в сиянии солнца, ни в свете луны, ни в дуновении ветра, ни во влаге дождей, ни в питании плодами, поскольку лишен чувственности. 8. Но нельзя сказать и того, что Бог сотворил мир ради Себя Самого, поскольку Он может обходиться и без мира, как было прежде, и Бог Сам не пользуется тем, что рождается в мире. 9. Итак, ясно, что мир был сотворен ради живых существ, поскольку именно живые существа пользуются всем тем, из чего состоит мир. Чтобы они могли жить и сохраняться, все необходимое рождается для них в определенное время. 10. С другой стороны, ясно, что все прочие животные были созданы для человека, ибо они служат человеку и даны ему для охраны и использования, ибо, наземные ли, водные ли, они не знают смысла мира, в отличие от человека.

11. В этом месте следует ответить философам, прежде всего Цицерону, который спросил: «Почему Бог, когда все сотворил ради нас, такую силу дал водяным змеям и гадюкам? Зачем распространил по земле и в море столь много губельного?»¹ 12. Замечательное место для спора, однако следует дать ответ в весьма кратком обзоре. Поскольку человек был создан из разных и противоположных элементов, из души и тела, т. е. из неба и земли, неосязаемого и осязаемого, вечного и преходящего, чувственного и косного, наделенного светом и темного, сами разум и необходимость требуют того, чтобы человеку были даны и добро, и зло. Добро — чтобы им пользоваться, зло — чтобы избегать и остерегаться его. Конечно же, для того человек был наделен разумностью, чтобы, познав природу добра и зла, он использовал силу своего разума в стяжании добра и в уклонении от зла. Поскольку же прочие животные не были наделены разумом, они защищены и вооружены природным одеянием, а человеку вместо всего этого, в чем [состоит] его [высшее] достоинство, Бог дал один только разум. 14. Итак, Бог сотворил человека голым и беззащитным, чтобы его и укрывала, и защищала разумность. Оплот и

¹ Cic. Acad. prior. II.38.120.

облачение Бог поместил у него не снаружи, но внутри, не на теле, но в сердце. Стало быть, если бы не было зла, которого следует остерегаться и которое следует отделять от доброго и полезного, человеку была бы не нужна и разумность. 15. Пусть же Марк Туллий узнает, что человеку для того был дан разум, чтобы и рыб он ловил для пользы своей, и водяных змей и гадюк избегал ради здоровья своего, и что для того человеку даны добро и зло, чтобы он, получив разум, всю силу его направил на различение доброго и злого. 16. Значит, велики, правильны и удивительны сила, разум и возможности человека, ради которого Бог сотворил сам мир и все сущее и лишь ему оказал такую честь, что поставил его во главе всего, ибо один только человек может восхищаться творениями Божиими. 17. Весьма хорошо говорит наш Асклепиад,¹ рассуждая о Провидении Всевышнего Бога в той книге, которую написал для меня: «Потому прав тот, кто полагает, что Божественное Провидение ближайшее к себе место отдало тому, кто мог бы понять его порядок [ordinatiōnem]. 18. Возьмем солнце; кто его видит так, чтобы понять, зачем солнце существует и сколько милостей оно приносит прочим творениям? А небо? Кто в него вглядывается? А земля? Кто ее обрабатывает? А море? Кто по нему плавает? А огонь? Кто его использует?» 19. Стало быть, Всевышний Бог установил все не ради Себя, так как ни в чем не нуждается, но ради человека, который всем и пользуется.

5. 1. Откроем же теперь смысл сотворения самого человека. Если бы философы знали это, то защищали бы то, что нашли истинным, и не ввергли бы себя в великие заблуждения. 2. Ибо в этом заключается сумма, сущность вещей, которую если кто-то не постиг, от того полностью ускользает истина, т. е. ясно, что они не ведают замысла. Если бы им открылся [этот] замысел, если бы они узнали всю тайну человека, то никогда бы рассуждения их и всю их философию не уничтожила бы вдруг Академия.² 3. Как мир Бог создал не ради Себя, ибо не нуждался

¹ Асклепиад — христианский писатель, современник и адресат Лактанция. О нем почти ничего не известно. Блаж. Иероним упоминает, что Лактанций написал для него две книги (*Hier. De vir. ill.* 80), которые, впрочем, до нас не дошли.

² Лактанций намекает на скептическую критику всех философских школ, успешно предпринимаемую представителями Новой Академии.

в его благах, но ради человека, так и человека Он сотворил ради Себя Самого. 4. «Какая польза Богу от человека, — говорит Эпикур, — чтобы создавать его ради себя?» Разумеется, чтобы был тот, кто постиг бы деяния Его, кто мог бы восхититься и восславить промысел Провидения, осуществление замысла, торжество добродетели, в итоге — чтобы тот стал чтить Бога. 5. Ибо тот почитает Бога, кто познаёт это; тот удостаивает Создателя всех вещей и своего истинного Отца должным уважением, кто доблесть Его могущества обнаруживает в замысле, т. е. начале и итоге всех трудов. 6. Какое доказательство того, что Бог и мир создал ради человека, и человека ради Себя, может быть очевиднее того довода, что из всех живых существ один только человек был сотворен так, чтобы глаза его были бы устремлены в небо, лицо было бы обращено к Богу, внешность была бы общей со своим Родителем? И Бог, кажется, словно бы протянув руку, заставил человека подняться от земли для того, чтобы тот созерцал Его. 7. «Что же, — говорит Эпикур, — приносит поклонение человека Богу, блаженному и ни в чем не нуждающемуся? Или если человек удостоился такой чести, что ради него Бог создал мир, что наделил его разумом, что сделал господином всех живых существ и что любит его, словно сына, то почему сотворил его смертным и слабым? Почему того, кого любит, Он подвергает всяческим бедам, в то время как следовало бы, чтобы человек был создан для поклонения Богу и созерцания Его блаженным, поскольку связан с Ним и близок Ему, и вечным, как и Он сам?»

8. Хотя почти об этом же мы рассуждали в разных местах первых книг, все же, поскольку как раз этого требует тема, ибо предполагалось вести речь о блаженной жизни, следует объяснить это более точно и более полно, чтобы стали известны и замысел Бога, и труд Его, и воля. 9. Хотя Он мог бы с помощью бессмертных духов Своих постоянно производить на свет бесчисленные души (как Он родил ангелов), которым бы Он дал бессмертие без всякого риска и страха зла, все же придумал невыразимое: сотворить бесконечное множество душ [infinitam multitudinem animarum], чтобы поместить их, скованных слабыми и хрупкими телами, между добром и злом; чтобы предложить им, состоящим из природы того и другого, добродетель, дабы не без труда и в неге достигали они бессмертия, но шли к этой невыразимой

награде вечной жизни с высшим рвением и большими трудностями. 10. И вот, чтобы наделить их тяжелыми и подвластными страданиям членами, и в то же время, поскольку они не смогли бы пребывать в пустоте, когда тяжесть тел тянула бы их вниз, Бог решил прежде создать им обиталище и место для пребывания. 11. Итак, с невыразимой доблестью и могуществом Он совершил прекрасное творение мира. Подняв вверх легкие элементы и опустив вниз тяжелые, Он создал землю и небо. 12. Нет необходимости говорить сейчас подробно обо всем, поскольку мы уже вели речь об этом во второй книге.¹ Итак, Он поместил на небе светила, гармоничность которых, яркость и весьма упорядоченное движение были устроены во благо живущих. Земле же, которую Он захотел сделать обителью [человека], дал способность рождать и производить на свет различные плоды, чтобы она из обилия плодов, хлебов и трав давала всякого рода пропитание. 13. Когда же было создано все, что относится к сотворению мира, Бог создал человека из самой земли, которую изначально приготовил ему в качестве обители. То есть Он вдохнул и вселил Дух Свой в земное тело, чтобы человек, созданный из различных и противоположных элементов, вмещал [в себе] как добро, так и зло. 14. И как сама земля была способна рождать плоды, так и тело человека, которое было создано из земли, получило силу рождать и способность производить потомство, чтобы, поскольку созданный из тленной материи человек не мог жить вечно и по истечении срока жизни умирал, то человек, которого Он сотворил слабым и тленным, повторялся бы из поколения в поколение.

15. Почему же Бог создал человека слабым и смертным, если ради него создал мир? Во-первых, чтобы бесконечно рождались души и наполняли всю землю своим множеством. Во-вторых, чтобы предложить человеку добродетель, т. е. терпение ко злу и тяготам, с помощью которой он мог бы обрести награду бессмертия. 16. Поскольку же человек состоит из двух частей, из тела и души, одна из которых земная, а другая небесная, человеку предназначены две жизни: одна временная, которая отведена телу, а другая вечная, которая относится к душе. 17. Рождаясь, мы получаем эту [временную жизнь], ту же [вечную] достигаем

¹ См.: II.9.

в трудах, чтобы бессмертие не доставалось, как чуть раньше мы сказали, без всяких усилий. Эта земная жизнь является как бы телом и потому конечна, та же небесная является как бы душой и потому не имеет предела. Эту первую мы получаем, не зная о ее обретении, ту вторую — зная, ибо она достается не по природе, а по добродетели, поскольку Бог захотел, чтобы мы готовили себе [вечную] жизнь в жизни [преходящей]. 18. Для того Он дал нам эту текущую жизнь, чтобы мы или из-за пороков утрачивали ту истинную и вечную, или заслуживали ее добродетелью. В этой телесной жизни нет высшего блага, поскольку она как дана нам божественной необходимостью, так и будет вновь отнята божественной неизбежностью. То, что имеет конец, не имеет высшего блага. 19. Высшее благо заключено в той духовной жизни, которую мы обретаем по своим заслугам, ибо она не может иметь ни зла, ни конца [во времени]. Это доказывает природа и сущность тела.

20. Ведь прочие животные наклонены к земле, ибо являются земными [существами], и не обретают бессмертия, которое от неба. Человек же прямо смотрит в небо, ибо ему обещано бессмертие. И все же он не достигнет его, если оно не будет даровано [ему Всевышним] Богом. Ведь не было бы никакой разницы между справедливым и несправедливым, если бы всякий рожденный человек становился бессмертным. Стало быть, бессмертие — не следствие природы, но плата и награда за добродетель. 21. Наконец, человек не сразу, как рождается, начинает ходить прямо, но сначала на четвереньках, так как сущность тела и этой текущей жизни у нас общая с бессловесными животными. Затем, исполнившись сил, он выпрямляется, язык его становится способным говорить, и человек перестает быть бессловесным животным. 22. Так же и человек рождается смертным, а затем становится бессмертным, когда начинает жизнь от Бога, т. е. начинает следовать справедливости, которая заключена в поклонении [истинному] Богу, поскольку Бог заставил человека подняться для созерцания неба и Себя. Это происходит тогда, когда человек, очищенный небесным омовением, оставляет младенчество со всеми пороками прежней жизни и, укрепившись от божественной силы, становится человеком завершённым и полным.¹ 23. Следовательно, поскольку

¹ Ср.: 1 Кор. 13.11.

Бог предложил человеку добродетель, то хотя душа и тело объединены [в человеке], все же они противоположны друг другу и борются друг с другом. Блага души являются злом для тела, а именно — уклонение от богатств, запрещение наслаждений, презрение к боли и смерти. Равно и блага тела являются злом для души, а именно — жадность и стяжательство, через которые домогаются богатства, и прелесть различных наслаждений, изнеженная которыми, душа погибает. 24. Поэтому необходимо, чтобы праведный и мудрый человек пребывал среди зла, чтобы твердость его стала победительницей над злом; неправедные же люди — в богатстве, в чести и у власти. Ибо эти блага телесные и земные, а подвластные им люди ведут земную жизнь и не смогут достичь бессмертия, ибо предаются наслаждениям, которые враждебны добродетели. Итак, эта временная жизнь должна быть подчинена той вечной, как тело — душе. 25. Стало быть, кто предпочитает жизнь души, тому необходимо пренебречь жизнью тела; нельзя подняться вверх иначе, как презрев то, что внизу. Кто же будет ценить жизнь тела и обращать страсти свои к земле, не сможет достичь той, более высокой жизни. 26. Кто предпочитает хорошо жить вечно, должен плохо жить до срока и подвергаться всяким тяготам и трудностям, пока пребывает на земле, чтобы обрести божественное и небесное утешение. А кто предпочел хорошо жить временно, будет плохо жить в вечности, ибо будет осужден по воле Божией на вечную муку, поскольку предпочел небесным благам земные. 27. Кроме того, Бог стремится, чтобы Он чтился и прославлялся человеком как Отец, чтобы человек стяжал добродетель и мудрость, которые одни лишь дают бессмертие. Ведь поскольку никто, кроме Бога, не может их дать, ибо ими владеет [один] Бог, то за благочестие, которым бы человек прославлял Бога, Он дает ему такую награду, чтобы человек вечно был блаженным и вечно пребывал у Бога и вместе с Богом.

6. 1. Рассмотрим же теперь весь замысел кратко и сжато. Для того был сотворен мир, чтобы родились мы. Мы рождаемся для того, чтобы познать Творца мира и нашего Родителя — Бога. Для того мы познаем Бога, чтобы почитать Его. Мы Его чтим для того, чтобы обрести в качестве награды за труды бессмертие, ибо почитание Бога состоит в великих трудах. Для того мы обретаем награду бессмертия, чтобы, став подобны-

ми ангелам, вечно служить Всевышнему Отцу и Господу и жить в вечном царстве Бога. 2. В этом высший смысл, в этом скрытый замысел Божий, в этом тайна мира, которой чужды те, кто, преследуя сиюминутное наслаждение, предают себя земным и преходящим благам и души, рожденные для небесных благ, погружают, словно в грязь и нечистоты, в смертоносные удовольствия. 3. Рассмотрим же теперь, обладает ли хоть каким-то смыслом поклонение богам. Если их много, если для того их почитают люди, чтобы они даровали им богатства, победы, почести и все прочее, что ценно в этой жизни, если мы родились без причины, если в появлении людей на свет не было никакого Провидения, если мы родились случайно и ради самих себя, ради своего собственного удовольствия, если после смерти нас нет, то что может быть более бесполезным, более тщетным, более пустым, чем человеческая жизнь, чем сам мир, который хотя и организован с восхитительным великолепием и удивительным порядком, все же служит никчемному? 4. Ибо зачем ветра гонят тучи? Зачем сверкают молнии? Зачем земля приносит плоды и кормит всех? Зачем, в конце концов, погибает вся природа вещей, и тем не менее нет нехватки в вещах, которые поддерживают жизнь человека, если все это пустое, если мы умираем окончательно, если нет в нас никакой выгоды для Бога? 5. Если бы, что и сказать нельзя и подумать, могло случиться так, чтобы все было устроено без какого-либо смысла, — в действительности же, то, что ты видишь, обладает великим смыслом, — то какой может быть смысл в тех заблуждениях порочных религий и в том убеждении философов, согласно которому души смертны? Конечно же, никакого. 6. Ведь что они могут сказать относительно того, зачем боги столь усердно дают в свое время всякие блага? Неужели для того, чтобы те приносили им хлеб, чистое вино, воскурляли им благовония и жертвовали кровь животных? Эти дары не могут быть приятны бессмертным [богам], поскольку являются тленными; они не могут быть полезны не имеющим тел, поскольку предназначены для нужд тела. И все же, если боги всего этого требуют, то могли бы и сами себе всё это дать, когда бы захотели. 7. Итак, умирают ли души или живут вечно, какой смысл заключен в поклонении богам или тем, кем был сотворен мир? Зачем, когда, на какой срок и ради чего были созданы люди? Зачем они рождаются, умирают,

снова рождаются и снова умирают? Что боги могут обрести от почитания тех, кто после смерти превращается в ничто? Что это почитание дает, что сулит, что достойного обещает людям или богам? 8. Даже если души сохраняются после кончины, что боги делают и сделают ли в их отношении? Зачем им множество душ? Из какого источника сами они получили начало? Каким образом, почему и откуда их так много? 9. Так выходит, что если ты отступишь от той сущности вещей, которую мы выше открыли,¹ пропадет всякий смысл, и все обратится в ничто.

7. 1. Поскольку философы не открыли этой сущности, они не смогли открыть и истину, хотя почти видели и чуть не открыли то, на чем зиждется сама сущность. Но различные философы различным образом обнаруживали все это, не связывая причин, следствий и смысла, чтобы постичь и разъяснить ту сущность, которая все объемлет. 2. Впрочем, не трудно доказать, что почти вся истина разделена по философам и школам. Поистине, мы не развенчиваем философию так, как это обычно делают академики, которые намереваются ответить на все, а это оказывается, скорее, насмешкой и глумлением [над всеми]. Но мы покажем, что не было ни одной столь сумасбродной школы и ни одного столь пустого философа, которые бы не увидели хоть чего-то истинного. 3. Однако пока они безумствуют в стремлении противоречить и пока защищают свои ложные [убеждения] и низвергают истинные [идеи] других, они не только отнимают истину у других, которую, как они полагают, сами нашли, но и уничтожают ее своим заблуждением. 4. Ибо если бы нашелся кто-нибудь, кто бы разбросанную по отдельным философам и рассеянную по разным школам истину собрал воедино, в одно целое, тот бы, конечно, оказался согласен с нами. Но этого никто не может сделать, кроме того, кому открыто и известно истинное, но это может знать лишь тот, кто получил знание от Бога. 5. Ибо нельзя иным образом отвергнуть то, что является ложным, и выбрать и принять то, что истинно. Но даже если бы кто-нибудь случайно сделал это, то это был бы только тот, кто усерднейше занимался философствованием. И хотя он не мог бы защитить истинное с помощью божественных свидетельств, все же истина сама просияла бы собственным светом. 6. А по-

¹ См.: VII.6.1.

тому невероятным является заблуждение тех, кто, открыв для себя какую-либо [философскую] школу и посвятив себя ей, остальные [школы] признают в качестве ложных и пустых и вооружают себя к борьбе и, не зная ни того, что должны защищать, ни того, что следует опровергать, без разбора начинают все, что ни встретят, опровергать. 7. Из-за этого ретивого их [друг с другом] несогласия не осталось ни одной философии, которая бы приблизилась к истинному знанию, ведь вся истина была по частям разбросана между ними.

8. Платон говорил, что мир создан Богом. То же самое говорят пророки и то же самое явствует из песен Сивилл. Стало быть, заблуждаются те, кто утверждают, что все возникло либо само по себе, либо когда собрались воедино [некие] мелкие частицы, поскольку такой мир, столь превосходный, столь великий, не мог ни возникнуть, ни организоваться, ни упорядочиться без какого-либо рассудительного Творца. К тому же сам разум, на котором, как они признают, все стоит и которым все управляется, показывает, что и у тонкого ума есть создатель. 9. Стоики утверждают, что мир и все, что в нем есть, был создан ради людей. То же самое нам открывают и Божественные Писания. Значит, заблуждался Демокрит, который полагал, что все вылезло, подобно червям, из земли без всякого творца и без всякого смысла. 10. Разумеется, то, зачем был сотворен человек, является божественной тайной, и поскольку Демокрит не мог ее знать, то свел человеческую жизнь на нет. 11. Аристон¹ рассуждал, что люди рождены, чтобы стремиться к добродетели. То же самое нам предсказывали и тому же самому нас учили пророки. Лгал, стало быть, Аристипп, который подчинял человека, словно животное, наслаждению, т. е. злу. 12. Ферекид² и Платон считали, что души бессмертны. Это положение принадлежит и нашей религии. Следовательно, заблуждались Дикеарх и Демокрит, которые говорили, что душа умирает и разлагается вместе с телом. 13. Стоик Зенон учил, что существует преисподняя и что обитель благочестивых отделена от нечестивых, что именно благочестивые обитают в безмя-

¹ Аристон — греческий философ III в. до н. э., приверженец стоической философии, ученик Зенона.

² Ферекид — греческий философ VI в. до н. э., учитель Пифагора.

тежных и приятных местах, а нечестивые несут наказания в местах сумрачных, в грязи и ужасных пропастях. Это же нам открыто показывают и пророки. Следовательно, ошибался Эпикур, который полагал, что это является вымыслом поэтов, и объяснял, что те казни преисподней переносятся в этой жизни.¹ 14. Итак, философы коснулись всей истины и всей тайны божественной религии, но, избличая других, были не в состоянии защищать то, что открыли, ибо каждому в отдельности [свой собственный] разум оказывался недостаточным, и то, что они узнали истинного, они не смогли суммировать, как сделали мы выше.²

8. 1. Итак, есть одно высшее благо — бессмертие, для обретения которого мы изначально созданы и рождаемся. К нему мы стремимся, именно к нему обращена человеческая природа, к нему ведет нас добродетель. Поскольку мы открыли, в чем заключается благо, остается сказать нам также о самом бессмертии. 2. Доводы Платона, хотя и весьма способствуют делу, все же недостаточно прочны для достижения и доказательства истины, поскольку он ни смысла великой тайны не связал воедино, ни высшего блага не открыл. Ибо хотя он верно полагал о бессмертии души, все же рассуждал о нем не как о высшем благе. 3. Мы же можем вывести истину из более прочных доказательств, ибо обнаружили ее не благодаря шаткой догадке, но узнали ее из божественного наставления. 4. Платон рассуждал так: «Вечно то, что само себя знает и постоянно движется; поскольку же само начало начала не имеет, оно не будет иметь и конца, так как не может лишиться самого себя».³ Этот аргумент дал бы и безмолвным животным вечность, если бы Платон не добавил о разумности. 5. Итак, чтобы избежать этой общности, он прибавил, что не может случиться так, чтобы душа человеческая не была бессмертной, удивительная способность которой к открытиям, быстрота мышления, легкость в постижении и обучении, способность помнить прошлое и предвидеть будущее, знание

¹ Ср.: Лукреций. О природе вещей. III.978–979: «Все, что, согласно молве, в глубине Ахеронта сокрыто, / Все, очевидно, у нас в самой жизни находится здешней».

² См.: VII.6.1.

³ Ср.: Платон. Федр. 245с–е. Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.23.53; Цицерон. О государстве. V.25.27.

бесчисленных вещей и искусств, которого лишены прочие живые существа, являются божественными и небесными. 6. Так как начало души, которая принимает столько всего и столько содержит, не находится на земле, ибо в душе нет ничего смешанного или слепленного из земли,¹ то необходимо, чтобы в землю обращалось то, что в человеке тяжелое и подвержено разложению, а то, что тонкое, легкое и, конечно, не подвержено разложению, освобождаясь из обиталища тела, словно из темницы, отлетало на небо, к своей природе. 7. Это сжатое изложение мысли Платона, которая у него самого выглядит пространнее и богаче. Этой мысли еще раньше придерживались Пифагор и его учитель Ферекид, который, как говорит Цицерон, первым стал рассуждать о вечности души.² 8. Хотя все они отличались красноречием, все же в споре этом бóльшим авторитетом обладали те, кто утверждали противное этой мысли, прежде всего Дикеарх, затем Демокрит и, наконец, Эпикур; настолько, что сам предмет, о котором они спорили между собой, подвергали сомнению. 9. В конце концов Туллий, представив все их суждения о бессмертии и смерти, пришел к выводу, что они сами не знали, что истинно. «Какие из их суждений истинны, — говорит он, — пусть рассудит какой-нибудь бог».³ И вновь в другом месте: «Поскольку каждое из этих положений высказано весьма просвещенным мужем, нельзя угадать, какое из них верное».⁴ 10. Однако нам, кому истину открыло само божественное вдохновение [divinitas], не нужно угадывать.

9. 1. Итак, вечность душ можно доказать и обосновать другими доводами, которые не приводили ни Платон, ни кто-то другой. Мы укажем их кратко, поскольку речь наша стремится к истолкованию великого суда Божьего, который случится на земле с приближением конца времен. 2. Прежде всего, поскольку человек не может видеть Бога, Бог, чтобы все-таки на этом основании не подумал кто, будто Он не существует, среди прочих чудесных творений Своих, — ибо сокрыт Он от

¹ См.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.27.66.

² Там же. I.16.38.

³ Там же. I.11.23.

⁴ Цицерон. Из неизвестных книг. Фрагм. 11.

смертных глаз, — сотворил также много таких вещей, сила которых хотя и очевидна, существо [substantia] же, тем не менее, не видно. Например, голос, запах, ветер, чтобы на основании и примере этих явлений мы, хотя Бог и недоступен взору, все же по Его силе, действиям и творениям увидели Творца. 3. Что яснее голоса, мощнее ветра или резче запаха? Поскольку же они переносятся по воздуху, достигают наших органов чувств и воздействуют на них своей силой, то различаются не зоркостью глаз, а воспринимаются другими частями тела. 4. Так же и Бог должен постигаться нами не через зрение или какое-то другое немощное чувство, но должен постигаться глазами разума, когда мы видим замечательные и удивительные труды Его. 5. Тех же, кто утверждал, что нет никакого Бога, я не назвал бы не только философами, но и людьми, ибо они, подобно бессловесным животным, состоят из одного лишь тела, ничего не видя душой и относя все к чувству тела, ибо они полагали, что не существует того, что не видно глазам. 6. И поскольку они воспринимали то, что противно доброму и приятно злу, то верили, что все родилось случайно и что мир организован природой, а не Провидением. Отсюда уже они доходили до вздора, который необходимо приводил их к следующему суждению. 7. Если Бог бестелесен, невидим и вечен, стало быть, не потому, вероятно, душа умирает, что не видна после того, как покидает тело, ибо известно, что есть что-то осязаемое и действующее, что не воспринимается зрением. 8. Но потому, что трудно воспринять, как душа может сохранять чувство без тех частей тела, которые отвечают за чувствование. 9. Что же Бог? Неужели легко понять, каким образом Он остается полным сил без тела? Если они верят, что существуют боги, которые, если существуют, являются, как бы то ни было, бестелесными душами, то необходимо, чтобы человеческие души существовали по такому же принципу. Ибо на основе собственно разума и знаний становится ясно, что между человеком и Богом есть некоторое сходство.

10. Наконец, достаточно серьезен и тот довод, приводимый Марком Туллием, из которого можно сделать вывод о бессмертии души. «Ибо нет, — говорит он, — ни одного другого живого существа, которое бы имело хоть какое-то представление о Боге, и религия является почти единственным, что отличает человека от бессловесных живот-

ных».¹ Поскольку она свойственна одному только человеку, она доказывает, что мы стремимся к тому будущему, того будущего жаждем, то будущее чтим, которое нам приятно и которое нам близко. 11. Неужели кто-нибудь, когда бы рассмотрел природу прочих животных, которых Провидение Высшего Бога создало со склоненными и пригнутыми к земле телами для того, чтобы из этого можно было понять, что они не имеют ничего общего с небом, может не увидеть, что из всех один только человек является небесным и божественным животным? Его поднятое на ноги от земли тело, величественный лик, прямое положение указывают на его происхождение и устремляются, как бы презрев низость земли, ввысь. Ибо человек знает, что высшее благо для себя следует искать наверху, и, помня свое сотворение, в ходе которого Бог создал его исключительным, созерцает своего Создателя. Это созерцание [Гермес] Трисмегист весьма справедливо назвал *боголюбованием*, которого нет ни у одного бессловесного животного. 12. Поскольку разумность, которая дана только человеку, является не чем иным, как познанием Бога, ясно, что душа не погибает и не разлагается, но сохраняется навсегда, так как ищет и почитает Бога, Который вечен, и [как бы] по принуждению [собственной] природы она знает, и откуда возникла, и куда вернется.

13. Кроме того, немаловажным является тот довод в пользу бессмертия, что один человек пользуется небесным началом. Ведь в то время как природа [всех] вещей состоит из двух начал, которые борются и соперничают друг с другом, из огня и воды, первый из которых принадлежит небу, а второй — земле, прочие животные, поскольку являются земными и смертными, используют только земное и тяжелое начало, и лишь человек использует огонь, т. е. легкое, высшее, небесное начало. 14. Те элементы, которые являются тяжелыми, тянут вниз к смерти, а те, которые легкие, поднимают к жизни, ибо жизнь находится вверху, а смерть — внизу. И как свет не может быть без огня, так и жизнь не может быть без света. Огонь, стало быть, является [неотъемлемым составляющим] элементом света и жизни. Из этого становится ясным, что человек, который его использует, был создан бессмертным, ибо человеку свойственно то, что дает жизнь.

¹ Цицерон. О законах. I.8.24.

15. Добродетель, также данная одному лишь человеку, является великим аргументом в пользу того, что души бессмертны. Добродетель противоречила бы природе, если бы душа умирала. Ибо добродетели вредит сущая жизнь. Ведь эта земная жизнь, общая у нас с бессловесными животными, стремится к наслаждению, в разнообразных и приятных плодах которого она находит удовольствие, и избегает боли, суровость которой ранит природу живых существ неприятными ощущениями и способна привести к смерти, которая разрушает живое существо. 16. Так вот, если добродетель удерживает человека от тех благ, которые жаждутся по природе, и побуждает к перенесению боли, которая избегается по природе, стало быть, добродетель является злом и противна природе, и необходимо считается глупцом тот, кто ей следует, ибо он сам себе вредит, избегая сущих благ и стремясь к боли без упования на большую выгоду. 17. В самом деле, в то время как нам дано получать удовольствие от приятнейших наслаждений, не покажемся ли мы лишенными чувства, если предпочтем жить в унижении, в нужде, в презрении, в бесчестии, и даже не жить, а мучиться и угасать от боли, и если мы ничего более ценного от перечисленных тягот не добьемся, с чем бы могло сравниться отвергнутое наслаждение? 18. Если же добродетель не является злом и если она поступает правильно, что отвергает порочные и отвратительные наслаждения, и мужественно, что не боится ни боли, ни смерти, лишь бы выполнить долг, стало быть, неизбежно стремится к какому-то большему благу, чем те, которые она отвергает. Но на какое еще благо можно надеяться после смерти, если не на вечность?

10. 1. Перейдем теперь к тому, что противно добродетели, чтобы и на этой основе сделать вывод о бессмертии души. 2. Все пороки временные, ибо важны для настоящего момента. Вспышка гнева гасится в результате осуществления мести. Наслаждение тела служит концом сладострастия. Жадность притупляет или изобилие тех вещей, которых она воделела, или появление других желаний. Тщеславие ослабевает после того, как добивается почестей, к которым стремилось. Так же и прочие пороки не могут оставаться и длиться [вечно], но заканчиваются, добившись того, к чему стремились. Вот и угасают, и вновь вспыхивают. 3. Добродетель же является постоянной, непрерыв-

ной и не может удалиться от того, кто ее однажды принял. Ибо если бы она прервалась, если бы когда-нибудь мы могли лишиться ее, сразу же появились бы пороки, которые постоянно противостоят добродетели. 4. Стало быть, добродетели вовсе не было, если она уходит, если когда-либо удаляется. Если же она нашла себе постоянное обиталище, то она необходимо присутствует в каждом поступке и не может надлежащим образом прогонять и обращать в бегство пороки, если не будет крепкой душа, которая стоит на постоянной страже. 5. Следовательно, само постоянство добродетели доказывает, что человеческая душа, если примет добродетель, останется [в вечности], ибо как добродетель является постоянной, так и человеческая душа лишь принимает добродетель. 6. И вот поскольку пороки противоположны добродетели, неизбежно различна и противоположна вся их сущность. Ибо пороки являются движениями и волнениями души, а добродетель, наоборот, спокойствием и кротостью души. Ибо пороки являются временными и краткими, а добродетель является вечной, постоянной и всегда одинаковой. Ибо плоды пороков, т. е. наслаждения, равно как и сами пороки, кратки и преходящи, а результат добродетели и награда за нее непреходящи. 7. Ибо выгода от пороков проявляется в настоящем, а от добродетели — в будущем. Так получается, что в этой жизни не существует никакой награды за добродетель, поскольку добродетель существует все время. 8. Ведь подобно тому как за пороками, когда они завершаются при осуществлении их, следуют наслаждение и плоды их, так и вслед за добродетелью, когда она завершается, наступает вознаграждение. Добродетель же завершается только со смертью [человека], ибо высшее ее назначение заключается в принятии смерти. Следовательно, награда за добродетель приходит после смерти. 9. Наконец, и Цицерон в *Тускуланских беседах*, хотя и с сомнением, но все же признает, что высшего блага человек достигает только после смерти. Он говорит: «С твердой душой, коль скоро это суждено, следует подходить к смерти, в которой, как мы уже знаем, и высшее благо пребывает, и нет никакого зла».¹ Итак, смерть не уничтожает человека, но ведет к награде за добродетель. 10. «Кто же, — говорит тот же Цицерон, —

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. I.46.110.

оскверняет себя пороками и преступлениями и поработен наслаждениями, тот осужден нести наказание»,¹ которое Божественные Писания называют второй смертью. Она является вечной и исполнена тяжелейших мучений. 11. Ибо как две жизни установлены человеку, из которых одна является жизнью души, другая — тела, так и две смерти определены: одна — относящаяся к телу, которой неизбежно подвержено все в соответствии с природой, другая — относящаяся к душе. Эту смерть получают за преступление, а избегают благодаря добродетели. Как эта жизнь является временной и имеет известные границы, поскольку является жизнью тела, так и [переживаемая нами] смерть является временной и имеет известную границу, поскольку относится к телу.

11. 1. И вот когда исполнятся времена, которые Бог определил смерти, смерть и завершится. А поскольку временная смерть следует за временной жизнью, необходимо, чтобы души воскресли для вечной жизни, ведь временная смерть закончится. 2. Опять же, как жизнь души является вечной, в которой она пожинает божественные и невыразимые плоды своего бессмертия, так и смерть души неизбежно является вечной, и в ней она терпит постоянные наказания и нескончаемые мучения за грехи свои. 3. Стало быть, дело обстоит так, что те, кто в этой телесной и временной жизни счастливы, вечно будут несчастны, так как уже обладали теми благами, которые сами предпочли, так же будет и с теми, кто поклоняются богам и презирают [Всевышнего] Бога. 4. С другой стороны, те, кто, будучи справедливыми, в этой жизни были несчастны, презираемы, бедны и часто подвергались унижениям и несправедливости за справедливость, так как иным образом не может проявить себя добродетель, вечно будут блаженны и будут наслаждаться благами. Этого же достигнут и те, кто, презрев земных богов и тленные блага, примут небесную религию [истинного] Бога, блага Которого, как и Сам дарующий их, вечны.

5. Что же? Не показывают разве творения тела и души, что душа не подвержена смерти? Ибо тело, поскольку само является слабым и смертным, какие бы творения не создавало, и они также являются проходящими. Ведь Туллий говорил, что нет ничего сотворенного руками чело-

¹ Цицерон. Тускуланские беседы. I.30.72. Ср.: *Он же*. О государстве. VI.25.29.

веческими, что когда-нибудь не подвергнется уничтожению или от несправедливости людской, или от старости, этой разрушительницы всех вещей.¹ 6. Творения же души, как мы видим, вечны. Ибо кто, презрев сущее, стремится оставить в памяти достижения своего таланта и великих поступков, те, конечно, стяжают неизгладимую славу своему уму и добродетели. Стало быть, если творения тела потому являются смертными, что само тело смертно, необходимо, чтобы душа представлялась бессмертной на том основании, что творения ее не являются смертными. 7. Таким же образом и потребности тела и души свидетельствуют о том, что тело является смертным, а душа — вечной. Ведь телу нужно только смертное, а именно еда, питье, одежда, покой, наслаждение. И все же ничего из этого без воли и поддержки души оно не может ни жаждать, ни обрести. Душа же сама по себе требует много того, что не служит нуждам и пользе тела, и это многое является не тленным, а вечным, например слава добродетели и память о добром имени. 8. Ведь и почитания Бога, которое состоит в воздержании от жадности и страстей, в терпении к боли, в презрении к смерти, также жаждет, в отличие от тела, именно душа. Отсюда становится ясным, что душа не умирает, а отделяется от тела, ибо тело без души ничего не может, душа же без тела способна на многое и великое. 9. А что сказать насчет того, что видимое глазами и осязаемое руками, поскольку может подвергаться внешнему насилию, не может быть вечным, а то, что не видимо и не осязаемо, но очевидны лишь сила чего, смысл и действие, вечно, ибо не испытывает никакого насилия извне? 10. Если же тело потому смертно, что видимо и осязаемо, стало быть, и душа на том основании бессмертна, что невидима и неосязаема.

12. 1. Теперь опровергнем доводы тех, кто рассуждает иначе. Эти доводы в третьей книге привел Лукреций. «Поскольку, — говорит он, — душа рождается вместе с телом, то неизбежно с телом и умирает».²

2. Однако сущность тела и души неодинакова. Ведь тело плотное, осязаемое руками и видимое для глаз, душа же тонкая, неосязаемая и невидимая. Тело создано и сформировано из земли, душа же, как рассуждал

¹ См.: Цицерон. В защиту Марцелла. 4.11.

² Лукреций. О природе вещей. III.417–418.

уже Платон, не содержит ничего плотного, никакой земной тяжести.¹ И ведь не могла бы она иметь такую изобретательность, такую силу и такую быстроту, если бы не обладала небесным началом. 3. Итак, поскольку тело, созданное из тяжелого и тленного начала, осязаемо и видимо, то оно разрушается, умирает и не может противостоять внешнему насилию, ибо его можно осязать и видеть. Душа же, поскольку из-за тонкости своей совершенно неосязаема, не может быть разрушена никакой силой. 4. Стало быть, хотя тело и душа рождаются связанными и соединенными друг с другом и хотя тело, которое создано из земного вещества, является как бы сосудом для души,² которая произведена из небесной легкости, все же, поскольку сила их, которая именуется разложением или смертью, различна, то как тело, так и душа возвращаются к своей природе. Тело, сотворенное из земли, возвращается в землю, а душа, сформированная из небесного духа, сохраняется и живет вечно, поскольку вечен Божественный Дух. 5. К тому же тот же Лукреций, забыв, что он говорил и какую позицию отстаивал, поместил следующие строки:

*Также все то, что земля породила, уходит обратно
В землю, а что изошло из пределов эфира, то снова
Все возвращается к ним, улета в обители неба.³*

Этого не мог сказать тот, кто утверждал, что души умирают вместе с телами. Однако он был побежден истиной, и к нему, незнающему, [незаметно для него] подкралось верное понимание. 6. Кроме того, то умозаключение, к которому он пришел, будто душа рассеивается, т. е. умирает вместе с телом, ибо они рождены вместе, ложно и может быть обращено в другую сторону. Ведь душа и тело не исчезают одновременно, но когда душа отходит, тело остается на протяжении многих дней невредимым, а если будет набальзамировано, то сохраняется весьма долго. 7. Ибо если бы они как вместе рождались, так вместе бы и умирали, то душа не отделялась бы внезапно и не покидала бы тело, но

¹ Платон. Федон. 80е.

² Ср.: Лукреций. О природе вещей. III.440.

³ Там же. II.999–1001.

в один момент душа и тело равно бы уничтожились, и тело так же скоро, пока еще дух в нем остается, исчезало бы и разрушалось, как скоро отделялась бы от него душа, а вернее, исчезала бы душа в самый момент разрушения тела, подобно жидкости, изливающейся из разбитой вазы.¹ 8. Если же телесное и хрупкое тело после отделения души не тотчас же подвергается тлению и не сразу же уходит в землю, из которой оно получило начало, следовательно, и душа, которая не является хрупкой, сохраняется навечно, ибо она получила начало от вечного источника.

9. «Поскольку, — утверждает Лукреций, — ум рождается в младенчестве, крепнет в молодости, слабеет в старости, ясно, что он смертен».² Во-первых, душа и ум не одно и то же. Душа ведь является тем, чем мы живем, ум — чем мы мыслим. Ведь когда ум спит, душа продолжает бодрствовать, и нет ума у неистовых людей, но душа остается, и потому они именуются не бездыханными, а безумными. 10. Стало быть, ум, т. е. познавательная сила, усиливается и ослабевает в зависимости от возраста. Душа же постоянна в своем состоянии, и с того момента, как получает возможность дышать, остается полной сил до самого конца, пока, вырвавшись из пределов тела, не вернется в свою обитель. 11. Во-вторых, хотя душа и получает начало от Бога, все же, поскольку заключена в темницу земной плоти, она лишена знания, которое принадлежит божественности. 12. И вот она все слышит и все узнает и, воспринимая на слух и познавая, обретает [в течение всей своей земной жизни все возрастающее] знание. И к старости знание не уменьшается, а лишь возрастает.³ Тем не менее, если юношеский возраст благополучно миновал и старость начинает удручать телесные члены, то пороки, когда слабеет зрение, немеет язык, наступает глухота,⁴ принадлежат не душе, а телу. 13. Но ведь «память слабеет».⁵ Что удивительного, если ум слабеет с угасанием ветхого обиталища своего и за-

¹ Ср.: Там же. III.434–435.

² Там же. III.445–446.

³ Ср.: Цицерон. О старости. 8.26.

⁴ Ср.: Лукреций. О природе вещей. III.451–454.

⁵ Ср.: Там же. III.453; Цицерон. О старости. 7.21.

бывает прошлое? Не иначе он достигнет божественного будущего, как покинув темницу, в которой удерживается.

14. «Однако та же душа испытывает боль и скорбит, безумствует в опьянении, из чего следует, что она слаба и смертна».¹ 15. Так вот, для того и необходимы добродетель и разумность, чтобы с твердостью переносить скорбь, которая вызывается перенесением и созерцанием незаслуженного, и отказываться от наслаждения, воздерживаясь не только от пьянства, но и от прочих подобных дел. Ведь если душа лишена добродетели, если изнеживается, предаваясь наслаждениям, она будет обречена на смерть, поскольку как добродетель, как мы доказали,² является виновницей бессмертия, так и наслаждение — виновником смерти. 16. Смерть же, как я показал, не разрушает полностью душу, но подвергает вечным мукам. Ибо душа не может совершенно умереть, так как получает начало от Божьего Духа, Который вечен.

17. «Душа, — говорит он, — чувствует смерть тела, впадает в обморочное состояние и как болеет, так и часто исцеляется».³ Это и является тем, для чего особенно следует проявлять добродетель, чтобы душа не истощалась ни от какой телесной боли, а в обморок впадает не душа, а сознание. Оно, поскольку находится в определенной области тела, когда эту часть поражает какая-либо сила болезни, удаляется из этого места и как бы покидает свое рушащееся жилище, собираясь, разумеется, вернуться, когда лекарства и здоровье восстановят его обиталище. 19. Ведь поскольку душа связана с телом, если она лишена добродетели, то именно от влияния тела она заболевает, и от союза тленности подступает слабость к сознанию; когда же она будет отделена от тела, то будет жить сама по себе и не будет подвержена уже никакому влиянию тленности, так как оставит эту тленную оболочку.

20. «Как оторванный и отделенный от тела глаз ничего не может видеть, — говорит Лукреций, — так и душа, отделенная от тела, ничего не может чувствовать, ибо является частью тела».⁴ 21. Это ложно и

¹ Ср.: Лукреций. О природе вещей. III.459–486.

² См.: III.12; VII.9.

³ Ср.: Лукреций. О природе вещей. III.487–522.

⁴ Ср.: Там же. III.548–579.

даже неправдоподобно, ибо душа является не частью тела, но находится в теле. Как и то, что заключено в сосуде, не является частью сосуда, и то, что находится в доме, не называется частью дома, так и душа не является частью тела, так как тело является сосудом для души и ее вместилищем. 22. Также весьма пуст тот довод, с помощью которого он доказывает, что душа смертна: она, дескать, не сразу исходит из тела, а покидает его постепенно из всех органов, начиная от кончиков ног.¹ Как будто если бы она была вечной, то исходила бы в один момент, что случается с теми, кто гибнет от меча. Кого же убивает болезнь, того дыхание оставляет постепенно, так что душа медленно покидает холодеющие члены. 23. Поскольку душа содержится в материи крови, как свет содержится в масле, то, когда эта материя истощается жаром лихорадки, холод необходимо доходит до самых пределов тела, поскольку к конечностям тянутся более тонкие вены, и отдаленные и тончайшие жилки иссыхают, когда утрачивают силу питающие их вены. 24. И все же, поскольку тело лишается чувств, не следует думать, что души также утрачивают и теряют чувство. Ибо не душа, покидая тело, цепенеет,² а тело, лишаясь души, так как душа увлекает с собой всякое чувство. 25. Поскольку же присутствующая в теле душа дарует ему чувство и жизнь, не может случиться так, чтобы она не могла жить и чувствовать сама по себе, ибо она сама является чувством и жизнью. 26. Ведь он говорит следующее:

*А если бы ум бессмертным у нас оказался,
То не сердился бы он на погибель свою, умирая,
Но, наподобье змеи, вылезал бы наружу из кожи.*³

27. Я, право же, никогда не видел, чтобы кто-то сетовал на погибель свою. Но, возможно, тот видел какого-то эпикурейца, который, пока умирал, философствовал и при последнем издыхании рассуждал о гибели своей. 28. Каким образом он может дать знать, чувствует ли он разрушение души или освобождение ее от тела, когда язык умолкает

¹ Ср.: Там же. III.526–547.

² Ср.: Там же. III.545.

³ Там же. III.612–614.

при смерти? Ведь пока человек чувствует и может говорить, он еще не мертв, когда же умрет, уже не может ни чувствовать, ни говорить. Итак, сетовать по поводу смерти он или еще не может, или уже не может. 29. «Но ведь прежде, чем умереть, он понимает, что умирает». Как же насчет того, что мы видим, как многие из умирающих сердятся не на погибель свою, как он говорит, а свидетельствуют, что они уходят, исходят, удаляются, и это либо показывают жестами, либо, если еще в состоянии, произносят вслух? Из этого явствует, что происходит не погибель, но отделение [души], которое-то и доказывает, что душа сохраняется.

30. Прочие доводы эпикурейского учения направлены против Пифагора, рассуждавшего, что души уходят из истощенных старостью и смертью тел и поселяются в новых, только что рожденных [телах], и что эти души вечно возрождаются то в людях, то в скоте, то в зверях, то в птицах и таким образом являются вечными, ибо постоянно меняют обиталища различных и несхожих тел. 31. Эту идею безумного человека, поскольку она смешна и скорее достойна комедии, нежели школы, не следует даже всерьез опровергать. Кто это делает, видимо, боится, как бы кто-нибудь в это не поверил. 32. Нам следует обойти молчанием то, что можно сказать как в защиту, так и в опровержение ложного. Достаточно того, что были опровергнуты [более основательные] доводы, которые выдвигались против истинного.

13. 1. Я показал, как полагаю, что душа не подвержена разложению. Остается привести свидетельства, авторитетом которых подкрепились бы мои доводы. 2. Однако сейчас я не стану приводить в доказательство пророков, разум и наитие которых пригодны для того, чтобы стало понятным, что человек сотворен для служения Богу и для бессмертия, но сошлюсь на тех, кому безусловно поверят те, кто отвергают истину. 3. Гермес [Трисмегист], рассуждая о природе человека, чтобы показать, каким образом человек был сотворен Богом, сказал следующее: «И тем самым сотворил его из двух природ, из бессмертной и смертной, и поместил его между вечной и неизменной природой и природой временной и изменчивой, чтобы он мог все видеть и всему удивляться». 4. Впрочем, возможно, кто-то относит [Гермеса Трисмегиста] к числу философов, хотя он, причисленный к богам, и почитается

египтянами под именем Меркурия, все же авторитета у него не больше, чем у Платона или Пифагора. 5. Итак, подыщем более ценное свидетельство. Некий Полит обратился с вопросом к Аполлону Милетскому, остается ли душа после смерти или разрушается, и тот ответил такими стихами:

*6. Пока душа узами крепкими связана с телом,
Тленным страданьям она уступает покорно,
Пути телесные сбросив же, вольно
К небу возвысится, тело оставив,
Как повелел ей Промысел тот первородный.*

А что? Разве Сивилловы песни не показывают, что это так, когда прорицают, что когда-то Бог будет судить и живых, и мертвых? Свидетельства из этих песен мы приведем чуть позже. 7. Стало быть, ложным является положение Демокрита, Эпикура и Дикеарха о тленности души. Они, разумеется, не дерзнули бы рассуждать о гибели душ в присутствии какого-нибудь мага, который бы знал из заслуживающих доверия [древних] песен, что души вызываются из ада, присутствуют, [даже] позволяют человеческим глазам видеть себя, говорят и предвещают будущее. Если бы эти философы отважились на этот спор, то были бы повержены самим фактом и наличными доказательствами. 8. Но поскольку они не постигли смысла души, который столь тонок, что уклоняется от глаз человеческого ума, то и говорили, что душа смертна.

9. Что же насчет Аристоксена,¹ который вообще отрицал существование хоть какой-то души, даже когда она живет в теле? Но, говорит он, как в кифаре от растяжения жил выходит согласный звук и мелодия, который музыканты называют гармонией, так и в телах из соединения внутренностей и из энергии членов возникает сила чувственности.² Безумнее этого он ничего не мог сказать! 10. И вот хотя он имел невредимые глаза, все же обладал слепым сердцем, которым он не видел, что живет и обладает разумом, благодаря которому об этом рассуждал. 11. Однако большинство философов доходят до того, что полагают,

¹ Аристоксен — греческий философ IV в. до н. э., ученик Аристотеля.

² Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.10.19; I.22.51.

будто вообще не существует того, чего не видят глаза, в то время как пронизательность ума, должно быть, острее взора тела при постижении того, чья сила и смысл скорее ощущаемы, нежели видимы.

14. 1. Поскольку мы сказали о бессмертии души, следует объяснить, до каких пор и когда человеку даруется душа, чтобы через это постигли заблуждения своей порочности и глупости те, кто полагают, что некоторые смертные были превращены в богов по решению и суждению смертных людей либо за то, что изобрели искусства, либо за то, что научили употреблять какие-нибудь плоды, либо за то, что принесли что-то полезное для жизни людей, либо за то, что убивали ужасных зверей. 2. Эти заслуги весьма далеки от [получения] бессмертия, и мы уже показали в первых книгах и сейчас покажем, чтобы стало ясно, что существует одна лишь справедливость, которая дарует человеку вечную жизнь, и есть только [один] Бог, Который дает награду вечной жизни. 3. Те же, кто, как говорят, были признаны богами за свои заслуги, поскольку никакой справедливости и никакой истинной добродетели в них не было, снискали себе не бессмертие, а смерть за грехи свои и страсти и заслужили не небесную награду, а адские муки, которые они претерпят вместе со всеми, кто их почитает. Я покажу, что близится время этого суда, по которому как праведным будет воздана достойная награда, так и нечестивцам будут определены по заслугам их наказания. 4. Платон и многие другие философы, поскольку не знали ни начала вещей, ни того времени, когда был сотворен мир, говорили, что протекло много тысяч веков с того момента, как появилась эта превосходная красота мира. Они следовали, вероятно, халдеям, которые, как передает Цицерон в первой книге *О дивинациях*, несли вздор, будто четыреста семьдесят тысяч лет они сохраняют в памятниках [познанное ими].¹ Поскольку они не думали, что могут быть избалованы в этом, то считали, что могут свободно лгать. 5. Мы же, кого к знанию истины ведут Божественные Писания, знаем и начало, и конец мира, о котором мы будем рассуждать сейчас, в конце труда, ибо о начале мы говорили во второй книге.² 6. Итак, пусть знают философы, которые

¹ См.: Цицерон. *О дивинациях*. I.19.36.

² См.: II.8 и сл.

насчитывают от начала мира многие тысячи веков, что еще не завершилось шестое тысячелетие. По истечении этого числа лет неизбежно все закончится, и состояние человеческих дел изменится к лучшему. Следует привести доводы в доказательство этого, чтобы все стало ясно.

7. Как сообщается в сокровищнице Священных Писаний, Бог совершил удивительное творение мира и первоэлементов природы в течение шести дней, в седьмой же день, когда отдыхал Он от трудов своих, освятил всё [сотворенное]. 8. Это день субботы [sabbati], который получил на языке евреев название по своему номеру, отчего число семь является правильным и совершенным.¹ Ведь семь дней [в неделе], в результате попеременной их смены, совершают годовые круговороты [orbis annorum]. Также семь звезд [septem stellae], которые не заходят, и семь светил [septem sidera], которые называются блуждающими: различный бег и неравномерное движение их, как считают, создают многообразие вещей и времен. 9. Итак, поскольку труды Божии были окончательно совершены в течение шести дней, то на протяжении шести веков, т. е. в течение шести тысяч лет, земля должна пребывать в этом состоянии. Ибо великий день Божий ограничивается кругом в тысячу лет, как указывает пророк, который говорит: «Ибо пред очами Твоими тысячи лет, как день вчерашний».² 10. И подобно тому, как Бог трудился над созданием тех творений в течение шести дней, так и почитание Его, и истина должны трудиться в течение шести тысяч лет, когда будет возвышаться и господствовать зло. 11. И вновь, поскольку, завершив творение, в седьмой день Бог отдыхал и благословил [сотворенный мир], необходимо, чтобы в конце шестого тысячелетия все зло было устранено с земли и на протяжении тысячи лет царствовала справедливость; и придут тогда отдых и успокоение от трудов, в которых земля будет пребывать уже до конца. 12. Но произойдет это тогда, когда Он раскроет, [т. е. сделает явным], свой порядок.

Мы неоднократно говорили, что малое и незначительное служат прообразами и указаниями на нечто большее, и потому день наш, ограниченный восходом и закатом, есть образ великого дня, который заклю-

¹ См.: *Иринея Лионский*. Против ересей. V.28.3; 33.2.

² Пс. 89.5.

чает тысячелетний оборот времени. 13. Таким же образом сотворение бренного человека несет в себе прообраз создания для будущего небесного народа. Ведь как Бог, создав все необходимое для человека, в шестой день последним сотворил человека и ввел его в мир, словно в заранее обустроенный дом, так и теперь в этот великий шестой день словом Божиим создается человек, т. е. учением и наставлениями Божиими формируется для справедливости святой народ. 14. И как тогда он был сотворен из земли смертным и несовершенным, чтобы тысячу лет жить в этом мире, так и теперь в этом земном веке человек делается совершенным, чтобы, воскрешенный Богом, он жил в этом же мире в продолжение тысячи лет. 15. Каким же образом произойдет будущее уничтожение мира и какой исход предстоит человеческим делам, можно узнать, если исследовать Божественные Писания. 16. Однако голоса мирских пророков, согласуясь с небесными пророками, возвещают скорый конец и смерть мира, говоря, словно утомленные, о крайней старости разрушающегося мира. 17. Сейчас же я, собрав сведения из всех прорицаний, скажу о том, что, по словам пророков и провидцев, случится, прежде чем наступит полный конец мира.

15. 1. В сокровищнице священных книг говорится, как повелитель евреев, гонимый недостатком хлебных запасов, переселился в Египет вместе со всем хозяйством и родом. 2. Когда потомки его, оставаясь достаточно долго в Египте, превратились в многочисленный народ и пребывали [они] под тяжелым и невыносимым бременем неволи, Бог порази Египет неисцелимым страданием и освободил народ Свой, переведя его через море, и когда были рассечены воды и разведены в разные стороны, народ ступал посуху. 3. Попытавшийся же настичь беглецов царь египетский, когда море вернулось в прежнее состояние, погиб со всем своим войском. 4. Как бы деяние это, столь ясное и столь удивительное, не демонстрировало и поныне добродетель Бога, все же оно было предостережением и прообразом великих событий, которые Бог намерен совершить в конце времен; ибо освободит Он народ Свой от тяжкого бремени земного. 5. Но поскольку в то время был только один народ Божий, и у одного народа Он пребывал, постольку только один Египет и был поражен.¹

¹ Ср.: Книги Сивилл. V.54.

Теперь же, поскольку народ Божий собран из всех языков, то пребывает [Господь] среди всех народов и попирается их правителями, и потому необходимо, чтобы все народы, т. е. весь круг земной, были поражены небесными карами, чтобы освободился народ, который является последователем и почитателем [истинного] Бога. 6. И как тогда были даны знамения, которыми предвещались грядущие бедствия Египта, так и в конце времен произойдут по всем стихиям земным достойные удивления чудесные явления, по которым все народы ощутят приближающийся конец. 7. И вот когда приблизится начало того века, состояние дел человеческих обязательно изменится, и при усилившейся испорченности придет в упадок, и даже наши времена, когда несправедливость и злоба достигли высшей степени, в сравнении с невероятным злом того [века] могут считаться счастливыми и чуть ли не золотыми. 8. Ибо настолько угаснет справедливость, настолько расцветут нечестивость, жадность, алчность и сладострастие, что если и будут тогда случайно честные люди, то станут добычей преступников и будут повсюду терзаемы несправедливыми людьми, земли же преисполнятся злодеяниями, а добрые люди пребудут во всех унижениях и в нужде. Смешается всякое право, и исчезнут законы. 9. Никто тогда ничего не будет иметь, кроме добытого злодейским путем и сбереженного силой: всем будут владеть лишь дерзость и сила. Не будет ни веры к людям, ни мира, ни человечности, ни стыда, ни истины, так же как не будет никакого спасения и покоя от зла. 10. Ибо взбудоражится весь круг земной, повсюду станут бушевать войны, все народы возьмутся за оружие и станут истреблять друг друга. Соседствующие города станут сражаться друг против друга, а первым из всех за глупые суеверия получит кару Египет, и покроется он кровью, словно рекой. 11. Тогда обойдет всю землю секущий все меч,¹ будто бы производящий жатву. Причиной этого опустошения будет то, что римское имя, которое теперь правит над всеми, — духа не хватает вымолвить, но я все равно произнесу, ибо это произойдет, — удалится с земли, и власть возвратится в Азию, и вновь будет править Восток, а Запад будет рабствовать.² 12. Да не

¹ Ср.: Там же. III.316.

² Ср.: Там же. III.350–355.

покажется никому удивительным, что царство, основанное на такой мощи и столь долго и с таким усилением возраставшее и в конце концов укрепившееся таким могуществом, когда-нибудь все-таки будет разрушено. Ибо нет ничего, созданного человеческими руками, что не могло бы и разрушиться с помощью человеческих рук, ибо творения смертных также смертны. 13. Так и другие царства, хотя и процветали прежде на протяжении долгого времени, все же погибли. Ведь и египтяне, и персы, и греки, и ассирийцы продолжали удерживать власть над землей, пока все же они не потеряли силу и высшая власть не перешла к римлянам.¹ Насколько они превосходят величиим все прочие царства, настолько ужасным будет их падение.

14. Сенека искусно разделил времена города Рима на возраста.² Так, он говорил, что сначала он был младенцем при царе Ромуле, который и родил, и как бы взрастил Рим; затем стал ребенком при следующих царях, которыми он был расширен и облагорожен многочисленными порядками и установлениями. Однако же при царе Тарквинии, когда Рим уже начал как бы крепнуть, чтобы избежать рабства, сбросив иго горделивого правителя, предпочел повиноваться законам, а не царям; когда же была его юность, до завершения [Первой] Пунической войны, тогда, наконец, обретая силы, он начал вступать в молодость. 15. Захватив же Карфаген, который долгое время был столь же сильным, Рим простер руки свои на всю землю и море; наконец, подчинив все царства и народы Империи, когда уже исчез повод для войн, он, скверно используя собственные силы, сам себя истощил ими. 16. Это была первая его старость, когда, охваченный гражданскими войнами и внутренним злом, Рим вернулся к единоличной власти правителя, как бы

¹ Ср.: Книги Сивилл. III.159–161; VIII.6–9.

² Вопрос о том, каким источником пользовался Лактанций в данном случае, представляет научную дискуссию. Ряд исследователей полагает, что он цитирует недошедший до нас исторический труд Сенеки Старшего *От начала гражданских войн*. Другие под упомянутым Сенекой склонны видеть Сенеку Младшего. Некоторые считают, что Лактанций неправильно называет имя другого Аннея — Флора, автора эпитомы труда Ливия. См.: *Немировский А. И., Дашкова М. Ф.* Луций Анней Флор — историк Древнего Рима. Воронеж, 1977. С. 10–11.

обратившись в новое младенчество. Ведь утратив свободу, которая защищалась Брутом, ее вождем и авторитетом, он так состарился, что был не в состоянии сам себя поддерживать, не опираясь на власть правителей. 17. Если такое случилось, то что остается, если не следующая за старостью смерть?

Это же будущее кратко предвещают речи пророков, используя чужие имена, чтобы никто его не узнал, не приложив труда. 18. Тем не менее, Сивиллы вполне открыто возвещают, что Рим погибнет, и именно по суду Божьему, ибо Рим возненавидит имя Его и, ненавидя справедливость, будет попирает народ, следующий истине.¹ Также Гистасп, который был древнейшим царем мидян, именем которого была названа река, именуемая сейчас Гидаспом, передал в память потомкам удивительный сон в толковании мальчика, умевшего прорицать: гораздо раньше, чем исчез троянский народ, было предсказано, что удалятся из круга земель власть и имя римское.

16. 1. Я покажу, каким образом это случится, чтобы никто не посчитал, что этого не может быть. Сначала умножатся царства, и высшая власть, разрушенная и сокрушенная, разделится среди многих. Потом начнутся постоянные гражданские раздоры, и не будет покоя от губительных войн до тех пор, пока не придут десять царей, которые разделят круг земель, однако не для управления, а для растерзания.² 2. Когда умножатся войска и когда будут заброшены земли, что является началом гибели и разрушения, они все сокрушат, разорят и уничтожат. 3. Тогда неожиданно придет к ним от крайних пределов севера могущественный враг, который, уничтожив из их числа троих, которые тогда будут обладать Азией, будет включен остальными в союз и поставлен над всеми. 4. Нестерпимым владычеством он истощит круг земель, смешает божественное и человеческое, подчинит все невыразимому и достойному проклятия слову, поселит в душе своей новые замыслы, чтобы создать себе собственную Империю; он отменит законы и установит собственные, все предаст осквернению, опустошению, разграблению и уничтожению. Затем, когда будет изменено имя и пере-

¹ Ср.: Книги Сивилл. VIII.171–173.

² Ср.: Дан. 7.2–27.

несен престол Империи, последует смешение и смятение рода человеческого. 5. И вот тогда наступит гнусное и презренное время, в которое никому из людей не будет мила жизнь. До основания разрушатся города, и погибнут они не только от меча и огня, но и от постоянных землетрясений, от разливов вод, многочисленных болезней и частого голода. 6. Разумеется, испортится воздух, и станет он дурным и заразным. То из-за беспощадных дождей, то из-за губительной засухи, то из-за холодов, то из-за чрезмерной жары земля перестанет приносить людям плоды, не даст ни посевов, ни деревьев, ни винограда. И хотя они будут сеять великую надежду в момент цветения, лишатся ее в период сбора урожая. 7. Высохнут также родники и реки, так что не будет доставать напиться воды, а сама вода превратится в кровь или уксус. 8. Вследствие этого исчезнут на земле четвероногие животные, в небе — птицы, в морях — рыбы.¹ Кроме того, удивительные знамения на небе приведут в великое смятение умы людей: и хвостатые кометы, и затмение Солнца, и [меняющийся] цвет Луны, и падение звезд.² 9. И все же это случится не как обычно, но появятся вдруг неизвестные и невиданные звезды. Солнце померкнет навсегда, так что едва будет видна разница между днем и ночью. Луна не будет заходить и в три часа, но, залитая кровью, будет двигаться против обычного, так что человек перестанет воспринимать как движение созвездий, так и счет времени. Еще бы, лето будет зимой, а зима летом.³ 10. Тогда сократится год и уменьшится месяц, и день станет короче. Также будут часто падать звезды, так что почернеет все небо, лишненное всякого светоча. 11. Также падут высочайшие горы и сравняются с землей, море же станет непригодным для плавания по нему. И в довершение всех бедствий, потрясших людей и землю, с неба протрубит труба, о чем предвещает Сивилла следующим образом:

С неба труба пропоет печальным голосом песню.⁴

¹ Ср.: Книги Сивилл. VIII.342–344.

² Ср.: Там же. VIII.190–194; *Мф.* 22.29.

³ Ср.: Книги Сивилл. VIII.214.

⁴ Там же. VIII.239.

И вот от скорбного звука все задрожит и затрепещет. 12. Действительно, тогда от лица Божьего гнева в отношении людей, не признавших справедливость, будут бушевать огонь, меч, голод, болезни, наводя на всех страх. Тогда взмолятся они Богу, но не услышит Он их, будут они призывать смерть, но не придет она. Даже ночь не принесет им успокоения от страха и не даст сна глазам их, но тревога и беспокойство изуряд души людей.¹ Горько заплачут они и застонут и будут скрежетать зубами. Возрадуются смерти и станут оплакивать жизнь. 13. Из-за этих и многих других бед земля обезлюдует, и весь круг земной изменит свой облик. О чем Сивилла так говорит в песнях:

*Мир же со смертью людей прекрасный свой облик утратит.*²

14. Ибо настолько будет истреблен род человеческий, что едва ли сохранится десятая часть людей, и там, где была тысяча, едва ли останется сотня. Из почитателей же Божиих погибнет две части, а третья, избранная, сохранится.³

17. 1. Однако я подробнее расскажу, каким образом это исполнится. С приближением конца времен будет послан Богом великий пророк, чтобы обратить людей к [поклонению истинному] Богу, и получит он возможность совершать чудеса. 2. Однако люди нигде не прислушаются к нему. И замкнет он небо и не допустит дождя, обратит воду в кровь и истомит их жаждой и голодом. И если кто попробует обидеть его, то огонь выйдет из уст его и сожжет того. Этими чудесами и удивительными свершениями обратит он многих к служению Богу. И когда будут завершены труды его, появится другой царь — из Сирии, рожденный от злого духа, разрушитель и губитель рода человеческого, чтобы остановить наказание, ниспосланное тем первым [пророком], вместе с ним самим. 3. Он сразится против пророка Божьего, победит его и убьет, и будет тот лежать без погребения, но спустя три дня воскреснет и на глазах у пораженных и удивленных людей вознесется на небо.⁴ 4. Тот же

¹ Ср.: Там же. VIII.352–356; II.306–311.

² Там же. VII.123.

³ Ср.: Там же. III.544.

⁴ Ср.: *Откр.* 11.3–12.

ужасный царь будет ложным пророком, он сам себя утвердит и назовет богом, и прикажет, чтобы чтили его как сына Божьего. И будет ему дана власть совершать чудеса, исполнением которых введет он людей в заблуждение, чтобы почитали они его. 5. Прикажет он, чтобы огонь сошел с небес, чтобы солнце остановило ход свой, чтобы статуя заговорила, и случится все это по слову его. Подобными чудесами даже многие разумные люди будут пленены им. 6. Тогда он замыслит разрушить храм Божий и станет преследовать праведный народ, и будет удрученность и скорбь, какой никогда не было от начала мира.¹ 7. Все, кто поверят в него и последуют за ним, будут заклеены им, словно скот, который, в свою очередь, либо убежит в горы, либо пойманный, будет предан истязанию и убит. 8. Праведных же людей он обернет в книги пророков и так сожжет. И будет позволено ему опустошать круг земной в течение сорока двух месяцев.² 9. Это будет время, когда будет изгнана справедливость, а невинность ненавидима, когда злые люди будут грабить добрых, словно враги. Не будут соблюдаться ни законы, ни порядок, ни воинская дисциплина. Никто не будет почитать стариков. Никто не будет следовать благочестию, никто не будет разбирать ни пола, ни возраста. Все спутается и смешается, вопреки праву и законам природы. И вот земля будет опустошена словно одним и всеобщим разбоем. 10. Когда же это произойдет, тогда праведники и приверженцы истины отделятся от злых людей и удалятся в уединение. Услышав об этом, нечестивец, воспламененный гневом, придет с огромным войском и, используя все силы, окружит гору, на которой будут пребывать праведники, чтобы их захватить. 11. Те же праведники, когда увидят себя со всех сторон окруженными и обложенными, громким криком воззовут к Богу и будут молить о небесной помощи. И услышит их Бог и пошлет к ним Великого Царя с неба, чтобы Он спас и освободил их, а нечестивцев всех уничтожил огнем и мечом.

18. 1. Разумеется, что так и случится, возвещали не только все пророки от Духа Божьего, но и прорицатели по наитию демонов. 2. Так, Гистасп, которого мы упомянули выше, описывая тяготы того последнего века, сказал, что благочестивые и праведные, отделившись от злых, с

¹ Ср.: *Мф.* 24.21.

² Ср.: *Откр.* 11.2.

плачем и стоном возденут руки к небу и взмолятся Юпитеру о спасении; Юпитер оглянется на землю, услышит вопли людей и уничтожит нечестивцев. Все это истинно, единственно за исключением того, что он говорит, будто Юпитер совершит то, что сделает [истинный] Бог. 3. Также не без происков демонов он обошел молчанием то, что Отцом будет послан тогда Сын Божий, чтобы, уничтожив всякое зло, освободить благочестивых. Этого, впрочем, не утаил Гермес [Трисмегист]. Ибо в начале той книги, которая называется *Совершенный Логос*, после перечисления тех несчастий, о которых мы сказали, он добавил следующее: 4. «Когда все это случится, о Асклепий, тогда тот Господь и Отец Бог всемогущий и родитель единого Бога, обзрев нравы и поступки, волей Своей, которая является милостью Божией, воспрепятствует порокам и всеобщей порче, уничтожит обман, всякую злобу или потопом смое, или огнем сожжет, или болезнями и чумой, посеяв ее повсюду, уничтожит, и тем самым мир вернет к прежней красе». 5. Сивиллы также обещают, что не кто другой, как Сын Божий будет послан Всевышним Отцом, чтобы и праведных освободить из рук нечестивцев, и неправедных с неистовствующими тиранами уничтожить. 6. Одна из них так передает:

*К городу праведных он подойдет, желая разрушить.
Посланный Богом тогда некий царь на него ополчится,
Что всех великих царей погубит и воинов лучших.
Так над людьми приговор исполнит бессмертный Владыка.¹*

7. И то же другая:

*Бог на землю пошлет царя, что придет от восхода,
Злую войну прекратит этот царь по всей поднебесной.²*

8. И вновь третья:

*Кротко, смиренно грядет, чтобы наше рабское иго,
Тяжко давившее спины, теперь упразднилось навеки,
Чтобы неправый закон исчез и гнетущие цепи.³*

¹ Книги Сивилл. V.107–110.

² Там же. III.652–653.

³ Там же. VIII.326–328.

19. 1. Стало быть, когда круг земель придет в истощение и когда для уничтожения невыносимой тирании не будет хватать человеческих сил, ибо [ложный пророк] будет ретиво охранять с огромным войском наемников захваченный мир, тогда при таком бедствии потребуется божественная помощь. 2. И вот Бог, побужденный чрезмерной опасностью и жалким плачем праведников, тотчас пошлет Освободителя. Тогда отворится небо посреди глубокой и темной ночи, чтобы во всем круге земном воссиял, точно молния, свет сходящего на землю Бога. Сивилла предсказала это в таких стихах:

...когда сойдет Он на землю,

Вспыхнет внезапно огонь среди ночи, мрачной и черной.¹

3. Это та ночь, которая во время ночных бдений прославляется нами ради прихода Царя и Бога нашего. У той ночи двойной смысл, ибо и тогда ночью Он вновь обрел жизнь, когда претерпел страдания, и потом получит царство в круге земном. 4. Ибо Он и Освободитель, и Судия, и Мститель, и Царь, и Бог, Которого мы зовем Христом. Прежде чем сойти на землю, Он даст такой знак. 5. Падет неожиданно меч с небес, чтобы узнали праведные, что готов сойти Вождь святого воинства. И сойдет Он в сопровождении ангелов в центр земли, и впереди Него будет неугасимое пламя. И доблесть ангелов отдаст в руки праведников многочисленное воинство, которое окружит гору [перед войском неприятеля]. И будет битва от третьего часа до самого вечера, и будет кровь течь, словно бурный поток. И когда будут сокрушены все силы тирана, один лишь этот нечестивец бежит, и покинет его доблесть. 6. Это тот, кто именуется Антихристом, но сам себя назовет он Христом и будет сражаться против истинного [Христа], и, побежденный, бежит, и [как] часто будет возобновлять войну, [так] и часто будет побежден, пока в четвертой битве, когда будут уничтожены все нечестивцы, сам побежденный и схваченный, не понесет наконец наказание за свои преступления. 7. Но и прочие цари и тираны, которые изнурят круг земной, побежденные вместе с ним, будут приведены к Царю, и Он будет порицать их, уличать и упрекать за проступки их, и осудит их, и предаст заслуженным карам.

¹ Книги Сивилл. Фрагм. VI.

8. И вот когда будет уничтожена злоба и истреблено нечестие, успокоится круг земной, который в течение стольких веков, подчиненный обману и преступлению, нес гнусное рабство. 9. Не будут больше почитаться боги, сделанные руками, но статуи, выброшенные из храмов и святилищ, будут преданы огню и сгорят вместе с полученными дарами. Это будущее предвестила и согласная с пророками Сивилла:

*Разных кумиров и все богатство смертные бросят,
И проникающий всюду огонь и сушу, и море сгубит.¹*

Эритрейская Сивилла предрекла то же самое:

Рухнут и сгинут в пожаре творения рук человеческих.²

20. 1. После этого отворятся врата преисподней, и восстанут мертвые, в отношении которых великий суд совершит Тот самый Царь и Бог, Которому Всевышний Отец даст великую власть судить и вершить. Об этом суде и царстве у Эритрейской Сивиллы так предсказано:

*2. Ибо, как срок совершится, отмеченный точно судьбою,
Суд бессмертного Бога в тот день настанет для смертных.
Власть Господня в тот день на добрых людей обратится.³*

3. Затем у другой:

*Пропасти, в почве разверзшись, покажут Тартара хаос,
А пред небесным престолом Господним все люди сойдутся.⁴*

4. И в другом месте у той же:

*Небо сверну Я как свиток, открою недра земные,
Мертвых в тот день воскрешу и судьбы людские разрушу,
Жало смерти я вырву, и суд последний устрою:
Стану жизни судить и праведных, и нечестивых.⁵*

¹ Там же. VIII.224–225.

² Там же. III.618.

³ Там же. III.741–743.

⁴ Там же. VIII.241–242.

⁵ Там же. VIII.413–416.

5. И все же не все тогда будут преданы суду Божьему, но лишь те, которые пребывали в религии Божией. Ибо те, кто не признали Бога, так как [по их нежеланию] не может быть в полной мере принято в их отношении решение, уже осуждены и обречены на наказание. Как свидетельствуют Священные Писания, не будут нечестивцы воскрешены для суда.¹ 6. Будут, стало быть, подвергнуты суду лишь те, кто признали Бога, и будут взвешены поступки их, т. е. дурные и хорошие дела вместе, чтобы, если больше окажется добрых и праведных поступков, достигли они блаженной жизни, а если перевесят дурные поступки, были бы осуждены на казнь.

7. Возможно, кто-нибудь спросит: «Если душа бессмертна, каким образом на нее может возлагаться наказание? Ведь если она заслужит наказание, стало быть, должна будет чувствовать боль и даже смерть; но если душа не подвластна смерти и даже боли, стало быть, она не способна и ощущать». 8. На этот вопрос или довод есть следующее возражение стоиков. Хотя души людей сохраняются и с наступлением смерти не обращаются в ничто, все же души тех, кто были праведны, чистыми, нечувствительными [к страстям] и блаженными, те вернутся в небесную обитель, откуда взяли свое начало, или будут уведены в некие счастливые луга, где будут предаваться восхитительным уладам. 9. Нечестивые же души, поскольку осквернили себя дурными страстями, несут в [самих] себе некую среднюю между смертной и бессмертной природу и имеют нечто от общения со слабой плотью. Преданные страстям и желаниям плоти, они несут некую несмываемую печать и [как бы] земное пятно. Поскольку же за продолжительное время оно прочно пристало, души воспринимают его природу и, хотя полностью не уничтожаются, ибо имеют начало от Бога, все же становятся подверженными страданиям через эту печать тела, которая, наложенная за грехи, дает способность чувствовать боль. 10. Это суждение поэт высказал таким образом:

*Даже тогда, когда жизнь их в последний час покидает,
Им не дано до конца от зла, от скверны телесной*

¹ Пс. 1.5. Лактанций по-своему прочитывает текст псалма. Ср. Синодальный перевод: «Потому не устоят нечестивые на суде».

*Освободиться: ведь то, что глубоко в них вкоренилось,
С ними прочно срослось — не остаться надолго не может.
Кару нести потому и должны все они — чтобы мукой
Прошлого зло искупить.¹*

11. Это почти верно. Ибо душа, когда отторгается от тела, становится, как говорит тот же поэт,

Словно дыханье, легка, сновиденьям крылатым подобна,²

ибо дух из-за своей тонкости неосязаем; но неосязаем он нами, которые телесны, Богом же, Которому подвластно все, он осязаем.

21. 1. Итак, сначала мы сказали, что таково могущество Божие, что Он воспринимает и воздействует как хочет даже на бестелесное. Ведь и ангелы боятся Бога, ибо могут быть Им наказаны некоторым образом, и демоны Его страшатся, ибо терзаются и караются Им. 2. Так что же удивительного в том, что хотя души и бессмертны, все же осязаемы Богом? Ведь поскольку души не имеют в себе ничего плотного и осязаемого, то они не могут ничего претерпеть от плотных и телесных [вещей]. Но поскольку души [animae] живут в одних лишь духах [spiritibus], то осязаемы одним лишь Богом, Которому принадлежит и доблесть, и сущность духовная [substantia spiritalis]. 3. Однако Священные Писания учат нас также тому, каким образом будут преданы наказанию нечестивцы. Ведь поскольку прегрешения они совершали, будучи в телах, они вновь будут облачены в плоть, чтобы понести и кару в телах. И все же это будет не та плоть, которой Бог наделяет человека. Она подобна этой плоти, но является неразрушимой и сохраняющейся вечно, чтобы могла претерпевать мучения и вечный огонь, природа которого отлична от природы того огня, которым мы пользуемся для жизни, и существует он без питательной поддержки какой-либо материи. 4. Тот божественный огонь вечно живет и поддерживается сам по себе без какой-либо подпитки и не имеет дыма, но является чистым, [как бы] жидким и, по образу воды, [словно] текущим. Ведь он не поднимается какой-то силой вверх, как наш, кото-

¹ Вергилий. Энеида. VI.735–740.

² Там же. VI.702.

рого заставляет подниматься вверх влияние земного тела, которым питается он и сопровождающий его дым, и вынуждает с дрожанием возноситься к небесной природе. 5. Тот же божественный огонь одной и той же силой и тем же могуществом будет и жечь нечестивцев, и укреплять их, и настолько же будет истязать тела, насколько восстанавливать их, и сам себе будет доставлять вечную пищу, что поэты относили к коршуну Тития. И вот так, без всякого умаления вновь укрепляющихся тел, он будет лишь обжигать и причинять боль. 6. Но и тогда, когда Бог будет судить праведных, Он испытает также и их огнем. Тогда чьи прегрешения или по [своей] тяжести, или по [своему] числу будут перевешивать [добрые дела], те будут поражаться и опаляться огнем. Те же, кого украшает совершенная справедливость и зрелость добродетели, не почувствуют огня, ибо они имеют в себе нечто Божие, что сдержит и оттолкнет силу пламени. 7. Такова сила невинности, что от нее бежит тот огонь, не причиняя вреда, ибо он получил от Бога возможность жечь [только] нечестивцев и щадить [одних] праведников.¹ И все же пусть не подумает никто, что души предаются суду сразу же после смерти. Все они будут удерживаться под одной общей охраной, пока не наступит время, когда великий Судия будет взвешивать заслуги каждой. 8. Тогда те из них, чья справедливость будет признана [совершенной], получают в награду бессмертие, те же, у кого будут открыты преступления и грехи, не воскреснут, но с нечестивыми будут упрятаны в ту же тьму, обреченные на настоящие муки.

22. 1. Некоторые считают, что это вымыслы поэтов, не зная, откуда поэты взяли все это, и отрицают, что такое вообще может случиться. Нет ничего удивительного в том, что им так кажется. 2. Ведь дело обстоит иначе, нежели передают поэты. Хотя поэты гораздо древнее, чем историки, ораторы и писатели прочего рода, все же, поскольку они не ведали тайну божественного обета, упоминание о будущем воскрешении дошло до них в виде смутного слуха. Узнав о нем по случайности, они сообщили о нем в виде вымышленной басни. 3. И все же они свидетельствовали о нем, даже следуя не прочному авторитету, но слухам, как Марон, который говорит:

¹ Ср.: Книги Сивилл. II.253–255.

*Дайте мне право сказать обо всем, что я слышал.*¹

4. И вот хотя поэты отчасти искажали истину, все же сама суть оставалась верной, потому что отчасти они были согласны с пророками, чего нам достаточно для рассмотрения вопроса. 5. Все же в вымысле их нет никакого смысла. Ведь когда пророки усердными речами предвещали, что Сын Божий будет судить мертвых, и поскольку это пророчество не было тайной, поэты, поскольку считали, что правителем неба является не какой-то иной Бог, а Юпитер, сообщали, что в преисподней суд вершит сын Юпитера, но не Аполлон или Либер, или Меркурий, которые считаются небожителями, но тот, который был смертным и справедливым: или Минос, или Эак, или Радамант. 6. И вот поэтической вольностью они искажали то, что слышали, или же истину, прошедшую через различные уста и разные толки, изменяли догадкой. 7. Например, они предвещали, что после пребывания в течение тысячи лет в преисподней мертвые вновь вернутся к жизни, о чем так сказано у Марона:

*Времени бег круговой отмерит десять столетий, —
Души тогда к Летейским волнам божество призывает,
Чтобы, забыв обо всем, они вернулись под своды
Светлого неба и вновь захотели в тело вселиться.*²

8. То ввело поэтов в заблуждение, что мертвые не воскреснут спустя тысячу лет после своей смерти, а что вернувшиеся вновь к жизни будут править с Богом тысячу лет. Ибо Бог придет, чтобы, очистив этот мир от всякой скверны, воскрешенные души праведных наделить новыми телами для вечного блаженства. 9. Итак, кроме воды забвения³ — все остальное верно. Эту воду они для того выдумали, чтобы никто им не возразил: «Почему же они не помнят ни того, что когда-то были живы, ни того, кем были, ни того, что делали?» Тем не менее, и это не считается правдоподобным и отвергается, словно своевольно выдуман-

¹ Вергилий. Энеида. VI.266.

² Там же. VI.748–751.

³ Имеется в виду река забвения Лета, о которой говорит Вергилий в процитированном выше отрывке.

ное и баснословное. 10. Нам же, рассуждающим о воскресении и обосновывающим то, что души в иной жизни не забудут себя, но вернуться с тем же чувством и в том же облике, могут возразить такое: «Уже столько веков минуло, но вернулся ли хоть кто-нибудь из преисподней, чтобы мог послужить примером того, во что мы должны поверить?» 11. Однако же воскрешение не может произойти, пока царит несправедливость. Ведь в этом веке люди лишаются жизни и силой, и мечом, и кознями, и ядами, изнуряются несправедливостями, нуждой, тюрьмами, оковами, проскрипциями. 12. Из этого понятно, что справедливость ненавистна, что все, кто хотят следовать за Богом, не только живут в ненависти, но и предаются всевозможным унижениям, истязаются разного рода пытками и не разумом или истиной, а ужасным терзанием тел принуждаются к нечестивому поклонению богам, созданным [человеческими же] руками. 13. Так неужели нужно, чтобы для этого самого воскресали люди и возвращались к жизни, в которой они не могут чувствовать себя в безопасности? Поскольку же праведные считаются столь ничтожными, столь легко предаются смерти, для чего мы должны видеть пример будущего, если бы вдруг кто-нибудь, вернувшись из преисподней, вновь обрел жизнь? 14. В самом деле, будущее удаляется с глаз людей, чтобы, увидев его или услышав о нем, не оставили все богов и не обратились к почитанию одного-единственного Бога и [единой истинной] религии. 15. Стало быть, необходимо, чтобы воскрешение случилось один раз — когда будет уничтожено зло. Ибо определено, чтобы те, кто воскреснут, больше не умирали и никоим образом не истязались, дабы те, чья смерть поправа, могли вести блаженную жизнь. 16. Поэты же, поскольку знали, что этот век изобилует всякими злодеяниями, придумали реку забвения, чтобы [объяснить, почему] души, помнящие о злодеяниях и тяготах, не отказывались вернуться в вышний мир. 17. Отчего Вергилий и сказал:

*Мыслимо ль это, отец, чтоб отсюда души стремились
Снова подняться на свет и облечься тягостной плотью?
Злая, видно, тоска влечет несчастных на землю!*¹

¹ Вергилий. Энеида. VI.719–721.

18. Ведь не знали они, каким образом и когда должно этому случиться. Вот и думали, что души рождаются вновь и возвращаются обратно во чрево и к младенчеству. 19. Поэтому Платон, рассуждая о душе, говорил, что из того можно заключить о бессмертии и божественном происхождении душ, что младенцы быстрее и легче учатся, и то, что они изучают, настолько быстро схватывают, что кажется, будто учат это не впервые, а вспоминают и воскрешают в памяти.¹ В этом мудрый муж еще более смешон, чем поэты.

23. 1. Итак, души не родятся вновь, чего не может случиться, но [однажды] воскреснут и обретут от Бога тела и будут помнить о прежней жизни и всех поступках, и помещенные среди небесных благ, наслаждаясь бесчисленными радостями, обретут они от Бога милости. Ибо уничтожит Он всякое зло и воскресит их для царства вечного и вечной жизни. 2. Об этом воскрешении пытались что-то сказать даже философы, но столь же превратно, как и поэты. Так, Пифагор рассуждал, что души переселяются в новые тела; однако нелепо, чтобы из людей они переселялись в скот, из скота — в людей, и чтобы он сам получил душу от Эвфорба. 3. Лучше сказал Хрисипп, который, по словам Цицерона, подпирал портик стоиков.² В книгах, которые он написал о Провидении, когда он говорил об обновлении мира, то сказал следующее: «Если я объяснил верно, то, очевидно, после смерти и по истечении определенного числа лет мы возвратимся в то состояние, в котором пребываем сейчас». 4. Но [в действительности] мы возвращаемся из человеческого состояния к божественному. Сивилла так говорит:

*Полон неверия род людской. Когда же наступит
Суд над людьми и всем миром, что сам вселенной Создатель
Будет вершить, на него нечестивых и праведных вместе
Вызвав — Он их разведет: порочных в пламень отправит
Душного Тартара, пропасть поглотит ужасной геенны.
Людям же праведным вновь разрешит на земле поселиться.³*

¹ Ср.: Цицерон. Тускуланские беседы. I.24.57.

² Cic. Acad. prior. II.54.75.

³ Книги Сивилл. IV.40–43, 186–187.

5. Если же не только пророки, но и прорицатели, и поэты, и философы соглашаются, что произойдет будущее воскрешение мертвых, пусть никто не спрашивает нас, каким образом это может быть, ибо не может быть открыт смысл божественных деяний. Но если Бог изначально, не знаю, каким удивительным образом, сотворил человека, то мы верим, что Он может возратить к жизни уже жившего когда-то человека, если создал никогда не жившего.

24. 1. Теперь я добавлю остальное. Итак, придет Сын Всевышнего и Великого Бога, чтобы судить живых и мертвых, о чем свидетельствует и что утверждает Сивилла:

*Тут среди смертных по всей земле начнется смятенье
В день, как придет Вседержитель, воссядет на троне и будет
Души судить живых и мертвых — суд над вселенной.¹*

2. Он, когда уничтожит несправедливость и совершит великий суд, и праведников, которые были от начала, вернет к жизни, будет пребывать среди людей тысячу лет и со всей справедливостью будет царствовать над ними. Это предвестила другая Сивилла, пророчествующая в исступлении:

Смертные люди, внимлите — царит Владыка нетленный!²

3. Те, кто будут живы в телах своих, не умрут тогда, но в течение той же тысячи лет родят бесконечное множество людей, и будет потомство их святым и любезным Богу. Те же, кто восстанут из ада [ab inferis], возглавят живущих, как судьи. 4. Язычники же не исчезнут совершенно, но некоторые останутся до победы Божией, чтобы участвовать в триумфе праведников и пребывать под ярмом вечного рабства. 5. В то же самое время будет закован в цепи предводитель демонов, который является виновником всякого зла, и будет пребывать в течение тысячи лет под стражей небесной власти, когда в круге земель будет править справедливость, чтобы не возводилось против народа Божьего никакого зла. 6. После прихода [Сына Божьего] соберутся со всей земли

¹ Книги Сивилл. VIII.81–83.

² Там же. Фрагм. IV.

праведники, и по совершении суда в центре земли будет основан град святой [civitas sancta], в котором сам Создатель Бог будет пребывать с праведниками. На этот город указывает Сивилла, когда говорит:

*Город же, избранный Богом, блеснуть заставил он ярко —
Ярче сияющих звезд на небе и Солнца с Луною.¹*

7. Тогда удалится из мира тьма, которая застилала и покрывала небо. И Луна обретет сияние Солнца и не будет больше убывать. Солнце же будет в семь раз ярче, нежели теперь. Земля явит плодородие свое, и сама будет рождать множество своих плодов. Скалы гор будут истекать медом, реки наполнятся молоком. Возрадуется в итоге сам мир, и будет ликовать всякая природа вещей, избавленная и освобожденная от власти зла, нечестивости, преступления и обмана. 8. Ни звери тогда не будут питаться кровью, ни птицы добычей, но все будут миролюбивы и кротки. Львы и телята станут в общее стойло, волк не будет резать овцу, не будет искать мяса, коршуны и орлы не будут чинить вред, а дети будут играть со змеями. 9. Тогда наконец появится то, что, по словам поэтов, было в золотые времена еще в правление Сатурна. Они заблуждались, говоря как об уже бывшем когда-то о том, что пророки предвещали относительно будущего. Ибо от Божественного Духа глазам пророков дано было видение, и они увидели, когда это произойдет и совершится. 10. Когда эти пророчества понемногу разнесла молва, поскольку непосвященные в таинство не знали, о каких временах те говорили, то сочли, что уже в старые времена было исполнено все то, что не могло никак случиться и исполниться в правление человека.

11. Когда же будут уничтожены нечестивые религии и будет искоренено преступление, земля будет подчинена Богу,

*Море покинут гребцы, и плавучие сосны не будут
Мену товаров вести — все всюду земля обеспечит.
Почва не будет страдать от мотыг, от серпа — виноградник;
Освободит и волов от ярма хлебопашец могучий.²*

¹ Там же. V.420–421.

² Вергилий. Буколики. Эклога IV.38–41.

Тогда и

*Колосом нежным уже понемногу поля зажелтеют,
И с невозделанных лоз повиснут алые гроздья;
Дуб с его крепкой корой засочится медом росистым.
Шерсть не будет хитро различной морочить окраской, —
Сам, по желанью, баран то в пурпур нежно-багряный,
То в золотистый шафран руно перекрашивать будет,
И добровольно в полях багрянец ягнят принарядит.
Сами домой понесут молоком отягченное вымя
Козы, и грозные львы стадам уже страшны не будут.¹*

12. Этот поэт предсказал, следуя песням Куманской Сивиллы. Эритрейская же так говорит:

*Овцы вместе с волками в горах травую питаться
Будут, а дикие барсы пастись с козлятами вместе.
Сможет теленок с медведем в загоне быть безопасно,
Лев плотоядный мякиной, как вол, насытится в яслях.
Змей с младенцем уснет в одной постели спокойно.²*

13. И в другом месте об изобилии вещей:

*Но получают взамен от Бога великую радость
Смертные, ибо земля, деревья и пастбища будут
Истинный плод приносить, и тогда появится вдоволь
Сладкого меда, вина, молока белоснежного, хлеба —
Главное, хлеба, ведь он — наивысшее благо для смертных.³*

14. И другая таким же образом:

*К чистым душою тогда придет молоко неземное —
К тем, что надежды свои на Творца одного возложили,
Вышнего Бога, Ему принеся почитанье и веру.⁴*

¹ Вергилий. Буколики. Эклога IV.28–30; 42–45; 21–22.

² Книги Сивилл. III.788–791; 794.

³ Там же. III.619–623.

⁴ Там же. V.281–283.

15. Итак, люди будут вести спокойнейшую и изобильную жизнь и будут равно править с Богом. Придут цари народов от края земли с дарами и подношениями, чтобы уважить и восславить великого Царя, имя Которого станет известно и почитаемо всеми народами, сущими под небом, и царями, властвующими на земле.

25. 1. Это то, что, по словам пророков, произойдет в будущем. Я считал, что нет необходимости приводить их слова и свидетельства, иначе работе не было бы конца, а размер книги не вместил бы такого множества свидетельств. К тому же у читателей могло бы возникнуть отвращение, если бы, в то время как столь многие пророки единым духом говорят сходное, я собрал бы высказывания всех их и привел бы в качестве доказательства. Кроме того, я хотел подтвердить то, о чем я говорил, не с помощью наших, но прежде всего чужих писаний и показать, что не только у нас, но и у тех, кто нас преследуют, содержится истина, которую они отказываются признавать. 2. Если же кто-то захочет тщательнее в этом разобраться, пусть почерпнет знание из самого источника — и узнает еще больше удивительного, чем мы изложили в этих книгах.

3. Возможно, кто-нибудь поинтересуется теперь, когда же случится то, о чем мы сказали. Я выше уже сказал, что эта перемена должна произойти по истечении шести тысяч лет,¹ и уже близится тот высший день полного исхода [мира]. 4. О знаках, которые будут на это указывать, можно узнать из пророков. В самом деле, они предсказывали знамения, по которым нам следует ждать в определенные дни и бояться завершения времен. 5. Когда же все это случится, об этом учат те, кто писали о временах, определив из Священных Писаний и различных историй, сколько лет прошло от начала мира. Хотя они расходятся во мнениях и количество прошедших лет у них различно, все же завершение времен, кажется, отдалено от нас не более чем на двести лет. 6. Все говорит о том, что скоро произойдет разрушение и гибель мира, но, по-видимому, ничего подобного не следует бояться, пока невредим город Рим. 7. Но когда эта столица мира падет и когда Рим превратится в *улочку жалкую*, как предсказывали Сивиллы,² кто тогда усомнится, что уже пришел ко-

¹ См.: VII.14.6.

² Книги Сивилл. VIII.165.

нец делам человеческим и кругу земель? 8. Этот город пока еще все сносит; мы же должны просить и молить Бога небесного, чтобы, если могут быть отсрочены постановления и предписания Его, не раньше, чем мы предполагаем, пришел тот тиран, который совершит такое злодеяние и погасит светоч этот, с уничтожением которого исчезнет и сам мир.

9. Теперь вернемся к изложению остального, что последует за этим.

26. 1. Чуть раньше мы сказали,¹ что в начале святого правления Богом будет повержен предводитель демонов. Однако, когда будет подходить к концу тысячелетие святого царства, т. е. седьмое тысячелетие, он освободится вновь и, отпущенный на волю, восстанет и все народы, которые будут тогда пребывать под властью праведников, возбудит к тому, чтобы они пошли войной на святой город. И соберется со всего круга земель бесчисленный народ язычников, окружит и возьмет в осаду город. 2. Тогда обрушится новый гнев Божий на язычников, и уничтожит Он их всех до последнего. Сначала же Он весьма жестоко поразит землю, и от сотрясения ее рухнут горы Сирии, долины провалятся и обрушатся стены всех городов. И Бог остановит солнце на три дня, чтобы оно не заходило, и будет пылать оно. И чрезмерным зноем и великим жжением поразит Он неприятельские и нечестивые народы, а также серными дождями, камнепадами и огненными каплями. И расплавятся души их в пламени, и тела поразятся падающими камнями, и сами себя заколют мечами. И наполнятся горы трупами, и поля покроются костями. 3. Народ же Божий в течение тех трех дней будет прятаться в полостях земли, пока не иссякнет гнев Божий в отношении язычников и не завершится последний суд. 4. Тогда выйдут праведники из укрытий своих и найдут все покрытым трупами и костями. Народ же нечестивый погибнет полностью, и не останется в этом мире больше ни единого племени, кроме народа Божьего. Тогда в течение семи непрерывных лет будут невредимы леса, и с гор не будут валиться камни, но силы язычников будут сокрушены, и не будет больше войны, но наступят вечный мир и покой. 5. Когда же завершится тысячелетие, мир будет обновлен Богом, свернется небесный покров, а лицо земли изменится. И сделает Бог людей подобными ангелам, и будут они белыми, словно снег. И будут вечно

¹ См.: VII.24.5.

пребывать они пред взором Всемогущего Бога, и будут поклоняться и вечно служить своему Господу. 6. В то самое время произойдет второе и всеобщее воскрешение, когда поднимутся неправедные люди для вечных мучений. Это те, кто почитают рукотворное, кто не знают Господина и Родителя мира и отказываются от Него. 7. Но и хозяин их будет изблещен вместе с прислужниками своими и осужден на казнь. С ним равно все множество нечестивцев за свои преступления будет гореть вечным огнем на глазах ангелов и праведников.

8. Таково учение святых пророков, которому мы, христиане, следуем; такова наша мудрость, над которой смеются, словно над глупостью и пустословием, и те, кто почитают тленное, и те, кто охраняют тщетную философию. Ведь мы не имеем обыкновения защищать и оборонять ее публично, но, следуя повелению Божию, будучи мирными и тихими, храним тайну Его под покровом и внутри своего круга, и не спорим с упорством и страстностью с теми, кто далек от истины, кто беспощадно нападает на Бога и Его религию, не заботясь о постижении их, но исключительно ради насмешки и обвинения. 9. Ибо тайна должна сохраняться и укрываться весьма усердно, особенно нами, кто носит само имя веры. 10. Но те [язычники] это наше безмолвие уличают, словно дурной сговор, поэтому и измышляют о целомудренных и невинных людях разные мерзости и верят в то, что сами выдумали.

27. 1. Поскольку, выполнив намеченное для седьмой книги, мы подошли до конечного пункта, остается, чтобы мы побудили всех к принятию вместе с истинной религией [небесной] мудрости, сила которой и обязанность состоят в том, чтобы мы, презрев земное и оставив заблуждения, которых прежде держались, служа тленным богам и стремясь к земному, отправлялись к вечной награде небесной сокровищницы. Чтобы мы могли получить ее, прежде следует отказаться от привлекательных наслаждений этой сущей жизни, которые пагубной привлекательностью соблазняют души людей. 2. Следует понять, какое это счастье — освободиться от этих пагуб земных и отправиться к беспристрастному Судье и снисходительному Отцу, Который дарует вместо трудов отдых, вместе смерти — жизнь, вместо тьмы — свет, вместо земных и временных благ — вечные и небесные. Горести и несчастья, которые мы претерпеваем в этом мире, следуя справедливости, несравнимы и несопоставимы с

этой наградой. 3. Поэтому, если мы хотим быть разумными и счастливыми, следует знать и понять, что не только нам приходится, как говорил Теренций,

*Молоть на мельнице, быть битыми и заключенными в оковы,*¹

но и то, что еще более страшное суждено перенести тем язычникам: темницы, оковы, пытки, боль; наконец [нужно нам] принять и претерпеть саму смерть, когда откроется, что ни тленные наслаждения не останутся без наказания, ни добродетель не будет без награды. 4. Итак, надлежит всем прилагать усилия, чтобы как можно скорее встать на верную дорогу и, приняв и соблюдая добродетель и терпеливо снося тяготы этой жизни, обрести утешение Божие. 5. Ибо Отец наш и Господь, Который сотворил и обустроил небо, Который поместил [на нем] Солнце с остальными светилами, Который уравнивающую Своим величием землю обнес горами, окружил морем и изрезал реками и Который все, что есть в этом мире, сотворил из ничего, обнаружив заблуждения, отправил людям Вождя, чтобы Он открыл нам путь праведности. 6. Ему все мы следуем, Его слушаем, Ему благоговежно повинемся, поскольку, как сказал Лукреций,

*Вследствие этого он праведной речью очистил
Людям сердца и конец положил он и страсти, и страху;
В чем состоит, объяснил он, высшее благо, какого
Все мы стремимся достичь, и путь указал по тропинке
Краткой, какую его достигаем мы прямо и быстро.*²

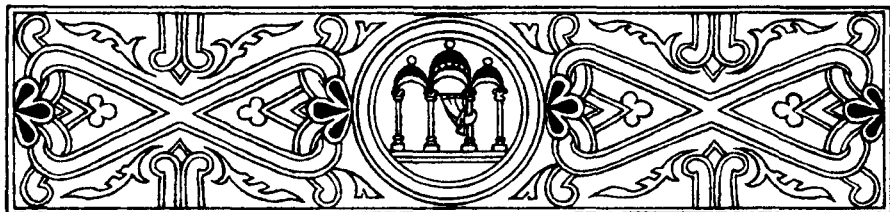
7. Он не только указал его, но пошел впереди, чтобы никто из-за трудностей не испугался дороги добродетели. Пусть будет оставлена дорога погибели и обмана, на которой скрывается смерть, укрытая соблазнами наслаждений. 8. И каждый, когда годы его будут клониться к старости, увидев, что уже близится тот день, когда ему придется уйти из этой жизни, пусть подумает, насколько чистым он уйдет и насколько невинным явится перед Судией. Не как поступают некоторые, которые, полагаясь на слепой разум, когда уже иссякают их телесные силы и когда сами они

¹ Теренций. Формион. II.1.19 (Перевод наш. — В. Т.).

² Лукреций. О природе вещей. VI.24–28.

находятся в крайней нужде, побуждаются к тому, чтобы еще более жадно и ненасытно устремиться к наслаждениям. 9. Пусть каждый освободит себя из этой пропасти, пока позволено, пока есть возможность, и всем сердцем обратится к Богу, чтобы ожидать без страха тот день, когда Покровитель и Господин мира, Бог, будет судить о делах и мыслях каждого. Пусть каждый все, чего домогается здесь, не только презрит, но и бежит от этого, и пусть лучше позаботится о душе своей, нежели о тех ложных благах, обладание которыми эфемерно и призрачно. 10. Ибо блага приходят и уходят ежедневно, и исчезают они гораздо быстрее, чем обретаются. И все же, если нам до самого конца будет позволено наслаждаться ими, мы, конечно, должны будем лишиться других. Ничего мы не сможем унести с собой, кроме праведно и невинно проведенной жизни. 11. Тот явится перед Богом богатым и имущим, кто будет сопровожден воздержанностью, милосердием, терпеливостью, уважением и верностью. Это наше наследство, которое не может быть ни отнято никем, ни передано кому-то другому. 12. Есть кто-нибудь, кто хотел бы снискать и приобрести себе эти блага? Пусть явятся те, кто голодны, чтобы обильной пищей небесной унять вечный голод, пусть явятся те, кто мучим жаждой, чтобы обрести спасительную воду из вечного источника. 13. Благодаря этой пище и этой влаге Божией слепые прозреют, глухие услышат, немые заговорят, обезноженные станут на ноги, глупцы поумнеют, страждущие выздоровеют и оживут мертвые. 14. Ибо всякий, кто отвергнет с помощью добродетели земные соблазны, того Великий и Справедливый Судия поднимет к вечной жизни и свету. 15. Пусть никто не упоает ни на богатства, ни на власть, ни даже на царское могущество: это не обеспечит бессмертия. Ведь всякий, кто предаст забвению сущность человека и, следуя сущему, сам себя ввергнет в грязь, будет наказан, словно покинувший господина, императора и отца своего. 16. Устремимся же к справедливости, которая единственная нас, как неразлучный спутник, ведет к Богу, и, пока не покинет тела душа,¹ будем нести неустанную службу Богу, будем на страже и бдительны, сразимся с врагом, которого хорошо узнали, чтобы, одолев неприятеля, в качестве победителей и триумфаторов получить от Господа награду за добродетель, которую Он Сам же и обещал.

¹ Вергилий. Энеида. IV.336.

УКАЗАТЕЛЬ

*имен собственных, встречающихся
в «Божественных установлениях»¹*

- Август Цезарь Октавиан **II.7.17**,
22; **16.11**.
Авентин, холм **I.11.59**.
Авентин, царь Альбы **I.11.59**.
Авлация, крепость **I.11.65**.
Автолик, адресат св. Феофила
Антиохийского **I.23.2**.
Агамемнон, миф. **I.23.3**.
Агафокл, сицилийский тиран
I.21.13, 15.
Агесилай, прозвище Плутона
I.11.31.
Аглаосфен **I.11.64**.
Адонис, миф. **I.17.9**.
Адриан, римский император
I.21.1.
Азия **I.7.1**; **VII.15.11**; **16.3**.
Акция Навий, авгур **II.7.8**.
Александр Великий, царь Македо-
нии **I.6.8**; **II.7.19**; **IV.14.11**.
Алкивиад, афинский политичес-
кий деятель **III.19.25**.
Алкмена, миф. **I.9.1**.
Альбуenea, имя одной из Сивилл
I.6.12.
Амалех, библ. **IV.17.12**.
Амалфея, имя Куманской Сивил-
лы **I.6.10**.
Амалфея, нимфа **I.21.38**; **22.19**.
Амос, библ. пророк **IV.19.2**.
Амфитрион, миф. **I.10.11**; **15.20**.
Анаксагор, греческий философ
I.5.18; **III.9.4, 9, 12, 15, 18**; **12.20**;
28.12; **30.6**; **V.3.23**; **VI.1.2**.
Анаксимен, греческий философ
I.5.19.
Анахарсис, философ-скиф **III.25.18**.
Аниен, река в Италии **I.6.12**.
Аникерис, современник Платона
III.25.16.

¹ Указание дается на номер книги (латинской цифрой), номер главы (арабской цифрой с выделением) и номер отрывка в главе (арабской цифрой без выделения).

- Анкира, город во Фригии **I.6.12.**
 Антисфен, греческий философ **I.5.18.**
 Антихрист **VII.19.6.**
 Антоний Марк, римский полководец **I.11.32; 15.29–30; II.7.17.**
 Антоний Максим **II.7.20.**
 Анхис, миф. **I.15.12; 17.9.**
 Апис, миф. **IV.10.12.**
 Аполлодор Эритрейский, греческий ученый **I.6.9.**
 Аполлон, миф. **I.7.1, 2, 8–9, 11, 13; 8.4; 10.3; 15.9, 13, 26; II.4.18; IV.4.8; 13.11, 14–15, 17; 15.6; 27.12, 14, 18; V.3.5; 10.16; VII.13.5; 22.5.**
 Аполлоний Тианский, чудотворец **V.3.7–10, 14, 21.**
 Апулей, римский писатель **V.3.7, 21.**
 Аравия, историческая область **II.13.6.**
 Аргус, миф. **I.6.2.**
 Аристид, афинский стратег **III.19.8; VI.6.26.**
 Аристий Фуск, грамматик, друг Горация **V.17.18.**
 Аристарх, александрийский ученый **V.2.17.**
 Аристипп, греческий философ **III.7.7; 8.6; 15.15; VII.7.11.**
 Аристоксен, греческий философ **VII.13.9.**
 Аристон, греческий философ-стоик **VII.7.11.**
 Аристотель, греческий философ **I.5.22; II.10.17, 25; III.7.8; 8.38; 28.20; V.3.1; 14.5; 17.4; VII.1.7.**
 Аристофан, александрийский ученый **V.2.17.**
 Арицийская роща **I.22.2.**
 Аркесилай, греческий философ **III.4.11, 14; 5.3, 5, 8; 6.7, 9–10; 30.6.**
 Арторий, врач Октавиана Августа **II.7.22.**
 Архимед, математик **II.5.18.**
 Асклепиад, христианский писатель **VII.4.17.**
 Асклепий, миф. см.: Эскулап
 Асклепий, ученик Гермеса Трисмегиста **II.15.7; VI.25.11.**
 Ассирийцы **I.23.2; VII.15.13.**
 Атабирий, миф. **I.22.23.**
 Атилий Регул, римский консул **V.13.13.**
 Атлант, миф. **I.11.58.**
 Аттик, адресат Цицерона **I.15.26; 20.14.**
 Афины, афиняне **I.10.4; 15.9; 20.3; III.12.22; 19.17, 22; 20.16; V.14.3; VI.8.9; 9.8.**
 Африкан, см.: Корнелий Сципион
 Ахиллес, миф. **I.23.3.**
 Ацест, миф. **I.22.25.**
 Ацеста, город **I.22.25.**
 Аякс, миф. **I.23.3.**
 Бебий Тамфил Марк, консул 181 г. до н. э. **I.22.5.**

- Бел, миф. **I.23.2.**
 Беллона, римская богиня **I.21.16;**
V.10.16.
 Благая богиня **III.20.4.**
 Брут, см.: Юний Брут
 Бут, миф. **I.17.9.**
- Вавилон, вавилоняне I.6.13; 23.2;**
IV.10.17.
 Валерий Л. **I.6.14.**
 Варрон Марк, римский ученый
I.6.7; 13.8; 17.8; 21.7; 22.10;
II.12.4, 21, 24; IV.15.27.
 Ватиен П., легат **II.7.10.**
 Вейяны **II.7.11.**
 Венера, миф. **I.10.4; 15.9; 17.9;**
20.11, 27, 32; II.4.12; III.8.6.
 Вергилий, римский поэт **I.5.11;**
13.12–13; 15.12; II.10.16;
III.28.8; IV.28.15; V.10.3;
VII.3.5; 22.3, 7, 17.
 Веррес Гай, наместник в Сицилии
I.10.14; II.4.27, 30–31, 34–35.
 Веррий, римский грамматик
I.20.5.
 Веспасиан, римский император
IV.21.5.
 Веста, миф. **I.11.46; 12.4, 6; 14.2, 4;**
21.25–27; II.6.2; III.20.4.
 Вирбий, миф. **I.17.15.**
 Вифиния, провинция **V.2.2; II.15.**
 Волчица, миф. **I.20.1.**
 Вулкан, миф. **I.12.7; 15.9, 26;**
17.12–13; 18.21; II.6.2; IV.4.8;
27.18.
- Габий Басс, римский писатель
I.22.9.
 Габиний П. **I.6.14.**
 Гавий **IV.18.10–11.**
 Галилея **IV.19.7; 20.1.**
 Галлия, галлы **I.17.7; 20.27, 33;**
21.3.
 Гальба, см.: Сульпиций Гальба
 Ганимед, миф. **I.11.19, 22; 23.3;**
II.16.17.
 Ганнибал, полководец карфагенян
II.16.17.
 Гармония, миф. **I.17.9.**
 Гектор, миф. **III.25.17.**
 Геликон, гора **I.5.10.**
 Геллеспонт, пролив **I.11.59.**
 Гемини, римские консулы
IV.10.18.
 Генна, город в Сицилии **II.4.28–29.**
 Гераклид Понтийский, греческий
 ученый **I.6.12.**
 Гераклит, греческий философ
II.9.12.
 Гергиций, город **I.6.12.**
 Герилл, греческий философ
III.7.8; 8.30.
 Геркулес, миф. **I.5.4; 8.4; 9.1, 4, 7,**
10, 11; 15.5, 23, 26; 18.1, 3, 13, 15;
20.5, 36; 21.8, 31, 33–36; II.7.15;
16.11; V.3.14; 10.16.
 Гермафродит, миф. **I.17.9.**
 Гермес Трисмегист, см.: Трисмегист
 Гермополис, город в Египте **I.6.3.**
 Герофила, см.: Амалфея.
 Гесиод, поэт **I.5.8; II.14.7.**

- Гидасп, река **V.17.18; VII.15.18.**
- Гиперион, миф. **I.21.30.**
- Гиркания, страна на Востоке
V.11.4.
- Гистасп, царь мидян **VII.15.18;**
18.2.
- Главка, миф. **I.14.5.**
- Гомер, поэт **I.3.17; 5.8; 6.9; 10.6;**
III.18.15; IV.7.7; 27.15.
- Гораций Флакк, римский поэт
II.4.1, 3; V.13.16; 17.18; VI.5.12.
- Гортензий, участник диалога
у Цицерона **I.7.4; III.16.9, 11–12.**
- Гракхи, трибуны **II.4.29.**
- Греция, греки **I.6.9; 13.8; 15.14, 24,**
25; 18.7; 20.14, 16–17; 22.15;
II.4.16; III.14.7; 16.16; 19.17;
IV.1.12–13; 5.8; 7.7; 9.1; V.14.19;
VI.24.6; VII.15.13.
- Давид, царь иудеев **IV.8.13;**
12.7, 17; 13.9–10, 18, 21–22,
24–26; 14.1, 4; 15.3; 16.6, 14;
18.14, 18, 26, 30–31; 19.8.
- Даная, миф. **I.11.18.**
- Даниил, библ. пророк **IV.12.12.**
- Дардан, миф. **I.23.3.**
- Дарий I, царь персов **IV.5.8; 14.11.**
- Девкалион, миф. **II.10.10, 23.**
- Делос, остров **I.15.9.**
- Дельфы, город в Фокиде **I.7.1.**
- Деметриан, ученик Лактанция
II.10.15.
- Деметриан, адресат св. Киприана
Карфагенского **V.4.3–4.**
- Демокрит, греческий философ
I.2.2; III.17.23, 34; 23.4; 28.13;
30.6; VII.1.10; 3.23; 7.9–10, 12;
8.8; 13.7.
- Демосфен, греческий оратор
V.2.15.
- Демофила, см.: Амалфея
- Деции Муры, римские консулы
III.12.22; VI.6.26.
- Диагор, греческий философ **I.2.2.**
- Диана, миф. **I.17.15; 21.2.**
- Дидим, греческий грамматик
I.22.19, 27.
- Дикеарх, греческий философ
III.17.34; VII.7.12; 8.8; 13.7.
- Диномах, греческий философ
III.7.7.
- Диоген, греческий философ
III.25.16.
- Диодор, греческий философ **III.7.7.**
- Диодор Сицилийский, греческий
историк **I.13.8.**
- Диоклетиан, римский император
VI.2.1
- Дионисий Старший, сицилийский
тиран **II.4.16, 25, 27, 35.**
- Диспатер, миф. **I.14.5.**
- Доблесть, римское божество
I.20.12; 21.16.
- Добрая богиня **I.22.11.**
- Долабелла, консул **I.15.30.**
- Домициан, римский император
V.3.9.
- Домиций, римский писатель
V.11.19.

- Евгемер, греческий философ
I.11.33, 65; 13.14; 22.27.
- Евклид Мегарский, греческий философ **III.12.9.**
- Еврей **II.13.8; IV.10.5, 8; 26.37–38; VII.14.8; 15.1.**
- Еврипид, греческий драматург
V.15.11.
- Европа, миф. **I.11.19, 21.**
- Египет, египтяне **I.6.2, 3; 11.20; 15.8; 20.36; 21.20; II.5.36; 13.10; III.20.16; IV.2.4; 10.5–6, 8, 11; 13.7; 26.37–38; V.20.12; VII.13.4; 15.1–2, 5–6, 10, 13.**
- Ездра, библ. пророк **IV.11.5; 18.22–23.**
- Езус, галльский бог **I.21.3.**
- Елена, миф. **I.10.6.**
- Елисейские поля, миф. **VI.4.1**
- Захария, библ. пророк. **IV.5.8; 14.6, 11; 18.29.**
- Зевс, см.: Юпитер
- Земля, римская богиня **I.22.28**
- Зенон Китийский, греческий философ-стоик **I.5.20; III.4.1–2; 6.7; 7.8; 8.20; 18.5; 23.8; IV.9.2–3; V.3.1; VI.24.14; VII.7.13.**
- Зенон Сидонский, философ-эпикурец **III.20.15.**
- Зефир, миф. **I.20.8.**
- И**аков, библ. **IV.13.8, 10.**
- Иапет, миф. **II.10.7–8.**
- Иасий, миф. **I.23.3.**
- Идас, миф. **I.10.5.**
- Иеремия, библ. пророк **IV.8.1; 11.4; 13.8, 10; 18.27; 19.4; 20.5.**
- Иероним, греческий философ **III.7.7.**
- Иерусалим, город **IV.13.24; 14.7; 17.3, 8; 18.32.**
- Иессей, библ. **IV.13.21.**
- Израиль, библ. **IV.11.6; 12.18; 13.7; 17.9, 12; 18.32; 20.6, 11; 29.10.**
- Иисус, сын Иоседека **IV.14.12.**
- Иисус Навин, библ. **IV.5.6; 14.12; 17.9, 12.**
- Иисус Христос **IV.7.4, 7; 8.2; 10.2, 18–19; 12.9, 13–14, 17–18; 13.9, 11, 18; 14.1, 3, 6–9, 11, 14; 15.20–21, 27, 30; 16.4, 12–14; 17.2, 9–13; 18.1–2, 5, 31; 19.2, 6–7; 20.3, 5, 10; 23.10; 26.2, 17, 34, 39–40; 27.14, 19; 29.11; 30.8, 10; V.3.4, 6, 9–10, 15–16, 18–19; VII.19.4, 6.**
- Икарийское море **I.11.59.**
- Илион, см.: Троя
- Илия, библ. пророк **IV.11.6.**
- Иллирик, провинция **II.7.16.**
- Инах, миф. **I.11.20.**
- Инах, река **I.11.58.**
- Индия **I.10.8, 9; V.11.4.**
- Ино, миф. **I.21.23.**
- Ио, миф. **I.11.20, 21.**
- Иоанн, апостол **IV.8.16.**
- Иоанн Креститель **IV.15.2.**
- Иордан, река **IV.15.2.**
- Иоседек, библ. **IV.14.12.**
- Ипполит, миф. **I.10.1; 17.15.**

- Ирод Агриппа, тетрарх **IV.10.18; 18.6.**
- Исаия, пророк **IV.11.10, 12; 12.4, 8–9, 18; 13.7, 9, 19; 15.13; 16.15; 17.8; 18.13, 16, 24; 20.12; 29.10–11.**
- Исида, миф. **I.11.20, 21; 15.8; 17.6; 21.20–21.**
- Испания **I.21.8.**
- Италия **I.6.9; 11.55; 13.6, 8–9; 14.12.**
- Иуда, вождь евреев **IV.10.14; 17.8; 20.6, 10–11.**
- Иуда Искаротиот **IV.18.3.**
- Иудея, иудеи **IV.2.4; 5.7–8; 7.6; 10.14, 17–18; 11.1, 3, 5, 12, 16; 13.17, 24; 14.10, 12–13; 15.1–2, 12, 30; 16.5, 11–12, 17; 17.10, 18; 18.1, 3–4, 6, 18, 20–21; 19.1, 6; 20.1–2, 5, 11; 21.2, 5; 26.37, 39; V.3.4, 17, 19; VII.1.24.**
- Кабир, миф. I.15.8.**
- Кавказ, гора **II.10.7; V.11.4; 17.18.**
- Кадм, миф. **I.15.20.**
- Кака, миф. **I.20.36.**
- Каллифонт, греческий философ **III.7.7.**
- Канны, деревушка **II.16.16.**
- Капитолий, храм **I.6.11, 12, 14; 11.49; 20.27, 38–40; III.14.10; 17.12, 14.**
- Карнеад, греческий философ **III.30.6; V.14.3, 5; 16.2, 8, 12; 17.1, 9, 14, 32.**
- Карфаген, карфагеняне **I.21.13; II.16.18; VII.15.15.**
- Касий, миф. **I.22.23.**
- Кассий Дион, римский историк **I.13.8.**
- Кастор, миф. **I.10.5; 15.5, 23, 26; II.7.9.**
- Катилина, римский политический деятель **III.19.8.**
- Катон Марк Порций, римский философ **III.18.5, 8, 10–12; 19.8; VI.6.26.**
- Катон Цензорий, римский политический деятель **V.14.3.**
- Катул, римский консул 78 г. до н. э. **VI.2.15.**
- Квинтиллиан, римский оратор **I.21.17; V.7.7; VI.23.30.**
- Квирин, миф. **I.15.8, 23, 29, 32; 21.23; IV.3.12.**
- Кебет, участник одноименного диалога Платона **III.25.15.**
- Кекроп, миф. **I.17.14.**
- Кимон, афинский политический деятель **VI.9.8.**
- Киносуры, область **I.10.2.**
- Кипр, остров **I.17.10; 21.1.**
- Киприан Карфагенский, святитель **V.1.24; 4.3–4, 7.**
- Кир Великий, царь персов **I.6.12; IV.5.7; 10.17; 11.5.**
- Киферон, гора **I.22.15.**
- Клавдий Аппий Пульхр, консул 54 г. до н. э. **VI.18.26.**
- Клавдий Аппий Слепой, цензор 312 г. до н. э. **II.7.15; 16.11.**

- Клавдий Марцелл Марк, римский консул **I.20.12.**
- Клавдия, матрона **II.7.12; 16.11.**
- Клеанф, греческий философ **I.5.19; III.18.5.**
- Клеомброт, философ из Амбракии **III.18.10.**
- Клодий Публий, народный трибун **I.10.14.**
- Кнос, город
- Кодр, миф. **III.12.22.**
- Колофон, город в Малой Азии **I.7.1.**
- Константин Великий, римский император **I.1.13.**
- Корибанты, миф. **I.13.5; 21.40.**
- Корит, миф. **I.23.3.**
- Корнелий Непот, римский историк **I.13.8; III.15.10.**
- Корнелий Публий Лентул, консул в 181 г. до н. э. **I.22.5.**
- Корнелий Публий Лентул Сура, участник заговора Катилины **VI.2.15.**
- Корнелий Сципион (Африкан), римский полководец **I.9.1; 18.11–13, 15; VI.6.26.**
- Кос, остров **II.7.17.**
- Котта Гай Аврелий, участник диалога у Цицерона **I.6.2; II.6.8; 8.55.**
- Красс Лициний, римский консул 70 и 55 гг. до н. э. **VI.13.11.**
- Крез, царь Лидии **VI.13.11.**
- Крит, остров **I.10.9; 11.46, 47; 13.3; 14.10.**
- Критий, афинский политический деятель **III.19.25.**
- Критяне **I.11.48; 14.10.**
- Кронос, миф. **I.12.5, 9; 13.11.**
- Ксенофан, греческий философ **III.23.12.**
- Кунина, римское божество **I.20.36.**
- Купидон, миф. **I.11.1–3; 17.9.**
- Куреты, миф. **I.11.48; 21.40–41.**
- Курций, римский всадник **III.12.22.**
- Лабрандей, миф. **I.22.23.**
- Лаида, блудница **III.15.15.**
- Лакедемон, лакедемоняне **I.20.29–30.**
- Ламии, миф. **I.22.13.**
- Лампсак, город **I.21.25–26.**
- Лаприй, миф. **I.22.23.**
- Лаомедонт, царь Трои **I.9.10; 10.3; 22.17.**
- Лара, миф. **I.20.35.**
- Ларенция, блудница **I.20.2.**
- Ларунда, миф. **I.20.35.**
- Латин, миф. **I.22.17.**
- Латиняне **I.13.8; 15.8; 21.3.**
- Латона, миф. **I.17.6.**
- Лаций, область **I.11.59; 21.6; 22.9; V.5.9.**
- Левкада, остров **I.21.8.**
- Левкипп, греческий философ **III.17.23.**
- Левкотея, миф. **I.21.23.**
- Леда, миф. **I.21.23.**

- Лелий, философ **V.16.13; 17.2; 18.4–5; 22.6; VI.6.26.**
- Лемнос, остров **I.15.9.**
- Лета, миф. река **III.18.16; VII.22.7.**
- Либер, миф. **I.8.4; 10.8; 15.5, 9, 13, 23, 26; 18.1, 18; 21.28; 22.15; II.13.4; IV.3.12; 4.8; V.10.16; VI.20.35; VII.22.5.**
- Либеры, миф. **I.10.9.**
- Ливий Тит, римский историк **I.20.2.**
- Линд, город **I.21.31.**
- Лихорадка, римское божество **I.20.17.**
- Лукан, римский писатель **I.21.20.**
- Лукиан, греческий писатель **I.9.7.**
- Лукреций Кар, римский философ **I.16.3; 21.48; II.11.1; 12.4; III.14.1, 3; 16.14; 17.10, 14, 29; IV.28.13; VI.10.7; VII.3.13; 12.1, 5, 9, 20; 27.6.**
- Луна, римская богиня **I.21.30; II.5.10.**
- Луцилий Бальб, стоик, участник диалога Цицерона **II.5.8; 6.8; 8.55.**
- Луцилий, римский поэт **I.9.8; 22.13; IV.3.12; V.9.20; 14.3; VI.5.2; 6.10, 12; 18.6.**
- Львица, блудница **I.20.3.**
- Любовь, римское божество **I.20.14.**
- Мавры **I.15.6, 8.**
- Македоняне **I.15.8.**
- Малахия, библ. пророк **IV.11.8.**
- Марика, миф. **I.21.23.**
- Мармесс, деревушка **I.6.12.**
- Марон, см.: Вергилий.
- Марс, миф. **I.10.4; 15.26; 17.9; IV.3.12; V.3.6; 10.16.**
- Мать Матуга, миф. **I.21.23; 22.20.**
- Меликерт, миф. **I.21.23.**
- Мелисса, миф. **I.22.19.**
- Мелиссея, миф. царь критян **I.22.19, 27–28.**
- Мелхиседек, библ. **IV.14.4.**
- Менекей, миф. **III.12.22.**
- Меркурий, миф. **I.6.2, 3; 8.4; 10.7; 11.61; 15.13, 26; 17.9; IV.27.18; V.10.16; VII.22.5.**
- Меркурий Трисмегист, см.: Трисмегист
- Мессена, мессенцы **I.11.33; 20.29–30.**
- Мессения, область **I.10.2.**
- Мидяне **VII.15.18.**
- Милет, город **II.7.19.**
- Минерва, миф. **I.11.39; 15.9; 17.12–14; 18.1, 23; II.7.22; 16.11.**
- Минос, царь Крита **I.22.3; VII.22.5.**
- Минуций Феликс, христианский апологет **I.11.55; V.1.22.**
- Михей, библ. пророк **IV.17.3.**
- Моисей, библ. **IV.5.6; 10.6, 12–13; 13.10; 14.12; 17.1, 4–5, 9, 12–13; 18.29; 20.2, 10; 26.40.**
- Молион, миф. **I.22.23.**

- Мульвийский мост в Риме **I.21.6.**
 Мусей, поэт **I.21.39.**
 Мута, миф. **I.20.35.**
 Мутун, римское божество **I.20.36.**
 Муций Сцевола, римский герой
V.13.13.
- Наксос, остров **I.11.64; 15.9.**
 Нафан, пророк **IV.13.22.**
 Небо, миф. **I.11.62, 63, 65; 12.8–9;**
13.14; 18.18; IV.4.8.
 Невий, поэт **I.6.9.**
 Немезида, миф. **I.21.23.**
 Нептун, миф. **I.10.3; 11.30, 32; 14.5;**
15.26; II.6.2; IV.3.12; 27.18;
V.14.3; VI.20.35.
 Нерон, римский император
IV.21.5.
 Никанор, полководец Александра
 Македонского **I.6.8.**
 Нил, река **III.8.29.**
 Ной, библ. **II.13.4.**
 Нума Помпилий, римский царь
I.22.5, 9, 13; II.6.15.
- Овидий Назон, римский поэт
I.5.13; 12.6; 13.6; 16.12; 21.8, 40;
II.5.24; 8.64; 9.20.
 Октаций М. **I.6.14.**
 Олимп, гора **I.11.35; III.17.14.**
 Омфала, миф. **I.9.7.**
 Опа, миф. **I.11.27; 13.2, 3;**
14.2, 5, 7.
 Орион, миф. **IV.15.21.**
 Орк, миф. **I.14.5; V.14.3.**
- Орфей, поэт **I.5.4, 6, 14; 7.7; 13.11;**
22.15–16; IV.8.4.
 Ослы, созвездие **I.21.28.**
 Осирис, миф. **I.21.20–22.**
 Осия, библ. пророк **IV.17.12; 19.9;**
29.11.
- Павел Эмилий, консул 168 г.
 до н. э. **II.7.10.**
 Павел Эмилий, консул 216 г.
 до н. э. **II.16.17.**
 Павел, апостол **IV.21.2; V.2.17.**
 Палемон, миф. **I.21.23.**
 Пан, миф. **I.11.63; 15.13.**
 Панетий, философ-стоик **VI.5.4.**
 Папий, консул **I.16.10.**
 Парки, миф. **I.11.14; II.10.20.**
 Парфения, остров Самос **I.17.8.**
 Пафийцы **I.15.9.**
 Персей, македонский царь
II.7.10.
 Персий, римский сатирик **II.2.18;**
4.10; III.16.15; VI.2.11.
 Персия, персы **I.6.8; I.21.30;**
IV.2.4; 10.17; VII.15.13.
 Песценний Фест, римский
 историк **I.21.13.**
 Петилий Кв., римский претор
 в 181 г. до н. э. **I.22.6.**
 Петилий Л., писец **I.22.5.**
 Петр, апостол **IV.21.2; V.2.17.**
 Пизон, историк **I.6.9.**
 Пизон Луций Кальпурний, тесть
 Цезаря **I.15.30.**
 Пик, миф. **I.22.9.**

- Пирр, царь Эпира **II.7.18.**
- Пифагор, греческий философ
I.5.17; III.2.6; 14.5; 18.16; 19.19;
IV.2.4; VII.8.7; 12.30; 13.4; 23.2.
- Плавт, римский драматург
V.12.11; VI.11.8.
- Платон, греческий философ
I.5.23; 8.1; 15.16, 23; II.4.26;
8.49; 10.4, 25; 14.9; III.14.13;
17.29; 18.8–10; 19.17–18; 20, 25;
21.1–2, 4–5, 7, 12; 22.2, 6, 9;
25.1, 7, 16; IV.2.4; 4.6; V.3.1;
14.5, 13; 17.4; VI.17.4; 25.1–2;
VII.1.6, 9; 2.10; 3.12, 16–17;
7.8, 12; 8.2, 4, 7; 9.1; 12.2; 13.4;
14.4; 22.19.
- Плутон, миф. **I.11.30–31; 14.5.**
- Поликлет, скульптор **II.4.13.**
- Полит, вопрошавший Аполлона
VII.13.5.
- Поллукс, миф. **I.10.5; 15.5, 23, 26;**
II.7.9.
- Помпей Гней Магн **I.21.21;**
VI.6.17.
- Понтий Пилат, прокуратор Иудеи
IV.18.4–6.
- Поргунн, миф. **I.21.23.**
- Потиции, римский род **II.7.15.**
- Похоть, римское божество
I.20.14.
- Приам, миф. **I.10.6; 22.17; 23.3.**
- Приап, миф. **I.21.25–26, 28–29;**
II.4.1–2, 4.
- Прозерпина, миф. **I.21.24; II.7.18;**
16.11.
- Прокул Юлий, римский сенатор
I.15.32.
- Прометей, миф. **II.10.5, 7, 10–12.**
- Проперций, римский поэт **II.6.14.**
- Протагор, греческий философ
I.2.2.
- Пунийцы **I.15.8.**
- Радамант, миф. **III.20.17;**
VII.22.5.
- Рак, созвездие **I.21.28.**
- Регул, см.: Атилий Регул
- Рея, миф. см. также: Опа **I.11.6;**
13.2.
- Ржа, римское божество **I.20.17.**
- Рим, римляне **I.6.11, 14; 11.49;**
15.6, 8, 29; 20.1, 3, 5, 17, 27, 29, 33;
21.26; 22.1, 9; II.7.10–11, 13, 16;
16.11, 17; III.12.22; 16.15; 17.12;
20.3; IV.5.8; 7.6; 21.2; V.13.13;
14.3, 10, 19; VI.8.9; 9.4;
VII.15.11, 13–16, 18; 25.6–7.
- Родос, остров **I.21.31.**
- Ромул, основатель Рима **I.15.30–**
33; 20.1; 21.23; II.6.13; VII.15.14.
- Сабиняне **I.15.8; 22.1, 4.**
- Сабия (Аравия) **IV.13.7.**
- Саллюстий, римский историк
I.21.41; II.12.12; VI.18.26.
- Самос, самосцы **I.6.9; 15.9; 17.8.**
- Санк, миф. **I.15.8.**
- Сатурн, миф. **I.5.7; 11.6, 16, 17, 27,**
39, 46, 48, 53, 55–57, 61–62; 12.1,
5, 8–10; 13.2–4, 8–15; 14.2–5, 7,

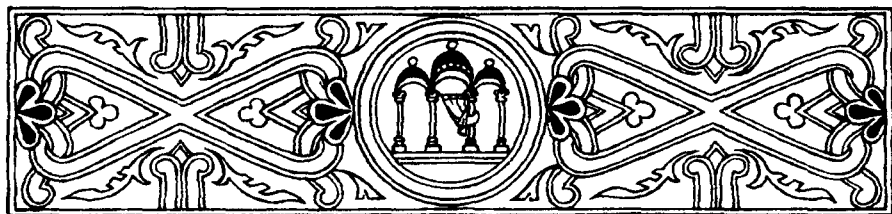
- 9, 11; **15.2**; **16.10**; **18.18**; **20.37**;
21.6, 9, 13; **22.9**, 28; **23.2**, 5; **II.10.8**;
13.4; **IV.3.12**; 4, 8, 10; **27.18**;
V.5.2–3, 9; **VI.20.35**; **VII.24.9**.
- Седекея, иудейский царь **IV.5.7**.
- Секст Клодий, римский писатель
I.22.11.
- Семпроний Тудитан **III.23.7**.
- Сенека Анней Младший, римский
 философ **I.5.26**; 7, 5, 13; **16.10**;
II.2.14; 4, 14; **8.23**; **III.12.11**;
15.1, 11, 13; **16.15**; **23.14**;
25.16–17; **V.9.19**; **13.20**;
VI.17.28; **24.12**, 16; **25.3**.
- Сенека Анней Старший, римский
 писатель **VII.15.14**.
- Серапис, Серап, миф. **I.21.22**.
- Сивиллы, прорицательницы
I.6.7–14, 16–17; 7, 13; 8, 3; **11.47**;
14.8; **15.15**; **II.4.29**; 7, 12; **8.48**;
10.4; **11.18**; **12.19–20**; **16.1**;
IV.6.3, 5, 9; **13.21**; **15.9**, 18, 24,
 26–27, 29; **16.17**; **17.4**; **18.13**, 15,
 17, 19–20; **19.5**, 10; **20.11**;
V.13.21; **VII.7.8**; **13.6**; **15.18**;
16.11, 13; **18.5**; **19.2**, 9; **20.1**; **23.4**;
24.1–2, 6, 12; **25.7**.
- Силен, миф. **I.21.25**; **III.19.14**.
- Синний Капитон, римский
 грамматик **VI.20.35**.
- Сион, гора **IV.17.3–4**.
- Сирия **IV.10.14**; **18.4**; **VII.17.2**; **26.2**.
- Сирты, заливы **V.17.18**.
- Сицилия, сицилийцы **I.21.13**;
21.24; **22.25**; **II.4.27**, 31, 33.
- Скифы **III.25.18**.
- Скрибоний Курион Г., римский
 консул **I.6.14**.
- Смятение, римское божество
I.20.11.
- Сократ, греческий философ **II.3.5**;
8.49; **14.9**; **III.3.7**; 4, 2; **6.7**; **13.6**;
17.29; **19.17**, 23–25; **20.1–2**, 9–
 10, 12, 16–17; **21.1–2**; **28.17**;
30.6; **V.14.14**; **VI.17.4**; **VII.2.10**.
- Солнце, римское божество **I.12.6**;
II.5.10.
- Соломон, библ. **IV.6.6**; 8, 13, 15;
12.3; **13.24–26**; **16.7**, 10; **18.32**.
- Солон, афинский законодатель
I.6.12.
- Сотион, учитель Сенеки **VI.24.14**.
- Спарта, спартанцы **I.20.29**, 32.
- Стела Неба, гора **I.11.63**.
- Стеркулий, римское божество
I.20.36.
- Стикс, миф. река **I.11.12**; **19.3**.
- Страх, римское божество **I.20.11**.
- Сульмон, город в Италии **V.10.5**.
- Сульпиций Гальба, римский
 политик **V.14.3**.
- Тавры **I.21.2**.
- Талл, греческий мифограф **I.13.8**;
23.2.
- Тарквиний Гордый, римский царь
IV.5.7; **14.11**; **VII.15.14**.
- Тарквиний Приск, римский царь
I.6.10; **20.38**; **II.7.8**.
- Тарквидий, этрусский писатель **I.10.2**.

- Тартар, миф. **VI.4.1; VII.20.3; 23.4.**
 Таций Тит, царь сабинян **I.20.11.**
 Тевкр, миф. **I.21.1.**
 Тевтат, галльский бог **I.21.3.**
 Темиста, женщина-философ
III.25.15.
 Теренций, римский драматург
VII.27.3.
 Теренций Варрон, консул 216 г.
 до н. э. **II.16.16–17; III.18.13.**
 Термин, римский бог **I.20.37–40.**
 Тертуллиан, христианский
 апологет **V.1.23; 4.3.**
 Тиберий, римский император
IV.10.18; 14.11.
 Тиберий Аттиний, плебей **II.7.20–**
21; 16.11.
 Тиберин, царь Альбы **I.11.59.**
 Тибр, река **I.11.59; 21.6; II.7.12.**
 Тибур, город в Италии **I.6.12.**
 Тиндарей, миф. **I.10.11; 15.20.**
 Тиндарида, миф. **I.5.4.**
 Титан, титаны, миф. **I.11.64;**
14.2–3, 7, 9–10; 21.39;
II.10.8; V.6.7.
 Титий, миф. **VII.21.5.**
 Тот, миф. **I.6.3.**
 Трисмегист **I.6.3; 7.2; II.61;**
II.8.48, 68; 10.14; 12.4; 14.6; 15.6,
8; IV.6.3–4, 9; 7.3; 8.5; 9.3; 27.20;
V.14.11; VI.25.10; VII.4.3; 9.11;
13.3–4; 18.3.
 Троя, троянцы **I.3.17; 6.9; 9.10;**
22.17; 23.4; IV.8.13; VII.15.18.
 Тудитан, см.: Семпроний Тудитан
 Тулл Гостилий, римский царь
I.20.11.
 Туруллий, претор **II.7.17.**
 Улисс, миф. **I.23.3.**
 Ум, римское божество **I.20.13.**
 Уран, миф. **I.11.61; 13.14–15; 15.2;**
22.28; II.13.4.
 Уфент, река **V.10.5.**
 Фабриций Лусцин, римский
 консул **VI.6.26.**
 Фалес Милетский, греческий
 философ **I.5.16; II.9.18; III.14.5;**
16.13.
 Фавн, миф. **I.15.8; 22.9, 11–13,**
16–17.
 Фаларис, сицилийский тиран
II.4.27; III.19.8; 26.6; 27.5.
 Фатуя Фавна, миф. **I.22.9.**
 Фаула, блудница **I.20.5.**
 Фаустул, муж Ларенции **I.20.2.**
 Фазтон, миф. **II.10.23.**
 Федон, философ, выкупленный из
 рабства **III.25.15.**
 Фенестелла, римский историк
I.6.14.
 Фенеты, жители г. Фенея **I.6.3.**
 Фемида, миф. **I.11.10.**
 Феофил Антиохийский, св.,
 христианский апологет **I.23.2.**
 Феофраст, греческий философ
VI.12.5.
 Дерекид, греческий философ
VII.7.12; 8.7.

- Фетида, миф. **I.11.9.**
- Фивы, фиванцы **I.22.15; III.12.22.**
- Фидий, скульптор **II.4.13.**
- Филоктет, миф. **I.9.11.**
- Флора, миф. **I.20.6, 8.**
- Форнакс, римская богиня
I.20.35.
- Фортуна, римская богиня **II.7.11,**
16; 16.11; III.28.6–9; 29.1–4;
7–13, 17–18; V.10.12–13.
- Фригия, область **I.6.12; V.11.10.**
- Фульвий, цензор **II.7.16.**
- Фурий, участник диалога
у Цицерона **V.12.5; 14.5; 16.13;**
17.2, 14; 18.9.
- Фурий Бибакул, претор **I.21.47–48.**
- Халдеи **VII.14.4.**
- Хам, библ. **II.13.5.**
- Ханаан, см.: Аравия
- Хананеи **II.13.6.**
- Хирон, миф. **I.10.2.**
- Хлора, миф. **I.20.8.**
- Хороб, гора **IV.17.4.**
- Хрисипп, греческий философ
I.5.20; 6.9; III.18.5; VII.23.3.
- Церера, миф. **I.14.2; 17.6; 18.1, 18;**
21.24; II.4.28–30; 7.19; 16.11;
III.20.4.
- Цирцея, миф. **I.21.23.**
- Цицерон Марк Туллий, римский
оратор и философ **I.2.3; 5.24;**
6.2; 7.4; 10.2, 14; 11.40, 48; 12.3,
10; 15.5, 16, 18, 21, 24; 17.1, 4;
18.13–14; 20.14, 16; II.3.2; 4, 24;
4.27, 31, 33–34, 36; 5.8; 6.8; 8.10,
13, 24, 45, 53, 65; 9.12; 10.15;
11.15, 17; III.1.1; 8.32; 10.7; 13.10,
13–14, 16; 14.9; 15.1, 9–10; 16.2,
5, 9; 17.13; 18.12, 18; 19.2, 5, 14;
25.12; 28.9, 20; 29.3–4, 18;
IV.4.6; 15.27; 18.10; 28.3; V.5.5,
9; 6.12; 8.10; 11.2; 12.5, 7; 14.5,
15; 16.13; 18.4; 20.3; VI.2.15;
5.4–5, 6.21, 24; 8.6, 11; 11.2, 9,
12; 12.5, 10, 13, 15, 19; 17.27;
18.15, 20–21, 24, 26, 34; 20.4;
24.2, 18, 20, 29; 25.9; VII.2.10;
4.11, 15; 8.9; 9.10; 10.9–10; 11.5;
14.4; 23.3.
- Честь, римское божество
I.20.12.
- Эак, миф. **VII.22.5.**
- Эврисфей, миф. **I.9.7.**
- Эвфорб, миф. **III.18.15;**
VII.23.2.
- Эвфранор, скульптор **II.4.13.**
- Эгейское море, **I.11.59.**
- Эгерия, миф. **I.17.15; 22.1.**
- Эдип, миф. **VI.20.23.**
- Элий Секст, римский консул
в 198 г. до н. э. **VI.8.8.**
- Эллада **I.15.15.**
- Эмпедокл, греческий философ
II.12.4; III.18.5.
- Эней, миф. **I.15.12; 17.9; 22.25;**
V.10.3, 5, 7–8.

- Энний, римский писатель **I.11.34**,
45, 63; **13.14**; **14.2**; **15.31**; **18.11**;
V.1.5.
- Эпидавр, город **I.10.2**; **II.7.13**; **16.11**.
- Эпикур, греческий философ **I.2.2**;
II.8.49; **10.25**; **III.7.7**; **12.15**;
17.2-3, 7-8, 16, 23-24, 28, 30,
34, 41; **25.7**, 13; **27.6**; **V.3.1**;
10.12; **VII.1.10**; **3.13**, 23; **5.4**, 7;
7.13; **8.8**; **13.7**.
- Эратосфен, греческий ученый
I.6.9.
- Эрикс, миф. **I.17.9**.
- Эритры, город **I.6.11**, 14.
- Эрихтоний, миф. **I.17.11**, 13.
- Эскулап, миф. **I.10.1**; **15.5**, 23, 26;
17.15; **18.1**, 21; **19.4**; **II.4.18**; **7.13**,
17; **III.20.16-17**; **IV.27.12**;
VII.18.4.
- Эта, гора **I.9.11**.
- Этна, гора **I.21.24**; **III.18.5**.
- Эфес, город **V.3.14**.
- Эфиопия **IV.13.7**.
- Юба**, царь мавров **I.15.8**.
- Ювенал, римский поэт **III.29.17**.
- Юл, сын Энея **V.10.8**.
- Юлий Цезарь Гай **I.6.7**; **15.29-30**;
III.18.11-12; **VI.18.34**.
- Юлий Цезарь Луций **I.15.30**.
- Юлий Цезарь Германик, римский
полководец и писатель **I.11.64**;
21.38; **V.5.4**.
- Юний Брут, римский политик,
республиканец **II.7.22**; **VII.15.16**.
- Юнона, миф. **I.11.20**, 39, 40; **14.4**;
15.9; **16.7-8**; **II.7.11**, 16; **16.11**,
16-18.
- Юпитер, миф. **I.5.7**; **7.2**, 8; **8.4**;
10.8, 10, 14; **11.2**, 5-13, 15-16,
18, 27-31, 33-35, 37-40, 44-46,
48, 62, 63-65; **12.5**, 10; **13.1-3**,
11; **14.4**, 7, 9-12; **15.12**, 13, 26-
27; **16.5**, 10; **17.8-9**, 12-13;
20.33, 37-39; **21.1**, 3, 10, 38-39,
41-42; **22.3**, 19-21, 23, 26-28;
23.3; **II.1.7**; **4.17**; **5.2**; **7.20**; **10.13**;
16.5, 16; **III.17.13**; **IV.3.12**; **4.8**,
10; **9.2-3**; **27.12**, 14-15, 18;
V.3.25; **5.9-10**, 12; **6.11**, 13;
10.16; **VII.18.2**; **22.5**.
- Югурнийское озеро **II.7.9**.
- Яникул**, холм в Риме **I.22.5**.
- Янус, миф. **I.13.7**; **IV.3.12**.

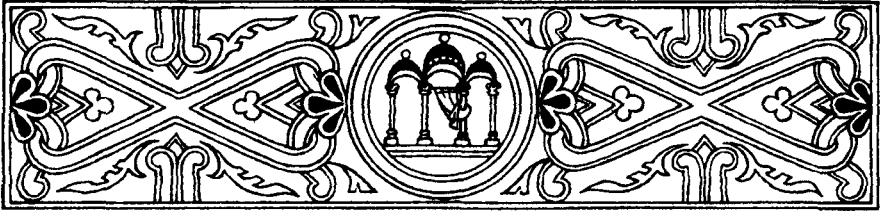

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Arn.* Adv. nat.
Cic. Acad.
Cic. Arath.
Cic. Consol.
Cic. Ep. ad M. filium.
Clem. Strom.
Enn. Ann.
Enn. Epigr.
Germ. Arath.
Hieron. De vir. ill.
Iren. Epid.
Just. 1 Ap.
Just. 2 Ap.
Lact. De mort.
Lact. Div. inst.
Minut. Octav.
Sall. Hist.
Tat. Or.
Tertull. Apol.
Tertull. Ad nat.
Tertull. De carn. resur.
Theoph. Ad Aut.
Val. Max.
- Arnobius.* Adversum nationes.
Cicero. Academica.
Cicero. Arathae.
Cicero. Consolatio.
Cicero. Epistola ad Marcum filium.
Clemens Alexandrinus. Stromatae.
Ennius. Annales.
Ennius. Epigramma.
Germanicus. Arathae.
Hieronymus. De viris illustribus.
Irenaeus. Epideisis
Justinus Martyr. Apologia prima.
Justinus Martyr. Apologia secunda.
Lactantius. De mortibus persecutorum.
Lactantius. Divinae institutiones.
Minutius Felix. Octavius.
Sallustius. Historiae.
Tatianus. Oratio ad Graecos.
Tertullianus. Apologeticus.
Tertullianus. Ad nationes.
Tertullianus. De carnis resurrectione.
Theophilus. Ad Autolicum.
Valerius Maximus. Factorum dictorumque memorabilium libri novem.

<i>Ам.</i>	Книга пророка Амоса.
<i>Вар.</i>	Книга пророка Варуха.
<i>Втор.</i>	Пятая книга Моисеева. Второзаконие.
<i>Дан.</i>	Книга пророка Даниила.
<i>Еф.</i>	Послание к Ефесянам.
<i>Зах.</i>	Книга пророка Захарии.
<i>Иез.</i>	Книга пророка Иезекииля.
<i>Иер.</i>	Книга пророка Иеремии.
<i>Иис. Нав.</i>	Книга Иисуса Навина.
<i>Ин.</i>	Евангелие от Иоанна.
<i>Ис.</i>	Книга пророка Исаии.
<i>Лев.</i>	Третья книга Моисеева. Левит.
<i>Лк.</i>	Евангелие от Луки.
<i>Мал.</i>	Книга пророка Малахии.
<i>Мф.</i>	Евангелие от Матфея.
<i>Мих.</i>	Книга пророка Михея.
<i>Неем.</i>	Книга Неемии.
<i>Ос.</i>	Книга пророка Осии.
<i>Откр.</i>	Откровение Иоанна Богослова.
<i>Прем.</i>	Книга Премудрости Соломона.
<i>Притч.</i>	Книга Притчей Соломоновых.
<i>Пс.</i>	Псалтирь.
<i>Сир.</i>	Книга Премудрости Иисуса, сына Сирахова.
<i>Числ.</i>	Четвертая книга Моисеева. Числа.
<i>1 Кор.</i>	Первое послание к Коринфянам.
<i>1 Цар.</i>	Первая книга Царств.
<i>2 Цар.</i>	Вторая книга Царств.
<i>3 Цар.</i>	Третья книга Царств.

Содержание

Тюленев В. М. Лактанций и его
«Божественные установления» 5

БОЖЕСТВЕННЫЕ УСТАНОВЛЕНИЯ

Книга I. О ЛОЖНОЙ РЕЛИГИИ 33

Книга II. О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЗАБЛУЖДЕНИЯ 108

Книга III. О ЛОЖНОЙ МУДРОСТИ 167

Книга IV. ОБ ИСТИННОЙ МУДРОСТИ 237

Книга V. О СПРАВЕДЛИВОСТИ 302

Книга VI. ОБ ИСТИННОМ СЛУЖЕНИИ БОГУ 360

Книга VII. О БЛАЖЕННОЙ ЖИЗНИ 431

**Указатель имен собственных, встречающихся
в «Божественных установлениях» 490**

Список сокращений 504

Научное издание
ЛАКТАНЦИЙ
Божественные установления
Книги I–VII

Директор издательства: *О. Л. Абышко*

Редактор: *Л. А. Абышко*

Корректор: *Н. М. Баталова*

Оригинал-макет: *Ю. В. Никитина*

Издательство Олега Абышко,
198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, 37–1–71

По вопросам реализации книги обращаться:
в Санкт-Петербурге

Центр Православной книги «КИФА»

Издательство и склад: тел./факс (812) 717–3486

ООО «Университетская книга»

Тел. (812) 323–5495; e-mail: ukniga@sp.ru

Торговый Дом «Гуманитарная Академия»

Сестрорецкая ул., д. 8. Тел./факс: (812) 430–7074.

E-mail: gumak@mail.ru. Сайт: www.humak.ru

в Москве

Подворье Свято-Троицкой Сергиевой Лавры

Тел. (495) 681–2009. E-mail: info@blagoslovenie.su.

Сайт: <http://blagoslovenie.su>

ИТДГК «Гнозис»

Тел. (495) 247–1757; e-mail: gnozis@pochta.ru

Торговый Дом «Гуманитарная Академия»

Волоколамское шоссе, д. 3. Тел./факс: (495) 937–6744

Для заказа книг «Издательства Олега Абышко» (СПб.)

по почте пишите по адресу:

198332, Санкт-Петербург, пр. Маршала Жукова, д. 37, корп. 1, кв. 71.

Свои предложения и замечания можно отправить по e-mail:

nikita2712@mail.ru

Подписано в печать 10.11.2006. Формат 60×88¹/₁₆.

32 печ. л. Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ № 3691

Отпечатано с готовых диапозитивов в ГУП «Типография «Наука».

199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia